

ЛЮЙШИ ЧУНЬЦЮ

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ
том 132

ЛЮЙШИ ЧУНЬЦЮ

ВЕСНЫ И ОСЕНИ
ГОСПОДИНА ЛЮЯ

ЛАО - ЦЗЫ
ДАО ДЭ ЦЗИН

ТРАКТАТ О ПУТИ
И ДОБЛЕСТИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

УДК 1(510)
ББК 87.3(5Кит)
Л93

РЕДАКЦИЯ ПО ИЗДАНИЮ БИБЛИОТЕКИ
«ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

Перевод с китайского Г. А. Ткаченко
Предисловие, примечания и словарь Г. А. Ткаченко

Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя)
Л93 Пер. Г. А. Ткаченко. Сост. И.В.Ушакова. — М.: Мысль,
2010. — 525, [1] с, 1 л. портр. — (Филос. наследие).
ISBN 978-5-244-01124-1

В настоящем томе представлен первый перевод на русский язык одного из классических памятников древнекитайской философской мысли, имеющего энциклопедический характер. Вступительная статья принадлежит автору перевода Г. А. Ткаченко, им же составлены примечания и словарь основных терминов. Издание содержит также Приложение — в него вошли перевод Г. А. Ткаченко трактата Лао-цзы «Дао дэ цзин» и его статьи, посвященные даосизму.

УДК 1(510)
ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-244-01124-1

© Г. А. Ткаченко. Перевод, предисловие,
примечания, словарь, 2001
© И. В. Ушаков. Составление. 2001
© К. Шохин, А. В. Смирнов. Послесловие.
2001
© Издательство «Мысль», оформление,
2001

«ВЕСНЫ И ОСЕНИ ЛЮЙ БУВЭЯ» КАК ПАМЯТНИК ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ

I. «ЛЮЙШИ ЧУНЬЦЮ» И ЕГО АВТОРЫ

«Люйши чуньцю», или «Весны и осени господина Люя», памятник, составленный при дворе циньского сановника Люй Бувэя (?—235 до н. э.), представляет собой крупное явление китайской литературы, «трактат, воплотивший все лучшие достижения тогдашней философской и политической мысли»¹.

По объему и богатству охватываемого материала «Люйши чуньцю» относится к разряду произведений синкретического характера, содержащих сумму сведений из области истории, политики, философии, военного дела, земледелия, прикладных искусств и др. Достаточно сказать, что текст «Люйши чуньцю» в его современном виде насчитывает сто тысяч четыре знака².

Разнообразие тем, затрагиваемых в рассматриваемом произведении, тот факт, что в составлении свода принимали участие представители различных школ древнекитайской мысли³, а также очевидное множество источников, из которых авторы «Люйши чуньцю» черпали полной мерой, предопределили традиционное отношение китайских ученых к памятнику как произведению жанра цзацзя, т. е. философской эклектики⁴.

Интерес к этому произведению на протяжении веков не ослабевал, и оно не однажды оказывалось в центре острых научных и политических дискуссий. Сам Люй Бувэй был яркой личностью и крупной фигурой китайской истории.

Основным источником сведений о «Люйши чуньцю», а также о жизни и деятельности его редактора-составителя Люй Бувэя служат «Исторические записки» Сыма Цяня, в частности глава «Жизнеописание Люй Бувэя»⁵. Согласно Сыма Цяню,

¹ Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 173.

² Хэ Линской. Люйши чуньцю дэ чжэнчжи лилунь (Политическая теория «Люйши чуньцю»). Тайбэй, 1970 (на кит. яз.). С. 15.

³ Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. М., 1973. С. 285.

⁴ Бань Гу. Хань шу (История династии Хань). Т. 3. Пекин, 1983. С. 1741.

⁵ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Т. 8. Пекин, 1992 (на кит. яз.). С. 2505—2514; Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Перевод с китайского Р. В. Вяткина. Комментарий Р. В. Вяткина и А. Р. Вяткина. Т. 7. М., 1996. С. 295—300.

Люй Бувэй происходил из уезда Пуян провинции Хэнань, находившегося в III в. до н. э. на территории царства Вэй. Впоследствии он стал крупным торговцем в городе Янди, входящем, по современному административному делению, в состав уезда Юй провинции Хэнань, а в эпоху Чжаньго (403—221) бывшем столичным городом царства Хань.

Разъезжая по торговым делам, Люй Бувэй сумел накопить значительный капитал, по словам Сыма Цяня, «тысячу золотом». Однако мечтал он не о богатстве, а о власти. Взгляд его обратился в сторону царства Цинь, которое, отнюдь не будучи развитым в культурном отношении, тем не менее, в силу ряда причин, представлялось наиболее перспективным поприщем для человека, задумавшего «объединить все земли Поднебесной»⁶.

Политическая ситуация в Цинь в тот момент складывалась следующим образом. В 267 г. царь Чжао, наследник которого умер в заложниках в царстве Вэй⁷, оказался перед проблемой выбора нового престолонаследника, решение которой потребовало около двух лет. В 265 г. престолонаследником был, наконец, назначен старший сын Чжао, правитель области Аньго. Средний сын аньгоского правителя от второй жены — И Жэнь — был в это время заложником от Цинь в царстве Чжао. Его мать утратила благосклонность правителя Аньго, а жизнь в Чжао осложнялась для него тем, что Цинь неоднократно предпринимало походы против этого царства.

Люй Бувэй, прибывший в столицу Чжао, город Ханьдань, по делам торговли, обратил внимание на бедственное положение внука царя Чжао и принял решение, рискуя всем своим состоянием, оказать ему поддержку с целью возвести его в конечном счете на циньский трон. Он предложил И Жэню отправиться от его имени в Цинь с тем, чтобы оказать влияние на всевластную фаворитку царя Чжао, некую Хуа Ян, и добиться через нее от Чжао назначения И Жэня наследником престола в обход многочисленных братьев как самого аньгоского правителя, так и И Жэня.

Заручившись согласием И Жэня, Люй Бувэй отдал ему половину своего состояния, с тем чтобы он мог привлечь на свою сторону видных странствующих политиков, а вторую половину употребил на закупку диковинных вещей для госпожи Хуа Ян. Прибыв в Цинь, Люй Бувэй начал действовать через сестру госпожи Хуа Ян, и в конце концов ему удалось убедить фаворитку правителя, не имевшую детей, что И Жэнь смотрит на нее как на родную мать и после смерти престарелого Чжао не оставит ее своими заботами. Эпопея увенчалась назначением

⁶ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Перевод с китайского и комментарий Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. Т. 2. М., 1975. С. 53.

⁷ Там же, с. 48.

аньгоским правителем своим наследником И Жэня с вручением госпоже Хуа Ян соответствующей яшмовой таблички.

По возвращении Люй Бувэй в Чжао произошло следующее событие. На одном из пиров И Жэню приглянулась наложница Люй Бувэй. Рассудив, что ссориться с наследником аньгоского правителя ему не с руки, Люй Бувэй уступил, и вскоре танцовщица родила сына, которому дали имя Чжэн. Сроки рождения Чжэня, которому суждено было войти в историю под именем Цинь Шихуана, служили предметом различных спекуляций, смысл которых сводился к тому, что настоящим отцом будущего императора был Люй Бувэй, однако большинством современных историков эта версия рассматривается как позднейшая, созданная с целью представить Цинь Шихуана не только деспотом, но и отцеубийцей⁸.

В 257 г. циньский полководец Ван И осадил Ханьдань. В связи с этим местные власти вознамерились казнить заложника И Жэня. Однако ему и Люй Бувэй удалось подкупить стражника и бежать в лагерь циньских войск. После этого чжаоские власти попытались схватить жену и сына И Жэня, но тем удалось укрыться в доме некоего именитого горожанина. Так И Жэню после нескольких лет заложничества удалось вернуться в Цинь. В столице Цинь, городе Сянъяне, он явился к госпоже Хуа Ян. На нем было чуское платье, поэтому госпожа Хуа Ян нарекла поправившегося ей молодого человека Цзы Чу — «человек из Чу»⁹.

В 251 г. умер Чжао, престол перешел к аньгоскому правителю. Однако тот, пропав на троне всего три дня, скоропостижно скончался. На престол взошел Цзы Чу. К этому времени чжаосцы уже вернули ему жену и сына. Люй Бувэй получил титул чэнсяня, или первого советника, был пожалован землями и стал вэньсяньским хоу, получив во владение сто тысяч дворов¹⁰.

В 249 г. Люй Бувэй возглавил поход циньских войск против восставшего правителя Восточного Чжоу. Мятежник был казнен, государство прекратило существование. Двумя годами позже скончался Цзы Чу, правивший под титулом Чжуан-сян-вана¹¹. На престол вступил его сын, тринадцатилетний Чжэн. Люй Бувэй получил титул сянгю, или первого советника государства. Реальная власть в Цинь, таким образом, сконцентрировалась в его руках, он получил возможность проводить в жизнь свои замыслы¹².

Около 240 г. советниками Люй Бувэй был завершен труд по составлению свода, в котором, по словам Сыма Цяня, были по

⁸ Переломов Л. С. Указ. соч., с. 173; Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 7, с. 297.

⁹ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 8, с. 2506.

¹⁰ Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 2, с. 53; Т. 7, с. 298.

¹¹ Сыма Цянь. Указ. соч. Т. 2, с. 52.

¹² Там же, т. 7, с. 298.

порядку изложены дела, касающиеся неба, земли, всего сущего, древности и современности, и который тогда же получил название «Люйши чуньцю». По свидетельству Сыма Цяня, сам Люй Бувэй считал этот свод знаний исчерпывающим и велел вывесить в Сянъяне уведомление, в котором обещалась награда в тысячу золотом всякому, кто сумеет прибавить или убавить в этом сочинении хотя бы одно слово¹³.

Примерно в это же время возобновились близкие отношения между Люй Бувэем и матерью Чжэна, оставшейся после смерти мужа молодой вдовой. По мере того, как подрастал Чжэн, Люй Бувэй все острее ощущал двусмысленность своего положения и постепенно отдалялся от вдовствующей государыни. Взамен себя он подыскал человека по имени Лао Ай, который был якобы оскотлен, а затем под видом евнуха приставлен к государыне¹⁴. Впоследствии Лао Ай получил звание чансиньского хоу, был наделен землями, жил в роскоши и вершил государственные дела. Люй Бувэй же все больше оказывался в тени.

В 238 г. Чжэн стал официальным властителем Цинь. Немедленно последовал донос на Лао Ая. Тот предпринял было попытку мятежа, но был разбит и пленен. Три ветви его рода были истреблены, свыше четырех тысяч семейств лишены рангов знатности и сосланы в Шу. По-видимому, уже тогда вскрылись связи Люй Бувэя с казненным мятежником, однако лишь в следующем году он был отстранен от должности и получил повеление переселиться в Саньчуань, под Лояном¹⁵.

Люй Бувэй был известным в стране человеком, и посланники других государей, навещаясь в Цинь, считали своим долгом прежде всего посетить опального мужа, который по-прежнему сохранял при себе свою свиту и слыл покровителем ученых. Это не могло не вызывать неудовольствия властителя Цинь, и весной 235 г. последовало повеление Люй Бувэю переселиться со всеми близкими в Шу. Опасаясь дальнейших преследований со стороны властей, Люй Бувэй покончил с собой, выпив отравленное вино¹⁶.

Такова, в общих чертах, история Люй Бувэя, рассказанная Сыма Цянем. Следует отметить, что и труд, связанный с именем Люй Бувэя, «Люйши чуньцю» впоследствии часто рассматривался именно под углом зрения драматических событий, участником которых был его если не автор, то вдохновитель. Причем в известной степени авантюрный в описании Сыма Цяня жизненный путь Люй Бувэя рождал определенные предубеждения и против труда, носящего его имя.

¹³ Сыма Цянь. Избранное. М., 1956. С. 193; Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 8, с. 2510.

¹⁴ Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 7, с. 298—299.

¹⁵ Там же, т. 2, с. 56; Т. 7, с. 299.

¹⁶ Там же, т. 7, с. 300.

Многие были склонны рассматривать детище Люй Бувэя как попытку саморекламы, плод тщеславия мелкого человека, полуобразованного выходца из низов, обманом очутившегося чуть ли не в роли узурпатора и жаждавшего славы мецената и, в особенности, ученого. К тому же из свидетельств Сыма Цяня невозможно сделать определенных выводов относительно собственной роли Люй Бувэя в составлении текста. Все эти соображения предопределяли известную сдержанность в отношении «Люйши чуньцзо» со стороны как китайских, так и европейских ученых, и, несмотря на то, что редкая работа, посвященная древнекитайской мысли, обходится без обильных ссылок на это произведение, само оно весьма редко оказывалось в центре внимания исследователей.

Еще меньше повезло «Люйши чуньцзо» как литературному памятнику. Вопрос о признании за творением Люй Бувэя собственного художественного значения по существу никогда не ставился. Это тем более удивительно на фоне общепризнанного факта, что «Люйши чуньцзо» есть первое произведение философской прозы, о котором известно, что оно было составлено по определенному плану коллективом авторов и, таким образом, является крупным шагом на пути к авторскому философскому произведению, что не могло не повлиять на его художественную форму.

Правда, «Люйши чуньцзо» — продукт эпохи синкретизма, авторы, очевидно, ставили перед собой политические задачи, собственно философские вопросы рассматривались ими под определенным углом зрения, а художественными целями они задавались в той мере, в какой это могло способствовать убедительности их аргументации. Однако по совершенно справедливому замечанию Л. Д. Позднесовой, именно «логические приемы древней философии ввели в красноречие художественный элемент»¹⁷. На сегодняшний день совершенно ясно, что без учета художественной стороны текстов древних памятников невозможно проникнуть в их образную систему, что «конкретно-образное мышление древнего человека требует изучения этих памятников с помощью художественно-эстетического анализа»¹⁸.

В данной связи уместно привести следующее замечание А. Ф. Лосева. «С точки зрения новоевропейской эстетики, — пишет он, — понятия «абсолютная действительность» и «эстетическая действительность» друг другу противоречат. Ведь под эстетической действительностью обычно понимают то, что вовсе не существует необходимо, но является лишь тем или иным оформлением действительности иной — абсолютной. Однако такое понимание не имеет никакого отношения к античности,

¹⁷ Литература древнего Востока. М., 1962. С. 364.

¹⁸ Там же.

и особенно к ее ранней классике. В классической натурфилософии невозможно определить, где кончается абсолютное и начинается художественное, или эстетическое; художественное, или эстетическое, здесь очень часто обладает всеми чертами абсолютного бытия и потому с трудом подвергается отчленению от него и противоположению с ним. Поэтому выражение «абсолютная эстетическая действительность» является вполне естественным для периода античной классики, объединяя и обобщая все другие эстетические принципы»¹⁹. Сказанное тем более относится к «Люйши чуньцю», авторы которого стремились к созданию универсальной картины мира. Поэтому вполне условным следует считать с самого начала выделение в целях анализа той или иной из сторон той абсолютной эстетической действительности, на абсолютное отражение которой претендовал, по замыслу авторов, рассматриваемый памятник. Задача реконструкции этой действительности для современного читателя подразумевает прежде всего анализ категорий, которыми оперировали авторы.

II. СТРУКТУРА ПАМЯТНИКА

«Люйши чуньцю» в его современном виде состоит из трех крупных частей. Это — «Двенадцать замет», «Восемь обзоров» и «Шесть суждений». Каждая часть делится соответственно на двенадцать, восемь и шесть книг. В первой части каждая книга состоит из пяти глав; во второй — из восьми, за исключением первой книги, содержащей семь глав; в третьей — из шести. Отдельную главу составляет так называемое «Послесловие». Его местонахождение в тексте памятника («Послесловие» следует непосредственно за «Двенадцатью заметами») порождало различные точки зрения на первоначальный порядок частей. Так, часть исследователей считали, что порядок перечисления частей у Сыма Цяня²⁰, а именно — «Обзоры», «Суждения», «Заметки», — отражает первоначальный вид текста, тогда как современный порядок, принятый в ряде изданий, и в частности в использовавшемся нами «Собрании произведений философов»²¹, восходит ко времени Восточной Хань (25—220 гг.).

Три части «Люйши чуньцю» — «Двенадцать замет», «Восемь обзоров», «Шесть суждений» — включают соответственно шестьдесят, шестьдесят три и тридцать шесть глав. Таким образом, текст «Люйши Чуньцю» организован в соответствии с определенными числовыми комплексами, что относится в равной степе-

¹⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 1963. С. 535.

²⁰ Сыма Цянь. Избранное, с. 193.

²¹ Люйши чуньцю. Комментарий Гао Ю. Чжудзы цзичэн. Т. 6. Пекин, 1956 (на кит. яз.).

ни как к крупным его частям-блокам, так и к строению каждого из этих блоков, причем принцип организации на основе того или иного числового комплекса выдерживается весьма строго.

Столь осмысленная организация текста свидетельствует о наличии у авторов определенного плана, которым они руководствовались на протяжении всей работы по составлению колоссального свода. Свидетельства о существовании такого плана обнаруживаются в «Послесловии», где от лица самого Люй Бувэя повествуется о «двенадцати заметах» следующее.

«В восьмой год правления Цинь, год гуньтань, в осень, в день цзя-цзы, когда было новолуние, некто спросил меня о двенадцати заметах. Я, взньсиньский хоу, отвечал: «Некогда постиг я смысл поучения Хуан-ди Чжуансюю, там говорилось:

Есть великий Круг в вышине
И великий Квадрат в глубине;
Ты, сумевши это взять образцом,
Станешь матерью народу и отцом»²².

Таким образом, выражает готовность следовать «великому Кругу», т. е. небу, и «великому Квадрату», т. е. земле. Главными «действующими лицами» поучения Хуан-ди выступают, таким образом, небо, земля и человек, т. е. классическая натурфилософская триада. Из контекста явствует, что под человеком подразумевается властитель, устанавливающий наилучший порядок правления, при котором его можно считать отцом и матерью народа, благодетелем социума.

Такое положение вещей, судя по дальнейшему тексту, существовало в древности: «Так, известно, что во времена древности, когда царил мир, это происходило от подражания небу и земле. Двенадцать же замет есть то, на чем зиждутся порядок и смута, существование и гибель, есть то, чем познаются долголетие и ранняя смерть, счастье и несчастье»²³.

Мир, или, как сказано в тексте, «чистота», незамутненность жизни в древности—следствие «подражания» небу и земле. «Двенадцать замет», аналог лунного года натурфилософии,—первый шаг на пути упорядочения беспорядочного, внесения размеренности в хаотичность. Сделавший этот шаг приобретает критерий разграничения между упорядоченным и хаотичным, порядком и смутой, жизнью и смертью, хорошим и плохим, прекрасным и безобразным.

«Когда наверху соразмеряются с небом, внизу сообразуются с землей, посередине считаются с человеком, тогда с очевидностью определяются истинное и ложное, возможное и невозможное»²⁴.

²² Наст. изд., с. 179—180.

²³ Там же, с. 180.

²⁴ Там же.

Здесь, помимо известных уже элементов, включается еще один — необходимость считаться с человеческой природой как с самостоятельным, хотя и подчиненным, фактором бытия.

«От неба движение, а лишь в движении жизнь. От земли устойчивость, а лишь в устойчивости покой. От человека доверие к нему, а лишь от доверия — повиновение»²⁵.

В этом отрывке трем известным уже факторам бытия приписаны определенные атрибуты: каждая из мировых сил выполняет определенные функции, через которые и определяется. Так, функция неба — свободное, порождающее движение, функция земли — доставление всему сущему твердого основания для покойной благой жизни. Функция человека, следующего небу и земле, идеального властителя — авторитет, благодаря которому он, внушая людям доверие, побуждает их к повиновению, делает возможным существование организованных форм общественной жизни.

Разумеется, эти функции, как любые другие, могут выполняться, или не выполняться (особенно если это касается человека), или выполняться неправильно. Поэтому для определения качества выполнения вводится специальный атрибут — «должное», т. е. должным образом исполняемое или занимающее должное место, причем занимающее его вследствие правильного исполнения функций по данному месту.

«Если все трое исполняют должное, то без приложения усилий все идет как надо. Идет как надо — это значит следует своему внутреннему закону. Искусство следования — соблюдение внутреннего закона и смирение своего „я“»²⁶.

Здесь по необходимости — поскольку речь идет о переводе иероглифического письма — несколько распространенный перевод нуждается в некоторых пояснениях. Так, «все идет как надо» означает, что система функционирует, и притом функционирует по имманентно присущим ей собственным внутренним законам, а «искусство следования» собственным внутренним законам состоит в том, чтобы неуклонно их соблюдать, неуклонно же смирять в себе все субъективное, выходящее за рамки предусмотренного природой должного.

Мир, таким образом, — самодостаточная система, аналог живого организма, функционирующего по своим собственным внутренним законам, в нем все совершается само собой. Человек в нем, однако, особая статья — в отличие от неба-земли, природы в узком смысле слова, ему для жизни необходимо еще особое «искусство». Субъективная воля позволяет ему идти и против закона.

«Если зрением пользоваться по собственному произволу, глаза ослепнут. Если слухом пользоваться по собственному

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

произволу, уши оглохнут. Если способностью к размышлению пользоваться по собственному произволу, разум будет охвачен безумием. Если во всех этих трех сферах по собственному произволу обращаться с *цзин*, рассудку не под силу будет составить себе обо всем правильное представление. Когда же рассудок не обладает правильным представлением обо всем, уходят дни счастья, приходят дни невзгод. Это так же верно, как то, что солнце садится на западе»²⁷.

В этом отрывке речь идет как раз о нарушении законов функционирования в рамках должного, причем нетрудно заметить, что здесь мы вступаем, так сказать, на почву гносеологии, тогда как все предшествующее следует отнести скорее к онтологии. В самом деле, человек, оказывается, может видеть и слышать не только то, что есть, но и то, что ему хочется видеть или слышать. И думать он способен то, что ему заблагорассудится. Все это вместе и называется произвольным обращением с *цзин*.

Категория *цзин* заслуживает особого разговора, и ей будет уделено место в главе «Система мира». Здесь достаточно сказать, что *цзин* есть субстрат мысли, именно его присутствие в человеческом теле делает человека способным к мыслительной деятельности вообще. *Цзин* в принципе контролируется рассудком, но утрата должного контроля приводит к искаженному восприятию действительности, равносильному слепоте и глухоте, и искаженному представлению о действительности, равносильному помешательству. Утрата рассудком способности правильно оценивать действительность есть следствие произвольного мышления, восходящего к произвольному зрительному и звуковому восприятию.

Последнее предложение цитируемого отрывка — место достаточно темное, ставившее в тупик комментаторов и переводчиков, следовавших за комментаторами²⁸. Нами эта фраза понимается как метафора, призванная подчеркнуть пагубность неправильной оценки действительности: закат рассудка влечет закат счастливой жизни с той же неизбежностью, с какой происходит заход солнца.

Из вышеприведенного отрывка следует, что важно не только правильное функционирование какой-то системы, но и правильное знание об этом, объективность восприятия этого.

Таким образом, в «Послесловии» утверждается, что регламентированным — в частности, с помощью «двенадцати замет», послуживших поводом для рассуждений вэньсиньского хоу, — должен быть не только мировой порядок, но и само представление о нем, — мысль несколько парадоксальная, но,

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Люйши чуньцю (на кит. яз.), с. 123; *Wilhelm B. Frühling und Herbst des Lü Bu We*. Jena, 1928. S. 155.

как мы увидим, для авторов «Люйши чуньцзо» далеко не случайная.

Больше в «Послесловии» не содержится ничего, прямо относящегося к «Двенадцати заметам». Однако с точки зрения наблюдения над текстом целесообразным представляется здесь же привести вторую, меньшую часть «Послесловия».

«Чжаоский Сян отправился на прогулку в своем парке. Когда он приблизился к мосту, конь его отказался идти дальше. Колесницей правил Цин Бин. Сян ему велел: «Пройди вперед и посмотри, что там под мостом. Похоже, там кто-то есть». Цин Бин пошел вперед, заглянул под мост, а там лежал Юй Ян, притворяясь мертвым. Он обратился к Цин Бину: «Уходи отсюда, у меня дело к твоему господину». Цин Бин отвечал: «В юности мы были с тобой друзьями. Ныне же ты задумал большое дело. Если я скажу об этом господину, я нарушу *дао* дружбы. Если же, зная, что ты задумал причинить зло моему господину, я не скажу ему об этом, я нарушу *дао* подданного. Для человека в моем положении остается одно — умереть!» И, отступив, он наложил на себя руки.

Цин Бин, конечно, не стремился к смерти. Но он слишком серьезно смотрел на нарушение долга подданного и испытывал отвращение к нарушению *дао* дружбы. Поистине Цин Бин был добрым другом Юй Яну!»²⁹.

Относительно категории *дао*, вообще чрезвычайно многозначной в «Люйши чуньцзо», мы здесь ограничимся лишь указанием, что в данном контексте она приобретает скорее значение морального закона или нравственной нормы. Это обстоятельство не привлекло внимания комментаторов и переводчика: и Р. Вильгельм, и Хэ Линсюй, и издатель XVIII в. Би Юань³⁰, ссылавшийся на предшественников, отмечали, что вышеприведенный отрывок никак не связан с рассуждениями вэньсиньского хоу и, по всей видимости, попал в «Послесловие» в результате какой-то путаницы.

Существует версия, согласно которой эта вторая часть «Послесловия» представляет собой фрагмент утраченной главы «Лян сяо», присоединенный к «Послесловию», чтобы не нарушалось равное число глав — сто шестьдесят, если само «Послесловие» считать отдельной главой «Люйши чуньцзо». При этом указывалось, что в первой книге «Обзоров» не хватает «для ровного счета» одной главы, и высказывалось предположение, что так называемая «Лян сяо» и была этой «потерянной главой»³¹.

²⁹ Наст. изд., с. 180—181.

³⁰ Wilhelm B. Op. cit. S. 490; Хэ Линсюй. Указ. соч., с. 13; Люйши чуньцзо (на кит. яз.), с. 123.

³¹ Хэ Линсюй. Указ. соч., с. 12, 13.

Если это так, то прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что «Послесловие» в современном его виде не может быть отнесено ни к одной из двух частей, между которыми оно находится: к «Заметам» потому, что это изменило бы число глав в двенадцатой книге и тем самым нарушило бы композиционный строй всей части; к «Обзорам» потому, что первая часть «Послесловия» не только связана с «Заметами», но и явно претендует на обобщенное изложение их содержания. Тем не менее в генезисе, так сказать, «Послесловия» есть своя логика.

В самом деле, если обратиться к структуре отдельно взятой главы «Люйши чуньцю», она, за исключением случаев, которые будут оговорены особо, выглядит следующим образом: вначале излагаются взгляды авторов по тому или иному вопросу, а затем в подтверждение выдвинутого тезиса приводится один или несколько примеров из «древности», как правило, со ссылками на мифические, полумифические или исторические прецеденты и авторитеты. Схема в общем виде: тезис — иллюстрация.

При этом, как правило, для глав «Люйши чуньцю» характерна трехчастная форма, элементы которой мы будем условно называть преамбулой, иллюстрацией и резюме. В преамбуле предлагается тезис, выглядящий примерно так же, как прямая речь вэн-синьского хоу в «Послесловии», только без ссылок на говорящего, затем одна, а чаще две или более иллюстрации к выдвинутому тезису, наподобие истории Цин Бина, как правило содержащие в себе диалог, и, наконец, следует резюме, подытоживающее в духе тезиса приводимый в качестве иллюстрации материал.

Единый принцип организации материала последовательно проводится авторами «Люйши чуньцю» через весь текст, причем в подавляющем большинстве случаев наличествует полная трехчастная форма, т. е. преамбула, иллюстрация и резюме.

Однако, как было оговорено выше, внутри «Люйши чуньцю» существует и другая композиционная форма. Это относится к первым главам двенадцати книг «Двенадцати замет», составляющих в совокупности текст, известный также и по другим источникам, который мы будем называть «Полунные указы».

То, что «Полунные указы» представляют собой единый текст, также определяется прежде всего их композиционными особенностями: каждая из составляющих их двенадцати глав написана на основании единого плана, который выдерживается на протяжении всего текста, а незначительные отклонения от композиционных клише столь же информативны, как и композиционная «типичность» известного нам «Послесловия». Интересна в этом отношении первая глава «Полунных указов», глава «Мэнчунь».

По замыслу авторов, этой главой открывается годовой цикл, поэтому она как бы возглавляет все прочие. Последовательно

излагаются сведения астрономического характера, приметы из жизни природы, ритуальные действия «сына неба», которые приличествуют этому времени года, и его указы чинам, соответствующие данной весенней луне. Заключает главу перечисление бедствий, которые могут постигнуть страну, если указы, на основе которых строится деятельность должностных лиц и простого народа, не будут соответствовать именно этой луне. Таким образом, наблюдается определенный параллелизм между ходом светил, связанной с ним сменой сезонов и ритуальным поведением «сына неба», которое в свою очередь может повлиять на некоторые природные явления.

По этому композиционному принципу строятся и остальные одиннадцать глав «Полунных указов», однако в главе «Мэнчунь» мы обнаруживаем еще и оригинальное «резюме», в котором как бы выражается основная идея «Полунных указов», как она понималась авторами «Люйши чуньцзо». Так, здесь говорится: «Нельзя идти против законов (*дао*) неба, нарушать правила (*ли*) земли, преступать людские порядки (*цзи*)»³². Эта формула встречается только в данной главе, но можно считать, что в ней выражен общий принцип «Полунных указов», и, по всей видимости, в ней заложен ключ к пониманию всего последующего текста.

В этой формуле мы сталкиваемся с теми же категориями, что и в «Послесловии», поскольку и *дао* неба, и *ли* земли, и *цзи* человека есть, конечно, проявления на различных уровнях всеобщего закона *ли*, о котором шла речь в «Послесловии». При этом ясно, что предполагаемые «изменения», «нарушения» и «возмущения» установленного порядка суть результат деятельности человека как одной из обладающих известной самостоятельностью мировых сил, причем наиболее широкими возможностями в этом отношении обладает «сын неба» как источник власти, проявляемой, в частности, в форме «полунных указов».

Другое отклонение от композиционного клише «Полунных указов» связано с тем обстоятельством, что в его тексте заложены как временные (связанные со сменой лун), так и пространственные (связанные со сторонами света) характеристики. Поэтому далеко не все изменения происходят в «указах» полно — многие атрибуты остаются неизменными в течение сезона. Таковы циклические знаки, имя бога, дух, название твари, нота из пятиступенного звукоряда, а также число, вкус, запах, место и порядок жертвоприношений, цвета убранства, знамен и экипажей, ритуальные яства и сосуды, употребляемые «сыном неба». Поскольку же все это есть атрибуты пяти стихий, а сезонов лишь четыре, авторам «Полунных указов» приходится ввести для стихии земли соответствующую пространствен-

³² Наст. изд., с. 72.

ную единицу, а именно так называемый «центр», и поместить его в середину годового цикла, т. е. в главу, соответствующую третьей луне лета,— «Цзися»³³.

Текст, связанный с «центром», не имеет параллелей в других главах «Полунных указов» и занимает в главе «Цзися» более чем скромное место в связи с явной невозможностью найти для него полный набор временных признаков. Это несомненно вынужденное и потому тем более значимое отступление от композиционного клише «Полунных указов».

Однако эти отступления от единой схемы изложения материала в «Полунных указах» в главах «Мэнчунь» и «Цзися» нетождественны по характеру. Отступление в «Цзися» имеет основанием логику числового комплекса: авторы не могли убавить число стихий или увеличить число сторон света, даже если бы это и приводило к полной композиционной симметрии всех двенадцати глав «Указов»,—изъятие текста, связанного с так называемым «центром», невозможно, так сказать, по внутренним причинам. Отступление в «Мэнчунь» может быть удалено совершенно безболезненно для текста, поскольку внутренне с ним никак не связано,—стало быть, должны существовать какие-то внешние причины для сохранения этого текста в ущерб полной композиционной симметрии.

На наш взгляд, этот текст обращен не только и не столько к главе «Мэнчунь», сколько к тексту «Полунных указов» в целом—именно поэтому он помещен в первой главе первой книги. То обстоятельство, что он текстуально перекликается с той частью «Послесловия», в которой повествуется о «Двенадцати заметах», указывает на его функцию—это своего рода композиционный мостик, перекинутый от текста «Указов» к остальным главам «Двенадцати замет». Общность материала здесь и там призвана подчеркнуть «телесную» связь «указов» и «замет», построенных по разным композиционным клише и потому имеющих между собой, вообще говоря, мало сходного. Текст в «Мэнчунь» может помимо всего прочего служить косвенным свидетельством в пользу отнесения «Послесловия» исключительно к «Двенадцати заметам».

То, что необходимость подчеркнуть связь между «Указами» и «Заметами» в целом ощущалась авторами довольно остро, видно из тематики глав, примыкающих в каждой книге «Замет» к тексту «Полунных указов». Так, в главах, примыкающих к весенним лунам «Полунных указов», речь идет преимущественно о воспроизводстве жизни, что хорошо увязывается с предписываемым временем года циклом полевых работ. Летние луны обрамляются главами, посвященными музыке, что вызывает реминисценции фестивалей плодородия. Осень отдана

³³ См. там же, с. 117.

ратным делам, зима — похоронным обрядам. За таким распределением тематики видна забота авторов о соответствии описываемой деятельности времени года, т. е. в конечном счете ее «стихийном» обосновании. Связь между «Полунными указами» и остальными главами «Двенадцати замет» помимо формально-числового выражения приобретает еще и тематически-композиционное.

На основе вышеизложенного следует, на наш взгляд, прежде всего отметить, что «Люйши чуньцзю» представляет собой многоплановый текст, и его многоплановость — следствие разнохарактерности источников, из которых черпали авторы; оформление материала в «Люйши чуньцзю» произведено по двум композиционным клише: подавляющее большинство (148 глав) по трехчастной формуле тезис — преамбула — резюме, меньшая часть (12 глав) — по формуле годового лунного цикла; и, наконец, нарушения композиционных клише в «Люйши чуньцзю» значимы. Следовательно, мы можем сделать вывод, что составление «Люйши чуньцзю» происходило по детально разработанному плану, основу которого составили числовые комплексы, заимствованные из различных натурфилософских систем.

При этом композиционное оформление материала было подчинено прежде всего принципам симметрии и единообразия, и авторы всегда были готовы пожертвовать частностями ради сохранения целого. Композиционная стройность текста указывает на стремление авторов уже в самой форме, «теле» памятника запечатлеть совершенную картину, смоделировать формально-композиционными средствами «тело» Вселенной, космоса, представив их прежде всего как единое целое.

III. СИСТЕМА МИРА

Обратимся к анализу содержания памятника, руководствуясь главным образом тем, что мы имеем дело с многоплановым текстом.

Первый его план составляют «Полунные указы», известные и по другим источникам, как «Юэлин» в «Лицзи» («Книга обрядов») и «Шицзэ» в «Хуайнаньцзы». Весьма сходный материал лежит также, по всей видимости, и в основе сороковой главы «Гуаньцзы».

Как мы видели, композиция «Двенадцати замет» вообще и «Полунных указов» в частности определяется числовыми комплексами, важнейший из которых, двенадцать, соответствует числу лун в годовом цикле. Организованные по три, луны составляют времена года. Четыре времени года в сочетании с так называемым центром дают число пять, символизирующее пять стихий. Для того чтобы разобраться во взаимоотношениях этих величин, необходимо ознакомиться с материалом, наполняющим числовые клише.

Год, по «Люйши чуньцю», начинается в тот момент, когда «солнце в Инши»³⁴, а заканчивается, когда «солнце в Уню»³⁵. Между этими двумя моментами солнце совершает свой путь в зодиакальной плоскости, последовательно проходя двенадцать зодиакальных созвездий. Этот солнечный круг, разбитый на двенадцать равных частей, и будет представлять собой физическое, так сказать, «тело» времени.

Границы частей — «заметы» — увязаны с определенными созвездиями, кульминирующими на закате и на рассвете, переход из одной луны в другую сопровождается также сменой тональности из двенадцатиступенного звукоряда. Каждые три луны составляют время года, также снабженное определенным набором атрибутов: парой циклических знаков из «небесных пней», нотой из пятиступенного звукоряда, числом, символизирующим одну из пяти стихий; кроме того, у каждого времени года свой вкус и запах, также соотнесенные с пятью стихиями, а также один из пяти внутренних органов, предназначенный для принесения в жертву в первую очередь, в определенном месте, тоже символизирующем ту или иную стихию. Помимо этого каждым временем года «заведуют» свой собственный предок-бог и дух,— через них осуществляется символическая связь с определенной стороной света, или центром, так как каждый из них понимается как владыка определенного направления.

В схеме в целом осуществлена попытка объединения временных и пространственных категорий в единой космогонической системе, однако этой системе присущи известные погрешности, связанные с числовым несовпадением набора стихий и времен года: на четыре времени года приходится пять стихий, что вызывает необходимость введения пространственной категории «центра», для которой невозможно найти какие-либо временные атрибуты. В данном случае, хотя авторы и стремились подчинить всю вышеописанную символику идее изменения мира во времени и с этой целью поставили во главу угла символику лунно-солнечного цикла, влияние комплекса пяти стихий, изначально связанного не столько со временем, сколько с пространством, привело к нарушению логики целого, с чем нам придется столкнуться по мере прочтения текста.

В данный момент, считая вслед за авторами «Люйши чуньцю», что ход событий на земле осуществляется в соответствии с ходом солнца на небе, проследим за земными делами, как они изложены в «Полунных указах».

Так, за время, проходящее, так сказать, от первой до второй «заметы», «восточные ветры растапливают лед, твари

³⁴ См. наст. изд., с. 71.

³⁵ См. там же, с. 171.

пробуждаются от зимней спячки, рыбы поднимаются ко льду, выдры приносят в жертву рыбу, дикие гуси тянутся к северу»³⁶. За время, проходящее от второй до третьей «заметь», «начинаются дожди, цветут персики и сливы. Поют иволги. Ястребы оборачиваются горлицами»³⁷. В следующей луне «расцветает тунг. Хомячки оборачиваются перепелами. На небе радуга, на воде ряска»³⁸. Таковы приметы, соответствующие первому времени года — весне.

Летом соответственно «квакают лягушки, выползают червяки; разрастаются тыквы, осот в цвету»³⁹; «приходит малая жара, появляются богомолы, поет сорокопут; больше не слышно пересмешника»⁴⁰, «начинают дуть холодные ветры, под стрехой заводится сверчок, ястребы учатся охотиться, созревшая трава оборачивается светлячками»⁴¹.

Осенью «приходят прохладные ветры, выпадают белые росы. Поют зимние цикады, ястребы приносят в жертву птицу. Приступают к смертным казням»⁴², «рождаются холодные ветры. Прилетают дикие гуси, улетают ласточки. Все птицы собираются в стаи, готовясь к отлету»⁴³, «прилетают дикие гуси. Кулик глубоко заходит в воду и оборачивается ракушкой. Хризантема цветет желтыми цветами. Шакал приносит в жертву зверя и бьет птицу»⁴⁴.

Зимой «воды начинают замерзать; землю сковывает холод. Фазан вступает в большую воду, оборачивается устрицей. Радуга прячется, ее не видно»⁴⁵, «лед становится твердым; земля начинает трескаться. Умолкают ночные птицы. Тигры начинают ходить парами»⁴⁶, «гуси летят на север. Сороки выют гнезда. Фазан кричит. Самка фазана высиживает птенцов»⁴⁷.

В этом перечислении различных природных явлений, характерных для той или иной луны, очевидно использование народных примет, некогда заменявших календарь. Единственное исключение — смертные казни, явно относящиеся к миру не природы, а человека, но здесь они привязаны к первой осенней луне, когда «ястребы приносят в жертву птицу», и вступает в силу жестокая стихия металла. Впрочем, не исключено, что здесь имеет место и путаница, допущенная при переписке.

³⁶ Там же, с. 71.

³⁷ Там же, с. 79.

³⁸ Там же, с. 88.

³⁹ Там же, с. 98.

⁴⁰ Там же, с. 107.

⁴¹ Там же, с. 117.

⁴² Там же, с. 126.

⁴³ Там же, с. 135.

⁴⁴ Там же, с. 144.

⁴⁵ Там же, с. 153.

⁴⁶ Там же, с. 162.

⁴⁷ Там же, с. 172.

Все прочее в «Полунных указах» связано с деятельностью человека, представленного главным образом фигурой «сына неба», властелина мира, власть которого ограничена, как мы увидим, лишь «властью» неба-отца.

Первые действия «сына неба», с которыми мы встречаемся в тексте, носят ритуальный характер и связаны с изменением его местопребывания в своих палатах в каждой луне и смене одеяния, убранства и экипажа, а также вкушаемых блюд и утвари в каждое время года и в момент, который теоретически соответствует «центру».

Так, в первой луне весны «сын неба» поселяется в «левых покоях Цинъяна»⁴⁸, затем в следующей луне переходит в собственно храм «Таймiao Цинъяна»⁴⁹ и, наконец, третью весеннюю луну проводит в «правых покоях Цинъяна»⁵⁰. Летом «сын неба» живет последовательно в левых⁵¹, средних (Таймiao)⁵² и правых⁵³ покоях «Минтана». Затем в связи с тем, что наступает «владычество» стихии земли, т. е. «центра», он в третьей луне лета переселяется в «Тайши храма Таймiao»⁵⁴, т. е. в центральные покои всего комплекса. Осенью «сын неба» живет последовательно в левых⁵⁵, средних (Таймiao)⁵⁶ и правых⁵⁷ покоях Цзунчжана; зимой пребывает соответственно в левых⁵⁸, средних (Таймiao)⁵⁹ и правых покоях Сюаньтана⁶⁰. Затем цикл, естественно, повторяется в новом году.

Если принять за достоверную реконструкцию покоев «сына неба», приводимую Хэ Линсюем, основывавшимся на комментарии Гао Ю⁶¹, то «сын неба» совершает за год полный круг по часовой стрелке, с востока (весна) на юг (лето), запад (осень) и север (зима), с одним отклонением к центру, в центральные покои «Тайши Таймiao», вызванным теми несообразностями в пространственно-временной схеме авторов, о которых говорилось выше. В основном же его кругообразные перемещения повторяют ход солнца в зодиакальной плоскости и совпадают с ним по времени.

⁴⁸ См. там же, с. 71.

⁴⁹ См. там же, с. 79.

⁵⁰ См. там же, с. 88.

⁵¹ См. там же, с. 98.

⁵² См. там же, с. 107.

⁵³ См. там же, с. 117.

⁵⁴ См. там же, с. 118.

⁵⁵ См. там же, с. 126.

⁵⁶ См. там же, с. 135.

⁵⁷ См. там же, с. 144.

⁵⁸ См. там же, с. 153.

⁵⁹ См. там же, с. 163.

⁶⁰ См. там же, с. 172.

⁶¹ Хэ Линсюй. Указ. соч., с. 165.

Смотря по времени года или, вернее, по тому, какая стихия превалирует в данный момент, меняются облачение и убранство «сына неба», яства, вкушаемые им, ритуальная утварь. Весной он «выезжает в колеснице *луань*, правит конями — лазурными драконами. Водружает зеленое знамя, облачается в зеленое одеяние, убирается зеленой яшмой, вкушает пшеницу и баранину. Его ритуальная утварь — с «просторным» узором (*шу и да*)»⁶². Летом «выезжает в колеснице цвета киновари, правит красными конями. Водружает красное знамя, убирается красной яшмой, вкушает бобы и цыплят. Его утварь — «высокая и объемная» (*гао и цу*)»⁶³. Однако в силу все тех же несообразностей в третьей луне лета «сын неба» еще и «выезжает на большой колеснице, правит желтыми конями, облачается в желтое одеяние, убирается желтой яшмой. Вкушает просо и говядину. Его утварь — «круглая и пузатая» (*юань и янь*)»⁶⁴. Осенью «сын неба» выезжает на боевой колеснице, правит белыми конями с черными гривами. Водружает белое знамя, облачается в белые одежды, убирается белой яшмой. Вкушает коноплю и собачатину. Его утварь — «узкая и глубокая» (*лянь и шэнь*)»⁶⁵. Зимой соответственно «выезжает на темной колеснице, правит железными скакунами. Водружает темное знамя, облачается в черное одеяние, убирается темной яшмой. Вкушает клейкое просо и кабанье мясо. Его утварь — «просторная и глубокая» (*хун и янь*)»⁶⁶.

Далее в тексте рассматриваются обряды, связанные главным образом с временами года; когда отмечаются как события первостепенной важности: «становление весны»⁶⁷, «становление лета»⁶⁸, «становление осени»⁶⁹ и «становление зимы»⁷⁰. Для «центра», естественно, такого праздника не нашлось, однако в вышеуказанных четырех случаях все же подчеркивается связь этого праздника со стихиями — накануне каждого такого события придворный историограф и астролог докладывает «сыну неба» о признаках проявления той или иной стихийной силы в природе. Дальнейшие действия «сына неба» и его окружения также соотносятся с временем года. После описания этих действий следуют повеления и запреты, после чего следуют представленные в стандартной форме резюме относительно того, какие именно беды постигнут страну в случае, если пове-

⁶² Наст. изд., с. 71.

⁶³ Там же, с. 98.

⁶⁴ Там же, с. 118.

⁶⁵ Там же, с. 126.

⁶⁶ Там же, с. 153.

⁶⁷ Там же, с. 71.

⁶⁸ Там же, с. 98.

⁶⁹ Там же, с. 126.

⁷⁰ Там же, с. 153.

ления «сына неба» не будут соответствовать данному времени года. При этом рассматриваются все возможные варианты нарушений принципа соответствия характера указов времени года: так, подробно описываются события, которые должны произойти, если, предположим, в первой весенней луне ввести летние, осенние или зимние указы⁷¹, а в последнюю луну зимы — осенние, весенние или летние указы⁷² и т. д.

Исходя из текста памятника, можно предположить, что в системе мира «Люйши чуьцзо» кары со стороны природы за нарушение принципа соответствия характера указа времени года, по-видимому, неотвратимы и регулярны, тогда как награды за правильное ведение дел нерегулярны и достаточно скупы.

Таким образом, «Полунные указы» демонстрируют картину прямой и «обратной» связи между деятельностью человека и временем года, в которое эта деятельность протекает; соответствие времени года влечет успех в делах, о чем природа иногда дает знать, ниспосылая точно в срок дожди, росы и т. п.; несоответствие неизменно влечет бедствия, о чем природа непременно дает знать, являя мощь стихий, вообще несвойственных данному времени года.

При анализе того, что в «Полунных указах» говорится о наградах и наказаниях, становится очевидным, что наказания следуют за попытками изменения *дао* неба, *ли* земли или *цзи* человека — о чем упоминалось выше, причем во всех случаях под *дао*, *ли* и *цзи* подразумевается *ли* как частный закон, присущий каждой из упоминаемых трех мировых сил. Поскольку же такого рода изменений, нарушений и возмущений следует ожидать именно со стороны человека, а главное прегрешение последнего в лице «сына неба» состоит в нарушении порядка введения сезонных указов, то становится ясным, что преступления против *дао*, *ли* и *цзи* заключаются в несоблюдении человеком принципа соответствия действий времени. Нельзя не заметить при этом, что сфера деятельности, а тем более сфера произвола «сына неба» таким образом существенно ограничивается.

Что касается частного для каждой мировой силы закона, то он есть проявление всеобщего закона — *дао* — на соответствующем уровне, что видно хотя бы из того, что на высшем уровне *дао* проявляется в виде небесного *дао*, т. е. в собственном обличье, из чего следует, что конечной целью и одновременно пределом сферы человеческой деятельности является невмешательство со стороны человека в порядок и ход вещей, определяемый *дао* — первопричиной и первопредком всего сущего. Невмешательство такого рода возможно лишь в том случае,

⁷¹ См. там же, с. 72.

⁷² См. там же, с. 173.

если человек будет двигаться, так сказать, в одном направлении с движением вещей, определяемым их собственной природой и предназначением. Коррелировать же это свое движение он может, подражая, имитируя действия природных, естественных сил, которые своим основанием имеют все то же *дао*. Именно в этом смысле сформулирован и ответ взньсиньского хоу Люй Буэя на вопрос о смысле двенадцати замет в «Послесловии».

Однако, чтобы убедиться в том, что картина мира в «Люйши чуньцю» разворачивается в соответствии с принципом, сформулированным в «Послесловии» и раскрытым в «Полунных указах», нам необходимо обратиться к анализу основных, участвующих в этом процессе категорий, как они представлены прежде всего в текстах второго плана памятника, т. е. в преамбулах и резюме каждой из глав.

Как мы видели, основные силы, действующие в мире, — небо, земля и человек — находятся между собой в определенных отношениях. Человек в известном смысле занимает подчиненное место в системе мира, поскольку его задачей провозглашается подражание небу и земле как высшему по отношению к нему, идеальному объекту: только имитация путей неба-земли, природы выводит к идеальному состоянию индивида и, вслед за ним, социум. Путь к идеалу, как мы видели, лежит через систему управления, в которой тесно переплетены ритуал (как элемент управления собой) и указ (как элемент управления другими), причем и то, и другое поставлено в теснейшую зависимость от времени, в которое данный ритуал исполняется или данный указ издается, т. е. в первую очередь в теснейшую зависимость от смены четырех времен года и опосредованно — от действия *инь-ян* и пяти стихий, лежащего, по крайней мере теоретически, в основе смены времен года.

В этом контексте целесообразно, на наш взгляд, отметить, что центральная фигура «Полунных указов» — «сын неба», наряду с регулярными жертвами в храме предков, обычными молитвами, обращенными к богу-первопредку *шанди*, возносит точно такие же молитвы и небесным предкам *тяньцзун*, или шести предкам, под которыми подразумеваются «естественные основы жизни»: небо, земля и четыре сезона⁷³. Поскольку эти шесть предков рассматриваются в качестве высшей ценности, выяснение их генезиса и, так сказать, степени родства с «сыном неба», как они представлены в «Люйши чуньцю», должно пролить свет как на систему мира, так и на систему ценностей в представлении авторов памятника. Здесь мы неизбежно долж-

⁷³ См. там же, с. 154. Значение термина «тяньцзун» как шести естественных основ жизни раскрыто в комментарии Гао Ю. См.: Люйши чуньцю (на кит. яз.), с. 95.

ны перейти к онтологии и вступить в область космогонических мифов.

Поскольку «китайская мифология сохранилась в осколочном виде»⁷⁴ и «Люйши чуньцо» в этом отношении не представляет исключения, онтологии в систематическом виде мы в памятнике не обнаруживаем, и тем не менее здесь достаточно мифологического материала, чтобы попытаться воссоздать в общих чертах картину мироздания, как она представлялась авторам. Это относится в первую очередь к главе «Великая музыка», где фигурируют вышеописанные шесть предков и находятся указания на их происхождение и взаимоотношения с другими важнейшими категориями, прежде всего с *великим единым*.

«Из великого единого появляются два начала, из двух начал — *инь* и *ян*. *Инь* и *ян* изменяются и преобразуются, одно стремится вверх, другое опускается вниз. Объединяясь, образуют тела. Кипят и бурлят. Разделившись, воссоединяются вновь; воссоединившись, вновь разделяются. Таково постоянство небес. Небо и земля как телега и колесо. Когда колесо совершает оборот, все начинается с той же точки. За всяким пределом лежит возвращение. Нет ничего, что не было бы обусловлено. Солнце, луна и звезды движутся то быстрее, то медленнее. Солнце и луна движутся всяк по-своему, но свершают каждый свой путь неукоснительно. Четыре времени года набирают силу поочередно. Погода стоит то жаркая, то холодная, дни бывают то короткими, то длинными, тела то податливыми, то твердыми. Все сущее появляется от великого единого, свершает превращения с *инь* и *ян*»⁷⁵.

Таким образом, шесть предков есть порождение великого единого, которое представлено здесь как не имеющее имени: «*Дао* — это то, что настолько крошечно, что даже не имеет формы, не имеет названия. Чтобы как-то назвать, его зовут великим единым»⁷⁶.

Из великого единого образуются два начала: небо и земля, которые суть нечто отличное от чувственно данных неба и земли и в свою очередь порождают *иньян* как некий принцип, лишенный конкретных телесных очертаний. Только в процессе изменений и преобразований, вызывающих восходящее движение одних частей и нисходящее — других, выкристаллизовываются видимые, а отчасти, пожалуй, и осязаемые объекты. Безусловно, весь процесс, так сказать, материализации объектов сложен, многоступенчат и, по-видимому, протяжен во времени. Тем не менее заметно, что в нем важную роль играет некая *субстанция*, универсальный *субстрат* всех форм движения.

⁷⁴ Рифтин Б. Л. От мифа к роману. М., 1979. С. 7.

⁷⁵ Наст. изд., с. 109.

⁷⁶ Там же, с. 110.

Этот субстрат, *цзинци*, «частью поднимается вверх, частью опускается вниз. Вращается по кругу, возвращается и смешивается, нигде не останавливаясь, нигде не задерживаясь»⁷⁷. Именно его круговращение наводит на мысль о том, что «у неба дао круглое»⁷⁸.

Цзинци — это тончайшая, предельная в смысле доступности ощущению форма универсального субстрата *ци*, вообще чрезвычайно разнообразного в проявлениях. Существуют, например, такие разновидности *ци*, как *ци* небесный и *ци* земной; «*ци* неба устремляется вниз, *ци* земли воспаряет вверх. Небо и земля сливаются в гармонии»⁷⁹, что происходит в первой весенней луне. Напротив, в первой зимней луне «*ци* неба воспаряет вверх, *ци* земли стремится вниз. Небо и земля более не сообщаются; они заперты, пришла зима»⁸⁰. *Ци*, таким образом, может быть мужским и женским и, представляя собой поток, может быть в то же время представлен и как конгломерат частиц разного качества.

Картина становления мира в «Люйши чуньцзо» в целом представлена как процесс образования из единого сначала двойственного, а затем множественного. При этом единое не имеет никаких атрибутов, может быть только названо. Порождаемые им небо и земля уже имеют атрибуты: так, небо описывается как *ян*, а земля как *инь*. Вопрос о том, какова природа всех этих объектов, решается введением категории *ци* — в своей тончайшей форме *ци* представляет собой субстанцию, из которой состоят как единое, так и *инь* и *ян* в двух формах — легкой и тяжелой, образующих в различных комбинациях все видимые и ощущаемые объекты. Процесс идет, таким образом, по пути конкретизации первоначально предельно абстрактного за счет введения множества атрибутов. *Дао* противопоставлено всему сущему не по природе, а по уровню: его субстанция — это *ци* в такой степени тонкости, что она уже не воспринимается органами чувств. Как и все прочее, *ци* первоначально содержалась в нерасчлененном великом едином, а затем через самоопределение из него выделилась. В основе мира в свернутой и развернутой форме лежит, таким образом, одна и та же субстанция.

Та же самая субстанция, как частный случай, есть субстрат *сы ши* — четырех времен года. «Четыре времени года набирают силу поочередно», поскольку меняется соотношение *инь* и *ян*, соотношение сил жара и холода, связанное с направлением движения *ци*: в момент встречного движения *иньци* и *янци* к совокуплению наступает весна, а в момент их разъединения наступает зима. Время в форме «сы ши», как и «инь-ян»,

⁷⁷ Там же, с. 95.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, с. 72.

⁸⁰ Там же, с. 153.

предстает, таким образом, в значительной степени субстантивированным.

Естественно при таком подходе ожидать появления особой формы *ци*, соответствующей каждому из четырех времен года в отдельности, так как это шло бы в русле дальнейшей конкретизации первоначально неопределенной субстанции. Действительно, в «Люйши чуныц» мы находим, в частности, обладающие определенными признаками соответствующего времени года «весенний» и «осенний» *ци*. Первый связан с оргиастическим обрядом *но*, когда, чтобы дать весеннему *ци* обрести полную силу, горожане разрывают на части животных у городских ворот⁸¹. Помимо прочего первый *ци* обладает способностью давать жизнь травам и деревьям⁸²; второй же, напротив, своим приходом вызывает гибель травы и листьев на деревьях⁸³. С осенью же как временем года явственно связывается «холодный *ци*»: в последнюю луну осени, когда он проявляется с наибольшей силой, народ распускают по домам⁸⁴, а в конце зимы его провожают или выпроваживают, вновь устраивая обряд *но* и выставляя земляных волов⁸⁵.

В книге тринадцатой мы находим также *ци* с атрибутами пяти стихий, но связаны эти стихии не с годовым циклом, а со сменой династий. Так, со временем правления Хуанди соотносилось (и его приход предвозвестило) торжество *ци* земли, с последовавшим за ним временем правления Юя — торжество *ци* дерева; времени Тана соответствовало торжество *ци* металла, времени Чжоу — *ци* огня⁸⁶. Здесь смена этими формами *ци* друг друга предстает в несколько неожиданном виде.

В самом деле, впервые мы встречаемся в памятнике со стихиями в «Полунных указах», где они сориентированы по сторонам света и взаимосвязаны, хотя и недостаточно, как мы видели, последовательно, с четырьмя временами года. В годовом цикле, таким образом, порядок их был таков: весна (восток, дерево), лето (юг, огонь), некоторое время между летом и осенью (центр, земля), осень (запад, металл), зима (север, вода), т. е. в годовом цикле огонь приходил на смену дереву, земля — огню, металл — земле, вода — металлу, дерево — воде; дерево — огонь — земля — металл — вода. В смене же друг другом *ци* различных стихий: земля — дерево — металл — огонь — вода.

В первом случае стихии располагаются в порядке, записываемом циклическими знаками из ряда «небесных пней», т. е. явно

⁸¹ См. там же, с. 89.

⁸² См. там же, с. 203.

⁸³ См. там же.

⁸⁴ См. там же, с. 145.

⁸⁵ См. там же, с. 172.

⁸⁶ См. там же, с. 183.

в порядке, связанном с ходом времени, с временным циклом. Во втором случае запись идет в порядке, связанном с представлением о преодолении, торжестве одной стихии над другой (дерево преодолевает землю; металл преодолевает дерево; огонь преодолевает металл; вода преодолевает огонь). Этот порядок не связан с годовым циклом и временем года, а построен на противопоставлении «стихийных сил». Он, по-видимому, более «изначален» и, кстати говоря, ближе к порядку стихий в «Хун фань»: вода — огонь — дерево — металл — земля⁸⁷.

Мы видим, таким образом, что, с точки зрения связи *ци* с циклом четырех времен года, через него — с *инь-ян* и в последующем, в наиболее тонких фракциях *цзинци*, — с самим великим единым (или *дао*), сочетание этого универсального субстрата с пятью стихиями было делом не вполне удобным, поскольку эти стихии сами по себе представляли чувственно данные субстанции и могли вполне без него обойтись. Однако и здесь принцип единообразия склонил авторов «Люйши чунь-цю» к тому, чтобы заложить в основу пяти стихий более тонкую, абстрактную и, так сказать, современную субстанцию — *ци*.

Этим они стремились достичь, во-первых, «единства» субстанциональной основы чувственного мира; во-вторых, дальнейшего «породнения» пяти стихий с четырьмя временами года, что, как мы видели, авторы пытались сделать и в «Полунных указах». И тут, и там причина возникновения несообразностей, в конечном счете, — невозможность совмещения пространственных по своим характеристикам стихий с временными по определению четырьмя сезонами, т. е. решения проблемы единства пространства и времени в той форме, в какой она в то время ставилась. С современной точки зрения «теорию» единства *ци* следовало бы назвать, вероятно, теорией единого поля.

При этом, с одной стороны, предпринимались попытки придать пространственным стихиям временные характеристики, а с другой — придать самому субстрату *ци* пространственные. В этом смысле интересен так называемый «ветряной» *ци*⁸⁸, в некоем правильном соотношении способствующий утверждению двенадцати тонов. Если учесть, что перед этим говорилось о «нотах восьми ветров»⁸⁹, а сами восемь ветров ориентированы по сторонам света и имеют названия, пригодные для интерпретации в терминах *ци*, то мы получим материал, полностью подготовленный к тому, чтобы каждому ветру придать *ци* своего качества (отметим, что это как раз

⁸⁷ Древнескитайская философия. Т. I. М., 1972. С. 105.

⁸⁸ Наст. изд., с. 119.

⁸⁹ Там же, с. 115.

и было проделано Гао Ю в комментарии, где он определил восемь ветров через *ци* соответствующих восьми триграмм)⁹⁰.

Возвращаясь к шести предкам всего сущего, можно сказать, что они имели все основания рассматриваться как высшая после великого единого ценность уже хотя бы в силу того, что они были его порождением. При этом в отличие от двух начал великого единого, *инь-ян*, они представляли в конкретных, осязаемых формах. Довольно определенна была и их природа; субстанция, которая составляла их основу, проявляла себя тоже довольно осязаемо, например как «холодный *ци*». «Шесть предков» обладали также вполне определенными, хотя и не всегда достаточно логично взаимосвязанными, пространственно-временными характеристиками и в совокупности могли быть рассматриваемы как основные составные элементы обитаемого космоса, который в свою очередь представлял собой шесть сторон света (четыре стороны света, зенит и надир) и прошлое, настоящее и будущее. Таким образом, среда обитания человека была вполне подготовлена великим единым без участия человека. Шесть предков, можно сказать, обставили сцену для появления главного действующего лица, которое и не замедлило появиться, но несколько отличным от всего сущего образом.

В самом деле, все сущее, как мы уже отмечали, появляется от великого единого⁹¹, или просто от единого. «Превыше всего единое. Никто не знает, где его начало и где его конец, никто не ведает, откуда оно пошло и где ему положен предел. Но все сущее почитает его своим предком»⁹². Однако, как мы видели, «сын неба» возносит молитвы к небу—предку, т. е. шесть предков в данном случае определяются через одного из них—предка-небо⁹³. Человек, в лице «сына неба», обращается, таким образом, прежде всего к «небу-отцу».

Поначалу «небо дает жизнь человеку»⁹⁴. В этом контексте вполне естественно звучит титул владыки мира—«сын неба»; не менее естественно и определение социума в целом как Поднебесной, т. е. области всех, живущих под небом. Поскольку, как известно, «у детей и родителей тело единое, только разделенное на две части, так же, как и единая *ци*, только дыхание разное»⁹⁵, то и в случае с человеком как сыном неба следует ожидать в его теле тот же субстрат *ци*, что и в небе.

⁹⁰ См. комментарий Гао Ю: Люйши чуньцю (на кит. яз.), с. 125—126.

⁹¹ Наст. изд., с. 109.

⁹² Там же, с. 96.

⁹³ См. там же, с. 154.

⁹⁴ Там же, с. 110.

⁹⁵ Там же, с. 152.

Действительно, человек состоит, по-видимому, главным образом из *ци*. Но в силу того, что *ци* в различных явлениях природы, оставаясь единым в своей основе субстратом, приобретает весьма разнообразные качества в зависимости от выполняемых функций, он и в человеке, в связи с многообразием функций, весьма специализирован. Так, мы встречаем в тексте *ци* сердца (мысли)⁹⁶, и *ци* воли⁹⁷, и *ци* сознания⁹⁸; наконец, телесную *ци*⁹⁹ и душевную *ци*¹⁰⁰, которые тесно взаимосвязаны, и даже *ци* девяти отверстий человеческого тела¹⁰¹.

Когда *ци* принадлежит не одному индивиду, а группе, он также может приобретать особое качество: таков, например, народный дух, который может быть подавленным¹⁰², управляемым, например, полководцем на поле боя¹⁰³, или ослабленным неправильными указами правителя¹⁰⁴. Наконец, через *ци* человек связан непосредственно с мировыми *ян**ци* и *инь**ци*¹⁰⁵, причем от этой связи непосредственно зависит его жизнеспособность.

Можно сказать, что по крайней мере с точки зрения субстрата человек представляет собой в мире отнюдь не оригинальное явление; существом своим он, как и все сущее, обязан все тем же шести предкам, прежде всего главному из них — небу, с которым никогда не порывает, так как весь репродуктивный процесс связан с носителями двух основных типов *ци* — *инь* и *ян*, — что проявляется в разделении человечества на два пола. Своим субстратом через своих предков человек также связан с единым источником этого субстрата — всеобщим предком, великим единым.

Круг, таким образом, замыкается, и картина мира, представленная в «Люйши чуньцю», предстает как бесконечный процесс становления, начинающийся выделением из великого единого двух начал и последующим порождением ими всего сущего, в том числе и человека, и заканчивающийся, после реализации всем сущим всех своих потенций, возвращением к великому единому, что теоретически возможно, поскольку составляющий основу всего сущего универсальный субстрат *ци*, несмотря на все многообразие форм в процессе становления, может быть в конечном итоге возведен в своих тончайших фракциях к некогда породившему его великому единому (*дао*).

⁹⁶ См. там же, с. 108.

⁹⁷ См. там же, с. 104, 151.

⁹⁸ См. там же, с. 265.

⁹⁹ См. там же, с. 90.

¹⁰⁰ См. там же, с. 91.

¹⁰¹ См. там же, с. 348.

¹⁰² См. там же, с. 114.

¹⁰³ См. там же, с. 141.

¹⁰⁴ См. там же, с. 146.

¹⁰⁵ См. там же, с. 166.

Поскольку же процесс этот цикличен, человек в каждый отдельный взятый момент времени, соразмеримый со временем его жизни или с историческим временем вообще, может наблюдать все сущее на самых различных стадиях становления, от возникновения (рождения) до исчезновения (возвращения), и соответствующим образом реагировать на мировой порядок вещей; способность применяться к вышеописанным обстоятельствам оказывается мерилom разумности человека и составляет его специфику.

Под этим углом зрения и сам «Людши чуныццо» предстает как субстанциализированный *ци*-субстрат мысли авторов — одновременно и модель, и элемент великого единого. Не случайна забота авторов о композиционном совершенстве «Людши чуныццо». Его математическая законченность в их глазах — залог преодоления мифологических представлений о хаотичности, бессистемности мира и утверждения идеи его упорядоченности, а также объективности и познаваемости его законов. Благодаря этому становится возможным распространение законов функционирования системы на человеческое общество, политику, этику и обоснование идеи государственности. Все это подразумевает наличие у авторов «Людши чуныццо» сложившейся системы ценностей.

IV. СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Единое и двойственное

Единое прежде всего характеризуется тем, что оно не ограничено никакими временными рамками. «Никто не знает, где его начало и где его конец, никто не ведает, откуда оно пошло и где ему положен предел. Но все сущее почитает его своим предком»¹⁰⁶. Единое выступает как в роли прародителя-предка всего сущего, так и в качестве первопричины его существования. Единое существует вне зависимости и раньше всякого знания о нем. Все сущее обязано своим появлением единому, а причастности единому тем, что называется завершенностью: «Все сущее в мире по обретении единого находит свое завершение»¹⁰⁷. Неизвестно, существовало ли что-либо раньше единого, но все, что существует благодаря единому, ведет начало от него и связи с ним не порывает, так как вне такой связи не могло бы достичь завершенности, обрести определенную форму.

Этой формой, как мы постараемся показать, все сущее подобно единому, причем это подобие становится очевидным и осязаемым, когда каждый отдельный объект в процессе становления достигает стадии завершенности, после чего

¹⁰⁶ Там же, с. 96.

¹⁰⁷ Там же, с. 94.

начинается обратный процесс разложения, понимаемый как возвращение к единому, т. е. к первоначальному состоянию.

С точки зрения развертывания единого во времени в каждый отдельный момент времени в мире существует бесконечное множество подобий единого на стадии завершенности — это и есть все наблюдаемые объекты, вещи, воспринимаемые органами чувств. С точки зрения бесконечного времени, в течение которого описанный выше цикл становления и исчезновения свершается несчетное количество раз, единое остается неизменным, а отдельные эпизоды, возникающие в процессе его трансформаций в мире, кажутся весьма малозначительными.

Но для человека как субъекта, присутствующего при всех этих превращениях, к тому же составляющих для него жизненно важную основу, не менее, а может быть, и более значительны именно эти эпизоды. Поскольку мир с точки зрения определяемого лишь отрицательно дао-единого едва ли представим, нам придется ограничиться лишь человеческой точкой зрения и рассматривать мир главным образом в отдельно взятый момент. Первым из таких моментов, как мы видели, следует считать момент порождения великим единым двух начал, т. е. двойственного. После этого момента, который происходил, конечно, не на наших глазах, мы наблюдаем постоянное взаимодействие двух начал, выражающееся в массе мелких с точки зрения единого событий, из которых укажем лишь на смену четырех времен года.

Двойственное позже по времени, оно обладает меньшей по сравнению с единым ценностью. Поистине «...единое повелевает, двойственное ему следует»¹⁰⁸. Поскольку два начала противоположны по существу, борьба между ними может принимать самые крайние формы, речь идет о жизни и смерти¹⁰⁹. Однако борьба не единственная форма их отношений. Истинным моментом завершенности следует признать момент слияния. В момент обретения телами состояния завершенности они как бы воспроизводят свое первоначальное бытие в лоне единого, что выражается термином «обретение единого»¹¹⁰.

Поскольку само единое, как единица, есть лишь математическое выражение, символ целого числа, т. е. любой вообще целостности, то в делении его на два заложен образ утраты изначальной целостности, в возвращении к единому — образ восстановления изначальной целостности. Инь и ян в состоянии завершенности, гармонии представляют собой образ единого, образ восстановленной изначальной целостности. Для того же, чтобы в состоянии завершенности они могли представлять

¹⁰⁸ Там же, с. 110.

¹⁰⁹ См. там же, с. 108.

¹¹⁰ См. там же, с. 94.

собой образ целостности, необходимо, чтобы они были величинами дополнительными по отношению друг к другу, что выражается набором атрибутов, представляющих собой в понятийном плане противоположности (холод-жар; день-ночь; свет-тьнь и т. д.). Поскольку же единицей вообще можно обозначать любую целостность, то любая вещь, понимаемая как целостность, будет символом, образом единого. Любая целостность может утратить свою целостность, раздвоиться, разделиться на множество и т. д., но если ее продолжать представлять как изначальную целостность, то все ее части будут дополнительными по отношению друг к другу элементами целостности и в состоянии завершенности, т. е. в момент прекращения дихотомического или недихотомического деления, обретут наибольшее подобие первоначальной целостности, вновь ее «обретут».

Все сущее, таким образом, противопоставлено первоначальной целостности, единому, но в то же время представляет собой ее образ, так как в сумме в известном состоянии именно эту целостность собой и представляет. Если же мы возьмем целостность более низкого порядка, например понимаемое как целостность человеческое тело, то утрата этим телом даже одного волоска будет с этой точки зрения утратой телом своей целостности, сохранение же волоска — сохранением целостности. В более же широком смысле сохранение волоска небезразлично и для сохранения целостности мира, единого.

Выраженные в таком самом общем виде представления о едином как первоначальной целостности и о любой целостности на любом уровне, в том числе и на уровне познания, как идеальном образе единого, мы в дальнейшем для простоты изложения будем называть инвариантом единого. Этот инвариант единого, на наш взгляд, лежит в основе всех представлений о мире авторов «Люйши чуньцзо».

Уровень, на котором мы с этим инвариантом встречаемся в памятнике, есть результат долгого исторического развития, а истоки его — в мифологических представлениях древних. Всякий же миф «есть такое построение, в котором сконденсировано в виде одной напряженной равнодействующей силы целое множество самых разнообразных исторических продуктов и образований»¹¹¹, и мы постараемся проследить это направление равнодействующей в данном случае.

Как мы видели, функционально единое по отношению ко всему сущему является прародителем, первопродком. В первоначальных вариантах космогонических мифов этот первопродок выступал еще не в виде единого, а в виде единственного,

¹¹¹ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 18.

единичного. При этом он обнаруживал некоторые зооморфные черты, сменившиеся позднее антропоморфными¹¹², но, что отметим сразу же, так или иначе представлял собой некое тело. На этапе зооморфном этот первопредок, носивший наименование «хуньдунь», — «дикий зверь, похожий сразу на собаку и на медведя, имеющий глаза, но ничего не видящий, имеющий уши, но ничего не слышащий»¹¹³. На более позднем этапе этот «хуньдунь» приобретает уже более человеческие черты, однако попытка нарушить его целостность со стороны людей приводит к его гибели¹¹⁴. По-видимому, между этими этапами лежат варианты мифа, рисующие «хуньдуня» полузооморфным, полуантропоморфным существом — «человеком с песьей головой»¹¹⁵. На каком-то этапе или в какой-то момент «хуньдунь» либо каким-то образом творит из первоначального целого двойственное, например отделяет небо от земли ударом топора¹¹⁶, либо сам, после смерти, делится на множество вещей: «вздох, вырвавшийся из его уст, сделался ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — солнцем, правый — луной» и т. д.¹¹⁷

В еще более поздних, по всей вероятности, вариантах первопредок и его жена «положили начало *инь* и *ян*»¹¹⁸, в чем уже ясно различается антропоморфная модель порождения. В дальнейшем же первопредок уже утрачивает как зоо-, так и антропоморфные черты и становится понятием¹¹⁹. Но при этом это такое понятие, которое явно еще несет в себе черты изначальной «телесности» — это то же единство, только существующее как смешение *инь* и *ян*, света и тьмы, «небо и земля... в хаотическом единстве»¹²⁰. Существуют и прямые указания на то, что «хуньдунь» и есть единое: «то, что называется бесформенным, есть название единого»¹²¹; «еще не образовались и не сформировались вещи, назову это великим единством»¹²². На этом уровне мы и встречаемся с «хуньдунем» в «Люйши чуньцо». От его же предка — полумедведя, полупса, изначального тела, в «Люйши чуньцо» остался лишь рудимент: *инь* и *ян*, порождаемые великим единым, «кипят и бурлят» — «хунь дунь»¹²³.

¹¹² Рифтин Б. Л. Указ. соч., с. 16.

¹¹³ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965. С. 35.

¹¹⁴ Позднеева Л. Д. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967. С. 173.

¹¹⁵ Юань Кэ. Указ. соч., с. 38, 39.

¹¹⁶ Там же, с. 41.

¹¹⁷ Там же, с. 42, 43.

¹¹⁸ Там же, с. 327.

¹¹⁹ Померанцева Л. Е. «Хуайнаньцзы» — древнекитайский памятник II в. до н. э. (дисс.). М., 1972. С. 44.

¹²⁰ Там же, с. 44.

¹²¹ Там же, с. 45.

¹²² Там же, с. 44.

¹²³ Наст. изд., с. 109.

Уже в самой картине мира, как она представлена в «Люйши чуньцю», заложены определенные предпосылки для отношения к миру человека. А поскольку отношение к миру человека выражается прежде всего в стремлении как-то организовать имеющуюся информацию о внешнем мире, т. е. упорядочить свои знания о мире и тем самым представить себе мир как упорядоченное целое, неизбежно возникновение некоторой системы ценностей. Первым постулатом такой системы ценностей следует считать, на основании вышеизложенного, постулат о преимущественной ценности единого, т. е. целостности по сравнению с утратившим целостность, двойственным, множественным. Однако, если по отношению к целому двойственное обладает одинаковой степенью, если можно так выразиться, ущербности, то внутри двойственного, т. е. в его системе, также существует определенная иерархия, некое старшинство. Так, в системе *инь-ян* старшим элементом считается *ян*, в системе *небо-земля* — *небо* и т. д. Такое распределение ценностей связано, по всей видимости, уже с оценкой человека, а поскольку в наблюдаемом им мире *небо* и его символ — *ян* расположены в пространстве выше, чем, например, *земля* и ее символ — *инь*, они и обладают соответственно высшей ценностью.

То же самое можно отметить и относительно систем, симболизируемых большими, чем два, числами. Так, о троице «небо-земля-человек» можно сказать, что она обладает равной степенью ущербности по отношению к породившему ее первопредку — единому¹²⁴. Однако внутри этой системы человек обладает меньшей ценностью, чем два других элемента, поскольку он порожден, как мы видели, небом, а среди шести его предков мы находим и землю. Человек, таким образом, обладает меньшей ценностью, чем *небо* и *земля*, поскольку последние расположены по времени раньше, чем он. Наконец, ценность может устанавливаться и по функции: сердце — старший из пяти органов, обладающих равной степенью ущербности по отношению к телу как целому, и т. п.

Вполне понятно, что определенные объекты могут обладать высшей по отношению к другим объектам ценностью по всем трем основаниям: так, великое единое, *дао*, будет обладать высшей по отношению ко всему сущему ценностью и по времени, и по пространству, и по функции. *Дао* в этом смысле представляет собой некую сверхценность, именно поэтому, по одному из определений, его и называют «не имеющим пары»¹²⁵. Иными словами, если бы у *дао* была пара, то хотя оно и могло бы быть старшим по отношению к другому элементу пары,

¹²⁴ См. там же, с. 83.

¹²⁵ Померанцева Л. Е. Указ. соч., с. 46.

оно должно было бы, по логике системы ценностей, вместе с этим другим элементом обладать некоей степенью ущербности по отношению к высшей целостности, что невозможно по определению.

Понимание вышеописанной системы ценностей свойственно только *мудрецу*, а полная объективация им этой системы ценностей является для него не чем иным, как полной объективацией самого себя.

Мудрость и невежество

Собственно мудрец в «Ляюши чуңцю» обозначен термином, обыкновенно переводимым словом «совершенномудрый», однако заметим, что он существует как бы в двух ипостасях: как просто мудрец и как мудрый царь, причем первый переходит на роль второго, попадая на царство, становясь «лицом к югу». При этом сущности своей он не изменяет, а потому для наших целей мы можем пока не учитывать различия между просто мудрецом и мудрецом на царстве.

Мудрецы происходят из обыкновенных людей, даже сплошь и рядом из простых, постепенно обретая атрибут мудрости. Процесс этот достаточно сложен и продолжителен, однако в основе его лежит, по-видимому, представление о том, что коль скоро, как мы видели, человек состоит в значительной степени из того же материала, что и прочие наблюдаемые объекты, а именно, из *ци*, то и мудрость в нем определяется главным образом особым качеством этого *ци*, или особой его «тонкостью».

Величие и разумность — не врожденные качества мудреца, а качества, присущие *цзинци* — как эссенция *ци*: «Такова природа *цзинци* — она легка и дает полет, подвижна и дает бег, прекрасна и дает красоту, растуща и дает рост, просвещена и дает разум»¹²⁶. При этом *цзинци* по функции выше *ци* и потому в некотором смысле им управляет в человеческом теле. Но и сам *цзинци* управляется внешними по отношению к нему факторами: «Проточная вода не зацветает, дверную петлю не точит червь. Это от движения. Телесная *ци* сродни этому. Если тело неподвижно, *цзин* не переливается по нему; когда *цзин* не переливается — *ци* в застое. Если *ци* застоится в голове, — это вызовет головные боли и простуду, если в ушах — шум в ушах и глухоту, если в глазах — нагноение и слепоту, если в носу — насморк и гайморит, если в животе — газы и икоту, если в ногах — паралич и судорогу»¹²⁷.

Если *ци* обеспечено нормальное функционирование в организме, он достигает всех уголков тела, в том числе и сердца,

¹²⁶ Наст. изд., с. 90.

¹²⁷ Там же.

обители мысли¹²⁸ и души, состоящей, по всей видимости, также из *ци* особого качества. *Ци* души — это еще более тонкая фракция, чем *цзинци*. Познавание души представляет собой не что иное, как обретение единого¹²⁹, т. е. выполнение в полном объеме задачи, стоящей перед мудрецом, — именно душой мудрец слит с великим единым¹³⁰. Поскольку великое единое (единое) есть, как мы видели, некое тело, то и сродное ему должно пониматься как тело, целостность. В случае с мудрецом под такой целостностью понимается собственное его тело, посему и основной, и первоочередной задачей для мудреца будет сохранение своего тела «в целости». Интересно, что тело в данном контексте называется словом «небо», этим подчеркивается связь между человеком как целостностью и его предком-небом (природой) как целостностью: о мудреце говорится, что он предпринимает определенные действия, «с тем, чтобы сохранить в полноте свое собственное существо (букв. небо.— Г. Т.)»¹³¹.

Сохранение в полноте собственного существа ведет к гармонии души и в конечном итоге — к возвышению мудреца до его предков, неба и земли: «Когда существо в полноте, дух обретает гармонию. Зрение обостряется, слух становится чутким, обоняние — тонким, вкус отменным, все триста шестьдесят суставов — гибкими и послушными. Такой человек не говорит, но ему верят, не размышляет, но творит должное, не мудрствует, но постигает истину. Разумом проникает небо и землю, душой обнимает вселенную. Нет среди сущего, чему бы он не внял, чего бы не вместил. Он сродни небу и земле»¹³².

Сохранение им своего тела в целости в пространственном смысле есть сохранение всех его элементов, во временном — сохранение всех его элементов на протяжении всей жизни, которая при выполнении первого условия будет как раз нормально долгой. По этому поводу существует соответствующее разъяснение: «Когда живут долго, это не значит, что удлиняют короткую от природы жизнь. Просто проживают до конца отпущенное природой»¹³³.

Главный враг долголетию — вещи, если не уметь с ними обращаться должным образом, ведь вещи — «это то, чем питают свое существо, а не то, что питают своим существом»¹³⁴. Сами по себе вещи не плохи и не хороши, поскольку они объективны и могут быть употреблены как на пользу, так и во вред. «Мудрец познает соотношение инь и ян и отличает

¹²⁸ См. там же, с. 266.

¹²⁹ См. там же, с. 94.

¹³⁰ См. там же, с. 273.

¹³¹ Там же, с. 73.

¹³² Там же, с. 73—74.

¹³³ Там же, с. 90.

¹³⁴ Там же, с. 73.

благотворное для тьмы существ, дабы помогать жизни. Потому ум и душа его покойны в теле, и живет он долгие годы»¹³⁵.

В целом вся система мер, направленная на достижение состояния гармонии, обозначается термином «упорядочение». Упорядочение собственного тела достигается мудрецом путем подражания природе (небу-земле). Мудрец — это прежде всего человек с «упорядоченным телом». Тогда как невежда — это прежде всего человек (по комментарию Гао Ю) с «неупорядоченным телом»¹³⁶. Неупорядоченность его тела, а следовательно, и души проистекает из неправильного отношения к вещам и явлениям внешнего по отношению к его телу мира.

Мудрец сохраняет природу человека как вида, невежды ее утрачивают, поскольку не ведают, что существенно, а что несущественно; поскольку же не ведают этого, то «существенное мнят несущественным, несущественное — существенным. В этом случае каждый их шаг обречен на неудачу»¹³⁷.

Существенным невежда мнит, главным образом, вещи внешнего мира, яркие и привлекательные. Притом, если он богат и знатен, то подвержен этому больше, так как вещи для него доступней. Бедным же и незнатным «вещи даются с трудом, и даже при большом желании им едва ли доступны излишества»¹³⁸. В этом смысле богатство и знатность хуже бедности и худородства.

Различать полезное и вредное человек способен благодаря заложенному в нем от природы особому качеству — *цин*. Можно сказать, главное различие между мудрецом и невеждой проходит по линии отношения к тому, что выражено данной категорией. Как мы помним, человек был поначалу рожден небом, и в этом первоначальном своем виде сына природы был индифферентен по отношению к миру. Но такое его состояние, так сказать, первобытной невинности продолжалось недолго, ибо «небо... наделяет его любострастием. Если бы человек не обрел бы его, он не искал бы ему удовлетворения. От неба же человек наделен злобой. Если бы он не обрел ее, он не ходил бы кривыми путями»¹³⁹. Эта способность к желанию и отращению дана от неба-природы, и потому человек не может ни избавиться от нее, ни что-либо в ней изменить¹⁴⁰. Как и долголетие, эта способность входит в природу человека. Именно эта его врожденная способность стремиться к приятному и избегать неприятного и получила наименование *цин*. «Все, обладающее сущностью (*цин*. — Г. Т.) и плотью, должно быть соответст-

¹³⁵ Там же, с. 89—90.

¹³⁶ Комментарий Гао Ю см.: Люйши чуньцю (на кит. яз.), с. 16.

¹³⁷ Наст. изд., с. 73.

¹³⁸ Там же, с. 74.

¹³⁹ Там же, с. 110.

¹⁴⁰ См. там же.

вующим образом вскармливается. Излишний холод или жар, переутомление или праздность, голод или перекормленность — эти шесть вещей противны истинной сущности. Тому, кто вскармливает, следует следить за тем, что противно истинной сущности, дабы прийти к тому, что согласно истинной сущности»¹⁴¹. Тот, кто в течение продолжительного времени способен поддерживать соответствие между требующимся вскармливаемому и предоставляемым вскармливающим, «обретает долгую жизнь»¹⁴², что, как мы видели, проистекает из сохранения в целостности природы. Благодаря наличию *цин* человек в состоянии отличить полезное от вредного для его природы, так как именно наличие у него этого свойства побуждает его интуитивно стремиться к приятному и сторониться неприятного. Можно сказать, что все, обладающее *цин*, инстинктивно реагирует положительно или отрицательно на внешние раздражители. Информацию же о раздражении человек получает через ощущения, передающиеся в его сознание. Рефлективная цепочка выглядит, следовательно, таким образом: с помощью внешних органов (тактильные конечности и вся поверхность тела¹⁴³) человек реагирует на внешние раздражители, т. е. на среду вообще, получает о них информацию; наличие у него *цин* позволяет ему оценить эту информацию с точки зрения ее полезности или вредности для его природы: в первом случае *цин* будет заставлять человека желать приятного объекта, во втором случае *цин* будет заставлять человека испытывать отвращение к неприятному объекту. Соответствующим образом он и будет корректировать свое поведение: в первом случае стремиться к объекту, а во втором его избегать.

То же самое происходит и когда человек реагирует на среду через органы восприятия, с той лишь разницей, что каждому органу соответствуют свои собственные, особые пожелания, в них *цин* специализирована. Общая *цин* человека «жаждет долголетия и ненавидит преждевременную смерть, жаждет спокойствия и ненавидит тревогу, жаждет славы и ненавидит позор, жаждет отдохновения и ненавидит труды. Когда эти четыре стремления удовлетворяются, а четыре ненавидимые вещи удаляются, сердце приходит к упорядоченности»¹⁴⁴.

Специализированная *цин* ушей, глаз, носа и рта состоит соответственно в желании ими прекрасных звуков, видов, ароматов и вкусовых ощущений. Однако эти внешние органы восприятия представляют внутренние органы (соответственно

¹⁴¹ Там же, с. 111—112.

¹⁴² Там же, с. 112.

¹⁴³ См. там же, с. 96, 97.

¹⁴⁴ Там же, с. 112.

печень, легкие, почки и желчный пузырь), из которых главный — сердце. Поэтому, когда сердце нерадостно, органы восприятия утрачивают все желания. «Жаждают (приятного — Г. Т.) ухо, глаз, нос или рот, но радуется или не радуется сердце. А сердце может радоваться лишь тогда, когда оно пребывает в гармонии и равновесии. Ухо, глаз, нос или рот могут предать своим желаниям лишь тогда, когда радуется сердце. Порадовать же сердце можно, приведя его к гармонии. Приходит же сердце к гармонии, когда оно следует упорядоченному»¹⁴⁵.

Субстратом всех вышеперечисленных психических состояний человека и их эволюции, материальным носителем психо-соматической информации выступает *ци* — естественное связующее звено между телом и средой: и то, и другое представляет собой *ци* в разных формах; сообщение между ними происходит за счет своеобразного резонанса¹⁴⁶.

Цин специализируется по шести видам желаний — четыре вида *цин* обслуживают органы восприятия, а именно, как мы видели, глаза, уши, нос и рот, и еще два вида представляют, по-видимому, *цин* всего тела (организма) в целом, так как реагируют непосредственно (инстинктивно) на жизнь и смерть как состояния¹⁴⁷. Реализация всех шести желаний зависит непосредственно от состояния сердца, связанного, по всей видимости, с состоянием специализированного субстрата *ци*, который может пребывать в состоянии «утвержденном»¹⁴⁸ и в состоянии «смятения»¹⁴⁹. Когда *ци* сердца в «смятении», все органы восприятия отключаются, так как им передается «смятение» *ци* сердца, что связано со специализированным *ци* «девяти отверстий»¹⁵⁰. Именно этой передаточной функцией объясняется, по-видимому, столь широкая специализация *ци* в человеческом теле вообще.

Наличие такой достаточно сложной системы взаимосвязей между различными органами восприятия среды и таким чутким аппаратом, реагирующим на все изменения окружающей среды, как *цин*, объясняется лишь тем, что такова природа человека, данная ему от неба при рождении со всеми присущими ей, природными свойствами. Выражаясь современным языком, *син* — это совокупность всех элементов человека как сложной биологической системы, а *цин* — тот аппарат этой системы, посредством которого она способна сохранять гомеостазис.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Померанцева Л. Е. Указ. соч., с. 67.

¹⁴⁷ Наст. изд., с. 82. Комментарий Гао Ю см.: Люйши чуньцзо (на кит. яз.), с. 15.

¹⁴⁸ См. наст. изд., с. 108.

¹⁴⁹ См. там же, с. 111.

¹⁵⁰ См. там же, с. 344.

«Небо рождает человека наделенным страстями и желаниями. Желания порождают стремления (*цин*. — Г. Т.), стремлениям присуща мера. Мудрец познает эту меру, дабы сдерживать свои желания. Поэтому и в стремлениях своих он не преступает грани»¹⁵¹. То, что уши жаждут пяти звуков, глаза — пяти цветов, рот — пяти вкусовых ощущений, — результат наличия *цин*, поскольку это есть чувство. Поэтому к этим вещам стремятся в равной степени знатный и незнатный, тупой и разумный, благородный и неблагородный — в этом отношении «Шэнь-нун и Хуан-ди в этом таковы же, что и Цзе и Чжоу»¹⁵². Но пользуются своей *цин* все они по-разному. «Мудрец же отличается тем, что он постигает свои стремления»¹⁵³.

Сознательное отношение мудреца к своей *цин* определяется тем, что он пользуется ею, имея в виду высшую ценность жизни¹⁵⁴. «Стремления постигают, когда действуют, исходя из преимущественной ценности жизни. Суть же утрачивают, когда действуют, исходя не из преимущественной ценности жизни. В этих двух вещах заключен корень жизни и смерти, существования и гибели»¹⁵⁵. Мудрец как раз и отличается тем, что «охватывает умом Поднебесную, и ничто не ценит он в ней так, как жизнь»¹⁵⁶. Поэтому он исходит из того, что уши, глаза, нос и рот должны быть поставлены на службу жизни, т. е. способствовать ее продлению. Потому он не дает им воли, а ограничивает их в их устремлениях, рассматривая их как чиновников, которым «не дают воли, но всегда их сдерживают. Это и есть умение ценить жизнь»¹⁵⁷.

Невежда не поступает таким весьма разумным образом потому, что либо его система *цин* ущербна¹⁵⁸, либо он вообще не имеет представления о наличии у него такой прекрасной системы, не умеет ею пользоваться¹⁵⁹.

Итак, долголетие «предусмотрено» породившим человека небом, которое наделило человека и инструментом для исполнения своего предназначения. Но это — инструмент обоюдоострый и обращаться с ним нужно осторожно, даже с опаской. Если *цин* используется таким образом, что все чувства находятся под контролем главного из внутренних органов — сердца, чувства эти обретают состояние гармоничности. *Ци* сердца в этом случае в утвержденном состоянии, в сердце — гармония и равновесие. *Цин* дает человеку в таком состоянии ощущение

¹⁵¹ Там же, с. 82.

¹⁵² Там же, с. 83.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См. там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же, с. 80.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ См. там же, с. 81—82.

¹⁵⁹ См. там же, с. 74.

радости, сигнализируя, что он на правильном пути, т. е. движется в согласии со своим жизненным предназначением и непременно достигнет конечного пункта, прожив все положенное ему от природы число лет. *Цзини* циркулирует по телу такого человека свободно, достигая всех частей тела, ежедневно обновляясь, дурные вещества своевременно удаляются, поэтому *ци* нигде не застаивается, болезнетворным веществам снаружи не удастся проникнуть внутрь, и человек ничем не болеет. Его душа, наиболее тонкая фракция в состоянии концентрации, пребывает в гармонии и непосредственно сливается с тонкими фракциями *ци*, составляющими великое единое, что и означает обретение мудрецом единого.

Таким образом, упорядочение тела как целостности, наступающее вследствие подражания целостности природы, ставит человека на одну ступень с предком-природой. Человек становится полноправной целостностью в системе целостностей, составляющих великое единое. Большого достичь невозможно, ибо «каждому живущему между небом и землею предстоит смерть: избегнуть этого нельзя»¹⁶⁰.

«Век человека не превышает ста годов, а в среднем не более шестидесяти. Тот, кому эти сто или шестьдесят лет покажутся бесконечностью, обманется в своих надеждах»¹⁶¹. Бессмертия нет, ибо «у неба дао круглое»¹⁶², и всякая плоть следует по пути замкнутого цикла: «Когда вещи двигаются, появляются ростки. Прорастают и живут, живут и произрастают и становятся крупными, становятся крупными и завершают свой рост. Завершив рост, начинают слабеть, слабеют и засыхают, засыхают и уходят. Таково круглое дао»¹⁶³. Таков путь всякой плоти, и в том числе человека, который после рождения, роста и становления достигает завершения, а затем слабеет и умирает, возвращаясь в вечное великое единое, в это великое хранилище, из которого дао черпает материал для создания новых циклов жизни.

Порядок и смута

Из вышеизложенного ясно, что мудрец, поставивший себе целью достижение состояния завершенности и слияния с единым, должен быть весьма осторожен в отношении того, что может воспрепятствовать ему выполнить поставленную задачу. Как мы видели, путь к состоянию упорядоченности долог и труден и предполагает массу знаний и значительные усилия. Естественно, нежелательно терять обретенное такими трудами, из-

¹⁶⁰ Там же, с. 155.

¹⁶¹ Там же, с. 157.

¹⁶² Там же, с. 95.

¹⁶³ Там же, с. 96.

за малоценных, с точки зрения мудреца, вещей, таких, как знатность, богатство или царство.

«Ведь сказано: «Истина дао в том, чтобы сохранять себя, прочее можно употребить на управление страной, оставшееся от этого — на управление Поднебесной». В этом смысле труды предков царей — то, к чему мудрец обратится в последнюю очередь, ибо это отнюдь не тот путь, на котором совершенствуют себя, вскармливают собственную жизнь»¹⁶⁴.

По-видимому, мудрец никогда не стал бы обременять себя трудами властителя, если бы все в мире пребывало в состоянии гармонии. Но это отнюдь не так: «Ныне же мир пришел к упадку, дао мудрых царей предано забвению. Властители нашего века заботятся лишь о собственных удовольствиях и развлечениях: заняты тем, чтобы сделать огромными свои колокола и барабаны, роскошными свои павильоны и беседки, сады и парки. Посему они простирают руки к народному достоянию, мало раздумывают, предавая народ смерти ради удовлетворения своего гнева. Старые и слабые умирают от холода и голода, когда могли бы еще жить, сильные и крепкие терпят крах, нищают, впадают в униженное состояние. А тут еще гибель и плен, походы на ни в чем не повинные царства с целью приобретения земель, кары на ни в чем не повинный народ, налагаемые ради обретения выгоды»¹⁶⁵. Мудрец все же мог бы найти выход — удалиться от мира, погрязшего в пороках, вступить на путь отшельничества — испытанную стезю не удовлетворенных действительностью. Ведь обрета единое и достигнув завершенности, он тем самым обладает высшим знанием — «знанием единого»¹⁶⁶, а потому как целостность, подобная великому единому (*дао*), представляет собой, так сказать, самодостаточный организм. «Посему тот, кто познает знание единого, возвращается назад к безыскусственности. Ему легко удовлетворять желания и страсти. Он питается умеренностью и простотой, и никто не в силах его заполучить. Удалившись от мира, он радуется своей внутренней сущности и чистоте помыслов, и никто не в силах его залучить. Опасности не повергают его в страх, власть не делает робким, и никто не в силах его подчинить»¹⁶⁷.

И все же это не решение проблемы, и притом не решение не только в общественном, но и в личном плане, поскольку мудрец не может себя чувствовать вполне спокойным в мире, где лишь один он достиг состояния завершенности, а действия других нарушают порядок, основой которого является сохранение

¹⁶⁴ Там же, с. 81.

¹⁶⁵ Там же, с. 187.

¹⁶⁶ Там же, с. 94.

¹⁶⁷ Там же.

в полноте всех компонентов мироздания. В конечном счете гибель, например, неразумного правителя, как мы видели, предопределена, но беда в том, что, погибая, он, как правило, увлекает за собой множество неповинного народу.

Мудрец не может предотвратить нарушения гомеостазиса вселенной в целом, вытекающего из по большей части бессознательной деятельности невежд, из которых наиболее опасным представляется невежда на царстве, как имеющий наиболее широкие возможности. Поэтому, хотя и с болью в сердце, мудрецу приходится делать вывод, что спасти вселенную от напастей, чинимых невеждами, можно лишь поставив на место правителя мудреца, т. е. себя самого, тем более что он лучше всех подготовлен к этой роли, ибо «наведение порядка в самом себе и в государстве — умения одного рода»¹⁶⁸.

Сознание мудрецом *необходимости* поступить именно таким образом ради всеобщего блага, т. е. ради блага мира как высшей целостности, народа как целостности и собственного тела как целостности, лежит в основе того, что обозначается термином «необходимость», обычно переводимым как «долг». То, что делает его *способным* к выполнению этой задачи, обозначается термином «сила» или «добродетель».

Следуя необходимости, мудрец в конечном счете заботится о благе для себя самого, поскольку ему несравненно легче выполнить истинное свое предназначение в упорядоченном, подобно его собственному телу, социуме, нежели в охваченном смутой царстве невежд. В этом смысле для него «долг» заключается прежде всего в том, чтобы оказывать «благодеяние себе самому»¹⁶⁹. Вместе с тем, упорядочивая социум в целом, приводя его в состояние завершенности, мудрец заботится и о благе социума как целостности. Начиная с себя, он преобразует в перспективе весь мир. В этом он следует примеру предков: «Мудрые цари древности совершенствовались самих себя, и Поднебесная совершенствовалась им вослед; управляли собой, и Поднебесная им вослед становилась управляемой»¹⁷⁰.

Что же касается силы, с помощью которой мудрец упорядочивает мир, то вследствие того, что тело его упорядочено, а душа в гармонии, он аккумулирует и генерирует своеобразную энергию — *дэ*, способную влиять благотворно на окружающую среду, подобно тому как благотворно влияет на нее «жизненная сила» природы. Посему мудрец — это «человек полного *дэ*»¹⁷¹, а невежда, неспособный сохранить в полноте свою

¹⁶⁸ Там же, с. 262.

¹⁶⁹ Там же, с. 92.

¹⁷⁰ Там же, с. 91.

¹⁷¹ Там же, с. 74.

жизнь,— тот, «в ком слабо дэ»¹⁷². Если бы мудрец никак не проявлял свою дэ, мир никогда бы не узнал о ее существовании. Поэтому до тех пор пока мудрец не вступил на путь общественного служения, нам вообще не приходилось касаться этого его качества.

Дэ присуща не одному только мудрецу и, вообще говоря, унаследована им от своих предков—неба, земли и четырех времен года. Еще задолго до появления на общественном поприще мудреца небо, земля и четыре времени года «следуют своему дэ, и все существующее развивается и растет»¹⁷³. «Сила весны—ветер, но, когда этот ветер не внушает доверия, цветение не бывает пышным, и поэтому плоды не завязываются. Сила лета в жаре, и, если жара ненадежна, земля не наливается плодоносящей силой; а если земля не набухает—созревание происходит слишком долго, и зерно высеивает не лучшее. Сила осени в дожде, но, если дождь ненадежен, злаки не становятся крепкими; а когда они не становятся крепкими, тогда все пять видов семян не вызревают. Сила зимы—холод, но, если холода ненадежны, земля не становится крепкой; а когда земля не становится крепкой—не начинается зимнее затворение»¹⁷⁴.

В основе силы природы, таким образом, также способность генерировать дэ, которая проявляется внешним образом в различных явлениях (ветер, жара, дождь, холод) или, с особой силой, как всеобщая «жизнетворная сила», в различных стихиях. Поскольку же, как мы видели, все эти явления и стихии своим субстратом имеют различные формы *ци*, то по природе своей дэ, по-видимому, не что иное, как напор, создаваемый движением *ци*, способность потока *ци* с большей или меньшей силой воздействовать на объекты мира.

По этой причине *ци* и дэ иногда как бы подменяют друг друга: так, существует *ци* холода, но не существует *ци* жара, хотя и холод, и жар—силы соответственно зимы и лета. Тем естественнее, что дэ мудреца изливается на народ как бы в форме *цзинци*: «Мудрец становится лицом к югу, помышляя с любовью о благе народном. Он не успевает еще отдать повеления, как все в мире уже вытягивают шеи и становятся на цыпочки; цзин его тогда изливается прямо в сердце народное»¹⁷⁵.

Секрет воздействия мудреца на социум, таким образом, в том, что он действует как бы не от себя только лично, а как представитель (передатчик) природной силы, притом, по-видимому, по «каналам» *ци*. «Дэ (в данном случае безличная сила.— Г. Т.)—истинный властелин над тьмой народа, как луна—

¹⁷² Там же, с. 122.

¹⁷³ Там же, с. 77.

¹⁷⁴ Там же, с. 327.

¹⁷⁵ Там же, с. 151.

корень всему *инь*. Когда луна полная, набухают жемчужницы, наполняется все, что *инь*. Когда луна на ущербе, жемчужницы усыхают, истощается все, что *инь*. Вот: луна на небе, а все, что *инь*, меняется вслед ей в пучине морской. Так и мудрец: следует *дэ* в себе самом, а люди по всем концам света склоняются к доброте»¹⁷⁶.

Связь между луной, которая, кстати говоря, понимается как тело, и жемчужницей осуществляется за счет своеобразного резонанса, передающегося через *ци*. Точно так же осуществляется и связь между людьми, однородными по *ци*: «Когда некто пребывает в Цинь, а дорогой ему человек умирает в это время в Ци, тогда *ци* воли у него приходит в движение, а *цзин* то приходит, то уходит»¹⁷⁷. Ответная же реакция народа (социума) на воздействие на него *дэ* мудреца заключается в том, что он действует согласно пожеланиям мудреца, помышляющего о народном благе, поскольку безусловно верит в него и в его силы точно так же, как цветы, распускающиеся весной, «верят» в силу весны (ветер), земля — в силу воздействующего на нее лета (жар) и т. п.

Мудрец на царстве, являющий народу свою силу, может рассчитывать на доверие к нему со стороны народа, «злодей же, несущий людям зло»¹⁷⁸, нет, так как люди сразу же обнаруживают его злую волю с помощью своей *цин*. Таким образом, народ может, пользуясь своей *цин*, как бы отзываться на колебания *ци*, вызванные воздействием на нее, как на медиума, силой мудреца, желающего народу добра, или же волей злодея, желающего принести народу зло.

Эта способность воспринимать колебания *ци* и реагировать сродни, как мы уже говорили, «резонансу», свойству музыкальных тонов: «...если звуки сродни, они перекликаются. Когда берут ноту гун, все настраиваются на гун; кода берут ноту цзюэ, все настраиваются на цзюэ»¹⁷⁹.

Это происходит тогда, когда мы имеем дело, так сказать, с хорошо темперированным звукорядом. То же самое относится и к различным родам явлений и объектов в целом: «Что сродни — тянется друг к другу. Если *ци* сродни, они сливаются»¹⁸⁰. Поэтому «облака в горах похожи на ростки и травы, облака над водами — на рыбу чешую. Облака в засуху похожи на дым и огонь, облака в дождь — на речные волны»¹⁸¹.

Но было бы неправильно думать, что звукоряд, например, был темперирован человеком непосредственно, хотя это произошло не без его участия. Так, «во времена великих мудрецов,

¹⁷⁶ Там же, с. 151—152.

¹⁷⁷ Там же, с. 151.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же, с. 183.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

когда мир пришел к истинному закону, слияние *ци* неба и земли породило ветер. Когда солнце пришло в некое положение, луна придала этому ветру определенной высоты звук, как у колокола, и таким образом появились двенадцать тонов. Во второй луне зимы, в самый короткий день родился тон *хуанчжун*. В последний месяц зимы родился *далюй*, в первую луну весны — *тайцу*, во вторую — *цзячжун*, в последнюю — *гусянь*. В первую луну лета родился *чжунлюй*, во вторую, в самый длинный день — *жуйбинь*, в последнюю *линьчжун*. В первую луну осени родился *ицзэ*, во вторую луну — *наньлюй*, в третью — *уи*, а в первую луну зимы — *инчжун*. Когда *фэнци* неба и земли (*ци* ветра, порожденного небом и землей. — Г. Т.) в правильном соотношении, двенадцать тонов утверждены»¹⁸².

Здесь создателями гармонического звукоряда выступили природные силы, и прежде всего одна из форм *ци*, однако произошло это, когда миропорядок не был ничем нарушен, музыка явилась выражением гармонии мира. «Все сущее появляется от великого единого, свершает превращения с *инь* и *ян*. Ростки приходят в движение; затвердевая и застывая, обретают конечную форму. Обретая конечную форму, они занимают собой определенное пространство, а у всякого пространства — определенный тон. Тон рождается из согласия, согласие — из упорядоченности. На этом основывались при установлении музыки первые цари»¹⁸³. Именно поэтому, в конечном счете, музыка «рождается из меры, коренится в великом едином»¹⁸⁴.

Музыка в целом, как совокупность определенным образом упорядоченных и согласованных звуков, тоже представляет собой целостность, внутри которой все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, все тоны порождены «корнем» — тоном *хуанчжун*, а следовательно, по инварианту единого, музыкальный звукоряд также представляет собой образ единого, своего рода музыкальное «тело».

Поэтому нарушение упорядоченности в музыкальных тонах ведет к нарушению целостности музыкального «тела», воспринимается как нарушение равновесия. Упорядоченной музыке радуются, и в равной степени ею наслаждаются «справитель и подданный, отец и сын, стар и млад», и радость и наслаждение эти проистекают из уравновешенности; а «уравновешенность рождена дао»¹⁸⁵.

Поэтому с помощью музыки мудрец на царстве может дать представление о великом едином всему двойственному (отцу и сыну, старшему и младшему и т. д.). Ибо, как мы знаем,

¹⁸² Там же, с. 119.

¹⁸³ Там же, с. 109.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же, с. 110.

«единое повелевает, двойственное ему следует»¹⁸⁶. По этой причине «мудрецы древности покидали двойственность, устремляясь к единому, и посему они способны были познать природу всего сущего. Посему тот, кто способен сделать правление единым, несет радость правителям и подданным, приводит к согласию далеких и близких, умиротворяет черноголовых, соединяет семьи. И тот, кто способен подчинять себя единому, избегает напасти, проживает свой век, сохраняет в целостности свое тело. Способный же следовать единому в управлении государством, устраняет пороки, привлекает разумных, свершает великие преобразования. Способный по примеру единого править миром упорядочивает приход холода и жара, размеряет срок ветру и дождям. Посему мудрец знает лишь единое. Ибо, кто знает единое, просвещен; кто знаком лишь с двойственностью — безумен»¹⁸⁷.

Здесь, как мы видим, сверхзадача мудреца на общественном поприще выражается в том, что он должен и, благодаря своей силе, способен, пользуясь, в частности, таким средством, как музыка, в качестве образца гармоничного целого, привести в упорядоченное состояние весь мир, как он уже привел в упорядоченное состояние свое собственное тело. В случае, если ему удастся справиться с этой задачей, он обретает статус истинно мудрого царя, достойного потомка своего предка — неба. «Небо порождает все живое, человек воспитывает и взращивает. Того, кто воспитает рожденное небом без ущерба для него, назову сыном неба»¹⁸⁸.

Как истинный сын неба, мудрец на царстве следует единому в помыслах о сохранении в полноте всего живого в мире вообще и своих подданных, как части мира, в частности; при этом он пользуется общедоступным средством — музыкой, давая своим подданным наглядный образец совершенства — гармонии, истекающей из упорядоченности, уравновешенности всех тонов. Подданные благодаря своей *цин* наглядно (физически) убеждаются в том, что гармония прекрасна, так как, внимая гармонии, они испытывают чувство удовлетворения. Так, «цари древности всегда полагались на музыку как средство наставления»¹⁸⁹. В свою очередь, истинно гармоничная, завершенная музыка возможна лишь в приведенном в состояние равновесия мире: «Когда мир пребывает в великом покое, все существа в умиротворении, все изменяется согласно высшему, тогда музыка достигает завершенности»¹⁹⁰.

Но музыка, конечно, есть идеальное средство приведения мира в гармоничное состояние. В реальной жизни мудрец

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же, с. 72.

¹⁸⁹ Там же, с. 114.

¹⁹⁰ Там же, с. 109.

пользуется аппаратом чиновников. Правда, и чиновничий аппарат сын неба теоретически строит как своего рода музыкальный инструмент: «Пять нот звучат в согласии, когда доля каждой точно известна. Ноты гун, чжи, шан, юй, цзюэ занимают каждая свое место, и все они звучат в унисон, не заглушая друг друга, так что среди них нет ни одной не отозвавшейся. При назначении чинов мудрый правитель действует по тому же принципу. Все чины у него расставлены по своим должностям и заняты своим делом по указаниям правителя. У правителя тогда нет повода для волнений. Когда таким образом управляют государством, государство процветает; когда таким образом готовятся к беде, ей неоткуда прийти»¹⁹¹.

Кстати говоря, в последнем случае мудрец берет за образец «квадратное дао», тогда как в случае с двенадцатью тонами, каждый из которых соответствует одной из лун года, он придерживается принципа «круглого дао» неба. Объясняется эта несообразность, вероятно, тем, что пять нот связаны главным образом с пятью стихиями, а двенадцать тональностей — с четырьмя временами года, т. е. первые — с пространством, а вторые — со временем. Так или иначе, мудрец выполняет основной завет «Послеловия» — подражает небу и земле. Главным объектом подражания для него, как мы видели, является в конечном счете всегда великое единое, природа как целостность, поскольку же ему приходится обращаться к двойственному (небо-земля), он, конечно, отдает предпочтение старшему в системе ценностей началу — небу. Небо же проявляет свою силу *дэ* в ряду таких величин, как солнце, луна, четыре сезона, из которых для мудреца наиболее осязаемыми являются, конечно, времена года, время вообще.

Поэтому для него путь подражания единому лежит главным образом через установление соответствия между своими действиями и характером времени: он действует, как бы откликаясь на ход времени, «обращается вместе со сменой времен»¹⁹². И разумом своим он пользуется главным образом для познания изменений времени.

Здесь категория времени приобретает универсальное значение, однако принцип регламентации, унификации, единообразия постоянно приводит авторов к попыткам ввести эту неопределенную величину в какие-то рамки, обозначить границы временных циклов. Так, в годовом цикле деятельность мудреца разбита на двенадцать периодов, по числу лун, каждой из которых соответствует определенная музыкальная тональность.

Природа, заинтересованная в сохранении своей целостности, гомеостаза, заинтересована и в том, чтобы социум,

¹⁹¹ Там же, с. 97.

¹⁹² Там же, с. 94.

составляющий ее часть, содействовал ей, сохраняя свою собственную целостность, поэтому она как бы предупреждает представляющего социум мудреца на царстве (сына неба) о чинимых им злоупотреблениях, которые никому, в том числе и ему самому, ничего хорошего принести не могут. Поэтому упорядоченный социум небо приветствует «благостными дождями», неупорядоченный карает «войнами и смутами».

В этом смысле мудрец на царстве может вести дело таким образом, что приведет к согласию холод и жар, размерит срок ветру и дождю, но может добиться и противоположных результатов. Поэтому то влияние на природу, о котором говорилось выше, представляет собой не следствие его субъективных желаний, а своего рода «обратную связь» между ним как элементом природы и ответственным за социум лицом и самой природой, как бы дающей оценку деятельности сына неба. Мудрец знает об этом и потому строит свою деятельность не по собственному произволу, а в соответствии с необходимостью, с пониманием важности правильного выполнения функций каждой целостностью в мире, преследуя целью общее благо подданных и вообще всего живого. При этом он не догматик и готов всегда примениться к моменту, хотя это касается частных, а не целого. В целом же пути природы неизменны, а потому знание одного из бесконечных циклов — годового цикла — дает мудрецу и знание целого — прошлого, настоящего и будущего, времени как целостности. «Настоящее есть по отношению к прошлому будущее, так же как и по отношению к будущему — прошлое. Поэтому, понимая настоящее, можно понять и прошлое; зная прошлое, можно представить и будущее. Прошлое и настоящее, что было прежде и что будет потом — едины. Поэтому мудрец знает на тысячу лет назад и знает на тысячу лет вперед»¹⁹³.

Даже посредственный правитель может с успехом выполнять свои функции, если ему удастся заполучить в наставники мудреца, кроме того, он может отказаться передавать престол по наследству своему сыну или брату и поступить по примеру Яо, у которого было десять сыновей, но который «царство передал не кому-нибудь из них, а Шуню»¹⁹⁴, совершенно в то время неизвестному человеку («в холщовой одежде»), но мудрецу.

Но все дело в том, что Яо и сам был мудрецом, а потому и передал Поднебесную другому мудрецу Шуню, который затем последовал его примеру: у него самого было девять сыновей, «но царство он передал не кому-нибудь из них, а Юю»¹⁹⁵.

¹⁹³ Там же, с. 169—170.

¹⁹⁴ Там же, с. 77.

¹⁹⁵ Там же.

Между прочим, Яо пытался предложить Поднебесную и Цзычжоу Чжифу, но тот отказался, не желая из-за Поднебесной вредить собственной жизни. А «правители нашего века все желают, чтобы их род правил непрерывно, а посему передают все своим сыновьям и внукам. И потому при назначении чинов они не в состоянии заставить их следовать квадратному [дао.— Г. Т.]. Они действуют, потакая своим личным пристрастиям. Увы! Стремятся они к далекому, но доступно им лишь близкое!»¹⁹⁶. Смысл последней фразы в том, что неразумные правители пытаются увековечить свой род на царстве, но поскольку их наследники сплошь и рядом далеко не мудрецы, сделать этого им не удастся: как мы видели, сама природа свергает неразумного правителя, невзирая, так сказать, на лица. В этом смысле рано или поздно мудрец получает от неба «повеление» привести в порядок Поднебесную. Но все же он не должен сидеть сложа руки, наблюдая бесчинства, творимые невеждой на царстве где-нибудь по соседству, даже если в его собственном государстве все в порядке. Напротив, он обязан избавить мир от порочного властителя, чтобы спасти страдающий от произвола неразумной власти народ.

Если все средства убеждения исчерпаны, не остается ничего другого, как прибегнуть к оружию: посему вполне естественно появление фигуры мудреца-воителя. «В древности мудрые цари использовали войско лишь для верных целей, но ни один из них не упразднял военное сословие как таковое. Войско существует столько же, сколько существует человек»¹⁹⁷. Войско, как ни странно, тоже в некотором смысле природное явление: «Сущность войска в том, что оно внушает страх. Сущность того, что внушает страх, есть сила. Для народа владеть силой, внушающей страх, естественно. Это естественно, ибо дано от неба и не может быть создано людьми. Так что военные средства не могут быть оставлены и оружие не может быть отброшено»¹⁹⁸.

Между прочим, и сам сын неба обязан появлением своей должности войне: «Говорят, что войско создано Чи Ю, но в действительности войско создано не им — Чи Ю лишь усовершенствовал свое оружие. О Чи Ю еще не было и помину, когда люди бились палками, обломанными с деревьев. Те, кто побеждал, становились предводителями. Когда предводителей стало недостаточно, чтобы поддерживать порядок, были учреждены правители. Когда же и правителей стало недостаточно, чтобы поддерживать порядок, был учрежден сан сына неба. Сын неба, таким образом, происходит из правителей,

¹⁹⁶ Там же, с. 97.

¹⁹⁷ Там же, с. 128.

¹⁹⁸ Там же.

а правители происходят из предводителей. Предводители же рождены борьбой»¹⁹⁹.

С теорией *дэ* это в высшей степени реалистическое объяснение происхождения власти увязывается тем, что побеждал в борьбе тот, у кого *дэ* была больше. Если даже под *дэ* понимать силы исключительно духовные, то и в этом случае у мудреца то преимущество, что его *дэ* видна народу освобождаемого царства, а потому последний склонен поддержать скорее его, чем собственного правителя, от которого он, кроме зла, ничего не видел. Мудрец своей *дэ* как бы обезоруживает противника, а потому ему иногда достаточно одной *дэ*, он может и не прибегать к материальной силе.

Поскольку мудрец-воитель не ищет выгоды лично для себя и для своего царства, но следует необходимости в смысле заботы о благе всего мира, войско его особого рода — «войско необходимости», выполняющее лишь необходимые для блага всего мира функции. Поэтому, хотя войско вообще по природе своей мало согласуется с идеалом сохранения в полноте жизни, «войско необходимости» тем не менее выполняет именно эту задачу: «Всякое войско — жестокое орудие в мире, и всякая доблесть в нем — жестокое *дэ*. Поэтому братья за жестокое орудие и следовать жестокому *дэ* должно лишь в крайнем случае. Если берешь это жестокое орудие — быть смертоубийству, но смертоубийство совершается во имя жизни. Если следуешь жестокому *дэ* — быть угрозам. К угрозам прибегают, чтобы породить у врага боязнь, но если враг охвачен боязнью, народ его будет жить. Этим-то и побеждает войско, приверженное долгу»²⁰⁰.

Само собой, организуется такое войско по образу и подобию единого: «Человек по природе стремится к жизни и ненавидит смерть, стремится к славе и ненавидит позор. Когда дао смерти и жизни, чести и позора понимается всеми единообразно, тогда воинов *трех армий* можно привести к единомыслию. Ибо для армии желательна многочисленность, а для мыслей — единообразие. И когда все *три армии* мыслят единообразно, тогда приказы выполняются беспрекословно»²⁰¹ и войско одерживает победу.

Если же его армия все же терпит поражение, мудрец-воитель должен искать недостатки в себе самом — его *дэ* в таком случае явно недостаточна. В этом случае он должен действовать так же, как царь Юэ, потерпевший поражение при горе Куайцзи: «...стремясь вновь обрести сердце народное, сразись насмерть с У (нанесшим ему поражение. — Г. Т.), он спал без подушки и без циновки, не брал в рот сластей, не смотрел на красавиц,

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же, с. 137.

²⁰¹ Там же.

не слушал гонгов и барабанов. Три года изнурял он свою плоть, истощал силы в трудах; у него растрескались губы, иссохла грудь. При дворе он относился к слугам как к родным, по всей стране подкармливал народ, стараясь привлечь его сердце. Если редких яств с его стола не хватало на всех, он отказывался их есть сам. Когда было вино, он выливал его в реку, чтобы хоть так разделить его со своим народом. Он сам пахал и кормился от этого, одевался в то, что наткала жена. В еде запретил изысканное, в одежде — пышное; не носил двух цветов (по комм. Гао Ю, — синее и желтое; интересный случай предпочтения единого двойственному. — Г. Т.). Часто пускался в путь по дорогам за телегой, нагруженной едой, высматривал сирот, вдовых, старых и слабых, больных и хворых, нуждающихся и бедствующих, убогих и опечаленных и сам их кормил²⁰². Нечего и говорить, что в конце концов юэский царь нанес поражение У.

Здесь интересно то обстоятельство, что если в стремлении к сохранению своей жизни в полноте мудрецу помогала его *цин*, а в стремлении его к сохранению в полноте социума им руководило при помощи знамений небо, то в стремлении его распространить свое влияние на весь мир критерием или коррелятом его способности достичь своих целей выступает, как ни парадоксально, война. Так что на практике мудрец на царстве встречается с куда большим «сопротивлением материала», чем это предусмотрено теорией. Тем не менее мудрец «Люйши чуньцю» вступает на путь общественного служения, намереваясь привести весь мир в гармоничное состояние с помощью музыки, чиновничьего аппарата, а на худой конец войска, будучи убежден, что, упорядочивая беспорядочное, он тем самым исполняет свой долг.

Прекрасное и безобразное

Как видно из вышеизложенного, все оценочные моменты в «Люйши чуньцю» связаны в системе представлений авторов не с единым, а с двойственным. Единое, несомненно, представляет собой высшую ценность, но это — сверхценность, так как *дао*, согласно комментарию Гао Ю, не имеет пары²⁰³, а потому его не с чем и сравнивать — оно противостоит всему сущему. Человек же имеет дело по большей части с двойственным, поэтому избрание человеком одного из элементов двойственного как имеющего большую ценность и есть начало оценки им объектов и явлений.

Человек может ощупать, понюхать и даже попробовать на вкус землю, но он не в состоянии коснуться рукой неба;

²⁰² Там же, с. 147.

²⁰³ Комментарий Гао Ю см.: Люйши чуньцю (на кит. яз.), с. 32.

поступая тем или иным образом, он может в той или иной степени влиять на собственное будущее, но в прошлом он не в силах изменить ничего, а потому ему кажется, что небо ценнее земли, а прошлое ценнее будущего.

Великое единое не дано человеку в ощущении: «*дао* же таково, что, смотря на него, его не заметишь, прислушиваясь к нему, его не услышишь, касаясь его, не ощутишь»²⁰⁴. Тем более ничего не способен изменить человек в *дао* как «постоянном неба». Поэтому, хотя человек и может приблизиться к пониманию величия *дао* — «кто способен созерцать невидимое, слышать неслышное, ощущать бестелесное, близок к познанию *дао*»²⁰⁵, — измерить его он не в состоянии, а потому и определяет его символом целостности — единицей — и противопоставляет как сверхценность всем множествам, с которыми главным образом и имеет дело непосредственно.

На множественное же, как мы видели, он реагирует с помощью своего чудесного оберега — *цин*, причем таким образом, что некоторые объекты кажутся ему привлекательными, некоторые — отвратительными. Поскольку же *цин* дана человеку небом, в нем самой природой заложена способность по-разному относиться к различным объектам и тем самым давать им вполне определенную оценку.

Но мало ли что может показаться человеку ценным и привлекательным: невежда, например, вообще может пользоваться своей *цин* так, что своей природой будет вскармливать вещи. Поэтому истинную оценку вещам внешнего мира может дать только мудрец, и роль его в установлении объективной ценности всего сущего — решающая.

Суетные люди «не ведают, что существенно, что несущественно. Поскольку же не ведают этого, существенное мнят несущественным, несущественное — существенным. В этом случае каждый их шаг обречен на неудачу»²⁰⁶. Мудрец знает, что «едва ли стоит слушать приятную уху мелодию, если это слушание оканчивается для человека глухотой. Или любоваться прекрасным на первый взгляд видом, если это оборачивается для человека слепотой. Или смаковать тающие во рту яства, если это лакомство завершается немотой»²⁰⁷. Поскольку же конечным результатом его выборочного отношения к вещам является сохранение им своего тела в целостности и достижение им идеала — долгой жизни, то его оценка вещей является истинной, а оценка невежды, не умеющего правильно пользоваться своей *цин*, — ложной.

²⁰⁴ Наст. изд., с. 110.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же, с. 73.

²⁰⁷ Там же.

На уровне эстетического сознания мудрец также истинно прекрасным может признать лишь то, что на пользу жизни, безобразным (и ложным) — то, что ей во вред. Под этим углом зрения иная индивидуальная жизнь, которая по непосредственному чувству всегда лучше смерти, может с точки зрения идеала оказаться и хуже смерти.

Такова, например, «жизнь под гнетом», занимающая последнее место в иерархии ценностей авторов «Люйши чуньцю», ссылающихся в данном случае на авторитет Хуацзы. Согласно последнему, «превыше всего — сохранение жизни в полноте, затем следует жизнь с ущербом, затем следует смерть, и самое ничтожное — жизнь под гнетом»²⁰⁸.

Иными словами, заботящийся о своей жизни согласен не на всякую жизнь, а лишь на такую, при которой он может исполнить свое предназначение — достигнуть долголетия путем правильного удовлетворения своих естественных потребностей, ибо «тот, кто любит угоститься мясом, не понимает под мясом дохлой крысы, и кто любит угоститься вином, не понимает под этим прокисшей барды. Так и почитающий жизнь не понимает под жизнью жизни под гнетом»²⁰⁹.

Интересно, что уже на уровне опыта мудрец склонен увязывать с природными свойствами человека некоторые категории, которые, строго говоря, в эти свойства не входят. Так, чувство необходимости есть уже результат размышлений мудреца над жизнью и, таким образом, не данное от природы, а результат определенного опыта. К жизни под гнетом тем не менее приводит отказ от следования необходимости, в результате чего в конечном счете под угрозой оказывается само тело невежды, его жизнь. Когда же «обступают трудности и бедствия», раскаиваться в содеянном уже поздно: «хитрецы и краснобаи окружают таких, честные же и прямодушные их покинули»²¹⁰, поэтому уже не на кого опереться в запоздалых попытках исправить положение — сказывается отсутствие мудреца. «Стеной встает мор, чередой спешат беды и смуты. И управление народом, и собственное здоровье в весьма плачевном виде. Уши уже не рады пению, глаза — краскам, уста — сладостям. А это уже все равно что смерть»²¹¹.

Естественно, будь рядом мудрец, такого бы не случилось. «Ведь там, где пребывает мудрец, мир приходит к истинному закону. Если он обращается вправо, становится важным правое, если влево — левое»²¹². Мудрец знает, чем и отличается от невежды, которому неизвестно, что такое необходимость

²⁰⁸ Там же, с. 81—82.

²⁰⁹ Там же, с. 82.

²¹⁰ Там же, с. 83.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же, с. 100.

и законы природы, в силу его необразованности, «ибо неизвестен случай, когда бы учившийся у проницательного и талантливого наставника сам не стал впоследствии мудрецом»²¹³.

Мудрец видит, что природе присущи определенные закономерности, он видит, что все вращается, движется, подчиняясь должному, его эстетическое чувство покорено законченностью и совершенством природного механизма. В этой природной механике, в бесконечно сменяющих друг друга замкнутых единообразных циклах мудрец видит основу бытия, а потому он склонен воспринимать совокупность природных явлений как воплощение гармонии.

Но одно дело гармония годового цикла, другое — гармония отношений между людьми. Конечно, мудрец есть столь же достойный образец бескорыстия, как сама природа. Но ведь мудрецов немного, а реальная жизнь на каждом шагу являет примеры отказа от подражания как природе, так и личности мудреца. Ясно, что уповать на самодеятельность социума в этом смысле не приходится — гармония должна быть привнесена в человеческое общество извне.

Решение этой задачи требует от мудреца перехода от созерцания гармонии природы к анализу ее, так сказать, содержания. Конечно, космос слишком грандиозный объект для того, чтобы к нему обращаться в дидактических целях, для наставления народа, по каждому частному поводу, но мы помним, что любая целостность так или иначе — отражение всеобщей целостности, великого единого, мир в капле воды. Поэтому мудрец волен выбрать любую целостность для иллюстрации идеи высшей ценности мировой гармонии и просвещения в этом духе невежественного большинства.

Наиболее подходящим объектом для решения стоящих перед ним задач мудрец с вескими основаниями считает гармонический звукоряд. Гармония музыкального звукоряда, данная в ощущении и вызывающая соответствующий эмоциональный отклик, эстетическое переживание, безусловная способность музыки рождать в сердце слушателя ощущение гармонии, уравновешенности и покоя — факт, не требующий особых доказательств; остается лишь объяснить причины, вызывающие безусловно положительный эмоциональный отклик.

Мудрец считает, что музыка благотворно влияет на слушателя вследствие того, что между составляющими ее элементами (звуками) существует особое соотношение; это качество музыки в тексте описывается термином *ши*, который нам приходится переводить словом «гармоничность». Согласно мудрецу, *ши* есть следствие размеренности звукоряда; музыка «рождается

²¹³ Там же, с. 99—100.

в размеренности», поэтому знание мудреца о ней — это прежде всего знание *меры*.

Знание *меры* есть знание количественных соотношений элементов, составляющих гармонию: всякий звук может быть измерен по силе (громкий — тихий) и высоте (высокий — низкий), сила — с помощью той же меры, которой меряют зерно, высота — обыкновенным аршином; «ни слишком громкий, ни слишком тихий, ни слишком высокий, ни слишком низкий звуки нельзя отнести к звукам упорядоченным»²¹⁴.

«Что же тогда есть звуки упорядоченные? Упорядоченные звуки есть звуки срединного положения. Что есть срединное положение? Не превосходящее по величине одного цзюня, не перевешивающее одного ши будет как раз посредине между малым и большим, легким и тяжелым. Тон желтого колокола — нота гун — есть корень всем звукам. Он как раз посредине между высокими и низкими. Среднее и зовется упорядоченным. И если упорядоченным образом внимать упорядоченным звукам, в душе наступит гармония. Радость тогда не чрезмерна, а равновесие и покой совершенны»²¹⁵.

Остается узнать лишь, откуда взялся тон желтого колокола (*хуанчжун*). Одна версия происхождения этого тона нам уже известна (см. выше). Но существует и другая, не менее интересная. «Хуан-ди некогда повелел Лин Луню изготовить *люй*. Лин Лунь пустился в путь от западного склона гор Дася и достиг северного склона горы Юаньюй. Взял бамбук из лощины Сеси, отобрав стебель с крупными и равными полостями, и разрубил его между коленцами. Его длина равнялась трем цуням и девяти фэням; когда в него дули, он издавал тон гун Желтого Колокола. Лин Лунь дунул в него и сказал: «Это и нужно!» Затем он сотворил двенадцать трубочек. А когда услышал у подножия горы Юаньюй пение пары фениксов, он стал различать двенадцать тонов-*люй*. Шесть он настроил по пению самца, шесть — по пению самки, приведя их в соответствие с тоном гун Желтого Колокола. Посему говорят: гун — корень мужским и женским тонам»²¹⁶.

Вероятно, эта версия более ранняя, поскольку в ней в более наивном виде выражена та же идея единого — все музыкальные тоны образовались от одного, а если принять во внимание первоначальную нерасчлененность музыки — стебель бамбука длиной в три цуня и девять фэней, — то и методом деления, причем сначала был разделен совсем уж изначальный стебель, так сказать, «хуньдунь» музыки. Так или иначе, Лин Лунь, несомненно, был мудрецом и выбрал этот стебель не случайно, а потому что обладал разумом, — в конце концов люди

²¹⁴ Там же, с. 113.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же, с. 115.

отличаются тем, что «один способен смотреть вдаль, а другой — видеть лишь то, что перед ним»²¹⁷. Именно разум, пребывавший в его сердце, подсказывал ему меру, с которой он подходил к бамбуку, потому он и сумел выбрать то, что было нужно, — не большое, не малое, а срединное. Невежда, конечно, этого бы не смог сделать, так как он «не умеет пользоваться мерой», он не знает, в чем истинное ощущение музыки, и его музыка не способна приносить людям радость — она не находит отклика в их сердцах.

«А сердце может радоваться лишь тогда, когда оно пребывает в гармонии и равновесии. Ухо, глаз, нос или рот могут предаться своим желаниям лишь тогда, когда радуется сердце. Порадовать же сердце можно, приведя его к гармонии. Приходит же сердце к гармонии, когда оно следует упорядоченному. Посему, когда в музыке есть упорядоченность, в сердце также наступает упорядоченность»²¹⁸.

Гармония сердца достигается как бы на встречах путях: один путь лежит через общую упорядоченность организма, правильное пользование своей способностью *цин*, так сказать, изнутри; другой — через гармоническое воздействие музыки извне. В этой способности музыки, так сказать, гармонизировать человеческие сердца заключен большой дидактический потенциал, и мудрец не может, конечно, мимо этого пройти²¹⁹.

Музыка всегда связана с определенным образом правления, влияет на нравы и смягчает обычаи; «даже если обычаи уже утвердились, музыка все же в состоянии их изменить. Посему во времена, когда в мире наличествует *дао*, достаточно послушать музыку, чтобы судить об обычаях, достаточно взглянуть на образ правления, чтобы узнать, каков правитель»²²⁰.

Точно так же как на *ци* в сердце человека, музыкой можно повлиять и на *иньци* или *янци* во внешнем мире: так, во времена Чжу Сян-ши, «время сильных ветров, больших скоплений *янци*», Ши Да создал пятиструнные гусли, «дабы вызвать *иньци* и укрепить жизнь»²²¹. Напротив, в правление Тао Тана собралось много *инь*, «*ци* народа было спертым и подавленным. Оттого сочленения и кости пришли у всех в скованное состояние и не слушались. Посему он изобрел пляску, чтобы заставить народ двигаться»²²².

Благотворное воздействие музыки на окружающий мир сродни воздействию *дэ* правителя на состояние *ци* народа.

²¹⁷ Там же, с. 169.

²¹⁸ Там же, с. 112.

²¹⁹ Воздействие негармонической музыки приводит к серьезным функциональным расстройством, но человек может защититься от этого своей *цин*.

²²⁰ Наст. изд., с. 114.

²²¹ Там же.

²²² Там же, с. 114—115.

Действительно, в старину музыка «послужила укреплению дэ предков-правителей»²²³.

Остается еще проблема субъективного вкуса: так, Цзе и Чжоу, например, «превыше всего ценили громкость»²²⁴. Конечно, это было результатом отсутствия у них чувства меры, гигантомания, свойственная властителям погрязших в смуте царств, не имеющих представления об истинно прекрасном. Ведь «шуют и осужденные», но «лишь с человеком, постигшим дао, имеет смысл рассуждать о музыке»²²⁵. Для мудреца все это очевидно, но что все же дает ему столь глубокую уверенность в собственной правоте?

Мы видели, что вся познавательная деятельность мудреца в конечном счете сводится к установлению количественных соотношений между вещами внешнего мира — мудрец как бы взвешивает и измеряет все сущее, заносит в свой реестр все новые и новые величины и выводя из их соотношений некие закономерности, которые кажутся ему абсолютным выражением мирового закона. Но закон ведь не дао, и знание закона не есть полное знание. Мудрец видит прекрасный гармоничный мир, догадывается, что корень красоты — мера, и даже, как мы видели, знает меру, но дао не измеришь.

«Живут все без исключения, но никто не знает, отчего он живет. Знают тоже все без исключения, но никто не знает, отчего он знает. О том, кто знает, отчего он знает, говорят, что он познал дао»²²⁶.

Конечно, познавший дао — это человек, сохранивший в целости жизнь, упорядочивший свое тело, приведший в гармоническое состояние сердце, одним словом, — целостный человек. Но всего этого было бы недостаточно, если бы природа не даровала ему разум.

«Самое ценное в теле — сердце, самое ценное в сердце — рассудок. О, рассудок! Сколь глубок, сокровенен и в то же время основателен! Никто не в состоянии его постичь!»²²⁷

Да, разум — высший дар, но, как и дао, это нечто, что не может быть воспринято органами чувств, и, как он ни основателен, его функция — мысль — неуловима. Круг замыкается, и, вступая в святая святых своего сердца, мудрец, «знающий, отчего он знает», вновь оказывается перед вратами бытия — перед ликом великого единого, дао. И здесь разум, верный руководитель в мире опытов — *цзин*, служивший ему верой и правдой, пока он «уровнем и отвесом» выпрямлял мир, оставляет его лицом к лицу с неуловимым, неизмеримым, да, пожалуй что, и неупорядоченным.

²²³ Там же, с. 115.

²²⁴ Там же, с. 111.

²²⁵ Там же, с. 109.

²²⁶ Там же, с. 110—111.

²²⁷ Там же, с. 266.

В отчаянии мудрецу вдруг открывается вся ущербность его оценок, принесенных им к порогу великого единого из мира двойственного и множественного: «Порядок и смута, покой и опасность, существование и гибель — их *дао* не может быть двойственным; посему высший разум — это отказ от разума, высшая доброжелательность — это забвение доброжелательности, высшая сила — это отказ от проявления силы; без слов и без размышлений, в глубоком покое ждать [своего] времени, с приходом его — откликаться, оставив помыслы, следовать [ему] — вот закон всякого отклика; быть незамутненным, чистым, объективным, простым, правильно относиться к началу и концу — вот порядок правления; вторить непропетому, следовать неслучившемуся»²²⁸.

Мудрец отказывается от всех ценностей перед лицом сверхценности — *дао*. Отныне его путь — недеяние и забвение. Ни отточенный разум, ни изощренная *цин* более ему не слуги и не помощники. Что же остается? Единственно изначальная, природная, биологическая сущность. Поистине мудрец должен уподобиться «кому земли»²²⁹ в отчаянной попытке удержать столь прекрасное и ускользающее — *дао*. И этим последним усилием он неожиданно достигает того, к чему исподволь готовил себя, размышляя об объективности великого единого, — действительно объективирует себя в созданной им самим системе мира: «Поднебесная не есть Поднебесная единственного, Поднебесная есть Поднебесная Поднебесной»²³⁰.

Все рационально и, может быть, даже гармонично в организме Вселенной, но он сохраняет гомеостазис без всякого участия со стороны человека и даже не замечает его: «гармония света и тьмы не простирается на отдельный род»²³¹; нет в чем-либо предпочтения и у рода человеческого. Кому, как не мудрецу, знать, сколь пагубно вмешательство его вида в естественный ход вещей, но ведь, с другой стороны, именно это вмешательство и не дает успокоиться в лоне матери-природы собственному его физическому естеству, мешает раствориться в океане Вселенной, уйти в небытие-забвение, обрета *дао*, забыть о человеческом.

Но слишком много дел у мудреца в этом мире, чтобы он мог вступить на стезю отшельника и созерцателя. От слишком многого пришлось бы отказаться, слишком многое — признать. Мудрец знает, что его знание — не полное знание, что истинное знание беспредельно, что всех тайн мира он в свой реестр не внесет, но он не заинтересован в этом истинном знании, а по-

²²⁸ Там же, с. 271.

²²⁹ Позднеева Л. Д. Указ. соч., с. 318.

²³⁰ Наст. изд., с. 76.

²³¹ Там же.

этому свой реестр закрывает. Отныне никому не дано ни прибавить в нем, ни убавить ни одной строки и даже знака: неполное знание объявляется полным, и в великодушном на первый взгляд приглашении к пополнению или исправлению «сумма суммарум» — скрытая угроза.

* * *

Из вышеизложенного видно, что «Люйши чуньцю» представляет собой чрезвычайно сложный материал для исследования. Здесь и натурфилософские, и собственно философские, и этические, и эстетические воззрения авторов, и зачатки научного знания, и обломки мифологических картин прошлого. Любой из перечисленных аспектов может стать предметом отдельного исследования. Мы же попытались представить некоторое обозрение вошедшего в памятник материала главным образом в плане философской проблематики единого и множественного.

В центре всех построений авторов памятника стояла проблема единства и многообразия мира, притом понимаемая таким образом, что очевидное многообразие явлений может и должно быть сведено к простым величинам, выражающим соотношения вещей в природе. При этом идеальным представлялся авторам вариант, при котором соотношения вещей описывались бы как количественные соотношения — отсюда их очевидное пристрастие к различного рода числовым комплексам.

В этом процессе упорядочения мира, его инвентаризации неизбежны были большие издержки. Прежде всего авторам «Люйши чуньцю», по словам Сыма Цяня задавшимися целью изложить «по порядку все дела, касающиеся неба, земли, человека, прошлого и настоящего», пришлось столкнуться с огромным количеством материала по этим вопросам, наработанного к этому времени различными школами. Материал этот составлял общее наследие; век же был переходным и, вследствие этого, веком подведения итогов.

Великие достижения философских школ древности были по большей части в далеком прошлом, зато в настоящем — всеобщее стремление кодифицировать эти достижения. Это стремление было не только и не столько выражением кризиса мировоззрения целой эпохи, сколько велением времени, диктовавшимся в первую очередь колоссально возросшим объемом информации, — любая «система познания всегда стремится к относительной замкнутости, она должна быть каким-то способом единым образом упорядочена»²³².

²³² Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 123.

Изысканию способа упорядочения накопленного ко времени Люй Бувэя знания и посвятил основные усилия коллектив авторов «Люйши чуньцю». Требование единообразия в мировоззренческих вопросах, введения единомыслия и единочувствия предьявлялось самой эпохой — таков был дух времени, историческая обстановка кануна образования первой централизованной империи (221 г. до н. э.). Поэтому более чем естественным выглядит стремление авторов «Люйши чуньцю» во всем увидеть прежде всего систему и порядок.

Но поскольку речь шла о создании компендиума, который должен был включить все известное о небе, земле и человеке, поставить на службу будущей империи всю традицию устно-письменной литературы в широком смысле слова, неизбежно возникал вопрос: в какую же литературную форму можно было бы облечь этот огромный, пестрый, во многих случаях совершенно разнородный материал? По-видимому, авторы «Люйши чуньцю» рассуждали следующим образом.

Мир представляет собой систему, действующую на основе единообразных, раз и навсегда установленных законов, которые не могут быть изменены и действительно не изменяются со временем. Как система мир в сумме представляет собой нечто законченное, завершенное и решенное, а следовательно, может быть исчерпывающим образом измерен и адекватным способом описан. В результате такого описания должна возникнуть система знания, обладающая такой же степенью завершенности и окончательной решенности, как и сама система мира. Замкнутая система мира, таким образом, предполагает замкнутую систему знания.

В соответствии с этой установкой должны быть прежде всего описаны и систематизированы все явления природы, а затем и все явления, имеющие место в человеческом обществе, причем последние, в силу требования упорядочивать все известное единым образом, должны быть описаны в тех же терминах, что и явления природы. Таким образом могла быть выполнена задача полного включения человека в физическую картину мира.

Созданная в результате такого способа описания однородная картина мира обладает тем несомненным достоинством, что она может быть выражена в каких-то однозначных символах, т. е. измерена и описана в каких-то соизмеримых единицах, и таким образом все многообразие существующих в этой системе отношений оказывается сведенным к количественным отношениям. Система (мира и знания) предстает как совокупность таких единиц и, как целое, также обозначается единицей, символом целого.

Все же прочие целостности, рассматриваемые как таковые, представляли собой соответствующие части этой суперъедини-

цы, великого единого. Так, небо, земля и человек как три составные части мироздания в сумме давали все ту же единицу. Десять тысяч вещей в сумме составляли то же.

С одной стороны, как целостности рассматривались и человеческое тело, и вселенная, с другой — и любые их части представляли как целостности. При этом на всех уровнях соблюдался принцип подобия части целому (великому единому), т. е. весь материал как раз упорядочивался «единым образом».

При этом авторы вполне закономерно обращались в первую очередь к категориям, выработанным в философской прозе предшествующего периода. Универсальной категорией было число, которое авторы в силу вышеописанных обстоятельств были склонны видеть во всех явлениях действительности: само великое единое, *дао*, выражалось, как мы видели, числом — единицей.

Землю и небо, *инь* и *ян*, как наиболее общее выражение двойственного в отличие от единого, символизировало число два; их же в сочетании с третьей мировой потенцией — человеком — число три; времена года символизировало число четыре; стороны света и центр — число стихий — пять; в сумме с зенитом и надиром четыре стороны света символизировало число шесть; земное пространство рассматривалось в восьми направлениях; небо имело девять областей, земля — девять пределов, человек — девять отверстий и триста шестьдесят сочленений по числу дней в году, который в свою очередь записывался числом двенадцать, по числу лун, и т. д.

Вся эта нумерология получила адекватное выражение в числовой организации частей «Люйши чуньцзо» и составила его композиционную основу, причем, как мы видели, числу придавалось столь большое значение, что авторы готовы были пожертвовать смыслом ради сохранения формы и сплошь и рядом именно так и поступали. Числовая заданность композиционной схемы задавала и равенство отдельных частей, т. е. глав, так что по темам, для которых авторы не располагали достаточным количеством информативного материала, возникшее неравенство выравнивалось за счет материала иллюстративного.

В целом «Люйши чуньцзо» также можно было бы обозначить символом целого — единицей, включающей в себя три (части), двадцать шесть (книги) или сто шестьдесят (главы) частей. Такая единица была бы символом великого единого, на адекватное выражение которого претендовал компендиум: в этом смысле легенда с добавлением или изъятием хотя бы одного знака из текста становится достаточно прозрачной аллегорией.

Вполне естественным выглядит также и тот факт, что коль скоро целое (великое единое, *дао*) описывалось авторами как

некая единица, то все двойственное, соответствующее разнообразным явлениям действительности, описывалось парами категорий, несущими в себе (по парадигме *инь-ян*) противоположный смысл. Так, среда обитания человека описывалась в целом термином «космос», пространство и время, из которых пространство рисовалось в терминах «восток — запад», «север — юг», «верх — низ», «зенит — надир», время в терминах «сначала — потом», «прошлое — будущее», «древность — современность» и т. д. Целостность, выделенная из великого единого, описывалась в противоположных терминах, выразивших ее двойственный, противоречивый характер.

Поэтому, анализируя текст «Люйши чуньцю» по уровню «единое — двойственное», мы постоянно сталкивались именно с такими парами понятий вне зависимости от того, шла ли речь о физическом или духовном здоровье отдельного индивида, социума в целом или же о гомеостазисе вселенной как великого единого. Свет и тьма, жизнь и смерть, существование и гибель, разум и неразумие, благородство и подлость, красота и уродство, холод и жара, высшие и низшие, государь и подданные, старший и младший, отец и сын, муж и жена, порядок и смута, благо и вред, сила и слабость, прежнее и нынешнее, сходное и отличное, большое и малое, следующее природе и противное ей, обретение дао и утрата дао, истина и ложь — поистине бесконечен ряд парных категорий, в которых авторы «Люйши чуньцю» с примерной последовательностью описывают «все дела, касающиеся неба, земли, человека, прошлого и настоящего».

Уже из сказанного нами в разделах, посвященных анализу пар понятий «единое — двойственное», «мудрость — невежество», «порядок — смута», «прекрасное — безобразное», видно, насколько диалектичен в основе метод подачи материала в «Люйши чуньцю». Между тем цели, сознательно поставленные и декларированные авторами, находятся в разительном противоречии с их методом, так как достижение информационного гомеостазиса в принятой ими системе знания предполагало абсолютизацию относительного и тем самым уничтожение всякой диалектики.

В самом деле, «Люйши чуньцю» буквально наполнен проклятиями по адресу всевозможных «льстецов», «хитрецов» и «краснобаев», за гротескными фигурами которых явно проступает облик людей, склонных к релятивистским оценкам действительности и вообще ценностей различного порядка. В то же время пафос самих авторов явно заключен в вынесении окончательных суждений по всем вопросам, что видно даже из знаменитой истории с тысячью золотых. Важнейшее средство исправления мира авторы видят в «исправлении имен», под

которым понимается прежде всего однозначное определение моральных категорий. В этом стремлении к однозначности авторы заходят настолько далеко, что сами вынуждены предостерегать себя против слишком уж буквального понимания иных вещей: таков, например, знаменитый эпизод с двумя удалцами, пожравшими (буквально) друг друга из-за излишне прямолинейно понятого удалства²³³. Поэтому следует отметить, что, несмотря на теоретический ригоризм, авторы на практике сплошь и рядом исходят из принципа предельной полезности и в поисках золотой середины между крайностями вынуждены порой приходить в силу логики вещей к выводам, прямо противоположным собственным посылкам.

Возникающая в результате этого противоречивость суждений и снискала авторам «Люйши чуньцзо» известное определение как эклектиков в философии. Мы могли убедиться, что эклектизм авторов памятника был в известном смысле программным и в сочетании с их предельным, доходящим, с современной точки зрения, до цинизма прагматизмом порождал, с одной стороны, разностильность частей, а с другой — своеобразный стиль целого. В плане достижения конечной цели — обоснования необходимости ликвидации разномыслия и создания единой и замкнутой системы знания — суммы догматов, обнесенной великой стеной абсолюта-единого, — авторам все на потребу: и даосская притча, и конфуцианская проповедь, и миф, и высмеивание мифа как предрассудка, и магия, и издевательство над магией, и авторитет, и уничтожение авторитета.

Единственная идея, которой они привержены как идее, — это идея уместности того или иного деяния или аргумента в данный момент времени: именно поэтому высшей ценностью в мудреце им представляется не его разум сам по себе, и не его *дэ*, а то, что благодаря им он способен «откликаться на время», т. е. действовать всегда в соответствии с моментом.

Замкнувший весь мир в систему строгой необходимости, предписавший всему мыслить лишь в рамках собственной функции, сам мудрец как сверхценность, парадоксальным образом оказывается за пределами этой системы; уподобившись непосредственно великому единому, он «повелевает и контролирует», а все прочие, уподобленные им двойственному, «повинутся и исполняют». Именно здесь лежат истоки всех «моральных истин» мудреца: все, что на благо такому порядку, — истинно, все, что во вред ему, — ложно. Отсюда тот откровенно прагматический уровень, на котором порой проявляется единое в «Люйши чуньцзо» — так, здесь

²³³ Наст. изд., с. 169. Поэзия и проза Древнего Востока (Библиотека всемирной литературы). М., 1973. С. 334.

прямо говорится, что и правитель, и сын неба (мудрецы на царстве) придерживаются единого, чтобы «иметь возможность править безраздельно», так как «только единое обеспечивает порядок, два же порождают смуту». Само собой, «властвующие придерживаются единого»²³⁴.

Этим объясняется поразительная всеядность мудреца в отношении всевозможного знания. Он готов признать истиной все, что угодно, даже не подвергая анализу на уровне рассудка, составляющего, по его собственному определению, главное сокровище его сердца, если эта «истина» полезна ему в данный момент: «даже у Цзе и Чжоу было наряду с тем, чего следует страшиться, то, чему следовало бы поучиться; ни тем более ли у людей разумных?»²³⁵. Вообще говоря, то, что в «Люйши чуньцю» говорится о формировании мировоззрения вообще, можно с полным основанием отнести к мировоззрению авторов: «В природе не бывает белых лис, но есть белые лисьи шубы. На них идет белый мех от многих лис. Заслуги и слава трех властителей и пяти *ди* как раз и происходили от их умения брать у многих»²³⁶.

Именно поэтому и в «Люйши чуньцю» мы находим, по большей части, «мех» от самых разных «лис». Разнотильность разделов и фрагментов памятника объясняется именно разнообразием источников, из которых авторы черпали материал.

Анализ источников, составляющих памятник,— тема отдельной разработки. Мы можем указать лишь на одно из направлений, в котором, на наш взгляд, может двигаться подобное исследование. Так, для нас очевидна связь части материала, приводимого в «Люйши чуньцю», с построениями школы инь-ян, что отмечают и другие авторы²³⁷. Причем влияние этой системы, как мы видели, проявляется далеко не в одних только «Полунных указах»,— нумерология «Люйши чуньцю», да и базисный, по нашему мнению, принцип «соответствия времени» также восходит к учению, связываемому с именем современника Люй Бувэя—Цзоу Яня.

От последнего до нас не дошло никаких текстов, однако в главе семьдесят четвертой «Исторических записок» Сыма Цяня говорится, что: «Цзоу Янь начинал с маленьких объектов, а затем переходил к большим, и так до тех пор, пока не достигал не имевшего пределов»²³⁸.

²³⁴ Наст. изд., с. 283.

²³⁵ Там же, с. 106.

²³⁶ Там же, с. 107.

²³⁷ Хэ Линской. Указ. соч. С. 164; *Fung Yu-lan*. A short history of Chinese philosophy. N. Y.—London, 1966. P. 135.

²³⁸ *Fung Yu-lan*. Op. cit., p. 135; Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 7, с. 169.

Далее у Сыма Цяня говорится, что Цзоу Янь начал с классификации известных гор Срединного царства, великих рек, долин, птиц и зверей, продуктов вод и почв, а также всяких диких животных, а затем перешел к тому, что за морями, и что не видно людям и т. д. Он также считал, что Срединное царство занимает одну восемьдесят первую часть мира,—одну из девяти областей, входящих в девять пределов, причем каждый предел состоит, в свою очередь, из девяти областей.

Что же касается исторических концепций Цзоу Яня, то Сыма Цянь пишет, что он сначала говорит о современности, а затем возвращается к временам Хуан-ди, записи о котором сохранились у ученых людей. Далее он прослеживает великие события веков подъема и упадка, описывает случавшиеся при этом знамения и порядки, существовавшие в те времена, и так доходит до времен, когда небо и земля еще не были рождены, переходит к глубокому и туманному, тому, что не может быть понято. Начиная со времени разделения неба и земли, он говорит об изменениях и превращениях пяти стихий и о различных методах правления и разнообразных знамениях, соответствующих каждой из стихий²³⁹.

Теперь, ознакомившись по описанию Сыма Цяня с естественнонаучными и историко-политическими воззрениями Цзоу Яня, предлагаем читателю обратиться к тексту «Люйши чуньцю» на с. 181—194 настоящего издания.

На наш взгляд, изложенное здесь прекрасно вписывается в систему Цзоу Яня, какой она предстает в изложении Сыма Цяня.

Мы можем лишь указать, что в «Люйши чуньцю», как в силовом поле, преломились, по-видимому, почти все традиционные линии древнекитайской мысли, а следовательно, в той или иной степени в нем представлены все варианты стиля древнекитайской философской прозы. Можно указать и на обширные вариации в стиле Моцзы там, где речь идет о погребении, и на многочисленные варианты притч «Лецзы», и на пассажи в стиле Мэнцзы, и на полемические замечания по его адресу, и на конфуцианского толка рассуждения о музыке и образе, и, разумеется, на параллелизм хода некоторых рассуждений ходу мысли Сюньцзы или идеям Шан Яна и Хань Фэя. Можно, наконец, указать, что за высказываниями авторов о подражании небу и земле проступает идея возврата к природе в духе Лаоцзы, а нарисованный нами, быть может, в несколько гротескной форме великий отказ мудреца от знания и рассудка приводит нас на страницы главы тридцать третьей «Чжуанцзы», а там недалеко и до Ян Чжу, которого мы упомянули в скобках в связи с проблемой целостности («волосок»).

²³⁹ *Fung Yu-lan*. Op. cit., p. 136; *Сыма Цянь*. Указ. соч., с. 169—170.

Можно также указать и на то, что система «Люйши чунь-цю», без сомнения, имела не только «входы», но и «выходы», и в связи с этим вспомнить, что основные категории, которыми мы оперировали при анализе текста на различных уровнях,—небо, земля, инь, ян, пять стихий и человек—представляют собой десять слагаемых материального мира у Дун Чжуншу, причем инь и ян прямо определяются у него как разного качества ци²⁴⁰. Впрочем, мы опять будем вынуждены заниматься самым поверхностным, доступным в рамках предисловия перечислением. Посему автор вынужден на данном этапе ограничиться сказанным.

Г. Ткаченко

ЛЮЙШИ ЧУНЬЦЮ /
ВЕСНЫ И ОСЕНИ ГОСПОДИНА ЛЮЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первая луна весны / Мэичунь-цзи¹

В первую луна весны солнце—в Инши². На закате восходит Шэнь³, на рассвете—Вэй⁴. Дни этой луны—цзя и и⁵, ее ди—Тайхао⁶, пэнь—Гоуман⁷, твари—чешуйчатые⁸, нота—цзюэ⁹, тональность—тайгу¹⁰, число—восемь¹¹, вкус—кислый¹², запах—козлий¹³, жертвы—дверям¹⁴, и первейшая—селезенка¹⁵. Восточные ветры растапливают лед, твари пробуждаются от зимней спячки, рыбы поднимаются ко льду, выдры приносят в жертву рыбу¹⁶, дикие гуси тянутся к северу. Сын неба поселяется в левых покоях Циньяна¹⁷, выезжает в колеснице луань¹⁸, правит конями—лазурными драконами¹⁹. Водружает зеленое знамя, облачается в зеленое одеяние, убирается зеленой яшмой²⁰, вкушает пшеницу и баранину²¹. Его ритуальная утварь—с «просторным» узором (*шу и да*)²².

В этой луне справляют личунь—становление весны. За три дня до становления весны тайши²³, явсья пред сыном неба, возвещает: «В такой-то день быть становлению весны: жизнетворная сила²⁴ начинает проявляться в деревьях!» Тогда сын неба постится. В день становления весны сын неба самолично ведет трех гунов, девять цинов, чжухоу и дафу²⁵ в Восточное предместье для инчунь—встречи весны²⁶. По возвращении жалует при дворе цинов, чжухоу и дафу. Повелевает сянам²⁷ наставлять в добре, объявлять указы, раздавать награды, оказывать милость всем вплоть до простого народа. Награды и пожалования следуют по порядку: каждому воздается должное. Повелевает тайши хранить своды, блюсти каноны, следить за обращением неба, солнца, луны, звезд и созвездий, не допуская ошибок в определении их местоположения и хода, не теряя основы и утка, беря за основу постоянное.

В этой луне сын неба возносит в благоприятный день молитвы к шанди²⁸ об урожае. Затем избирают благоприятное время, и сын неба, самолично водрузив на колесницу между латником и колесничим лемех, ведет трех гунов, девять цинов, чжухоу и дафу пахать посвященное ди поле. Сын неба трижды налегает на плуг, три гуна—пять раз, цины, чжухоу и дафу—девять. По

возвращении сын неба поднимает кубок в Тайцин²⁹, три гуна, девять цинов, чжухоу и дафу ему служат. Это называется «вино за труды».

В этой луне ци неба устремляется вниз, ци земли воспаряет вверх. Небо и земля сливаются в гармонии, деревья и травы пускаются в рост. Ваны возвещают начало полевых работ, повелевают начальникам полевых работ поселиться в восточных предместьях и надзирать за устройством угодий и межей, прокладкой дорог и тропинок, заниматься осмотром холмов и курганов, косогоров и балок, равнин и склонов, определением пригодности различных земель для выращивания пяти злаков. Наставляют народ непременно лично и на месте. Если перед началом полевых работ выверяют межи и тропинки с точностью, у землепашцев не бывает сомнений.

В этой луне сын неба повелевает юэчжэну³⁰ отправиться в училище и упражняться с обучающимися танцам. Одновременно сверяет жертвенные своды и повелевает приносить жертвы горам, лесам, потокам и водоемам, избегая при этом заклятия самок. Запрещается и прекращается порубка деревьев. Нельзя разорять гнезда, бить молодняк, самок с телятами, неоперившихся птенцов. Не уничтожать малых, не собирать яйца. Не следует собирать большие толпы, возводить городские стены и валы. Следует закопать скелеты и зарыть трупы.

В этой луне нельзя поднимать войско. Поднять войско значит навлечь кару небес. Если чужое войско не поднимает оружия, мы не можем начинать первыми. Нельзя идти против законов неба, нарушать правила земли, преступать людские порядки.

Если в первую луну весны ввести летние указы — ветры и дожди придут не ко времени, деревья и травы рано засохнут, страна будет охвачена страхом. Если ввести осенние указы — в народе случится большой мор, налетят бешеные ветры, пойдут проливные дожди, пустятся в рост лебеда и полынь. Если ввести зимние указы — разольются потоки вод, выпадет иней, повалит снег, посевы пропадут втуне.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О жизни / Бэнь шэн

Небо порождает все живое, человек воспитывает и взращивает. Того, кто воспитает рожденное небом без ущерба для него, назову сыном неба. Ибо он движим стремлением сохранить небо в полноте. Для этого

и учреждается государство. Оно учреждается с тем, чтобы сохранить все живое в полноте.

Суетные властители нашего века поглощены государственным делами, однако лишь вредят всему живому. Поскольку упускают то, ради чего учреждено государство. Это похоже на то, как если бы войско, которое готовили на страх лиходеям, вдруг повели походом на самих себя, поскольку упустили, зачем его готовили.

Воде присуща чистота. Но к ней примешивается земля, и потому она не сохраняет чистоту. Человеку присуще долголетие. Но вмешиваются вещи, и потому он не достигает долголетия. Вещи—это то, чем питают свое существо, а не то, что питают своим существом. Суетные же люди нашего века по большей части своим существом питают вещи. Поскольку не ведают, что существенно, что несущественно. Поскольку же не ведают этого, существенное мнят несущественным, несущественное—существенным. В этом случае каждый их шаг обречен на неудачу.

От этого правители тиранствуют, подданные бунтуют, сыновья бесчинствуют. Любое из этих трех зол, если не случится чудо, верная гибель царству.

Едва ли стоит слушать приятную уху мелодию, если это слушание оканчивается для человека глухотой. Или любоваться прекрасным на первый взгляд видом, если это оборачивается для человека слепотой. Или смаковать тающие во рту яства, если это лакомство завершается немотой. Мудрец отбирает такие мелодии, виды и лакомства, которые благотворны для его существа, и отбрасывает те, что для него вредоносны. Это и есть путь сохранения в полноте своего существа.

В наш век богатые и знатные по большей части невежественны в отношении музыки, красоты и застолья. Гоняются за этим днем и ночью, а дорвавшись, становятся безудержными. Можно ли быть безудержным без ущерба для своего существа? Когда тьма воинов разом посылают свои стрелы в одну-единственную цель, она будет поражена, и если тьма существ, ярких и привлекательных, ринутся на одну-единственную жизнь, ей не избежать ущерба. Если же они поддерживают одну-единственную жизнь, та, конечно, продлится.

Поэтому мудрец правит тьмою существ с тем, чтобы сохранить в полноте свое собственное существо. Когда существо в полноте, дух обретает гармонию. Зрение обостряется, слух становится чутким, обоняние—тонким, вкус отменным, все триста шестьдесят суставов—гибкими и послушными. Такой человек не говорит, но ему верят, не размышляет, но творит должное,

не мудрствует, но постигает истину. Разумом проникает небо и землю, душой обнимает вселенную. Нет среди сущего, чему бы он не внял, чего бы не вместил. Он сродни небу и земле. Возносясь до сана сына неба, не гордится, опускаясь до состояния простого мужика, не омрачается. Это и есть человек полного дэ.

Богатство и знатность, если им сопутствует невежество, способны счастье обратить в горе, и тогда они хуже бедности и ничтожества. Бедным и ничтожным вещи даются с трудом, и даже при большом желании им едва ли доступны излишества. А тут — экипаж для выезда, палакин для дома. Думают, что это для удобства, а это называется — орудие для паралича. Жирное мясо, густое вино. Думают, это для здоровья, а это называется — еда для колики. Нежные щечки, белые зубки, песни из Чжэн и Вэй. Думают, это для забавы, а это называется — топор для естества. Таковы горести, навлекаемые богатством и знатностью, и потому в древности те, кто существенным для себя полагал жизнь, отказывались от богатства и знатности. Поступали они так не ради славы, а следуя своему убеждению. Поэтому к их мнениям следует отнестись со всем вниманием.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О человеке / Чжун цзи

Шуй был великим мастером, но люди любят не пальцы Шуя, а собственные свои пальцы, поскольку свои им нужнее. Люди любят не яшму в горах Кунь, не жемчуг в реках Цзян и Хань, а собственный свой тусклый камушек, крохотную жемчужинку, поскольку свои им нужнее. Не тем более ли нужна мне собственная моя жизнь! Что бы ни говорили о знатности, даже сан сына неба ничто в сравнении с ней. Что бы ни говорили о богатстве, я не променял бы ее даже на Поднебесную. Что бы ни говорили о риске, я знаю, что утратив жизнь однажды, я не верну ее вновь никогда.

Владеющие дао относятся к этим трем вещам не без опаски. Бывает, правда, что опасаются этого, но все же приносят вред. Это — от неведения условий существования. При неведении условий существования опасение бесполезно: слепой уложит любимого сына на мякину, глухой вынесет лелеемое чадо из дому во время грозы. Бывают и такие, что понятия не имеют об опасении. Не имеющий понятия об опасении не видит разницы между жизнью и смертью, существованием и гибелью, возмож-

ным и невозможным. Не видя разницы, такой называет истиной то, что никоим образом не истина, и ложью то, что никоим образом не ложь. Меж тем то, что он называет ложью,—истина, а то, что он называет истиной,—ложь. Такого я называю глубоким невеждой. Небо карает таких.

Если так распоряжаться жизнью, неизбежны болезнь и смерть. Если так распоряжаться царством, неизбежны поражения и гибель. Эти болезнь, смерть, поражения и гибель приходят не сами по себе. Они вызваны невежеством. То же можно сказать и о долгой жизни, неизменных победах. Поэтому владеющие дао внимательны не к тому, что вызвано, а к тому, что вызвало. Ибо тому, что вызвано, помешать уже невозможно. Это следует уяснить.

Положим, У Хо со всей силы тащит буйвола за хвост. Либо оторвется хвост, либо выбьется из сил У Хо, буйвол же не сдвинется с места, потому что его тянут назад. Но если мальчонка ростом в пять чи потянет буйвола за кольцо в носу, тот пойдет куда угодно, потому что его ведут вперед.

И мудрые, и глупые среди нынешних властителей и правителей все до одного желают себе долголетия. Но поскольку они ежедневно тянут свою жизнь назад, в их желаниях мало проку. Жизнь бывает долгой, когда ее ведут вперед. Мешают вести жизнь вперед страсти. Поэтому мудрец всегда умеряет свои желания.

В просторных палатах слишком много тени, в высоких теремах слишком много солнца. От тени в ногах паралич, от солнца — сухотка. Эти недуги — от неумеренности тени и солнца. Поэтому в старину цари не ставили больших палат, не возводили высоких теремов. Не держали редких яств, не носили жарких шуб. От жарких шуб — закупорка сосудов, при закупорке нет хода ци. От редких яств — закупорка желудка, при закупорке — несварение, при несварении нет хода ци. Можно ли этак жить долго?

В старину мудрые цари устраивали парки, сады, заповедники и пруды исключительно для созерцания и прогулок, строили дворцы, палаты, терема и беседки исключительно, чтобы укрыться от жары и дождя. Коней и экипажи, платье и шубы держали лишь для того, чтобы прикрыть тело, согреть кости, еду и питье, меды и вина — для потрафления аппетиту, утоления голода. Музыка и цвет, мелодия и песня существовали исключительно для ублажения существа и развлечения. Этими пятью вещами мудрые цари питали свое существо. Они не были привержены скупости и не боялись тратить. Просто стремились к миру со своим существом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О справедливости / Гуй гун

В старину мудрые цари, управляя Поднебесной, всегда ставили на первое место справедливость. Справедливость приводит Поднебесную к миру, мир достигается справедливостью. Послушаем, что говорит предание. Достигавших власти над Поднебесной — легион. И все они достигали ее справедливостью, а утрачивали из-за несправедливости. Крепость престола любого властителя зиждется на справедливости. Ибо сказано в «Хун фань»:

Не льстить, не лгать:
Путь царский — гладь!
Не льстить, не гнуть:
В том — царский путь!
Не вдруг — хвалить:
Путь царский длить!
Не вдруг — карать:
Долг царский знать!

Поднебесная не есть Поднебесная единственного. Поднебесная есть Поднебесная Поднебесной. Гармония света и тьмы не простирается на отдельный род. Утренняя роса и сезонные дожди не отдают предпочтения ни одному существу. Повелитель тьмы народа не привержен ни одному из людей.

Бо Цинь, пускаясь в путь, спрашивал, как управлять царством Лу. Чжоу-гун отвечал: «Твори благо, но не ищи благ». Раз некий цзинец потерял лук, но не стал его искать, а сказал: «К чему поиски: человек из Цзин потерял, человек из Цзин и найдет». Конфуций, прослышав об этом, сказал: «Вот было бы славно убрать слова „из Цзин“!» Лао-цзы, прослышав об этом, сказал: «Вот было бы славно убрать еще и слово „человек“!» Лао-цзы был справедлив ко всему.

Небо и земля огромны. Они рожают, но у них нет детей, возвращают, но у них нет владений. Все существующее питается их соками себе на благо, но никто не знает, где начало этого блага. Таким было дэ трех хуанов и пяти ди.

Когда Гуань Чжун болел, Хуань-гун навестил его и спросил: «Если Ваша болезнь обострится настолько, что государственные мужи не смогут скрыть этого от народа, кому принужден буду я вручить бразды правления?» Гуань Чжун ответил: «Я призвал все мои силы и знания, но не нашел ответа. Что же могу я сказать сейчас, когда болезнь может покончить со мной в один

день?» Хуань-гун сказал: «Дело весьма серьезное, и я нуждаюсь в Вашем совете». Почтительно согласившись, Гуань Чжун спросил: «Кого бы вы хотели видеть сяном?» Хуань-гун сказал: «Быть может, Баошу Я?» Но Гуань Чжун отвечал: «Невозможно! Лично я дружен с Баошу Я. Ведь что он за человек? Чист, честен, скромн, прям. Но тех, кто не таков, как он сам, он не считает за людей. Если кто оступился, запомнит ему на всю жизнь. Так что, если не возражаете, я бы предложил Си Пэна. Ведь что он за человек? Почитает предание, но уважает и мнения. Сокрушается, что ему далеко до Хуан-ди, но с пониманием относится к тем, кому далеко до него самого. Он допускает, что кое-что в стране не слышал, кое-чего не знает, кое-кого не встречал. Так что, если не возражаете, я бы предложил Си Пэна».

Сян — большой пост. На большом посту не занимаются малым и не вникают в мелочи. Поэтому и говорится: «Большой мастер не хватается за топор, большой повар не мечется с посудой, большой смельчак не лезет в сечу, большой командир не бежит грабить».

Пока Хуань-гун держался справедливости и отвергал личные пристрастия, он держал на службе Гуань Чжуна и был старшим из пяти бо. Когда же он поддался своим пристрастиям и возвысил своих любимцев, взял на службу Шу Дао, черви поползли через порог.

Смолоду люди глупы, к старости умнеют. Но лучше быть глупым и справедливым, чем умным и пристрастным. И сам Шунь не сумел бы остаться опрятным, беспробудно пьянствуя, соблюсти справедливость, зная лишь свою выгоду, усидеть на царстве, погрязши в алчности и злобе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О пристрастиях /Цюй сы

Небо служит кровлей беспристрастно, земля беспристрастно носит. Беспристрастно светят солнце и луна, беспристрастно сменяют друг друга четыре времени года. Они следуют своему дэ, и все существующее развивается и растет.

Хуан-ди говорил, что следует избегать громкой музыки, яркого цвета, пышных одеяний, сильного запаха, острого блюда, больших помешений.

У Яо было десять сыновей. Но царство он передал не кому-нибудь из них, а Шуню. У Шуня было девять сыновей. Но царство он передал не кому-нибудь из них, а Юю.

Это — высшая справедливость. Цзиньский Пин-гун обратился к Ци Хуанъяну³¹ с таким вопросом: «Кого бы назначить на незанятую должность правителя Наньяна?» Ци Хуанъян отвечал: «Предлагаю Се Ху». Пин-гун спросил: «Но разве Се Ху Вам не враг?» И услышал в ответ: «Вы ведь спрашивали, кого назначить, а не кто мне враг». Пин-гун сказал: «Чудесно!». Затем он назначил Се Ху, и все государственные мужи остались довольны. Через некоторое время Пин-гун вновь спросил Ци Хуанъяна: «Кого бы назначить на незанятую должность нашего военачальника?» И услышал в ответ: «Предлагаю У». Пин-гун спросил: «Но разве У не сын Вам?» И услышал в ответ: «Вы ведь спрашивали, кого назначить, а не кто мне сын». Пин-гун сказал: «Чудесно!». Затем он назначил У, и все государственные мужи остались довольны.

Конфуций, прослышав об этом, сказал: «Ответы Ци Хуанъяна чудесны! Однажды он не побоялся порекомендовать врага, в другой раз не побоялся рекомендовать сына. Ци Хуанъян заслуживает, чтобы его называли справедливым».

Когда наставник моистов Фу Тунь служил в царстве Цинь, его сын убил человека. Циньский царь Хуэй³² сказал ему: «Вы уже немолоды, а других сыновей у Вас нет. Я дал указание чинам, чтобы его не казнили. Послушайтесь меня в этом». Фу Тунь ему ответил: «У моистов есть закон, гласящий, что убийцу карают смертью, а нанесшего рану пытаются. Это для того, чтобы помешать убийству и членовредительству. Кто мешает убийствам и членовредительству, исполняет великий долг в Поднебесной. И хотя Вы проявили милосердие и дали указание чинам не казнить его, я, Фу Тунь, не могу не последовать закону Мо-цзы».

Он не послушался царя, и сына его казнили. Человек не может не быть пристрастным, когда речь идет о его сыне. Фу Тунь, отвергший свои пристрастия ради следования великому долгу, без сомнения заслуживает, чтобы его называли справедливым. Держать можно только такого повара, который, приготовив еду, сам ее не съест. И едва ли есть смысл держать поваром такого, который, приготовив еду, сам ее съедает. Это же касается и господина всех бо. Господином всех бо можно стать, если казнить бунтовщиков, отвергая личные пристрастия, и наделять землей достойных в Поднебесной. И едва ли можно стать господином всех бо, если казнить бунтовщиков по личному пристрастию.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вторая луна весны / Чжунчунь-цзи

Во вторую луну весны солнце в Куй. На закате восходит Ху, на рассвете — Цзяньсин. Дни этой луны — цзя и и, ее ди — Тайхао, шэнь — Гоуман, твари — чешуйчатые, нота — цзюэ, тональность — цзячжун, число — восемь, вкус — кислый, запах — козлий, жертвы — дверям, и первейшая — селезенка.

Начинаются дожди, цветут персики и сливы. Поют иволги. Ястребы оборачиваются горлицами.

Сын неба поселяется в Таймiao Циньяна, выезжает в колеснице луань, правит лазурными драконами. Водружает зеленое знамя, облачается в зеленое одеяние, убирается зеленой яшмой. Вкушает пшеницу и баранину. Его утварь — с «просторным» узором (*шу и да*).

В этой луне берегут почки и ростки, питают юных и малых, привечают всех сирот.

Сын неба избирает благоприятный день и повелевает вознести молитвы у алтаря земли.

Повелевает соответствующим чинам посетить тюремные замки, снять кандалы и наручники, облегчить телесные наказания, приостановить иски и тяжбы.

В этой луне прилетают ласточки. В день их прилета приносят великую жертву у алтаря Гаомэй. Сын неба самолично прибывает туда. К нему присоединяются первая дама во главе девяти бинь. Та, что угодит сыну неба, получит в свой колчан стрелу перед алтарем Гаомэй.

В этой луне наступает равноденствие. Раздаются раскаты грома, затем сверкает молния. Твари повсюду отходят после зимней спячки, отпирают дверки и начинают выползать наружу. За три дня до первого грома бьют в колокола, чтобы оповестить простой народ. При этом напоминают: «Скоро зазвучат раскаты грома, и если кто-либо будет невоздержанным в своем поведении, родившиеся дети будут уродами, что принесет горе и несчастье».

В день равноденствия выверяют меры длины и емкости, гири и коромысла весов, дани, цзюэ, доу и туны, приводят в порядок грузила безменов.

В этой луне пахари мало бывают дома. Все исправляют двери и створки, приводят в порядок покои и храмы. Не берутся за большие дела, чтобы не мешать полевым работам.

В этой луне не отводят воду из рек и озер, не спускают прудов, не палят лесов. Сын неба приносит в жертву ягненка и велит открыть ледники, предварительно принеся жертву в храме предков.

В первый день дин повелевает юэцжэну приступить к танцам, принеся цветные ткани. Сын неба самолично ведет трех гунов, девять цингов и чжухоу наблюдать за этим обрядом. В средний день дин он вновь повелевает юэцжэну посещать учащихся и наставлять их в музыке.

В этой луне при молении не приносят в жертву животных, а для этой цели используют пест и кольцо из яшмы, а также шкуры и шелк.

Если во вторую луну весны ввести осенние указы — по всей стране разольются реки, со всех сторон налетят холодные ветры, вторгнутся разбойники и воители. Если ввести зимние указы — горячая ци не пересилит холода, пшеница не созреет, люди станут грабить друг друга. Если ввести летние указы — на страну обрушится засуха, жара наступит слишком рано, налетят саранча и прочие вредители.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О жизнелюбии / Гуй шэнь

Мудрец охватывает умом Поднебесную, и ничто не ценит он в ней так, как жизнь. Его ум, глаза, нос и уста — на службе у жизни. И хотя уху хочется прекрасной мелодии, глазу — прекрасного вида, носу — прекрасного аромата, устам — прекрасных яств, они сдерживают вредоносное для жизни. Конечно, эти четыре органа не стали бы этого делать, если бы не желали блага для жизни. В этом смысле не следует давать волю ушам, глазам, носу и устам, но сдерживать их, как не дают воли чинам, но всегда их сдерживают. Это и есть умение ценить жизнь.

Яо предлагал Поднебесную Цзычжоу Чжифу. Чжифу сказал в ответ: «Я, конечно, гожусь в сыновья неба, только вот меня мучают приступы меланхолии, и пока я не излечусь от этого, мне недосуг управлять Поднебесной».

Поднебесная — дело серьезное. Если уж таким не желают вредить собственной жизни, то о прочих делах и речи нет. И доверить Поднебесную можно лишь тому, кто не станет ею вредить собственной жизни.

Юэсцы убили подряд трех правителей. Царевич Соу³³, устранившись такой участи, скрылся в Красных Пещерах³⁴. Оставшись без правителя, юэсцы искали Соу, но не нашли в городе. Отправились за ним к Красным

Пещерам, но царевич Соу отказался к ним выйти. Тогда юэсцы зажгли полынь и выкурили его вон, а потом возвели на царскую колесницу. Царевич Соу принял вожжи, взошел на колесницу и, взглянув на небо, сказал со вздохом: «Правители! Неужто нельзя обойтись без меня?!» Царевич Соу с ненавистью относился не к сану правителя, а к напастям, проистекающим от этого. Такие, как Соу, заслуживают, чтобы их назвали избегающими наносить ущерб собственной жизни государственными делами. Именно поэтому юэсцы и желали заполучить его правителем.

Правитель Лу прослышал, что Янь Хэ — муж, постигший дао, и отправил к нему гонца с шелком в дар. Янь Хэ, в одежде из грубой шкуры, сам кормил буйвола у ворот. Когда прибыл посланец от луского правителя, он сам вышел ему навстречу. Посланный спросил: «Это — дом Янь Хэ?» Янь Хэ отвечал: «Да, это дом Хэ». Посланец вознамерился вручить ему шелк, но Янь Хэ запротестовал: «Боюсь, вы не поняли повеления! Как бы вам не поставили этого в вину. Не лучше ли справиться еще раз?» Посланец пустился в обратный путь, справился и вернулся с тем же, но Хэ уже не застал.

Такие, как Янь Хэ, ненавидят не богатство и знатность сами по себе. Они ими пренебрегают, ибо слишком ценят собственную жизнь. Нынешние властители в большинстве своем из-за богатства и знатности свысока глядят на постигших дао. Они не желают их знать. Разве это не прискорбно? А ведь сказано: «Истина дао в том, чтобы сохранять себя³⁵, прочее можно употребить на управление страной, оставшееся от этого — на управление Поднебесной». В этом смысле труды предков и царей — то, к чему мудрец обратится в последнюю очередь, ибо это отнюдь не тот путь, на котором совершенствуют себя, вскармливают собственную жизнь.

Суетные правители нашего века ради погони за вещами готовы рисковать собой, забывать о своей жизни. Однако можно ли таким образом достичь своего, можно ли таким образом выполнить, что задумано? Ведь деяния мудреца и состоят в том, чтобы познавать, откуда что происходит и как с этим поступать.

Ведь если некто станет стрелять жемчужиной суйского царя³⁶ по птахе на высоте в тысячу жэней, все будут потешаться над ним. А отчего? Да оттого, что он станет тратить нечто ценное ради достижения весьма ничтожного. Но не ценнее ли жизнь, нежели жемчужина суйского царя?

Некогда Хуа-цзы³⁷ изрек: «Превыше всего — сохранение жизни в полноте, затем следует жизнь с ущербом,

затем следует смерть, и самое ничтожное — жизнь под гнетом». Почитанием жизни называется сохранение ее в полноте. В жизни, сохраняемой в полноте, все шесть страстей умиротворены должным образом. В жизни с ущербом эти шесть страстей умиротворены частичным образом. В жизни с ущербом соответственно меньше того, за что ее стоило бы почитать. И чем больше ущерб, тем меньше к ней почтения. Смерть — это когда уже ничего не ощущают, все вновь как было до рождения. Жизнь под гнетом, — когда ни одна из шести страстей не умиротворена должным образом, и все они обретают лишь наиболее ненавистное. Все, что ни сделает такой человек, приведет его к позору. Нет большего позора, чем несправедливость. И потому несправедливость ведет к жизни под гнетом, но жизнь под гнетом одной несправедливостью не заканчивается.

Поэтому и говорится: лучше смерть, нежели жизнь под гнетом. Откуда известно, что это именно так? Когда ухо слышит лишь то, что ему ненавистно, это хуже, чем ничего не слышать. Когда глаз видит лишь то, что ему ненавистно, это хуже, чем ничего не видеть. Поэтому, когда гремит гром, затыкают уши, когда сверкает молния, закрывают глаза. Этому можно уподобить все шесть ощущений: когда ощущают то, что для них наиболее ненавистно, и не в состоянии избавиться от этих ощущений, для них предпочтительнее полное отсутствие ощущений. То, при чем полностью отсутствуют ощущения, называется смертью. Поэтому лучше смерть, чем жизнь под гнетом. Тот, кто любит угоститься мясом, не понимает под мясом дохлой крысы, и кто любит угоститься вином, не понимает под этим прокисшей барды. Так и почитающий жизнь не понимает под жизнью жизни под гнетом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О стремлениях и желаниях / Цин юй

Небо рождает человека наделенным страстями и желаньями. Желанья порождают стремления, стремлениям присуща мера. Мудрец познает эту меру, дабы сдерживать свои желанья. Поэтому и в стремлениях своих он не преступает грани.

Ибо уши желают слышать пять звуков, глаза желают видеть пять цветов, уста желают наслаждаться пятью вкусами. Таковы их стремления. И в этих трех вещах знатные и простые, глупые и умные, славные и пустые

ничем не отличаются. Шэнь-нун и Хуан-ди в этом таковы же, что и Цзе и Чжоу. Мудрец же отличается тем, что он постигает свои стремления.

Стремления постигают, когда действуют, исходя из преимущественной ценности жизни. Суть же утрачивают, когда действуют, исходя не из преимущественной ценности жизни. В этих двух вещах заключен корень жизни и смерти, существования и гибели.

У суетных владык стремления ущербны, и потому всякое их действие приводит к поражению и гибели. Ибо нельзя сверх меры утруждать уши грохотом, утомлять глаза пестротой, а уста яствами, иначе распухнет все тело, онемеют сочленения и кости, застынет кровь в жилах, опустеют все девять отверстий, и каждый изгиб тела утратит должный вид. Тут уж не в силах будет помочь и сам Пэн Цзу! Когда желают из вещей недостижимого, когда домогаются в делах невыполнимого — все дальше уходят от корня жизни. Подданные и народ обращаются тогда к злословью и клевете, владыки возбуждают к себе великую вражду. Когда мысли легко смущаемы, становятся шаткими и нетвердыми. Хвастают своей властью, превозносят свой ум, а в груди — фальшь и обман. Добродетель и справедливость удаляются, а на смену им являются алчность и разврат. Когда же обступят трудности и бедствия, раскаиваться в содеянном прежде уже поздно. Хитрецы и краснобаи окружают таких, честные же и прямодушные их покинули. Стране грозят большие беды, но сожаления о совершенных злоупотреблениях не в силах ничего изменить. Прислушиваясь к речам, впадают в ужас, но исправить что-либо уже не в состоянии. Стеной встает мор, чередой спешат беды и смуты. И управление народом, и собственное здоровье в весьма плачевном виде. Уши уже не рады пению, глаза — краскам, уста — сластям. А это уже все равно что смерть.

В древности были люди, постигшие дао. Они доживали до глубокой старости и долго наслаждались пением, красками и яствами. Отчего так было? Оттого, что взгляды их формировались рано, а поскольку взгляды их формировались рано, они рано учились беречь себя. Рано учились беречь себя, и оттого не изнурили свой дух. Ведь если осенью рано холодает, зима бывает теплой, и если весна дождливая, лето засушливо. Сама природа неспособна разделить силы надвое, ни тем более ли человек? Человек сродни природе. Все существа, хотя и отличаются по виду, едины в своих устремлениях. Поэтому в древности совершенствовавшие себя и мир всегда брали пример с природы.

Если вино черпают многие, оно скоро кончится. Тьма существ черпают вино жизни великих и знатных, оттого их жизнь зачастую так скоро кончается. Тем более когда не только тьма существ черпают их силы, но и сами они готовы поступиться собственной жизнью ради людей Поднебесной, сами того не сознавая. Ибо чем более их заслуги вовне, тем более ущерб их жизни внутри. Уши их не слышат, глаза не видят, уста не ощущают вкуса пищи. В груди великое стеснение, речи несвязны, взгляд замутнен. Как на грани смерти — в мыслях смятение, в душе ужас, — не ведают, что творят. Не прискорбно ли, когда так надрываются?

Современники Суньшу Ао все полагали, что встреча с цзинским Чжуан-ваном была для него большой удачей. С точки зрения понятий о дао это не так. Напротив, это было большой удачей для царства Цзин. Цзинский Чжуан-ван любил дальние путешествия, большие охоты, гонки на колесницах, копы да стрелы и развлекался беспрерывно. А все труды по управлению страной и заботы о чжухоу он возложил на Суньшу Ао. Суньшу Ао не знал отдыха ни днем, ни ночью и потому-то не мог позаботиться о своей собственной жизни. Зато деяния Чжуан-вана были записаны на шелку и бамбуке в назидание будущим поколениям.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О верных влияниях / Дан жань

Мо-цзы увидал однажды, как красят белый шелк, и сказал со вздохом: «Покрасят в голубом, и станет голубым, покрасят в желтом, и станет желтым! Изменяет цвет раствора, изменится и цвет шелка. Опуская в пять разных красок, получают пять разных цветов. Так что красить нужно не без опаски».

Это относится не только к окраске шелка. В государстве также наличествуют подобные влияния. Шунь находился под влиянием Сюй Ю и Бо Яна, Тан — под влиянием И Иня и Чжун Хуэя, У-ван — под влиянием Тайгун-вана и Чжоу-гун Дая.

Эти четыре государя находились под верным влиянием и потому правила Поднебесной, стали сынами неба. Молва об их деяниях достигла неба и всех концов земли. Приводя примеры доброжелательности и справедливости среди людей Поднебесной, всегда называют этих четырех государей.

А вот сякий Цзе находился под влиянием Гань Синя и Ци Чжунжуна, иньский Чжоу — под влиянием Чун-хоу и Э Лая, чжоуский Ли-ван — под влиянием Чан Фу из Го и Юн Ичжуна, Ю-ван — под влиянием гуна Гу из Го и гуна Дуня из Чжай.

Эти четыре государя находились под неверным влиянием и потому принесли беды своим царствам и сами погибли, стали позором Поднебесной. Приводя примеры несправедливости и позора среди людей Поднебесной, всегда называют этих четырех государей.

Циский Хуань-гун находился под влиянием Гуань Чжуна и Баошу, цзиньский Вэнь-гун — под влиянием Цзю Фаня и Си Яня, цзинский Чжуан-ван — под влиянием Суньшу Ао и Шэнь Инчжэна, уский Хэлюй — под влиянием У Юня и Вэнь Чжии, юэский царь Гоу-цзянь — под влиянием Фань Ли и дафу Чжуна.

Эти пять правителей находились под верным влиянием и потому стали гегемонами среди чжухоу, а молва об их деяниях дошла до последующих поколений.

Фань Цзии находился под влиянием Чжан Люшо и Ван Шэна, Чжунхан Инь — под влиянием Цзи Циня и Гао Цяна, уский царь Фучай — под влиянием Ван Суньсюна и Тайцзай Пи, бо Яо из Чжи — под влиянием Чжиго Чжаньгу, Шан из Чхуншань — под влиянием Вэй И и Янь Чжана, сунский царь Кан — под влиянием Тан Яна и Тянь Буиня.

Эти шесть правителей находились под неверным влиянием, и потому все принесли беды и гибель своим царствам и сами были опозорены и погибли, храмы их предков остались без жертв, род их прервался, советники и подданные покинули их и рассеялись, народ предался бродяжничеству. Приводя примеры алчности и жестокости среди людей Поднебесной, всегда называют этих шестерых правителей.

Правители не становятся прекрасными оттого, что они правители, они не обретают покой оттого, что они — правители; все это дает лишь следование ритуалу. Следование же ритуалу проистекает из верных влияний. Поэтому в древности умелые правители не жалели сил на отыскание верных людей, зато потом они отдыхали от дел правления, ибо обретали истинную основу в жизни. Те же, кто неспособен был быть правителем, изнуряли свое тело, изматывали свою душу, терзали свое сердце, насиловали глаза и уши, однако царство их подстерегали все большие опасности, сами они подвергались все большему позору и не сознавали, отчего это происходит. И поскольку не знали, отчего это происходит, находились

под неверным влиянием. А при неверном влиянии откуда же взяться ритуалу? Так обстояло с шестью правителями. Не то чтобы они не ценили своих царств или не любили самих себя,—просто они находились под неверным влиянием. Так обстоит не только с принципами существования и гибели—то же относится и к предкам и царям. И не только в государственных делах наличествуют влияния.

Конфуций учился у Лао Даня, Мэн Су и Кун Цзиншу. Луский Хуэй-ван отправил Цзай Яна с поручением просить у сына неба разрешения на отправление обрядов в Цзяомяо. Хуань-ван послал к нему хрониста Цзюэ. Хуэй-ван оставил его при себе, и его потомки также проживали в Лу. У них-то и учился Мо-цзы. У этих двух мужей не было ни рангов, ни должностей, чтобы возвысить кого-либо, у них не было ни средств, ни жалованья, чтобы принести кому-либо выгоды. Однако, приводя примеры истинной славы среди людей Поднебесной, всегда называют этих двух мужей.

Оба они давно умерли, но последователей у них все больше, ученики их все многочисленней,—ими полна Поднебесная. Цари, гуны и большие люди следуют по их стопам и славятся этим, их любимые сыновья и братья подражают им и учатся у них; эта традиция не прерывается.

Цзыгун, Цзыся и Цзэнцзы учились у Конфуция, Тянь Цзыфан учился у Цзыгуна. Дуань Ганьму учился у Цзыся. У Ци учился у Цзэнцзы. Цинь Гули учился у Мо-цзы. Сюй Фань учился у Цинь Гули. Тянь Си учился у Сюй Фаня. Прославившихся в Поднебесной из числа учеников Конфуция и Мо-цзы множество, их не счесть. Все они находились под верным влиянием.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О свершениях и славе / Гун мин

Следуя верным путем, невозможно избежать свершений и славы. Они столь же неизбежны, как тень от тела, эхо от крика. Умелый удильщик достает рыбу с глубины в десять жэней, потому что у него ароматная приманка. Умелый стрелок снимает птицу с высоты в сотню жэней, потому что у него славный лук. Умелый правитель заставляет варваров и инородцев оставить свои нравы, забыть свои обычаи и покориться ему, потому что велика его дэ.

Где воды глубоки, там водятся рыбы и черепахи. Где деревья густы, там гнездятся птицы. Где травы высоки, там водится дичь. Если властитель над людьми умен, у него появляются на службе герои. Поэтому мудрый царь стремится познать не тех, кто приходит а то, почему они приходят к нему.

Когда кого-либо принуждают смеяться, он невесел. Когда кого-либо принуждают плакать, он не опечален. Тот, кто лишь по принуждению следует дао, способен совершить малое, но никогда — великое.

Если укус в чане желт и крепок, там заведутся москиты; с одной лишь водой этого не будет. Ни при каких усилиях не заманить мышь на кошку, муху на лед. Как и не отогнать мух тухлой рыбой: мух налетит еще больше, их не остановишь, ибо невозможно отгонять чем-либо привлекательным.

Цзе и Чжоу пытались привлечь отталкивающим, но хотя наказания при них были тяжки, а пытки суровы, это ни к чему не привело. Когда ударят холода, народ тянется к теплу. Когда обрушится жара, народ ищет холодка. У него нет постоянного пристанища: почуяв выгоду, он стекается, когда ее нет, уходит.

Того, кто хочет стать сыном неба, не может не интересоваться, куда пойдет народ. А в наш век ни при холоде, ни при жаре народ никуда не идет, ибо куда бы он ни направился, всюду одно и то же. Тому, кто хочет стать сыном неба, нужно показать народу нечто иное. Если он не сумеет отделить себя от всеобщей смуты, то при самых искренних намерениях ему все же не удастся привлечь к себе нынешний народ. Когда же народ не приходит, с царством покончено. Тираны тогда торжествуют, а народ в отчаянье. Поэтому в наш век человек благоразумный не оставит этого без внимания, умный властитель не преминет этим заняться.

Ум и невежество отделены друг от друга непреложно, как непреложно время, отпущенное судьбой; так же непреложны и добрая или худая слава. Цзе и Чжоу пребывали в ранге сына неба, владели всем миром. Власти их было довольно, чтобы сделать несчастными всех в Поднебесной, но не достаточно, чтобы оставить по себе добрую славу. Гуань Лунпэн и царевич Би Гань могли принять жестокую смерть, стремясь прекратить злоупотребления своих владык, но они не могли доставить им славу мудрых. Славу другому не передашь, для нее необходимы основания.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Третья луна весны / Цзичунь-цзи

В третью луну весны солнце в Вэй. На закате восходит Цисин, на рассвете — Цяньню. Дни этой луны — цзя и и, ее ди — Тайхао, шэнь — Гоуман, твари — чешуйчатые, нота — цзюэ, тональность — гусянь, число — восемь, вкус — кислый, запах — козлий, жертвы — дверям, и первойшая — селезенка.

Расцветает тунг. Хомячки оборачиваются перепелами. На небе радуга, на воде ряска.

Сын неба поселяется в Правых покоях Цинъяна, выезжает в колеснице луань, правит лазурными драконами. Водружает зеленое знамя, облачается в зеленое одеяние, убирается зеленой яшмой. Вкушает пшеницу и баранину. Его утварь — с «просторным» узором (*шу и да*).

В этой луне сын неба приносит в жертву предкам одеяние цвета тутовых листьев.

Повелевает смотрителю лодок лодки перевернуть. Тот переворачивает их пять раз килем вверх и пять раз обратно, после чего докладывает о готовности лодок для сына неба. Тогда сын неба впервые вступает в лодку и приносит в заднем помещении Храма предков в жертву осетра с молением об урожае пшеницы.

В этой луне шэнци набирает полную силу, янци взмывает вверх и заполняет все. Растущее выходит наружу, почки полностью раскрываются. В это время не следует собирать налоги.

Сын неба оказывает доблесть, являет милости. Повелевает соответствующим чинам открыть амбары и кладовые и произвести раздачи среди бедных и сирых, позаботиться о нуждающихся и обездоленных. Повелевает также открыть сокровищницы и взять из них шелка для пожалований чжухоу по всей Поднебесной. Он также ободряет славных мужей и оказывает внимание достойным.

В этой луне следует повеление ведающим общественными работами, в котором говорится: «Скоро пойдут сезонные дожди, и реки, в которых вода стоит ныне низко, всплутся. Отправляйтесь по царствам и городам и осмотрите все равнины и луга. Проследите за исправлением дамб и очисткой каналов, справьтесь, открыты ли пути и дороги, дабы не осталось нигде ни преграды, ни завала. Сеть и привязная стрела, а равно и сеть на зайца или птицу и прочие сети, отравы на зверя да не появятся за девятью воротами».

В этой луне следует повеление лесничим не вырубать тутовых деревьев. Голуби расправляют крылья, удода спускаются на туги. Готовят лотки и кораба для шелкопряда.

Государыня постится и самолично отправляется на восток собирать тутовые листья. Женам возбраняется оставаться праздными, их освобождают от прочих дел, побуждая заняться шелкопрядом. Когда шелкопряд окукливается, коконы делят, затем взвешивают сотканный шелк, определяя результаты работы, чтобы приготовить жертвенные одежды для предместий и храма предков. Никто не смеет лениться.

В этой луне следует повеление главе ремесленных приказов послать мастеровых всех цехов проверить хранящиеся в пяти хранилищах металлы, кожи, шкуры и жиры, рог и слоновую кость, оперение и древки для стрел, жир, клей, киноварь и лак; все должно быть в хорошем состоянии. Затем все мастеровые приступают к работам, а смотрители работ каждодневно отдают распоряжения, дабы не изготовлялось ничего, что не ко времени, и дабы никто не изготовлял дорогих и вычурных вещей, способных смутить сердца высших.

В конце этой луны избирают благоприятный день и устраивают большое представление с музыкой. Сын неба самолично ведет трех гунов, девять цинов, чжухоу и дафу любоваться этим зрелищем. В этой луне быков и жеребцов спаривают с коровами и кобылами на выгонах. Жертвенных жеребят и телят считают и заносят в списки.

Горожане заклинаят духов, разрывая на части животных у городских ворот; весенняя ци тем самым обретает полную силу.

Если все исполнено как надо, во всех трех декадах выпадут благостные дожди.

Если в последнюю луну весны ввести зимние указы — холодная ци задержится надолго, травы и деревья останутся в росте, страна будет охвачена страхом. Если ввести летние указы — на народ обрушатся болезни, сезонные дожди не выпадут, на горах и холмах не уродится хлеб. Если ввести осенние указы — небо скроется в тучах, рано пройдутся ливневые дожди, всюду поднимутся войны и смуты.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О полном долголети / Цзинь шу

Небо порождает инь и ян, холод и жару, сушь и влагу, смену четырех сезонов, превращения тьмы существ, кои могут быть как благотворны, так и вредоносны. Мудрец

познает соотношение инь и ян и отличает благотворное для тьмы существ, дабы помогать жизни. Потому ум и душа его покойны в теле, и живет он долгие годы. Когда живут долго, это не значит, что удлиняют короткую от природы жизнь. Просто проживают до конца отпущенное природой. Проживают же до конца отпущенное природой в том случае, если устраняют из жизни все вредоносное.

Что означает устранение вредоносного? Слишком сладкое, слишком кислое, слишком горькое, слишком острое, слишком соленое,— когда этими пятью переполнено тело, они вредны жизни. Слишком большая радость, слишком большой гнев, слишком большая скорбь, слишком большой страх, слишком большая печаль,— когда этими пятью связана душа, они вредны жизни. Слишком сильный холод, слишком большой жар, слишком большая сушь, слишком большая влажность, слишком сильный ветер, слишком долгий дождь, слишком густой туман,— когда этими семью потревожен ум, они вредны для жизни. Посему для вскармливания жизни нет ничего важнее знания корня. Если познан корень, болезни неоткуда прийти.

Собираясь, цзинци непременно в чем-либо проявляется. Собираясь в пернатой птице, она делает ее способной к полету и парению. Собираясь в рыскающем звере, она делает его способным к движению и бегу. Собираясь в жемчуге и яшме, она делает их красивыми и яркими. Собираясь в кустарниках и деревьях, она делает их способными к пышному росту. Собираясь в мудреце, она делает его великим и разумным.

Такова природа цзинци — она легка и дает полет, подвижна и дает бег, прекрасна и дает красоту, растуща и дает рост, просвещена и дает разум.

Проточная вода не зацветает, дверную петлю не точит червь. Это от движения. Телесная ци сродни этому. Если тело неподвижно, цзин не переливается по нему; когда цзин не переливается — ци в застое. Если ци застоится в голове,— это вызовет головные боли и простуду, если в ушах — шум в ушах и глухоту, если в глазах — нагноение и слепоту, если в носу — насморк и гайморит, если в животе — газы и икоту, если в ногах — паралич и судорогу.

Там, где вода легкая, много плешивых и больных зобом. Там, где вода тяжелая, много больных водяной и парализованных. Там, где вода сладкая, много добрых и красивых. Там, где вода едкая, много людей с дурными опухолями и нарывами. Там, где вода горькая, многие со вспученной грудью или согбенны.

Не следует употреблять в пищу слишком изысканные и острые блюда, пить крепкое вино, поскольку в них исток недугов. Питаться следует регулярно, тогда не заведется болезнь. Дао всякого питания в том, чтобы не оставаться голодным и не наедаться до отвала,—это называется утешением пяти внутренних органов. Пища должна быть приятной на вкус. Покой в мыслях и степенность осанки при еде на пользу душевной ци. Тогда по всем членам разливается довольство, каждый получает свою долю ци. Пить следует маленькими глотками, тело при этом держать прямо, чтобы не поперхнуться.

В наш век высшие гадают всеми способами, пробуют разные заклинания, но болезней и недугов у них все больше. Это похоже на стрелка, который, промахнувшись, спешит поправить мишень. Разве от этого улучшится меткость? Если лить горячую воду в кипящую, думая прекратить кипение, вода закипит еще пуще. Надо убрать огонь, тогда кипение прекратится. Посему колдунов и врачей, яды и снадобья, с помощью которых можно заклясть или вылечить болезнь, люди древности презирали из-за их поверхностности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прежде сам / Сянь цзи

Тан спросил у И Иня: «Как поступать, если желаешь овладеть Поднебесной?» И Инь отвечал: «Когда хотя бы сразу овладеть Поднебесной, ею не овладевают. Чтобы ею овладеть, нужно сперва овладеть самим собой».

Корень всего в том, чтобы прежде разобраться с самим собой, оценить себя как великое сокровище. Пользоваться новым, отбрасывать старое,—тогда поры свободны, цзинци обновляется каждодневно, а болезнетворная ци полностью удаляется. Так достигают естественного долголетия. Способный к этому называется настоящим человеком.

Мудрые цари древности совершенствовали самих себя, и Поднебесная совершенствовалась им вослед; управляли собой, и Поднебесная им вослед становилась управляемой. Так тот, кто умеет вызывать эхо, уделяет внимание не эху, а голосу, и тот, кто умеет отбрасывать тень красиво, уделяет внимание не тени, а телу. Так и тот, кто умеет управиться с Поднебесной, уделяет внимание не Поднебесной, а себе самому. Как поется в песне:

Как благороден наш властитель!
В его осанке нет изъяна.
В его осанке нет изъяна,
К порядку он привел все страны.

Тут говорится о том, что тот, кто исправляет себя самого, совершенствует свое дао и потому сам становится благим. А когда он сам следует справедливости, и другие люди становятся благими. Когда он радуется тому, что сумел найти истинный путь правления, все сто чинов становятся управляемыми, а тьма народов благоденствует.

Становление этих трех вещей заключено в недеянии. Дао в недеянии означает равенство небу. Долгом называется благодеяние себе самому. Быть правителем означает отрешиться от себя самого. Отрешенность от себя самого позволяет внимать справедливому. Благодеяние себе самому заключено в мире и покое. Равенство небу заключено в следовании своему существу. Следование своему существу дает ясность ума и долголетие. Когда наступают мир и покой, народ преуспевает, селяне радуются. Когда внимают справедливому, кладется предел разврату и праздности.

Когда же высшие утрачивают дао, в пределы страны вторгается враг. Когда утрачивают истинный образ действий внутри, пожинают хулу своему имени вовне. Это подобно сосне высотой в сто жэней: поврежден корень, а сохнет верхушка. В Шан и Чжоу лелеяли порочные планы в груди, а беды навлекли в мире.

Кому удастся достигнуть порядка в мыслях, тот обретает истинный слух. Кому удастся обрести истинный слух, тому сопутствует удача в делах. Кому сопутствует удача в делах, тот обретает заслуги и славу. Пять ди на первое место ставили дао, а затем уж заботились о дэ. Поэтому они непревзойденны в дэ. Три царя на первое место ставили наставление, а затем уж прибегали к казни. Поэтому они непревзойденны в делах. Пять бо на первое место ставили мирные дела, а затем уж обращались к войску. Поэтому они непревзойденны в военном деле.

В наш век строят один искусный план за другим, то и дело прибегают к обманным ходам. Без счета идут походами, но число погибших царств, опозоренных властителей множится. Это оттого, что за дело берутся с конца.

Некогда сяский хоубо Ци бился с Ю Ху при Гань, но не одолел. Все шесть цингов просили его о повторном сражении, но сяский хоубо Ци сказал: «Невозможно. Земли мои не назвать тощими, народ — малочисленным.

Сражался, но не победил. Значит, мое дэ слабо, наставления неумелы». После этого он не садился на двойную циновку, не ел двух блюд, не прикасался к лютне и гуслям, не выставлал колоколов и барабанов, не наряжал сыновей и дочерей, был ласков с родней и почтителен со старшими, чтит мудрецов, выдвигал способных. Прошел год, и Ю Ху покорился.

Кто желает побед над другими, должен сначала одержать победу над самим собой. Кто желает судить людей, должен сначала научиться судить самого себя. Кто желает познать других, должен сначала познать самого себя. В песне поется: «Повод держат, как ткач нити».

Конфуций говорил: «Кто понимает смысл этих слов, способен править миром». Цыгун спросил: «О, так скоро?» Конфуций ответил: «Я не сказал скоро. Я говорю, ткач держит нити здесь, а узор образуется там. Мудрец словно ткет себя самого, а культура образуется в Поднебесной».

Некогда Хуа-цзы изрек: «Когда холмы и горы велики, зверям в них спокойно. Когда моря и воды глубоки, в них привольно рыбам и черепахам. Когда кроны сосен и кипарисов пышны, путники находят приют в их тени».

Конфуций повстречал луского Ай-гуна. Ай-гун сказал: «Мне говорили, что дела правления можно вершить, не покидая двора, но я полагаю, что это преувеличение». Конфуций отвечал: «Это не преувеличение. Я слышал, что тот, кто обрел себя, обретет и других, и кто потерял себя, утратит и прочих. Править миром, не выходя за ворота, способен тот, кто познал, что все начинается с него самого».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О людях / Лунь жэнь

Дао властителя в умеренности. Правитель озабочен дальним. Превыше всего — обращение к самому себе. Хуже, когда требовательность простирается на прочих. Чем дальше хватают, тем нежеланнее оказываются, и чем сильнее стремятся к чему-либо, тем дальше от этого уходят.

Что значит обратиться к самому себе? Это значит умерить свои чувства, ограничить свои пристрастия и вожделения, отказаться от глубокомыслия, отринуть вычужденность, устремиться всеми помыслами в обитель беспредельного и направить свое сердце на путь естественности.

Тот, кто поступает так, не наносит ущерба своему существу. Кто не наносит ущерба своему существу, тот

познает тончайшее. Кто познает тончайшее, тот познает дух. Познание же духа означает обретение единого. Все сущее в мире по обретении единого находит свое завершение.

Посему тот, кто познает единое, способен отвечать изменениям и превращениям сущего. Он велик и глубок. Он неисчерпаем. Его дэ и образ действий ясны и прекрасны, он подобен солнцу и луне и не может быть умален. Достойные мужи стекаются к нему, приходят из дальних мест, чтобы пожить с ним, и этому невозможно помешать. Сила их духа проникает повсюду, и ничто не в силах ее связать; сдержать ее невозможно.

Посему тот, кто познает знание единого, возвращает-ся назад к безыскусственности. Ему легко удовлетворять желания и страсти. Он питается умеренностью и простотой, и никто не в силах его заполучить. Удалившись от мира, он радуется своей внутренней сущности и чистоте помыслов, и никто не в силах его залучить. Опасности не повергают его в страх, власть не делает робким, и никто не в силах его подчинить.

Посему тот, кто познает знание единого, способен действовать сообразно случаю. Он обращается вместе со сменой времен, не зная предела. Он поднимается и опускается согласно числам, принимает и отдает согласно закону жизни, и ничто не в силах его смутить. В речах ничего не упускает, сочетая содержание с формой, и никто не в силах что-либо изменить в его словах. Он преграждает путь пустому человеку и ведет к успеху достойного, и никто не в силах его обмануть.

Посему тот, кто познает знание единого, подобен небу и земле. Нет дела ему не по силам. Нет ничего сущего, что не нашло бы в нем отклика. Это подобно колесничему, который ищет лишь в себе самом, и тогда колесница его идет легко, кони бегут быстро и далеко и не устают без подкормки.

В старину властители погибших царств искали пороки в других. И потому казнили и осуждали каждодневно и безостановочно. Так вели они дело к собственной гибели, сами того не сознавая.

Цари, приведшие к расцвету три династии, искали пороки лишь в себе самих и потому трудились каждодневно и неустанно. Так вели они дело к воцарению над миром.

Что значит простираť требовательность на прочих? Люди сходны по природе, но различны по знанию. Умный не то что глупый. У всех на языке вычурные речи, ловкие словеса, ибо каждый хочет себя защитить. Неумные властители впадают от этого в смуту. Поэтому при

суждении о людях интересуются, если они удачливы, теми, кому они оказывают почтение; если они благородны, теми, кому они отдают предпочтение. Если они богаты, интересуются теми, кого они поддерживают; если к чему-либо прислушиваются, интересуются тем, что они вершат. Если они сдержанны, интересуются их склонностями; если разговорчивы — их речами. Если бедны, интересуются, почему они отказываются от предложенного; если в подлом состоянии — почему не идут на все. Чтобы испытать их целомудрие, их подвергают соблазнам; чтобы испытать их умеренность, дают им повеселиться; чтобы испытать их выдержку, их злят; чтобы испытать их мужество, им угрожают; чтобы испытать чувствительность, подвергают скорби; чтобы испытать волю, притесняют. Таковы восемь предметов интереса и шесть способов испытания, коими мудрый властитель руководствуется при суждении о людях. Составляющему суждение о людях также надлежит принять во внимание шесть степеней родства и четыре вида связей.

Что значит шесть степеней родства? Отец, мать, старший и младший братья, жена и дети. Что значит четыре вида связей? Друзья, старые знакомые, земляки и соседи.

В делах частных придерживаются шести степеней родства и четырех видов связей, в делах частных придерживаются восьми предметов интереса и шести способов испытания, дабы не обмануться в истинных и ложных качествах людей, отличить алчность от расточительности, познать в них доброе и злое. Людям тогда будет столь же трудно остаться неузнанными, как выйти сухими из-под дождя; как бы они ни изворачивались, все же промокнут. Так узнавали людей мудрые цари древности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О круглом дао / Юань дао

У неба дао круглое, у земли дао квадратное. Мудрые цари в подражание этому установили высших и низших. Отчего говорят, что у неба дао круглое? Цзинци частью поднимается вверх, частью опускается вниз. Вращается по кругу, возвращается и смешивается, нигде не останавливаясь, нигде не задерживаясь. Поэтому и говорится, что у неба дао круглое.

Отчего говорят, что у земли дао квадратное? Тьма существ разнятся по роду и по виду, и у каждого свое предназначение. Они не могут заменить друг друга.

Поэтому и говорится, что у земли дао квадратное. Властитель держится круглого, подданный пребывает с квадратным. Когда круглое и квадратное не смешивают, государство процветает. День и ночь свершают оборот, и это круглое дао. Луна следует через двадцать восемь созвездий туда, где встречаются вновь Чжэнь и Цзюэ, и это круглое дао. Путь светил сообразно четырем временам года раз поверху, раз понизу всякий раз проходит там же, и это тоже круглое дао.

Когда вещи двигаются, появляются ростки. Прорастают и живут, живут и произрастают и становятся крупными, становятся крупными и завершают свой рост. Завершив рост, начинают слабеть, слабеют и засыхают, засыхают и уходят. Таково круглое дао.

Облака ци плывут на запад, движутся чередой. Ни зимой, ни летом не прекращается их бег. Реки несут свои воды на восток, без устали, днем и ночью. Наверху не иссякает влага в облаках, внизу не переполняются реки и моря, малые потоки становятся большими, тяжелые воды превращаются вновь в невесомые облака. Таково круглое дао.

Некогда Хуан-ди говорил: «У ди не может быть постоянного местопребывания; если бы у него было местопребывание, у него бы его не было». Этими словами сказано, что он не может нигде задержаться, ибо таково круглое дао.

В человеке девять отверстий. Если он займется только одним, остальные останутся пустыми. Если эти восемь будут оставаться пустыми долго, тело умрет.

Если прислушиваться, вкушая, пропадает вкус. Если всматриваться, слушая, пропадает слух. Этим сказано, что, довольствуясь одним, нельзя желать, чтобы это одно продолжалось, поскольку прекращение движения означает гибель. Таково круглое дао.

Превыше всего единое. Никто не знает, где его начало и где его конец, никто не ведает, откуда оно пошло и где ему положен предел. Но все сущее почитает его своим предком. Мудрые цари подражали ему, дабы тем самым умерить свое существо, укрепить свое правление и обрести право отдавать повеления.

Повеление исходит из уст правителя, подхватывается и исполняется чинами. Не зная покоя ни днем, ни ночью, они распространяют его действие повсюду. Оно сливается с сердцами простых людей, достигает четырех сторон света. Оно совершает свой круг и вновь возвращается ко двору правителя, ибо таково круглое дао.

Когда повеление следует по своему кругу, одобрение или неодобрение, хвала или хула не в силах ему воспрепятствовать. Если же нет того, что в силах воспрепятствовать, дао правителя всепроникающе. Ибо через повеления осуществляют повелители волю судьбы, через них определяют, что есть мудрость и что есть невежество, что ведет к миру, что — к смуте.

Возможность для человека управлять своим телом и конечностями проистекает из его восприимчивости к раздражению. Если же он невосприимчив к раздражению, он не сумеет управлять своим телом и конечностями. То же относится и к подданным правителя. Если они невосприимчивы к отданному повелению, он не сумеет ими управлять. Наличие же таких подданных, которыми невозможно управлять, хуже их полного отсутствия. Настоящий правитель — подданный, правящий за того, у кого уже нет подданных. Таковы были Шунь, Юй, Тан и У. Еще до того, как они стали царями, они следили за тем, чтобы высокие чины всегда следовали квадратному. Благодаря этому каждому был установлен удел, а когда удел каждому установлен, низшие не смеют подбивать друг друга на бунт.

Яо и Шунь были мудрыми правителями, и оба они назначили своими преемниками мудрых, не смея поручить этого своим сыновьям и внукам. Они также следили за тем, чтобы назначаемые ими чины следовали квадратному.

Правители нашего века все желают, чтобы их род правил непрерывно, а посему передают все своим сыновьям и внукам. И потому при назначении чинов они не в состоянии заставить их следовать квадратному. Они действуют, потакая своим личным пристрастиям. Увы! Стремятся они к далекому, но доступно им лишь близкое!

Пять нот звучат в согласии, когда доля каждой точно известна. Ноты гун, чжи, шан, юй, цзюэ занимают каждая свое место, и все они звучат в унисон, не заглушая друг друга, так что среди них нет ни одной не отозвавшейся. При назначении чинов мудрый правитель действует по тому же принципу. Все чины у него расставлены по своим должностям и занятиям своим делом по указаниям правителя. У правителя тогда нет повода для волнений. Когда таким образом управляют государством, государство процветает; когда таким образом готовятся к беде, ей неоткуда прийти.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первая луна лета / Мэнся-цзи

В первую луну лета солнце в Би. На закате восходит И, на рассвете — Унью. Дни этой луны — бин и дин, ее ди — Яньди, шэнь — Чжуню, твари — пернатые, нота — чжи, тональность — чжунлюй, число — семь, природа — ритуал, дело — созерцание, вкус — горький, запах — гари, жертвы — очагу, и первойшая — легкие.

Квакают лягушки, выползают червяки. Разрастаются тыквы, осот в цвету.

Сын неба поселяется в левых покоях Минтана, выезжает в колеснице цвета киновари, правит красными конями. Водружает красное знамя, убирается красной яшмой, вкушает бобы и цыплят. Его утварь — <высокая и объемная> (*gao u цу*).

В этой луне справляют лися — становление лета. За три дня до становления лета тайши, явсь пред сыном неба, возвещает: «В такой-то день быть становлению лета: жизнетворная сила шэндэ начинает проявляться в огне!» Тогда сын неба постится.

В день становления лета сын неба самолично ведет трех гунов, девять цинов, чжухоу и дафу в южное предместье для инся — встречи лета. По возвращении награждает, наделяет хоу, одаривает к всеобщей радости и довольству. Затем повелевает главному музыканту наставлять в ритуале под музыку.

Повелевает тайвэю изыскивать отважных и храбрых, споспешествовать мудрым и добрым, поощрять высоких и сильных. Ранги и жалованье приводятся в соответствие с занимаемыми должностями.

В этой луне длинному — продолжаться, высокому — возвышаться. Ни в чем не должно быть порухи и порчи. Не следует приступать к земляным работам, не должно собирать больших толп, не нужно валить большие деревья.

В этой луне сын неба начинает носить тонкие одежды.

Повелевает зрителям полевых работ отправиться в обход по полям и равнинам, побуждая земледельцев, убеждая народ, дабы не было упущено благоприятное время.

Повелевает блюстителю нравов отправиться по градам и весям, наставляя землепашцев, побуждая к трудам, воспрещая хорониться по городам.

В этой луне травят дикого зверя, дабы не было потра-
вы пяти злакам, но большой охоты быть не должно.

Землепашцы подносят сыну неба пшеницу первого
урожая, и он пробует ее с кабаньим мясом, принеся
сперва в жертву в храме предков.

В этой луне собирают и складывают на хранение
лекарственные травы. Нежные травы гибнут.

Пшеница созревает. В это время рассматривают дела,
за которые положены легкие наказания, выносят приго-
воры за незначительные преступления, освобождают тех,
кто осужден за небольшие проступки.

Когда работы по шелкопряду завершаются, подносят
коконы супруге сына неба. При сборе налогов коконами
за меру принимается количество тутовых деревьев. Это
единая мера для благородных и подлых, юных и зрелых,
ибо взимается налог для изготовления одежд, приноси-
мых в жертву в предместном храме.

В этой луне сын неба дает пир с крепким вином,
ритуальным действием и музыкой.

Если будут соблюдены эти указы, во всех трех декадах
выпадут благостные дожди.

Если в первую луну лета ввести осенние указы—
пойдут горькие дожди, пять злаков не станут созревать,
народ со всех сторон ринется в города. Если ввести
зимние указы—деревья и травы рано засохнут, потоки
вод разольются с такой силой, что повредят городские
валы и стены. Если ввести весенние указы—беда придет
от вредителей и саранчи, поднимутся сильные ветры,
и травы в цвету не дадут семян.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Об ученье / Цюань сюэ

Из преподанного прежними царями ничто не прослав-
лено так, как сыновняя почтительность, ничто не извест-
но так, как верность. Верность и почтительность—имен-
но этого прежде всего жаждут правители и родители.
Известность и слава—именно этого более всего желают
сыновья и подданные. Однако правители и родители не
обретают того, чего жаждут, а сыновья и подданные не
получают того, чего желают.

Происходит это из-за незнакомства с законами приро-
ды³⁸ и чувством долга. Незнакомство же с долгом и зако-
нами природы проистекает из необразованности, ибо
неизвестен случай, когда бы учившийся у проникательного

и талантливого наставника сам не стал впоследствии мудрецом. А ведь там, где пребывает мудрец, мир приходит к истинному закону. Если он обращается вправо, становится важным правое, если влево — левое. Посему среди мудрых царей древности не было такого, кто не почитал бы наставника. Почитать наставника означает не судить по тому, благороден он или худого рода, беден или богат. И тогда слава далеко разносится, благие деяния не остаются без последствий. Ибо наука наставника не в приверженности к известности или незаметности, поклонению или презрению толпы, бедности или богатству, но в приверженности дао. Если человек обладает достоинством, и деяния его будут достойными. Он получит все, чего добивается, исполнит все, чего желает. Это происходит оттого, что человек стремится стать мудрецом. Мудрец же рождается в упорной учебе.

Ибо никто еще без упорной учебы не становился ни крупным ученым, ни прославленным мужем.

Упорство в ученье проистекает из почитания наставника. Если почитают наставника, тогда следуют его поучениям с верой и, как он, судят о дао. Кто отправляется учить, не имеет влияния, и кто призывает учителя, остается неучем. Кто сам себя унижает, того не станут слушать, и кто унижает учителя, ничего от него не услышит. Когда наставник избирает метод, которым невозможно добиться влияния и к которому невозможно привлечь внимание, и насильно обучает этому других, добиваясь от них достойного поведения, он лишь удаляется от цели. И когда ученик попадает в положение, в котором невозможно добиться влияния и в котором невозможно привлечь внимание, желая при этом прославить свое имя и достичь спокойного существования, он уподобляется хранящему за пазухой падаль, но желающему вдыхать ароматы или бросающемуся в воду, но не желающему промокнуть. Ибо ученье требует строгости, а никак не баловства.

Однако в наш век обучающие по большей части неспособны проявить строгость, скорее, напротив, склонны забавлять. Неспособность же проявить строгость по отношению к обучаемому и стремление его, напротив, ублажить напоминает такое спасение утопающего, когда его бьют камнем по голове, или такое лечение больного, когда ему дают отраву.

От этого мир впадает во все большие смуты, а неумные властители во все большее ослепление. Посему деятельность наставника должна быть обращена на достижение разумного порядка и твердое следование долгу.

Когда достигается разумный порядок и утверждается следование долгу, положение наставника почетно. Цари, гуны и большие люди не смеют тогда относиться к нему свысока. Он может годиться тогда до самого сына неба, не испытывая смущения. Необязательно этой встрече будет сопутствовать согласие. Но необязательно и отступать от разумного порядка и пренебрегать долгом ради достижения этого согласия. Тем более невозможно это для желающего сохранить уважение людей. Посему наставник обязан стремиться к разумному порядку и твердо следовать долгу — только тогда он будет почитаем.

Цзэн-цзы³⁹ говорил: «Когда благородный муж идет по дороге, по его виду сразу можно определить, есть ли у него отец и есть ли у него наставник. Тот, у кого нет отца и нет наставника, выглядит совершенно иначе». Этим сказано, что человек должен служить наставнику, как он служит отцу.

Цзэн Дянь, отец Цзэн Шэня, как-то отправил сына с поручением. Все сроки прошли, а тот не вернулся. Люди, пришедшие к Цзэн Шэню, говорили: «Уж не погиб ли он?!» Цзэн Дянь отвечал: «Хотя бы погиб. Но я-то жив! Как же он смел погибнуть!»

Конфуций попал в опасность в Куане. Янь Хуэй отстал. Потом Конфуций сказал ему: «Я думал, тебя нет в живых». Янь Хуэй ему отвечал: «Как я смел умереть, если вы живы!»

Янь Хуэй служил Конфуцию так же, как Цзэн Шэнь служил отцу. Именно так выдающиеся люди древности почитали своих наставников. Посему и наставники не жалели знаний, обнаруживали в поучениях всю глубину дао.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О почтении / Цзунь ши

Наставником Шэнь-нуна был Си Чжу, наставником Хуан-ди — Да Яо. У властителя Чжуансюя наставником был Бо Ифу, у Дикю — Бо Чжао. У властителя Яо наставником был Цзычжоу Чжифу, у властителя Шуня — Сюй Ю. У Юя наставником был Да Чэнчжи, у Тана — Сяо Чэнь. У царей Вэня и У наставниками были Люй Ван и Чжоу-гун Дань.

У циского Хуань-гуна наставником был Гуань Иу, у цзиньского Вэнь-гуна — Гуй Фань и Суй Хуэй. У циньского Му-гуна наставников было двое — Байли Си и Гунсунь Чжи. Чуский Чжуан-ван имел наставниками Суньшу

Ао и Шэнь Инью, узкий ван Хэ Люй — У Цзысюя и Вэнь Чжи, юэский царь Гоу-цзянь — Фань Ли и дафу Чжуна.

Эти десять мудрецов и шесть просвещенных все почитали своих наставников. Ныне почет уже не тот, что был некогда у властителей, да и ум не тот, что был некогда у мудрецов, и все же не желают почитать наставников. Откуда же что возьмется? От этого и прекратился род пяти ди, пришли к упадку три династии.

Небо рождает человека и наделяет его уши способностью слышать. Но если он не научен, его слух ничем не лучше глухоты. Глаза человека наделяются способностью видеть, но если он не научен, его зрение ничем не лучше слепоты. Уста человека наделяются способностью говорить, но если он не научен, его речи не лучше молчания. Ум человека наделяется способностью к рассуждению, но если он не научен, его рассуждения не лучше безумия. Наука же состоит не в том, чтобы добавить что-либо к данному небом, а в том, чтобы это данное довести до полноты. Тот, кто способен довести до полноты все рожденное небом, не повредив ничего при этом, тот обладает уменьем в науке.

Цзы Чжан происходил из незнатной семьи царства Лу, Янь Чжуцзюй был известным разбойником из Ляньфу, но оба они учились у Конфуция. Дуань Ганьму был известным в Цзинь ростовщиком, но все же учился у Цзыся. Гао Хэ и Сянь Цзыши столь прославились в Ци своей жестокостью, что на них стали указывать пальцем, и все же они поступили в ученье к самому Мо-цзы. Со Луцань был известным на востоке страны мошенником, а поступил в ученье к Цинь Гули.

Эти шестеро были рождены для суда, позора и смерти. Но они не только избежали суда, позора и смерти, но и сумели стать известными учеными, прославленными мужами в Поднебесной, которые прожили свой век до конца и которым оказывали почет цари, гуны, большие люди, — и все это они приобрели благодаря науке.

В науке главное — стремиться к преуспеванию. Дабы в сердце не было смятения, надлежит все тщательно запоминать, прилежно и внимательно слушать. Когда видишь, что учитель в добром расположении духа, можно спросить его о смысле написанного. Глаза и уши должны следовать за обучающим и не противиться его намерениям. Оставаясь наедине с собой, следует обдумывать сказанное наставником, доискиваясь смысла. Следует также при случае вступать в спор, дабы научиться защищать истину. Спор следует вести не ради спора, но непременно себя помня. Тогда и при поражении не опозо-

ришься, и при победе не станешь чваниться. И, что важнее всего, во всем следует доискиваться самого корня.

При жизни учителя надо усердно его ублажать. Дао усердного ублажения заключено в том, чтобы в первую очередь ублажать сердце. В случае смерти учителя надлежит с почтением приносить жертвы. Умение почтительно приносить жертвы заключено в соблюдении установленных сроков. Так проявляют почтение к наставнику.

Занимаются домом и садом, прудом и источником, сажают деревья, плетут сандалии, вяжут сети, плетут из камыша и тростника, отправляются в поля и на выпасы, занимаются пахотой, выращивают пять злаков, уходят в горы и леса, пускаются по рекам и озерам, ловят рыб и черепах, бьют птицу и зверя. Так проявляют почтение к наставнику.

Смотрят за конями и колесницами, осторожно управляют с поводьями при езде. Следят за платьем и бельем, летней и зимней одеждой. Следят за чистотой и опрятностью при еде и питье, умело подбирают блюда, следят за тем, чтобы было сладкое и жирное, стараясь всегда быть почтительным и уважительным, внешне умиротворенным, чутким к просьбам и поручениям, выполняемым всегда ревностно и усердно. Так проявляют почтение к наставнику.

При учении благородный муж, встречая необходимость судить о справедливости, всегда обращается к учителю за пояснением об истинном дао. Внимательно слушая, он не жалеет трудов на то, чтобы понять услышанное. Тот, кто, слушая, не прилагает всех сил, зовется отступником. И тот, кто, встречая необходимость судить о справедливости, не обращается к учителю, тот зовется изменником. Человека, повинного в отступничестве или измене, мудрый правитель не принимает ко двору, благородный муж не берет себе в друзья.

Ибо обучать означает быть великим в справедливости, обучаться означает стремиться к полноте познания. Велик в справедливости тот, кто приносит благо другим, а среди приносимых благ нет высшего, чем обучать. Нет также большей полноты познания, чем достижение полноты своих способностей, а полноты способностей не достичь иначе как через учение. Кто достиг всей полноты способностей, становится почтительным сыном без понукания, верным подданным без повеления, справедливым правителем без принуждения. Достигая высшей власти, он в состоянии установить в мире порядок.

Некогда Цзыгун спросил у Конфуция: «За что вас, учитель, будут вспоминать будущие поколения?»

Конфуций отвечал: «Достоин ли, чтобы обо мне вспоминали? Ну разве за то, что я любил учиться, не зная пресыщения, любил обучать, не зная усталости. Вот разве что за это».

Когда сын неба приносит жертвы в храме предков прежним мудрецам, он следует рангу. Ибо кто был наставником царей, не считался простым подданным. Это было нужно, чтобы показать уважение к ученым и почтение к учителям.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Укоры ученикам / У ту

Наставление выдающегося учителя в том, чтобы его ученики обрели покой и радость, отдохновение и свободу, простоту и строгость нравов. Когда эти шесть вещей достигаются ученьем, пути распутства и лжи пресекаются, навыки правдивости и долга торжествуют. Если же эти шесть вещей ученьем не достигаются, тогда у правителей будут негодные подчиненные, у отцов — негодные сыновья, у наставников — негодные ученики.

Человек по природе неспособен радоваться тому, что причиняет ему беспокойство, и не может преуспеть в том, что не доставляет ему радости. Если ученье приносит радость, то даже тупой ученик, не говоря уже об умном, будет стараться. Если же ученье приносит страдание, то не то что тупица, а и самый способный ученик долго не выдержит. Посему, принимая во внимание природу всякого человека, следует искать то, что побуждает к учению.

Некогда Цзы Хуа-цзы сказал: «Царю свойственно радоваться тому, что делает его царем, но и погибающему также свойственно радоваться тому, что его губит». Если употреблять дичь только в виде жаркого, ее не переведешь; но если питать пристрастие исключительно к сухому мясу — цель будет близка. То же и цари: царствующие имеют пристрастие к правде и справедливости, гибнущие также имеют пристрастие, только к мятежу и блуду. Пристрастия их различны, оттого им достается различный удел: одним — счастье, другим — горе.

У неспособного к наставничеству ци воли не в гармонии. Такой хватается за что-нибудь и тут же бросает, постоянно перескакивает с одного на другое. Ни на чем он не в состоянии утвердиться мыслью, весь как переменчивая погода, то в добром расположении, то во гневе. Слова и речи его что ни день меняются, он действует по настроению. Ошибаясь по собственной вине, никогда не

признает своей неправоты, упорствует в заблуждении, считая правым лишь себя, не слушая никаких доводов.

Такой смотрит только на власть, связи и состояние, льнет к богатым и знатым и берется обучать их, не интересуясь ни способностями, ни поведением, заискивает и льстит, заботясь лишь об их благосклонности. Другие же ученики, кто не хвалится, совершенствуясь в нравственной чистоте, отличаются примерным поведением, незаурядными способностями, хватают на лету, относятся к учебе с усердием и прилежанием, такие перед окончанием учебы встречают с его стороны препятствия. Таким он чинит препоны, придерживая их при себе, так как завидует им и ненавидит их. Ученик не может уйти, так как сомневается в законченности своего образования, и не может остаться, так как это чревато неприятностями. Вернись он домой, его застыдят родные, отправься в мир, его станут хулить знакомые и земляки. Для учащегося это большое горе. Так ученик отчуждается от своего учителя, а поскольку людям несвойственно дружески относиться к тем, кто с ними враждует, и несвойственно превозносить тех, кто им ненавистен, ученью приходит конец, наставлению в дао кладется предел.

Не таков умелый наставник. Он относится к ученику, как к себе самому. Он исходит из искреннего желания обучить и так постигает природу обучения. То, чего он требует от других, он всегда в состоянии выполнить сам. В этом случае у учителя и ученика как бы общее тело. В природе человека восхвалять себе подобных, любить себе подобных, помогать себе подобным. Тогда ученье приходит к расцвету, наставления в дао к завершенности.

Неспособный к ученью следует за наставником без охоты, но при этом хочет, чтобы ученье было успешным. Следует за наставником, хватая лишь верхи, и при этом хочет стать глубоко ученым. Даже с травой и деревьями, курами и собаками, волами и лошадьми нельзя обращаться плохо. Если с ними обращаться плохо, они отплатят человеку тем же. Что уж говорить о подобном обращении с достойным наставником или словами наставления в дао!

Неспособный к ученью недобросовестен по отношению к наставнику. Он рассеян, не испытывает глубоких чувств к наставнику, а к делу относится без прилежания. В споре он неспособен отличить истинное от ложного, обучая других, не проявляет умения. Он ополчается на учителя, успокаивается на заурядном, погрязает душой в мирском. Радуетса власти, стремится первенствовать. Посему погрязает в ловком умствовании, ищет мелких

выгод, предается низменным страстям. Спросит ли о деле — перепутает концы и начала. Сочинит ли что — всюду придет к различным выводам, противореча во всех частях самому себе. Станет ли разбирать что, вновь не соберет концов, а примется собирать, свалит все без разбору; а попадется сложное дело, и вовсе концов не сыщет. Таковы пороки неспособного к ученью.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О множестве / Юн чжун

Тот, кто силен в ученье, напоминает циского царя, обедающего курятиной; тот ел только куриные пятки и насыщался, лишь поглотив их тысячи. Учащийся если и не насытится, так по крайней мере попробует куриные пятки.

В мире нет ничего, что не обладало бы определенными преимуществами, как нет и ничего, что не имело бы определенных недостатков. То же и в отношении людей. Посему тот, кто силен в ученье, пользуется преимуществами других для восполнения собственных недостатков. И тот, кто обращает себе на пользу других, приобретает Поднебесную. Тогда не смущаются тем, что к чему-либо неспособны, не стыдятся того, что чего-либо не знают. Ибо смущаться тем, что к чему-либо неспособен, стыдиться того, что чего-либо не знаешь, — это недуг. А не смущаться тем, что к чему-либо неспособен, не стыдиться того, что чего-либо не знаешь, — благо. Даже у Цзе и Чжоу было наряду с тем, чего следует страшиться, то, чему следовало бы поучиться; ни тем более ли у людей разумных? Посему некий ученый муж изрек: «Нельзя уклоняться от спора. Тот, кто владеет искусством спора, поистине учен. Ведь ученье и есть великий спор. Тот же, кто не владеет искусством спора, подобен наряжающемуся в хламиду перед выходом в свет, в то время как дома он расхаживает в шелках».

Жуны рождаются и растут среди жунов, а потому и говорят по-жунски, сами того не сознавая. Чусцы рождаются и растут среди чусцев, а потому и говорят по-чуски, не сознавая этого. Но если чусца-мальчика отпавить воспитываться к жунам, а мальчика-жуна — к чусцам, тогда чусец будет говорить по-жунски, а жун — по-чуски. Из этого понятно, что я не могу найти причин, по которым правитель гибнущего царства не мог бы стать правителем разумным. Ведь вся его беда в неспособности его окружения при рождении и возмужании.

Итак, совершенно невозможно не принимать во внимание окружение человека при его рождении и возмужании. В природе не бывает белых лис, но есть белые лисьи шубы. На них идет белый мех от многих лис. Заслуги и слава трех властителей и пяти ди как раз и происходили от их умения брать у многих. То, на чем стоят все правители, проистекает из множества народа. Тот же, кто, укрепив свое положение, желает оставить множество народа на произвол судьбы, хватается за верхушку, забывая о корне. Между тем неслыханно, чтобы пребывал в покое тот, кто, хватаясь за верхушку, забывает о корне. Заодно со множеством отважных можно не бояться и самого Мэн Бэня. Заодно со множеством сильных можно не бояться и самого У Хо. Заодно со множеством зорких можно не бояться и самого Ли Лоу. Заодно со множеством знающих можно не бояться и Яо с Шунем. Посему умение быть заодно со множеством — сокровище для правителя.

Некогда Тянь Пянь поучал циского царя в таких словах: «У этого Мэн Бэня опасные замашки и. Но если его отправить на границу, он перестанет быть опасным». Цари Чу и Вэй отвергали все советы, укрепляли свои пределы и держали войска наготове оттого, что желали привлечь многих.

КНИГА ПЯТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вторая луна лета / Чжунся-цзи

Во вторую луну лета солнце в Дунцзине. На закате восходит Кан, на рассвете — Вэй. Дни этой луны — бин и дин, ее ди — Яньди, шэнь — Чжун, твари — пернатые, нота — чжи, тональность — жуйбинь, число — семь, вкус — горький, запах — гари, жертвы — очагу, и первейшая — легкие.

Приходит малая жара. Появляются богомолы, поет сорокопуд. Больше не слышно пересмешника.

Сын неба поселяется в Таймяо Минтана, выезжает в колеснице цвета киновари, правит красными конями. Водружает красное знамя, убирается красной яшмой. Вкушает бобы и цыплят. Его утварь — 〈высокая и объемная〉 (*гао и цу*).

Вскармливают сильных и ловких.

В этой луне следует повеление главному капельмейстеру привести в порядок большие барабаны, малые

барабаны и литавры, отладить цини, гусли, флейты и свирели, приступить к обучению упражнениям со щитом и бердышом, копьём и плюмажем, а также настроить большие и малые свирели, окарины и флейты чи, исправить колокола, литофоны, погремушки и трещотки.

Следует повеление чинам возносить молитвы за народ и приносить жертвы горам, потокам и всем источникам. Приносится великая жертва с молением о дожде перед ди, сопровождаемая торжественной музыкой. Затем следует повеление всем волостям приносить жертвы с молением о дожде, а равно и жертвы тем би, цинам и ученым мужам, кто был полезен народу, дабы вымолить у них богатый урожай.

Землепашцы подносят просо первого урожая. В этой луне сын неба пробует просо с цыплятами и вишнями в придачу, принеся сперва в жертву в храме предков. Приказывают народу не брать индиго на краску, не выжигать древесный уголь и не отбеливать на солнце тканей. Ворота городов и селений не должны быть заперты. На заставах и рынках не следует собирать налогов. Смягчают режим осужденным за тяжкие проступки, улучшают им питание. Пасущихся кобыл отделяют, жеребцов стреноживают. Уведомляют об этом конюшого. В этой луне — самый длинный день. Инь борется с ян. Живое и мертвое расстаются. Благородные мужи постятся и воздерживаются. Оставаясь в своих покоях, они телом предаются отдохновению, избегают возбуждения. Они также прекращают к себе доступ всем звукам и красотам, дабы не соблазниться. Исключаются также сочные блюда и острые приправы. Сдерживают желания, утверждают сердца. Приказные приостанавливают течение дел, не присуждают к тяжким наказаниям, дабы успокоить все для инь, набирающей силу.

Олени роняют рога, цикады начинают трещать. Вырастает трава банся, цветет алтей. В этой луне не разжигают огня на юге. Можно поселяться в высоких и светлых домах, любоваться далями, подыматься на горы и холмы, забираться на террасы и галереи.

Если во вторую луну лета ввести зимние указы — град и снежная крупа выбьют хлеба, дороги станут непроезжими, начнутся брани. Если ввести весенние указы — пять злаков поздно созреют, налетит всякая саранча, страна будет охвачена голодом. Если ввести осенние указы — травы завянут, с деревьев опадет листва, плоды созреют слишком рано, народ станет страдать от мора.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Великая музыка / Да юэ

Далеки истоки музыки. Она рождается из меры, коренится в великом едином. Из великого единого появляются два начала, из двух начал—инь и ян. Инь и ян изменяются и преобразуются, одно стремится вверх, другое опускается вниз. Объединяясь, образуют тела. Кипят и бурлят. Разделившись, воссоединяются вновь; воссоединившись, вновь разделяются.

Таково постоянство небес. Небо и земля как телега и колесо. Когда колесо совершает оборот, все начинается с той же точки. За всяким пределом лежит возвращение. Нет ничего, что не было бы обусловлено.

Солнце, луна и звезды движутся то быстрее, то медленнее. Солнце и луна движутся всяк по-своему, но свершают каждый свой путь неукоснительно.

Четыре времени года набирают силу поочередно. Погода стоит то жаркая, то холодная, дни бывают то короткими, то длинными, тела то податливыми, то твердыми. Все сущее появляется от великого единого, свершает превращения с инь и ян. Ростки приходят в движение; затвердевая и застывая, обретают конечную форму, обретая конечную форму, они занимают собой определенное пространство, а у всякого пространства—определенный тон. Тон рождается из согласия, согласие—из упорядоченности. На этом основывались при установлении музыки первые цари.

Когда мир пребывает в великом покое, все существа в умиротворении, все изменяется согласно высшему, тогда музыка достигает завершенности. Музыка, достигшая завершенности, имеет последствием умерение страстей и желаний. Когда страсти и желания не направлены по ложному пути, музыка достигает законченности. Музыка, обретшая законченность,—искусство, проистекающее из уравновешенности. Уравновешенность проистекает из справедливости, справедливость—из знания дао. Посему лишь с человеком, постигшим дао, имеет смысл рассуждать о музыке.

В гибнущих государствах, у исчезающих народов не то чтобы совсем не бывало музыки, но музыка их нерациональна. Смеются и пьяные, поют и осужденные, издают воинственные клики и безумные. И музыка века, погрязшего в смуте, наподобие этого. Когда ни правитель, ни подданный не знают своего места, когда отец и сын забывают о своем долге друг перед другом, а мужчины и женщины забывают о приличиях, когда стонет и вздыхает народ, это едва ли можно счесть музыкой.

Ибо музыка есть следствие гармонического союза неба и земли и стремления к слиянию инь и ян.

Небо дает жизнь человеку и, если он празден, наделяет его любострастием. Если бы человек не обрел бы его, он не искал бы ему удовлетворения. От неба же человек наделен злобой. Если бы он не обрел ее, он не ходил бы кривыми путями. Итак, человек наделен любострастием и злобой от неба и ничего не в состоянии к этому добавить, ничего не способен в этом изменить.

Средь ученых мужей нашего века есть такие, что отрицают музыку. Как же они могли дойти до этого?

Великой музыке внимают правитель и подданный, отец и сын, стар и млад, с радостью и восторгом. Радость и восторг рождены уравновешенностью, уравновешенность рождена дао. Дао же таково, что, смотря на него, его не заметишь, прислушиваясь к нему, его не услышишь, касаясь его, не ощутишь. Тот же, кто способен созерцать невидимое, слышать неслышное, ощущать бестелесное, близок к познанию дао.

Дао — это то, что настолько крошечно, что даже не имеет формы, не имеет названия. Чтобы как-то назвать, его зовут великим единым. Единое повелевает, двойственное ему следует. Мудрецы древности покидали двойственность, устремляясь к единому, и посему они способны были познать природу всего сущего.

Посему тот, кто способен сделать правление единым, несет радость правителям и подданным, приводит к согласию далеких и близких, умиротворяет черноголовых, соединяет семьи. И тот, кто способен подчинять себя единому, избегает напасти, проживает свой век, сохраняет в целости свое тело. Способный же следовать единому в управлении государством, устраняет порочных, привлекает разумных, свершает великие преобразования. Способный по примеру единого править миром упорядочивает приход холода и жара, размеряет срок ветру и дождям.

Посему мудрец знает лишь единое. Ибо, кто знает единое, просвещен; кто знаком лишь с двойственностью — безумен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О пьянящей музыке / Чи юэ

Живут все без исключения, но никто не знает, отчего он живет. Знают тоже все без исключения, но никто не знает, отчего он знает. О том, кто знает, отчего он знает,

говорят, что он познал дао. О том, кто не знает, отчего он знает, говорят, что он выбросил драгоценность. Бросающемуся драгоценностями недалеко до беды.

Властиители нынешнего века за драгоценности принимают по большей части жемчуга да яшму, копы да мечи. Но чем больше собирают они этого, тем больше ропщет народ, тем в большей опасности их держава, тем большей опасности подвергают они себя самих. Так что такие действия ведут по сути к утрате драгоценностей.

Музыка смутных времен сродни этому. Когда барабаны и литавры гремят как гром, когда гонги и цимбалы звенят, как вспышки молний, когда лютни и свирели, пение и танцы подобны воплям—ци сердца приходит в смятение, в ушах и глазах сумятица, все естество в потрясении.

Такого рода музыка не может радовать. Ибо чем более опьяняющая музыка, тем в большее раздражение впадает народ, тем большие смуты в государстве, тем больше унижает себя властитель. Так что такие пути ведут по сути к утрате музыки.

Превыше всего мудрые цари древности ценили музыку за приносимую ею радость. Сякий Цзе и иньский Чжоу, склонные к пьянящей музыке, в звуках больших барабанов, колоколов, литофонов, труб и свирелей превыше всего ценили громкость, а в зрелищах—массовость. Они увлекались всем новым и необычным, созвучиями, непривычными уху, соцветиями, непривычными глазу. В стремлении превзойти в этом друг друга они не знали меры и конца. Упадок в царстве Сун наступил, когда там создали тысячи колоколов тона чжун. Упадок в царстве Ци наступил, когда там отлили огромный колокол тона люй. Упадок царства Чу последовал за созданием там шаманских мелодий.

Если желать опьянения, то такая музыка и впрямь опьянит. Однако если взглянуть на это глазами владеющего дао, то это путь к утрате истинной музыки. Когда же истинная музыка утрачена, прочая музыка не принесет радости. Когда же музыка не приносит радости, в народе начинается ропот, а жизни наносится ущерб. Жизнь под такую музыку уподобляется льду под палящим солнцем—она самое себя истаивает. А происходит это из незнания истинной природы музыки и, вследствие этого, пристрастия к музыке пьянящей.

С истинной музыкой дело обстоит так же, как и с истинной сущностью и естеством плоти. Все, обладающее сущностью и плотью, должно быть соответствующим образом вскармливается. Излишний холод

или жар, переутомление или праздность, голод или перекормленность — эти шесть вещей противны истинной сущности. Тому, кто вскармливает, следует следить за тем, что противно истинной сущности, дабы прийти к тому, что согласно истинной сущности. Тот, кто способен сохранять условия, согласные истинной сущности, в течение долгого времени, тот обретает долгую жизнь.

Истинная жизнь состоит в том, чтобы тело всегда пребывало в покое, чтобы рассуждение всегда следовало за ощущением, чтобы следовать воздействию извне, более к этому не возвращаясь, и чтобы держать в узде желания и страсти. Однако если не знать меры в обуздании страстей и желаний, это приведет к утрате плоти. Если же не знать меры в страстях и желаниях, это приведет к мыслям о низменном и крамольном, делам развратным и подлым. Оттого и бывает, что сильные притесняют слабых, большинство насильничает над меньшинством, храбрые унижают робких, старшие презирают младших.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Об упорядоченных звуках / Ши инь

Природа уха в том, чтобы жаждать звуков. Но когда сердце несчастно, можно не услышать ни одного из пяти звуков, хотя бы они звучали совсем рядом. Природа глаза — жаждать ярких цветов. Но если сердце нерадостно, можно не заметить и вблизи ни одного из пяти цветов. Природа носа — жаждать ароматов. Но когда сердце нерадостно, можно не почуять и вблизи аромата орхидеи. Природа рта — желать приятного вкуса. Но когда сердце нерадостно, то можно выставить яства всех пяти вкусов, но они не полезут в рот.

Жаждут ухо, глаз, нос или рот, но радуется или не радуется сердце. А сердце может радоваться лишь тогда, когда оно пребывает в гармонии и равновесии. Ухо, глаз, нос или рот могут предаться своим желаниям лишь тогда, когда радуется сердце. Порадовать же сердце можно, приведя его к гармонии. Приходит же сердце к гармонии, когда оно следует упорядоченному. Посему, когда в музыке есть упорядоченность, в сердце также наступает упорядоченность.

Человек по своей природе жаждет долголетия и ненавидит преждевременную смерть, жаждет спокойствия и ненавидит тревогу, жаждет славы и ненавидит позор, жаждет одобрения и ненавидит труды. Когда эти четыре стремления удовлетворяются, а четыре ненавистные вещи удаляются, сердце приходит к упорядоченности.

Достижение четырех желаемых заключено в постижении законов жизни. Если законами жизни руководствуются при управлении собой, жизнь приобретает полноту, а когда жизнь приобретает полноту, она становится долгой. Если законами жизни руководствуются при управлении государством, тогда законы приобретают прочность, а когда законы приобретают прочность, весь мир приходит в покорность. И посему для упорядоченности сердца необходимо знание законов жизни. В музыке также должна существовать упорядоченность звуков. При слишком громком звуке человек приходит в состояние потрясения, а если в состоянии потрясения слушать громкий звук, ухо не в состоянии будет его вместить. Поскольку оно не в состоянии будет его вместить, создается затор и, как следствие этого, потрясение душевное. При слишком слабом звуке человек приходит в состояние расслабленности, а если в состоянии расслабленности слушать тихий звук, уху его будет не хватать. Поскольку его будет не хватать, создается нехватка звука и, как следствие этого, пустота в душе. Если звук будет слишком высоким, он внушит тревогу, а если в тревожном состоянии слушать высокий звук, в ушах будет стоять звон, человек вследствие этого перестанет различать звуки, а перестав различать звуки, окажется на грани душевного истощения. Если же звук будет слишком низок, он вызовет удрученность, а если в состоянии удрученности слушать низкий звук, ухо его не схватит, впадет вследствие этого в рассеянность, а затем на это разгневается и человек. Посему ни слишком громкий, ни слишком тихий, ни слишком высокий, ни слишком низкий звуки нельзя отнести к звукам упорядоченным.

Что же тогда есть звуки упорядоченные? Упорядоченные звуки есть звуки срединного положения. Что есть срединное положение? Не превосходящее по величине одного цзюня, не перевешивающее одного ши будет как раз посередине между малым и большим, легким и тяжелым. Тон желтого колокола — нота гун — есть корень всем звукам. Он как раз посередине между высокими и низкими. Среднее и зовется упорядоченным. И если упорядоченным образом внимать упорядоченным звукам, в душе наступит гармония. Радость тогда не чрезмерна, а равновесие и покой совершенны.

Посему музыка времен истинного правления покойна и приятна, и правительство беззаботно. Музыка времен смуты беспокойна и раздражающа, а правительство изощренно. Музыка гибнущего царства трагична и гнетуща, и правительство безрассудно. Ибо музыка всегда

связана с образом правления, влияет на нравы и смягчает обычаи. Даже если обычаи уже утвердились, музыка все же в состоянии их изменить. Посему во времена, когда в мире наличествует дао, достаточно послушать музыку, чтобы судить об обычаях, достаточно взглянуть на образ правления, чтобы узнать, каков правитель.

Потому цари древности всегда полагались на музыку как средство наставления. На гусях в Цинмяо красные струны звучали тихо и нежно, за каждым пропетым словом следовало три вздоха, вещавших о чем-то высшем, чем сама мелодия. При великой жертве был обычай выставлять темную чашу и блюдо сырой рыбы, а жертвенную похлебку ничем не приправляли, что указывало на нечто высшее, чем сама вкусность. Ибо, создавая обряды и музыку, цари древности помышляли не о том, чтобы порадовать глаз и ухо, потрафить устам и утробе, а о том, чтобы наставить народ в различении доброго и дурного, привить ему чувство закона и долга.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Музыка древних / Гу юэ

Истоки музыки в дали времен; нельзя допустить, чтобы она исчезла. Есть музыка размеренная, и есть музыка разнузданная. Есть музыка торжественная, и есть музыка разгульная. Мудрецу она бывает на пользу, дураку на погибель.

В глубокой древности миром правил Чжу Сян-ши. То было время сильных ветров, больших скоплений янши, все сущее развевалось, плод и семя не вызревали. Тогда Ши Да сделал пятиструнные гусли, дабы вызвать иньши и укрепить жизнь.

Была в старину и музыка Гэ Тянь-ши, заключавшаяся в том, что трое тянули буйвола за хвост, притопывая ногами и распевая при этом восемь куплетов. В первом говорилось об обращении с народом, во втором—о вскармливании домашней птицы, в третьем—о взращивании трав и деревьев, в четвертом—о трудах над пятью злаками, в пятом—о почтении к постоянству небес, в шестом—об утверждении заслуг предков, в седьмом—об опоре на дэ земли, в восьмом—об употреблении всех птиц и зверей.

При появлении правителя Тао Тана стало собираться инь, накапливавшееся в глубинах. От этого русла рек оказались запертыми, и воды не могли следовать прежним путем. Ци народа было спертым и подавленным. Оттого сочленения и кости пришли у всех в скованное

состояние и не слушались. Посему он изобрел пляску, чтобы заставить народ двигаться.

Хуан-ди некогда повелел Лин Луню изготовить люй. Лин Лунь пустился в путь от западного склона гор Дася и достиг северного склона горы Юаньюй. Взял бамбук из лощины Сеси, отобрав стебель с крупными и равными полостями, и разрубил его между коленцами. Его длина равнялась трем цуням и девяти фэням; когда в него дули, он издавал тон гун Желтого Колокола. Лин Лунь дунул в него и сказал: «Это и нужно!» Затем он сотворил двенадцать трубочек. А когда услышал у подножия горы Юаньюй пение пары фениксов, он стал различать двенадцать тонов-люй. Шесть он настроил по пению самца, шесть — по пению самки, приведя их в соответствие с тоном гун Желтого Колокола. Посему говорят: гун — корень мужским и женским тонам.

Хуан-ди повелел также Лин Луню отлить совместно с Юн Цзяном двенадцать колоколов, гармонизировавших с пятью нотами, для исполнения торжественной музыки. В день и-мао второй луны весны, когда солнце было в Куй, впервые сыграли на них, и музыку назвали «Сянь чи».

Высокий предок Чжуаншуй появился на свет из реки Жо, но жил всегда в Кунсане. Когда он поднялся до звания ди и пришел в гармоническое единство с небом, ветры стали дуть по его слову. Они звучали: си-си, ци-ци, цзян-цзян... Чжуаншуй полюбил их и повелел Фэй Луну потрудиться над созданием нот восьми ветров. Их назвали чэньюнь и исполняли при жертвах Шанди. Он также повелел саламандре создать музыкальные такты. Саламандра легла на спину и стала барабанить хвостом по брюху; звук получился: ян-ян...

Ди Ку повелел Сянь Хэю сделать песни. Тот создал девять шао, шесть ле и шесть ян. Шуй для него сделал барабаны пи и литавры гу, колокола чжун и литофоны цин, флейты чуй и гобои лин, трубы гуань, окарины сюань, флейты чи, барабанчики тао и колокольчики чуй-чжун. Тогда Ди Ку велел народу хлопать в ладоши, барабанить в барабаны пи и гу, ударять в колокола чжун и литофоны цин, дуть в гобои лин, трещать трещотками, трубить в трубы гуань, свистать на флейтах чи. От этого птица Фэн стала летать по небу в такт. Ди Ку был очень доволен, а музыка впоследствии послужила укреплению дэ предков-правителей.

Когда на трон взошел высокий предок Яо, он повелел Чжи изготовить музыку. Чжи взял для песни шум

горного леса и журчание горного ручья, натянул на глиняный горшок оленью шкуру и стал отбивать такт. Потом он ударил камнем по камню так, что тот зазвучал как нефритовый литофон Шанди, и все звери заплясали в такт. Затем Гу Соу разделил пятиструнные гусли так, что получились гусли пятнадцатиструнные. Он нарек их дачжан и играл на них при жертвоприношениях Шанди. Когда взошел на трон высокий предок Шунь, которому суждено было долгое правление, он добавил на гусях, изготовленных Гу Соу, еще восемь струн, создав, таким образом, гусли двадцатиструнные. Затем властитель Шунь повелел Чжи исправить девять шао, шесть ле и шесть ян, дабы сделать свою дэ очевидной для всех.

Когда на престол взошел Юй, он стал трудиться и заботиться о мире, не зная отдыха ни днем, ни ночью. Он проложил русла великих рек, воздвиг дамбы и плотины, высек из камня Ворота Дракона и направил потоки вод вниз, проложив тем самым русло реки Хэ. Он расчистил ложа трех рек и пяти озер и отвел их воды в Восточное море на благо черноголовым. Затем он повелел Гао Яо сделать девять строф музыки «Ся юэ», дабы показать миру его заслуги.

Когда восходил на престол иньский Тан, правитель Ся утратил дао. Он свирепо обращался со своим народом, притеснял и обирал чжухоу, отбросил все правила и превзошел всякую меру. Мир страдал от его дел. Тогда Тан встал во главе войск шести областей, чтобы покарать Цзе за преступления. Он стяжал подвигами славу, свершил великое дело, и черноголовые обрели покой. Тогда Тан повелел И Иню создать музыку «Да ху» и гимн «Чэнь лу», привести в порядок девять шао и шесть ле, дабы явить миру свою доброту.

Когда чжоуский Вэнь-ван пребывал у подножия горы Ци, тогда чжухоу, отринув три порока дома Инь, встали на его сторону. Сань Ишэн сказал: «Можно выступать против Инь!» Однако Вэнь-ван не дал согласия. Чжоу-гун Дань сочинил тогда песню, в которой пелось:

Встанет Вэнь-ван высоко,
Дабы сиять перед небом.
Деяния древнего Чжоу
Затмит он подвигом новым.

Так восхвалял он дэ Вэнь-вана. Когда на трон взошел У-ван, он пошел на Инь во главе шести военачальников. Еще до подхода шести военачальников он разбил со своим авангардом иньцев при Муге. По возвращении он принес

в жертву отрезанные уши пленных в столичном храме предков и повелел Чжоу-гуну создать музыку «Да у».

Когда на престол взошел Чэн-ван, народ Инь поднял мятеж. Ван повелел Чжоу-гуну пойти на них походом. Шанцы держали слонов, которыми они наводили ужас на восточных и. Чжоу-гун преследовал их вместе со своими военачальниками и прогнал их на юг от реки Цзян. Затем он сочинил музыку «Сань сянь», дабы воспеть свою дэ.

Так что истоки музыки в дали времен, и создана она отнюдь не одним поколением.

КНИГА ШЕСТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Третья луна лета / Цзися-цзи

В третью луну лета солнце в Лю. На закате восходит Синь, на рассвете — Куй. Дни этой луны — бин и дин, ее ди — Яньди, шэнь — Чжун, твари — пернатые, нота — чжи, тональность — линьчжун, число — семь, вкус — горький, запах — гари, жертвы — очагу, и первойшая — легкие.

Начинают дуть холодные ветры. Под стрехой заводится сверчок. Ястребы учатся охотиться. Сопревшая трава оборачивается светлячками.

Сын неба поселяется в правых покоях Минтана, выезжает на колеснице цвета киновари, правит красными конями. Водружает красное знамя, облачается в красное одеяние, убирается красной яшмой. Вкушает бобы и цыплят. Его утварь — <высокая и объемная> (*гао и цу*).

В этой луне следует повеление начальнику рыболовного приказа идти за крокодилами, брать аллигаторов, ловить черепах и морских черепах.

Затем следует повеление начальнику приказа гор и озер приступить к заготовке леса и камыша.

В этой луне следует повеление четырем смотрителям собирать травы во всех ста волостях на фураж жертвенному скоту. Следует повеление народу не жалеть сил, дабы воздать шанди высокого неба, духам знаменитых гор и великих потоков и четырех стран света должны жертвы в храме предков и на алтарях земли и прося с молитвами о счастье для народа.

В этой луне следуют повеления приказным приказа женских работ относительно изготовления красок для узоров фу-фу, вэнь и чжан, дабы все исполнялось

согласно установленным образцам и без всяких отклонений. Ни в желтом, ни в черном, ни в лазурном, ни в красном не должно быть ничего плохого или недоброкачественного, как и не должно быть места ложному или крикливому, ибо краски пойдут на крашение жертвенных одежд, приносимых в жертву в предместном храме предков, а равно и на знамена и одеяния, по которым будут отличать благородных от подлых, высшие ранги от низших.

В этой луне пышны кроны деревьев. Вследствие этого следует повеление лесничим отправиться в горы и надзирать за деревьями, дабы никто не смел валить или обдирать лес.

Не должно предпринимать земляных работ, собирать чжухоу, набирать войско или тревожить простой народ. Не следует браться за большие дела, поскольку этим можно потревожить и рассеять ци. Нельзя издавать указов, противных времени и вредящих делам Шэнь-нуна. Потоки вод настолько обильны и неудержимы, что повелевают самому Шэнь-нуну следить за работами на дамбах и плотинах. Если начать большие дела, постигнет небесная кара.

В этой луне земля влажна и жирна. Душно, ливни следуют чередой. Когда сожженную траву мочат в воде, она от этого становится жухлой, как после кипятка, и ее можно пустить на удобрение полей и улучшение земель.

Если в этой луне отдавать правильные указания, сладостные дожди будут идти во всех трех декадах по два дня. Если в последнюю луну лета ввести весенние указы — злаки и плоды осыплются и опадут, в стране будет много простуженных и кашляющих, а народ станет покидать свои жилища. Если ввести осенние указы — холмики и низины будут затоплены, хлеба не поспеют, у женщин часты будут выкидыши. Если ввести зимние указы — холодная ци явится не ко времени, соколы и ястребы рано ринутся за добычей, народ станет стекаться за городские стены.

В центре — земля. Дни ее — у и цзи, ди — Хуан-ди, шэнь — Хоуту. Ее твари — голые. Ее нота — гун, тональность — гун хуанчжуна. Ее число — пять, вкус — сладкий, запах — ароматный. Жертвы — среднему дождевому желебу, и первейшая — сердце.

Сын неба поселяется в Тайши храма Таймiao, выезжает на большой колеснице, правит желтыми конями, облачается в желтое одеяние, убирается желтой яшмой. Вкушает просо и говядину. Его утварь — 〈круглая и пузатая〉 (юань и янь).

ГЛАВА ВТОРАЯ

О звукоряде / Инь люй

От тона хуанчжун рождается тон линьчжун, от тона линьчжун — тайцу, от тайцу — наньлюй, от наньлюй — гусянь, от гусянь — инчжун, от инчжун — жуйбинь, от жуйбинь — далюй, от далюй — ицзэ, от ицзэ — цзячжун, от цзячжун — уи, от уи — чжунлюй.

Если трубку-камертон удлинить на одну треть ее длины, тон станет выше. Если трубку-камертон укоротить на одну треть ее длины — тон станет ниже. Тоны хуанчжун, далюй, тайцу, цзячжун, гусянь, чжунли, жуйбинь — верхние. Тоны линьчжун, ицзэ, наньлюй, уи, инчжун — нижние.

Во времена великих мудрецов, когда мир пришел к истинному закону, слияние ци неба и земли породило ветер. Когда солнце пришло в некое положение, луна придала этому ветру определенной высоты звук, как у колокола, и таким образом появились двенадцать тонов. Во второй луне зимы, в самый короткий день родился тон хуанчжун. В последний месяц зимы родился далюй, в первую луну весны — тайцу, во вторую — цзячжун, в последнюю — гусянь. В первую луну лета родился чжунлюй, во вторую, в самый длинный день — жуйбинь, в последнюю — линьчжун. В первую луну осени родился ицзэ, во вторую луну — наньлюй, в третью — уи, а в первую луну зимы — инчжун.

Когда фэнци неба и земли в правильном соотношении, двенадцать тонов утверждены.

В луну тона хуанчжун не следует предпринимать земляных работ и следует быть осмотрительным, открывая закрытое, дабы укрепить небо, запереть землю и сохранить янци в рассеянном состоянии.

В луну тона далюй число лун исчерпано. Новый год еще не вошел в силу, и крестьянам нечем заняться.

В луну тона тайцу начинает проявляться янци, деревья и травы во множестве подают признаки жизни, земледельцам следует повеление начинать пахоту, дабы не было упущено время.

В луну цзячжун приходит время для щедрости, широты, согласия и равновесия, когда следуют милосердию и отказываются от наказаний. Не должно ничего предпринимать, дабы не нанести ущерба жизни всех.

В луну гусянь прокладывают пути, проводят дороги, исправляют и очищают рвы и канавы. Когда это

повеление выполнено, отовсюду притекает благоприятная ци.

В луну чжунлюй не созывают больших сборищ. Надзирают и проверяют состояние земледельческих работ. Бурно растут трава и деревья. Не следует смущать сердце народа.

В луну жуйбинь янци поднимается вверх. Предоставляют отдых сильным и питают малых. Если правление беспокойно, рано засохнут деревья и травы. В луну линьчжун деревья и травы в цвету. Инь готова к своим губительным делам. Нельзя приступать к большим работам, дабы подкрепить янци.

В луну ицзэ исправляют законы, заново устанавливают меры наказания, собирают и муштруют войско. Следует осудить изменивших долгу, дабы обезопасить дальние рубежи.

В луну наньлюй погружающиеся в спячку твари заползают в норки. Тогда поторапливают крестьян с уборкой урожая, не допуская расслабленности и лености; каждый должен приложить все старания.

В луну уи спешат вынести приговоры в соответствии с законами, не допуская послаблений. Не следует оставлять незавершенных следствий, но все дела довести до конца.

В луну тона инчжун прекращается движение инь и ян. Все закрывается, наступает зима. Исправляют сообразно рангам похоронные обряды и направляют мысли народа на конечное.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О началах музыки / Инь чу

Сяский хоу Кун Цзя⁴⁰ охотился у горы Дуньянфу, когда случился ураган и стало темно, как ночью. Кун Цзя сбился с пути и зашел в крестьянский дом, где как раз родился ребенок. Все тогда заговорили: «К нам пришел властитель, какой счастливый день! Ребенка ждет большое счастье!» Но другие говорили: «Нет, не быть счастьем, его непременно постигнет беда!» Тогда правитель взял ребенка с собой, сказав при этом: «Я сделаю его своим сыном, и кто тогда посмеет причинить ему вред?» Мальчик уже стал взрослым, когда сломался шест у шатра и упавший топор отсек ему ступню. Поэтому он сделался привратником⁴¹. Кун Цзя тогда сказал: «Ах, как тороплива судьба!» И сложил песню о рубящем топоре. Так было положено начало восточным напевам.

Когда Юй завершил свои великие дела, он как-то встретил деву с горы Тушань. Поскольку она была ему

незнакома, он прошел мимо нее, намереваясь осматривать южные земли⁴². Тогда дева с горы Тушань вместе со своей служанкой стала дожидаться Юя на южном склоне горы Тушань. Она потом сложила песню, которая началась словами: «Ах, жду я его!» Так было положено начало южным напевам.

Чжоу-гун и Шао-гун собрали эти напевы и дали им название «К югу от Чжоу» и «К югу от Шао».

Чжоуский царь Чжао пошел походом на царство Чу. Синь Юйми, великан и силач, стоял в его колеснице по правую руку. На обратном пути они переезжали по наводному мосту реку Хань. Мост подломился, и царь вместе с Цай-гуном упали в воду. Синь Юйми вытащил царя на северный берег⁴³, а потом вернулся и спас Цай-гуна. Чжоу-гун дождался его в Сиди и пожаловал ему титул Чжан-гуна⁴⁴.

Инь Чжэнцзя переселился на запад от реки Хэ, но все вспоминал о старой своей родине. От этого и пошли западные напевы. Чжан-гун продолжил эту тему, когда жил у западных гор. Циньский Му-гун отобрал из этих напевов то, что стало известно как первые циньские песни.

Ю Сун-ши⁴⁵ построил для двух своих красавиц дочерей девятирусный терем. Когда они ели и пили, там всегда играла музыка. Поэтому божества-предки ди⁴⁶ послали ласточку взглянуть на них. Ласточка запела: «ай-ай...» Девушкам это понравилось, они поймали ласточку и посадили ее под нефритовый колпак. Через некоторое время они сняли колпак, чтобы на нее взглянуть; ласточка снесла два яичка, улетела на север и больше не возвращалась. Сестры тогда сочинили песенку, где были слова: «Ласточка, ласточка, ты улетела». Так было положено начало северным напевам.

Всякая музыка рождается в сердце человека. Когда чувство охватывает сердце, его трепет рождает звуки; то, о чем поют вовне, изменяет затем сердца внутри. Посему, послушав песни, можно судить и о нравах, а познав нравы, нетрудно узнать и устремления. Зная устремления, увидишь и дэ⁴⁷. Сила или слабость, ум или глупость, благородство и подлость — все обретает осязаемые формы в музыке, так что спрятать их невозможно. Посему и говорится: суждение, основанное на постижении музыки, глубоко.

Если земля тоща, на ней не вырастут большие деревья. Если вода мутна, рыбы и черепахи в ней будут мелкие. Если время порочно, обряды будут извращенными, а музыка скабрешной. Таковы песни Чжэн и Вэй⁴⁸, мелодии тутовых деревьев.

Это любят лишь в странах, охваченных смутой, этому радуются лишь те, в ком слабо дэ. Когда появляется порочная и легкомысленная музыка, тогда чувства людей направляются на порок и разврат. Это-то и рождает все виды любострастия и безумия. Посему благородный обращается к дао⁴⁹, дабы совершенствоваться дэ. Истинное дэ порождает истинную музыку. Гармоничная музыка помогает установить согласие. И когда музыка становится гармоничной, народ обращается к дао земли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Основа музыки / Чжи юэ

Кто желает послушать музыку высшего порядка, тому следует отправиться в страну высшего образа правления. Ибо где правит благородство, там и музыка зовет к высокому, и где правит подлость, там и музыка зовет к низости. И у поколения, проникнутого смутой, сходит за радость распутство. Нынче вот закроют окна, запрут двери и шумят так, что сотрясаются небо и земля.

Во времена Чэн Тана⁵⁰ перед дворцом вырос колос. Он вылез из земли на закате, а на рассвете был уже настолько толст, что его невозможно было обхватить двумя руками. Прорицатель просил соизволения гадать о причине на щите черепахи, но Тан прогнал его со словами: «Я слышал, что благие знамения предвещают счастье. Но если при благих знамениях творить дурные дела, счастья не будет. Дурные знамения предвещают несчастья. Но если при дурных знамениях творить добрые дела, несчастья не будет». И он стал созывать совет рано, а покидать его поздно, стал осведомляться о больных и отдавать почести умершим и помыслы свои стал направлять на доброе и помощь народу. И через три дня колос пропал. Посему и говорится: «Несчастье — опора счастья, счастье — сосуд несчастья». Однако очевидно это лишь для мудреца. Человеку толпы откуда может быть известно сокровенное?!

В шестую луну восьмого года правления чжоуский Вэнь-ван⁵¹ заболел и слег. На пятый день его болезни случилось землетрясение, не распространившееся, однако, за пределы столицы ни к северу, ни к югу, ни к востоку, ни к западу. Тогда прорицатели стали упрашивать: «Мы, ваши подданные, слышали, что землетрясения подвластны правителям. Ныне вы, царь, в горячке пятый день, случилось землетрясение, которое не вышло за

пределы чжоуской столицы. Все подданные охвачены страхом. Выражаем просьбу: прекратите это несчастье!» Вэнь-ван отвечал: «Как же могу я прекратить это несчастье?» Тогда прорицатели сказали: «Следует начать большие работы, согнать массу народа, начать надстраивать столичные стены, и беда, быть может, отступит». Вэнь-ван ответил: «Это невозможно! Небо ниспосылает знамения, дабы покарать преступного. Очевидно, я виновен в преступлениях. Вот небо и наказывает меня. И если я начну большие работы, стоню массу народа, начну надстраивать столичные стены, я этим лишь усугублю свои вины. Нет, это невозможно! Мне следует заняться своим поведением и взяться за добрые дела, тогда, быть может, беда и отступит». И он пересмотрел придворные обряды, оказал расположение чжухоу⁵², одарив их конями и мехами, исправил свои наставления и указы, наградил смельчаков яшмой и шелком, распределил по достоинству ранги и титулы, размежевал по справедливости наделы, облагодетельствовав тем многих подданных. И в недолгом времени недуг его прекратился. Землетрясение случилось на восьмой год правления Вэнь-вана. После этого он правил еще сорок три года. Скончался он, процарствовав пятьдесят один год. Так Вэнь-ван прекращал бедствия и уничтожал последствия дурных знамений.

Во времена Цзин-гуна из царства Сун в созвездии Синь появилась звезда-огонь Инхо⁵³. Цзин-гун, охваченный страхом, призвал к себе Цзы Вэй⁵⁴ и спросил: «К чему бы это Инхо в Синь?» Цзы Вэй сказал: «Инхо — это кара небес. Созвездие Синь — это область царства Сун. Вас, господин, постигнет несчастье. Однако вину можно приписать и правящему министру». Цзин-гун сказал: «Мы правим страной вместе с министром, и если за это предать его одного смерти, это будет недобрым знаком». Цзы Вэй сказал: «Может, это вина народа?» Цзин-гун отвечал: «Если умрет весь народ, то кем же тогда я стану править? Лучше уж умереть самому!» Цзы Вэй сказал: «Может, повинен неурожай?» Цзин-гун сказал: «В голодный год из-за неурожая народ, конечно, вымрет. Быть правителем и убивать подданных ради того, чтобы выжить самому, — кто же сочтет меня после этого правителем? Нет, это мне веление судьбы, и я обязан принять его. Вы можете больше ничего не говорить». Цзы Вэй было ушел, но потом повернулся и с поклоном сказал: «Я, ваш слуга, осмелюсь вас поздравить. Говорят, небо высоко, но слышит голос малого человека. Вы, господин,

трижды в речах выразили совершенное дэ, и небо трижды наградит вас. Нынешним же вечером Инхо передвинется на три стоянки, и ваша, господин, жизнь продлится на двадцать один год». Цзин-гун спросил тогда: «Откуда это вам известно?» И услышал в ответ: «За три добрых речи следует три награды. Значит, Инхо передвинется на три стоянки⁵⁵. В каждой четверти неба по семь созвездий, от одной стоянки до другой считается семь лет. Трижды семь — двадцать один. Поэтому я и говорю, что ваша жизнь, господин, продлится на двадцать один год. Я прошу позволения лечь у подножия трона и ждать этого события. Если Инхо не передвинется, прошу лишить меня жизни». Цзин-гун сказал: «Быть посему!» В тот же вечер Инхо передвинулась на три стоянки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О миропорядке / Мин ли

Пять ди и три вана⁵⁶ достигли высшего понимания музыки. Правитель царства, охваченного смутой, не имеющий никакого представления о музыке, — это правитель заурядный. Хотя он по милости неба и попал в правители, но что составляет суть истинного правителя, ему неизвестно. Поистине он достоин сочувствия, ибо подобен пытающемуся сидеть прямо в покосившемся доме. То, что ему покажется прямым, прямым отнюдь не будет.

Жизнь не есть следствие проявления одной силы⁵⁷, рост не есть следствие исполнения одной вещью своего предназначения, и в завершении — успех не одного обретшего форму. Туда, где соберется много справедливых, счастье не может не прийти, и там, где соберется масса распутных, беда не заставит себя ждать.

И тогда ветры и дожди начинаются не ко времени, сладостные дожди не орошают землю, иней и снег не по сезону, холод и жар не когда следует, инь и ян⁵⁸ не по порядку, четыре времени года не в срок сменяют друг друга. Народ пускается во всевозможное распутство, становится склонным к суете. У птиц и зверей птенцы и звереныши рождаются уродами и не растут, деревья и травы сохнут и не тянутся вверх, пять злаков⁵⁹ вянут не созревши. Тут, конечно, нечего и думать, чтобы правитель мог иметь представление о музыке.

Там, где велика смута, правитель и подданные подозревают друг в друге злодеев, старый и малый друг друга убивают, отец и сын едва терпят друг друга, братья чернят

друг друга, друзья восстают один против другого, супруг обманывает супруга. День ото дня каждый становится опасней для другого, связи между людьми прекращаются. Сердца ожесточаются, как у зверей, любострастие и жажда выгоды растут, понятие о долге и порядке отсутствует.

Облака тогда начинают гроздиться то в виде пса, то коня, то стай белых лебедей, то тележным обозом, а то еще в виде человека в лазурном одеянии с красной головой и неподвижного. Имя ему: Небесный Враг.

Или еще бывает, что облака как висящее знамя, красное. Это зовется облачным знаменем. А то еще бывают видом как бьющийся табун коней, это зовется: вспугнутые кони. Или бывают видом как цветущий луг, поверху желтый, понизу белый, это зовется: знамя Чи Ю ⁶⁰.

У солнца тогда, бывает, появляются другие солнца, пожирающие друг друга. Бывает, что другие солнца с боков, бывают — сверху, от этого похоже то на ореол, то на серьги. А то солнце не светит, или свет его не дает тепи, или еще множество солнц восходит разом, или среди дня мрак, или ночью светло.

И на луне знак, что быть затмению — подобие серег или тень по бокам. Бывает, что сразу четыре луны на небе, бывает, что две равно яркие. Или малая луна является над большой, или большая над малой. Бывает, луна пожирает звезды, бывает, сама затмевается. Бывает, что от луны нет света.

Из звезд тогда является Инхо, или комета-хуэйсин, или еще небесная Балка, или Небесный Сандал, или Небесный Бамбук, или небесная Листва, или Небесный Щит, или еще Звезда Злодеев, Звезда Борьбы, Звезда Гостей ⁶¹.

А ци ⁶² в это время приобретают вид смерчей, наверху не упирающихся в небо, внизу не достигающих земли. Бывают такие, что наверху широки, а книзу заостряются, или подобные потокам вод, или похожие на горный лес. Весной идет желтый чад, летом — черный, осенью — лазоревый, зимой — красный ⁶³.

Являются также и зловещие предзнаменования: рождаются на свет связанные, как ремнем; или черт везет на хребте человека; от зайца родится фазан, а от фазана — перепелка. Саранча тогда налетает на страну; ее скрежет как ропот толпы. Ползучие гады пересекают страну с востока на запад; кони и буйволы разговаривают; псы совокупаются со свиньями. В города приходят волки. С неба падают люди. Совы резвятся на рыночной площади. Кабаны рыщут по улицам. У коней вырастают рога; являются петухи о пяти ногах; свиньи рождаются без

копыт; у кур много яиц-болтунов. Алтарь земли смещается. У свиней рождаются собаки.

Когда в стране наличествует все это, а государь не проявляет стремления изменить свое поведение, шанди⁶⁴ ниспосылает еще большие беды, несчастья и моры, и это неизбежно. Тогда бунт, погибель, смерть, траур и уничтожение царят безраздельно; недород, разруха, великий голод присутствуют постоянно. И все это порождено смутой в стране. Бед от этого не счесть. Если даже пустить на бамбуковые планки весь бамбук царств Чу и Юэ, их не хватит, чтобы описать весь этот ужас. Поэтому Цзы Хуа-цзы⁶⁵ говорил: «Народ в смутные времена состоит из великанов, карликов и уродов всех видов. Многие безумны и больны проказой, на дорогах полно женщин с детьми за спинами. Во множестве встречаются слепые, плешивые, горбатые и колченогие, и всякие диковины рождаются скопом».

А посему как может быть истинная музыка доступна правителю смутного века? А если истинная музыка ему недоступна, его музыка нерадостна.

КНИГА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первая луна осени / Мэнцю-цзи

В первую луну осени солнце в И. На закате восходит Доу, на рассвете — Би. Дни этой луны — гэн и синь, ее ди — Шаохао, ее шэнь — Жушоу, твари — волосатые, нота — шан, тональность — ицзэ, число — девять, вкус — острый, запах — металла, жертвы — воротам, и первойшая — печень.

Приходят прохладные ветры, выпадают белые росы. Поют зимние цикады, ястребы приносят в жертву птицу. Приступают к смертным казням.

Сын неба поселяется в левых покоях Цзунчжана, выезжает на боевой колеснице, правит белыми конями с черными гривами. Водружает белое знамя, облачается в белые одежды, убирается белой яшмой. Вкушает коноплю и собачатину. Его утварь — <узкая и глубокая> (лянь и шэнь).

В этой луне справляют лицо — становление осени. За три дня до становления осени тайши, явсья пред сыном неба, возвещает: «В такой-то день быть становлению осени: жизнетворная сила шэндэ начинает проявляться в металле!» Тогда сын неба постится.

В день становления осени сын неба самолично ведет трех гунов, девять цинов, чжухоу и дафу в Западное предместье для инцю — встречи осени. По возвращении жалует при дворе главного военачальника и военных. Затем сын неба повелевает командующим и военачальникам набирать воинов, муштровать войска, находить и обучать силачей и смельчаков. Следить за назначением на должности имеющих заслуги, дабы привести к повиновению забывших долг. Следует изыскивать и карать буйных и дерзких, дабы показать народу, к кому благоволят, кого ненавидят, дабы привести к покорности и дальних.

В этой луне сын неба повелевает соответствующим приказным подготовить тюрьмы и остроги, заготовить кандалы и наручники, дабы пресечь распущенность. Следует остерегаться преступных и распутных и обеспокоиться об их поимке и задержании. Затем следует повеление тюремщикам следить за порезами, выявлять ранения, присматривать за теми, у кого переломы, и отделять тех, у кого вывихи. Приговоры по делам уголовным и гражданским должны быть правильными и справедливыми. Следует казнить преступников и ужесточить телесные наказания. Небо и земля начинают проявлять суровость, а посему попустительство неуместно.

В этой луне землепашцы подносят зерно. Сын неба отведывает его, принеся прежде в жертву в храме предков.

Следует повеление соответствующим чинам приступить к сбору и засыпке урожая; следует завершить строительство дамб и плотин, уделить внимание насыпям и преградам в предвидении осенних разливов, подправить замки и павильоны, укрепить ограды и чувалы, починить городские стены и валы.

В этой луне не наделяют землей чжухоу, не учреждают больших должностей, не жалуют больших наделов, не раздают щедрых даров, не посылают с важными поручениями.

Если исполнены все эти указы, прохладные ветры будут дуть во всех трех декадах.

Если в первую луну осени ввести зимние указы — иньи одержит верх, жуки нападут на злаки, начнутся военные действия. Если ввести весенние указы — в государстве начнется засуха, вновь вернется янци, пять злаков не дадут урожая. Если ввести летние указы — будет много бед от пожаров, холод и жар невозможно станет умерить, народ будет охвачен лихорадкой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О войске / Дан бин

В древности мудрые цари использовали войско лишь для верных целей, но ни один из них не упразднял военное сословие как таковое. Войско существует столько же, сколько существует человек. Сущность войска в том, что оно внушает страх. Сущность того, что внушает страх, есть сила. Для народа владеть силой, внушающей страх, естественно. Это естественно, ибо дано от неба и не может быть создано людьми. Так что военные средства не могут быть оставлены, и оружие не может быть отброшено.

Истоки военного дела теряются в дали времен. Уже Хуан-ди и Янь-ди сражались водой и огнем. Уже Гунгун постоянно чинил препоны. Уже пять владык вели борьбу друг с другом, поочередно то побеждая, то терпя поражение, и победитель правил народом.

Говорят, что войско создано Чи Ю, но в действительности войско создано не им — Чи Ю лишь усовершенствовал свое оружие. О Чи Ю еще не было и помину, когда люди бились палками, обломанными с деревьев. Те, кто побеждал, становились предводителями. Когда предводителей стало недостаточно, чтобы поддерживать порядок, были учреждены правители. Когда же и правителей стало недостаточно, чтобы поддерживать порядок, был учрежден сан сына неба. Сын неба, таким образом, происходит из правителей, а правители происходят из предводителей. Предводители же рождены борьбой.

Истоки борьбы теряются в дали времен. Ее невозможно воспретить и ей невозможно воспрепятствовать. Посему мудрые цари древности использовали войско лишь для верных целей, но ни один из них не упразднял военное сословие как таковое.

Когда в семье не в ходу строгое слово и порка, сыновья и дочери тут же начинают шалить. Когда в государстве не в ходу казни и наказания, в народе тут же начинают притеснять и обманывать друг друга. Когда в мире не в ходу сбор дани и карательный поход, чжухоу тут же ополчаются друг на друга. Посему в семье не упраздняют строгое слово и порку, в государстве не упраздняют казни и наказания, в мире не упраздняют сбор дани и карательный поход. Все дело в том, применяются ли эти вещи искусно или неумело. Посему мудрые цари древности использовали войско лишь для верных целей, но ни один из них не упразднял военное сословие как таковое.

Бывает, что люди травятся плохой едой. Но было бы глупо на этом основании запретить есть всему миру. Бывает, что люди тонут, плывя в лодке. Но было бы глупо на этом основании запретить плавать в лодках всему миру. Бывает, что люди из-за войны утрачивают свое государство. Но было бы глупо на этом основании уничтожать войско во всем мире. Войско запретить невозможно. Оно подобно воде и огню. Если ими пользоваться умело, это принесет счастье, если же не уметь с ними обращаться, это навлечет беду. Оно подобно также снадобью. Доброе снадобье возвращает человека к жизни, а отрава приводит его к гибели. Также и войско, используемое с сознанием долга, для мира подобно доброму снадобью.

Войско существует издавна, и не было такого, чтобы оно оставалось без употребления хоть малое время. В этом смысле не отличались друг от друга благородные и подлые, великие и малые, мудрые и невежественные. Просто были в этом деле большие и малые, вот и вся разница.

В чем же сокровенная суть войны? Война — в мыслях, которые скрывают и стараются не обнаруживать, и в бешеных взглядах; война и в притворных минах, и в дерзких речах; война — и когда поддерживают, и когда отталкивают, и когда вступают в союз, и когда предадут его; и когда вступают в единоборство два силача, и когда на поле брани сходятся три армии. Эти восемь вещей и есть война, борьба между слабым и сильным.

Те, кто в наше время страстно выступает за упразднение войска, сами воюют всю свою жизнь, того не сознавая. Это, наконец, глупо. И хотя они сильны в речах и искусны в спорах, а ученость их весьма обширна, они не находят слушателей. Посему мудрые цари древности использовали войско лишь для верных целей, но ни один из них не упразднял военное сословие как таковое. Посему войску, верному долгу, которое приходит, чтобы покарать мятежного правителя и избавить народ от мучений, народ радуется, как почтительный сын, завидевший любящего отца, как голодный, узревший роскошные яства. Народ приветствует победителя и устремляется ему навстречу, как спущенная с тугого лука стрела перелетает долину, как долго накапливавшаяся вода, прорвавшая дамбы и плотины. Ибо даже средней руки правитель не всегда в состоянии удержать при себе народ, не тем более ли правитель мятежный!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О мятеже / Чжэнь луань

В наш век мир погряз в смуте. Страдания народа невозможно преумножать. Владык мира больше нет, разумные скрываются в печали. Властители нашего времени предались своим страстям и отделились от народа, черноголовым некому поведать о своих горестях.

Если бы в наш век нашлись мудрые властители и благородные служилые люди, которые сумели бы со вниманием отнестись к этим речам, они направили бы свое войско к благу. Тогда народ, стоящий ныне на грани смерти, вновь вернулся бы к жизни; обреченные позору вернулись бы к чести; обреченные страданию обрели бы покой.

Когда властитель предается собственным страстям, даже средней руки человек предпочитает бежать от своего правителя, оставлять свою родню; не тем более ли неразумный?! Посему, если явилось бы преданное долгу войско, ни властители нашего века не сумели бы удерживать в повиновении свой народ, ни отцы не в силах были бы сдержать своих сыновей.

Посему для того, кто желает встать в мире над народом, нет ничего важнее, чем выдвинуть владеющих дао и отставить утративших дао, наградить преданных долгу и покарать забывших долг. Ученые нашего времени по большей части осуждают наступательные войны. Будучи против наступательных войн, они, естественно, обращаются к войнам оборонительным. Но если обратиться исключительно к оборонительным войнам, тогда не может быть и речи о том, чтобы суметь выдвинуть владеющих дао и отставить утративших дао, наградить преданных долгу и покарать забывших долг. Благо и несчастье стоящего над народом в мире зависят от понимания им этих суждений.

Ведь наступательные и оборонительные войны едины по сути, они различаются лишь по форме. Если пытаться отрицать это с помощью искусных речей, невозможно прийти к твердым основаниям.

Когда человек не понимает, в чем суть суждения, он просто глуп. Когда же понимает, но обманывает себя — он лицемер. Глупец же и лицемер ни на что не годны, несмотря на все их красноречие. Такой отвергает то, что другие одобряют, одобряет, когда другие отвергают; наносит вред, хотя бы и стремился к благу, подвергает опасности то, чему желает покоя. Нет большей напасти для властителя мира и худшего несчастья для черноголо-

вых, чем такого рода пустословие. Всякий, кто в помыслах устремляется к народному счастью, да не оставит самым пристальным вниманием эти суждения.

Средь деяний наступательной войны нет таких, которые не были бы направлены на наказание утративших дао и возмездие забывшим долг. Нет большего счастья и большего блага для черноголовых, нежели наказание утративших дао и возмездие забывшим долг. Препятствующий этому отстраняет владеющего дао и нападает на верного долгу. Это — предатель дела Тана и У и продолжатель преступлений Цзе и Чжоу⁶⁶. Единственное, чем можно утратить дао и изменивших долгу, — это кары. Единственное, чем можно отличить владеющих дао и верных долгу, — это награды. Если оставить жить утративших дао и забывших долг, это будет им наградой. И если оставить владеющих дао и верных долгу в беде, это будет им карой. Награждать злых и карать добрых и при этом желать править народом — это невыполнимо. Посему нет ничего более повергающего мир в смуту и народ черноголовых в горечь, нежели такого рода теории.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О прекращении бед / Цзинь сз

Среди аргументов в защиту исключительно оборонительных войн нет такого, который не брал бы под защиту беспутство и не был бы на руку неверности. Нет большего зла, чем защита беспутства и попустительство неверности, для народа Поднебесной. Такого рода защитники и попустительствующие в лучшем случае действуют словом, но затем могут прибегнуть и к оружию.

Если желают убедить словом, стараются привлечь на свою сторону большинство. И вот дни и ночи напролет размышляют только об этом, утруждают сердце, напрягают мозг. Встав, бормочут об этом, ложась спать, видят это во сне. Иссущают губы и легкие, растрачивают душевные силы и ранят себе душу. Ищут подтверждения своим мыслям в деяниях трех властителей и пяти предков, выискивают подтверждения своим делам в замыслах пяти бо, знаменитых героев. Поутру собирают совет и расходятся поздней ночью, проводя время в попытках переубедить сторонников войны, не жалея доводов и слов, стараясь разъяснить свое дао врагу.

Но дао приходит конец, слова иссякают, а покорности не видно; посему остается лишь обратиться к оружию.

Когда же обращаются к оружию, всегда торжествует природа борьбы, состоящая в том, что надо убивать. А это есть убийство невинных, вынужденных защищать утративших дао и забывших долг. Но сохранить жизнь утратившим дао и забывшим долг было бы продлением страданий Поднебесной и отсрочкой ее благоустройства. Хотя бы и были счастливые знамения, пророчащие победу, зло все же будет расти.

Закон древних царей состоял в том, чтобы награждать добрых и карать злых. Таково было дао древности, и изменить этого нельзя. Если, невзирая на то, справедливо или несправедливо дело, держаться исключительно оборонительных войн, то это будет величайшим нарушением справедливости и глубочайшим горем для народа Поднебесной. Посему нельзя осуждать или признавать наступательные войны как таковые, так же как нельзя признавать или осуждать как таковые войны оборонительные. Единственное, из чего следует исходить,—это справедливость или несправедливость войны. Если война ведется во имя справедливости, то она может быть как наступательной, так и оборонительной. Но если война ведется против справедливости, недопустимы ни наступательные, ни оборонительные войны. Сяский Цзе и иньский Чжоу в беспутстве своем зашли столь далеко оттого, что им сопутствовала удача, как сопутствовала удача и таким разбойникам, как уский Фучай или Чжи Бояо. И по-видимому, цзиньский Ли, чжэньский Лин и сунский Кан в своих злодеяниях зашли столь далеко также оттого, что им везло.

Но если допустить, что Цзе и Чжоу знали бы заранее, что царства их обречены на гибель, а сами они погибнут, не оставив потомства, то кто знает, были бы они столь изощренны в беспутстве? И знай уский царь Фучай или Чжи Бояо, что от их государств останутся пустынные холмы, а сами они будут казнены, кто знает, зашли бы они столь далеко в своих разбойничьих подвигах? И знай цзиньский Ли, что его убьют в доме Цзян Ли, а чжэньский Лин, что ему суждено пасть от руки Ся Чжэншу, и знай сунский Кан, что он умрет в Вэнь, как знать, стали бы они заходить столь далеко в своих злодеяниях?

Эти семеро правителей погрязли в беспутстве и неведении. Число казненных ими невинных людей не счесть и десятками тысяч. Мужчины в расцвете сил, старики и младенцы во чреве матерей — тела их были выставлены целые равнины, заполнены пропасти, распадки и горные ущелья; трупы их плыли по рекам, останками их были завалены рвы и каналы. Жизнь протекала под свист

стрел и при блеске клинков. Затем приходили мороз, голод, болезни от нужды и голода; это продолжается и по сей день. Выбеленные кости и скелеты лежат без счета, и курганы высятся как горные хребты. Просвещенные властители и доброхотные мужи, глубоко размышляя над этим, сокрушаются сердцем и впадают в скорбь. Отчего же все это происходит? А происходит все это оттого, что владеющие дао отстранены, а утратившие дао свободно отдаются своим страстям. То же, что они свободно отдаются своим страстям,—удача для утративших дао. Когда же появляется еще и рассуждение об оборонительных войнах, то неразумным это еще большая удача, а умные все больше задумываются. Итак, большие смуты в Поднебесной происходят оттого, что, невзирая на справедливость дела, поспешно хватаются за теорию оборонительных войн.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О милосердии / Хуай чун

Правитель говорит не из любви к рассуждениям, и ученый спорит не из любви к словам. Один говорит только то, что соответствует законам жизни; другой спорит только о том, что для него безусловно справедливо. И посему стоит им заговорить о долге, как цари, гуны и большие люди устремляются к исполнению законов, а судьи, народ и черноголовые вступают на стезю долга. Когда же дао закона и долга воссияют во всей красе, тогда умелые в мятежах, разворте и разбое оказываются не у дел.

Мятеж, разворот и разбой противоположны закону и долгу. Не может быть, чтобы обе эти противоположности побеждали или стояли друг с другом рядом. И посему, когда войско входит в пределы врага, тамошние горожане должны знать, что их имущество будет под защитой, а черноголовые должны знать, что их не перебьют. И когда войско подходит к столичным предметам, оно не должно губить пять злаков, разрывать могилы, вырубать деревья, сжигать припасы, предавать огню дома, угонять скот, а если захватит пленных из горожан, то должно их отпустить, дабы тем самым продемонстрировать любовь к простому народу и ненависть к его угнетателям.

Если войско внушает доверие народу, оно лишает враждебного ему правителя опоры. Если же и после всего этого обнаружатся ненавистники, упорствующие и пре-

ступные, не желающие покориться, против них можно применить и силу.

Прежде всего следует во всеуслышание объявить: «Наше войско пришло, чтобы спасти народ от смерти. Ваш правитель на своем высоком посту утратил дао и занесся. Он празден, алчен, деспотичен, распутен и упрям. Он далеко отошел от освященных древностью порядков, опозорил прежних царей своего рода, извратил смысл старых канонов. Наверху он не следовал небу, внизу не любил свой народ. Его налогам и поборам не было конца, он беспрестанно вымогал и тянул с народа. Он осуждал и казнил невинных, награждал и жаловал недостойных. Таких, как он, небо карает, а люди ненавидят. Он недостойн быть правителем. Ныне наше войско пришло, дабы покарать недостойного, уничтожить врага человечества и последовать дао неба. Если в народе найдутся такие, кто пойдет наперекор воле неба и станет защищать врага человечества, они будут преданы смерти, а семьи их истреблены без пощады. Тот же, кто приведет к повиновению своих домочадцев, будет пожалован вместе со своими домочадцами. Кто приведет к повиновению деревню, будет пожалован деревней. Кто приведет к послушанию волость, будет пожалован волостью. Кто приведет к послушанию город, будет пожалован этим городом. Кто приведет к послушанию укрепленный город, будет пожалован этим укрепленным городом».

Следует покорять государства, а не карать народы. Поэтому карают лишь заслуживших кары, и только. Нужно выдвинуть способных мужей и пожаловать их уделами, нужно найти мудрых и добрых, оказать им почет и уважение; нужно осведомиться о вдовых и сирых, оказать им помощь и выказать сострадание. Нужно также принять старост и старейшин и их уважить; нужно прибавить всем жалованья и присвоить следующий чин; нужно рассмотреть дела осужденных, кого и освободить. Нужно разделить металл из государственных складов и зерно из государственных кладовых, дабы умиротворить массы. Не следует присваивать государственных сокровища. Нужно справиться о святилищах и обрядах. То, от чего народ не хочет отказаться, следует восстановить, а список поминаемых при жертвах дополнить.

Имя поступающего таким образом будет прославлено мудрыми, о его приверженности традиции будут говорить старосты и старейшины, а народ будет душой привержен его дэ.

Если, положим, нашелся бы человек, который смог бы поднять из мертвых одного, то вся Поднебесная стала бы оспаривать друг у друга право ему служить. Праведное же войско поднимает из мертвых не одного, а многих. Могут ли люди не радоваться его приходу? Посему, когда является праведное войско, народ из соседних государств стекается к нему подобно потокам вод, народ завоеванного им государства взирает на него, как на отца и мать, и чем дальше оно продвигается, тем больше народов покоряются ему и принимают его законы еще до того, как воины успеют скрестить клинки.

КНИГА ВОСЬМАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вторая луна осени / Чжунцзо-цзи

Во вторую луну осени солнце в Цзюэ. На закате восходит Цяньню, на рассвете — Цзуйси. Дни этой луны — гэн и синь, ее ди — Шаохао, ее шэнь — Жушоу, твари — волосатые, нота — шан, тональность — наньлюй, число — девять, вкус — острый, запах — металла, жертвы — воротам, и первойшая — печень.

Рождаются холодные ветры. Прилетают дикие гуси, улетають ласточки. Все птицы собираются в стаи, готовясь к отлету.

Сын неба поселяется в покоях Цзунчжан храма Таймяо, выезжает на боевой колеснице, правит белыми конями с черными гривами. Водружает белое знамя, облачается в белые одежды, убирается белой яшмой. Вкушает коноплю и собачатину. Его утварь — *〈узкая и глубокая〉* (лянь и шэнь).

В этой луне заботятся о старых и слабых, дарят им подпорки и посохи, раздают отвар из овощей и похлебку, чтобы они ели и пили.

Затем следует повеление чинам платяного приказа приготовить и привести в надлежащий вид верхнее и нижнее платье; рисунок и вышивка должны соответствовать образцам, покрой — крупному и мелкому телосложению. Длина платья должна быть соответствующей — различаться по размерам в зависимости от назначения. Шапки и кушаки должны быть определенной формы.

Повелевают соответствующим чинам изучить судебники, рубить головы и казнить лишь по заслугам; никто

не должен допускать ошибки и творить несправедливо-сти. Несправедливое наказание невинного навлекает небесный гнев.

В этой луне следует повеление чинам, ведающим жертвами и молитвами, произвести осмотр жертвенных животных, дабы убедиться в том, что они в должном числе и готовности, а также присмотреть за сеном и зерном для них, проверить, тучны ли они или же тощи, обратить внимание на состояние шерсти и масть. Необходимо также разобрать их по видам, измерить рост и учесть длину, дабы все соответствовали мерке. Если эти пять условий выполнены, они будут приняты шанди.

Затем сын неба совершает обряд изгнания духов, дабы воспрепятствовать болезням и проложить путь осенней ци. Вкушает собачье мясо и пробует коноплю, принеся то и другое в жертву в храме предков.

В этой луне можно возводить городские стены и валы, строить города и селения, копать ходы и колодцы, чинить амбары и житницы.

Затем повелевают чинам соответствующих приказов поторопить народ со сдачей зерна и присмотреть за тем, как запасаются овощи; следует делать как можно больше запасов.

Народ убеждают сажать пшеницу, дабы не упустить благоприятное время; наказания к нерадивым применяются без снисхождения.

В этой луне день уравнивается с ночью. Гром начинает убавлять свой голос. Твари, погружающиеся в спячку, запирают входы в свои норки. Ци смерти входит в силу, ци жизни с каждым днем слабеет. Воды начинают спадать.

В день равенства дня и ночи приводят в соответствие меры для измерения длины и объема, выверяют гири и безмены, проверяют цзюни и дани, исправляют доу и юны.

В этой луне облегчают доступ на рынки через заставы, дабы приезжали торговые люди и заезжие купцы, и был приток товаров и денег для облегчения народу хода дел. Пусть собираются с четырех сторон, съезжаются из дальних мест, тогда в казне будет довольно денег и товаров, высшие не станут жаться при расходах, и все дела пойдут успешно. Но ни одно из предприятий не должно идти наперекор небесному дао; во всем должно действовать в соответствии со временем и сообразно со своей природой.

Если исполнены все эти указы, иней выпадет во всех трех декадах.

Если во второй луне осени ввести в силу весенние указы — осенние дожди не пройдут, травы и деревья пу-

стятся в цвет, страна будет охвачена большим страхом. Если ввести летние указы — в стране начнется засуха, погружающиеся в спячку не укроются в норках, пять злаков вновь прорастут. Если ввести зимние указы, беды, причиняемые ветрами, последуют одна за другой, утихший гром загремит раньше срока, деревья и травы рано погибнут.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О боязни / Лунь взъ

Долг есть то, что связывает все сущее, то, с чего начинаются отношения между правителями и подданными, вышшими и низшими, ближними и дальними; от этого зависит, порядок будет или смута, покой или боязнь, поражение или победа. Так что причины победы или поражения не следует искать в чем-либо ином, кроме самого себя.

Человек по природе стремится к жизни и ненавидит смерть, стремится к славе и ненавидит позор. Когда дао смерти и жизни, чести и позора понимается всеми единообразно, тогда воинов трех армий можно привести к единой мыслию. Ибо для армии желательна многочисленность, а для мыслей — единообразие. И когда все три армии мыслят единообразно, тогда приказы выполняются беспрекословно. Тот, кто добьется беспрекословного выполнения своих приказов, тот получит войско, равного которому нет в мире. Совершенные солдаты древности достигали совершенства оттого, что народ серьезно относился к приказам, которые были для него важны, как сама Поднебесная, и драгоценны, как сам сын неба; народ хранил их в своем сердце, они входили в его плоть и кровь, заставляя оставаться твердым при любых бедах. Ничто не могло их поколебать, ничто не в состоянии было совратить.

Такое войско какой же враг в состоянии был победить? Потому говорится: «Чьи приказы тверды, у того враги слабы, и чьим приказам верят, тому враги покоряются. Если сперва победить их у себя, то затем победишь их всюду».

Всякое войско — жестокое орудие в мире, и всякая доблесть в нем — жестокое дэ. Поэтому братья за жестокое орудие и следовать жестокому дэ должно лишь в крайнем случае. Если берешь это жестокое орудие — быть смертоубийству, но смертоубийство совершается во имя жизни. Если следуешь жестокому дэ — быть угрозам. К угрозам прибегают, чтобы породить у врага боязнь, но если враг охвачен боязнью, народ его будет жить. Этим-то и побеждает войско, приверженное долгу.

Посему в древности совершенное войско еще не успело объединить под знаменами благородных и простой народ, как весть о его силе уже облетала всех, и враг спешил заявить о своей покорности. Для чего же такому войску литавры и барабаны, щиты и копья?

Ибо тот, кто умеет пользоваться угрозой, выбирает для этого момент, когда он еще не обнаружен, когда о нем еще не извещены. Он всегда невидим и неслышим, и никто не может знать о его намерениях. Именно это и называют совершенным искусством устрашения.

На войне все зависит от быстрого передвижения и опережения противника. Однако тот, кто желает быстро передвигаться и опережать противника, должен знать, что медлительность и отставание есть часть быстрого передвижения и опережения. Быстрое передвижение и опережение — то, чем побеждает войско, верное долгу, но долго пребывать в этом состоянии нельзя. Тот, кто знает, что в этом состоянии нельзя пребывать долго, знает, как несется заяц и мчится коршун, когда речь идет о жизни и смерти. Преграды ли ему путь великие реки, он переправится через них; встанут ли на пути высокие горы, он перевалит через них. Он сдерживает дыхание и собирается с силами. Он ни о чем не думает, ничего не видит, ничего не слышит. Он занят только военными действиями, и больше ничем.

Янь Шу поклялся биться не на жизнь, а на смерть с циским хоу Тянем, и в царстве Ци все были охвачены страхом. Юй Ян решил биться насмерть с Сян Цзы, и весь дом Чжао трепетал. Чэн Цзин поставил свою жизнь против жизни властителя Хань, и люди Чжоу были в ужасе. Тем более когда государство в десять тысяч колесниц проникнется такой решимостью, — кто ему воспротивится? Не успеют скреститься клинки, как желаемое уже будет достигнуто. Противник в ужасе, страхе и растерянности, душевные силы его в полном упадке, душа словно у безумного, тело готово расстаться с жизнью; бредет неведомо куда, бежит неведомо к какой цели. Если бы даже и попалась ему на пути удобная местность, где можно закрепиться, и остались у него сильные и хорошо вооруженные солдаты, он не в силах и помыслить о сопротивлении, не в состоянии и представить себе обороны. Так было с сяским Цзе, когда он погибал в Наньчао.

Если ударить деревом по дереву, сломается неподвижное дерево; если воду лить в воду, расступается неподвижная вода; если лед бросить на лед, тот, что внизу, погрузится; если ком грязи бросить в грязь, он провалит-

ся. Таково соотношение сил между движением и неподвижностью.

Самое главное во всякой войне искусство — это не дать расстроить свои планы вне зависимости от того, известны ли тебе замыслы противника или же нет. И тогда всегда добьешься своего. Чжуань Чжу был именно таков. Он пришел с мечом в одной руке, и все было кончено — воцарился узкий царь. Не тем более ли войско верных долгу, будь в нем десятки тысяч или лишь несколько тысяч, — если сумеет скрыть свои пути подхода и выявить пути продвижения противника — прославит своих военачальников, как самого Чжуань Чжу!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О выборе / Цзянь сюань

Сейчас говорят, что если согнать рыночных торговцев и повести их войной, то с ними можно разбить крупных полководцев и обученных солдат, а старые, слабые и истощенные в состоянии нанести поражение опытным воинам и умелым бойцам; и что неорганизованный сброд может победить воинов в идеальном строю; и что мотыгами, косами и дубинами можно осилить длинные пики и острые мечи.

Это, конечно, речи тех, кто ничего не смыслит в военном деле. И все же, если самым острым мечом ударишь и не попадешь, рубанешь и не достанешь, от него не больше проку, чем от самого тупого. И если не вовремя и неумелопустишь в ход самые лучшие и отлично вооруженные войска, от них будет не больше проку в войне, чем от самых завалящих солдат.

И все же даже такие герои, как царевич Цин Цзи или Чжэнь Нянь, предпочитали, чтобы мечи у них были острыми; отбирали самых лучших и умелых, давали им лучшее снаряжение и оружие, ставили во главе самых способных полководцев.

В старину были такие, что становились царями, и были такие, что становились гегемонами. Таковы были Тан и У, циский Хуань, цзиньский Вэнь, узкий Хэ Люй. У иньского Тана было семьдесят добрых колесниц и шесть тысяч готовых на смерть воинов. В день у-цзы он бился при Чэн и захватил гиганта Цзе в плен. Так от Минтяо поднялся он до ворот злодея, вошел в них и обрел Ся. После того как Цзе бежал, он явил простому народу черноголовых милость и великодушные — совершенно изменил образ правле-

ния, принятый Цзе. Он отличил разумных и добрых, дозволил то, чему радовался народ, и к нему потянулись издалека и из ближних мест. Потому и стал он истинным царем в Поднебесной.

У-ван имел три тысячи воинов, называвших себя «тиграми», и три сотни отборных колесниц, когда он в день цзя-цзы победил в битве при Муе и взял в плен Чжоу. Он отличил разумных, раздав им должности, и оказал покровительство старым и удалившимся от дел при иньском правлении. Затем он осведомился о нуждах народа. Наградами он не обходил даже птиц и зверей, наказания при нем не мог избежать даже сын неба. К иньцам он относился так же, как к родным ему чжоусцам. На людей он смотрел, как на самого себя, вся Поднебесная радовалась его дэ, народ толковал о его верности долгу, потому он и стал сыном неба.

У циского Хуань-гуна было триста добрых боевых колесниц и десять тысяч хорошо обученных воинов, составлявших ядро его войска. С этим войском он прошел вдоль и поперек землю среди четырех морей, и никто в мире не смог бы его остановить. На юге он дошел до Шиляна, на западе — до Фэнго, на севере — до Линчжи. Так как царство Син было уничтожено царством Чжуншань, а царство Вэй — варварами ди, Хуань-гун заново основал Син в Ии и заново основал Вэй в Чуцзо.

Цзиньский Вэнь-гун построил пять колесниц для пяти воинов в каждой. Обученных солдат у него было тысяча человек. Они первыми встречали врага. Никто из чжухоу не мог воспрепятствовать ему. Он срыл стены Чжэн, заставил вэйцев перенести свои могилы на восток и почитил сына неба в Хунюне.

Уский Хэ Люй отобрал пятьсот силачей, обучил три тысячи быстроногих воинов, превратив их в передовой отряд. Он пять раз бился с чусцами и пять раз брал верх. Затем он взял столицу Чу город Ин. На востоке он дошел походом до Билу [Кулу], на западе захватил земли до Башу, на севере потеснил Ци и Цзинь; его повеления исполнялись по всему срединному царству.

Итак, занимая оборону, следует стремиться к тому, чтобы место было удобным; выбирая доспехи и вооружение, следует стремиться к тому, чтобы они были крепкими; создавая войско, следует стремиться к тому, чтобы ратники были обученными. Эти четыре вещи — большое подспорье воинству, верному долгу, ибо они сообразны смене времен. Нельзя оставить без особенно пристального внимания сказанное, ибо в нем — верное средство побеждать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О победе / Цзюэ шэн

В военном деле есть корень и есть ветви. Больше всего необходимы верность долгу, смекалка и отвага. Верность долгу оставляет врага в одиночестве. Оставшись в одиночестве, он и наверху, и внизу сможет опереться лишь на пустоту, ибо народ покинет его, попрядется, отцы и старшие братья станут на него из-за этого одиночества гневаться; умники будут его осуждать, и в душе его поселится беспокойство.

Смекалка позволяет познать смену момента. Кто познает смену момента, тот узнает, как пустое сменяется полным, как расцвет сменяется упадком; тот узнает, что надлежит делать сначала, что потом; что вдалеке и что вблизи; за что взяться и что оставить.

Отвага позволяет принять решение. Кто же способен принять решение, тот способен уподобиться грому и молнии, ураганному ветру и проливному дождю, стать неужимым, как горный обвал, стремительным, как орел, бьющий птицу; ударом когтей убивает наповал, а попадет в дерево — и дерево в щепки!

Смекалка позволяет узнать еще и следующее: за народом не водится постоянной отваги, как не водится и постоянной трусости. Когда в нем есть ци, тогда он крепок, а когда он крепок, в нем появляется и отвага. Если же в нем нет ци, он слаб, а когда он слаб, в нем проявляется трусость. Основания же, по которым имеют место трусость или отвага, слабость или сила, чрезвычайно тонкого свойства, и все же их нужно знать. Ведь отвага зовет к битве, а трусость зовет к бегству. Кто бился и победил, тот бился отважно; и кто бился и побежал, тот бился трусливо.

Трусость и отвага непостоянны. Они мгновенно появляются и мгновенно проходят, и никто не знает их путей. Один лишь мудрец ведает их природу. Поэтому-то Шан и Чжоу возвысились, а Цзе и Чжоу погибли.

Искусный правитель отличается от неумного тем, что он способен придать народу ци, тогда как неумный лишь отнимает у него ци, один способен увлечь толпу на борьбу, а другой неспособен увлечь толпу на борьбу. И в этом случае, даже если у этого правителя большое войско, много солдат, он все равно не победит. Ибо большое войско и множество солдат, если они не способны к борьбе, не лучше войска малого. От многочисленности бывают как успех, так и неудача. Это все равно что ловить рыбу в глу-

бокой пучине: велика пойманная рыба, зато велика и опасность.

Кто же искусен в ратном деле, кто умеет вселить боевой дух в каждого солдата, к тому и самые последние людишки стекаются за сто ли, чтобы встать в сражении на его сторону, как если бы их толкала на это некая сила. И тот, кому благоприятствует судьба, сумеет выбрать правильный момент для битвы и удержать народ в узде на поле боя.

Во всяком ратном деле главное — использование своего положения. Использование же своего положения заключается в том, чтобы слабость противника обратить в свою силу, а замысел противника обратить себе на пользу. Тот, кто способен разобраться в своем положении и использовать его для победы, становится непобедимым. Тот же, кто непрестанно побеждает, зовется одухотворенным, а кто одухотворен, тот не может быть побежден.

Во всяком же ратном деле главное — непобедимость. Возможность непобедимости — в нас самих; возможность потерпеть поражение — в нашем противнике. Мудрец всегда предельно внимателен к своему положению, хотя он не всегда может привести противника в удобную для себя позицию.

И когда он со своим искусством оставаться непобедимым встречает неспособного превзойти его противника, войско его не несет потерь. А победа одного войска всегда означает потери в другом. Войско, стремящееся нанести поражение другому войску, должно передвигаться скрытно, быть собранным и спаянным. Скрытно расположенное войско всегда одержит победу над открыто передвигающимся; собранное войско всегда победит войско рассеянное; спаянное войско всегда осилит войско разобщенное.

Так ведет себя хищный зверь: прежде чем пустить в ход свои зубы, рога, когти или клыки, он прячется, скрывается, приседает и залегает в траве — чтобы одержать победу!

ГЛАВА ПЯТАЯ

О служивых / Ай ши

Одевается человек оттого, что ему холодно, а питается оттого, что ему голодно. Голод и холод — великие беды для человека, а спасает от них верность долгу.

Стеснение и угнетенность для людей столь же прискорбны, сколь прискорбны для них голод и холод. И мудрый властелин должен жалеть человека в его стеснен-

ности и печалиться о его угнетенности. Если он будет таков, тогда слава и молва о нем разнесутся по свету и он обретет признательность своих подданных.

Некогда циньский Му-гун⁶⁷ правил колесницей, когда она вдруг сломалась, и правая пристяжная понесла. Ее потом поймали люди из Инь. Му-гун сам отправился на поиски. У южного склона горы Ци он застал иньцев, как раз собиравшихся съесть его коня. Му-гун тогда молвил со вздохом: «Есть мясо доброго скакуна и не пить при этом вина! Боюсь, это вам может повредить!» Затем он поднес всем вина и удалился.

Через год случилась битва на равнине Хань. Цзиньцы взяли колесницу Му-гуна в кольцо. Цзинец Лян Юмин⁶⁸ уже схватил под уздцы левого коня из колесницы Му-гуна, а правый боец с колесницы цзиньского Хуэй-гуна по имени Ши Фэнь метнул копье и, попав в панцирь Му-гуна, разбил его на шесть частей. Но триста иньцев, что ели когда-то конину у южного склона горы Ци, бились за Му-гуна изо всех сил у колес его колесницы... Так одержал он великую победу над царством Цзинь и вернулся к себе с плененным Хуэй-гуном. О таком и поется в песне:

Он честен с благородным,
Чтоб славы тот хотел;
Великодушен с подлым,
Чтоб сил тот не жалел.

Как может властелин не следовать добродетели и не питать любви к людям, если через следование добродетели и любовь к людям он достигает народной любви к высшим. Если же народ любит высшего, он рад за него умереть.

Чжаоский Цзянь-цзы⁶⁹ обожал двух своих белых мулов. Хранитель южной стены Сюй Цюй заболел⁷⁰. Тогда чиновник, служивший при городских воротах, явился ночью с докладом к дверям правителя. Он сказал: «Повелитель, ваш слуга Сюй Цюй болен. Врачеватель сказал, что, если удастся достать печень белого мула, он остановит болезнь, если же нет, больной умрет». Когда пришедший сообщил об этом, Дун Аньюй, стоявший рядом с повелителем, раздраженно сказал: «Хо! Да ведь этот Сюй Цюй позарился на мула нашего повелителя! Он достоин казни!» Цзянь-цзы сказал: «Убить человека, чтобы сохранить жизнь скотине,— разве в этом доброта? Доброта в том, чтобы сохранить жизнь человеку, убив скотину!» И он позвал повара, чтобы тот убил белого мула, взял печень и отнес ее хранителю южной стены Сюй Цюю.

В скором времени Чжао поднял войска и повел их походом на племена ди. Чиновник, служивший при городских воротах, повел по семьям воинов по правую и левую руку. Они первыми взобрались на стены и пленили передовой отряд латников.

Так что властелин никак не может не привечать служивых. Ибо враг всегда приходит за выгодой, но если ему грозит смерть, он сочтет за выгоду уйти. Когда все враги сочтут за выгоду уйти, не с кем станет скрестить оружие.

Когда враг благодаря мне обретает жизнь, я благодаря ему обретаю смерть; когда же враг благодаря мне получает смерть, я благодаря ему обретаю жизнь. Можно ли не уделять внимания тому, получаешь ли ты жизнь от врага, или же враг получает жизнь от тебя, когда в этом самая суть военного дела, а существование и гибель, смерть и жизнь прямо зависят от знания этого?!

КНИГА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Третья луна осени / Цзицю-цзи

В третью луну осени солнце в Фан. На закате восходит Сюй, на рассвете — Лю. Дни этой луны — гэн и синь, ее ди — Шаохао, ее шэнь — Жушоу, твари — волосатые, нота — шан, тональность — уи, число — девять, вкус — острый, запах — металла, жертвы — воротам, и первейшая — печень.

Прилетают дикие гуси. Кулик глубоко заходит в воду и оборачивается ракушкой. Хризантема цветет желтыми цветами. Шакал приносит в жертву зверя и бьет птицу.

Сын неба поселяется в правых покоях Цзунчжана, выезжает на боевой колеснице, правит белыми конями с черными гривами. Водружает белое знамя, облачается в белое одеяние, убирается белой яшмой. Вкушает коноплю и собачатину. Его утварь — <узкая и глубокая> (лянь и шэнь).

В этой луне отдают строгие приказы и повеления. Повелевают всему служилому люду следить за тем, чтобы среди благородных и подлых не были заняты сбором, в соответствии с собирающими небом и землей. Ничто не должно быть вывозимо из хранилищ.

Повелевают старшему управителю уделить внимание земледелию и по окончании уборки урожая представить на рассмотрение ведомости пяти родов; проследить за отправкой в хранилище урожая с поля ди, того, что

должно хранить в священном амбаре. Все исполнить с должным выражением почтения.

В этой луне начинает выпадать иней, после чего все мастеровые прекращают работы. Затем объявляют соответствующим чином: «Холодная ци скоро достигнет предельной силы, так что у народа неостанет сил больше выносить это; пусть все разойдутся по своим домам».

В первый день дин в училищах начинают учить игре на духовых инструментах.

В этой луне докладывают сыну неба о готовности жертвенных животных к большому осеннему жертвоприношению.

Собирают при дворе чжухоу и отдают повеления по волостям. Устанавливают первый день следующего года. Отдают чжухоу повеления относительно увеличения или уменьшения налогообложения народа, а равно их самих, в зависимости от дальности удела и характера продукции. Все это — для жертв в предместном храме предков, а посему не должно быть заботящихся о собственной выгоде.

В этой луне сын неба учиняет грандиозную охоту с целью обучения владению пятью видами оружия и отбора лучших коней.

Повелевают конюшним и семи конюхам запрягать коней, водружать над колесницами стяги в соответствии с рангами получающих колесницы для несения охраны ставки. Ведающий обучением произносит слова клятвы, обратившись лицом к северу и воткнув посох в землю.

Сын неба в боевом платье и боевом убранстве поднимает лук и, наложив стрелу, стреляет. Затем повелевает ведающему приказом жертвоприношений приносить в жертву дичь четверем сторонам света.

В этой луне травы и листья деревьев желтеют и опадают; тогда обрубают сухие сучья и выжигают древесный уголь.

Твари, впадающие в зимнюю спячку, укладываются в своих норках и закрывают дверки. Тогда убыстряют ход уголовных дел и применение наказаний; не должно остаться неосужденных преступников. Тогда же забирают <дань> у тех, кто не оправдал жалованье и ранги, чтобы собранное таким образом употребить на прокорм тех, у кого нехватка.

В этой луне сын неба пробует собачье мясо с рисом, принеся первоначально от того и другого жертву в храме предков.

Если в третьей луне осени ввести летние указы, в стране начнутся наводнения, зимние запасы будут повреждены и пропадут. В народе у многих будет гайморит. Если ввести зимние указы — в стране появится много

разбойников и злодеев, на границах будет беспокойно, земли будут разделены или отторгнуты врагом. Если ввести весенние указы — налетят теплые ветры, народное ци будет ослаблено и придет к упадку, восстанут войска и гарнизоны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О народе / Шунь минь

Первые дари во главу угла ставили следование сердцу народному. И потому добивались славы и побед. Все они привлекали народные сердца своим дэ и достигали славы через установление в мире порядка. Таких в прежние времена было немало. Не было лишь таких, что прославили бы свои деяния утратой народных сердец.

Для обретения народа необходимо овладеть дао. Тогда и в государстве в десять тысяч колесниц, и в городке в сто дворов не будет такого, кто не радовался бы. Обрести же то, чему радуется народ, означает обрести и сам народ. Но мало ли чему радуется народ! Оттого от народа берут главное.

В старину Тан одержал победу над домом Ся⁷¹ и привел мир в порядок. Небо послало великую засуху, и пять лет подряд был неурожай. Тогда Тан самолично вознес молитву в Санлине⁷² со словами: «Если преступен я один, не простирай гнев на всех. Если преступны все, простири гнев на одного лишь меня. Нельзя из-за недостойнства одного шанди душам предков и духам природы уничтожать жизнь всех».

И он сбрил себе волосы с головы и стесал ногти на руках⁷³, принеся себя в жертву. Так молил он шанди о счастье. Народ тогда возрадовался без меры. А вскоре прошли и большие дожди. Так сумел Тан повлиять на следствия превращений духов предков и духов природы и последствия человеческих дел.

Вэнь-ван поселился на горе Ци, он служил Чжоу⁷⁴. Хотя все обращались с ним жестоко и несправедливо, сам он был справедлив и послушен. Он и поутру, и вечером всегда попевал сообразно времени. Он всегда своевременно платил налоги и был почитителен при жертвоприношениях и молитвах. Чжоу был им доволен, пожаловал ему титул Си-бо и отдал во владение тысячу ли земель. Вэнь-ван дважды поклонился до земли и отказался в таких словах: «Прошу об отмене для народа казни поджариванием⁷⁵». Вэнь-ван не прочь был получить зем-

ли в тысячу ли, но, прося об отмене наказания поджариванием, он желал непременно заполучить сердце народное. Ему казалось более умным заполучить сердце народное, нежели получить земли в тысячу ли. Посему он и прославился своей мудростью.

Юэский царь страдал от позора поражения при горе Куайцзи⁷⁶. Стремясь вновь обрести сердце народное, сразясь насмерть с У, он спал без подушки и без циновки, не брал в рот сластей, не смотрел на красавиц, не слушал гонгов и барабанов. Три года изнурял он свою плоть, истощал силы в трудах; у него растрескались губы, иссохла грудь. При дворе он относился к слугам как к родным, по всей стране подкармливал народ, стараясь привлечь его сердце. Если редких яств с его стола не хватало на всех, он отказывался их есть сам. Когда было вино, он выливал его в реку, чтобы хоть так разделить его со своим народом. Он сам пахал и кормился от этого, одевался в то, что наткала жена. В еде запретил изысканное, в одежде — пышное; не носил двух цветов. Часто пускался в путь по дорогам за телегой, нагруженной едой, высматривал сирот, вдовых, старых и слабых, больных и хворых, нуждающихся и бедствующих, убогих и опечаленных и сам их кормил. Собирал всех дафу и, обращаясь к ним, говорил: «Желаю одного: поспорить с У ради блага Поднебесной. Ныне государства Юэ и У истощены друг другом. Благородные мужи положат свои жизни и в тот же день умрут за меня; я сам схвачусь с царем У врукопашную и лягу вместе с ним. Это мое величайшее желание. Если я не добьюсь этого, я сочту мое государство неспособным нанести поражение У. Если же и с помощью других чжухоу не сумею я разбить моего врага, я покину страну, оставлю подданных, опояшусь мечом и с кинжалом в руках, изменив внешность, стану служить под другим именем как последний слуга, с решетом и метелкой, чтобы однажды сразиться с царем У насмерть. Пусть голова моя расстанется с телом, а руки и ноги будут валяться порознь на позор всему миру, но я свершу свою волю!»

И однажды он сошелся с У в бою при Уху⁷⁷. Уские военачальники потерпели поражение, царский дворец был окружен. Городские ворота не охранялись, и юэсцы схватили царя Фучая, убили уского сяна. Через два года после уничтожения У юэский царь стал ба⁷⁸. Так случилось оттого, что он следовал сердцу народному.

Циский Чжуан-цзы, думая напасть на Юэ, спросил совета у Тянь Хэ⁷⁹. Тот сказал: «Наш покойный правитель

в своей последней воле говорил, что не следует нападать на Юэ. Юэ—это бешеный тигр». Чжуан-цзы тогда сказал: «Был бешеный тигр, но ныне сдох, не так ли?» Тянь Хэ сказал: «Спросим все же Сяо-цзы». Сяо-цзы отвечал: «Да, мертв, но слишком многие считают его живым».

Так что во всяком начинании нужно прежде подумать о сердце народном и лишь затем браться за дело.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Знать служивых / Чжи ши

Если даже иметь коня, способного пробежать тысячу ли, но не иметь доброго кучера, то это будет все равно что не иметь коня вообще. Конь становится ценным только тогда, когда добрый конь обретает доброго кучера. Они тогда как барабан и палочки. Среди служивых тоже есть люди на тысячу ли. С высокими идеалами и верные до смерти—таковы эти люди. Но полностью использовать их способности в тысячу ли способен лишь умный.

Цзин Го-цзюнь был в хороших отношениях с Цзи Маобянем. Однако у Цзи Маобяня как человека было множество недостатков, поэтому домашние Го-цзюня были опечалены. Некто по имени Ши Вэй предостерегал Го-цзюня, но тот не слушал. Ши Вэй подал в отставку и ушел. Тогда собственный сын Мэнчан-цзюнь стал предостерегать Цзин Го-цзюня, но тот вспылил и сказал: «Чтоб вы все пропали! Даже если ради Цзи Маобяня мне придется разрушить свой собственный дом, я не остановлюсь и перед этим!» И он отвел Маобяню самое почетное место, а старшему сыну велел прислуживать ему, подавая по утрам и вечерам еду.

Через несколько лет умер Вэй-ван, и на престол взошел Сюань-ван. Отношения у Цзин Го-цзюня с Сюань-ваном не сложились, он вышел в отставку и удалился в свою крепость Сюэ, где и жил с Цзи Маобянем. По прошествии недолгого времени Цзи Маобянь решил покинуть его и просить аудиенции у Сюань-вана. Цзин Го-цзюнь сказал: «Царь мною очень недоволен. Если вы явитесь к нему, вас может постигнуть смерть». Цзи Маобянь сказал: «Я не цепляюсь за жизнь. Прошу меня отпустить непременно». Цзин Го-цзюнь не смог его удержать.

Цзи Маобянь отправился в путь и прибыл в Ци. Услышав об этом, Сюань-ван принял его, затаив гнев. Когда Цзи Маобянь предстал перед ним, Сюань-ван сказал: «Вы тот, кого любил и слушал Го-цзюнь?» Цзи

Маобянь отвечал: «Любил, это было, но чтобы слушал — нет, такого не было. Когда вы, государь, были наследником престола, я, Бянь, говорил Цзин Го-цзюню: наследник лишен доброты, у него толстые уши и взгляд, как у борова,— у таких строптивый нрав. Не лучше ли убрать наследника, а вместо него посадить Сяо Ши, сына госпожи Вэй?» Но Цзин Го-цзюнь тогда заплакал и сказал: «Это немыслимо, я такого не перенесу!» Если бы Цзин Го-цзюнь послушал тогда меня, Бяня, и сделал это, сейчас бы не было таких безобразий. Это первое. Когда мы приехали в Сюэ, Чжао Ян предлагал обменять Сюэ на земли, в несколько раз ее превосходящие. Я, Бянь, тогда вновь сказал, что следует прислушаться к этому предложению. Но Цзин Го-цзюнь отвечал: «Я получил Сюэ от прежнего царя. И хотя я в опале у нового царя, как оправдаюсь я перед прежним царем, если так поступлю? К тому же в Сюэ храм предков прежнего нашего царя. Как же я могу отдать чусцам храм нашего покойного властителя?» И он вновь не послушал меня, Бяня. Это второе». Сюань-ван глубоко вздохнул и, изменившись в лице, сказал: «Цзин Го-цзюнь хранил верность мне одному, а я, несчастный, по молодости лет ничего не ведал. Не могли бы вы призвать ко мне Цзин Го-цзюня, хоть ненадолго?» Цзи Маобянь отвечал: «Почтительно слушаю».

Цзин Го-цзюнь прибыл в одежде, дарованной Вэй-ваном. Голова его была покрыта шлемом, за поясом — меч. Сюань-ван, чтобы встретить его, выехал в предместье и прослезился, завидев его вдали. Когда Цзин Го-цзюнь приблизился, он стал упрашивать его занять пост сяна. Цзин Го-цзюнь отказывался, но ничего не мог поделать и пост сяна принял. Через десять дней, под предлогом болезни, он вновь просил об отставке и через три дня упорных уговоров ее получил.

Цзин Го-цзюнь, можно сказать, к этому времени уже познал людей. А кто познал людей, того не смутит наветом. Именно поэтому Цзи Маобянь был готов расстаться со всеми радостями жизни и встретить любые страдания и беды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Познай себя / Шэнь цзи

У хода вещей всегда есть основание, и если не знать этого основания, то, хотя бы и поступал должным образом, это все равно как если бы не знал; тут непременно выходят трудности.

Знаменитые служилые люди, выдающиеся полководцы прежних царей отличались от простых людей тем, что они знали. Реки рождаются в горах, а текут в моря. Реки не то чтобы не любят гор, жаждут моря. Их понуждает к этому форма земли. Злаки произрастают в поле, хранятся в амбарах. У злака желаний нет. Так с ним поступает человек. Поэтому Цзылу, поймав фазана, отпустил его опять на волю.

Ле-цзы, выстрелив и попав в цель, спросил об этом Гуань Иня. Гуань Инь сказал: «А знаете ли вы, отчего вы попали в цель?» Тот ответил: «Не знаю». Гуань Инь сказал: «Так не годится». Ле-цзы тогда ушел и учился три года. Вновь обратился к Гуань Иню. Тот спросил: «Теперь вы знаете, отчего попадаете в цель?» Ле-цзы сказал: «Знаю». Тогда Гуань Инь сказал: «Теперь пойдет! Сохраните это знание и не теряйте его».

Так обстоит не только со стрельбой. Существование или гибель государства, мудрость или невежество также от этого. Мудреца интересуют не существование или гибель, мудрость или невежество как таковые, а причины, по которым они возникают.

Некогда царство Ци двинулось походом на царство Лу из-за знаменитого треножника Цинь. Луский правитель послал в дар другой треножник, но циский хоу не поверил и послал треножник обратно как подложный. Он также послал человека передать лускому хоу: «Если Люся Цзи подтвердит, что этот треножник — подлинный, я соглашусь принять его». Луский правитель обратился к Люся Цзи. Тот ему отвечал: «Вы хотите сохранить треножник Цинь; подкупив меня, спасти ваше царство. Но у вашего слуги тоже в своем роде царство. Если вы разрушите царство вашего слуги, чтобы спасти свое собственное, это будет тяжело вашему слуге». Тогда луский правитель отдал настоящий треножник Цинь. Так что о Люся Цзи можно сказать, что он умел подать правильный совет: он ведь не только сохранил свое царство, но и царство луского правителя сумел спасти.

Циский Минь-ван бежал и поселился в царстве Вэй. Целый день проходил он в раздумье, а затем спросил у Гун Юйданя: «Я погиб, но не знаю, в чем тому причина. Отчего же все-таки пришлось мне бежать? Нужно что-то изменить!» Гун Юйдань отвечал: «Я, ваш слуга, полагаю, что причина вам уже известна. Как она может быть неясна вам, государь? Причина вашего несчастья в вашей мудрости. Сейчас в мире властители невежественны, они ненавидят властителей умных. Оттого, столкнувшись, они подняли

войска и двинулись на вас походом. В этом и лежит причина вашего, государь, несчастья». Минь-ван тяжело вздохнул и сказал: «Быть столь умным и познать такое горе! Причина этого мне также неясна». Гун Юйдань, конечно, преувеличивал, поскольку знал о неразумии Минь-вана.

У юэского царя Шоу было четверо сыновей. Младший брат его сказал себе: «Нужно их уничтожить, чтобы стать наследником самому». Троих он ненавидел так, что убил их первыми. Горожане были опечалены и настроены против высших. Оставался еще один наследник, и Юй хотел убить и его, но сам царь все еще ни о чем не догадывался. Тогда его сын, дабы избежать неминуемой гибели, подбил горожан на изгнание Юя. Окружили царский дворец. Тогда юэский царь протяжно вздохнул и сказал: «Ах, не слушался я брата Юя, вот и попал в такую беду!» Так он и не узнал истинной причины собственной гибели.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О понимании / Цзин тун

Иногда считают, что у повилики нет корня. Это не совсем так. У повилики есть корень, но она не связана с ним прямо. Это корень, как у пахимы.

Магнит притягивает железо: будто кто-то тянет. Когда деревья растут неподалеку друг от друга, они сплетаются ветвями: будто кто-то их толкает.

Мудрец становится лицом к югу, помышляя с любовью о благе народном. Он не успевает еще отдать повеления, как все в мире уже вытягивают шеи и становятся на цыпочки; цзин его тогда изливается прямо в сердце народное. Злодей же, несущий людям зло, также увидит от людей лишь зло.

Когда некто собирается в поход и еще только вооружит все пять видов оружия, снаряжает войско, запасает провиант, то еще за день до его выступления тот, на кого идет походом, невесел. Хоть он еще точно не знает об этом, но душа ему уже подсказывает.

Когда некто пребывает в Цинь, а дорогой ему человек умирает в это время в Ци, тогда ци воли у него приходит в движение, а цзин то приходит, то уходит.

Дэ — истинный властелин над тьмой народа, как луна — корень всему инь. Когда луна полная, набухают жемчужницы, наполняется все, что инь. Когда луна на ущербе, жемчужницы усыхают, истощается все, что инь. Вот: луна на небе, а все, что инь, меняется вслед ей

в пучине морской. Так и мудрец: следует дэ в себе самом, а люди по всем концам света склоняются к доброте.

Ян Юцзи стрелял в дикого тура, а это был камень. Однако стрела его вошла в камень по самое оперение — так верил он, что это тур.

Бо Лэ научился распознавать коней и, кроме коней, ничего вокруг себя не замечал, так как был привержен к одним лишь коням.

Сунский повар, любивший разделять быков, не видел вокруг ничего, кроме бычьей туши. За три года он не видал ни одного живого быка. Девятнадцать лет орудовал одним и тем же ножом, а лезвие было как только что наточенное. Он следовал своему естеству и был привержен исключительно разделке быков.

Как-то под вечер Чжун Цзыци услышал, как кто-то печально бьет в каменный гонг. Он подозвал того человека и осведомился: «Что это вы так печально бьете в гонг?» Тот отвечал: «Мой отец имел несчастье убить человека и заплатил за это жизнью. Моя мать осталась в живых, но теперь давит вино на общественных работах. Я вот тоже жив, но должен бить в гонг по долгу службы. Мать я не видал три года, а тут недавно встретил на рыночной площади. Хотел выкупить ее, но у меня ничего нет, да я и сам-то в собственности у людей. Посему я печален». Чжун Цзыци вздохнул и сказал: «Что печально, то печально!» Сердце не рука, рука не колотушка и не камень. Но когда печаль поселяется в сердце, и дерево, и камень откликаются на нее. Так и благородный муж — уверен в себе, а известно о том всем, чувства его в груди, а следствия их в людях; нужны ли ему еще и слова?!

В Чжоу жил человек по имени Шэнь Си. У него умерла мать. Как-то он услышал песенку нищего у своих ворот, до того печальную, что он даже изменился в лице и велел впустить побирушку. Поглядел на него и спросил, почему тот побирается. Тот сказал, что делает это ради матери.

У детей и родителей тело единое, только разделенное на две части, так же, как и единая ци, только дыхание разное. Это — как семена у трав и цветов, как корень и сердцевина у деревьев. Они могут быть на расстоянии, но всегда связаны. Они соединяются и в потаенных мыслях. От болезней и страданий выручают они друг друга; в тоске и печали друг друга они поддерживают. При жизни друг другу радуются, по смерти друг о друге печалются. Это называется родством кости и плоти; оно

столь крепко, что движение души одного тут же отзывается в сердце другого. Так обретают они цзин друг друга. К чему же им слова?

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первая луна зимы / Мэндун-цзи

В первую луну зимы солнце в Вэй. На закате восходит Вэй, на рассвете — Цисин. Дни этой луны — жэнь и гуй, ее ди — Чжуансюй, ее шэнь — Сюаньмин, твари — в панцирях, нота — юй, тональность — инчжун, число — шесть, вкус — соленый, запах — гнили, жертвы — входу, и первейшая — почки.

Воды начинают замерзать; землю сковывает холод. Фазан вступает в большую воду, оборачивается устрицей. Радуга прячется, ее не видно.

Сын неба поселяется в левых покоях Сюаньтана, выезжает на темной колеснице, правит железными скакунами. Водружает темное знамя, облачается в черное одеяние, убирается темной яшмой. Вкушает клейкое просо и кабанье мясо. Его утварь — 〈просторная и глубокая〉 (хун и янь).

В этой луне справляют лидун — становление зимы. За три дня до становления зимы тайши, являсь пред сыном неба, возвещает: «В такой-то день быть становлению зимы: жизнетворная сила шэндэ начинает проявляться в воде!» Тогда сын неба постится.

В день становления зимы сын неба самолично ведет трех гунов, девять цинов и дафу в Северное предместье для индун — встречи зимы. По возвращении жалует родню погибших на службе и привечает сирот и вдов.

В этой луне повелевает тайбу, вознеся молитвы, гадать на панцирях и бирках, разглядывать трещины и разбирать триграммы, дабы знать добрые и дурные предзнаменования. Затем проверяют, нет ли лстящих вышшим или нарушающих законы, и повинных карают. Никто не должен избежать кары или скрыться от наказания.

В этой луне сын неба впервые надевает меха. Повелевает приказным, возглашая: «Ци неба воспаряет вверх, ци земли стремится вниз. Небо и земля более не сообщаются; они заперты, пришла зима». Повелевает

всем приказным со тщанием укрывать и прятать; ведающим обучением отправиться в путь для надзора за сборами и припасами, дабы не было уклонившихся от сборов; следует также нарастить городские стены и валы, оберегать ворота городов и селений, исправлять замки и запоры, засовы и шеколды; укрепить также печатки и печати; подготовить к обороне рубежи и границы, привести в готовность крепости и форты, проверить заставы и мосты, перекрыть проходы и тропы; следует также проверить правила погребения, определить виды траурных одеяний, проследить за толщиной стенок внешних и внутренних саркофагов, измерить величину, высоту и ширину могил и курганов сообразно с рангами и званиями благородных и подлого люда.

В этой луне надзирающий за мастеровыми приступает к сравнению достижений; расставляются по порядку жертвенные сосуды в соответствии с мерой и законом; никто не должен чрезмерной вычурностью смущать сердца высших; превыше же всего прилежание и стремление к благу. Имя мастера должно стоять на изделии, дабы можно было установить меру его усердия, а в случае, если в работе изыщется недолжное, и покарать, дабы ограничить произвол в ремесле.

В этой луне устраивают большое питье и едят приготовленное на пару. Затем сын неба возносит моление естественным основам жизни о благоприятном новом годе. Сверхшают большое заклятие с молитвами на алтаре земли и у ворот городов и селений; приносят жертвы родоначальнику, возносят пять молитв; в этом обретают земледельцы отдохновение от трудов.

В этой луне сын неба повелевает тысяцким и сотникам обучать воинским наукам: стрельбе, управлению колесницей и борьбе.

В этой луне повелевает также начальнику вод и смотрительно рыбного приказа собирать налог с рек, источников, прудов и озер. Никто не должен смущать покой или обирать простой народ, бедный люд, дабы не навлечь на сына неба гнев низов. Если же объявятся супостаты, их следует карать без пощады.

Если в первую луну зимы ввести весенние указы — мороз схватит непрочно, ци земли просочится, народ будет уходить и скитаться. Если ввести летние указы — начнутся бури и ураганы, зима не будет холодной, спящие твари вновь проснутся. Если ввести осенние указы — снег и иней выпадут не ко времени; пойдут мелкие военные стычки, часть страны отойдет к врагу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Скромное погребение / Цзе сан

Понимать, что есть жизнь,— основа основ для мудреца, понимать, что есть смерть,— высшее его стремление. Познание жизни заключено в отказе от нанесения ей зла; это и есть вскармливание жизни. Но знание смерти заключено в отказе от нанесения ей зла; это и есть оставление в мире усопших. Понимание этих двух вещей доступно одному лишь мудрецу.

Каждому живущему между небом и землею предстоит смерть: избежать этого нельзя. Для почтительного сына самое дорогое — это его родители. Для любящих родителей самое дорогое — их дети. Скорбь о родной плоти и кости в природе человека, для него невыносимо, чтобы тело умершего, самого дорогого и любимого, было брошено в канаву. Оттого и появился обычай погребать умерших.

Хоронить означает укрывать, и в этом почтительные сыновья и любящие родители осмотрительны. Тот же, кто осмотрителен, принимает во внимание ход мыслей людей живущих. Принять же во внимание ход мыслей людей живущих означает прежде всего подумать о том, как бы не потревожили, не разрыли могилы. Не потревожат же и не разроют могилы тогда, когда не увидят в этом никакой выгоды. Запора сильнее не бывает.

В старину хоронили на широких пустошах, во глубине гор и были вполне спокойны за могилы. Дело было не в жемчуге и яшме, или великих сокровищах, — о могиле не могли не заботиться по другой причине. Если ее сделали бы недостаточно глубокой, ее могли бы раскопать лисы, а если бы сделали излишне глубокой, ее могли бы залить подземные воды. Потому при захоронениях предпочитали вершины холмов, дабы избежать напасти от лис и бед от подземных вод. В этом должно быть умельцами; но при этом тем более не следует забывать об опасностях от воров, разбойников и бедах от смутьянов! Ведь иначе уподобишься тому слепому, который, осторожно огибая столб, все же спотыкается о малый колышек! А беды от лис, подземных вод, воров, разбойников и смутьянов и есть самый большой из всех этих колышков. Почтительные сыновья и любящие родители, избегнувшие этой напасти, можно сказать, познали истинную природу погребения.

Добрый гроб и саркофаг вполне способны защитить от муравьев, медведек, змей и всякой мошкары. Однако

суетные властители нашего времени возводят огромные курганы не в помышлении об умершем, а в чаянии славы от живущих, ибо пышность похорон почитают за заслугу, а скромность погребения—за позор. Они стремятся не к благу для умерших, а к угождению живущим, а это не есть образ мыслей любящего родителя и почтительного сына.

Когда умирает отец, главное для почтительного сына—не пребывать в праздности. Когда умирает сын, главное для любящего отца—не бездействовать. Если же при погребении самого дорогого, самого любимого руководствоваться страстями живущих, о каком тогда упокоении усопшего может идти речь?!

Когда народ стремится к выгоде, он, чтобы достичь ее, готов идти под градом стрел, ступать по обнаженному лезвию, проливать кровь, вырывать печень. Дикарь, никогда не слышавший о культуре, способен попрасть родных, братьев и друзей ради достижения выгоды. Но сейчас поступать иначе означает прослыть опасным или неумным. Завладевшему богатством же больше всего хочется разъезжать в экипаже, есть мясо и оставить достаточно сыновьям и внукам. Даже мудрец не в состоянии удержаться от этого; во времена же смуты и подавно.

Посему чем больше страна, чем богаче семья, тем пышнее похороны. Покойникам кладут в рот мелкий жемчуг, точно рыбьей чешуей покрывают тело яшмой. Каждый тащит дорогие вещи, колокола, треножники, чайники для вина, металлические зеркала; ведут еще коней, несут одеяния, покрывала, копья, мечи—всего и не перечесать. Нет ничего, чего не нужно было бы для поддержания жизни живых. Возьмутся воздвигать усыпальницу—гробы внутренний и внешний обернут несколько раз, вокруг засыплют древесный уголь, с внешней стороны обложат камнями. Ясно, что грабители, прослышав, передают сведения друг другу, и как бы ни были власти суровы, им никакими карами не остановить преступников.

Чем больше времени проходит с момента погребения, тем меньше думают об усопшем, а чем меньше о нем думают, тем беспечнее сторожа. А чем беспечнее сторожа, тем меньше уверенности, что драгоценные сосуды в могиле останутся в целости.

Когда нынешние суетные люди совершают погребальный обряд, взгромождают гроб на огромные дроги, а знаменами, подобными облакам, оперением бунчуков застилают небо. Впереди несут опахала и стяги, по бокам—жемчуг и яшму, позади—расшитые наколенники, орнаменты. Тьма народу тянут тяжи гроба с левой и пра-

вой сторон — да ведь это можно разве при похоронах военачальника! Если это на потеху народу — тогда да, куда уж красивее, куда уж величественней! Но усопшему это ни к чему. То же, что действительно несет благо усопшему, доступно даже любящим родителям и почтительным сыновьям из бедных стран, где живут простые люди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Упокоение усопших / Ань сы

В наше время курганы и могильные холмы огромны и высоки, как горы, стоят часто, как деревья в лесу. Усыпальницы словно башни или парадные лестницы в столичном дворце или в городе. Конечно, похвастаться перед людьми своим богатством можно, но обращаться так с усопшими недопустимо. Ведь для них тысячи лет что единый миг.

Век человека не превышает ста годов, а в среднем — больше шестидесяти. Тот, кому эти сто или шестьдесят лет покажутся бесконечностью, обманется в своих надеждах. Но кто позаботится о бесконечности для усопшего, может этого достичь.

Если бы, допустим, некто установил на вершине могильного холма стелу с такой надписью: «Эту могилу нельзя не ограбить, ибо в ней полно всякой утвари, жемчуга, яшмы, дорогих безделушек, сокровищ и драгоценных сосудов, и посему тот, кто ограбит ее, станет важным богачом, и род его из поколения в поколение станет ездить в экипажах и есть мясо!» — то люди, конечно, стали бы над этим смеяться, считая его ненормальным. Между тем богатые захоронения в наше время представляют собой именно такую картину!

С самых древних времен и до наших дней не существовало государства, которое не пришло бы к гибели. А среди погибших царств не было такого, где не были бы потом ограблены могилы. Из тех, что видели мы собственными глазами или о которых слышали, погибли Ци, Цзин, Янь, Сун, Чжуншань; нет больше Чжао, Вэй и Хань, а ведь все это — древние державы. Тех же царств, что погибли еще прежде них, не счесть. А посему нет ни одной великой могилы, которая не была бы разграблена. Ныне же все наперебой их воздвигают вновь!

Когда правитель не в состоянии удержать в повиновении народ, тогда отцы мирятся с непочтительностью сыновей, старшие братья попустительствуют дерзким младшим; тогда и те, кто в деревнях и волостях при-

ставлен к котлам, готовы их бросить и, хотя и не хотят пахать землю и собирать хворост, все же не осмеливаются занимать и общественные должности. Тем не менее все ищут прекрасных одеяний и изысканных яств и, изощрившись умом до последних пределов, чего только не творят! Сбиваются в многочисленные шайки, уходят в горы, прячутся по зарослям, нападают и грабят. А заодно присматриваются и к известным курганам, большим могилам, богатым захоронениям. Потом просятся на постой к тем, кто живет в удобном месте, и, не зная отдыха ни днем, ни ночью, ведут подкопы и конечно же получают искомое и делят между собой! Не стоит ли задуматься почтительным сыновьям, верноподданным, любящим родителям и добрым друзьям над тем, что тут к самому дорогому и любимому сами они привлекают на позор и потраву разбойников, грабителей, воров и худых людишек!

Яо похоронен в Гулине, среди деревьев. Шунь похоронен в Цзиши; он не изменил своим правилам. Юй похоронен в Гуйцзи; он не хотел тревожить людей. Не то чтобы государи древности жалели затрат или чуждались трудов; просто они думали об умерших. Единственное, о чем государи древности печалились, это когда оскверняли прах. Оскверняли прах при разграблении, скромное же погребение не ограбят. Посему могилы прежних царей всегда отличались скромностью. Непременным считалось лишь согласие и единение. Что же понимали под согласием и единением? Погребение в горах или в лесу было согласно горам и лесам; погребение на склонах или равнинах было едино со склонами и равнинами. Это и называлось любовью к человеку. Ибо любящих человека — тьма, а знающих, что есть любовь к человеку, немного.

Не успело еще погибнуть царство Сун, как уже была разграблена могила Вэнь-гуна на востоке от столицы; не успело еще исчезнуть царство Ци, как уже раскопали могилу Чжуан-гуна. Когда в стране еще покой и порядок, и то бывает такое; что же говорить о том, что случится через сотню поколений, когда государство исчезнет?!

Посему да не оставят это рассуждение своим вниманием почтительные сыновья, верноподданные, любящие родители и добрые друзья. Ведь не то ли, о чем речь, имеют в виду, когда говорят о зле, наносимом тому, что любят? Так и в песне поется:

Никто не заденет ведь тигра
И в реку без лодки не ступит,
Но в том, что не столь очевидно,
Невежа и хуже поступит.

Тут как раз о том и речь, что люди не способны различать подобное! По этой причине им одно и то же то кажется похожим на ложь, то кажется похожим на правду. И то, что они считают за ложь, похоже на правду, и то, что они считают правдой, похоже на ложь. А когда правда и ложь строго не разграничены, а пристрастия или гнев уже ввергли человека в борьбу и распри, то я не то чтобы был против борьбы или спора, но просто не могу признать того, из-за чего в данном случае они возникли. Ибо, прежде чем вступать в какую-либо борьбу или спор, нужно точно определить для себя, что есть истина и что есть ложь.

Ныне же по большей части спешат вступить в борьбу, не разобравшись еще, в чем истина, в чем ложь. Это — величайшее из заблуждений!

Луский Цзи Сунь был в трауре. Конфуций прибыл к нему, дабы выразить соболезнование. Вошел в ворота, стал с левой стороны, потом следом за гостями вошел в дом. Хозяин как раз убирал покойника нефритом. Конфуций прошел гостиную и заторопился по ступеням. Вышел в зал и вздохнул: «Убирает яшмой! Да ведь это все равно что бросить кости посреди равнины!» Пробежать через двор, поспешить по ступеням — это не совсем по ритуалу. Но Конфуций поступил так, чтобы указать на упущение.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сокровище / И бао

В старину не то чтобы не было сокровищ, но люди ценили иное.

Суньшу Ао заболел. Перед смертью он предостерег сына: «Царь много раз хотел пожаловать мне хороший удел, но я не брал. Когда я умру, царь наш станет жаловать тебя, но доброй земли не бери. Между Чу и Юэ есть холмик усопших, земля там тощая, слава о ней ходит недобрая. Чусцы опасаются ее из-за душ покойников, а юэсцы из-за веры в знамения: только эту и бери — ею можно владеть долго». Суньшу Ао умер, и царь действительно предлагал его сыну выгодные земли, но тот отказался и попросил холмик усопших. Потому и по сей день потомки его эту землю не утратили.

Знание Суньшу Ао состояло в том, что он видел выгоду в том, в чем ее не видели другие: он знал, что то, что ненавистно людям, можно обратить себе на пользу. Этим и отличаются владеющие дао от людей заурядных.

У Юнь бежал, чусцы послали погоню. Когда он поднялся на гору Тайхан, он взглянул в сторону царства Чжэн и сказал: «У этой страны местоположение неудобное, а народ там многознающий. Правитель там заурядный. Не стоит идти к нему с моими планами». И он, оставив Чжэн, направился в Сюй. Явился к сюйскому гуну и спросил, куда ему идти. Тот ничего не сказал, повернулся лицом на юго-восток и сплюнул. Как бы получив награду, У Юнь почтительно поклонился и сказал: «Я понял, куда мне идти». И он направился в царство У. Проходя через Чу, он достиг берега реки Цзян, где ему нужно было переправиться. Заметив старика в маленькой лодчонке, собирающегося ловить рыбу, подошел и попросил его перевезти. Старик перевез его через реку. У Юнь осведомился о его имени и роде, но ответа не получил. Тогда У Юнь снял свой меч и протянул старику со словами: «Этот меч стоит тысячу цзиней, хочу преподнести его почтенному». Но старик меча не взял, ответив: «По законам Чу тот, кто поймает У Юня, будет пожалован титулом чжигуя, жалованьем в десять тысяч даней и тысячью и * золотом. Вот тут проходил У Юнь, а я его не схватил. К чему же мне ваш меч ценой в тысячу цзиней?» У Юнь, добравшись до У, послал людей найти старика с реки Цзян, но его не нашли. С тех пор У Юнь всегда приносил за столом жертву тому старику, обращаясь к нему со словами: «О старик на реке! Небо и земля велики и обильны без меры, и всяк занят своим; тот же, кто занят тем, чтобы достичь недеяния не ради выгоды,—имени того нельзя узнать, а самого его нельзя найти. Именно таков ты, старик на реке!»

В царстве Сун один крестьянин при пахоте нашел яшму и хотел преподнести ее городскому начальнику Цзы Ханю, но тот ее не принял. Крестьянин стал его упрашивать: «Это для меня сокровище. Хотелось бы, чтобы вы, начальник, благосклонно приняли его в дар». Цзы Хань ответил: «Для тебя сокровище — яшма, а для меня сокровище — в отказе ее принять». Тогда старейшины Сун рассудили: «Не то чтобы для Цзы Ханя не существовало сокровищ, но сокровищем он считает иное».

Если положить перед ребенком сто цзиней и клейкое просо, ребенок, конечно, возьмет клейкое просо. Если положить перед деревенщиной нефрит рода Хэ и сто цзиней, деревенщина, конечно, возьмет сто цзиней. Если же положить перед мудрецом слова о дао и дэ и нефрит

* И — мера веса. (Примеч. составителя.)

рода Хэ, мудрец, конечно, предпочтет слова. Так что чем тоньше знание, тем тоньше ценимое; и чем грубее знание, тем грубее ценимое.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О разном употреблении / И юн

Вещи различаются между собой, и человек употребляет их различными способами. В этом причина порядка и смуты, существования и гибели, жизни и смерти.

Посему обширность пределов государства и мощь и сила войска не означают сами по себе для него покоя. Почет и знатное происхождение, высокое положение еще не означают сами по себе известности. Все зависит от того, каким образом эти вещи будут употреблены.

Цзе и Чжоу⁸⁰ использовали свои способности таким образом, что это привело их к гибели. Тан и У⁸¹ использовали свои способности таким образом, что это привело их на царство.

Некогда Тан увидел, как ставят сеть. Ее устанавливали со всех четырех сторон и притом приговаривали: «С небес спускающиеся, по земле рыскающие, отовсюду стекающие—все в мою сеть!» Тан сказал на это: «Ох-хо! Всех изведут! Кто же так поступает, кроме Цзе!» И он убрал сеть с трех сторон, оставив только с одной, сказав в поучение: «Некогда Чжу Мо придумал ловчую сеть и вершу. Люди нынче научились их плести, пусть же кто хочет идти влево, идет влево, кто хочет идти вправо, идет вправо, кто желает стремиться ввысь, стремится ввысь, и кто желает спускаться вниз, спускается без препятствий. Брать можно лишь того, кто нарушит этот порядок».

Услышав об этом, в царствах к югу от реки Хань сказали: «Доброта Тана простирается уже на птиц и зверей». И сорок городов отошло к нему.

Люди, ставившие сеть со всех четырех сторон, неизвестно, поймали бы птичку или же нет, а Тан, убрав сеть с трех сторон и оставив только с одной, тем самым уловил сорок городов, а не то что птичку.

Некогда чжоуский Вэнь-ван послал людей копать пруд, и они откопали скелет какого-то человека. Чины доложили об этом Вэнь-вану, и он велел: «Погребите снова». Доложили, что у могилы нет хозяев. Вэнь-ван сказал: «Владеющий Поднебесной—хозяин Поднебесной. Владеющий царством—хозяин царства. Разве я ему—не хозяин?» И он приказал чинам облачить

останки, положить в гроб и предать погребению. В Поднебесной, прослышав об этом, заговорили: «Как разумен Вэнь-ван! Милость его простирается даже на кости и прах, не тем более ли — на живых людей?»

Так что бывает, что и сокровище, обретенное неразумным, обращается во вред стране. Вэнь-ван же и сгнившие кости сумел использовать для прославления своей воли. Ибо для древних мудрецов не было вещи, которую нельзя было бы употребить должным образом.

К Конфуцию приехал ученик из дальних мест. Тот спросил, держа посох на плече: «Здоров ли ваш дед?» Потом перехватил посох двумя руками и, отвесив поклон, спросил: «Здоровы ли ваши родители?» Потом поставил посох на землю и спросил: «Здоровы ли ваши старшие и младшие братья?» Оперся на посох и спросил: «Здоровы ли жена и дети?»

Так Конфуций и посохом в шесть чи мог показать различия в благородстве и подлости по рангам, провести грань между дальними и ближними. Тем более легко это было бы сделать ему с помощью раздачи постов и жалований.

В старину ценили меткую стрельбу из лука за то, что это давало возможность вырастить малых и накормить старых. Люди нашего века ценят меткую стрельбу из лука за то, что это дает возможность нападать и грабить. Самые искусные в этом грабят малых и притесняют слабых, сделав грабеж своим занятием.

Когда патока попадает в руки доброжелательному человеку, тот употребляет ее на то, чтобы подкормить больных и старых. Когда патока попадает в руки разбойникам Чжи и Ци Цзу⁸², они употребляют ее на то, чтобы открывать запоры и снимать засовы.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вторая луна зимы / Чжундун-цзи

Во вторую луну зимы солнце в Доу. На закате восходит Дунби, на рассвете — Чжэнь. Дни этой луны — жэнь и гуй, ее ди — Чжуансюй, ее шэнь — Сюаньмин, твари — в панцирях, нота — юй, тональность — хуанчжун, число — шесть, вкус — соленый, запах — гнили, жертвы — входу, и первейшая — почки.

Лед становится твердым; земля начинает трескаться. Умолкают ночные птицы. Тигры начинают ходить парами.

Сын неба поселяется в Сюаньтане храма Таймяо, выезжает на темной колеснице, правит железными скакунами. Водружает темное знамя, облачается в черное одеяние, убирается темной яшмой. Вкушает клейкое просо и кабанье мясо. Его утварь — 〈просторная и глубокая〉 (*хун и янь*).

В этой луне следует повеление соответствующим чинам, где говорится: «Не вести земляных работ, не доставать закрытого и спрятанного, не созывать больших толп, стремясь к выполнению правила крепости и закрытости. Если вынимать закрытое и спрятанное, собирать большие толпы, земная ци просочится повсюду — это называется отворить дом неба и земли. Все спящие твари тогда погибнут, народ постигнут язва и мор, последует траур по многим».

Эту луну называют луной отдохновения.

В этой луне следует повеление начальнику евнухов вновь проверить дворцовые указы, осмотреть наружные и внутренние двери, приглядеть за комнатами и помещениями, дабы все было прочно заперто. Следует сократить все женские дела, не должно стремиться к излишествам. Это касается всех, даже благородных или близких родных.

Затем следует повеление главному кравчему доставить просо и рис, приготовить вовремя дрожжи и сусло. При промывке и готовке должно следить за чистотой. Вода должна быть из чистого родника и без запаха. Кувшины и сосуды должны быть лучшими. Огонь должен быть расположен правильно. За этими шестью условиями главный кравчий следит неотступно, ничего не упуская.

Затем сын неба повелевает соответствующим приказным приносить жертвы с молением четырем морям, великим потокам, знаменитым равнинам, пучинам, озерам, колodцам и источникам.

Если в этой луне у землепашцев осталось не убранное под крыши, не собранное в бурты, а волы, кони или другие животные бродят без присмотра, то присвоившему что-либо из этого не грозит наказание.

Тем, кто пожелает в горных лесах и у озер собирать травы или бить птицу и зверя, лесничие должны помогать советом и указанием. Браконьеров и порубщиков карать без пощады.

В этой луне — самый короткий день. Силы инь и ян борются друг с другом, и все живое содрогается. Благородные мужи постятся и воздерживаются: в глубоком уединении они предаются покою, удаляют от себя звуки и образы, ставят предел желаниям и порывам, умиротворяя тем самым свое тело и естество. Во всех делах

следует стремиться к покою, дабы дожидаться твердого установления сил инь и ян.

Начинает расти рута, прорастает литин, земляные черви свиваются, ключи кипят.

Перед самым коротким днем валят деревья, берут бамбук на стрелы.

В этой луне можно увольнять от должности тех, кому нет занятия, убирать подальше сосуды, которыми не пользуются. Красят ворота, двери храмов, ворота городов и селений. Поправляют тюрьмы и узилища, дабы помочь делу запирания и сокрытия, творимому небом и землей. Если во вторую луну зимы ввести летние указы, страну постигнет засуха, от туманной ци будет темным-темно, загремит гром. Если ввести осенние указы, зачастят дожди, дыни и тыквы не вызреют, в государстве начнется война. Если ввести весенние указы — будет напасть от гусениц, источники вод обмелеют и пересохнут, народ будет страдать от болезней, проказы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О высшей верности / Чжи чжун

Слова высшей верности режут слух и противны сердцу. Никто не в силах выслушать их, кроме мудрого владыки. Ибо то, чему радуется мудрый владыка, вызывает гнев властителя недалекого.

Вообще среди властителей нет ни одного, кто не ненавидел бы смуту и крамолу, и все же сами они навлекают их день за днем. Какой же прок от их ненависти?

Допустим, что есть дерево, и желательно, чтобы оно было пышным. Если некто будет его все время поливать, он возненавидит это занятие. Если же он каждый день будет отрубать по корню, дерево конечно же живым уже не будет. Так и те, кто не любит слушать слов высшей верности, сами же губят лучшее.

Чуский царь Чжуан Ай⁸³ охотился как-то в Юньмэне⁸⁴. Выстрелил в самку носорога и попал. Шэньгунцзы Пэй поспорил с царем из-за добычи и забрал ее себе. Царь возмущался: «Это бунт и непочтительность!» И он велел наказать Пэя. Однако советники царя приблизились и заговорили: «Пэй — мудрец и стоит сотни в свите государя. Его поведение непременно имеет основания. Следовало бы обратить на это внимание».

Не прошло и трех месяцев, как Пэй заболел и умер. Чуский же царь поднял войска и в сражении при Лянтане

одержал великую победу над царством Цзинь. По возвращении он награждал всех отличившихся. Тогда младший брат Шэнь-гунцзы Пэя явился к чину, ведавшему наградами, и сказал: «Есть люди, заслужившие награды под знаменами, мой же старший брат заслужил награду у царской охотничьей колесницы». Когда же царь спросил, что он имеет в виду, тот отвечал: «Мой брат допустил грубость по отношению к вам, государь, и за этот ужасный проступок был осужден молвой. Но в своем простом сердце он всегда оставался вам верен, государь, желая вам долголетия. Мой брат нашел в древних записях, что тому, кто убьет самку носорога, не прожить и трех месяцев. Поэтому, опасаясь за вашу жизнь, он и заспорил с вами из-за добычи. Так взял он на себя вину и умер».

Царь послал людей отыскать в книгохранилище старые записи и справиться. Оказалось, есть такая запись. Тогда царь щедро наградил младшего брата Пэя.

Проявление верности Шэнь-гунцзы Пэем можно считать благородным поступком. Смысл же благородного поступка в том, что свершающий его свершает не для того, чтобы об этом узнали, и его не останавливает то, что о нем не узнают. Нет порыва выше этого.

У циского царя появились болячки. Послали людей в царство Сун за Вэнь Цзи. Вэнь Цзи явился и, взглянув на болячки царя, сказал наследнику: «Недуг царя излечим, но для этого придется умертвить меня, Цзи!» Когда наследник спросил, в чем причина, Вэнь Цзи отвечал: «Невозможно излечить этот недуг, если не прогневить царя. Если же прогневить царя, мне, Цзи, придется умереть». Тогда наследник, склонившись перед ним, стал упрашивать: «Если царь поправится, я и моя мать станем из всех сил просить за вас перед царем, и царь конечно же снизойдет к нашим мольбам. Посему прошу вас, прежде рожденный, не колебаться». Вэнь Цзи сказал: «Хорошо, раз вы просите спасти царя ценой моей жизни!..»

Он оставался какое-то время с наследником, а затем они отправлялись к царю без приглашения. Так трижды являлся он не ко времени, и царь стал сильно гневаться. Тогда Вэнь Цзи вообще зашел к царю в обуви, ступил на царскую постель и, наступив на царскую одежду, осведомился о болезни. Царь так разгневался, что не захотел с ним говорить. Вэнь Цзи тогда намеренно стал говорить так, чтобы разгневать царя еще больше. Тогда царь выругался и встал, а недуг его прошел. Но царь был в таком гневе, что велел живьем сварить Вэнь Цзи. Наследник и царица упрашивали его, но ничего не смогли добиться.

Вэнь Цзи стали варить живьем в треножнике, кипятили три дня и три ночи, но он даже не изменился в лице. Потом Вэнь Цзи сказал: «Если кто вправду хочет меня убить, пусть закроет треножник крышкой, чтобы прервать ход ци сил инь и ян». Царь тогда велел закрыть котел, и Вэнь Цзи умер.

Проявлять верность в управляемом мире легко, проявлять ее в мире, охваченном смутой, трудно. Не в том дело, что Вэнь Цзи не знал, что излечение недуга царя будет самому ему стоить жизни. Он пошел на это ради наследника, дабы доказать свою верность долгу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О неподкупности / Чжун лянъ

Велик муж, которого нельзя опозорить никакими интригами. Тот, кто столь велик, почитаем больше богатых и знатных. Никакая выгода не совлечет его с избранного пути. Ни слава, равная рангу чжухоу, ни сила, равная десяти тысячам колесниц⁸⁵, не заставят его отказаться от своих помыслов. Если его честь будет поругана, в жизни для него не останется радости. Такой человек, получи он власть, никогда не употребит ее в личных целях. На посту чиновника, он себя не опозорит. Даже если многие восстанут против него, он не изберет бегства. Именно таков верноподданный, помышляющий о пользе властителя и выгоде для государства. Когда такому даже грозит гибель, он все равно не станет отступаться от своего, жертвуя собой ради правителя и страны. Если в стране есть такие мужи, можно сказать, что в ней есть люди. Таких людей трудно найти, но еще труднее их распознать.

Уский царь желал убить царевича Цин Цзи⁸⁶, но никак не мог этого достичь. От этого уский царь пребывал в печали. Тогда Яо Ли сказал: «Я, ваш слуга, могу это сделать». Уский царь сказал: «Куда уж тебе! Я шестеркой лошадей не сумел настичь его на берегу реки Цзян⁸⁷, я стрелял в него из лука, и стрелы вонзались справа и слева, но ни одна не попала в цель. А ты, если обнажишь меч, не достанешь ему до плеча, а бросишься на его колесницу, не сумеешь даже достать до переднего бруса. Нет уж, где тебе!» Яо Ли сказал: «Когда речь идет о муже, печалиться можно лишь о недостатке в нем храбрости, но не умения. Если царь искренне хочет мне помочь, мне это удастся».

Уский царь согласился. На другое утро царь обвинил Яо Ли в тяжком преступлении, велел схватить его жену

и детей, сжечь их и пепел развеять. Яо Ли бежал. Он направился в Вэй и предстал там перед царевичем Цин Цзи. Царевич Цин Цзи был ему рад и сказал: «Уский царь утратил дао. Вы сами это видели, и все чжухоу об этом знают. То, что вам удалось бежать от его руки, прекрасно».

Яо Ли поселился вместе с царевичем и через некоторое время обратился к нему: «В царстве У нет дао, и этому не видно конца. Прошу вас взять меня с собой в поход на эту страну». Царевич Цин Цзи сказал: «Прекрасно!» Когда же они вместе переправлялись через реку Цзян и уже достигли середины, Яо Ли выхватил меч, чтобы заколоть царевича Цин Цзи, но тот отразил удар и сбросил Яо Ли в воду. Когда тот выплыл, он схватил его и вновь бросил в воду. Так он делал трижды и наконец сказал: «Ты поистине настоящий муж в Поднебесной! Дарю тебе жизнь, да прославишься своими заслугами!»

Так Яо Ли избежал смерти и вернулся в У. Уский царь был очень рад и хотел разделить с Яо Ли страну. Но Яо Ли сказал: «Это невозможно, ибо я должен умереть». Уский царь стал удерживать его, но тот сказал: «То, что ради вашего дела были убиты мои жена и дети и пепел их развеян по ветру, я считаю, было бесчеловечностью с моей стороны. То, что ради нового господина я хотел убить старого, я считаю, с моей стороны было изменой долгу. То, что я трижды был сброшен в реку Цзян, а потом помилован царевичем Цин Цзи, я считаю, было для меня позором. Бесчеловечному, изменившему долгу, да еще опозоренному, я считаю, незачем жить». Уский царь не сумел его удержать, и он закололся своим мечом.

Яо Ли, можно сказать, старался не ради награды. Поэтому даже при виде великой выгоды не изменил своему долгу. Это можно назвать неподкупностью. Неподкупность — это когда ни богатство, ни знатность не дают забыть о позоре.

У вэйского И-гуна⁸⁸ был слуга по имени Хун Инь. Пока он был в отъезде по поручению гуна, варвары ди напали на Вэй. Тогда в народе заговорили: «У нашего правителя посты и жалованье получают журавли, благородством и богатством отличаются евнухи. Вот пусть и посылает своих евнухов с журавлями за него сражаться, а нам чего ради?» И они все разбежались.

Пришли ди и настигли И-гуна у заводи Юн. Убили его, сожрали все его мясо, оставив только печень. Когда Хун Инь вернулся, он доложил этой печени о своей поездке, а когда окончил доклад, возопил

к небу, зарыдал. Излив скорбь, он перестал рыдать и сказал: «Прошу разрешения служить вам покровом». И он убил себя, прежде вынув все свои внутренности и поместив в утробу печень своего господина.

Когда об этом узнал Хуань-гун⁸⁹, он сказал: «Царство Вэй погибло из-за отсутствия у правителя дао, но если в нем остались такие слуги, его невозможно не сохранить». И он заново основал Вэй в Чуцю⁹⁰.

Хун Инь, можно сказать, был истинно верным. Он отдал свою жизнь ради блага своего господина. И не только ради него одного: благодаря ему вновь воздвигся храм предков, жертвы им не прекратились. Это, можно сказать, подвиг.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О должном / Дан у

Спорить, не имея здравых суждений, верить без достаточных на то оснований, геройствовать, не имея понятия об истинном долге, устанавливать суровые законы, не зная, к чему их должно применять,— это все равно что в смятении вскакивать на горячего скакуна, в безумии размахивать острым мечом. Из-за этих четырех вещей в Поднебесной и настает великая смута.

Удалец из шайки разбойника Чжи спросил у него: «Есть ли у разбойника дао?» Чжи отвечал: «Конечно же есть. Как по наитию он узнает, что за запорами нечто сокрыто,— в этом его мудрость. Входит первым— в этом доблесть, выходит последним— в этом долг. Знает время— в этом его рассудительность. Делит поровну— в этом его благонамеренность. В Поднебесной не было никогда великого разбойника, который, прежде чем стать им, не овладел бы этими пятью вещами, а вот насчет шести царей и пяти бо— не знаю, не знаю... Яо, к примеру, не был чадолюбив. Шунь был непочтителен к родителю. Юй был не прочь развлечься. За Таном и У числятся насилия и убийства. Пять бо вынашивали планы мятежа и смуты. А между тем все в наше время их восхваляют, люди их поминают добрым словом... Это какое-то ослепление!»

И когда он стал умирать, он решил прихватить с собой в могилу свой железный молот, приговаривая: «Вот повстречаюсь там внизу с пятью ванами и шестью бо, проломлю им черепа!»

Чем так аргументировать, лучше уж не спорить вообще.

В Чу жил некий легковерный. Его отец украл барана, а он донес об этом по начальству. Власти схватили отца и приговорили его к наказанию. Тогда легковерный стал просить, чтобы наказание было применено к нему, и обратился к судье: «Отец украл барана, и я донес об этом. Разве этим я не доказал свою благонадежность? Когда отца приговорили к наказанию, я просил, чтобы меня наказали вместо него. Разве этим я не доказал свою почтительность к родителю? Но если станут наказывать за благонадежность и почтительность, то разве останутся в стране ненаказанные?»

Чуский царь, услышав об этом, велел его не наказывать. Когда же об этом узнал Конфуций, он сказал: «Странная у этого легковерного благонадежность! Отец у него был один, а он дважды на нем прославился!»

Чем такая, как у этого, благонадежность, лучше уж никакой.

В царстве Ци жили два удальца. Один проживал в Дунго, другой — в Сиге. Как-то раз, повстречавшись на дороге, они сказали друг другу: «А не выпить ли нам вместе?»

Выпили по несколько чарок, и тут кто-то из них предложил: «А не взять ли мяса?» А другой отвечает: «Ты — мясо, я — мясо, зачем нам еще мясо? Закажем только подливку, вот и все!» Тут они достали ножи и стали друг друга жрать; остановила их только смерть.

Чем такая удаль, лучше уж без удали!

У Чжоу было два брата. Все трое были сыновьями одной матери. Старшего звали Вэй Цзыци, среднего — Чжун Янь, младшего — Шоу Дэ. Вот Шоу Дэ и стал впоследствии Чжоу. А он был самым младшим. Когда у его матери родились Вэй Цзыци и Чжун Янь, она все еще оставалась второй женой, когда же она стала старшей женой, у нее родился Чжоу. И отец, и мать желали сделать наследником Вэй Цзыци. Но тайши, опираясь на закон, воспротивился. Он говорил: «Когда есть сын у старшей жены, невозможно делать наследником сына второй жены». Так Чжоу стал наследником престола.

Чем так толковать законы, лучше их не иметь вообще!

ГЛАВА ПЯТАЯ

О прозорливости / Чан цзянь

Рассудок одного превосходит рассудок другого, поскольку один способен смотреть вдаль, а другой — видеть лишь то, что перед ним. Настоящее есть по отношению к прошлому будущее, так же как и по отношению

к будущему — прошлое. Поэтому, понимая настоящее, можно понять и прошлое; зная прошлое, можно представить и будущее. Прошлое и настоящее, что было прежде и что будет потом — едины. Поэтому мудрец знает на тысячу лет назад и знает на тысячу лет вперед.

Чуский Вэнь-ван говорил: «Сянь Си не раз шел против меня ради долга и перечил мне ради ритуала. Жить с ним беспокойно, но все же через некоторое время я оказывался в выигрыше. Так что если я не награжу его сам, мудрецы грядущих поколений станут меня за это порицать!» И он дал ему ранг пятого дафу.

«Шэнь Хоу-бо прекрасно схватывает мои мысли: стоит мне только пожелать, как он уже спешит исполнить. Жить с ним очень спокойно, но все же через некоторое время я всегда оказывался в проигрыше. Так что если я сам не отдалю его, мудрецы грядущих поколений поставят мне это в вину!» И он отстранил его от дел и отпустил.

Шэнь Хоу-бо отправился в царство Чжэн и там стал лестно отзываться о мыслях чжэнского правителя, упреждать все его желания и через три года уже заправлял всеми делами в Чжэн, а еще через пять лун чжэнцы его убили. Именно поэтому мудрецы последующих поколений сочли Вэнь-вана достойным мужем поколений предыдущих.

Цзиньский Пин-гун повелел отлить большой колокол. Послали за мастерами, чтобы послушать его звон. Все сочли, что колокол звучит превосходно, в тон. Только Ши Куан сказал: «Не в тон. Надо бы перелить». Пин-гун сказал: «Все мастера полагают, что в тон». Ши Куан отвечал: «В будущих поколениях найдутся люди, знающие толк в музыке. Тогда все узнают, что звучит не в тон. Я, ваш слуга, не хотел бы для вас позора». Потом Ши Сюань подтвердил, что колокол звучит не в тон. Так Ши Куан стремился настроить колокол получше, поскольку полагал, что и в будущих поколениях найдутся знающие толк в музыке.

Люй Тай-гун Ван был пожалован землями Ци. Чжоугун Дань был пожалован землями Лу. Правители прекрасно ладили и обращались друг к другу за советом — как лучше править страной. Тай-гун Ван говорил: «Почитать разумных и возносить за заслуги». Чжоугун Дань говорил: «Приближать родных и возносить добрых». Ван сказал на это: «Боюсь, царство Лу ослабнет». На это Дань отвечал: «Пожалуй, Лу и ослабнет, но в Ци править будет уже не род Люй».

Время шло, царство Ци день ото дня крепло и наконец стало ба-гегемоном. Но через двадцать четыре поколения царством Ци овладел Тянь Чэнцзы. Луский гун день ото

дня слабел, так что еле-еле влячил существование. Но род его прервался лишь на тридцать четвертом поколении.

У Ци правил к западу от реки Хэ. Ван Цо оклеветал его перед вэйским хоу У, и тот послал за ним. Когда У Ци прибыл в Аньмэн, он остановил колесницу и взглянул на запад. Вскликнул несколько раз и сошел на землю. Слуга спросил у него: «Я, ничтожный, знаю ваше сердце. Ведь для вас утратить Поднебесную все равно что расстаться с парой старых сапог. Ныне вы теряете всего лишь область к западу от Хэ, отчего же эти слезы?»

У Ци осушил глаза и ответил: «Ты не понимаешь. Государь знает меня и послал меня на запад от Хэ, чтобы я помог ему стать царем. А сейчас государь слушает слова клеветника! И не знает того, что скоро землям к западу от Хэ суждено отойти к царству Цинь. Царство Вэй от этого придет к упадку!»

У Ци в конце концов покинул Вэй и отправился в Чу. А через некоторое время земли к западу от реки Хэ действительно отошли к Цинь, и Цинь стало день ото дня усиливаться. Вот это-то и предвидел У Ци, поэтому он и плакал!

Вэйский гун Шу Цзо заболел. Хуэй-ван пришел его проведать и стал спрашивать: «Вы, Шу, больны не на шутку. Кому можно было бы препоручить заботу об алтарях шэ и цзи?» Тот отвечал: «У меня в услужении есть простой человек по имени Ян. Хотелось бы, чтобы вы, государь, прислушались к его советам по управлению страной. Если же вы не станете его слушать, боюсь, что вам лучше бы не выпускать его из страны...»

Царь не послушал Шу, а по выходе от него сказал советникам: «Какая жалость! Каким умом обладал Шу, а теперь он советует мне по делам правления обращаться к какому-то Яну! Какая глупость!»

Шу Цзо умер, а Гунсунь Ян отправился на запад, в Цинь. Там к нему прислушался циньский Сяо-гун. В результате Цинь все набирало силу, а Вэй все слабело. Оказалось, что глуп был не Шу Цзо, а сам вэйский царь. Глупцы всегда страдают оттого, что считают недалекими умных!

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Третья луна зимы / Цзидун-цзи

В третью луну зимы солнце в Уню. На закате восходит Лоу, на рассвете — Ди. Дни этой луны — жэнь и гуй, ее ди — Чжуансюй, ее шэнь — Сюаньмин, твари — в панцирях,

нота—юй, тональность—даллой, число—шесть, вкус—солёный, запах—гнили, жертвы—входу, и первейшая—почки.

Гуси летят на север. Сороки выют гнезда. Фазан кричит. Самка фазана высиживает птенцов.

Сын неба поселяется в правых покоях Сюаньтана, выезжает на темной колеснице, правит железными скакунами. Водружает темное знамя, облачается в черное одеяние, убирается темной яшмой. Вкушает клейкое просо и кабанье мясо. Его утварь—〈просторная и глубокая〉 (*хун и янь*).

В этой луне следует повеление соответствующим чинам устроить Да Но—Большое Изгнание, разорвав перед городскими воротами жертвенных животных, выставив земляных волов, дабы спровадить холодную ци. Когда птицы начинают летать высоко и быстро, устраивают жертвоприношения всем горам и потокам, великим советникам ди и духам шэнь и ци неба и земли.

В этой луне следует повеление начальнику рыбного приказа приступить к ловле. Сын неба лично присутствует при этом. Затем пробует рыбу первого улова, сперва предложив ее в жертву в храме Циньмяо.

Лед становится крепче, на озерах лед удваивается. Посему следует повеление нарубить лед и занести в погреб. Следует повеление народу вывозить пять видов семян.

Приказным по части земледелия повелевают готовить народ к пахоте: пусть исправляют сохи, приводят в порядок орудия.

Мастеру музыкального приказа повелевают устроить большое представление с музыкой и завершить обучение на этот год.

Затем следует повеление четверем надзирателям собрать и сложить в порядке дрова и хворост для Циньмяо и костров для жертвоприношений.

В этой луне солнце совершает полный круг, луна заканчивает свой путь, звезды проходят по небу до конца. Число дней скоро будет исчерпано, и год начнется снова.

Основное внимание должно быть уделено земледелию: никого не следует отправлять на другие работы.

Затем сын неба с цинами и дафу проверяет своды, обсуждает сезонные указы, дабы встретить наступающий год надлежащим образом.

Затем следует повеление главному астрологу расположить по порядку владения чжухоу и назначить им порядок предоставления жертвенных животных для храма Циньмяо.

Главному управляющему повелевают исчислить земли цинов, дафу и всех вплоть до простого народа для назна-

чения им порядка предоставления жертвенных животных для жертв горам, лесам и великим потокам.

Среди народа девяти областей не должно быть таких, кто не прилагает усилий к исполнению жертвоприношений шанди высокого неба, алтарям шэ и цзи, в храме Циньмяо, а также в горах, лесах и у великих потоков.

Если правильно проводят все эти указы, достигают завершения единого через три декады и два дня.

Если в третью луну зимы ввести осенние указы — белые росы выпадут рано, твари в панцирях натворят бед, соседи с четырех сторон запрут в крепостях. Если ввести весенние указы — пострадают многие в утробе и новорожденные, в стране многие заболеют; это от противления ци. Если ввести летние указы — разливы вод подтопят земли, снег не выпадет в нужный срок, лед растает, холод рассеется.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О долге / Шя цзе

Служильный муж — это человек, которого ничто не заставит поступиться ритуалом. В момент испытания он забывает о выгоде, оставляет попечение о жизни и следует своему долгу. На смерть он смотрит как на возвращение⁹¹. Такого человека правителю страны нелегко сделать другом, сыну неба нелегко сделать подданным. Величайшие из таких способны установить порядок в мире, меньшие — установить единство в стране, но все это возможно лишь при содействии таких людей. Посему те из владык, которые стремятся совершить великие дела и прославить свое имя, не могут не искать повсюду таких людей. Разумный правитель поэтому озабочен поисками людей, а не делами правления.

В царстве Ци жил человек по имени Бэйго Сао. Чтобы прокормить свою мать, он плел сети и верши, собирал тростник и камыш и плел из них сандалии. Когда же этого оказалось недостаточно, он направил стопы к воротам дома Янь-цзы⁹² и, явившись к нему, сказал: «Обращаюсь за милостью, чтобы прокормить мать». Слуга Янь-цзы ему пояснил: «Этот человек известен в Ци своим умом. Он считает своим долгом не служить сыну неба, не водить дружбы с чжухоу, ибо выгоды он не жаждет, а опасности не боится. Если он обратился к вам за милостыней ради своей матери, это означает, что он радуется вашей верности долгу. Надо ему помочь». Янь-цзы тогда послал человека взять в амбаре зерна, а в сокровищнице золота и отдал просителю. Тот взял зерно, но от золота отказался.

Через некоторое время Янь-цзы впал в немилость у циского правителя и был принужден бежать из страны. Проходя мимо дома Бэйго Сао, он заглянул проститься. Бэйго Сао как раз мылся, но все же вышел, чтобы принять Янь-цзы, и спросил: «Куда это вы направляетесь?» Янь-цзы отвечал: «Я впал в немилость у правителя, приходится бежать». Бэйго Сао сказал на это: «Желаю вам избежать беды». Янь-цзы тогда взмолился на колесницу и, глубоко вздохнув, сказал: «Мне, Ину, и впрямь пора уходить: я совершенно не знаю людей!»

Когда Янь-цзы уехал, Бэйго Сао позвал своего друга и сказал ему: «Я всегда радовался чувству долга у Янь-цзы, потому и просил у него на пропитание для матери. Но я слышал также, что тому, кто помог тебе прокормить родных, следует всегда помогать в несчастье. Ныне Янь-цзы впал в немилость, и я хочу своей смертью заслужить для него прощение».

Он оделся, покрыл голову шапкой и, в сопровождении друга, с мечом и бамбуковой корзиной в руках отправился ко двору правителя. Там он вызвал управляющего и сказал ему: «Янь-цзы — разумный муж в Поднебесной. Если он покинет нас, на Ци нападут. Лучше умереть, не увидев вторжения в свою страну. Своей головой прошу простить Янь-цзы». Затем он обратился к своему другу: «Положи мою голову в корзину и отнеси с моей просьбой». Затем он отступил на шаг и закололся. Его друг передал его голову с просьбой о прощении Янь-цзы, а затем обратился к присутствующим с такими словами: «Бэйго Сао умер за страну, а я умираю за Бэйго Сао!» И он также отступил на шаг и закололся.

Когда циский правитель услышал об этом, он пришел в ужас. Вскочил на колесницу и сам поспешил вслед за Янь-цзы. Настиг его уже на границе страны, стал упрашивать вернуться. Янь-цзы ничего не оставалось, как вернуться. Когда же он узнал, как Бэйго Сао ценой своей жизни добился для него прощения, он сказал: «Мне, Ину, и впрямь надо было бежать: я знаю людей еще меньше, чем думал!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О решимости / Цзе ли

Держать человека при себе, делая его знатным и богатым, легко; удержать человека, когда ему грозят бедность и ничтожество, трудно.

Когда цзиньскому Вэнь-гуну пришлось бежать из своей страны и он скитался по всей Поднебесной, он был

беден и унижен, и все же Цзе Цзытуй не покинул его, ибо у Вэнь-гуна было нечто, чем он его привлекал. Но когда он вернул себе свою страну и стал обладателем десяти тысяч колесниц, Цзе Цзытуй все же покинул его, так как у Вэнь-гуна уже не было ничего, чем он мог бы его удержать. Так что Вэнь-гун сумел то, что трудно, но не сумел того, что легко. Потому и не стал царем.

Когда цзиньский Вэнь-гун вернул себе страну, Цзе Цзытуй не принял от него награды, а сочинил стихи, в которых говорилось:

Был дракон в полете, парил над всем миром.
Пять змеек ему служили и были верны ему.
Вернулся дракон обратно, обрел свое прежнее место.
Четыре змейки с ним вместе купались в дождях и росе,
А пятая змейка отстала и в поле умрет одиноко.

Эти стихи он повесил на воротах гуна и скрылся в горах. Когда Вэнь-гун услышал об этом, он сказал: «О, это, наверное, Цзе Цзытуй!» И он удалился в уединенное жилище, переменял платье, а затем издал к сведению служилых людей и простолюдию такое повеление: «Тому, кто сумеет найти Цзе Цзытуя, будет пожалован ранг первого цина и миллион му земли».

Некто потом встретил в горах человека с котлом на плечах и в соломенной шляпе и спросил у него: «Не знаете ли, где может пребывать Цзе Цзытуй?» Тот отвечал: «Цзытуй не желает показываться на людях, он желает скрываться, что же я могу о нем знать?» Повернулся и ушел. До конца жизни больше никто его не видел.

Поистине разнообразны помыслы людей! В наше время стремящиеся к выгоде до света спешат ко двору и затемно возвращаются домой, в речах иссушают губы и срывают голос, день и ночь помышляют об одном, но никак не могут этого достичь. А есть и такие, кому оно само идет в руки, а он торопится от него поскорее убежать. Вот Цзе Цзытуй — как далек он от пошлости!

На востоке жил один служилый муж по имени Юань Цзинму. Он отправился путешествовать и по дороге был застигнут голодом. Разбойник из Хуфу по имени Цю увидал его и дал ему горшок каши, чтобы тот поел. Три раза глотнув, тот муж смог наконец открыть глаза и спросил: «Вы кто будете?» Разбойник ответил: «Я из Хуфу, зовут меня Цю».

Юань Цзинму сказал: «О, но ведь вы же вор! Как же можно меня кормить, когда мой долг не велит мне принимать от вас пищи!» И, опершись двумя руками о землю,

он попытался исторгнуть проглоченное, но ничего не вышло. Он лишь закашлялся, а затем лег ничком и умер.

Чжэнцы захватили город Ху в царстве Хань. Чжуан Цзяо ходил на город Инь в царстве Чу. Циньцы осаждали Чанпин в царстве Чжао.

В трех царствах — Хань, Чу и Чжао — военачальники и лица благородного происхождения отличались высокомерием. Служивые, солдаты и простолюдины — все отличались там большой силой. Поэтому они восставали друг на друга и друг друга убивали. Те, кто был послабее, просили пощады, дабы избежать смерти. Их солдаты стали в конце концов пожирать друг друга, не заботясь о долге, думая лишь о том, как остаться в живых. Как далеки все они от Юань Цзиньму, который, уже приняв пищу и возвратившись к жизни, все же не решился презреть долг и не умереть!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О честности / Чэн лянь

Камень можно разбить, но невозможно лишить его твердости. Киноварь можно растереть, но невозможно лишить цвета. Ибо твердость и красный цвет присущи этим вещам по природе. То же, что есть природа, получено от неба, и этого нельзя отнять по собственному произволу. То, что доблестного мужа, сознающего свою доблесть, невозможно обесчестить, имеет ту же причину.

В старину, накануне возвышения дома Чжоу, в царстве Гучжу было два служилых мужа, которых звали Бо И и Шу Ци. Как-то они сказали друг другу: «Говорят, что на западе появился некий бо, который скоро постигнет дао. Что же мы в таком случае здесь делаем?» И они отправились на запад в сторону Чжоу.

Но когда они достигли горы Ци, Вэнь-ван умер, ему наследовал У-ван. Тогда они решили задержаться, чтобы посмотреть, какова доблесть-дэ дома Чжоу.

У-ван послал своего брата Дана к Цзяо Гэ в Синэй, и тот заключил с ним союз. В договоре говорилось: «Дарую тебе трехкратное богатство, чтобы ты встал вровень с моими приближенными». Слова эти были трижды записаны слово в слово и скреплены кровью жертвенного животного. Одна из записей была зарыта в Синэе, две другие остались у заключивших союз. У-ван послал также воспитателя Шао к Вэй Цыкаю к горе Гунтоу и с ним также заключил союз на следующих условиях: «Дарую тебе пожизненный титул чжанхоу. Соблюдай обычные жертвы Инь с исполнением музыки «Сан

линь», а главным городом избери Мэнчжу». Слова эти были трижды записаны слово в слово и скреплены кровью жертвенного животного. Одна из записей была зарыта под горой Гунтоу, две другие остались у заключивших союз.

Когда Бо И и Шу Ци узнали об этом, они переглянулись и сказали друг другу со смехом: «Как странно! Это совсем не похоже на то, что мы назвали бы дао! В старину Поднебесной владел род Шэнь-нуна: жертвы тогда приносились в срок и со всей возможной почтительностью, но никто не вымаливал себе счастья. По отношению к людям правители были искренни и доверчивы; стремясь к порядку, они не были излишне требовательны. Радовались справедливости и творили справедливые дела, радовались порядку и приводили все в порядок. Но они вовсе не стремились основывать свои достижения на недостатках других и не возвышали себя, пользуясь людской подлостью. А ныне дом Чжоу, видя разброд и смуту в стане Инь, спешит навести там порядок, утвердить справедливость. И из-за далеко идущих планов не гнушается подкупом; чтобы запугать, готов прибегнуть к военной силе! Режут жертвенных животных, чтобы скрепить союз! Устраивают такие дела, как в Синэе и Гутоу, чтобы прославить свои деяния, возвеличить свои планы, угодить толпе! Убивают и идут походом ради выгоды! Всем этим лишь продлевают дни Инь, заменяют смуту мятежом. А ведь мы слышали, что мужи древности, видя, что мир погряз в смуте, не стремились любой ценой сохранить себе жизнь. Ныне Поднебесная объята мраком, доблесть-дэ дома Чжоу в упадке. Не лучше ли, вместо того чтобы позорить себя союзом с Чжоу, скрыться и тем сохранить собственную чистоту?» И они отправились на север к горе Шоуян и умерли там от голода.

В природе человека считать нечто важным, нечто — не важным. Когда человек считает нечто важным, он стремится сохранить это в целости; то же, что он считает не важным, он стремится подчинить тому, что он считает важным. Так и эти два мужа, Бо И и Шу Ци, пожертвовали собой, презрели жизнь, дабы утвердить свой образ мыслей. Им было заранее известно, что для них важно, что — не важно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О самостоятельности / Бу цинь

Жизнь, разумеется, важнее Поднебесной. И все же государственный муж жертвует собой ради других. В том, что он жертвует собой ради других, и заключается

его значение. Потому люди и не знают, каким путем его можно заполнить! Когда разумный правитель умеет отличить такого мужа, тот отдает все силы и знания; он прям в речах и готов к борьбе и не отступает перед грозящей бедой. Таковы были Юй Ян и Гунсунь Хун. В их времена их оценили Чжи Бо⁹³ и Мэнчан-цзюнь⁹⁴.

Нынешние властители радуются, когда им достается лишних сто ли земли, да и соседи со всех сторон спешат их поздравить. Но они не так уж рады, когда им удастся обрести истинного государственного мужа, да и поздравлять их с этим никто и не подумает. Это оттого, что они не прониклись пониманием того, что важно, а что не важно.

Тан и У располагали всего лишь тысячью боевых колесниц, но мудрые мужи шли к ним на службу. Цзе и Чжоу владели Поднебесной, но мудрые мужи их покидали. Конфуций и Мо-цзы были мужами в холщовой одежде⁹⁵, но ни обладатели десяти тысяч колесниц, ни повелители с тысячей колесниц не могли поспорить с ними в привлечении ученых мужей. В этом смысле знатности, благородства и богатства самих по себе еще недостаточно, чтобы привлечь на свою сторону достойного человека. Это становится возможным лишь после того, как сам распознаешь его.

Друг Юй Яна как-то спросил его: «Отчего вы так непоследовательны в вашем поведении? Прежде вы служили родам Фань и Чжунхан, но когда они были уничтожены чжухоу, вы и не помышляли о мести. Ныне же вы служите роду Чжи и, непонятно почему, всеми силами стремитесь отомстить за них!»⁹⁶

Юй Ян отвечал: «Я скажу, почему так. Когда я дрожал от холода, Фань и Чжунхан не одели меня, и когда я умирал от голода, они меня не накормили. Они заставили меня снискивать себе пропитание в числе тысяч прочих. Они смотрели на меня, как на одного из массы, и я служил им, как служил бы один из массы. Что же касается Чжи, тут было иначе. Когда я отправлялся с поручением, мне давали колесницу, а когда возвращался назад, меня ждал роскошный стол. При дворе толпилась масса народу, но он всегда оказывал внимание мне лично. Он рассматривал меня как государственного мужа. А когда меня считают государственным мужем, я и служу как государственный муж».

Юй Ян поистине был государственным мужем, но и он обращал внимание на отношение к нему лично. Не тем более ли человек средних достоинств?

Когда Мэнчан-цзюнь присоединился к союзу цзун⁹⁷, Гунсунь Хун ему сказал: «Не лучше ли было бы вам послать кого-нибудь на запад, к циньскому вану, имея в виду, что циньскому вану суждено стать властителем ди и царей. Вам

следует опасаться того, что, едва став подданным Цинь, вы нынешним присоединением к союзу цзун вызываете гнев у Цинь. Если же циньский ван окажется неразумным правителем, вам не поздно будет напасть на него, присоединившись к союзу цзун в последний момент».

Мэнчан-цзюнь на это сказал: «Что ж, прекрасно. Попрошу вас отправиться туда». Гунсунь Хун почтительно согласился и с десятью колесницами отправился в Цинь.

Услышав про его приезд, циньский Чжао-ван решил испытать его в разговоре, чтобы посмотреть, чего он стоит. Когда Гунсунь Хун предстал перед ним, Чжао-ван спросил: «Сколь велики владения Сюэ?» Гунсунь Хун ответил: «Сто ли». Тогда Чжао-ван рассмеялся и сказал: «В моем государстве тысяча ли, но я не решаюсь грозить прочим. Земли же Мэнчан-цзюня составляют всего сто ли, и он тем не менее мне, бедному, грозит. Как это возможно?» Гунсунь Хун отвечал: «Есть люди, которые считают своим долгом не служить сыну неба и не водить дружбы с чужоу. Когда таким удача, они не страшатся стать властителями, когда же неудача, не опускаются до того, чтобы служить другому. Таких у нашего правителя трое. Способных управлять так, что у них могли бы поучиться Гуань Чжун⁹⁸ и Шан Ян⁹⁹, способных радоваться долгу и выполнять порученное так, чтобы сделать своего властителя ба-гегемоном и царем,— таких у нашего правителя пятеро. Таких же, которые способны в качестве посланников в ответ на унижения, чинимые суровым властителем десяти тысяч колесниц, тут же, перед ним, пронзить себя мечом и кровью обогреть свои одежды,— таких у нашего правителя семеро».

Тогда Чжао-ван¹⁰⁰ рассмеялся и, извинившись, сказал: «Ну зачем же так. Я, несчастный, высоко ценю мэнчанского правителя и прошу вас передать ему от меня слова благоволения». Гунсунь Хун почтительно согласился.

О Гунсунь Хуне можно сказать, что он не позволял себя задевать. Ведь Чжао-ван был великим царем, а у Мэнчан-цзюня была всего одна тысяча колесниц. Стоять за тысячу колесниц так, чтобы тебя не могли унижить,— это действительно государственный муж!

Послесловие *

В восьмой год правления Цинь, год гуньтань, в осень, в день цзя-цзы, когда было новолуние, некто спросил меня

* Текст «Послесловия» добавлен по диссертации Г. А. Ткаченко и сверен с китайским оригиналом Л. Е. Померанцевой. О его месте в тексте см. наст. изд., с. 10. (Примеч. составителя.)

о двенадцати заметах. Я, вэньсиньский хоу, отвечал: «Некогда постиг я смысл поучения Хуанди Чжуансюю, там говорилось:

Есть великий Круг в вышине
И великий Квадрат в глубине;
Ты, сумевши это взять образцом,
Станешь матерью народу и отцом.

Так, известно, что во времена древности, когда царил мир, это происходило от подражания небу и земле. Двенадцать же замет есть то, на чем зиждутся порядок и смута, существование и гибель, есть то, чем познаются долголетие и ранняя смерть, счастье и несчастье. Когда наверху соразмеряются с небом, внизу сообразуются с землей, посередине считаются с человеком, тогда с очевидностью определяются истинное и ложное, возможное и невозможное. От неба движение, а лишь в движении жизнь. От земли устойчивость, а лишь в устойчивости покой. От человека доверие к нему, а лишь от доверия — повиновение. Если все трое исполняют должное, то без приложения усилий все идет как надо. Идет как надо — это значит следует своему внутреннему закону. Искусство следования — соблюдение внутреннего закона и смирение своего «я».

Если зрением пользоваться по собственному произволу, глаза ослепнут. Если слухом пользоваться по собственному произволу, уши оглохнут. Если способностью к размышлению пользоваться по собственному произволу, разум будет охвачен безумием. Если во всех этих трех сферах по собственному произволу обращаться с *цзин*, рассудку не под силу будет составить себе обо всем правильное представление. Когда же рассудок не обладает правильным представлением обо всем, уходят дни счастья, приходят дни невзгод. Это так же верно, как то, что солнце садится на западе.

Чжаоский Сян отправился на прогулку в своем парке. Когда он приблизился к мосту, конь его отказался идти дальше. Колесницей правил Цин Бин. Сян ему велел: «Пройди вперед и посмотри, что там под мостом. Похоже, там кто-то есть». Цин Бин пошел вперед, заглянул под мост, а там лежал Юй Ян, притворяясь мертвым. Он обратился к Цин Бину: «Уходи отсюда, у меня дело к твоему господину». Цин Бин отвечал: «В юности мы были с тобой друзьями. Ныне же ты задумал большое дело. Если я скажу об этом господину, я нарушу *дао* дружбы. Если же, зная, что ты задумал причинить зло моему господину, я не скажу ему об этом, я нарушу *дао*

подданного. Для человека в моем положении остается одно — умереть!» И, отступив, он наложил на себя руки.

Цин Бин, конечно, не стремился к смерти. Но он слишком серьезно смотрел на нарушение долга подданного и испытывал отвращение к нарушению *дао* дружбы. Поистине Цин Бин был добрым другом Юй Яну.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало / Юши-лань

У неба и земли есть начало. Небо неощутимо завершает все сущее, земля его оощутимо формирует. Единение в гармонии неба и земли — такова великая основа жизни. Холод и жара, солнце и луна, день и ночь дают представление об этом. Различия в облике, поведении и применении дают об этом знать.

Все существа, сочетаясь, завершаются и, расставшись, рождают. Познание сочетания есть познание завершеного; познание расставания есть познание рождения; тогда небо и земля покоятся в равновесии. При подобном равновесии все обретает свою истинную сущность и подобающий ей облик.

Небо состоит из девяти сфер, земля состоит из девяти областей. Девять гор стоят на земле, между ними девять проходов; меж вод девять равнин.

Существуют также ветры восьми родов и воды, бегущие шестью потоками.

Что значит девять сфер? В центре небо Срединное, его звезды Цзюэ, Кан и Ди. На востоке небо Лазурное, его звезды Фан, Синь и Вэй. На северо-востоке небо Изменчивое, его звезды Цзи, Доу и Цяньню. На севере небо Темное, его звезды Упюй, Сюй, Вэй и Инши. На северо-западе небо Сокровенное, его звезды Дунби, Куй и Лоу. На западе небо Блisterающее, его звезды Вэй, Мао и Би. На юго-западе небо Киноварное, его звезды Цзуйси, Шэнь и Дунцзин. На юге небо Пламенное, его звезды Юйгуй, Лю и Цисин. На юго-востоке небо Ярое, его звезды Чжан, И и Чжэнь.

Что значит девять областей? Между реками Хэ и Хань область Юй, земля Чжоу. Между двумя реками область Цзи, земля Цзинь. Между реками Хэ и Цзи область Янь, земля Вэй. Восток — область Цин, земля Ци. На реке Сы область Сюй, земля Лу. Юго-восток — область Ян, земля

Юэ. Юг — область Цзин, земля Чу. Запад — область Юн, земля Цинь. Север — область Ю, земля Янь.

Что значит девять гор? Куайцзи, Тайшань, Ваньу, Шоушань, Тайхуа, Цишань, Тайхан, Янчан, Мэнмэнь.

Что значит девять проходов? Дафэнь, Миньэ, Цзинюань, Фанчэн, Сяо, Цзинсин, Линцы, Гоучжу, Цзюйюн.

Что значит девять равнин? В У равнина Цзюйцой, в Чу равнина Юньмэн, в Цинь равнина Янхуа, в Цзинь равнина Далу, в Лян равнина Путянь, в Сун равнина Мэнчжу, в Ци равнина Хайюй, в Чжао равнина Цзюйлу, в Янь равнина Дачжао.

Что значит восемь ветров? Ветер с северо-востока Пламенный, ветер с востока Затопляющий, ветер с юго-востока Душистый, ветер с юга Великий, ветер с юго-запада Леденящий, ветер с запада Пронизывающий, ветер с северо-запада Резкий, ветер с севера Морозный.

Что значит шесть потоков? Река Хэ, река Красная, река Дальняя, река Черная, река Цзян, река Хуай.

Область посреди четырех морей простирается с востока на запад на 28 000 ли, с юга на север на 26 000 ли. До истоков рек 8000 ли, до их устья также 8000 ли. Текут они по шести долинам; прославленных рек шестьсот. Каналов больших 3000, малых 10 000.

Между четырьмя полюсами расстояние с востока на запад 597 000 ли, с юга на север также 597 000 ли.

Небо со звездами вращается, но небесный полюс неподвижен. К моменту зимнего солнцестояния солнце проходит самый длинный путь, обходя все четыре полюса; его тогда называют Темный Свет. К моменту летнего солнцестояния солнце проходит самый короткий путь, поднимаясь все круче. В тот момент, когда под звездой Шу день становится неотличим от ночи, на юге, в земле белых людей, Крепкое Дерево в полдень не отбрасывает тени, от крика не бывает эха. Солнце тогда в центре неба и земли.

Небо, земля и все сущее подобны телу человека. Это называется Великой Общностью. Множеству ушей, глаз, носов и ртов соответствует множество пяти злаков, холода и жара. Это называется множественным разнообразием, из коего образуются все существа. Небо отмеряет каждому.

Из всего, на что взирает мудрец, главный предмет интереса то, что ему сродни. Он погружен в то, что дает облик небу и земле, в то, что порождает громы и молнии. В инь и ян, тончайшем всего живого, обретают покой и равновесие люди и всякая тварь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Что сродни / Ин тун

Когда властитель или царь устремляется к славе, небо всегда подает знак обитающему под ним народу. Во времена Хуан-ди небо явило сперва огромного дождевого червя и огромную медведку. Хуан-ди тогда сказал: «Победила ци земли». И поскольку победила ци земли, он сделал своим цветом желтый и своим занятием земледелие.

Когда настало время Юя, небо явило сперва травы и деревья, не гибнущие осенью и зимой. Юй тогда сказал: «Победила ци дерева». И поскольку победила ци дерева, он сделал своим цветом зеленый и своим делом озеленение.

Когда настало время Тана, небо сперва явило металлическое острие, выступающее из воды. Тан тогда сказал: «Победила ци металла». И поскольку победила ци металла, он сделал своим цветом белый и своим занятием обработку металлов.

Когда настало время Вэнь-вана, небо сперва явило огонь и красного ворона с пурпурным посланием в клюве на алтаре земли Чжоу. Вэнь-ван тогда сказал: «Победила ци огня». И поскольку победила ци огня, он сделал своим цветом красный и своим занятием огонь.

На смену огню всегда является вода. Небо должно явить знаки победы ци воды, и, поскольку будет явлена победа ци воды, следует сделать своим цветом черный и своим занятием воду. Если люди не поймут, что наступает эра ци воды, она быстро сменится эрой земли. Небо ведь только указывает срок, а не трудится вместо земледельца на поле.

Что сродни — тянется друг к другу. Если ци сродни, они сливаются, если звуки сродни, они перекликаются. Когда берут ноту гун, все настраиваются на гун; когда берут ноту цзюэ, все настраиваются на цзюэ. Если вылить воду на ровную землю, вода соберется в самых сырых местах. Если разложить хворост на равном расстоянии от огня, первым загорится самый сухой. Облака в горах похожи на ростки и травы, облака над водами — на рыбу чешую. Облака в засуху похожи на дым и огонь, облака в дождь — на речные волны. Нет ничего, что не было бы сродни его породившему; это как бы в наставление человеку. Так вослед дракону является дождь, вослед телу — тень; и там, куда является войско, вырастают волчцы и чертополох.

Причину счастья или горя люди заурядные видят в судьбе, но откуда им знать, где ее источник. Если разорять гнезда

и уничтожать яйца, фениксы не явятся. Если выбивать зверя и питаться молодняком, цилинь не придет. Если спускать водоемы и брать рыбу, не останется ни драконов, ни черепах.

Не перечислить случаев, когда существа следуют общности. Родителям не следует унижать детей, правителю не следует унижать подданных. Когда правитель в согласии с подданными, они спешат к нему; когда в разладе, покидают его. Ибо если даже почитаемый правитель станет выдавать белое за черное, подданные не станут ему повиноваться. И отец, даже любимый, не увидит покорности от детей, если станет выдавать черное за белое.

Хуан-ди говорил:

Бескрайний и безграничный,
Проникся небесным величием,
Началу начал сродни.

Поэтому и говорится: быть сродни по плоти лучше, чем быть сродни по долгу; быть сродни по долгу лучше, чем быть сродни по власти; быть сродни по власти лучше, чем быть сродни по местопребыванию; быть сродни по местопребыванию лучше, чем быть сродни лишь по имени.

Властители были сродни по ци, цари были сродни по долгу, правители были сродни по власти, равнявшиеся в правители были сродни по местопребыванию. Оттого-то и были так слабы. Те, кто погубил себя, были сродни лишь по имени; эти были самыми жестокими.

Чем более жесток ум, тем более жестоко то, чему он сродни. Чем более тонок ум, тем тоньше то, чему он сродни. Посему, обращаясь к разуму, человек должен брать в нем тончайшее. Ибо тончайшее было тем, благодаря чему стали тем, чем они были, пять властителей и три царя.

Когда становление проходит в согласии с чем-либо, оно влечет всех сродных к единению с ним. Так Яо склонялся к добру, и все доброе обращалось к нему. Так Цзе склонялся к недоброму, и все недоброе к нему стекалось.

Во времена Шан говорили так: «Когда небо ниспосылает дурной знак или являет благое предзнаменование, это отнюдь не без основания». Этим хотели сказать, что счастье или горе суть следствия людских дел.

Посему, когда государство охвачено смутой, это не кончается лишь смутой, так как смута внутри влечет нашествие извне. Сама по себе смута внутренняя может и не привести к гибели, но, навлекая нашествие извне, она делает дальнейшее существование немыслимым.

То же и с войском. Его можно использовать ради достижения выгоды, можно использовать и для восстано-

вления справедливости. Когда идут походом на царство, охваченное смутой и потому слабое, по причине его слабости победитель приобретает выгоды. Когда же идут походом на царство, охваченное смутой, ради восстановления справедливости, победитель обретает славу. Слава, да еще и выгода — это, конечно, соблазняет и средней руки властителя, не говоря об умном. Посему уступка земель, подношение дорогой утвари, смиренные речи и изъявления покорности недостаточны для предотвращения вторжения. Предотвратить его может лишь твердое правление внутри.

При твердом правлении не станут посягать ни ищущие выгод, ни ищущие славы. Пускающиеся в походы и военные предприятия действуют если не ради выгоды, то ради славы. Если же не чают ни славы, ни богатств, то и сильным, обширным царствам ни к чему такого рода предприятия. Подтверждение этому мы найдем в истории Ши Мо, по возвращении из Вэй убедившего Чжао Цзянь-цзы оставить мысль о нападении на это царство. Чжао Цзянь-цзы знал, можно сказать, когда действовать, когда затаиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отринуть сомнения / Цюй ю

В наш век среди людей внимающих все больше таких, кто подвержен сомнениям. И оттого, что их обуревают сомнения, внимают они зачастую ложному. А по этой причине умножается и число сомневающихся. Проистекают же эти сомнения главным образом из симпатий и антипатий к тому или иному человеку. Тот, кто обратит лицо к востоку, не увидит стены на западе; и кто взирает в сторону юга, не заметит страны на севере. Ибо мысль его прикована к определенному месту.

У некоего человека как-то пропал топор. Он подумал на сына своего соседа. Глядя на то, как тот идет, он убеждался, что у него походка укравшего топор. Лицом он тоже смахивал на укравшего топор. Речи вел, как укравший топор. Все его дела и поступки были точь-в-точь как у укравшего топор. Но тут он взялся копать в овраге и нашел свой топор. На другой день, когда он опять пригляделся к сыну соседа, ни в его движениях, ни в его внешности он не обнаружил ничего, что напоминало бы укравшего топор. Сын его соседа не изменился, изменился он сам. Он изменился в том смысле, что исчезли его сомнения.

В Чжу было в обычае нашивать нагрудные панцири на шелк. Гунси Цзи сказал чжускому правителю: «Не лучше

ли связывать пластины крученым шелком? Ведь делает панцирь прочным отсутствие промежутков между пластинами. При нынешнем их заполнении панцирь лишь вполтину противостоит силе удара. Если взять крученый шелк, панцирь будет противостоять удару в полную силу, так как все промежутки будут заполнены». Чжуский правитель счел это резонным и спросил: «Где же нам добыть крученый шелк?» Гунси Цзи отвечал: «Пусть народ его делает». Чжуский правитель сказал: «Прекрасно!» — и отдал повеление, в котором чинам предписывалось использовать при изготовлении панцирей крученый шелк. Когда Гунси Цзи узнал, что его предложение принято, он, в соответствии с повелением, посадил всю семью за изготовление крученого шелка. Кое-кто возмутился этим и стал говорить: «Гунси Цзи хочет, чтобы панцири сшивались крученым шелком, потому что его семья производит много этого товара». Чжускому правителю это не понравилось, и он издал еще одно повеление, в котором чиновникам предписывалось при изготовлении панцирей не использовать крученый шелк.

Так чжуский правитель был введен в сомнение. Если сшивать панцири крученым шелком было разумно, то что же плохого было в том, что Гунси Цзи производил много этого товара? Если применение крученого шелка было неразумным делом, то что было бы проку, если бы Гунси Цзи не производил бы его вовсе? Производит или не производит Гунси Цзи крученый шелк — это отнюдь не достаточное основание для суждения о ценности его совета использовать крученый шелк. Это следует заметить себе.

В царстве Лу жил один урод. Как-то его отец на улице повстречал красавца Шан Го¹⁰¹. По возвращении домой он сказал своему соседу: «Шан Го все же далеко до моего сына!» Сын его был на самом деле выдающимся уродом, тогда как Шан Го — выдающимся красавцем. То же, что он счел выдающегося урода выдающимся красавцем, проистекало из сомнений, в которые его ввергла собственная любовь к сыну. Отличить же красивое от уродливого способен лишь тот, кто видит уродливое в красивом и красивое в уродливом.

Чжуан-цзы говорил: «Кто спокоен при игре на черепаце, забеспокоится при игре на серебряную застегжку и потеряет самообладание при игре на золоте. Умение тут одно, а из равновесия выводит то, что слишком увлекаются внешним. Когда же все внимание внешнему, пропадает внутренняя уверенность». О том человеке из Шу можно сказать, что он слишком был внимателен к внешнему.

Это также можно понять из истории с тем цисцем, которому хотелось золота, а также из истории о том, как завидовали друг другу последователи Мо-цзы: все они были чем-либо повержены в сомнение.

Один Лао Дань постиг это вполне. Остался возвышаться в одиночестве подобно могучему дереву, отрешившись от мирских забот и не стремясь ни к чему внешнему.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Слушать речи / Тин янь

Когда внимают речам других, не могут не составлять о них мнения. Ибо если не составлять мнения, невозможно отличить доброе от недоброго. Нет же большего несчастья, нежели не различать доброе и недоброе. Владыки трех династий царствовали именно потому, что умели отличить доброе от недоброго.

Ныне же мир пришел к упадку, дао мудрых царей предано забвению. Властители нашего века заботятся лишь о собственных удовольствиях и развлечениях: заняты тем, чтобы сделать огромными свои колокола и барабаны, роскошными свои павильоны и беседки, сады и парки. Посему они простирают руки к народному достоянию, мало раздумывая, предавая народ смерти ради удовлетворения своего гнева. Старые и слабые умирают от холода и голода, когда могли бы еще жить, сильные и крепкие терпят крах, нищают, впадают в униженное состояние. А тут еще гибель и плен, походы на ни в чем не повинные царства с целью приобретения земель, кары на ни в чем не повинный народ, налагаемые ради обретения выгоды. И при всем этом еще желают, чтобы храм предков пребывал в безопасности! Чтобы храмы земли и проса не подвергались опасности! Да что может быть труднее этого!

Если начнут говорить: «У такого-то много добра, а стены его дома обвалились от дождей, сторожевые псы передохли; силу его можно сокрушить!» — он будет обречен на уничтожение. Но если станут говорить: «В таком-то государстве голод, стены его столицы и городов невысоки, а оборона поставлена плохо; можно напасть и захватить его!» — государство же не будет уничтожено, тогда, можно сказать, отсутствует понимание аналогичности этих случаев.

В чжоуских книгах говорится: «То, что уходит, невозможно догнать и вернуть, то, что придет, невозможно поторопить. Поэтому тот, чей рассудок ясно отражает

современность, может быть назван сыном неба». Посему для того, кто в нынешнем веке способен отличить доброе от недоброго, не составит труда царствовать.

Корень доброго и недоброго — в долге, а не в склонности. Тем не менее велико стремление сделать своим дао любовь к выгоде.

Тому, кто уходит в море и в пути уже десять дней или даже месяц, радостно, когда встречается что-то похожее на человека. А через год пути ему уже радостно увидеть любую вещь, которую ему приходилось видеть в срединных царствах. Потому, чем больше оторван он от человеческой приязни, тем глубже его тоска по ней. Народ во времена смуты, давно не видящий мудрых царей, днем и ночью желает их появления, не знает отдыха в этом желании. Поэтому разумный царь или способный государственный муж, желающий облагодетельствовать черноголовых, не может не принимать этого во внимание.

Свершения предшествуют славе, служба предшествует свершению, речи предшествуют службе. Кто не способен к службе, не способен и выслушать речь. Кто не способен понять обстановку, не способен и найти нужные слова. И кто говорит другим ласковые слова, действительно так думает или блистает красноречием?

Цзао Фу сначала учился у Дай Доу. Пэн Мэн сначала учился у Гань Ина. Первый в управлении колесницей во всем следовал Дай Доу, второй в стрельбе во всем следовал Гань Ину; никто из них не уклонялся с пути учителя. Поэтому люди считали их искусство врожденным. Оттого что они не уклонялись с пути учителя, первый гонял коней далеко и быстро, второй без промаха разил злых и мятежных.

Так что каждый человек тоже должен на чем-то оттачивать свой рассудок, и лишь после этого он может научиться слушать, что ему говорят. Тот, у кого рассудок не отточен упражнением, должен оттачивать его через ученье. Ибо ни в древности, ни в наше время не бывало так, чтобы без ученья были способны слушать.

Примеры этому можно найти в том, как Бо Гуй пристыдил Хуэй-цзы, или как Гунсунь Лун¹⁰² уговаривал яньского Чжао-вана упразднить войско и как из-за этого ему пришлось познать нищету и одиночество; или как Кун Чуань разоблачил Гунсунь Луна; или как Ди Цзянь сделал затруднительным для Хуэй-цзы воспользоваться своими приемами. У этих четырех мужей суждения касались многого, а посему о них нельзя не поговорить отдельно.

В старину, когда Юй мыл волосы, ему трижды приходилось их придерживать руками; когда он ел, ему трижды приходилось вставать из-за стола, чтобы оказать внимание мужам, владеющим дао, и познать то, знания чего ему не хватало. Познание того, чего не хватает, приводит к отказу от борьбы за вещи; на смену ей приходит спокойное и размеренное ожидание. И так же как все такому само собой достается, так же и все ему само собой высказывается.

Не таков правитель гибнущего царства: он склонен считать себя разумным и принижать достоинства других. Когда же достоинства других принижаются, они при речах лицемерят и не высказывают всего, что думают. Тот же, кто слушает, остается весьма доволен собой, но в суть вещей не проникает. Тут уж и при обладании всем миром добра ждать не приходится! Ибо это не что иное, как затмевать свет, расшатывать устойчивое, разрушать целостное и нарушать покойное. По этой причине нашли свою гибель Инь и Чжоу, нашел свою смерть Би Гань. И примеров такого рода не счесть.

В природе властителя ошибаться не в том, в чем у него имеются сомнения, а в том, насчет чего у него никаких сомнений нет. Ошибаться не в том, что он полагает неизвестным, а в том, что он полагает совершенно известным. А посему, хотя бы и не было сомнений, и было бы все известно, все же надлежит это исследовать всеми способами, измерить всеми доступными мерами и испытать на все лады снова и снова. Только при этом условии не может быть упущений в определении истинного и ложного, а равно ошибок в наградах и карах.

Как вышло, что Яо сумел отыскать мудрейшего в Поднебесной и поручить дела Шуню? Как вышло, что Шунь сумел отыскать мудрейшего в Поднебесной и поручить дела Юю? В суждениях своих они полагались всего лишь на собственный слух, вот и все. Кто способен распознавать, полагаясь на собственный слух, того можно считать осознавшим сущность жизни и судьбы.

В наше время те, кто ослеплен, не в состоянии познать сущность жизни и судьбы. Еще хуже те, кто не в состоянии даже определить толком, из чего проистекают свершения пяти предков и трех царей. А стало быть, откуда же им знать, что невозможно совершить в собственные их

времена, откуда же им знать, чего не хватает в них самих? Нет ничего выше, чем знать эти вещи. Затем следует знание того, что этого не знают. Когда не знают, спрашивают, когда не способны, учатся. Чжоуская поговорка гласит: «Кто сам вспомнит, что надо учиться, тому не поздно наверстать».

Кто желает научиться быть разумным, должен поинтересоваться, откуда расцвет трех династий? А корень всем бедам в том, что считают себя знающими тогда, когда ровно ничего не знают. Слава не возьмется сама собой, и свершения сами собой не появятся. Государство не может существовать просто так: для этого необходимы разумные люди. Дао разумного человека огромно, но его трудно распознать, оно необычайно, но его трудно увидеть. Поэтому там, где является разумный человек, но его не слушают, слова его не западают в души людей. А когда слова его не западают в души, смысл их не осознают глубоко. Нет же ничего хуже, чем неглубокое осознание речей разумного человека.

Там, где правитель разумен, в мире порядок, и тогда разумный занимает высокое положение. Там, где правитель невежда, в мире смута, и тогда разумный занимает положение низкое. Ныне дом Чжоу близок к гибели, сына неба больше не существует. Большой же смуты, чем отсутствие сына неба, не бывает. Когда нет сына неба, сильные притесняют слабых, многочисленные насильничают над одинокими, а войны сменяют друг друга. От этого нет покоя. Таково наше время.

Посему тому, кто в наше время стал искать бы мужей, владеющих дао, пришлось бы отправиться средь четырех морей в горные лощины и удаленные сокровенные места. Только там, при благоприятном случае, можно их еще найти. Но стоит их найти, как ни одно желание не останется неисполненным, ни одно деяние не останется несвершенным.

Тай-гун ловил рыбу в источнике Цзы, ибо наступили времена Чжоу. Но Вэнь-ван сумел найти его и с его помощью стал царствовать. У Вэнь-вана была тысяча колесниц, а Чжоу был сыном неба, и все же сын неба утратил все, а владелец тысячи колесниц все обрел, ибо один знал, а другой нет.

Заурядные люди, простой народ действуют, не успев еще познать, повелевают, не успев еще оказать почести. Но мужи, обладающие дао, всегда сначала оказывают почести и разузнают и лишь потом могут употребить в полной мере разум и способности человека.

Примеры тому в том, как Шэн Шу давал советы Чжоу-гуну, а тот поистине умел его выслушать; или как цидский Хуань-гун принимал невысокого чином Цзи; или

как вэйский Вэнь-хоу принимал Тянь Цзыфана. Все они поистине умели оказать почести мужам достойным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Внимание корню / У бэнь

Заглянем в записи древних времен: среди помощников трех царей не было такого, чье имя бы не прославилось и плоды чьих трудов не покоились бы в безопасности. Это оттого, что заслуги их поистине велики.

В Песнях говорится:

Вот небо все темней,
И облака все гуще.
Ты поле им полей,
И мое получше.

Помощники трех царей способны были службу общему обращать также и на пользу себе лично. Помощники заурядных правителей в своих стремлениях к славе и плодам своих деяний сродни помощникам трех царей. Но все они были опозорены, а плоды их трудов всегда оказывались под угрозой. Все они страдали оттого, что больше заботились о себе, чем о государстве, и не смущались тем, что их правители не были самыми достойными в Поднебесной. Все беспокоились о том, что дом их недостаточно богат, а не смущались тем, что государство их невелико.

Это все равно что желать славы, все больше погружаясь в позор, или стремиться к покою, увеличивая опасности. Корень покоя или опасности, славы или позора заключен в правителе, корень же правителя — в храме предков. Корень храма предков — в народе. Порядок же или мятеж в народе зависит от соответствующих чинов.

В Переменах говорится: «Всегда следуя дао, можно ли допустить ошибку?» Смысл этих слов в том, что если в коренном нет отклонений, то и в последствиях действий всегда будет удача.

Но среди ныне занимающих чиновные посты царит суета и смута; а стоит им завидеть богатство как они жаждут его тут же заполучить. Собственную близость к правителю они стремятся обратить себе на пользу, а в обращении с народом нерешительны и трусливы. Разве таким образом можно заслужить уважение повелителя?!

Предположим, что некто станет следить за своим поведением, рассчитывая избежать позора, но стоит ему оказаться перед богатством, вещами или деньгами, как он тут же начнет все обращать себе на пользу. Если он и приобретет богатство таким образом, то не иначе как став разбойником.

Ибо слава и богатство не приходят сами по себе. Они есть следствие заслуг на службе. Если же служба незначительна, а славы за нее желают великой, то это низость.

Стремление приобрести богатство и славу без соответствующих заслуг — беззастенчивость. Дао же низости и беззастенчивости не к лицу благородному мужу.

Сейчас многие говорят: «Пусть высшие возьмут меня на службу, и страна не будет знать бед». Но тем, кто берет таких на службу, не следовало бы так поступать; лучше было бы им позаботиться о том, чтобы сделать разумными самих себя. Ибо если им самим есть о чем позаботиться в отношении себя, то, будучи принятыми на государственную службу, как могут достичь того, чтобы забот не было у государства? Когда человек имеет нечто в руках, глупо с его стороны, если он станет бросать то, что имеет, и потянется за тем, чего он не имеет. Если не можешь навести порядок в стране, наведи хотя бы порядок у себя дома. Когда во внутренних делах сохраняешь родственность в отношениях с чужими, поддерживаешь связи с друзьями — это можно уже считать достижением. Но если в отношениях с родней не видно сыновнего почтения, а отношения с друзьями неискренни, тут уж никаких достижений нет, и к добру это никак привести не может.

Посему когда рассматриваешь человека, то не суди по тому, чего он еще не достиг, но употреби то, чего он уже достиг, и тогда тебе станет ясно, чего он еще не достиг. В древности те, кто шел на службу к правителям, непременно сначала показывали свои способности и лишь затем получали назначение; сначала доказывали делом свою силу и лишь потом поступали на службу.

Даже если властитель будет слишком щедр, подданный не должен всего принимать. В Больших одах говорится: «Шанди дарует тебе, да не усомнишься в душе», — тут речь о поведении верноподданного.

Примеры этому также в том, как чжэнский правитель осведомлялся о верности долгу Бэй Чжэня или как Бо И отвечал на вопросы наследника вэйского престола, чтобы тот не увеличивал налогов. Эти два мужа были близки к знанию корня.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Речь о великом / Юй да

В старину Шунь имел намерение охватить древность и современность, но не преуспел в этом — он сумел лишь стать ди. Юй имел намерение стать ди, но не преуспел

в этом — он сумел лишь исправить нравы диких племен. Тан имел намерение продолжить дело Юя, но не преуспел в этом — он сумел лишь привести к повиновению четыре пограничья. У-ван имел намерение стать вровень с Таном, но в этом не преуспел — он сумел лишь идти путем царей. Пять бо имели намерение продолжить дело трех царей, но в этом не преуспели — они сумели лишь стать повелителями чжухоу. Конфуций и Мо Ди имели намерение утвердить в мире великое дао, но в этом не преуспели — они сумели лишь сделать известными свои имена.

Так что даже когда великий долг не имеет успеха, все же некие свершения есть.

В записях династии Ся говорится: «Доблесть-дэ сына неба всеобъемлюща и всепроникающа, она духовна и в ратных, и в мирных деяниях». Посему внимание должно быть уделено служению, истинное служение есть служение великой цели.

Когда земли обширны, в них водятся звери чансян, бутин, диу, цюньди, тяньди и бучжоу. Когда горы велики, в них водятся тигры, барсы, медведи, обезьяны и мар-тышки. Когда воды глубоки, в них плавают большие и малые драконы, черепахи, крокодилы, угри и осетры.

В записях династии Шан говорится: «В храме предков пяти поколений можно видеть чудеса, у властелина десяти тысяч колесниц могут быть удивительные замыслы». В пустом пространстве не может быть озер. В колодце не может завестись большая рыба. В молодом лесу не вырастет высокое дерево. При любых замыслах о вещах, дабы они свершились, следует исходить из великого, многого и долгого. Тогда в них можно поверить.

Конфуций рассказывал: «Ласточки борются из-за удобного места под крышей дома, молодые и старые кормят друг друга из клюва и весело щебечут вместе. Они считают себя в безопасности. И даже когда дает трещину дымовая труба, огонь начинает лизать балки стропил, ласточки тем не менее ведут себя по-прежнему. В чем же причина? В том, что они не знают, что беда скоро постигнет их самих». Среди подданных мало кто превосходит в разуме этих вот ласточек. И вот эти подданные, продвигаясь в рангах и жаловании, приобретая богатство и знатность, собирают отцов и сыновей, старших и младших братьев и своих родственников в одном государстве, весело щебечут вместе, но алтари земли и проса уже под угрозой. Дымовая труба совсем рядом, но они до последнего момента этого не сознают, ибо рассудок их ничем не отличается от рассудка ласточек.

Поэтому говорится: «Когда в мире великая смута, ни одно государство не может оставаться в безопасности; когда охвачено смутой целое государство, в нем ни в одной семье не будет покоя; когда смута в семье, ни один ее член не может быть в покое». Поэтому и говорят, что для того, чтобы привести в порядок малое, нужно, чтобы в порядке было большое; чтобы большое было в безопасности, нужно, чтобы в безопасности было малое. Только лишь, когда большие и малые, благородные и ничтожные полагаются друг на друга, способны они все вместе достичь радости. Но для того, чтобы утвердить в порядке ничтожных и малых, необходимо начать с благородных и великих.

Примеры этому можно найти в том, как Бо И давал советы относительно искусства царствовать вэйскому наследнику, или как Ду Хэ поучал чжоуского Чжао Вэнь-цзюня относительно умиротворения Поднебесной, или как Куан Чжан поставил в затруднительное положение Хуэй-цзы, дабы привести на царство циского царя.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сыновняя почтительность / Сяо син

Всякий, кто в мире правит страной или домом, должен сперва обращаться к корню, а затем уже заботиться о макушке. Под обращением же к корню подразумевается не пахота, боронение, сев или прополка, а обращение с теми, кто этим занят. Под обращением же с людьми понимается не обогащение тех, кто беден, или умножение тех, кто малочислен, а обращение к самому корню их жизни. Среди того же, чему следует служить, нет ничего драгоценнее сыновней почтительности.

Когда почтителен владыка людей, тогда имя его становится прославленным, низшие покорны и послушны ему, все в Поднебесной радуется. Когда почтителен высокий чин, ему верны служащие ему правители — они скромны на своих постах, а в трудный момент предпочитают измене смерть. Когда почтителен простой человек, он прилежен в пахоте и прополке, тверд в обороне и не склонен к бегству с поля боя.

Почтительность составляла главную заботу трех властителей и пяти предков и служила им путеводной нитью во всех делах. Если и существует некое умение, через которое достигаются все блага и устраняется все зло, а Поднебесная приводится в покорность — то это единственно почтитель-

ность. А посему при суждении о людях нужно прежде всего обращать внимание на то, к чему они тянутся, а уж затем на то, чего они сторонятся; прежде всего выяснять, что они ценят, а уж потом смотреть, что они презирают.

Если, положим, некто, кто в своем поведении ценит отношения с близкими ему людьми, в то же время не склонен к тому, чтобы презирать отношения с чужими, то можно сказать, что это и есть серьезное отношение к дао почтительности. Именно благодаря этому и привели к порядку Поднебесную первые цари. Ибо кто любит своих близких, не посмеет причинить зло и другим людям, и кто почитает свою родню, не станет унижать и чужого. Любовь и почтение проявляются по отношению к своим близким, а блеск и слава их простираются на весь народ, достигают всех четырех морей. Это и есть почтительность, необходимая сыну неба.

Цзэн-цзы сказал: «Тело — это то, что оставлено нам в наследство родителями. Можно ли быть непочтительным к тому, что составляет родительское наследие?» Без должного внимания относиться к месту жительства — непочтительность. Утратить верность повелителю — непочтительность. Исправлять свою должность без усердия — непочтительность. Не оправдывать доверие друга — непочтительность. Утратить мужество на поле боя — непочтительность. Кто не преуспел в этих пяти видах добродетели, тот принесет зло своим близким; так можно ли быть непочтительным?!

В «Шан шу» сказано: «В перечне трехсот злодеяний нет более тяжкого, нежели непочтительность».

Цзэн-цзы говорил: «Было всего пять вещей, с помощью которых прежние цари привели к порядку Поднебесную: почтение к доблести-дэ, почтение к благородному происхождению, почтение к старости, уважение к старшему и любовь к младшему. Именно этими пятью вещами прежние цари умиротворили Поднебесную». Почтение к дэ, ибо дэ близка мудрости; почтение к благородному происхождению, ибо оно свойственно правителям; почтение к старости, ибо она свойственна родичам; уважение к старшему, ибо старшинство за старшим братом; любовь к младшему, ибо молод и младший брат.

Цзэн-цзы говорил: «То, что порождено отцом и матерью, сын не смеет умерщвлять, то, что установлено отцом-матерью, сыну не должно отменять, и то, что сохраняется в полноте отцом-матерью, сын не смеет делать ущербным. Ибо почтительным сыном можно назвать лишь того, кто не пустится в плавание, даже если есть

лодка, кто не отправится в путь, даже если перед ним открывается дорога—с тем чтобы сохранить в целости свое тело для принесения жертв в храме предков».

Существует пять сторон вскармливания [жизни]: путь вскармливания [тела]—возведение в соответствии с нормами дворцов и палат, стремление сделать постели и циновки покойными, умеренность в еде и питье. Путь вскармливания [глаза]—употребление всех пяти цветов по порядку, распределение пяти оттенков по ранжиру, правильное чередование полосатого и пятнистого. Путь вскармливания [уха]—упорядочение шести тональностей, распределение пяти нот, приведение в гармонию восьми полутонов. Путь вскармливания [рта]—употребление правильно приготовленных пяти злаков и хорошо сделанных блюд из пяти домашних животных, умелое сочетание жаркого и приправ. Путь вскармливания [воли]—окружение себя милыми лицами, приветливыми речами, приятными манерами. Когда эти пять сторон употребляются к месту, ко времени и в должной степени—это и называется умением вскармливания старших.

Юэчжэн Цзычунь¹⁰³ как-то спускался из зала и вывихнул себе ногу. После выздоровления он несколько лун не покидал дома и был как будто опечален. Слуги стали справляться: «Господин, вы после того, как повредили ногу, спускаясь из зала, уже как будто выздоровели, но из дому не выходите вот уже несколько месяцев и как будто помрачнели ликом. Осмеливаемся спросить о причине этого». Юэчжэн Цзычунь отвечал: «Хорошо, что вас это интересует. Я узнал об этом от Цзэн-цзы, он—от Чжунни: то, что рождают отец и мать, есть некое целое, и сын должен в целости возратить это, не нанеся ущерба своему телу, не повредив ни в чем своей внешности—только тогда он может быть назван почтительным. Благородный и шагу не ступит без того, чтобы не помнить об этом. Я не забыл дао сыновней почтительности, потому и мрачен». Потому и говорится: тело не принадлежит нам в качестве собственности—оно лишь наследство, полученное от предков и родителей.

Основное, чему необходимо учить народ,—сыновняя почтительность. Осуществление почтительности на практике означает вскармливание старших. Но и тот, кто готов вскармливать, испытывает затруднение в том, чтобы делать это с почтительностью. Тот, кто достиг умения делать это с почтительностью, все же с трудом добивается естественности; тот, кто добился естественности, с трудом сохраняет ее до конца, [до смерти родителей]. И лишь тот, кто уже после

того как родителей давно нет, так ведет себя по отношению к себе, чтобы не бросить ни малейшей тени на их честное имя, может быть назван вполне постигшим умение быть почтительным [до смерти родителей].

Доброжелательность — это доброжелательность по отношению к этому образу мыслей. Ритуальная учтивость и есть учтивость в этом смысле. Долг есть долг в этом смысле. Верность есть верность этому. Сила есть твердость в следовании этому. Радость — в следовании этому, горесть — в противоречии этому. Радостен будет тот, кто следует этому, и горестен — тот, кто этому воспротивится!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Самое вкусное / Бэнь вэй

Когда в поиске начинают с корня, достигнут желаемого через декаду, когда же в поиске начинают с верхоушек — только напрасно тратят силы. Ибо установление заслуг и славы зависит от корня дела. Таково изменение, совершаемое мудрым. Без мудрого же кто способен познать, что есть дело и что есть преобразование? Поэтому и говорится: корень всему в обретении мудрого.

Девушка из рода Юшэнь¹⁰⁴ собирала тутовые листья и нашла в дупле грудного младенца. Она поднесла его в дар правителю, и правитель велел повару кормить его. Когда же стали выяснять, откуда взялся младенец, выяснилось, что его мать жила над рекой И. Когда она забеременела, ей во сне явился дух (шэнь) и изрек: «Когда из ступки покажется вода, иди на восток и не оборачивайся». На другой день она увидела, как в каменной ступе выступила вода, рассказала об этом соседям и отправилась в путь. Отошла на восток десять ли и, оглянувшись, увидела, что весь ее город ушел под воду, а сама она в наказание за это превратилась в полный тут. Поэтому правитель повелел назвать его И Инем. Отсюда и пошла история о рождении И Иня из пустого тута.

Когда он вырос, он стал очень мудрым. Тан прослышал об И Ине и послал человека в местность рода Юшэнь, чтобы пригласить его. Но глава рода Юшэнь не согласился. Однако сам И Инь стремился на службу к Тану, и тогда Тан женился на одной из дочерей главы рода Юшэнь. Глава рода Юшэнь был счастлив и послал И Иня сопровождать невесту.

Ибо нет ничего, чего бы не сделал мудрый властитель, если он стремится заполучить на службу мужа, владеющего

дао, и нет такого, чего не совершил бы муж, владеющий дао, если он стремится попасть на службу к мудрому властителю. Обретая друг друга, они пребывают в радости. Без всяких ухищрений сближаются они, без всяких условий доверяют друг другу. Они вместе изнуряют разум и истощают силы перед лицом опасностей и в тяжелые времена. Они радуются этому. Так и совершаются великие дела, так достигается величайшая слава. Никто не в состоянии совершить их в одиночку, ибо среди мужей находятся нелюдимы и самонадеянные, а среди властителей попадаются заносчивые и не терпящие советов. Тут уж былой славе приходит конец, устой государства под угрозой. Потому-то Хуан-ди посылал [людей] во все концы [страны] в поисках мудрецов, потому-то и преуспели Яо и Шунь лишь после того, как они обрели поддержку Бо Яна и Сюй Эра. Доблесть-дэ любого мудреца в том, чтобы распознать мудреца.

Бо Я играл на цине, а Чжун Цзыци слушал его игру. Перебирая струны, он предавался мыслям о горе Тайшань. Чжун Цзыци сказал: «Как прекрасно звучит цинь! Величественно, как гора Тайшань!» Через некоторое время Бо Я предавался мыслям о потоке, и Чжун Цзыци снова сказал: «Как прекрасно звучание вашего циня! Плавное, как течение воды!» Когда через какое-то время Чжун Цзыци умер, Бо Я разломал свой цинь, порвал струны и до конца своей жизни больше никогда не прикасался к циню, полагая, что на свете больше нет людей, достойных того, чтобы им играли.

Конечно, это касается не только игры на цине. С мудростью то же самое. Даже если имеются мудрецы, но им не оказывают должного приема, вряд ли они стали бы исчерпывать на службе свою мудрость. Так при неумелом управлении и самый сильный скакун не сумеет сам покрыть в день тысячу ли!

Когда Тан заполучил на службу И Иня, он в тот же день устроил очистительную молитву в храме предков — провел мимо рядов с факелами и обмазал кровью жертвенных свиней. На другой день он созвал двор, чтобы представить его, после чего он беседовал с Таном за тонкими кушаньями.

Тан спросил: «Можно ли узнать, о чем вы думаете?» И Инь отвечал: «Ваша страна невелика, в ней не может быть всего, что ни на есть. Все, что ни на есть, может у вас появиться лишь после того, как вы станете сыном неба». Из трех видов употребляемых в пищу животных живущие в водоемах всегда отдадут рыбой, плотоядные — зловонием, а травоядные — козлятиной. Все эти малоприятные

вещи можно, положим, сделать приятными на вкус соответствующей готовкой.

Если говорить о корне всякого вкуса, то начало всему — вода. Пять видов вкусов и три вида продуктов, девять способов варки и девять способов приправы достигаются работой с огнем. Иной раз нужно готовить быстро, иной раз — медленно, чтобы устранить присущие продуктам рыбный, зловонный или козлий запах, необходимо не допускать ошибки в ходе готовки. Приправляя блюдо, нужно соблюдать меру и порядок в применении сладкого, кислого, горького, острого и соленого. Согласование их — дело чрезвычайно тонкое, ибо для каждого существуют свои правила.

Превращения, совершающиеся в тагане-котле, — нечто чудесное и непостижимое, что невозможно выразить словом и нечему уподобить при всем желании. Это столь же тонкое искусство, как стрельба из лука и управление колесницей, как игра инь-ян, как смена четырех сезонов — чтобы долго варилось и не разваривалось, было прожаренным, но не пережаренным, чтобы сладкое не становилось приторным, кислое — вяжущим, соленое — пересоленным, острое — пряным, пресное — безвкусным, сочное — жирным.

Самые прекрасные из мясных блюд — губы орангутанга, жаркое из птицы хуань-хуань, хвосты крупных ласточек, лапа зверя шудан, хвосты яков и хоботы слонов; яйца фениксов, что находят к западу от Текучих песков Люша и к югу от Красных гор Даньшань — они идут в пищу у народа страны Во.

Самые тонкие рыбные блюда — карась из озера Дунтинху и анчоус из Восточного моря; рыба чжубе — красная черепаха с шестью ногами и как бы покрытая жемчугом и белым нефритом из реки Лишуй; рыба яо из реки Гуань, напоминающая видом карпа, но с крыльями — она по ночам часто перелетает из Западного моря в Восточное.

Самые прекрасные блюда из овощей готовятся из водорослей с горы Куньлунь и плодов Древа Долголетия Шоуму; на восток от гор Чжигушань, в стране Чжунгун имеются листья красно-черных деревьев. На юг от Юймао на самом южном утесе растет плодтравя, называемая Древо Чудес, цветом как изумруд; есть еще рута душистая с горы Хуаян и сельдерея с озера Юньмэн; с озера Тайху — цветы ароматного лука, из Глубокой Пучины Циньюань — трава туин.

Из приправ лучшие — имбирь из Янпу, корица из Чжаояо и Лююэ.

Из хлебов — пшеница с Черных гор Сюаньшань, просо с гор Бучжоу и из Яншань, черное просо с Южного моря.

Воды лучшие — сладкая роса из Саньвэйшань, вода из родников на Куньлунь, с холмов Цзучзян, из нефритового Пруда Яочи, из ключей с Белых гор Байшань, с горы высоких источников Гаоцюаньшань.

Лучшие из фруктов — груша-бессемянка шатан; на север от гор Чаншань на равнине Тоюань растут белые плоды, которыми питаются божества-предки; на восток же от гор Цзи в месте, называемом Синяя Птица (Цинняо), растет сладкая айва; есть еще мандарины с берегов реки Цзян, помпельмусы из Юнмэна, а также каменные ушки из верховьев Ханьшуй.

Но для того, чтобы все это сюда доставить, нужны еще лучшие из коней — масти «синий дракон», запряженные в колесницы «летающий ветер». Так что без того, чтобы сначала стать сыном неба, невозможно все это заполучить. А сыном неба силой не станешь — нужно прежде узнать, что такое дао.

Те же, кто имеет дело с дао, занимаются прежде всего не чем либо внешним, но только собой. Когда сам он достигает зрелости, тогда он и удостоивается положения сына неба. Когда же он занимает положение сына неба, то все, что он ни пожелает к столу, — перед ним. Поэтому следует занять близким, чтобы затем достичь и дальнего!

Растить себя, чтобы быть в состоянии растить людей, — вот самая суть дао мудрого царя. И достичь этого, увы, не так просто!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ О времени / Шоу ши

Мудрец ведет дела так, как будто никуда не спешит, но везде поспевает; как будто медлит, но скор; ибо он ждет своего часа.

Царь Цзи Ли умер от трудов. Вэнь-ван был этим опечален, но все же не забывал об оскорблении в Юли. Но время тогда еще не пришло.

У-ван служил ему днем и ночью, не зная отдыха, но он так же не забывал о позоре яшмовых ворот. Он оставался на троне двенадцать лет, пока не свершил дело в день цзя-цзы. Ибо нелегко дожидаться своего часа.

Тай-гун Ван был на службе у восточных и. Он мечтал привести мир к единым порядкам, но у него не было мудрых владык. Он прослышал о мудрости Вэнь-вана. Поэтому он ловил рыбу в реке Вэй, чтобы увидеть его.

У Цзысуй желал увидаться с царем У, но ему это не удавалось. Тогда один гость поговорил об этом с царским сыном Гуаном. Они увиделись, но ему не понравилось лицо У Цзысуй, и он, не слушая его поучений, отклонялся. Гость тогда вновь спросил царевича Гуана об У Цзысуй. Царский сын Гуан ему сказал: «Лицо его мне неприятно». Гость передал услышанное У Цзысуй. У Цзысуй сказал: «Этому легко помочь. Пусть царский сын находится в зале за двойным занавесом, чтобы мне видны были только его одежда и руки, а я стану говорить перед ним».

Царский сын согласился на это. Когда У Цзысуй произнес свою речь до половины, царский сын Гуан откинул занавес, взял У Цзысуй за руку и сел рядом с ним. Когда тот кончил говорить, царский сын Гуан возликовал.

У Цзысуй, уверившись в том, что во главе царства У встанет царский сын Гуан, вернулся к себе и в течение семи лет возделывал поля. Когда царский сын Гуан сменил на царстве усюго царя Ляо, он взял к себе на службу Цзысуй. Цзысуй установил правление на основе закона, приветил разумных и добрых, нашел способных мужей, вымуштровал армию.

Через шесть лет таких трудов была одержана большая победа над царством Чу при Боцзюэ. В девяти сражениях чусцы были девять раз побеждены, бегущих преследовали тысячу ли. Царь Чжао бежал из своего царства, чуская столица Ин была захвачена. Цзысуй стрелял в царский дворец, могиле чуского царя Пина было дано триста плетей. Так, даже возделывая поля, Цзысуй не забывал о мести за отца. Он лишь ждал своего часа.

Среди моистов был муж по имени Тянь Цзю, желавший увидаться с циньским царем Хуэем. Три года прожил он в Цинь, но случая для встречи не представилось. Некий гость поведал о нем в разговоре с чуским царем. Тогда он отправился в Чу и предстал перед царем. Чуский царь обрадовался ему, пожаловал ему ранг цзянцзюня и отправил его в Цинь. Вследствие этого он прибыл в Цинь и увиделся с царем Хуэем. И сказал об этом: «Разве дорога в Цинь лежит через Чу?»

Так что бывает далекое близким и близкое далеким. Со временем то же. Обладая умом Тана и У, но не обладая временем Цзе и Чжоу, невозможно преуспеть, так же как невозможно преуспеть, обладая временем Цзе и Чжоу, но не обладая умом Тана и У. Поэтому мудрец следует за временем, как тень следует за путником, не смея отстать. Поэтому муж, владеющий дао, не видя

удобного момента, скрывается в нетях, терпеливо дожидаясь своего часа.

И когда приходит час, человек в холщовой одежде становится сыном неба, и владетель тысячи колесниц становится властителем Поднебесной, и ничтожнейший становится советником трех царей, и простой человек сводит счеты с обладателем десяти тысяч колесниц.

И потому ничто не ценит мудрец так, как время.

Когда лед сковывает землю, Хоу Цзи не приступает к севу. Чтобы Хоу Цзи приступил к севу, ему нужно дожидаться весны. Поэтому человек, даже обладающий знаниями, не добьется успеха, если не будет учитывать время.

Когда листва покроет лес, можно рвать ее хоть до вечера, но конца ей не будет видно. Но стоит выпасть осеннему инею, и лес будет стоять голым.

Трудность или легкость любого дела не в его малости или величии, а в чувстве момента.

Чжэнский Цзы Ян¹⁰⁵ расстался с жизнью, когда гнались за бешеным псом. Циский Гао Го расстался с жизнью, когда гнались за убежавшим волком. Толпа убила Цзы Яна и Гао Го просто из-за своей массы. Когда наступит время, даже пес или вол могут увлечь за собой людей, не тем более ли человек?

Голодный конь хранит молчание в стойле, если он не видит сена. И голодный пес молчит в конуре, если не видит костей. Но если они завидят кость или сено, их порыва не удержать.

Народ и в смутное время хранит молчание, если он не видит умного. Но если он завидит умного человека, его не удержать в его стремлении, ибо он стремится не телом, а душой.

Царство Ци из-за своих претензий на титул Восточного ди повергло Поднебесную в опасность, но царство Лу, воспользовавшись этим, взяло Сюйчжоу. Ханьданы из-за Шоулина ввергли в опасность весь народ, но Вэй, воспользовавшись этим, взяло Цзяньши. То, что Лу и Вэй, при своих малых размерах, все же оба сумели стать большими царствами, объяснялось их умением использовать момент. Посему мудрые властители и выдающиеся мужи, желающие облагодетельствовать народ черноголовых¹⁰⁶, лучше всего успевают в этом во времена смуты. Небо дважды не предоставляет случая. И удобный момент сохраняется недолго. Мастер не делает дважды одной работы. Все дело в том, чтобы поймать удобный момент.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Красота необходимого / И шан

Когда приходит весенняя ци, появляются признаки жизни в деревьях и травах. Когда приходит осенняя ци, листья опадают, а травы увядают. Кто же управляет этим расцветом и увяданием, ведь они не спонтанны? Когда приходит этот управляющий, нет уже такой вещи, которая не пришла бы в движение, и когда этого управляющего нет, ни одна вещь не посмеет двинуться с места. В древности люди наблюдали за тем, чем управляется все на свете, и потому не было вещи, которую они не поставили бы себе на службу.

Награды и наказания — это орудия, с помощью которых управляют высшие, и, когда они применяют их при необходимости, дао преданности, верности, привязанности и любви становится ясным для всех. Если они продолжают оставаться ясными всем долго, то народ начинает их воспринимать как нечто естественное — это и называется успехом в обучении. Когда же успех в обучении уже достигнут, ни щедрые посулы, ни суровые угрозы не в состоянии ничего изменить. Поэтому те, кто достиг успеха в наставлении народа, начинают не с наград и наказаний для воспитания в нем понимания. Они начинают с воспитания в нем понимания, и тогда народ не в силах противиться наградам и наказаниям. Сами награды и наказания тогда не подвергаются сомнению.

То же происходит, когда награды и наказания произвольны, — тогда дао разврата, фальши, разбоя, мятежа, алчности и жестокости проявляется в полную силу.

Когда же его проявление в течение длительного времени не подавляется, тогда народ начинает воспринимать как естественное состояние чувство озлобленности. Тогда дикие племена жунов и и, ху и гэ, дикари из Ба и Юэ не могут быть удерживаемы более в узде ни щедрыми наградами, ни суровыми наказаниями.

Жители Ин возводили свои крепостные валы из двух досок, и когда У Ци пытался изменить этот порядок, он только вызвал всеобщую ненависть.

Но когда награды и наказания изменяют в более справедливую сторону, народ пребывает в довольстве и спокойствии.

Например, когда берут в плен людей из племен чжи и цян, они бывают опечалены не тем, что их казнят, ломая спину, а тем, что после смерти их не сожгут.

Из всего этого видно, что бывают случаи, когда дурные обычаи уже укоренились, и поэтому применение наград и наказаний требует величайшей осмотрительности, иначе они могут превратиться в средство развращения народа.

Некогда Цзиньский Вэнь-гун¹⁰⁷ вознамерился сразиться с чувствами при Чэнпу. Он призвал к себе Цзю Фаня и спросил: «Как быть, если чувств много, а мои войска малочисленны?» Цзю Фань в ответ сказал: «Ваш слуга слышал, что правитель, сильный в ритуале, не чужд украшений, а правитель, сильный в военном деле, не чужд военных хитростей. Вот и вам следует просто пойти на военную хитрость». Вэнь-гун сообщил мнение Цзю Фаня Юн Цзи, на что Юн Цзи сказал: «Если осушить пруд, то можно наловить рыбы, это уж точно, только вот на следующий год рыбы не будет. Можно выжечь чащобу, чтобы хорошо поохотиться, это уж точно, но на следующий год не возьмешь там ни одного зверя». Таково дао обмана и фальши. Если раз и удастся что-либо урвать, то уж повторить ни за что не удастся — это близорукий расчет.

Все же, используя замысел Цзю Фаня, Вэнь-гун нанес поражение чувствам при Чэнпу, когда же по возвращении он раздавал награды, высшую из них получил Юн Цзи. Тогда те, кто стоял слева и справа, зароптали: «Разве победа у Чэнпу свершилась не по замыслу Цзю Фаня? Как же так вышло, что, используя его замысел, гун обошел его при награждении?» Вэнь-гун отвечал: «Речи Юн Цзи обладают ценностью на сто поколений, а совет Цзю Фаня мог быть употреблен лишь однажды. Так неужели же оценить проект однократного использования выше, чем совет, который будет иметь значение в течение поколений?»

Когда Конфуций узнал об этом, он сказал: «В момент опасности прибегнуть к хитрости, чтобы разгромить врага, и почтить мудрого по возвращении, чтобы вознаградить добродетель... Хотя Вэнь-гун и не сумел быть последовательным до конца, он все же достоин того, чтобы стать гегемоном».

Там, где щедрые награды — туда стекается народ, когда же народ стремится за ними, возможен успех, но если этот успех закрепляется обманом, то рано или поздно он обречен обернуться поражением, победа обернется унижением. В Поднебесной было достаточно победителей, но гегемонами-ба стали только пятеро. Среди них мы находим и Вэнь-гуна, поскольку ему было известно, что

лежит в самом основании победы. Не зная же при достижении победы, отчего эта победа пришла, это то же самое, что не одерживать победу вообще. Цинь нанесла поражение жунам, но проиграла Сяо, чусцы выиграли битву при Чжуся, но потерпели поражение при Боцзюй; когда об этом узнал У-ван, он сумел одной победой воцариться в Поднебесной.

Когда страна переполнена всевозможными хитростями, ей не прийти к спокойствию, и страдает она не только от того, что приходит извне.

Когда чжаоский Сян-цзы вышел из окружения, он наградил пятерых, имевших заслуги, и среди них первого Гао Шэ. Чжан Мэнтань сказал: «В Цзиньяне больших заслуг Шэ не имел, почему же его награждают первым?» Сян-цзы ответил: «Государство наше было в опасности, алтари земли и проса под угрозой, сам я был в глубоком замешательстве. И вот в таком положении единственный, кто не забыл правил обращения между правителем и подданным,— это Шэ. Поэтому я и наградил его первым».

Услышав об этом, Чжунни сказал: «Сян-цзы, можно сказать, умело пользовался наградами: наградил одного, но по всей Поднебесной ни один подданный не смел забывать о ритуале!»

Все шесть военачальников больше не смели презирать власть, и тогда на севере они взяли Дай, на востоке дошли до Ци. Когда он был осажден в Цзиньяне, он повелел Чжан Мэнтаню тайно перебраться через стену и заключить с вэйским Хуанем и ханьским Каном союз против Чжибо. Он отрубил ему голову и сделал из черепа чашу, а затем установил власть трех семей [Цзинь]. Разве это — не правильное пользование наградами и наказаниями?!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дальний поход / Чан гун

Порядок или смута, существование или гибель, спокойствие или опасность, сила или слабость — все обязательно имеет свои условия появления и лишь благодаря наличию всех этих условий может достичь завершения. Если же наличествует только одна сторона, завершения не будет.

Поэтому, хотя Цзе и Чжоу были неразумными правителями, их гибель была обусловлена Таном и У. То, что на их пути встретились Тан и У, есть небесное предопределение, а не следствие неразумности Цзе и Чжоу. Если

бы Цзе и Чжоу не встретились с Таном и У, их гибель не была бы неизбежной. И если Цзе и Чжоу не погибли бы то, хотя они и были неразумны, но дурной славы их было бы недостаточно, чтобы привести их к этому. И если бы на пути Тана и У не встретились Цзе и Чжоу, они, возможно, и не стали бы царствовать. А коль скоро Та и У не стали бы царствовать, значит, одной их мудрости вполне очевидной, было еще недостаточно, чтобы привести их к царствованию.

Если властитель добивается больших успехов, то едва ли услышим что-либо о его глупости. В случае же властителя погибшего царства едва ли услышим что-либо о его мудрости. Можно сравнить это с тем, как хороший крестьянин учитывает конкретные условия земледелия и тщательно проводит агрономические мероприятия: все же не обязательно соберет он хороший урожай, хотя, если урожай случится, он конечно же будет не в убытке. Начало же всему в том, чтобы вовремя прошли сезонные дожди. А сезонные дожди вовремя — это зависит от природы, и никакое прилежание крестьянина не в состоянии на это повлиять.

В царстве Юэ случилась страшная засуха. В страхе царь призвал к себе Фань Ли и обратился к нему за советом. Фань Ли сказал: «Государю не о чем беспокоиться. То, что случился неурожай, это удача для Юэ и несчастье для У. Известно, что царство У очень богато. Царь там молодой. Знаний у него немного, способности не успели развиться. Он так стремится к славе, что не способен думать о последствиях. Если вы, государь, пошлете ему богатые дары и смиренно попросите у царства У зерна, мы не останемся без пропитания. Если же мы не останемся без пропитания, рано или поздно Юэ покорит У, так что государю не о чем беспокоиться».

Юэский царь сказал: «Прекрасно!» И он послал в У посольство с просьбой о продовольственной помощи. Царь уже хотел предоставить такую помощь, но У Цзысуй явился к нему и стал увещевать его, говоря: «Нельзя предоставлять помощь. Известно, что земли У и Юэ соприкасаются, у них общая граница, сообщение между ними удобное, люди часто переезжают в обе стороны. Поэтому это — государства, которые противостоят друг другу и потенциально враждебны. Если не У покончит с Юэ, то Юэ покончит с У. Если взять такие государства, как Янь, Цинь, Ци, Цзинь — то увидим, что они расположены в горах и на возвышенностях. Для того чтобы напасть на У, им пришлось бы преодолеть пять озер,

девять рек, семнадцать естественных преград. Поэтому я и говорю, если У не покончит с Юэ, то Юэ покончит с У. Если теперь согласиться отправить им зерно, чтобы их прокормить, то это будет помощью сопернику и пособничеством врагу, а также растратой наших ресурсов и возбуждением недовольства среди собственного народа. Раскаиваться потом будет поздно. Нужно не помогать им, а немедленно напасть на них — вот правильный способ действий! Именно таким образом достиг гегемонии наш царственный предок. К тому же известно, что голодные годы — это такое явление, которое напоминает горы, непременно сменяющиеся равнинами, и нет государства, в котором такое не могло бы случиться».

Царь У на это сказал: «Не так. Я слышал вот о чем — войско, приверженное долгу, не воюет против покорных, добрый всегда накормит голодающего. Сейчас нам изъявляют покорность, и, если я пойду походом на них, мое войско не будет войском, приверженным долгу. Сейчас там голод, и, если я не накормлю их, это будет проявлением недоброты. Даже если мне удалось бы при этом приобрести десять таких царств, как Юэ, я не пошел бы на это». И он предоставил им продовольствие.

Не прошло и трех лет, как в У также случился голод. Отправили посольство с просьбой о продовольствии в Юэ. Юэский царь отказал в просьбе, а затем пошел походом на У, тогда был пленен царь Фучай.

Чуский царь пожелал захватить разом царства Си и Цай. Для этого он сблизился с цайским хоу и стал просить у него совета: «Желаю приобрести Си, но как бы это сделать?» Цайский хоу сказал: «Жена правителя Си сестра моей жене. Я приглашу на угощение, когда поеду в Си, правителя-хоу из Си с супругой, а также и вас, государь. Так вы сможете захватить их врасплох». Чуский царь сказал: «Хорошая мысль!» Затем он отправился в компании цайского хоу в Си под предлогом сопровождения его на празднество, а затем захватил Си. На обратном пути он остановился погостить в Цай и захватил также и его.

Когда Чжао Цзянь-цзы заболел, он призвал к себе старшего сына [Сян-цзы] и сказал ему: «Когда я умру и буду погребен, ты, надев траурное платье, поднимись на вершину горы Сяу и оглядись». Сын почтительно согласился. Когда Цзянь-цзы умер и был погребен, сын облачился в траурное платье и, призвав к себе министров, обратился к ним в следующих словах: «Я желаю подняться на гору Сяу и полюбоваться оттуда открывающимся

видом!» Министры стали отговаривать его, говоря: «Подняться на гору Сяу, да еще для любования видами — это развлекательная поездка, траурное платье для этого не подходит». Сян-цзы сказал: «Такова воля усопшего государя. Я не могу ею пренебречь!» Тогда министры почтительно согласились, и Сян-цзы поднялся на гору Сяу, откуда взглянул на земли Дай. Пораженный красотой вида, Сян-цзы сказал: «Безусловно, покойный государь хотел, чтобы это послужило мне наставлением».

Когда он вернулся, он только и думал о том, как бы заполучить Дай. Поэтому он стал заигрывать с ними. Дайский правитель любил женщин, и он отправил ему в жены свою младшую сестру. Дайский правитель был очень доволен и согласился. Когда же сестра уже уехала, Сян-цзы продолжал изыскивать тысячи способов, чтобы угодить Дай.

Область Мацзюнь славилась конями, и дайский правитель решил пожаловать добрых коней Сян-цзы. Сян-цзы прибыл с визитом, чтобы лично засвидетельствовать свою благодарность дайскому правителю, и предложил осушить до дна кубки в честь области Мацзюнь. Он заранее велел прибывшим с ним танцовщикам числом сто человек спрятать оружие среди украшавших их перьев и приготовил огромный золотой кубок. Когда дайский правитель принял к нему и забылся, он схватил кубок и опрокинул на него так, что мозги у того разлетелись по земле. Танцевавшие выхватили оружие, пустили его в ход и перебили всю свиту дайского правителя до последнего человека. Затем Сян-цзы на колеснице дайского правителя отправился навстречу его жене, но его жена заранее узнала о том, что случилось, и закололась острой шпилькой. Поэтому в роду Чжао по сей день в гербе острая шпилька, а их прозвище — «переворачивающие кубки».

Все эти три правителя проявили мало уважения к правилам чести при достижении тех целей, которые они себе ставили. При всем том последующие поколения восхищались их достижениями. Так что государю позволено и это, если он достигает успеха и не допускает ошибок.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Остерегаться людей / Шэнь жэнь

Великие достижения и громкая слава есть проявления судьбы. Однако на этом основании пренебрегать тем, что зависит от людей, — невозможно. Известно, что встреча

Шуня с Яо была predetermined судьбой. Однако Шунь пахал в Лишане, гончарничал на берегу Хуанхэ, удил рыбу в Лэйцзэ, и вся Поднебесная радовалась этому, мудрые мужи стремились к нему. Это было от людей. Известно, что судьбой была обусловлена встреча Юя с Шунем. Но Юй обходил всю Поднебесную в поисках мудрых, которые могли бы сослужить службу черноголовым. Реки и ручьи, потоки и озера он или углублял, или перегораживал с тем, чтобы сделать их судоходными, и то, что он все силы отдавал этому, зависело от него, как от человека.

Известно, что Тан встретился с Цзе, а У — с Чжоу по воле неба, однако Тан и У воспитывали в себе доброе, были верны долгу и были готовы пострадать за народ — это зависело от их человеческих качеств.

Когда Шунь крестьянствовал и рыбачил, его сноровка в этом была такой же, как потом, когда он стал царствовать. Если бы не пришло его время, он так и учил бы своих учеников добывать злаки, трудясь на земле, вылавливать дары вод, плести корзины из тростника и камыша, вязать сети и верши, так что руки и ноги их неизменно были бы в мозолях, и все же они ухитрялись бы прожить, избегая голода и холода. Когда же пришло его время, он стал сыном неба, и мудрейшие цари устремились к нему, весь народ прославил его, мужчины и женщины радовались и веселились, и не было никого, кто не испытал бы радости.

Сам Шунь сочинил по этому поводу стихотворение, где говорилось:

Все, что под небом,—
Царская земля.
Все, кто на ней живет,—
Подданные царя.

Он этим показал всем, что теперь обладает всем безраздельно. Однако оттого, что он стал безраздельно владеть всем, мудрости у него не прибавилось. Когда у него не было ничего, мудрости его было не меньше. Просто времена были другие.

Когда не пришел еще час для Байли Си, ему пришлось бежать из Ю, и он был поработен в Цзинь. В Цинь, куда он был продан за пять бараньих шкур, он кормил волов, пока его не нашел Гунсунь Чжи, который очень этому обрадовался. Он представил его Му-гуну, а еще через три дня попросил вручить ему бразды правления. Му-гун тогда сказал: «Его купили за пять бараньих шкур, а вы предлагаете вручить ему бразды правления. Разве

в Поднебесной не станут смеяться над нами?» Гунсунь Чжи отвечал в следующих словах: «Показателем мудрости правителя является то, что он верит мудрому и берет его на службу. Показателем верности подданного является то, что он уступает мудрому первенство. Если правитель прозорлив, а подданный предан, и тот, третий, действительно мудр, то в наших пределах все станут покорными, а враждебные нам государства будут пребывать в страхе. Кто же тогда осмелится смеяться?»

Тогда Му-гун взял его на службу, и его предложения были неизменно дельными, а предприятия неизменно заканчивались успехом. Но ведь не стал же он мудрее вдруг! Остается предположить, что при всей мудрости Байли Си мы никогда не услышали бы этого имени, если бы ему не повстречался Му-гун. Кто может знать, нет ли такого же Байли Си и среди людей нашего времени?! Поэтому тем из властителей, кто хочет разыскать истинных мужей, следует приложить немалые усилия.

Когда Конфуций попал в трудное положение между Чэнь и Цай, он семь дней не ел горячей пищи. Вследствие отсутствия постного и скромного Цзай Юй был близок к отчаянью. Конфуций, перебирая струны, пел в своей комнате, Янь Хуэй искал съестное снаружи, Цзылу и Цыгун переговаривались: «Наш учитель был изгнан из царства Лу, он заметал следы при бегстве из Вэй, на него свалили дерево в царстве Сун, а теперь он терпит бедствие в Чэнь и Цай, где тому, кто его убьет, ничего не будет, и тому, кто его оскорбит, никто не помешает. А господин наш играет и поет, барабанит и танцует без перерыва. Неужели же у благородного мужа настолько может отсутствовать чувство приличия?»

Не зная, что предпринять, слышавший это Янь Хуэй вошел в дом и сообщил обо всем учителю. Конфуций нехотя отложил лютню и со вздохом произнес: «Ю и Ци — мелкие людишки. Позови их, я поговорю с ними!» Цыгун и Цзылу вошли, и Цыгун сказал: «Ваши дела, можно сказать, поистине плохи!» Конфуций отвечал: «Что за разговоры! Благородный муж называет достижением познание дао! Он называет неудачей, когда ему не удастся постичь дао. Ныне же я, Цю, постиг дао любви к добру и долгу, чтобы с ними противостоять бедствиям погруженного в смуту мира. Так что все то, что с нами происходит, никак нельзя назвать несчастьем, раз, обращаясь внутрь себя и не находя там погрешностей в дао, я стою перед лицом внешней опасности, ничуть не утрачивая добродетель, как даже при великих холодах, под

снегом и инеем, стоят во всей красе вечнозеленые сосны и кипарис! Хуань-гун прошел через позор Цзюй, Вэнь-гун — через Цао, юэский царь — через гору Гуйцзи. Может быть, эти неприятности между Чэнь и Цай большое счастье для меня, Цю?» Затем он с подъемом взялся за цинь и заиграл. Тогда Цзылу схватил щит и начал танцевать. Цыгун же воскликнул: «Поистине я не знал, сколь высоки небеса, сколь глубоко внизу лежит земля». В древности те, кто обрел дао, были радостными и в довольстве, и в несчастье. Они радовались не довольству или несчастьем самим по себе, поскольку для того, кто обрел дао, что достаток, что несчастье — все едино. Они сменяют друг друга той же мерой, что холод и жар, ветер и дождь. Поэтому Сюй Ю радовался на северном берегу реки Ин, а Гунбо достиг своей цели на горе Гуншоу!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Встречи / Юй хэ

Все встречи мудрого с властью происходят только тогда, когда настает для этого время. Если же встречи еще не случилось, следует ждать этого времени и только потом действовать. Так птица, живущая только с другой в паре, умрет в лесу, если окажется в одиночестве. Рыба, которая живет только в паре с другой рыбой, умрет даже в море, если окажется в одиночестве.

Конфуций путешествовал по всей Поднебесной среди морей и часто встречался с властителями того времени. От Ци до Вэй он посетил более восьмидесяти правителей. Называвших себя его учениками было три тысячи. Из них достигших понимания было семьдесят человек. Повелитель десяти тысяч колесниц, если бы заполучил на службу только одного такого человека, мог бы сделать его наставником. Так что нельзя сказать, что у него не было под рукой подходящих людей; и все же после стольких странствий он в конце концов достиг лишь должности сыкоу в царстве Лу. Потому и случилось так, что место сына неба некоторое время никто не занимал, а чжухоу были охвачены великой смутой.

Когда начинается смута, малоспособные людишки то и дело попадают в фавор, а когда они попадают в фавор, они не в силах справиться со своими должностями. Когда же должность их долго не исправляется, они из фавора попадают в опалу, и чем больше они купались в милостях, тем суровее их опала, причем касается это не только их

лично. Поэтому благородный муж не заводит любимцев и не своевольничает. Он всех непременно проверяет самолично и только потом доверяет им посты. И только когда он способен к правильному назначению должностных лиц, можно сказать, что он готов к тому, чтобы действовать.

Те, кто способен внимать речам, должны разбираться в искусстве спора. Среди властителей нашего века очень мало таких, которые в состоянии понять, что такое спор. Поэтому им, конечно, крайне трудно отрешиться от субъективизма при выборе того, к кому есть доверие. Те, кто способен внимать музыке, должны разбираться хотя бы в пяти нотах. Но среди людей очень мало таких, что разбирались бы в пяти нотах, поэтому когда выбирают умелых из музыкантов, также едва ли могут отрешиться от субъективизма.

Был некогда среди гостей-бинькэ человек, который явился к царю Юэ, чтобы продемонстрировать ему свое искусство игры на флейте. Ноты юй, цзюэ, гун, чжи и шан звучали в его исполнении без малейшей ошибки, но юэскому царю не понравилось, так как он любил деревенские напевы и ими лишь мог наслаждаться. То же самое, бывает, происходит и с речами о дао.

Жила-была некая молодая женщина в замужестве. Кто-то сказал ее родителям: замужество не гарантирует пропитание в течение всей жизни, лучше бы вам схоронить платья и утварь где-нибудь вне дома, чтобы приготовиться на всякий случай, если не будет пропитания. Родители сочли это резонным и велели этой женщине постоянно припрятывать что-нибудь вне дома. Родители мужа узнали об этом и заговорили: «Она живет с нами как невестка, а помыслы ее о другом. Ее нельзя оставлять в доме». И они ее выгнали. Между тем родители этой женщины думали, что тот, кто им дал такой совет, по-настоящему о них заботился, и до конца своих дней считали его хорошим человеком. Конечно, это происходило оттого, что им неизвестны были истинные причины происшествий.

Уничтожение храмов предков и утрата Поднебесной происходят таким же образом. Поэтому правильно говорится: «То, что составляет одно целое, не образуется в соответствии со строго определенными правилами». Это похоже на то, что происходит между полами. Нет такого, кто не мог бы объяснить, кто, по его понятиям, красивый [человек], но не каждый встретит свой идеал красоты.

Некогда Мо Му получила от Хуан-ди следующее поучение: «Держись правил женской доблести-дэ и не

забывай о ней никогда, держись приличествующих женщине правил поведения и не давай себе в этом послабления, и твоя женская стыдливость никогда не пострадает, хотя бы тебя и хотели опозорить».

Это похоже на отношение к съестному: любой может отличить сладкое блюдо, но далеко не каждому оно достается. Вэнь-ван любил аировый суп. Услышав об этом, Конфуций его попробовал. Страшно скривившись, он стал его есть и только через три года справился с этим.

Некогда жил человек, от которого так разило, что родные и близкие, братья и жены, друзья и знакомые не могли находиться с ним рядом. Он и сам страдал от этого и поселился один у моря. Однако тамошним жителям так понравился исходивший от него запах, что они следовали за ним днем и ночью, не отходя ни на шаг. Между тем, говорят, он и от этого очень страдал.

В Чэнь был урод по прозванию Дунься Чоуми. Лоб у него был, как молот, виски широкие, а лицо черное, как лак. Рачьи глаза висели по бокам носа. У него были длинные руки и кривые короткие ноги. Но когда чэньский хоу увидел его, тот ему так понравился, что он поручил ему и управление страной, и собственное домоуправление. Когда чуский правитель собирал ассамблею, чэньский хоу был болен и не мог туда поехать. Поэтому он послал туда вместо себя Дунься Чоуми извиниться за свое отсутствие.

Чуский царь удивился его имени и захотел его видеть. Но когда гость вошел, оказалось, что не только его внешность неприглядна, но и речь неприятна на слух. Чуский царь тогда вознегодовал, собрал дафу и, обращаясь к ним, произнес: «Если чэньский хоу не сознавал, что такого человека нельзя посылать, то это просто непонимание. Но если он сознавал это и все же послал его, то это оскорбление. Наглость же в сочетании с неразумностью заслуживает кары». Он поднял войска, три месяца осаждал Чэнь и в конце концов уничтожил его. Так уродство способно напугать человека, неловкой речи достаточно, чтобы погубить царство. Но любовь к нему чэньского хоу была столь велика, что он не мог ничего поставить выше этого — пошел на гибель, но его дружеские чувства не уменьшились. Известно, что всякие неудачные сочетания ведут к тому, что участников этой пары непременно настигает гибель. Когда же те, кто прямо создан друг для друга, тем не менее в силу объективных причин не встречаются, это служит

причиной смуты в государстве и упадка целого поколения. Народ Поднебесной от этого страдает и печалится, пребывая в затруднениях и бедах.

Причины для выдвижения определенного человека — во-первых, его характер, во-вторых, способности, в третьих, трудолюбие. Если хотя бы одно из этих качеств отсутствует, государство идет к краху. Тогда беды идут одна за другой, самому правителю грозят болезни и смерть. Кто продержится лет семьдесят — восемьдесят, уже может считать, что ему повезло необычайно. Ибо если уж потомки мудрых и совершенных идут против дао и тем наносят страшный вред народу, да и самим себе, то до чего же могут дойти люди заурядные?!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Обязательно самому / Би цзи

Вещи невозможно к чему-либо принудить — именно поэтому пострадал Лун Пан, именно поэтому был казнен Би Гань, именно из-за этого помешался Цзи-цзы. С другой стороны, Э Лай умер, Цзе и Чжоу погибли. Нет такого правителя, который не желал бы видеть в подданных верности, а между тем, когда они на самом деле верны, им далеко не всегда доверяют. Именно поэтому У Юань бежал на берега Цзяна, именно поэтому умер Чан Хун, кровь которого сохранялась три года и превратилась в лазоревую яшму. Нет такого отца, который не желал бы видеть в своем сыне почтительность, но почтительных тем не менее вовсе не обязательно любят, и именно поэтому Сяо И попал под подозрение, а Цзэн-цзы много страдал.

Гуляя в горах, Чжуан-цзы заметил огромное дерево с пышными ветвями и листвой. Лесоруб остановился возле дерева, но его не выбрал. Чжуан-цзы заинтересовался: «Почему не рубишь?» Лесоруб ответил: «Оно ни на что не годно». Тогда Чжуан-цзы сказал: «Дерево негодное, а поэтому может дожить до своего естественного конца». Затем он спустился с гор и отправился в городок, где остановился в доме старого друга. На радостях друг велел мальчишке зарезать гуся, чтобы угостить его. Мальчишка спросил: «Разрешите узнать, какого из гусей резать: того, который может петь, или того, который не может петь?» Хозяин ответил: «Резь того, который не может петь».

На другой день ученики спросили у Чжуан-цзы: «Дерево на горе давеча может дожить до своего естествен-

ного конца, так как оно ни на что не годно. А вот гусь хозяина погиб оттого, что еичего не умел. Что бы выбрал для себя прежде рожденный?» Чжуан-цзы, смеясь, отвечал: «Я, Чжоу, поместился бы между годным и негодным. Сказав «между годным и негодным», как будто определил, а на самом деле — нет. Поэтому неизбежны и затруднения. Но все иначе, если парить и странствовать, пользуясь дао и дэ. Подобно то дракону, то змее, вне славы и хулы, вращаться вместе со временем, не соглашаясь предаться чему-либо одному. То вверх, то вниз, с мерой лишь в гармонии и странствовать у предка всей тьмы вещей, как вещь рядом с вещью, а не как вещь для вещи. Откуда же тогда возьмутся затруднения? Таков был способ существования Хуан-ди и Шэнь-нуна. Иначе обстоит дело с теми, кто говорит о свойствах всех вещей, отношениях между людьми: созданное разрушают, честных унижают, почитаемых готовы оболгать, прямым строят козни, единое разделяют, любящих друг друга губят, многознающих стремятся перехитрить, бесполезных — обмануть. Разве тогда не обязательны затруднения?!»

Ню Цюе жил на Верхних землях. Он был большой ученый. Отправился вниз в Ханьдань и повстречался в песках Оуша с разбойниками. Разбойники потребовали от него показать, что у него в дорожных мешках, и он отдал их им. Затем они потребовали у него повозку и коня, и он им отдал. Тогда потребовали одежду и одеяла, и он также их отдал, после чего Ню Цюе вышел из окружения и удалился. Тогда разбойники стали обмениваться впечатлениями: «Это заметный в Поднебесной человек. Сегодня мы его так опозорили, он, конечно, пожалуется на нас властителю десяти тысяч колесниц. А тот, конечно, обвинит нас в преступлении против государства, обрушится на нас, и нам тогда не жить. Лучше уж догнать его и убить, чтобы замести следы!» Так и порешили. Гнали за ним тридцать ли, догнали и убили. А все потому, что знали, кто он.

Мэн Бэнь собирался пересечь Хуанхэ и хотел поехать раньше, чем те пятеро, что ждали своей очереди. Люди на пароме разозлились и веслом ударили его по голове. Надо сказать, что они не знали, что это Мэн Бэнь. Когда паром уже был на середине реки, Мэн Бэнь усталился вытаращенными глазами на людей на пароме так, что волосы у них встали дыбом, глаза выкатились из орбит, а бороды вытянулись горизонтально. На пароме засуетились, впали в панику и стали прыгать в воду. Когда

люди на пароме узнали, что с ними сам Мэн Бэнь, они уже не смели поднять глаза и посмотреть ему в лицо, никто не смел встать на палубе впереди него, а не то что нанести ему оскорбление действием, что произошло, к нечю, исключительно по незнанию.

Как видим, ни знание само по себе, ни незнание само по себе никак не могут быть средством к спасению. Исключительная мягкость манер и приветливость еще как-то обеспечивают это, да и то необязательно. Когда имеешь дело с теми, кто понятия не имеет о таких вещах, как мягкость и приветливость, от мягкости и приветливости толку никакого.

У военачальника Сыма Хуаня из Сун была драгоценная жемчужина, обладавшая способностью предотвращать беду и изгонять несчастье. Царь послал людей справиться о ее существовании, но тот ответил: «Я бросил ее в пруд». Тогда пруд осушили, чтобы ее найти, но так и не нашли. А рыба-то вся передохла. Вот об этом и говорят, что счастье и несчастье часто неразделимы. Когда Чжоу причинял горе Шан и горе наполняло весь мир, что толку было бы от мягкости и приветливости.

Чжан И был необычайно предупредителен. У каких бы дверей и ворот ни собирались люди, он непременно сам встречал, семенил туда и всех принимал. Даже с кучерами, служанками и мальчишками он был изысканно вежлив, опасаясь за свою персону. И тем не менее дожить до конца своих дней ему не удалось — умер от горячки.

Дань Бао пристрастился к тайному знанию, ушел от пошлости мира, покинул торжище жизни, перестал питаться обычной пищей и одеваться в теплое платье, поселился в лесу, на горных кручах и в распадках, поскольку хотел сохранить свое естество. И все же ему не удалось достичь естественного конца — его съел тигр.

Конфуций как-то отправился в путешествие и остановился отдохнуть. Лошадь убежала и потравила посевы у крестьянина. Крестьянин поймал ее. Цыгун попросил разрешения отправиться туда поговорить с крестьянином и долго его просил и извинялся, но тот даже слушать не стал. Там был один грубиян, который когда-то некоторое время служил у Конфуция, и он сказал: «Я пойду поговорю с ним». И он сказал крестьянину: «Слушай, мы тут с тобой распахали, понимаешь, всю землю от Восточного моря до Западного, как же лошадке не попастьись на твоём поле?» Тогда деревенщина расхохотался и сказал: «Ну ты и сказанул! Не то что этот балаболка!» И он отвязал лошадь и отдал ему.

То, что столь безыскусная речь поимела воздействие, как раз и указывает на то, что вещи не однообразно поддаются воздействию извне. Благородный муж действует, исходя из своих представлений. Он относится к людям с уважением, но не ожидает, что к нему также непременно отнесутся с уважением. Он любит людей, но не ожидает, что его непременно будут также любить в ответ. Уважение и любовь к другим зависят от него самого, уважение и любовь к нему зависят уже и от других. Благородный муж может отвечать за себя, но не может быть уверен в других людях. Но когда он спокоен за себя, он непременно найдет достойного партнера.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Опасение большого / Шэнь да

Чем более велик мудрый властитель, тем больше он настороже, чем он сильнее, тем более он начеку. Великие всегда стараются принизить соседние государства, сильные вечно стремятся одержать верх над возможными соперниками. Но победы над соперниками несут массу забот, принижение соседей приносит много неприятностей, а когда забот и неприятностей хватает, каким бы сильным ни было государство, невозможно не быть настороже, нельзя не быть начеку. Поэтому мудрый властитель думает об опасности, даже когда все спокойно, думает о возможных поражениях, даже когда ему сопутствует успех, думает о гибели государства, даже приобретая новые территории. В «Чжоу шу» об этом говорится:

Как на краю пучины стоя,
Как по тонкому льду ступая,—
В делах осмотрителен будь!

Цзе, утратив дао, стал наглым и алчным злодеем и насильником. Вся Поднебесная дрожала от ужаса, страдая от него. Однако сетования были самого разного характера и содержания, так что трудно было понять их природу, и тогда министр Гань Синь прибегнул к устрашению и обрушился со всей силой на чжухоу, дабы предостеречь народ. Мудрые и добрые пребывали в растерянности и печали. Тогда он убил Лун Пана, чтобы все злодеи покорились, а народ зароптал, и у многих появилось

желание отправиться подальше. Никто не смел больше говорить открыто, не был уверен, доживет ли до завтра. Крупные сановники пребывали в скорби или тайно возмущались. Тем не менее сам Цзе полагал себя весьма и весьма мудрым, он восхищался своими ошибками и превозносил свои бесчинства. Дао правителя, таким образом, оказалось под угрозой, а подданные государства были охвачены великой смутой.

Тогда Тана охватило беспокойство и тревога по поводу неурядиц в Поднебесной, и он повелел И Иню отправиться в Ся, чтобы наблюдать там за ходом дел. Однако, опасаясь, что ему там не поверят, Тан собственноручно выстрелил в И Иня. И Инь бежал в Ся и через три года вернулся в Го, столицу Тана, с докладом: «Цзе совершенно потерял голову от Мо Си. Он увлечен яшмой вань и тань. Он совершенно не заботится о своем народе, и народ не намерен больше сохранять ему верность. Высшие и низшие терпеть не могут друг друга, в сердце народном накопилась скорбь. Все говорят: «Небеса отвернулись от нас, правление дома Ся пришло к концу!»

Тан тогда сказал И Иню: «Я никогда не забуду то, что ты сообщил мне о делах в Ся!»

После этого Тан вступил в союз с И Инем с целью непременно сокрушить Ся. И Инь тогда вновь отправился в Ся, чтобы дальше наблюдать за обстановкой там, и услышал там от самой Мо Си следующее: «Сегодня ночью сыну неба приснился сон, что с западной стороны взошло солнце и с восточной стороны взошло солнце, они встретились и вступили в схватку. Западное солнце одержало победу, восточное не могло его осилить». И Инь сообщил об этом Тану. В царстве Шан в это время была засуха, но Тан все же послал войска, чтобы подтвердить верность своему союзу с И Инем, и при этом повелел войскам выйти из пределов царства на западе, чтобы наступление совершалось с восточного направления. Его войско не скрестило еще клинки с противником, как Цзе бежал, и он гнал его до самых Великих песков Даша, тело его было расчленено и на виду у всего мира обезглавлено. Тот, кто не в состоянии выслушать честное увещание, хоть и будет потом сожалеть об этом, да будет уже поздно!

Так Тан стал сыном неба, и народ Ся очень этому обрадовался. Все равно что получил любящего отца. Двор остался на месте, крестьяне не покинули своих наделов, торговцы продолжали заниматься своим делом, как обычно, в своих лавках. Они любили И Иня так же, как прежде любили Ся.

Вот это и называется высшая справедливость, высший порядок, высшая верность,— когда он пришел на помощь И Иню, не стремясь уклониться под предлогом такого несчастья, как засуха. Он почтил И Иня в ряду предков и из поколения в поколение приносил ему жертвы, пока существовал дом Шан.

Когда У-ван одержал верх над Инь, то, не сойдя еще с боевой колесницы, он повелел отвести потомкам Хуанди земли Чжунь, отдать во владение потомкам Яо местность Ли, а потомкам Шуня—земли Чэнь. Сойдя с колесницы, он повелел отдать во владение потомкам династии Ся земли в Ци, потомкам Чэн Тана—земли в Сун и оставил за ними право приносить жертвы в Санлине.

После этого У-ван впал в мрачное состояние духа и со слезами на глазах стал просить Чжоу-гун Дая, чтобы он отправился к оставшимся старейшинам Инь и спросил их о причинах гибели Инь, а также о том, что любит их народ и чего бы он желал от новой власти.

Старейшины Инь отвечали на это: «Народ желает восстановления режима правления времен Пань Гэна».

Тогда У-ван восстановил для них порядки, существовавшие при Пань Гэне. Он также роздал зерно из государственного хранилища Цзюйцяо и деньги из казны Лутай, чтобы убедить народ в собственном бескорыстии. Он выпустил заключенных, амнистировал обвиненных в преступлениях, произвел раздачи и простил долги, чтобы тем поддержать нуждающихся и оказавшихся в стесненных обстоятельствах. Он привел в порядок могилу Би Гая, украсил дворец Ци-цзы и вывесил на воротах Шан Юна повеление всем, кто двигается пешком, проходить ворота церемониальным шагом, а тем, кто двигается в повозках, сходить на землю.

В течение трех дней он произвел всех мужей, принимавших участие в разработке плана кампании, в звание чжухоу, всех дафу наградил пособием в размере дохода двадцати пяти семейств, а рядовых дружинников, если ими исправлялась должность, освободил от уплаты податей. После этого он переправился через Хуанхэ и направился на запад, с тем чтобы представить благодарственный доклад в храме предков, а затем отпустил боевых коней пастись на горе Хуашань, а рабочих волов—на пастбища в Таолине, чтобы кони никогда больше не участвовали в походах, а волы—в работах. Барабаны, знамена, панцири и секиры были обмазаны кровью жертвенных животных и отправлены на хранение в дворцовые арсеналы, чтобы никогда более не применяться в бою.

Такова была добродетель У-вана. Вот почему в Минтане рода Чжоу двери никогда не закрывались, чтобы показать всему миру, что в нем ничего не скрывают. Ибо только ничего не скрывая, можно сохранить истинно сокровенное — дэ.

Когда У победил на поле боя, он спросил двух иньцев, взятых в плен: «Не было ли в вашем государстве дурных предзнаменований?» Один из пленных ответил: «Да, были дурные предзнаменования! Среди бела дня на небе видны были звезды, с неба шел кровавый дождь — такой ужас!»

Второй пленный сказал: «Да, ничего не скажешь — это были дурные знаки. Но самым страшным предзнаменованием было то, что сыновья не слушали отцов, младшие братья не слушались старших, приказы правителя никто не выполнял — вот это действительно было ужасно!»

У-ван тогда встал со своей циновки и низко им поклонился, конечно, не в знак почтения к пленным, а в знак почтения к сказанному.

Поэтому в «И цзине» говорится:

С трепетом душевным,
Словно ступая по хвосту тигра,—
Быть в конце счастью!

Чжаоский Сян-цзы пошел карательным походом на И и взял города Лаожэнь и Чжунжэнь. Когда нарочный явился с сообщением об этом, Сян-цзы как раз обедал. Он отложил в сторону рис и принял скорбный вид. Советники справа и слева заговорили: «За одно утро захвачены два города — разве не повод для радости?! Отчего же у вас, правитель, скорбный вид?» Сян-цзы ответил: «Даже паводок в Хуанхэ и Янцзы не держится дольше трех дней. Утренние ураган и ливень не продлятся и мига. А теперь доблесть-дэ Чжао такова, что нечего к ней и прибавить — в одно утро присоединены сразу два города! Уж не к собственному ли упадку мы движемся?» Услышав об этом, Конфуций сказал: «Род Чжао будет велик в процветании! Известно, печаль приводит к процветанию, а радость ведет к гибели! Победу одержать нетрудно, трудно удержаться на гребне побед!»

Мудрый властитель и старается удержаться на гребне побед, и поэтому его счастье передается последующим поколениям. Ци, Чу, У, Юэ — все эти царства в свое время одерживали победы, но в конце концов их настигла гибель, ибо они не постигли искусства удерживаться на гребне. Только мудрый властитель способен на то, чтобы удерживаться на гребне побед!

Конфуций был столь силен, что в одиночку мог поднять запор главных городских ворот, но не стремился прославиться своей силой. Мо-цзы так владел искусством нападения и защиты, что Гуншу Бань вынужден был ему уступить, но он никогда не стал бы пускать в ход оружие с целью прославиться. Тот, кто умеет удержаться на гребне побед, сознательно ограничивает свою силу!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Власть и заслуги / Цюань сюнь

Невозможно одновременно получить две выгоды. Верным можно быть только кому-нибудь одному. Если не отказаться от маленьких выгод, никогда не получишь большие. Если не отказаться от верности малому, никогда не придешь к верности большому. Поэтому самый большой враг большой выгоды — малая выгода и препятствие верности великому в верности малому. Поэтому мудрец отвергает малое и берется за большое.

Некогда царь Гуан из Чу сражался с цзиньским Лигуном при горной гряде Янь. Чуские войска потерпели поражение, сам царь Гуан получил ранение. Участвовавший в сражении военачальник Цзы Фань, почувствовав жажду, потребовал питье. Его слуга Ян Гу схватил просовое вино и подал ему. Цзы Фань тогда выругал его: «Ух, забери. Это же вино!» Ян Гу ответил: «Да нет, это не вино». Цзы Фань заорал: «Говорю, убери! Вино это!» «Да нет, не вино», — настаивал Ян Гу. Цзы Фань тогда опять взял у него кувшин и стал пить, а поскольку он по характеру был большим любителем выпить, почувяв вкус вина, он уже не мог оторваться от кувшина, пока не напился пьяным. Когда сражение уже подходило к концу, Гуан решил попытаться атаковать еще раз и собрал военный совет. Послали за Цзы Фанем, но тот отговорился тем, что у него плохо с сердцем.

Тогда Гуан сам вскочил в колесницу, чтобы лично провести его. Когда он вошел в шатер, он почувствовал сильный запах вина и, отвернувшись, сказал: «В сегодняшнем сражении сам я, несчастный, был ранен, поэтому все мы полагались на приказы военачальника, а он, оказываясь, был в таком виде. Это означает забыть алтари земли и проса царства Чу и не думать о его войске. Поэтому мне, несчастному, и не удалось повернуть ход сражения!» И он повелел отвести войска с поля боя, а Цзы Фаня казнить и голову его выставить на всеобщее обозрение.

Когда слуга Ян Гу подавал вино Цзы Фаню, он конечно же и не думал напоить его пьяным, его действия были продиктованы верностью, но сложилось так, что верность эта обернулась для его господина гибелью. Потому говорится: малая верность — враг большой.

Некогда Сянь-гун из Цзинь послал Сюнь Си попросить у царства Юй разрешения на проход через его территорию, чтобы нанести удар по царству Го. Сюнь Си сказал: «Прошу вас разрешить мне одарить юйского гуна яшмой из Чуйцзи и упряжкой лошадей из Цюйчань, чтобы можно было обратиться к нему с просьбой о предоставлении права прохода — тогда уж мы точно добьемся необходимого согласия». Сянь-гун сказал: «Между прочим, яшма из Чуйцзи — сокровище, доставшееся мне в наследство от прежних правителей нашего дома, а цюйчаньский выезд — самый лучший у меня, несчастного. Что будет, если там примут наши дары, а права прохода войскам не предоставят?» Сюнь Си отвечал: «О нет, думаю, если они откажут нам в проходе, то они не примут и наши дары. Если же возьмут и разрешат проход, то это будет все равно что из одной сокровищницы переложить в другую, что из одного стойла переставить в другое, так что вам не стоит ни о чем беспокоиться».

Сянь-гун согласился на это и послал Сюнь Си с упряжкой коней из Цюйчань для вручения дара царству Юй, а также яшму из Чуйцзи с просьбой о проходе для нападения на Го.

Юй-гун принял сокровище и коней и хотел дать разрешение, когда Гун Чжицзи стал его увещевать: «Нельзя давать разрешение. Царства Юй и Го зависят друг от друга, как колеса зависят от повозки — колеса присоединены к повозке, но и повозка опирается на колеса — в этом и заключается сила Юй и Го. В старину говорили: «Если отрезать губы, то будут стыть зубы». Так вот, гарантия от гибели Го заключена в существовании Юй, как и гарантия от гибели Юй заключена в существовании Го. Если предоставить право прохода, то утром погибнет Го, а вечером за ним последует и Юй, каким же образом можно предоставлять им это право?»

Но юйский гун не послушал его и право прохода предоставил. Сюнь Си уничтожил в ходе кампании Го, а на обратном пути предпринял поход на Юй и также его покорил. С яшмой в руке и ведя в поводу коней он явился для доклада. Сянь-гун весело сказал: «Яшма как прежняя, только зубы у коней стали несколько длиннее».

Поэтому и говорится: малая выгода препятствует большой выгоде.

Государство Чжуншань владело областью Су Ю. Чжи Бо хотел пойти на эту область походом, но к ней трудно было подступиться. Тогда он отлил огромный колокол, так что перевозить его можно было только на повозке с двойной шириной оси. Тогда правитель Су Ю решил скрыть горные кряжи и засыпать глубокие распадки, чтобы колокол могли к нему доставить. Тогда Чичжан Маньчжи стал его увещевать: «В «Ши цзине» говорится: «Держись единого принципа, тогда лишь упрочишь царство!» На основании какого же принципа мы должны принимать подарки от Чжи Бо? Что он за человек? Алчный и вероломный. Он конечно же собрался на нас напасть, да не может пройти по существующим дорогам. Поэтому он и сделал огромный колокол, который только на повозке двойной ширины может быть доставлен вам в дар. Ныне вы хотите скрыть горные кряжи и засыпать распадки, чтобы заполучить этот колокол, но вслед за ним придет их войско». Его не послушали, и через некоторое время он вновь стал увещевать. Тогда правитель сказал: «Крупная держава хочет сделать нам приятное, а ты противишься этому. Это плохой знак, лучше оставь меня в покое». Чичжан Маньчжи сказал: «Для подданного отказаться от верности и преданности — преступление. Но если честного и преданного не слушают, то он имеет право удалиться». Потом он сузил колесную ось на своей колеснице и пустился в путь. На седьмой день после его прибытия в Вэй царство Су Ю пало.

Здесь взяло верх желание обладать необыкновенным колоколом, поэтому речи, направленные на сохранение безопасности царства Су Ю, не были услышаны. Невозможно оставить без внимания вопрос о том, что побеждает при слушании различных советов, ибо самое главное — это чтобы побеждали лучшие из советов.

Чан Гоцзюнь повел войска пяти царств на борьбу с Ци. Ци тогда послало военачальника Чу-цзы, чтобы он встретил войска всей Поднебесной на реке Ци. Циский ван желал начать сражение немедленно и послал человека, чтобы тот пристыдил и унизил Чу-цзы в таких словах: «Если не вступишь в сражение немедленно, будет конфисковано все твое имущество, а могилы предков разрыты». Чу-цзы был огорчен этим известием и возжелал поражения войск Ци. Он направил свои войска на войска всех держав Поднебесной, а когда они вошли в соприкосновение, дал сигнал к отбою и повелел войскам отойти,

и они бежали с поля боя. Войска Поднебесной нанесли им поражение, а сам Чу-цзы бежал на одной-единственной колеснице неизвестно куда, и больше никто о нем ничего не слышал.

Все же Да-цзы повел остатки разбитых войск, и ему удалось их собрать у [ворот] Цинь-Чжоу, столицы Ци. Однако ему нечем было их наградить, и он послал нарочного, чтобы тот попросил золота у циского вана. Циский царь пришел в негодование: «Ах он ничтожество! Откуда я возьму ему золото!» Когда же началась война с племенами Янь, он потерпел большое поражение. Да-цзы был убит, циский царь бежал в Цзюй, а яньцы на плечах бегущих ворвались в столицу и переругались из-за золота, которым полна была сокровищница в Мэйтане. Вот так: пожалеешь малое, потеряешь большое!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отстранение добродетельных / Ся сянь

Мужи, владеющие дао¹⁰⁸, часто гордятся этим перед властителями. Но и неразумные властители также гордятся перед мужами, владеющими дао. Они постоянно гордятся друг перед другом, и неизвестно, смогут ли когда-нибудь прийти к согласию? Это все напоминает споры сторонников Конфуция и Мо-цзы и соперничество между государствами Ци и Чу. Добродетельный правитель так поступать не станет. Даже если некий государственный муж и заважничает перед ним, он все равно будет относиться к нему со всей церемонностью и тем самым завоеует еще большее расположение. А к тем, к кому идут мудрые, затем обращается и вся Поднебесная как к своему предку-властителю. Предок-властитель — это тот, в ком чувствуют хозяина Поднебесной. Царь — это тот, к кому стекаются со всех концов Поднебесной. Владеющий дао таков, что, будь он и знатным, как сын неба, он не загордится и не зазнается, будь он обладателем богатства размером с Поднебесную, он не станет заносчивым и хвастливым. Если он будет ничтожен, как обладатель холщовых одежд, он не станет проклинать судьбу и жаловаться, и даже если ему нечего будет есть и не во что одеться, он не опечалится и не уstraшитcя. Он доволен тем, что сознает, в чем его истинное достоинство, он удовлетворен тем, что не сомневается в наличии у него подлинно ценного, он чувствует, что отличается тем, что не станет меняться и метаться, он сознает, что возвращается

вместе с превращениями инь-ян, он упивается тем, как непреклонно и твердо его сознание, он восторгается тем, что далек от лицемерия и фальши, он любит тем, как далеко простирается его воля, восхищается тем, как он глубок и непредсказуем, радуется тому, как ничто не препятствует его целомудрию, доволен, что ему удастся не считать себя во всем правым, рад тому, как он осторожен в пользовании своим интеллектом и мыслью, как он беспечен по отношению к пошлым хуле и хвале. Небо служит ему образцом, сила дэ — средством, дао — ориентиром-предком. Он вращается и превращается вместе с вещами и не бывает, чтобы он полностью исчерпал себя. Разумом он проникает небо и землю, но не истощается, духом он обнимает пространство и время и не достигает нигде их предела. Никто не знает, где его начало и где его конец. Никто не знает, где его врата и где его край. Никто не знает, откуда он истекает. Он настолько велик, что не имеет внешнего, настолько мал, что не имеет внутреннего. Вот это и называется — высшее сокровище. Когда муж достигает такой степени совершенства, пять предков-царей¹⁰⁹ не в состоянии заполучить его в друзья, три царя не в состоянии заполучить его в учителя. Только скинув с себя внешние признаки царского достоинства, способны они приблизиться к такому, чтобы заполучить его к себе на службу.

Яо никогда не показывал своего достоинства ди-предка, когда принимал Шань Цзюаня напротив, он отворачивался, когда задавал вопрос, будто говоря с высшим. Яо был сыном неба, а Шань Цзюань — простолюдином в холщовой одежде. Почему же он оказывал ему такие непомерные почести? Потому что Шань Цзюань был мужем, постигшим дао, а перед тем, кто познал дао, нечего гордиться. Яо понимал, что в добродетельном действии и по уровню ума он ему не ровня, и поэтому обращался к нему, отвернув лицо. Вот это-то и называется высшая справедливость. Кто еще может относиться с высочайшей церемонностью к мудрецу, как не постигший высшую справедливость. Чжоуский гун Дань был сыном Вэнь-вана, младшим братом У-вана и дядей Чэн-вана, однако резиденция его находилась в маленьком проулке, где под дырявой крышей с битой черепицей жили семьдесят его приближенных. Вэнь-ван положил начало делу, но не завершил его, У-ван продолжил его, но не укрепил, и вот чжоуский гун Дань с малолетним правителем на руках закрепил итоги победы. Потому его подопечного и называли Чэн-ваном. Поэтому и говорится:

чтобы стать царем, необходимо поставить себя ниже добродетельного человека.

Цинский Хуань-гун встречался с мелким чином по имени Цзи в течение одного дня трижды, и тот его ни разу не заметил. Тогда свита стала ему говорить: «Когда властитель десяти тысяч колесниц встречается с мужем в холщовой одежде трижды на дню, а тот его даже не замечает, то не пора ли положить этому конец, уволив его от должности?» Хуань-гун отвечал: «Да нет, этот муж просто легко относится к жалованью и званию, поэтому не склонен расстилаться перед властителем, [который все это ему дает]. Только властитель, который пренебрегает званием гегемона-ба, которое все так и стремятся заполучить, и позволит себе пренебрегать своими служилыми людьми. Так что, если ему и можно позволить себе пренебрегать званием и должностью, то мне едва ли можно пренебрегать званием гегемона-ба!» И он не велел увольнять того от должности. Люди впоследствии много говорили о порядках в доме Хуань-гуна, однако если бы что-либо в его доме было не в порядке, разве сумел бы он оставаться гегемоном-ба? Если он мог постичь эту теорию и воплотить ее в жизнь в своем домашнем обиходе, то осуществлять царскую власть вовне в Поднебесной было для него уже совсем простым делом.

Когда Цзычань был первым министром в царстве Чжэн и отправлялся повидаться с Хуцю-цзы Линем, он садился среди его учеников, соблюдая их старшинство, а свое высокое положение оставляя за дверями. Конечно, только такой уникальный человек, как Цзычань, и мог быть первым министром в государстве с десятью тысячами колесниц и, забывая об этом, обо всех государственных делах, искренне учиться у простых людей. Именно поэтому он и правил в Чжэн восемнадцать лет и за это время приговорил только троих, а казнил всего двух. При нем персики и сливы свисали над дорогами, и никто их не рвал, а золотую монету можно было потерять на дороге, и никто бы ее не поднял.

Вэйский Вэнь-хоу встретился с Дуань Ганьму и остановился как вкопанный, не решаясь даже вздохнуть. На обратном пути он увиделся с Чжай Хуаном, присел с ним в зале и спокойно разговаривал. Чжай Хуану это не понравилось. Тогда Вэнь-хоу сказал ему: «Дуань Ганьму на службу не идет, от жалованья отказывается, а ты, если идешь на службу, то домогаешься места первого министра, а если берешь жалованье, то по высшей ставке. Получаешь от меня материальное вознаграждение,

да еще требуешь и соблюдения церемоний — не слишком ли?»

Посему в обращении с людьми мудрый властитель придерживается того правила, что почтение оказывается тем, кто отказывается от вознаграждения. А в почтительном обращении лучше всего сдерживать свои эмоции, ведь если эмоции сдерживаются, указы успешнее проводятся в жизнь. Вэнь-хоу, можно сказать, умел почитать мужей совета. И оттого, что он умел почитать мужей совета, на юге он одержал победу над Чу при Ляньти, а на востоке — победу над Ци при Чанчэн, пленил циского хоу и передал во власть сына неба, за что сын неба наградил его титулом шанвэня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вознаграждение / Бао гун

Даже если государство маленькое, в нем все же достаточно продовольствия, чтобы прокормить всех мудрецов Поднебесной, его повозок достаточно, чтобы перевезти всех мудрецов Поднебесной, его золота достаточно, чтобы вознаградить всех мудрецов Поднебесной.

Быть же в одной компании с мудрецами Поднебесной — это означает обладать тем, благодаря чему Вэнь-ван стал царствовать. Если же даже это не приведет к царству, то разве плохо иметь помощь в таком нелегком деле, как сохранение спокойствия в своем государстве? Ведь именно благодаря этому чжаоский Сюань Мэн избежал гибели, правитель Чжао Вэнь из Чжоу стал известен, а Мэнчанский правитель справился с войском Чу. Так что те, кто в старину свершал великие деяния и прославился тем, что сумел утвердить в стране покой и уберечь свою жизнь от опасности, искусство свое черпали не в чем ином, как именно в этом. Так что к способному государственному мужу невозможно относиться с высокомерием или небрежностью.

Как-то чжаоский Сюань Мэн вел войска в Цзюань и увидел под тутовым деревом истощенного голодом человека, который лежал на земле и не мог самостоятельно подняться. Сюань Мэн остановил тогда повозку, сошел на землю и накормил его тем, что у него было. Тот дважды глотнул и открыл глаза. Сюань Мэн спросил у него: «Как же это ты так оголодал?» Тот ответил: «Я малый чин в Цзюань и отправился домой, но по дороге у меня кончились припасы. Попрошайничать мне было

стыдно, а отобрать у кого-нибудь мне показалось отвратительным. Так вот и очутился я в таком положении». Сюань Мэн дал ему два куска сушеного мяса. Он принял и поблагодарил, но есть тут же не решился. Когда его спросили, отчего так, он сказал: «У меня есть мать-старушка, и это я отнесу ей в дар». Сюань Мэн сказал тогда: «Ешь это мясо, я тебе еще дам»,—и одарил его еще двумя связками сушеного мяса и сотней монет, а затем проводил его в путь.

Через два года цзиньский Лин-гун задумал казнить Сюань Мэна. Он спрятал у себя в комнатах убийц, а Сюань Мэну выставил вино в угощение. Однако Сюань Мэн догадался о его намерениях и среди пира вышел и убежал. Тогда Лин-гун велел убийцам, которые прятались в его комнатах, догнать Сюань Мэна и убить его. Но некий человек обогнал всех его убийц и, когда поравнялся с ним, взглянул ему в лицо и сказал: «Сойдите с колесницы, я желаю умереть за вас». Сюань Мэн спросил: «Как твое имя?» Тот развернул колесницу и сказал: «Что в моем имени? Я—тот умирающий от голода под кривым тутом». Он поехал назад, принял бой и погиб. Сюань Мэн же остался жив.

Вот именно об этом и говорится в «Шу цзине»: «Не бывает в добродетельном поведении ничего не важного». Сюань Мэн приобрел всего одного мужа, но это спасло его собственную жизнь, что же говорить, когда речь идет о приобретении расположения десяти тысяч. Поэтому в «Ши цзине» и поется:

Крепкие воины, верные мужи
Щитами и стенами властителям быть должны.

И еще:

Вон сколько войска идет,
Покой Вэнь-вану несет.

Кто же из властителей может обойтись без любви и заботы о дружинниках. И как трудно все же распознать истинного мужа. Тут только одно возможно—искать как можно шире, ибо только при широком поиске можно никого не упустить.

Чжан И происходил из побочной линии дома Вэй. Он собрался пропутешествовать на запад в Цинь и проезжал через восточную область Чжоу. Один из кэ-гостей рассказал о нем правителю Чжао Вэню в следующих выражениях: «Этот человек из рода Вэй по имени Чжан И—весьма способный муж. Сейчас он намеревается добраться до

царств Цинь, путешествуя в западном направлении. Хотелось бы, чтобы вы оказали ему почет и уважение». Чжао Вэнь принял того и заговорил с ним: «Я слышал, что мой гость направляется в Цинь. Мое государство, увы, невелико и, конечно, ничем не может привлечь странника. Однако и в путешествии бывает всякое, может, вам и не удастся достичь цели. Если вам не удастся добиться успеха, я бы просил вас вернуться прямо ко мне. Мое царство хоть и невелико, но нам двоим места хватит». Когда же Чжан И откланялся и пустился в путь, Чжао Вэнь дважды ему поклонился, повернувшись лицом к северу, да еще отправил с ним сопровождающих и взял на себя путевые расходы вплоть до границы Цинь. Прошло некоторое время, и Хуэй-ван полюбил его и сделал премьером. И самым уважаемым правителем в Поднебесной при нем был правитель Чжао Вэнь. А ведь Чжоу имело всего тысячу колесниц, но по тому, как к нему относились, превосходило и царства с десятью тысячами колесниц. Чжан И заставил Хуэй-вана относиться к Чжао как к учителю. На ассамблеях, на озере Фэнцзэ царь Вэй должен был возить его на колеснице, а царь Хань сидеть справа от него, [как подчиненный]. Слава его и имя не забыты и по сей день, такова была власть Чжан И.

Мэнчанский правитель владел пограничной областью Сюэ. Когда на нее напали чусцы, Шунь Юйкунь был посланником от Ци в Чу. На обратном пути он проездом остановился в Сюэ. Мэнчанский правитель велел людям относиться к нему с полным уважением и лично проводил его до околицы, где, обращаясь к Юйкуню, сказал: «Чусцы напали на Сюэ, но вы не должны быть этим опечалены. Вот только вряд ли я смогу вновь вас принять в будущем». Шунь Юйкунь сказал: «С почтением понял ваше повеление». И он отправился дальше в Ци, где представил доклад о своей миссии. Циский царь спросил: «Что ты видел в Чу?» Шунь отвечал: «Чу очень сильное царство, но Сюэ делает все, что в его силах, и больше». Царь спросил: «Что вы имеете в виду?» Он отвечал: «Сюэ, не считаясь с затратами, построило для ваших предков храм Цинмяо. Чу сильно и напало на Сюэ, так что храм Цинмяо в Сюэ ныне в большой опасности. Поэтому я и говорю: «Сюэ не жалеет сил, но царство Чу слишком сильно для него». Циский царь тогда сделал умное лицо и сказал: «Хм! Так там же храм предков наших! Немедленно поднять войска и послать туда для его охраны!»

Вот так и сохранилась область Сюэ. А ведь даже если бы Сюэ молило на коленях и униженно кланялось, ему не удалось бы получить такую мощную поддержку. Посему:

кто умеет хорошо говорить, тем самым увеличивает свою силу. И кто умеет высказаться таким образом, что слушающий воспринимает беду говорящего, как если бы сам в нее попал, тому ни к чему использовать грубую силу.

Кто пользуется грубой силой, тот в конце концов проиграет. Если же тот, кто говорит, не овладевает вниманием того, кто слушает, последствия сказываются не только на том, кому говорят, но и на том, кто говорит.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Слушание речей / Шунь ю

Кто умеет говорить, тот подобен искусному борцу, который обращает силу соперника на усиление себя самого тем, что когда тот наступает, он дает ему наступать, когда тот отступает, он помогает ему отступать. Он не занимает никакой постоянной позиции — но как бы идет вместе с жизнью, откликается, как эхо на крик, он вместе с соперником переживает расцвет и упадок, чтобы таким образом привести его к поражению. И пусть даже противник его очень силен, а ресурсы у него огромны, он держит жизнь врага в своей руке.

Ибо если кричишь по ветру, не надо усиливать голос — и так будет слышно; когда смотришь с высокой горы, не надо напрягать зрение — и так будет видно. Это происходит потому, что используется благоприятный фактор.

Хуэй Ан встретился с сунским Кан-ваном. Кан-ван топнул ногой, откашлялся и громовым голосом произнес: «Чему гость может меня научить? Я не люблю проповедников милосердия и справедливости. Мне нравятся храбрецы и удалыцы». Хуэй Ан отвечал: «Я владею дао вот в чем. Даже сильного мое учение может заставить колоть и не попасть, даже храброго — рубить и не поранить. Великого государя это случайно не заинтересует?» Царь сказал: «Прекрасно! Об этом мне нравится слушать!» Хуэй Ан сказал: «Но когда колют и не попадают, бьют клинком и промахиваются — это позорно. Так вот, я владею дао вот еще в чем: могу заставить человека даже храброго отказаться от попытки колоть, могу заставить даже сильного отказаться от того, чтобы бить. Это великого государя не заинтересует?» Царь сказал: «Прекрасно! Это мне как раз хотелось бы знать». Хуэй Ан сказал: «Ясно, что когда отказываются от того, чтобы колоть, не решаются бить — это не оттого, что нет такого

намерения. И вот я владею дао еще и в том, чтобы у человека вообще не возникало такого намерения. Это великого государя не заинтересует?» Царь сказал: «Прекрасно, это как раз то, чего бы я желал».

Хуэй Ан сказал: «Но не иметь такого намерения означает отказаться от мыслей о выгоде. А я вот владею дао еще и в том, чтобы все мужья и жены в Поднебесной полюбили одну-единственную выгоду. И это будет умнее, чем храбрость и сила, выше всех четырех рангов. Это великого государя не заинтересует?» Царь сказал: «Да я к этому и стремлюсь». Хуэй Ан тогда сказал: «Но ведь это и есть учение Куна и Мо. Конфуций и Мо Ди стали правителями, не имея земли, стали начальниками, не имея подчиненных. В Поднебесной не найти таких мужей и жен, которые не вытягивали бы шеи и не становились бы на цыпочки в чаянии покоя и достатка. И если ныне великий государь, властитель десяти тысяч колесниц, действительно имеет подобные намерения, то все в пределах четырех границ обретут свою выгоду. Тогда даже Конфуцию и Мо-цзы будет далеко до него в мудрости!»

Сунский царь не знал, что ответить. Хуэй Ан мелкими шажками вышел. Тогда царь обратился к советникам слева и справа: «Вот это красноречие! Гость сумел меня убедить!» Сунский царь был из числа заурядных правителей, но все же ход его мыслей оказалось возможным изменить в желательном направлении. Но произошло так только благодаря следованию ходу его собственных мыслей. Ибо такое следование даже бедному и незнатному дает возможность одержать верх над богатым и родовитым, а малому и слабому — победить большого и сильного.

Тянь Цзань в залатанной одежде предстал перед царем Чу. Тот спросил: «Отчего одежда преждедужденного являет столь жалкий вид?» Тянь Цзань отвечал: «Бывает одежда и похуже той, что надета на мне». Царь сказал: «Интересно было бы послушать об этом». Тогда Тянь сказал: «Латы хуже этой одежды». Царь удивился: «Как так?» Тянь сказал: «Зимой в них холодно, летом жарко. Так что нет одежды хуже, чем латы. Я, Цзань, человек бедный, поэтому плохо одет. А вот государь — повелитель десяти тысяч колесниц, богат и знатен, как никто, а любит одевать свой народ в латы, даже когда никто не угрожает. Мне это непонятно. Царь, очевидно, думает, что действует по необходимости? Но латы ведь идут в ход, когда перерубают шею и вспарывают брюхо врагу, когда разрушают города и поселения и несут смерть

отцам и братьям противника. Всеми этими деяниями мудро прославиться. Или царь думает, что такие действия принесут ему реальную выгоду? Но когда задумываются над тем, как бы навредить другому, следует ожидать, что и тот, другой, будет думать о том, как бы навредить тебе. Кто стремится поставить другого в опасное положение, должен ждать, что и его попытаются подставить под удар. Поэтому в действительности от всего этого проистекают одни неприятности. Так что и второй довод государя я не одобряю». Чуский царь не знал, как ответить.

Хотя эти взгляды и не получили широкого распространения, Тянь Цзань, можно сказать, умел применять свои умения. Просто он не постиг еще, в чем сила увещания личным примером.

Гуань-цзы был пленен в Лу. Лусцы его связали и посадили в клетку, а потом велели слугам поставить клетку на повозку и отправить в Ци. Те затянули песню и взялись за тяжи. Тогда Гуань-цзы испугался, что лусцы передумают и казнят его, так что ему захотелось как можно скорее попасть в Ци. Поэтому он обратился к слугам: «Я лучше буду вам петь, а вы подстраивайте свой шаг под мой темп». Пел он так, что идти им было легко и удобно, и поэтому они не уставали и проделали свой путь очень быстро.

Гуань-цзы, можно сказать, умел воспользоваться удобными обстоятельствами, так что и служки получили то, что хотели, и он добился того, чего и сам желал. Конечно, одного этого искусства недостаточно, чтобы привести к гегемонии властителя десяти тысяч колесниц, но надо сказать, что Хуань-гуна трудно было сделать истинным властителем, идя только по этому пути.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не стоит распространяться / Бу гуан

Тот, кто обладает разумом, в ведении дел старается сообразовываться с моментом. Момент не обязательно приводит к успеху. Так что в делах человеческих не следует на него чрезмерно полагаться. Хорошо, если удастся, но если не удастся — тоже не беда. Тому, что способно на нечто одно, нельзя поручать то, на что оно неспособно, как нельзя от лодки ожидать, что она будет как повозка. На Севере водится зверь под названием цзюэ. Передняя часть у него как у крысы, а задняя — как у зайца. Когда

он бежит, он часто спотыкается, а когда идет — падает. И вот этот зверь постоянно собирает сладкую сочную траву для зверя цюнционцзюйся и кормит его этой травой. Так вот, когда цзюэ попадает в беду, цюнционцзюйся непременно уносит его на себе. Так этот цзюэ тем, что умеет, восполняет то, чего не умеет.

Баошу, Гуань Чжун и Шао Ху были дружны между собой и решили сообща привести к порядку царство Ци, для чего им нужно было возвести на престол царевича Цзю. Шао Ху тогда сказал: «Мы трое в царстве Ци подобны трем опорам треножника: если одну из них убрать, он рухнет. И чтобы ни в коем случае не допустить Сяо Бая на трон, не лучше ли нам всем втроем поддерживать царевича Цзю?» Но Гуань Чжун заметил: «Это невозможно. Люди в нашей стране ненавидят мать царевича Цзю, и эта ненависть распространяется и на него. Царевич Сяо Бай потерял мать в младенчестве, поэтому народ его жалеет. Как пойдут дела, узнать заранее невозможно. Поэтому лучше послать одного из нас, чтобы он служил царевичу Сяо Баю. В конце концов царство Ци достанется одному из этих двух царевичей».

Поэтому они послали Баошу, чтобы он во всем помогал царевичу Сяо Баю, а Гуань-цзы и Шао Ху остались с царевичем Цзю. Поскольку царевич Цзю был в отъезде, трудно было сказать, как пойдут дела. Поэтому хотя Гуань Чжун и был во многом прав, тем не менее план его удался не вполне так, как он предполагал. Такова судьба, хотя он и сделал все, что было в человеческих силах.

Циньцы пошли походом на Линьцю. Тогда чжаосцы послали отборные войска Кун Цина на выручку, и те вступили в бой с циньцами. Те потерпели сокрушительное поражение. Циньский полководец пал на поле боя, было захвачено две тысячи повозок и тридцать тысяч тел, из которых хотели сложить две пирамиды. Но Нин Юэ сказал тогда Кун Цину: «Позор! Лучше вернуть тела погибших, чтобы сокрушить царство Ци изнутри. Я слышал, что в старину те, кто умел воевать, не преследовали даже отчаянно сопротивлявшегося противника больше чем на тридцать ли, а затем возвращались, чтобы передать ему тела погибших. Противник забирал тела погибших и расставлял с казной. А когда боевые колесницы и панцири пропададут на поле боя, а сокровищницы и закрома пустеют из-за похорон — это и называется подрывом изнутри». Кун Цин спросил: «А если циньцы не захотят принять тела погибших?» Нин Юэ сказал: «Биться и не победать — это преступление единожды. Уйти

в поход с людьми и не привести их назад — это преступно вдвойне. Отказаться забрать тела, когда противник тебе это предлагает, — это преступление втройне. Из-за этого тройного преступления подданные будут ненавидеть правителей. Тогда высшие не смогут управлять низшими, а низшие не станут слушать высших — это и называется большим нападением изнутри».

Нин Юэ, можно сказать, умел пользоваться и мирными, и военными средствами — военными, чтобы одерживать победы с помощью грубой силы, мирными — чтобы одерживать победы с помощью добродетели. А когда полностью используются и военные, и невоенные средства, разве не покорится любой враг? Цзиньский Вэнь-гун собирал чжухоу на ассамблею. Цзю Фань тогда сказал: «Это невозможно. Поднебесной неизвестно о вашей приверженности долгу». Вэнь-гун спросил: «Как же быть?» Цзю Фань сказал: «Сын неба, уходя от опасности, причиненной Шу Даем, бежал в царство Чжэн. Не хотите ли вернуть его с тем, чтобы восстановить великую справедливость и этим прославиться в мире?» Вэнь-гун сказал: «Но как же мне это совершить?» Цзю Фань ответил: «Совершив это дело, вы продолжите деяния Вэнь-вана и закрепите успех, подобный достигнутому У-ваном. Это даст нам возможность расширить земли и обезопасить свои границы. Если же дело успехом не завершится, то мы, по крайней мере, приобретем славу мужей, залатавших прореху в доме Чжоу и потрудившихся с целью помочь попавшему в беду сыну неба. Нас будут и в этом случае считать просвещенным царством. Не сомневайтесь, правитель!»

Вэнь-гун послушал его и впоследствии с помощью равнинных жунов из Цаочжуна и горных ди из Литу утвердил род Чжоу в его наследственных владениях. Сын неба даровал ему впоследствии область Наньян, он потом стал гегемоном над чжухоу. Служа долгу и получая вдобавок существенную выгоду, он свершил великие деяния.

Поистине Вэнь-гуна можно назвать разумным! Однако замысел всего этого принадлежал Цзю Фаню. Он жил семнадцать лет в изгнании, а когда вернулся в свою страну, сделал ее гегемоном через четыре года. Вот что значит слушать советы таких людей, как Цзю Фань!

Когда Гуань-цзы и Баошу состояли на службе при циском Хуань-гуне, среди жителей восточных областей Ци было немало таких, кто отдавал все силы общему делу. Когда же Гуань-цзы умер и ему на смену явились

деятели вроде Шу Дао и И Я, народ страны частенько трудился без старания. Не то чтобы он не понимал, что упорный труд в конце концов сослужит хорошую службу царству Ци и пойдет на благо их детям и внукам, просто они понимали, что есть высшая верность долгу. Когда же думают о высшем долге и ради него забывают о стране, это не так уж страшно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ценить момент / Гуй инь

Три династии больше всего ценили момент. Кто этим владеет, для того нет соперника. Когда Юй прокладывал русла трех рек и ложа пяти озер, он проложил русло и для рек бассейна гор Ицзоэ, чтобы они, обтекая материк, впадали в Восточное море. При этом он пользовался силой воды. Там, где останавливался в пути Шунь, возникало поселение, на следующей стоянке — город, на третьей — основывалось государство. Тогда-то Яо и вручил ему бразды правления, поскольку хотел воспользоваться настроем народа.

Тан и У всего с тысячью боевых колесниц покорили Ся и Шан, опираясь на поддержку всего народа. Если кто-то решит отправиться в Цюнь, он поедет стоя в повозке; если же кому-то захочется отправиться в Юэ, он поплывет, сидя в лодке. И до того, и до другого царства путь неблизкий. Однако до них возможно добраться, спокойно стоя или тихо сидя, поскольку используются подходящие орудия передвижения.

Царь У-ван послал одного человека, чтобы он следил за Инь. Когда тот вернулся, он сказал в своем докладе в Цичжоу: «Инь в состоянии смуты!» У-ван сказал: «До какого предела дошла там смута?» Тот ответил: «Льстецы и плуты одержали верх над честными». У-ван сказал: «Еще рано», и вновь отправил его. Когда тот вернулся с докладом, сообщил: «Смута усиливается». У-ван сказал: «До чего дошло теперь?» Тот отвечал: «Мудрые уезжают и бегут». У-ван сказал: «Еще рано», и опять послал его, а когда тот вернулся и доложил: «Смута стала еще более глубокой», поинтересовался: «До какой же степени?» Тот сказал: «Народ не смеет роптать и жаловаться». У-ван сказал: «Вот как! Пойду расскажу Тайгуну!» Тай-гун на все это сказал: «Когда льстецы и плуты одерживают верх над честными и прямыми — это беда. Когда мудрые покидают двор — это трагедия. Но когда простой народ не смеет роптать и жаловаться — это

катастрофа. Значит, смута достигла предела и хуже быть уже не может!»

И он отобрал три сотни боевых колесниц и три тысячи бойцов, которые называли себя тиграми, назначил при дворе день цзя-цзы как крайний срок и захватил в этот день Чжоу в полон. Так что У-ван точно знал, когда у него не осталось в мире противника. Да и может ли быть противник у того, кто использует благоприятный момент?

У-ван отправился в поход и достиг реки Вэй, когда иньский властитель послал Цзяо Гэ навстречу чжоуским войскам. У-ван встретился с ним. Цзяо Гэ сказал: «Куда направляется Си-бо, властитель западных земель? Не обманывай меня!» У-ван ответил: «Тебя не стану обманывать. Иду на Инь». Цзяо Гэ сказал: «И когда же придешь?» У-ван сказал: «В день цзя-цзы достигну пригорода столицы Инь. Можешь об этом донести». Цзяо Гэ пустился в путь. Начался такой дождь, что не прекращался ни днем, ни ночью. У-ван продвигался тем не менее быстро, нигде не задержавшись. Советники в войсках при каждом удобном случае наперебой уговаривали У-вана: «Солдаты заболеют. Просим вас остановиться». Но У-ван отвечал: «Я уже сказал Цзяо Гэ, чтобы он сообщил своему властелину о дне цзя-цзы, не так ли? И если мы в этот день не будем на месте, это породит у царя сомнения в честности Цзяо Гэ. Если же царь не поверит Цзяо Гэ, он, конечно, предаст его смерти. Поэтому я должен двигаться быстро, чтобы спасти от смерти Цзяо Гэ».

У-ван в конце концов достиг предместий столицы Инь в день цзя-цзы. Иньские войска были уже там выстроены. Как только У-ван достиг Инь, он тут же дал сражение и одержал в нем полную победу. Такова была правота У-вана. Если кто-то являет собой то, что желанно народу, а ты — то, что народу ненавистно, что толку в том, чтобы выстраивать войска заранее? Поэтому-то У-ван и сумел пожать плоды с поля, которое не им было обработано.

Когда У-ван вошел в столицу Инь, он узнал, что есть там некий знатный муж, и отправился на встречу с ним. Он спросил, как тот думает, отчего погиб дом Инь? Тот знатный инец ответил ему так: «Если царь желает узнать об этом, прошу сроку до завтра до полудня». На следующий день У-ван в сопровождении Чжоу-гун Дая хотел встретиться с ним в назначенный срок, но не застал. У-ван был этим весьма удивлен, Чжоу-гун же сказал:

«Я знаю, в чем дело. Этот почтенный человек — он не мог осуждать своего властелина, и сообщать о его пороках тебе, царь, было для него непереносимо. Поэтому он назначил нам срок, который сам и нарушил, то есть вел речи, не заслуживающие доверия. Вот это-то, хотел он этим сказать тебе, царь, и было причиной гибели Инь».

Те, кто наблюдает за небесной сферой, изучают расположение звезд и так узнают о том, каковы будут четыре времени года. Это вытекает из положения светил. Те, кто следит за календарем, наблюдают эволюции луны и узнают, когда народится и когда пойдет на ущерб месяц. Это вытекает из положения и фаз луны.

Когда Юй прибыл в страну нагих, он разделся, прежде чем вступить в ее пределы, и оделся, только когда покинул их. Так там было принято. Мо-цзы увиделся с царем Чу, будучи одетым в парчу и со свирелью, на которой он играл. Так было необходимо. Конфуций общался с Ми Цзыся, чтобы иметь возможность через него увидеться с госпожой Ли. Так было надо. Тан и У в мире, охваченном смутой, сумели понять страдания народа, проявить свою правоту у всех на виду, свершить свои подвиги, пользуясь обстоятельствами. Потому что, кто правильно оценивает обстановку, побеждает, кто субъективен — погибает. Тот, кто правильно использует сложившуюся обстановку, непобедим. Сколько бы ни было земли у его противника, как бы многочисленно ни было население, проку от этого никакого.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Изучая современность / Ча цзинь

Почему высшие не заимствуют целиком законы прежних царей? Это не неразумие! Дело в том, что их невозможно просто взять и провести в жизнь! Законы прежних царей дошли до нас в передаче предыдущих поколений. Что-то было добавлено, что-то утрачено. Поэтому как можно целиком их брать в употребление! Но даже если бы к ним ничего не добавляли и ничего бы из них не изымали, все равно было бы невозможно просто взять и использовать их. Ведь и указы времен Восточной Ся, и законы древности и современности отличаются как по форме выражения, так и по лежащим в основе их принципам. Поэтому древние указы по большей части не вписываются в современную речь, точно так же, как нынешние законы по большей части не подошли бы к законам древности.

Это можно уподобить как бы народам разных племен. Стремятся все они к одному, но добиваются этого различными способами. Неясным языком выраженные, повеления не достигают слуха подданных. Когда много видов лодок, повозок, одежды и головных уборов, вкусов яств, звуков и цветов — люди приобретают определенные пристрастия и считают только себя правыми, поэтому они обращаются друг против друга и начинают друг друга осуждать. Ученые Поднебесной не жалеют изощренных речей и острых слов, и все же им не удается схватить суть вещей — оттого, что они поглощены взаимоуничтожением, их больше всего занимает стремление одержать победу над оппонентом. Поэтому как можно прямо брать на вооружение законы древних царей. Если бы даже и возможно было их получить в их подлинном виде, все равно невозможно было бы употребить их на практике.

Все законы прежних царей создавались к определенному случаю, если же эта ситуация не появляется одновременно с законом, то если бы даже это и был закон к данному моменту, он был бы все равно неприменим, как если бы его не было вовсе. Поэтому следует отбросить готовые законы прежних царей, но подражать тому, чем они руководствовались при выработке законов.

Чем же руководствовались при выработке законов прежние цари? Они ориентировались на людей. Но ведь и мы такие же люди. Поэтому, зная себя, можно узнать и другого человека. Изучая современность, можно узнать и древность. Древность и современность едины. Разве другой не таков же, как я? Те, кто овладел дао, более всего ценят способность по близкому судить о далеком, по современности судить о древности, по видимому судить о невидимом. Так, следя за тенью на ступенях зала, узнают о эволюции инь и ян, как она проявляется в движениях солнца и луны. Наблюдая за льдом в сосуде, познают, как погружаются в спячку рыбы и черепахи. Так по кусочку мяса узнают, как приготовлено все блюдо, как приправлен весь таганок с похлебкой.

Чусцы желали пойти войной на Сун и послали человека, чтобы отметил броды на реке Юн. Река Юн из-за паводка поднялась, но чусцы не знали об этом и повешкам, обозначавшим брод, начали ночью переправляться через нее. В результате утонуло более тысячи человек. В армии началась паника, палаточный лагерь был разрушен. А между тем вежи в момент их постановки обозначали действительные броды. Просто в некий момент уровень воды изменился, и глубина стала больше.

Чусцы же следовали при переходе вброд точно указанному пути, что и послужило причиной их поражения. Если властители нынешнего века стали бы слепо копировать законы властителей минувших времен, то получилось бы то же самое. Время теперь уже не то, что было во времена, когда устанавливали свои законы прежние государи, и если кто-нибудь скажет: «Но ведь это законы прежних государей!», и станет им подражать в надежде на то, что ему удастся навести порядок, это будет настоящей трагедией. Поэтому если править страной без закона, начнется смута, если же соблюдать закон, но никогда не изменять его, это будет безумием. Ни в условиях смуты, ни когда правитель безумен, управлять государством невозможно. Происходит смена поколений, меняются и времена, отсюда вытекает необходимость изменения и законов. Уподобим это действиям искусного врача. При всяком изменении хода болезни, он меняет и предписываемое лекарство. Если же при изменении течения заболевания оставить лекарство неизменным, то, что должно было продлить жизнь пациента, приведет к его преждевременной смерти. Поэтому во всех предприятиях необходимо действовать в соответствии с законом. Однако следует следить за тем, чтобы законы менялись в зависимости от требований момента. Именно такой взгляд на вещи позволяет избежать ошибок.

Ясно, что народные массы не имеют права судить о законе, а власть предержащие не должны охранять закон даже под угрозой смерти. Те, кто изменяет закон в соответствии с велением времени,— мудрые властители. В Поднебесной был семьдесят один мудрец, и законы у каждого были свои—это происходило не оттого, что они умышленно противоречили друг другу, а оттого, что времена, в которые они жили, были различны. Поэтому и говорится: «Если хочешь найти добрый меч, смотри, как он рубит, а не смотри, чтобы он непременно звался Мосе; ищешь доброго скакуна, смотри, как он пробежит тысячу ли, а не зовется ли он Цзи или Ао». Все, что вело к успеху и славе, и считалось у древних царей добрым скакуном. Некий чусец переправлялся через Янцзы, когда меч его упал с лодки в воду. Он тогда быстро сделал зарубку на своей лодке, говоря при этом: «Вот отсюда свалился в воду мой меч!» Лодку остановили, и он с того места, где была зарубка, прыгнул в воду, чтобы найти меч. Однако лодка уже продвинулась вперед, а меч продолжал лежать на дне. Если искать меч таким образом, произойдет сплошное недоразумение. Но когда древние

законы так же точно пытаются применить в своем государстве, получается то же самое. Время уже ушло, а закон ходить не может. Не слишком ли трудно навести порядок таким образом?

Некий прохожий шел берегом реки Янцзы и увидел, как некто тащит мальчишку, намереваясь бросить его прямо в реку. Мальчишка голосил, и прохожий поинтересовался отчего. Ему сказали: «Его отец был отличным пловцом!» Но если отец был отличным пловцом, то неужели и сын в один момент станет столь же искусен? Так подходить к вещам крайне недальновидно. Между тем в царстве Чу в порядке правления есть нечто напоминающее этот случай.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предвидение / Сянь ши-лань

Во всяком государстве, которому грозит гибель, наблюдается, что владеющие дао покидают его раньше, чем гибель наступит. Так было в старину, так же обстоят дела и ныне. Страны находят опору в укрепленных городах, города свою опору — в гражданах, граждане — в му-
дрых.

Поэтому мудрые властители старались заполучить мудрых и тем самым заполучали граждан. Заполучив граждан, заполучали и населенные ими укрепленные города. Заполучив города, приобретали всю страну. Тому же, кто владел страной, уже не нужно было самому заниматься всеми делами: его мудрецы заботились вместо него о народе, так что ему оставалось заниматься только самым главным.

Хронист дома Ся по имени Чжун Гу вытащил свои записи и графики-схемы [законов] и заплакал, держа их в руках, однако глава <дома> Ся — Цзе был уже в полном ослеплении, насилия и смуты при нем достигли предела. Тогда хронист Чжун Гу покинул страну и уехал ко двору династии Шан. Тан очень обрадовался этому и передал всем чужоу следующее: «Царь из дома Ся утратил дао. Он насильничает над народом и мучает его, уничтожает своих родственников [отцов и старших братьев] и позорит своих верных слуг. Он пренебрегает [советами] своих мудрых и благонамеренных подданных, удаляет справед-

ливых и слушает лстецов. Весь народ опечален таким ходом дел, придворные, которым поручено наблюдать за соблюдением законов, сами бегут в Шан».

Тайный секретарь нэйши дома Инь по имени Сян Цзи, видя, как правитель Чжоу впадает во все большее ослепление и творит все большие бесчинства, погрузил свои схемы и кодексы на повозку и бежал с ними к Чжоу*. У-ван очень обрадовался и, обращаясь к чжухоу, сказал: «Царь Шан впал в великую смуту! Он сдался перед силой вина, он удалил Цзи-цзы и окружил себя девчонками и мальчишками. Государственными делами ведает у него Да Цзи, награды и наказания выдаются бессистемно, без соблюдения законов и обычаев. Он казнил троих ни в чем не повинных, народ во многих случаях отказывается повиноваться, верные закону подданные бегут к нам в страну Чжоу». Главный хронист царства Цзинь по имени Ту Шу, видя, в какую смуту погружается Цзинь, увидев, как занесся, забыв о добродетели и долге, цзиньский правитель, со своими таблицами и кодексами бежал в Чжоу. Чжоуский Вэй-гун принял его и задал вопрос: «Какое из царств Поднебесной погибнет первым?» Тот ответил: «Первым погибнет Цзинь». Вэй-гун спросил, почему он так думает. Тот ответил: «Когда я был там, в Цзинь, я не мог прямо говорить, так что пришлось указать цзиньскому гуну на дурные предзнаменования небес, поскольку в движении солнца, луны и звезд наблюдалось много аномалий. Но он сказал: «Ну и чем это может мне повредить?» Я также указывал ему на то, что в поведении людей стало проявляться заметное отсутствие справедливости, так что простой народ начал роптать. Но он на это сказал: «Ну и как это может на мне сказаться?» Я также указал ему, что соседние государства проявляют строптивость, а мудрые и благонамеренные не одобряют правительственных мер. Но он на это сказал: «Ну и как это может меня подорвать?» Кто так говорит, тот даже не понимает, откуда грозит гибель. Поэтому я, ваш слуга, и говорю — первым погибнет Цзинь!»

Он не прожил в Чжоу и трех лет, как Цзинь погибло. Вэй-гун тогда вновь встретился с Ту Шу и спросил: «Кто следующий?» Тот сказал: «Следующим будет Чжуншань». Вэй-гун спросил, почему он так думает, и он

* В первом случае имеется в виду последний правитель Иньской династии по имени Чжоу, а во втором случае — северо-западное царство Чжоу. В тексте записаны разными иероглифами. (Примеч. составителя.)

ответил: «Небо рождает человека и наделяет его стыдливостью. Стыдливость — это долг человека. Этим он отличается от птиц и зверей, лосей и оленей. Этим устанавливается порядок, при котором существуют правители и подданные, высшие и низшие. В обычай же Чжуншань вошло превращать день в ночь, а ночью продлять предыдущий день. Мужчины и женщины там сходятся и ласкаются беспрерывно. От этого люди там изнеженные, чувствительные и легко льют слезы. А правитель не видит в этом ничего дурного. Это нравы погибающего царства, поэтому я, ваш слуга, и говорю: «Следующим будет Чжуншань!»

Через два года Чжуншань действительно погибло. Вэй-гун вновь призвал Ту Шу и между прочим спросил: «Кто следующий?» Ту Шу не ответил. Когда же Вэй-гун продолжал настаивать, Ту Шу ответил: «Следующим будете Вы, правитель». Вэй-гун тогда испугался и стал искать по всей стране зрелых мужей. Он заполучил на службу И Чжи и Тянь И и оказал им всяческие почести, он нашел Ши Линя и Чжао Пяня и сделал их членами совета. Он отменил 39 обременительных для народа указов и сообщил о своих мерах Ту Шу. Тот сказал на это: «Ну, может, этих мер и хватит до конца вашей жизни, правитель». И добавил: «Я, ваш слуга, слышал вот о чем. Когда государство идет к расцвету, небо посылает ему мудрых и искусных в речах мужей, а когда государство идет к упадку, небо посылает смутьянов и краснобаев».

Когда Вэй-гун скончался, гроб его девять месяцев не предавали земле, царство Чжоу разделилось на два лагеря. Посему слова владеющих дао нельзя не воспринимать всерьез.

На чжоуских треножниках изображался монстр Таоте — с головой, но без туловища — он хватал человека, но не мог его проглотить целиком и тем наносил вред себе самому. Эти изображения олицетворяли возмездие: тому, кто творит недоброе, тоже не поздоровится.

Бо Гуй прибыл в Чжуншань. Царь Чжуншань пожелал, чтобы он остался там. Бо Гуй упорно отказывался, вошел на колесницу и уехал. Затем он прибыл в Ци. Циский царь также хотел оставить его при себе в должности, но он опять отказался и уехал. Кто-то спросил его, почему он так поступил, и он сказал: «Эти два государства в скором времени погибнут. То, чему я стал свидетелем, называется «пять признаков конца». Что есть пять признаков конца? Когда не награждают верных — это конец вере; когда не награждают прославленных —

это конец стремлению к славе; когда не награждают любящих — это конец родственным чувствам; когда у путешественников нет на дорожные расходы, а у постоянно живущих на одном месте — на пропитание — это конец финансам; когда не умеют заставить служить других и не в состоянии служить сами — конец успехам государства. Если в государстве имеются эти пять признаков конца, то оно погибнет, если не случится чуда. А в Чжуншань налицо полный набор этих признаков, и в Ци тоже. Если только предположить, что царь Чжуншань и циский царь, прослышав про пять признаков конца, изменят порядок правления, тогда, быть может, их гибель и не наступит с неизбежностью. Однако беда их в том, что они как раз ничего не слушают. Даже если им об этом и рассказать, они не поверят».

Так что долг властителя заключается как раз в том, чтобы уметь слушать, вот и все. Иначе ничего не дадут ни пятикратные наделы Чжао, [как сделали в Чжуншань], ни всеобщая мобилизация и отвод войск к реке Ци, [как сделали в Ци]. Ибо они отбросили то, благодаря чему существовали, и своими руками создали то, благодаря чему должны были погибнуть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наблюдения над современностью / Гуань ши

В Поднебесной есть мужи, владеющие дао, но их всегда немного. Если на пространстве в тысячу ли есть один такой муж, можно считать, что они стоят плечом к плечу, и если раз в несколько поколений появляется мудрец, можно считать, что они идут друг за другом по пятам. Но раз появление мужей государственных и мудрецов — дело столь редкое, а они совершенно необходимы для утверждения порядка, то откуда же взяться порядку? Ведь даже когда, по счастью, есть такие, они могут оставаться в неизвестности, а это все равно как если бы мудрых вовсе не было. Вот поэтому-то порядок обычно столь недолговечен, а смуты — столь продолжительны. Поэтому сильных ванов можно вспомнить не более трех, ба-гегемонов — не более пяти¹¹⁰, в то время как гибель государств — дело обычное, властителей захватывают в плен одного за другим. А ведь этих несчастий не было бы, будь в стране истинные мужи государственных. По этой причине больше нет ни более чем четырехсот чжухоу, получивших от дома Чжоу наделы, ни

более чем восьмисот царств, которые были у него в подчинении¹¹¹. А те, что сохранились, тоже бывали в прошлом разорены. Разумный властитель, понимая, как обстоят дела, должен день ото дня становиться все осмоторительнее, стремясь продлить свой век. Это можно уподобить восхождению на вершину. Когда тот, кто поднимается на гору, находится уже достаточно высоко и оглядывается по сторонам, он видит, как величественные утесы вздымаются все еще высоко над ним. Тут есть сходство с тем, как воспринимает себя мудрец: как бы сам он ни был разумен, как бы ни были высоки его поступки, оглянувшись вокруг, он всегда видит тех, кто бесконечно превосходит его самого!

Поэтому Чжоу-гун Дань¹¹² говорил: «С теми, кто ниже меня по духу, я не общаюсь, поскольку они лишь отягощают меня; с теми, кто для меня ровня, я также не общаюсь, поскольку от них мне нечему поучиться!» Так что разумному полезно быть лишь с теми, кто добродетельнее его самого. А привлечь разумных и знаться с ними можно, лишь привечая их по ритуалу¹¹³.

[Когда правители разумны и в мире порядок, добродетельные в почете. Когда же правитель невежествен, а мир погряз в смуте, тогда добродетельные в пренебрежении]. Всегда следует стремиться находиться с теми, кто добродетельнее нас. То, благодаря чему можно заполучить в знакомые добродетельного, чтобы с ним жить,—церемониал. Когда правитель добродетелен, а в мире порядок, добродетельные оказываются в почете [на самом верху]. Когда же правитель неразумен, а мир погряз в смуте, тогда добродетельные оказываются в самом низу [в пренебрежении]. Сейчас дом Чжоу низложен и нет больше сына неба, а большей смуты, чем отсутствие сына неба, не бывает. Потому что когда нет сына неба, сильные притесняют слабых, многочисленные творят насилие над малочисленными, уничтожают друг друга при помощи войска, не зная отдыха и перемирия, а на первых ролях оказываются льстецы. Именно таков нынешний мир. Поэтому желающему найти мужей, владеющих дао, нужно искать их на реках и морях, в горах и ущельях, в местах малодоступных и удаленных. Только там при удаче можно их обрести.

Тай-гун ловил рыбу в Цзыцюане, потому что родился во времена Чжоу-синя, но там его и нашел Вэнь-ван¹¹⁴. Вэнь-ван владел всего лишь тысячей колесниц, а Чжоу-синь был сыном неба. И то, что сын неба утратил Поднебную, а властитель тысячи колесниц ее приобрел, пока-

зывает, что такое знание и незнание. Так что когда речь идет о людях заурядных, простом народе, ими можно повелевать не церемонясь. Но когда речь идет о муже, владеющем дао, то ему необходимо оказывать почет и с ним следует лично знакомиться — только тогда его ум может быть использован в полной мере.

Когда Янь-цзы прибыл в Цзинь, он увидел человека в вывернутой мехом внутрь одежде, тащившего тюк сена и остановившегося отдохнуть на обочине¹¹⁵. Признав в нем благородного мужа, он послал спросить, как тот оказался в таком положении. Тот отвечал: «Цисцы продали меня сюда в рабство, мое имя Юэ Шифу». Янь-цзы сказал: «О!» — и тут же велел отпрячь левую пристяжную, чтобы выкупить этого человека. Самого его он взял в повозку и отвез к себе. Когда они прибыли, он, ни слова не говоря, вошел во внутренние покои (женские покои). Тогда Юэ Шифу разгневался и хотел удалиться. Янь-цзы послал за ним человека, чтобы передать следующее: «Мы с вами прежде не были знакомы, но я помог вам избежать несчастья, чем же я теперь перед вами провинился?» В ответ Юэ Шифу сказал: «Я слышал, что благородный муж может снести унижение перед тем, кто его не знает, но не должен терпеть пренебрежения от того, кто его узнал. Поэтому я хочу прекратить всякие отношения». Тогда Янь-цзы сам вышел к нему и сказал: «Раньше я видел только вашу наружность, теперь я вижу и внутреннее содержание моего гостя. Я, Ин, слышал, что тот, кто хочет по-настоящему узнать человека, не обращает внимания на то, что о нем говорят другие, и кто хочет понять, каков человек в деле, не должен полагаться на его собственные речи. Могу я извиниться перед вами и просить вас остаться со мной?» Юэ Шифу сказал: «Раз вы относитесь ко мне с уважением, я не могу не последовать за вами». И Янь-цзы взял его на службу¹¹⁶.

Когда у человека заурядного появляются заслуги, он начинает воображать, что благодетельствовал других людей; полагая себя благодетелем, он становится заносчивым. А вот то, что Янь-цзы не только не поставил себе в особую заслугу, что выручил человека из беды, но сумел даже перед ним извиниться, показывает, насколько далек он был от пошлости. Это и есть путь к истинным свершениям.

Учитель Ле-цзы¹¹⁷ попал в нужду и отошал от голода. Какой-то гость-бинькэ поведал об этом чжэнскому министру Цзы Яну¹¹⁸: «Ле Юйкоу — муж, владеющий дао. Живет он в вашем царстве и так бедствует! Разве

у вас не заботятся о настоящих мужах?» Чжэнский Цзы Ян тотчас велел служителям послать Ле-цзы несколько десятков бин¹¹⁹ проса. Выйдя к посланцам, учитель Ле-цзы дважды поклонился, но дара не принял. Когда гости удалились и Ле-цзы вернулся в дом, его жена гневно била себя в грудь и причитала: «Я слышала, что семья человека, постигшего дао, обретает покой и радость, а ваши жена и дети отошдали от голода. А когда министр хочет подарить вам немного зерна, вы отказываетесь! Что же, нам суждено вечно быть голодными?» Смеясь, учитель Ле-цзы ответил: «Министр меня даже никогда не видел, с чужих слов посылает мне просо. Но точно так же с чужих слов он обвинит меня и в преступлении! Поэтому я и не принял дара». В конце концов недовольный народ восстал и Цзы Яна убили.

Принять от другого пропитание и не пойти за него на смерть, если он окажется в беде — это забвение долга; но пойти за такого на смерть — значит умереть за неправо дело. Умереть же за неправо дело — значит пойти против природы. Сколь же далек был учитель Ле-цзы как от забвения долга, так и от всего, что противно дао! То, что он решил не принимать дара, даже терпя голод и холод, означает, что он предвидел, какой оборот примет дело, и действовал, исходя из этого предвидения. Это и есть подлинное понимание жизни и судьбы!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Понимать в искусстве восприятия / Чжи цзе

Человеческий глаз устроен так, что он воспринимает некий вид, если же глаз зажмурить, то это все равно как если бы никакого вида объективно не существовало. То, что мы видим с открытыми глазами, отличается от того, что мы видим с прищуренными глазами. Тому, у кого глаза закрыты, свет в глаза не попадает, поэтому он ничего и не видит. Тот, кто зажмурился, глазами ничего не воспринимает! Если он не может ничего воспринимать, но говорит о видах, которые ему представляются, он в заблуждении.

То же касается и сознания. То, что воспринимается обладающим сознанием и что воспринималось бы не обладающим сознанием, — одна и та же действительность. Но способность к восприятию у разных сознаний различная. То, что способен воспринять обладающий сознанием, намного обширней, чем то, что способен воспринять

ринять не обладающий сознанием. Тот, у кого ясное сознание, видит дальше, чем тот, у кого оно замутнено. Если же тот, кто приспособлен к восприятию только того, что лежит рядом, станет судить о тех превращениях, которые свершаются далеко от нас, то откуда же возьмется понимание истинного положения дел? Если же нет соответствующих представлений, то, как бы ни старался говорящий, он не сможет их точно описать.

Некий жунец увидел пряильщика и спросил его, чем он занят: «Из чего получаются эти длинные-длинные нити?» Тот, указывая на коноплю, сказал, что он делает. Тогда жунец пришел в негодование: «Как из этого спутанного-спутанного может получаться длинное-длинное?»

Вот и в гибнущем царстве не то чтобы не было мудрых мужей, не то чтобы не было добродетельных. Причина в том, что их правителям невдомек, что они есть. Эта болезнь — неспособность к адекватному восприятию действительности — приходит, когда сами себя считают обладающими сознанием: такое сознание как раз и не позволяет воспринимать мир правильно. Если же мир сознанием правильно не воспринимается, но сам воспринимающий считает, что он его воспринимает, — это, конечно, глупость. При таком положении государство не может существовать, и правитель никак не может рассчитывать на собственную безопасность. Если же сознание не воспринимает чего-либо, но человек сознает, что его сознание не воспринимает этого, — государству не грозит гибель, а правителю — опасность.

Гуань Чжун заболел. Хуань-гун пришел навестить его и спросил: «Ваша болезнь, чунфу¹²⁰, опасна, и весьма. Что бы вы хотели мне сказать в поучение?» Гуань Чжун сказал: «Крестьяне у нас в Ци любят одну поговорку: «С тем, кто ничего не накопил, пока был здесь, нечего будет зарыть, когда он пойдет туда». Нынче я отправляюсь в дальний путь, и о чем меня можно еще спрашивать?» Хуань-гун сказал: «Хотелось бы, чтобы вы, второй отец, не отказывали». Гуань Чжун тогда сказал: «Мое желание состоит в том, чтобы вы, правитель, удалили от себя И Я, евнуха Шу Дао, колдуна из Чан и принца из Вэй Ци Фана». Хуань-гун сказал: «И Я, чтобы доставить мне радость, зажарил собственного сына, как же я могу сомневаться в нем?» Гуань Чжун отвечал: «В природе человека нет ненависти к своему отпрыску. Если уж человек своего собственного ребенка подвергает мучительной смерти, то что же он может сделать с собственным правителем?» Гун тогда сказал: «Шу Дао оскотил себя,

чтобы иметь возможность приблизиться ко мне. Как я могу в нем сомневаться?» Гуань Чжун сказал: «Не в природе человека калечить собственное тело. Если он мог причинить это своему собственному телу, то что он может причинить своему правителю?» Хуань-гун тогда сказал: «Колдун из Чан разбирается в жизни и смерти, он способен излечить любую душевную болезнь, как же не доверять ему?» Гуань Чжун сказал: «Жизнь и смерть зависят от судьбы, а душевные болезни — от воли человека. Вы, правитель, полагаетесь не на судьбу, чтобы сохранить свое здоровье, а на какого-то колдуна из Чан, и он, [таким образом,] пользуясь этим, может творить что ему вздумается». Хуань-гун сказал: «Царевич из Вэй Ци Фан служит мне пятнадцать лет; даже когда умер его отец, он не поехал домой, чтобы оплакать его,—как же в нем можно сомневаться?» Гуань Чжун сказал: «Не в природе человека не любить своего отца. Если же он пренебрег отцом, то чего ожидать от него вам, правитель?» Хуань-гун сказал: «Я обещаю вам».

Гуань Чжун умер, и он отослал всех их прочь. Однако он потерял аппетит, дворец его пришел в запустение, вновь его охватила душевная смута, двор потерял былой блеск. Так прожил он три года и, наконец, произнес: «Нет, второй отец, видимо, ошибался: его речи нельзя было понимать так буквально». И он вновь призвал тех ко двору. Они вернулись, и на следующий год у Хуань-гуна началась болезнь. Колдун из Чан вышел из внутренних покоев и объявил: «В такой-то день правитель скончается!» И Я, Шу Дао и колдун из Чан, сговорившись между собой, подняли смуту, запечатали дворцовые ворота и выстроили вокруг дворца высокие стены. Туда они никого не пропускали под предлогом, что действуют по приказу больного Хуань-гуна. Однако одна из жен перелазала через стену и проникла в покои, где лежал Хуань-гун. Он проговорил: «Хочется есть». Жена ответила: «У меня ничего нет». «Хочется пить»,—сказал гун. «У меня ничего нет»,—повторила женщина. Гун спросил, в чем дело. Тогда она ответила: «Колдун из Чан вышел от Вас и объявил, что Вы скончаетесь в такой-то день. И Я, Шу Дао и колдун устроили заговор, они заперли ворота дворца, выстроили вокруг высокую стену и никого не пропускают. Поэтому я не могу вам ничего принести. Принц же Ци Фан приписал к царству Вэй сорок общин, принадлежащих Вам». Тогда гун глубоко вздохнул и со слезами на глазах произнес: «Увы мне! Как же далеко видит мудрец! Если мертвые сохраняют способность ду-

мать, как я буду смотреть в лицо второму отцу?» Он закрыл лицо рукавом и отбыл во дворец долголетия. Когда черви стали выползать уже за порог, двери Янвэн пришлось плотно затворять, так как он три месяца оставался без погребения. А все это из-за того, что не слушал речей Гуань Чжуня!

Хуань-гун не был беспечным в отношении грозившей опасности и неплохо относился к Гуань Чжуну. Все дело в том, что он лишен был правильного восприятия. Из-за того, что лишен был правильного восприятия действительности, он удалял верных и надежных и приближал тех, кого любил и считал достойными людьми.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сожалеея об ошибках / Хуй го

Если в пещере больше восьми футов глубины, человек рукой до дна не достанет. Отчего так? Оттого что рука слишком коротка. Вот и сознание не может всего достичь. То, чего оно не в состоянии достичь, таково, что тот, кто станет о нем судить, даже если он искусен в суждениях, даже если он далеко ушел в постижении дао, не в состоянии будет это узреть. Поэтому даже Цзи-цзы ничего не добился при дворе Шан, а Фань Ци вынужден был уплыть вниз по течению реки Цзян. Му-гун как-то поднял войска, чтобы напасть на царство Чжэн. Цзянь Шу стал увещевать его в следующих словах: «Это невозможно. Я, ваш слуга, слышал вот о чем. Государство берут приступом на боевых колесницах с расстояния не более чем в сотню ли, в пешем строю — с расстояния не более чем в тридцать ли, чтобы войска прибывали к месту сражения, сохранив силу духа и физические силы. Только в этом случае при контакте с противником можно его уничтожить, а при отходе можно сохранить необходимую скорость. Если же марш составляет несколько тысяч ли и к тому же проходит по землям враждебных чжухоу, вряд ли, по мнению вашего слуги, возможно после этого что-либо предпринять. Лучше бы вам, государь, еще подумать над этим планом». Му-гун не послушал его. Тогда Цзянь Шу вывел войско за ворота столицы и со слезами произнес: «О, войско! Мы — свидетели того, как они уходят в поход, но не увидим, как они придут назад!»

У Цзянь Шу было два сына. Одного звали Шэнь, а другого — Ши, и оба отправлялись с войском. Цзянь Шу тогда сказал своим сыновьям: «Цзиньцы остановят наши войска, конечно же, у озера Сяо. Постарайтесь погибнуть на южном берегу, а не на северном, мне тогда легче будет найти ваши тела». Когда Му-гун узнал об этом, он послал человека поговорить с Цзянь Шу и передать ему следующее: «Когда я, несчастный, поднял войска, я не представлял себе, как далеко это зайдет. А теперь вы плачете на проводах. Это по моим-то войскам?» Цзянь Шу ответил: «Я никогда не посмел бы оплакивать ваше войско. Я уже стар, и у меня два сына. Оба они отправились с войском в поход, вот я и думаю: каково-то будет возвращение. Если они и останутся живы, то мне-то уж верная смерть. Вот по этой-то причине я и плачу».

Когда войско на марше миновало Чжоу, Вансунь Мань, прислонившись к воротам своего дома, произнес, взирая на него: «Ох-хо! В этом войске непременно будут неприятности! Если у него не будет неприятностей, я никогда больше не стану говорить о дао! Царство Цинь есть не что иное, как учрежденное домом Чжоу государство. Когда проходят по городу, принадлежащему сыну неба, подвязывают панцири и приторачивают оружие. Правые и левые воины на боевых колесницах должны сойти на землю, чтобы таким образом отдать честь сыну неба. А эти едут с развернутыми флагами, не левый воин держится за перекладину, а правый; тот, кто слева, ни разу не склонится над поперечным брусом колесницы в ритуальном поклоне, а в пяти сотнях колесниц из правых воинов вспрыгнули на ходу в колесницу не менее пятисот. Так что сил у войска много, а ритуал соблюдается худо. Без неприятностей им не обойтись!»

Войско миновало Чжоу и направилось на восток. Тут ему встретились два чжэнских купца, Гао и Си Ши, которые отправлялись на запад в Чжоу на базар. Когда на дороге им повстречалось циньское войско, они заговорили между собой. «О, это войско идет издалека. Конечно, они собираются напасть на Чжэн!» И они решили отправить в циньские войска Си Ши под видом того, что он выполняет распоряжение чжэнского бо, и передать им следующее: «Наш правитель давно слышит, что должны пожаловать военачальники вашего великого государства, а вас все нет и нет. Наш правитель и его войско начали уже за вас беспокоиться. Они понимают, что ваши солдаты в столь утомленном состоянии и без продовольствия долго не протянут. Поэтому он послал меня, чтобы

доказать свое сочувствие вам посылкой вам в подарок двенадцати волов в качестве провианта». Три военачальника из Цинь отвечали: «За неимением лучшего наш правитель послал нас троих — Бина, Шу и Ши — в восточную сторону, чтобы мы дождались его на дороге в Цзинь. Однако мы совершили ошибку и в полном неведении относительно местопребывания случайно забрели в пределы ваших земель. Поэтому мы никак не можем отблагодарить...» Затем они дважды склонились до земли в поклоне и удалились с дарами.

Три военачальника после этого стали испуганно советаться: «Мы прошли несколько тысяч ли через владения нескольких враждебных нам чжухоу, чтобы напасть на них, но не успели еще дойти до цели, а они уже знают обо всем. Это значит, что они, конечно, подготовятся самым тщательным образом. Нужно скорее развернуть войска, чтобы уйти от преследования!» Однако как раз в этот момент скончался цзиньский Вэнь-гун. Он не был еще погребен, когда Сянь Чжэнь стал советовать Сян-гуну, наследнику: «Циньское войско нужно обязательно атаковать! Прошу вас разрешить мне нанести удар!» Сян-гун сказал: «Наш властитель скончался, тело его все еще лежит в зале, а я буду гоняться за циньским добром и ради этого нападать на циньцев,— не будет ли это с моей стороны нарушением дао почтительного сына?» Сянь Чжэнь сказал: «Они не выразили соболезнования, их не трогает наше горе— это все равно как если бы они убили нашего правителя и нанесли ущерб бедному сироте. При этих условиях мы можем нанести удар— это поможет усилению наших позиций! Прошу вас разрешить мне ударить по ним!»

Сян-гуну ничего не оставалось, как согласиться. Сянь Чжэнь перехватил циньские войска у озера Сяо, нанес удар и одержал полную победу. Он захватил всех трех циньских полководцев и вернулся с ними ко двору. Когда Му-гун узнал об этом, он явился в простом платье перед всеми в храме предков и сказал: «Небо не помогает Цинь. Ибо оно не заставило меня, несчастного, послушаться совета Цзянь Шу! Вот почему и свалилось на нас это несчастье!»

Конечно, Му-гун не желал поражения при Сяо. Просто ему не хватило рассудительности. И оттого, что не хватило рассудительности, он не возбудил и достаточной веры. Когда же к речам нет достаточной веры, войска не возвращаются. Так что нехватка рассудительности приводит к большим неприятностям.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Радуюсь успеху / Лэ чэн

У высшей мысли нет видимого образа, большой сосуд долго делать, великий голос трудно услышать.

Пока Юй прокладывал русла рек, народ сходил к нему, чтобы набрать черепицы и кирпича. Когда дело было сделано и подвиг совершен, он послужил к пользе десяти тысяч поколений. Юй видел далеко, но народ об этом не догадывался. Поэтому с народом нечего толковать о преобразованиях и обсуждать начинания — с ним можно только радоваться тому, что уже совершено и сделано.

Когда Конфуций начал службу в Лу, некий насмешник по имени И сочинил про него такой стишок-яо:

В оленьей дохе и передник из кожи;
Без него без слез прожить сможем.
Передник из кожи, оленья доха;
Без таких не знали печали пока.

Однако через три года мужчины ходили только по правой стороне улицы, а женщины — только по левой. Если терялись дорогие вещи, народ не смел их поднимать. Так что свершения великих людей трудно чему-либо уподобить. Когда Цзычань начал управлять царством Чжэн, то поля там впервые были размежеваны, а в городах и поселениях была впервые введена для всех форменная одежда. Народ, видя это, сочинил такую частушку:

У нас были поля свои,
Но Цзычань даровал нам другие.
Были платье и шапки свои,
Но Цзычань нарядил нас в иные.
Кто Цзычаня убивать
Будет — буду помогать!

Но уже через три года народ запел другое:

У нас были поля свои,
Но Цзычань добавил к ним.
У нас были дети и братишки —
Цзычань наставил их на путь.
Не дай бог, умрет Цзычань —
Кто другой сможет так?

Положим, чжэнский Цзянь или луский Ай из-за таких насмешек со стороны народа взяли да и уволили бы мудрецов со службы — в стране, конечно, не было бы таких

успехов. Но и у Конфуция, и у Цзычяня были случаи, когда они ничего не могли поделать! Конечно же, не из-за их неспособности, здесь уж целиком можно отнести вину на счет народа, который сам не понимал, в чем его счастье. Если в наше время все признают Цзянь-гуна и Ай-гуна мудрыми властителями, а Конфуция и Цзычяня способными мужами, то это оттого, что два эти правителя умели взять на службу достойных людей.

Когда были изобретены лодка и повозка, потребовалось три поколения, чтобы их перестали страшиться. Что-либо хорошее провести в жизнь очень нелегко! Поэтому, если слушать всякого, никакое дело невозможно будет сделать — дело делается только когда правитель руководствуется собственной мудростью.

Царство Вэй напало на Чжуншань под водительством генерала Юэ Яна. По возвращении он представил Вэнь-хоу доклад, в котором ясно проступало любовование своими подвигами. Вэнь-хоу сразу же понял это и приказал секретарю: «Принеси сюда все, что сообщали подданные и советники-бинькэ». Секретарь принес два ящика бумаг, и Вэй-хоу дал их почитать генералу. Все доклады были на тему о том, как трудно нанести поражение Чжуншань. Тогда генерал сделал шаг назад, повернулся в знак уважения лицом на север и дважды поклонился: «Предприятие с царством Чжуншань удалось не благодаря моей силе — это целиком Ваша заслуга! Если бы все те, кто был против кампании, явились в этот зал! Для того, чтобы царство Чжуншань осталось не завоеванным, не потребовалось бы двух коробов документов, хватило бы и одного цуня — моя воля была бы сломлена».

Вэнь-хоу был мудрым правителем, а между тем вот так обстояли при нем дела. Что же творится в делах правителя средних способностей? Самым большим пороком властителей средних способностей следует признать то, что они не в состоянии предаться надеянию и не могут избежать манипулирования — они вечно сами что-то делают, но и с ними вечно что-то делают. Если же во всяком трудном предприятии воля, взгляд на вещи и действия правителя лишены колебаний, то уж тем более и среди подданных никто не осмелится предаваться сомнениям и рассуждениям. Если же все, и правитель, и подданные, будут объединены в стремлении сделать что-либо, их не может постигнуть неудача и в самом трудном деле. Именно благодаря этому удалось Тану и У одержать великие победы над Ся и Шан, а Гоу-цзяню

удалось отомстить своему врагу. Если даже малые и слабые объединятся в каком-либо деянии и будут держаться вместе, они превзойдут в своих деяниях сильных и больших.

Вэйский Сян-ван как-то сидел за вином со своими. Когда он несколько захмелел, он поднял тост за присутствующих: «Желаю, чтобы свершились желания души всех моих верных подданных!» Тогда Ши Ци встал и сказал: «Среди подданных есть умные и глупые. Если исполнятся желания умных, очень хорошо. Но не дай бог, чтобы исполнились желания неразумных». Царь сказал: «Да, если бы все были такими же прекрасными слугами, как Симэнь Бао ¹²¹!» Ши Ци ответил: «Когда род Вэй наделяет кого-либо землей, то на сто му в любом другом месте приходится двести му в местности Е, поскольку поля там хуже. Но, между прочим, там рядом протекает река Чжан. Так что если Симэнь Бао не знал об этом, то он просто глуп, а если знал, то он не предан государю. Глупый и неверный—что же брать с него пример?» Вэйский царь ничего на это не ответил. На другой день он вызвал Ши Ци и обратился к нему с вопросом: «Можно ли водами реки Чжан оросить поля области Е?» Ши Ци сказал: «Можно». Царь спросил: «А почему же тогда вам не сделать этого для меня?» Ши Ци сказал: «Боюсь, что вам, государь, не справиться с этим делом». Царь сказал: «Если вы всерьез приметесь для меня за это, я, в свою очередь, во всем вас послушаю». Ши Ци почтительно согласился и, обсуждая с царем эту проблему, сказал следующее: «Если я, ваш слуга, возьмусь за это дело, народ ополчится против меня. В крайнем случае меня убьют, если же этого не случится, тогда я буду осужден властью. Если я погибну или буду осужден, прошу, чтобы царь послал другого человека завершить начатое дело». Царь обещал. Послал его указом в область Е. Ши Ци во исполнение отправился туда. Народ области Е вознегодовал и был готов предать Ши Ци суду. Ши Ци не смел появляться на людях и скрылся. Тогда царь послал другого человека, чтобы он завершил начатое дело. Когда вода пошла на поля, народ увидел, какова выгода от этого, и сложил об этом песню, где были такие слова:

Область Е получила мудрое повеление:
Сюда прибыл господин Ши;
Он покорил воды Чжан,
Оросил всю область Е.
Там, где вечный был солончак,
Рис с пшеницей теперь растут.

Если бы народ сам знал, что можно сделать, а что нельзя, тогда нечем было бы заняться мудрым. Если мудрый правитель и честный подданный не в состоянии направить глупых и наставить простых, слава их не увенчает потомков; они не оставят будущим поколениям в наследие ничего великого.

Ши Ци, конечно, понимал, что произойдет с ним, но поступал так из верности правителю. Вэйский Сян-ван, можно сказать, был последовательным в проведении добрых начинаний. Поскольку он искренне стремился быть последовательным в осуществлении добрых дел, он не менял своего образа действий, невзирая на ропот и протесты народа. Свершать большое дело непросто — оно всегда вызывает ропот толпы. Бывает, что этот ропот приводит даже к гибели царства. Поэтому на ропот толпы невозможно не реагировать. Правитель средних достоинств может из-за такого ропота прекратить доброе дело. Однако мудрый правитель свершает свои великие дела, невзирая на ропот толпы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Изучение тончайшего / Ча вэй

Когда порядок и смута, существование и гибель царства отличаются, как гора от лощины, как белый мел от черного лака, — тогда ни к чему мудрость, достаточно и глупости. Но вообще порядок и смута, существование и гибель не таковы — они то очевидны, то неочевидны. Поэтому даже мудрые мужи и добродетельные правители должны напрягать ум и глубоко задумываться, прежде чем достичь этого состояния ясности понимания, как это можно видеть из деятельности Гуань Шу и Цао Шу и планов по умиротворению непокорных восьми государств на востоке.

Ибо начало различий между смутой и порядком, между гибелью и существованием подобно осенней паутинке. Кто в состоянии увидеть кончик осенней паутины, тому не грозит заблуждение и при изучении крупных вещей.

Законы царства Лу гласили, что если житель царства Лу попадает в рабство, жительница — в наложницы к кому-нибудь из чжухоу, то сумма, за которую их можно выкупить, предоставляется в золоте двором. Но когда

лусцы выкупали Цзыгуна у чжухоу, он отверг предложенное ему золото из казны. Конфуций сказал: «Это твоя ошибка! Отныне лусцы перестанут выкупать своих соотечественников. Если бы ты взял это золото, то добродетели твоей урону не было бы, а вот то, что не взял, приведет к тому, что людей больше не будут выкупать по твоей милости». Наоборот, Цзылу как-то спас утопающего, и тот, чтобы отблагодарить его, подарил вола. Цзылу подарок принял, и Конфуций сказал: «Теперь лусцы непременно станут спасать утопающих». Конфуций видел всю тонкость ситуаций и предвидел отдаленные последствия. Достаточно было ему увидеть начало, и он мог представить себе конец.

В царстве Чу был пограничный город под названием Бэйлян. Некая девица из этого города вместе с другой девицей из пограничного города со стороны царства У вместе собирали листья тута на самой границе. Во время забавы девица из Бэйляна как-то поранилась. Тогда люди из Бэйляна обвинили в ранении своего чада взрослых из У. Отвечая на это обвинение, усцы не были достаточно вежливы, что рассердило чусцев, которые убили жителей У и оставили их там лежать. Усцы тогда отправились в Чу, чтобы отомстить за это, и уничтожили всю семью той девушки. Это привело в ярость бэйлянского гуна, который вскричал: «Что? Эти усцы смеют нападать на мой город?» Он поднял войско и повел его ответным походом на чуский город, истребив там всех от мала до велика. Узнав об этом, пришел в ярость И Мо, царь Чу. Во главе войск он напал на пограничный город усцев и сровнял его с землей, предварительно разграбив, а затем отступил. Царства У и Чу с той поры стали непримиримыми врагами. В результате уский гун Цзы Гуан вновь пошел походом и дал сражение чусцам при Цифу. Он нанес сокрушительное поражение чусцам и захватил их полководцев Пань Цзычэна, Сяо Вэйцзы и Фэнь Сяо. Затем он привел войска к стенам Ин, столицы царства Чу, где захватил и увез к себе жену чуского Пин-вана. Таковы истинные мотивы битвы при Цифу.

При управлении государством самое высшее знание — знание того, с чего начинается событие и чем оно завершится; только потом — знание процесса развития. Кто не владеет искусством знания этих трех вещей, тот подвергает свое государство опасности, а самого себя обрекает на гибель. В «Сяо цзине» говорится: «Тот, кто стоит высоко, но никому не угрожает, может сохранять долго свое высокое положение. Тот, у кого много добра и кто

не расточителен, может долго сохранять свое состояние. У кого же знатность и богатство становятся неотъемлемыми, тот в состоянии защитить алтари земли и посева и умиротворить население своей страны». Чусцы этого не сумели.

Сын гуна из царства Чжэн по имени Гуйшэн поднял войско с целью покарать царство Сун. Сунский Хуа Юань во главе своих войск встретил его при Даци. Ян Чжэнь правил его боевой колесницей. Накануне битвы Хуа Юань велел заколоть барана, чтобы угостить мужей, но Ян Чжэнь туда не был приглашен. На следующий день в ходе битвы он гневно обратился к Хуа Юаню и сказал: «Вчера ты всем заправлял, а сегодня всем заправляю я!» И он направил боевую колесницу в самый центр чжэнских войск. Сунские войска потерпели поражение, а Хуа Юань был пленен.

Каждому известно, что огромный арбалет не выстрелит, если в нем не хватает детали размером с рисинку. Бой — огромная машина. Угощать военных и забыть о собственном колесничем, а затем из-за этого потерпеть поражение и оказаться в плену — на кого уж тут пенять?! В каждой битве нужно все предусмотреть, все приготовить, знать и противника, и свои войска — только тогда можно воевать.

В царстве Лу дома Цзи и Гоу устраивали петушинные бои. Дом Цзи одел своего петуха в доспехи, и тогда дом Гоу надел своему металлические шпоры. Петух дома Цзи не мог одержать верх, и тогда Пин из рода Цзи возмутился. Он отправился на двор к Гоу и разрушил там сарай. Тогда в гневное состояние впал Чжао из дома Гоу и подал клеветническое заявление Чжао-гуну. Он сказал: «При великой жертве предкам в храме Сян-гуна было всего два танцовщика, потому что все остальные исполняли танцы в доме Цзи. Отсутствие морали и уважения к высшим в доме Цзи давно известно, и если их не покарать самым суровым образом, под угрозой окажутся алтари земли и посева». Гун пришел в ярость, без дальнейшего изучения вопроса послал Бо во главе войск к дому Цзи, и тот разорил их подворье. Тогда обе ветви дома Цзи, Чжунсунь и Шусунь, встретились и сошлись на следующем: «Если не станет дома Цзи, наш род прекратит существование в течение одного дня». Они вооружились и отправились в путь так, чтобы выйти через северо-западные ворота. Таким образом, все три дома объединили усилия, и Чжао Бо из рода Гоу не смог их осилить и пал. Чжао-гун тогда испугался. Он бежал в Ци и умер по

дороге в Ганьжоу. Луский Чжао, до которого дошли эти слухи, не стал рассуждать, соответствуют ли они действительности,— он испугался того, что все государство Лу оказалось не в состоянии разгромить один род Цзи, не понимая того, что только страх заставил род Чжуншу объединиться в несчастье с родом Цзи!

Это значит, что он не понял истинных мотивов действий этих людей. Кто не понимает истинных мотивов действий людей, тому, как бы высоко ни было его положение, не видать покоя. Если уж царство Лу опасалось, что ему не справиться с одним родом Цзи, то тем более надо было опасаться общей ненависти трех ветвей рода Цзи, отчего они и стали помогать друг другу. Если рассмотреть этот случай, станет ясно, что в этой неразберихе виноват не один род Чжуншу— все царство Лу было охвачено страхом, а когда все государство Лу оказалось объято страхом, могло показаться, что весь народ стал твоим врагом. И тут уж, считай, повезло, что удалось добраться так далеко— до Ганьжоу, и только там умереть!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Отринуть ослепление / Цю ю

На востоке жил мойст по имени Се-цзы. Он отправился на запад, чтобы повидаться с циньским Хуэй-ваном. Царь спросил о нем у циньского мойста Тан Гуго. Тан Гуго испугался, что царь сочтет Се-цзы более мудрым, чем он сам, и ответил: «Се-цзы— искусный спорщик с востока. Это человек опасный, так как его речи могут захватить молодого господина». Поэтому царь ждал того с затаенным гневом. Когда Се-цзы прибыл, чтобы поговорить с царем, царь даже не стал его слушать. Тогда Се-цзы замолчал, а затем откланялся и пустился в дальнейший путь.

Когда кого-либо слушают, то для того, чтобы приобрести что-либо полезное. Если такие речи действительно хороши, то что же плохого в том, если они даже и захватят своей силой молодого властителя. Если же то, чему посвящена речь, плохо, то даже если она будет лишена той силы, которая может захватить молодого повелителя, какое тут преимущество?

Хуэй-ван совершил большую ошибку, когда принял намерение добросовестно изложить свои мысли за попытку одурачить молодого властителя. Это неумение

слушать. Если так применять свою волю, то при всем желании принимаемого гостя, при всем усилии воспользоваться глазами и ушами, все равно невозможно будет понять, что именно тот имеет в виду. Именно такое случилось с хронистом Чжоу [из Дань], который с помощью души убитого обвинил невинного человека по ошибке и казнил его, что вызвало всеобщее возмущение и смуту среди подданных, повергшие страну в огромную опасность. Обычно когда человек стареет, тело его слабеет, а рассудок крепнет. А вот у Хуэй-вана в старости одинаково ослабли и тело, и рассудок.

Чуский Вэй-ван учился «Шу цзину» у Шэнь Иньхуа. Это не нравилось Чжао Ли. Вэй-ван любил физические упражнения. У него был партнер, некий чин, который, по поручению Чжао Ли, сказал Вэй-вану: «По стране идет слух, что Вы собираетесь стать учеником Шэнь Иньхуа». Царю это не понравилось, и поэтому он отдалил от себя Шэнь Иньхуа. Этот чин был мелким человеком. И все же — одно его слово, и Вэй-ван перестал слушать о поучениях прежних царей, а люди больших познаний не решались выступать, так что Чжао Ли получил полную свободу действовать по собственному произволу.

Поэтому речи мелких людей нельзя не подвергать проверке. Повелитель, который часто гневается, тем самым открывает путь подлым людишкам. Когда же фальшивым людишкам путь открыт, чрезвычайно трудно удерживать их и дать им отпор. Кто дает волю стреле, у того будет промах; кто дает волю воде, у того будет засуха. Правитель, дающий волю своим чувствам, окажется в дураках. Кто же творит глупости, тот не может быть назван благородным мужем. Для того же, чтобы не давать волю своим эмоциям, необходимо только, чтобы к ним была приложена мера.

Некий старик жил по соседству с другим человеком. У того рос засохший платан, и сосед-старик сказал ему: «Засохший платан — не к добру». Тот его сразу срубил. Тогда старик попросил срубленное дерево себе на дрова. Сосед опечалился и сказал: «И хитер же мой сосед! Да разве это по-людски? Ему только одна выгода и нужна была!» Между тем, просил ли тот себе дерево на дрова или не просил, не имело никакого отношения к тому, плохое или нет предзнаменование — сухой платан во дворе.

Когда-то одному цисцу очень хотелось золота. С утра пораньше одел он платье и шапку, отправился на базар, подошел прямо к меняле, схватил золото и кинулся прочь. Поймав его, стражник спросил: «Как мог ты

украсть чужое золото? Ведь кругом были люди!» Тот ответил: «Когда я брал, никого не заметил, видел лишь золото».

Вот это действительно великая жажда выгоды! Когда человек чем-либо ослеплен, он готов принять день за ночь, белое за черное, Яо за Цзе. Поистине велики несчастья, проистекающие из ослепления. Властители погибших государств все были в глубоком ослеплении, разве не так? Поэтому всякий человек, прежде чем достичь знания, должен отринуть ослепление. Только избавившись от пристрастий, можно сохранить в целости свою натуру.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Исправление имен / Чжэн мин

Если имена соответствуют действительности, наступает порядок, если имена извращают действительность, наступает смута. Те же, кто извращает именами действительность,—болтуны. Такие болтают безответственно о возможном и невозможном, соответствующем действительности и несоответствующем, правдивом и неправдивом, ложном и неложном. Поэтому речи благородного мужа говорятся лишь в той мере, чтобы сделать содержание ясным как мудрому, так и немудрому; лишь в той мере, чтобы из них можно было понять, как обстоят дела и куда движется жизнь человеческая; в той лишь мере, чтобы уяснить причины возвышения и краха, узнать истоки смуты и порядка.

Если воздвигается смута, значит, наказания и поощрения не соответствуют деяниям. Даже неумный властитель полагает, что берет на службу мудрых, следует пути добра и действует разумно. Вся беда тут в том, что то, что он полагает разумным, заставляет людей следовать в действительности неразумному; думая, что творит добро, он толкает других на путь порока; думая, что действует разумно, он на самом деле идет против естества. И постепенно наказания и поощрения приобретают ложный смысл, а название и сущность—ложное истолкование. Тогда и мудрые, и глупые, и добрые, и злые могут пойти против природы. И тут уж не приходится ждать, чтобы в государстве не было смуты, а сам ты не подвергся опасности.

Циский Минь-ван был таков, что понимал, что необходимо покровительствовать мужам служилым, но он не понимал, что значит быть служилым мужем. Поэтому

когда Инь Вэнь¹²² спросил его об этом, он даже не мог ему ответить. Так приобрел у него доверие Гун Юйдань, так получил у него назначение Чжо Чи. Между тем разве не было и доверие Гун Юйданю, и назначение Чжо Чи вредным для него самого делом?

Инь Вэнь предстал перед циским царем, и циский царь сказал ему: «Я так люблю государственных мужей!» Инь Вэнь ответил: «Мне хотелось бы услышать, что вы называете государственным мужем». Царь ничего ему не ответил. Тогда Инь Вэнь сказал: «Предположим, что у нас тут есть некто, кто в услугах родне проявляет почтительность, в службе государю проявляет верность; в дружбе на него можно положиться, в своей общине он почтителен к старейшинам. Если есть эти четыре качества — такой муж может быть назван государственным, так?» Циский царь сказал: «Да, действительно можно назвать такого мужем». Инь Вэнь сказал: «Если бы вы смогли заполучить такого человека, сделали бы вы его своим подданным?» [Царь ответил утвердительно]. Инь Вэнь тогда спросил: «А, положим, такой человек, находясь при дворе и в храме предков, будет жестоко оскорблен, но не станет в ответ сражаться — оставит ли тогда его царь среди своих подданных?» Царь сказал: «Нет. Если дафу подвергся унижению и не сразился в ответ, то это позор для него. Если же это для него позор, то я не могу держать опозоренного на службе». Инь Вэнь тогда сказал: «Но ведь то, что он был опозорен, но не стал защищать свою честь силой, не означает утраты им ни одного из тех четырех качеств, благодаря которым вы согласились считать его мужем государственным. А если он не утратил ни одного из качеств, из-за которых вы согласились считать его мужем государственным, то выходит, что и если бы он утратил хоть одно из качеств мужа, царь перестал бы его считать своим слугой, и, напротив, если бы он не утратил ни одного из качеств мужа, царь также перестал бы считать его своим слугой. Тогда, по-видимому, то, что мы условились называть мужем, вовсе не соответствует тому, что следовало бы так называть?» Царь ничего не ответил.

Инь Вэнь продолжал: «Положим, что нашелся бы такой человек, который стал бы приводить к порядку свое царство и стал бы наказывать тех, кто поступает несправедливо, и равно наказывать тех, кто не поступает несправедливо; стал бы карать тех, кто виновен, и равно карать тех, кто не виновен, и к тому же сетовать на то, что народом трудно править, — возможно ли такое?» Царь

сказал: «Невозможно». Инь Вэнь сказал: «Мне все же кажется, что низшие чины именно таким образом и управляют в Ци». Царь сказал: «Если бы мне, несчастному, и моему правительству было такое свойственно, то если бы народ и не был приведен к порядку, я не стал бы ни на кого жаловаться. Хотя все же надеюсь, что до этого еще не дошло». Инь Вэнь тогда сказал: «Что ж, тогда я не в силах молчать и прошу разрешить мне объясниться. Есть царский указ, который гласит: «Тот, кто убил, умрет; тот, кто причинил увечье, будет подвергнут пытке». Тот, кто даже перед лицом глубокого унижения не смеет сразиться с обидчиком, лишь буквально исполняет царский указ. И вот тот же царь говорит: «Тот, кто подвергается оскорблению, но не желает биться за свою честь,— опозорен». Видимо, тогда то, что называют позором, в действительности позором не является; и тот, кто считается подданным, на самом деле не есть подданный— в противном случае получилось бы, что царь карает того, на ком нет вины». Циский царь ничего не ответил.

Когда в суждениях таковы, как этот царь, тогда царство в опасности, тело под угрозой, так что приходится бежать потом в Вэй. А между тем этот самый циский Минь-ван был старшим ленником мэнхоу дома Чжоу, которому оказывал знаки внимания сам Тай-гун, благодаря которому Хуань-гун установил ба-гегемонию и который разбирался в том, как Гуань Чжун отделял имя от сущности!

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Распознавать удел / Шэнь фэнь

Всякий властитель должен понимать, что есть мера, лишь тогда он в состоянии будет навести полный порядок, так что пути разврата, фальши, лицемерия и интриг окажутся закрытыми, а дурным влияниям неоткуда будет явиться. Наведение порядка в самом себе и в государстве— умения одного рода. Если, положим, все разом возьмется обрабатывать общий участок земли, работа пойдет медленно, поскольку все будут мешать друг другу. Если же землю разделить на участки, дело пойдет споро, так как ничто не будет его задерживать. У властителя тоже, можно сказать, своя земля, земля, общая

господину и его слугам, и если они станут обрабатывать ее совместно, слуги станут стремиться больше работать на себя, и господину не удастся этому воспрепятствовать. Создать доброе трудно, но использовать доброе легко. Как узнать, что это именно так? Если человек и конь побегут рядом, человек, конечно же, не сможет обогнать коня. Но если он запряжет коня в повозку, а сам взойдет на нее и так поставит коня себе на службу — конь не сумеет обогнать человека.

Умение властителя управлять служивым человеком — это тот же случай, что и с конем в упряжке: среди чинов немало таких, с кем ему не потягаться. Но если властитель будет действовать так, как если бы чины у него были запряжены в колесницу, и не будет упускать управление ею, тогда все добрые станут источать силы и умение, а ловкачи и краснобаи, льстецы и болтуны, жулики и проходимцы не найдут щели, куда они могли бы просочиться со своими порочными намерениями; мужи же прямые и достойные, скромные и порядочные, верные и великодушные станут соперничать между собой в усердии на службе.

Колесница властителя опирается на вещи, и если он уделяет внимание законам власти над вещами, он способен вступить в обладание всеми четырьмя полюсами. Если же он не постиг законов использования вещей, он будет ими наносить вред самому себе, они охватят его ум и отнимут силы, и тогда подданные перестанут слушать его поучения и начнут жить своим умом. А коль скоро это случается, все чины начинают волноваться, беспокоиться и смущаться, младшие и старшие начинают соперничать друг с другом, все пороки возрастают разом. Власть тогда в опасности, авторитет колеблется, каждый правит у себя дома, и становится невозможным ни наставить, ни убедить. Так всегда обстоят дела в государстве накануне гибели.

Колесничий Ван Лян неподражаемо правил лошадьми оттого, что понимал каждое их движение и контролировал его поводьями, так что ни один из четверки коней не смел лениться. Когда обладающий путем властитель правит именно так же тьмой подданных — у него свои поводья.

На что же походят его поводья? Эти поводья именно и есть не что иное, как исправление имен и распределение обязанностей — поводья порядка. Поэтому знание сути вещей и делает возможным их правильное именование. Лишь в этом случае можно достичь знания их природы.

Послушай их речи, и узнаешь, из какого они теста, и тогда не будет ни упущений, ни смуты. Если имен много — это означает, что они не соответствуют обозначаемым ими сущностям; если много деяний — это означает, что они не отвечают своему назначению. Посему властитель не может не уделять внимания наименованию и разграничению вещей. Если он не будет разбираться в наименованиях и их разграничении, это будет препоной и препятствием в делах, причем препоны и преграды воздвигаться будут не подданными, а самим государем. Ведь среди подданных Яо и Шуня были не одни лишь преданные долгу, а среди подданных Тана и Юя были не одни лишь верные государю — однако же эти цари умели с ними управиться. Среди подданных Цзе и Чжоу были не одни подлецы, — просто правители эти утратили понимание законов управления. Представим себе, что некий человек, которому понадобился бы буйвол, стал спрашивать лошадь, а когда ему понадобилась бы лошадь, стал спрашивать буйвола — несомненно, он не получил бы искомое. Если бы при этом он стал требовать с угрозами и гневом, должностные лица начали бы роптать и огорчаться, и даже среди самих буйволов и коней возникли бы волнение и беспокойство. Чины царства и представляют собой этих ответственных лиц, а вещи подобны табуну буйволов и коней. Когда их неправильно именуют, когда их должностные обязанности четко не распределены, а наказания и штрафы применяются в избытке — не избежать большой смуты. Если кого-то считают мудрым и понимающим, а он туп и невежествен на самом деле, если считают кого-то возвышенным и добродетельным, а на самом деле он подл и низмен, если кого-то восхваляют за целомудрие и чистоту, а добродетель его весьма сомнительна, если кого-то назначают на место, чтобы он блюл законы ради общего блага, а на самом деле он занимается только собственной мошной, если кого-то берут на службу, предполагая за ним мужество и отвагу, а он оказывается малодушным и трусливым, то все эти пять случаев напоминают о том, как вола принимают за коня, а коня — за вола. Это и есть неправильность именования!

По той причине, что называются вещи неверно, властители пребывают в тревоге и беспокойстве, а служилое сословие в сомнении и волнении своенравничает. Это грозит стране гибелью, народу — потерями. Но когда хотят обелить что-либо, а оно становится только чернее, когда хотят обрести что-либо, а оно никак не находится — значит, необходимое понимание утрачено. Посему

умение навести высший порядок заключается в том, чтобы правильно называть вещи. Когда вещи правильно названы, у властителя не остается ни тревог, ни беспокойства, его зрение и слух ничем не ущемлены. Он справляется обо всем, но не правит, знает, но не действует. Он гармоничен и неагрессивен, добивается во всем успеха, но не кичится этим.

То, что по своей природе неподвижно, не может само прийти в движение; то, что по своей природе подвижно, не может произвольно остановиться. Однако тот, кто умеет употребить вещи в соответствии с их природой, не налагает на них пут и не требует от них подчинения себе вопреки их собственной природе. Он чист и спокоен и потому всеобъемлюще справедлив ко всему существующему без различия. Дух его проникает к четырем полюсам, а добродетель освещает все за четырьмя морями. Мыслью своей он проникает в беспредельное, а слава его разливается безбрежно. Это называется: утверждение своей природы в океане вещей. Такого можно назвать равным неявиленному.

Посему обретающий дао забывает о человеческом. И таким образом приобретает себе на службу поистине достойных. Это не значит, что он при этом утрачивает дао. Познает добродетель и отбрасывает то, чем познал, но при этом, приобретая в силе познания, не теряет и в добродетели. Тот, кто обрел высшее знание, не занимается мелочами, он спокоен, и любая мелочь становится ему ясной; но это не означает, что он утратил внимание к деталям.

Великое сознание не занимается пустяковыми проблемами, оно исходит из насущного и сразу схватывает суть вещей; но это не означает, что оно безразлично ко всему. Нет такого человека, который не имел бы специальных способностей. Но когда он сохраняется в целости, он способен на любое дело, не утрачивая и своих особых склонностей. Ведь именно потому, что он обрел целостность способностей, он может освободиться от мелочей.

Когда достигают этого, обретают способность следовать своей индивидуальной природе, и тогда ци сознания обретает способность странствовать в царстве вечной неподвижности, обретать покой в обиталище природы, сохранять свою целостность среди тьмы вещей, не властвуя над ними. Заполняет собой всю Поднебесную, и никто не знает, откуда она берет начало. И если даже все пять этих вещей и не удастся воплотить в одном себе, тот, кто стремится к этому, уже на пути к истине!

Тот, кто обрел дао, непременно пребывает в покое. Тот, кто пребывает в покое, не обладает знаниями. Кто понимает ценность неимения знаний, с тем можно говорить о пути правителя. Поэтому и говорится: тот, кто хранит свои желания в себе самом, зовется замкнутым. Того, кто не позволяет страстям внешнего мира проникать вовнутрь, называют запертым. Кто замкнут и отрешен, стоит близко к природе. Он имеет в себе уровень, но не выравнивает, имеет в себе отвес, но не выправляет; и все в природе пребывают в величайшем покое. Кто в покое и умиротворении, может служить образцом для всей Поднебесной.

Самое ценное в теле — сердце, самое ценное в сердце — рассудок. О, рассудок! Сколь глубок, сокровенен и в то же время основателен! Никто не в состоянии его постичь! В «Хун фань» говорится об этом: «Небо тайно распоряжается судьбами людскими!» Тайно — то, через что все проявляется. Поэтому и говорится: «Не покидая двора, постигать Поднебесную, не выглядывая в окно, постигать небесный путь».

«Чем дальше его путь, тем меньше его знания». Поэтому мужи великих познаний склонны к уединению [и далеко не ездят].

Когда слишком много трудятся ушами и глазами, когда глубоко задумываются — пропадают. Когда исследуют твердое и белое и спорят о не имеющем толщины — допускают ошибки. То, чего достигают, никуда не выходя, — это как раз то, за чем пускаются в путь; то, что обретается надеждой, — это как раз то, ради чего прилагают усилия. Но это все равно что с помощью ян стремиться достичь ян, с помощью инь воздействовать на инь!

В Восточном океане есть предел, за которым вода поворачивает и течет обратно. После пика летней жары погода становится прохладной. Поэтому и говорится: небо не имеет формы, но тьма вещей благодаря ему получают завершение. Предельно тонкое не имеет зримого образа, но оно вызывает превращения всего сущего. Великий мудрец ничем специально не занят, и все его чины крайне напрягают свои силы. Все это и называется обучением без наставлений, поучением без речей. И есть способ определить, не безумен ли властитель, — надо

взглянуть, соответствуют ли его слова должному. Существуют и средства, чтобы узнать — не помрачился ли рассудок правителя: нужно посмотреть, получает ли он то, о чем просит. Что же касается самого правителя, то, если он недолжное принимает за должное, а недостижимое полагает достижимым, — это значит, что его представления о должном и достижимом неверны или из-за него самого, или из-за его подданных. Поэтому тот, кто по-настоящему умеет властвовать, не знакомится с делами. Самый умелый властитель — тот, кто даже не знает, что происходит; затем тот, кто сам ничем не занимается. Тот, кто имеет представление о том, что происходит, обязательно что-либо да упустит; тот, кто делает сам какое-нибудь дело, непременно чего-нибудь недоделает. Если же будут иметь место упущения и недоделки, это непременно поведет к сомнениям среди чинов, а этим-то как раз всегда и пользуются порочные.

Положим, строят повозку — ее можно сделать лишь при участии ряда исполнителей. Государство же, как известно, куда сложнее повозки, так что лишь многими умами и умениями может оно поддерживаться. Повозка не собирается из однотипных деталей универсальным способом. И только владеющий дао способен быть тем единственным, которому покорно все существующее.

Некий лусец поднес в дар сунскому Юань-вану головоломку-узел. Юань-ван тогда издал и огласил по всей стране указ с призывом к искусным — явиться, чтобы решить головоломку. Но никто не мог ее решить. Некий ученик Эр Шо попросил, чтобы ему разрешили решить ее. И он действительно отчасти ее распутал, но вторую часть распутать не сумел. Тогда он сказал: «Если никто не мог решить ее раньше, и у меня она не решается полностью — она неразрешима, это очевидно». Об этом спросили у того лусца, и он ответил: «Да, это так. Она действительно неразрешима. Но я придумал ее и знал, что она неразрешима, а вот тот человек не создавал ее и все же догадался, что она неразрешима, — значит, он умнее меня!» Так что такие, как ученик Эр Шо, решают тем, что не решают!

Вэнь, великий мастер-музыкант из Чжэн, находил удовольствие в том, что упражнялся целыми днями в игре на гусях сэ, и всякий раз он отбивал перед своим сэ поклон и приговаривал: «Черпаю у вас, учитель, как черпают в беспредельном!»

Такие, как великий Вэнь, когда охотятся на зверя, поступают как охотник, стреляющий с упреждением, чтобы поразить его наверняка. Поэтому для них раздумья и размышления—это нанесение вреда собственному сердцу; пользование рассудком—самоубийственно; сознательное употребление в дело своих навыков—гибельно; пребывание в определенной должности—чревато безумием. Ибо возвышенная душа должна чувствовать себя свободно и беззаботно, быть нескованной, спонтанной, не проявляющей себя ни в какой внешней деятельности.

Ибо высшая мудрость—в том, чтобы отказаться от обычного и уйти от банального; никто не знает, по какому пути она направится, удаляясь от мира и покидая толпу, но при этом сливаясь в гармонии со всем окружающим. Она правит людьми скромно и неприметно, как бы с огорчением, но никто не может воспротивиться ее воле. Такая мудрость интуитивно чувствует фальшь и лицемерие, и потому льстецам, краснобаям и мошенникам неоткуда подступиться.

Известно, что любому мошеннику и авантюристу нужно, чтобы его выслушали, а тут кто же станет ему потакать?

Что есть следование? Это есть следование деяниям властителя. Если же властитель любит сам действовать, то лица, состоящие при должностях, отбрасывают свои обязанности и дожидаются, пока сам правитель займется делом лично. А когда они, следуя указаниям правителя, допускают злоупотребления, властителю как будто не за что их осуждать, и он что ни день оказывается критикуем, а подданные что ни день расширяют свои права. Когда тот, кто должен оставаться в неподвижности, двигается, а те, кто должен был бы двигаться, пребывают в неподвижности, достоинство обращается в ничтожество, а ничтожество—в достоинство. И это результат вышеописанного положения дел. Так и рушатся царства, на таких-то враг и нападает.

Си Чжун придумал повозку, Цан Цзе—письмо, Хоу Цзи—культурные растения, Гао Яо изобрел наказания, Кунь У—гончарное ремесло, Ся Гунь—городские стены. То, что делали эти шестеро, безусловно, необходимые вещи. Это так, и все же это ничего общего по сложности не имеет с дао, которым должен владеть правитель. Посему и говорится: тому, кто действует по собственной инициативе, можно посочувствовать, тому, кто следует чужим указаниям, можно позавидовать. И лишь тот, в ком воплощено дао правителя, обретает способность

видеть предначертания судьбы интуитивно и получает власть над живущими: всех в Поднебесной заставляя он служить себе, но сам не употребляет усилий. Вот это-то и называется — целостный человек.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Использование многих / Жэнь шу

Все, кто исправляет какую-либо должность, основным своим занятием считают наведение порядка, а смуту полагают преступлением. Если, положим, случится смута, но никто не понесет за это ответственности, смута будет разрастаться. Если властитель любовью к началствованию показывает границы своих возможностей, а любовью к лести демонстрирует свою незащищенность, тогда его подданные без всякого труда сохраняют за собой свои места тем, что изображают покорность и послушание. Тогда правитель для них всего лишь вышестоящий управляющий для таких же управляющих. Такие подданные слепо следуют за ним во всем ради продвижения по службе. Статус правителя и статус подданного в таком случае не разграничен твердо. Это как если бы уши слышали лишь шум, но не различали пяти нот; это как если бы глаза реагировали на свет, но не распознавали бы пяти цветов; это как если бы сердце обладало некими представлениями, но ни о чем не ведало бы в отдельности. Все это зависит от окружения.

Чтобы уши слышали, необходима тишина; чтобы глаза различали, нужен свет; чтобы ум разбирался в вещах, он должен быть в согласии со всей природой. Но если правитель и подданные меняются своими ролями, от этих трех слуг человека, о которых говорилось выше, никакого толку. Правитель рушащегося царства не то чтобы не мог слушать своими собственными ушами, не то чтобы не мог видеть собственными глазами, не то чтобы не понимал вещей собственным умом. Но из-за того, что статусы правителя и подданных функционально перепутаны, из-за того, что высшие и низшие не разграничены, хотя бы он и слышал ушами, что он услышит; хотя бы и видел глазами, что он увидит; хотя бы и понимал умом — что именно он поймет?

Помыслы о собственных удовольствиях и готовность выслушивать разумные речи — этого глупый никогда совместить не сумеет! Глупец может стремиться к этому, но никогда не достигнет этого. Не достигнет, стало быть, не

будет обладать знаниями, не будет обладать знаниями, стало быть, не будет вызывать доверия к себе.

Тварям без костей невозможно объяснить, что такое лед. Но правитель, имеющий на службе мужей совета, располагает возможностями для проверки истинности речей, и потому несчастью неоткуда подкрасться к нему. Так что ему не следует полагаться исключительно на изощренность своего слуха, зрения и ума — он может чувствовать себя спокойно, только когда он действует в согласии с мерой и в соответствии с природным порядком.

Ханьский Чжаоли-хоу увидал, наблюдая за животными, которые должны были быть принесены в жертву в храме предков, что жертвенная свинья слишком мелка, и приказал соответствующему чину заменить ее. Чиновник между тем опять явился с той же самой свиньей. Чжаоли-хоу тогда спросил: «Разве это не та же свинья, что и прежде?» Но чин молчал, ничего не отвечая, и хоу велел тюремщикам покарать его. Те, кто сопровождал хоу, спросили: «Как вы, ваша милость, могли узнать, что это та самая свинья?» Властитель ответил: «Собственными ушами слышал я это молчание чина».

Когда Шэнь Бухай услышал об этом, он продекламировал: «Как узнать, что скоро оглохнешь,—если уши чутки отменно; как узнать, что ослепнешь скоро,—если глаза зорки отменно; как узнать, что грозит безумье,—если речи верны необычайно». Поэтому и говорится: отбросить слух и не прислушиваться, и слух станет предельно острым; отбросить зрение и не присматриваться, и глаза станут необыкновенно зоркими; отбросить рассудок и не стараться ничего познать, и станешь справедливым, как сама природа. Если отбросить эти три вещи и не пользоваться ими — будет порядок, если же воспользоваться этими тремя — неминуема смута.

Вот каким образом объясняется тот факт, что на слух, зрение и рассудок, содержащийся в сердце, нельзя полностью полагаться: доставляемые ими знания о внешнем мире неполны, все, что благодаря им слышат и видят,—поверхностно. Если же с помощью поверхностного и ограниченного знания стремиться к тому, чтобы умиротворить всю Поднебесную, усмирить порочных и темных, навести порядок среди тьмы народа, такие намерения, конечно же, окажутся неосуществимыми!

На расстоянии всего лишь в десять ли ухо уже ничего не услышит; то, что находится за занавесью или стеной,—

глаз уже не увидит; дворец, занимающий площадь всего лишь в три му, и тот ум человеческий охватить не в силах. Что же говорить о том, что происходит на востоке — в стране Кайу или на крайнем юге — у племени доин; стремиться на крайнем западе — подчинить народ-племя шоуми, на крайнем севере — инкорпорировать народ чжаньэр? Властитель не может не подвергать проверке такого рода речи!

Порядок и смута, покой и опасность, существование и гибель — их дао не может быть двойственным; посему высший разум — это отказ от разума, высшая доброжелательность — это забвение доброжелательности, высшая сила — это отказ от проявления силы; без слов и без размышлений, в глубоком покое ждать [своего] времени, с приходом его — откликаться, оставив помыслы, следовать [ему] — вот закон всякого отклика; быть незамутненным, чистым, объективным, простым, правильно относиться к началу и концу — вот порядок правления; вторить непротивлению, следовать неслучившемуся.

Цари древности занимались мало чем, но отзывались на великое множество событий. Откликаться — вот искусство правления истинное. Приводить в исполнение — таково дао подданного. Тот, кто действует, встречает препятствия, тот, кто реагирует, обретает покой. Приходит зима, и все откликается холоду; приходит лето, и все откликается жару — чем же тут заниматься правителю? Поэтому и говорится: дао властителя в том, чтобы не знать и не действовать, но быть добродетельнее тех, кто имеет знания и занят деятельностью, тогда он будет владеть ими, а не они им.

Некий чин обратился за советом по какому-то делу к Хуань-гуну из Ци. Хуань-гун ответил: «Поговорите об этом с нашим отцом — Гуань Чжуном». Этот сановник снова спросил его о чем-то, и тогда Хуань-гун сказал: «Спросите нашего отца Гуань Чжуна». Так повторялось три раза, и тогда некто праздный стал говорить: «Первый раз — Гуань Чжун, второй раз — Гуань Чжун; надо сказать, и легко же быть правителем!» Хуань-гун на это отвечал: «Когда я не обрел еще отца Чжуна, мне было очень тяжело самому. Но после того, как я обрел отца Чжуна, отчего бы мне не пожить легко?» Если то обстоятельство, что Хуань-гун нашел Гуань-цзы, принесло большое облегчение в делах, то чего можно ожидать от обретения искусства дао?!

Конфуций был в затруднении между Чэнь и Цай. В течение семи дней не ел он горячего супа, ни зернышка

вареного не держал во рту. Когда он как-то днем уснул, Янь Хуэй отыскал где-то рис и приготовил его. Когда рис уже почти поспел, Конфуций увидел, как Янь Хуэй сунул руку в котел, схватил что-то оттуда и съел. Через какое-то время рис доспел, и он понес его Конфуцию, чтобы тот поел. Конфуций, между тем, сделал вид, что не видит его, выпрямился и проговорил в пространство: «Сегодня во сне я видел своего покойного брата и хотел бы сперва принести ему жертву из этой чистой пищи». Янь Хуэй ответил: «Это невозможно! Только что в эту пищу упал уголек. Поскольку выбрасывать пищу в нынешних обстоятельствах показалось мне дурным знаком, я выловил его рукой и съел!» Конфуций со вздохом произнес: «Вот и верь своим глазам! Если чему и верить, то глазам, а им, оказывается, тоже верить нельзя! Если уж на что и полагаться, то на ум, но и на ум полагаться невозможно. Запомните это, ученики, поистине нелегко познать человека!» Так что трудно не знание вообще, а то, посредством которого Конфуций познавал людей!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Не кланяться / У цзю

Если намерения у человека воистину добрые — он может быть начальником, даже если ничего не знает. Поэтому Ли-цзы и говорил: «Без собаки не взять зайца, но если зайцы превращаются в собак и начинают выполнять их функции, это уже не зайцы». С правителем, который стремится стать стряпчим во всех делах, произойдет подобное же. Ибо когда подданные совершают ошибки, другие порой могут им помешать их совершать, но, если заблуждается сам правитель, никто не посмеет ему перечить, и потому известно, что именно те, кто брал на себя министерские функции, всегда совершали самые большие ошибки.

Если метлой пользоваться ежедневно, ее нечего даже и убирать в ларь. Поэтому и говорится: то, чем пользуются, быстро приходит в негодность; то, что движется, всегда пачкается; тот, кто старается, всегда устает. Слабость, ветхость, дряхлость и усталость не должны быть свойственны дао правителя.

Да Яо создал [цикл] цзя-цзы, Цянь Жу придумал счет пленных по головам, Жи Чэн создал календарь, Си Хэ научил различать дни, Шан И ввел деление на месяцы, Хао И — деление на годы, И Шо изобрел одежду, И И —

лук, Чжу Жи — торговлю, И Да придумал вино, Гао Ань придумал дома, Юй Сюй создал лодку, Бо И — колодец, Чи Цзи изобрел ступу, Чан Я — упряжь, Хань Ай — обучил управлению колесницей, Ван Бин — укрощению буйволов, Ши Хуан придумал таблицы, У Пэн научил врачеванию, У Сян — гаданию на стеблях тысячелистника.

С помощью этих двенадцати чинов-подданных мудрецы привели к порядку Поднебесную. Сами мудрые цари не понимали ничего в каждом из этих искусств, но они поручили этим двенадцати чинам-подданным приложить все усилия, сделать все, на что они способны, так как по положению стояли над ними. Так они с помощью людей, которые умели достичь того, чего сами они не умели, сумели найти таких людей, которые знали то, что самим им было неизвестно. Они вскармливали свой дух, совершенствовали свои добродетели и таким образом становились преобразующей силой. Так зачем же им нужно было утруждать свою плоть и нагружать собственные глаза и уши? По этой причине добродетель мудрых царей сияла, как лучи восходящего солнца, которое, появляясь над горизонтом, достигает шести полюсов мира, оставаясь при этом мощным и не ущербным. Затмевая своим сиянием солнечный свет, они преобразовывали и меняли все существующее, и не было для них ничего невозможного в деяниях с великим единым.

Жизнь их не знала никакого ущерба, а намерениям их не было преград. Их ум-цзин сообщался с душами божеств-предков и природными духами, проникая в тончайшее. Поэтому умелые правители прежде всего уделяли внимание овладению собственной естественно-природной цин, и этого было достаточно для того, чтобы упорядочить все сто чинов, народ заставить служить себе как родному отцу, а имена и звания сделать очевидными всем.

Гуань-цзы обратился с представлением к Хуань-гуну: «В распахке новых полей, расширении городов, обработке земли и севе зерновых, с тем чтобы полностью употребить к выгоде силы земли, мне не сравниться с Нин Су. Поэтому я прошу вас назначить его даянем — министром земледелия. В том, как входить в залу и спускаться из нее, ступать вперед или отступать назад, когда остаться недвижимым, а когда, напротив, проявить сноровку — в этом всем мне не сравниться с Си Пэном, поэтому я прошу вас назначить его главным церемониймейстером. В том, чтобы первым являться на службу и последним уходить с нее, по

выражению лица определять настроение властителя и всегда оставаться преданным ему во всех представлениях и советах — когда делать, когда — нет, не страшась ни казни, ни гибели на поле брани, не обращая внимания на богатство и чины, — в этом мне не сравниться с Дунго Я, поэтому прошу вас назначить его главным цензором. Решать задачи на больших пространствах, невзирая на укрепленные стены, так чтобы боевые колесницы не сцеплялись осями, а бойцы не поворачивали вспять; поднять дух войска так, чтобы командующие трех армий смотрели на смерть, как на возвращение, — в этом мне не сравниться с царевичем Чэн Фу, поэтому я прошу вас назначить его главнокомандующим. Разбирать судебные дела так, чтобы всегда соблюдалась справедливость, не казнить ни одного невинного и не опозорить ни одного невинного — в этом мне не сравниться с Сюань Чжаном, поэтому я прошу вас сделать его верховным судьей. Если вы, государь, желаете привести страну к порядку, а войско сделать мощным — для этого достаточно этих пяти мужей. Если же государь желает стать гегемоном над остальными царями, тогда к ним необходимо присоединить меня». Хуань-гун сказал тогда: «Отлично!» — и повелел этим пяти мужам вступить в соответствующие должности под началом Гуань-цзы. Через десять лет, объединив девять чжухоу под своей властью, он овладел Поднебесной — и все это благодаря тому, что опирался на способности Гуань-цзы и пяти вышеназванных мужей.

Но и Гуань-цзы, будучи по своему положению подданным, ничего бы не достиг своими недостаточными силами, если бы не сумел воспользоваться способностями пяти названных мужей. Ни тем более ли пристало это властителю по положению? Властитель обязан знать, кто к чему способен — с тем, чтобы властвовать над людьми. Тогда все смутные, путанные и опасные речи принимаются именно за то, что они представляют собой на самом деле, и все чины и управители, гражданские и военные, истощают силы и иссушают ум на службе, а их подчиненным и в голову не приходит, что можно отлынивать.

Так что всякому правителю надлежит знать, что он не должен полагаться лишь на свои собственные способности, мужество, силу, честность и верность, и тогда он приблизится к этим добродетелям. Всякий правитель стремится к миру и спокойствию, опирается на силу и преобразованность социума, наводит порядок и живет в спокойствии, утвердив свою дэ, и тогда все преобразу-

ется само собой, а он может заняться самым насущным, оставив мелочи аппарату. Если он достигает этого, плоть и сила его день ото дня крепнут, а уши и глаза становятся день ото дня все пронизательнее, так что все его чины с трепетом относятся к своим обязанностям, и никто из них не смеет быть легкомысленным или неисправным. Каждый исправляет свою должность, чтобы добиться славы, и тогда слава-имя и богатство-существо служат опорой друг другу. Это и называется — познать дао.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Знание меры / Чжи ду

Мудрый правитель не тот, кто пытается разобраться во всех делах, а тот, кто ясно представляет себе то, благодаря чему он стал правителем. Правитель, обладающий необходимым для этого умением, не тот, кто лично занимается всем, а тот, кто знает главное — как заставить трудиться все сто чинов. У знающего это главное — дел не так и много, а в стране — порядок. Потому что у того, кто ясно представляет себе, чем должен заниматься правитель, власть укрепляется, а пороки в стране быстро изживаются. Когда же порок пресечен, болтунов при дворе нет, и ясно, как обстоят дела. Реальное положение тогда никем не приукрашивается, и во всех занятиях обнажается суть дела. Это и есть то, что называют совершенным порядком правления. В Поднебесной, находящейся в состоянии совершенного порядка, народ не любит пустых рассуждений и ничего не значащих слов, его не привлекают развратные учения и увлекательные речи, а добродетельные и бесчестные равно возвращаются к своей истинной природе, следуют обычным чувствам, не стараются приукрасить разными ухищрениями свою изначальную простоту и служат высшим не мудрствуя. И тогда искусные и неискусные, умные и глупые, отважные и трусливые становятся в силу этих причин одинаково пригодны для дел. Легко перемещая их с должности на должность, можно добиться того, чтобы все они справлялись со своими обязанностями. И тогда те, кто уже занимает посты, будут спокойно отправлять свои должности, не тая недовольства, а те, кто еще не имеет постов, будут стремиться проявить себя в деле, чтобы подкрепить свои предложения. Когда эти два состояния ясно разграничены, бесполезные речи не проникают ко двору. Правитель тогда может следовать

естественному ходу дел и отказаться от симпатий и антипатий к кому бы то ни было. Корнем всему он избирает полное беспристрастие и в этом состоянии воспринимает лишь речи, ведущие к практической пользе. Это и есть государственный подход к делу.

Государственный подход — это когда правитель и подданные сообща направляют усилия на то, чтобы добиться установления разумного и должного, утвердить законы и правила. А когда правитель следует естественному ходу дел, мужи разумные и верные долгу притекают ко двору со всех сторон, а законы и правила утверждаются. Напротив, люди, стремящиеся хитростью и обманом проложить себе путь наверх, покидают двор, видя, что это дело пустое, а все корыстолюбцы и шарлатаны стараются держаться подальше.

Таким образом, для наведения порядка в Поднебесной главное — искоренить порок, главное для искоренения порока — навести порядок в служебной иерархии, а для наведения порядка среди чинов главное — в правильном понимании дао-закона. Самое же главное для наведения порядка в сфере дао-закона заключается в постижении природного порядка вещей¹²³. Поэтому учитель Хуа-цзы¹²⁴ говорил: «Правителю надо быть глубоким, но не обширным, ему надлежит благоговейно хранить корень и радоваться правильному. Он ни в чем не должен уподобляться другим, а его усилия должны быть направлены на искусное использование подданных. Когда он в полной мере овладеет этим искусством, даже варвары четырех стран света будут умиротворены, поскольку обладающий этим небесно-природным даром следует естественному закону, даже не стремясь к этому. Это — именно то, благодаря чему возвысился Шэнь-нун; это — именно то, благодаря чему прославлены Яо и Шунь»¹²⁵.

Когда правитель считает себя умным, а других — глупыми, считает себя искусным, а других — неумелыми, тогда все «глупые и неумелые» обращаются к нему, «умному и искусному», чтобы он их научил. Однако чем больше указаний, тем больше становится тех, кто обращается за указаниями, и в конце концов уже не остается такого дела, которому не просили бы научить. А как бы ни был искусен и умен правитель, все же он не может знать всего. Если же он попытается, обладая ограниченным знанием, отвечать на бесконечные вопросы, его дао-искусству непременно будет нанесен ущерб. Между тем если властитель раз за разом демонстрирует перед подданными слабость в дао-искусстве, как он может оста-

ваться властителем? К тому же ошибающийся, который не подозревает, что ошибается, может возгордиться и тем самым усугубить свое положение. Такого властителя можно назвать дважды заблуждающимся, едва ли ему по силам сохранить свое царство. Посему правитель, владеющий дао-искусством, пребывает в состоянии неде-яния — он уполномочивает, но не поучает. Отбросив размышления и отринув намерения, как если бы он был покойным и пустым, он прислушивается лишь к тем речам, которые не дерзновенны, и лишь к тем делам, которые не безрассудны. Он презирует названия и рассматривает лишь сущность. В делах правления он полагается на своих министров, считая своим путем незнание и своей заслугой умение спрашивать: «Как быть?» Так некогда Яо спрашивал: «Что сделать, чтобы распространить свое влияние на все области, над которыми светят солнце и луна?» Шунь спрашивал: «Что мне сделать, чтобы покорить себе мир, лежащий за четырьмя пустошами?» Юй вопрошал: «Что должен я совершить, чтобы привести к порядку Цинбэй и к культуре — области Цзючншань и Цигунго?»¹²⁶

Во времена правления Чжао Сян-цзы командующим в Чжунмоу был Жэнь Дэн¹²⁷. При подаче годового доклада он, обратившись к Сян-цзы на аудиенции, сказал: «В Чжунмоу есть муж по имени Чжань Сюйцзи¹²⁸, я прошу вас принять его». Чжао Сян-цзы после этой аудиенции решил назначить того средним дафу. Главный министр тогда сказал: «Вы ведь только слышали о нем, но сами еще не видели, что он за человек. Неужели так легко становятся средними дафу? Это — не в обычае цзиньцев!» Сян-цзы ответил: «Когда я брал на службу Жэнь Дэна, я не только слушал, что о нем говорят, но и лично выяснял, что он за человек. Если теперь я стану не только выслушивать обо всех, кого рекомендует Жэнь Дэн, но и лично всех изучать, моим ушам и глазам только и останется, что слушать и рассматривать рекомендуемых». Поэтому он не стал больше встречаться с Чжань Сюйцзи, а сразу сделал его средним дафу. Как поступал Сян-цзы? Он брал на службу, и человек благородный не мог не стараться после этого проявить все свои способности.

У правителей бывает так, что они берут на службу человека, но не дают ему действовать. Или же дают ему возможность заниматься делами, но одновременно разрешают не понимающим его людям оспаривать его действия. Тот, кому необходимо переправиться через Янцзы, должен воспользоваться лодкой; тому, кто хочет попасть

в далекий край, необходим добрый скакун. Так и тому, кто намерен заняться делами ванов и ба-гегемонов, не обойтись без разумных мужей. И Инь, Люй Шан, Гуань Иу, Байли Си¹²⁹,—эти люди как лодки и скакуны для тех, кто занят делами ванов и ба. На таких нельзя распространять правило не брать на службу одновременно отцов и сыновей, и то, что среди них бывали повара, рыболовы, личные враги правителей или даже слуги, не означало, что их брали на службу только по прихоти. Правители не могли поступать иначе, поскольку они желали сохранения своих государств и достижения успеха. Это все равно что подготовка к началу стройки, которую проводит искусный плотник: оценив размеры будущего дворца, он начинает подбирать подходящий материал, а прикинув объемы работ, нанимает нужное количество людей. Поэтому когда мелкие чины И Инь и Люй Шан были поставлены на крупные должности, в Поднебесной стали догадываться, что Инь и Чжоу предстоит борьба за Поднебесную; когда получили назначения Гуань Иу и Байли Си, в Поднебесной поняли, что царства Ци и Цинь задумали стать ба-гегемонами. Но разве эти люди были всего лишь лодками и добрыми скакунами?

Чтобы стать ваном или ба-гегемоном, конечно же, нужны люди, но люди состоят на службе и в гибнущих царствах. При Цзе на высокой должности оказался Гань Синь, при Чжоу-сине—Э Лай; у сунского правителя в почете был Тан Ян, у циского—Су Цинь¹³⁰. Когда те еще только приближали этих людей, все в Поднебесной понимали, что их царства идут к собственному концу. Потому что если кто-либо замышляет совершить великие дела без больших людей, это будет подобно тому, как если бы желали, чтобы ночи удлинялись после летнего солнцестояния, или как если бы кто-то решил поразить из лука рыбу, целясь при этом в небо! Такое было бы не под силу даже Шуню или Юю, не говоря уж об обычных правителях.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Внимание к существенному / Шэнь ши

Тот, кто ошибается в счете, но стремится сохранить к себе доверие—под подозрением. Тот, кто проигрывает в силе, но пытается устоять у власти в государстве—в опасности. Рыба, глотающая корабли, будучи вытащен-

ной на сушу, не справится даже с муравьями и медведями. При равенстве властей никто никому не может приказывать. Когда силы равны, никто не в состоянии присоединить царство другого. Когда порядок и смута в равных долях, невозможно установить твердый порядок. Поэтому невозможно не интересоваться вопросом о том, что есть малое, что есть великое, легкое и тяжелое, малое и большое—ведь это врата к успеху или краху.

Все государства, где носят шапки и пояса, где плавают на лодках и передвигаются на повозках, не нуждаясь в переводчиках ни южных сян, ни северных и, ни западных дити нарчий,—все они занимают общую площадь, равную квадрату со стороной в три тысячи ли.

В древности те, кто стали царями, избрали центр Поднебесной для того, чтобы заложить стольный град, центр стольного града—чтобы построить дворец, а центр дворца—чтобы возвести храм предков. Земля в Поднебесной со стороной квадрата в тысячу ли считалась градом потому, что именно при таких размерах достигался максимальный порядок и исполнение [закона]. Дело не в том, что невозможно было сделать государство большим—просто здесь большое уступало малому, многочисленное уступало малочисленному.

Когда наделяют многих, это происходит не от пристрастия к добродетели, а из стремления таким способом утвердить свою власть и консолидировать свои силы. Таким образом поднимают сознание долга, когда же сознание долга подкрепляется великими выгодами, тогда правитель становится непобедимым. Непобедимый же пребывает в безопасности.

Поэтому, взглянув на прежние поколения, мы видим, что их земельные пожалования были многочисленными, их счастье-благосостояние—долгим, слава же их была сияющей. Шэнь-нун владел Поднебесной в течение семнадцати поколений, потому что он был тождествен Поднебесной.

Наделять же владениями по-царски следует так: чем ближе к столице, тем крупнее надел; чем дальше, тем мельче. На море же бывали владения и по десять ли в окружности. Ибо большое управляется малым, тяжелое—легким, многочисленное—немногочисленным. То, что делает [один дом] царствующим в Поднебесной, и есть свершение этого [главного] царского дела. Поэтому и говорится: «Когда занимаются малыми царствами, такими, как Тэн и Фэй, тогда прилагают многие труды,

когда же занимаются царствами размерами с Цзоу и Лу, дело идет гораздо легче; когда речь идет о больших царствах, как Сун или Чжэн, тогда за один день успевают сделать два таких дела, когда же устраивают такие гиганты, как Ци или Чу, то это столь же просто, как дать закон и правило, только и всего.

Ибо чем больше рычаг, тем легче совершить работу. Если бы у Тана не было его земли Вэй, а у царя У — не было его земли Ци, то хотя бы их добродетель была и вдесятеро больше, им не удалось бы преуспеть. Если же добродетели Тана и У было недостаточно, и они знали, что должны опираться на силу, то что же говорить о тех, кто не сравнится с Таном и У? Когда большое управляет малым — это счастье, когда же малое пытается управлять большим — это гибель! Если важным воздействовать на неважное, дело пойдет, если же неважным стремиться воздействовать на важное — быть несчастьем. Если так смотреть на дело, все те, кто стремится исполнить повеление неба по умиротворению черноголовых даже на одно поколение, кто желает, чтобы слава и заслуги его написаны были на сосудах, а имя и звание — выгравированы на бронзовых зеркалах и чайниках для вина, тот не должен думать о том, не слишком ли велики расходуемые им силы, не слишком ли велики его материальные затраты. Потому что изобилие, богатство, авторитет и сила — это то, управляя чем добродетельный правитель вступает в схватку с миром, пребывающим в состоянии смуты.

Народ Поднебесной беден, он страдает. Но чем больше он страдает, тем легче преуспеть тому, кто царствует. Потому что дело царя — спасение тех, кто пребывает в нужде и скорби. На воде пользуются лодкой, на суше — повозкой; на болоте в ход идут высокие сапоги, на песке — пескоступы, в горах — горные ботинки. Передвижение в таких местах возможно только благодаря этим приспособлениям. Поучения тех, чье место высоко, воспринимаются без возражений. У того, кто умеет внушить к себе уважение, не станут развратничать под самым носом — таков путь обуздания людских пороков. Ибо владеющему десятком тысяч колесниц легко приказывать имеющему всего тысячу колесниц. С тысячей колесниц легко повелевать одним кланом; опираясь на силу клана, легко привести к повиновению одного-единственного.

Однако если кто-либо захотел бы поступить наоборот, то будь он хоть Яо и Шунь, не сумел бы. Чжухоу подчи-

няются другим с огромной неохотой, и только тогда, когда не остается ничего другого. Кто привык к власти, тому нелегко становиться подданным. Именно соотношение важного и неважного, рассуждение о том, чему быть алым, чему — белым, установление многих наделов — все это и служит ограничению власти чжухоу. Ибо только тому, кто есть царь, подобает всякая власть. Только если царь обладает такой силой, которой никто не в состоянии противостоять, [он есть истинный царь]; если же у царской власти есть равные противники, тогда само его царское достоинство уничтожается.

Кто обладает пониманием того, что лучше мелкие наделы, чем крупные, что лучше малонаселенные, чем густонаселенные, царства, — тот понимает, что значит не иметь равных себе противников. Тот, кто понял, как надо становиться в положение, при котором отсутствуют противники, тот удаляет от себя путь сомнений и колебаний. Поэтому способ действия (фа) прежних царей состоял в том, что они установили ранг сына неба с тем, чтобы не давать чжухоу впасть в сомнения. Когда же устанавливали ранг чжухоу, имели в виду оградить от крамольных мыслей дафу. Установление же звания цзы — сыновей законной супруги — удерживало от крамольных идей престолюдинов — отпрысков наложниц.

Ибо сомнения порождают борьбу, из борьбы рождается смута, и по этой причине чжухоу теряют свои места, а Поднебесная ввергается в состояние хаоса. Если среди дафу нет четкого разделения по рангам (дэн), то при дворе происходит смута. Если же нет четкого разделения между главной и второстепенными женами, начинается беспорядок в доме на мужской и женской половинах. Если не проведено разграничение между сыновьями главной жены и сыновьями второстепенных жен, то происходит столкновение между партиями родни мужа и родни жены.

Шэнь-цзы говорил: «Предположим, бежит заяц, а сто человек гонятся за ним. Между тем ясно, что одного зайца не хватит на сто человек. Происходит это оттого, что не установлено, кому должен принадлежать заяц по праву. Тут и сам Яо был бы в затруднении, не говоря уже о человеке дюжинном». Когда зайцами завален весь рынок, тогда прохожие на зайцев даже не смотрят. Это не потому, что не нужна зайчатина — просто все уже поделено. А поскольку все поделено, даже и подлые людишки не вступают в драку из-за товаров. Так и искусство управления Поднебесной ли, царством ли, заключается

лишь в том, чтобы установить правильную долю каждого.

Чжуан-ван осаждал Сун в течение девяти месяцев. Кан-ван осаждал Сун в течение пяти месяцев. Шэн-ван осаждал Сун десять месяцев. Трижды царство Чу держало под осадой царство Сун и не могло уничтожить его. И дело не в том, что Сун было неуничтожимо; если бы, напротив, Сун двинулось походом на Чу, этому тоже конца бы не было. Просто военные подвиги для царства с мудрым правителем или ничтожным, сильным или слабым, находящимся в состоянии порядка или пронизанного смутой — не одно и то же.

Циский Цзянь-гун имел среди подданных некоего Чжу Юйяна, который обратился к нему с увещанием следующего содержания: «Двое из ваших подданных, а именно Чэнь Чэнчан и Цзай Юй, питают ненависть друг к другу. Я, ваш слуга, опасаясь, как бы им не пришлось в голову пойти друг на друга походом. Если же в этой борьбе они станут упорствовать, в опасности окажутся высшие. Я советовал бы вам удалить одного из этих двух». Цзянь-гун тогда сказал: «Это вопрос, который тебе, низкородному, не постигнуть».

В скором времени и вышло, что Чэнь Чэнчан напал на Цзай Юя прямо во время аудиенции при дворе и нанес тем самым оскорбление Цзянь-гуну перед храмом предков. С глубоким вздохом сказал тогда Цзянь-гун: «Да, не смог я своевременно справиться с этим делом, а все оттого, что я не послушал Юйяна!» Но его авторитет и его власть были уже утрачены — безразлично, был ли он при этом удручен тем, что не послушал Яна, или нет.

Все это оттого, что не существует ясного понимания: за что человеку крепко держаться, а от чего можно и отказаться. История с чжоускими треножниками и рисунками на них весьма поучительна, поскольку повествует о том же. Именно в постижении этого закона (ли тун) и есть путь властителя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Против двойственности / Бу эр

Если слушать советы многих при управлении государством, государство не простоит и одного дня. Как убедиться, что это именно так? Лао Дань ценил гибкость. Конфуций ценил доброжелательность. Мо Ди ценил умеренность. Гуань Инь ценил чистоту. Мудрец Ле-цзы ценил

пустоту. Шэнь Бин ценил равенство. Ян Шэн ценил себя самого. Сунь Бинь ценил силу. Ван Ляо ценил передвижение вперед, Эр Лян — передвижение назад. Эти десять мужей были великими мужами Поднебесной.

Представим себе, что гонги и барабаны нужно настроить так, чтобы они звучали в унисон: слышен звук гонга и барабана, и все оборачиваются на эти звуки. Приказы и повеления должны быть единообразны — тогда их выполняют единодушно. Тогда те, у кого есть знания, не смеют быть искусными, а те, кто глупее, не смеют быть неловкими. Потому что все без различия подчинены здесь одному приказу. Смелчаки не смеют лезть вперед, а робкие не смеют оставаться позади — так вот достигается единство натиска. Поэтому там, где единство — там порядок; если же появляется еще что-то, начинается смута. Пока держатся единого, царит покой; стоит появиться чему-то еще — начинается опасность. Тот, кто способен сплотить воедино тьму самых разных существ, глупых и умных, умелых и беспомощных, с тем, чтобы они все силы и все способности употребляли так, будто они действуют заодно, — несомненно является мудрецом! Это — знание без подготовки, это — способности, приобретаемые не в процессе учения — одних только силы, быстроты, навыка и умения недостаточно, чтобы добиться этого.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Держаться единого / Чжи и

Небо и земля, силы инь и ян неизменны, но они все завершают; благодаря им является на свет тьма существ, совершенно различных по виду. Глаз взирает то на черное, то на белое, и это ему не вредит; ухо внимает то высоким звукам, то низким, и это не наносит ему ущерба.

Властвующие придерживаются единого и, устанавливая истинные критерии, исправляют всю тьму существ. В армии непременно есть военачальник. Так заведено, чтобы было единство. В стране непременно имеется правитель — и это тоже для того, чтобы было нечто единое. В Поднебесной непременно находится сын неба — и это для единства. Сын неба непременно придерживается единого — это для того, чтобы иметь возможность править безраздельно. Только единое обеспечивает порядок, два же порождают смуту. К примеру, если в повозку, запряженную четверкой коней, посадить четверых и дать

каждому по кнуту — они не сумеют даже выехать за ворота. Это и есть отсутствие единства в управлении.

Чуский царь спросил у Чжань-цзы¹³¹, что тот думает об управлении государством. Чжань-цзы отвечал: «Я знаю кое-что об управлении своим телом, но ничего не знаю об управлении государством». Конечно, он не имел в виду, что государство не нуждается в управлении вообще! Он лишь полагал, что корень управления государством лежит в управлении самим собой. Когда управлено собственное тело, управлена и семья; когда же управлена семья, управлена и страна. Управлена страна — управлена и Поднебесная. Поэтому и говорится: своим собственным телом-персоной занимайся, чтобы заняться семьей; своей семьей — чтобы заняться страной; страной — когда хочешь заняться Поднебесной. Все эти четыре умения, хотя и находятся как бы врозь, произрастают от одного корня. Поэтому занятие мудреца в широком смысле охватывает пространство и время: прошлое, будущее и настоящее, обнимает солнце и луну, а в тесном смысле слова — не выходит за пределы собственной персоны. Даже любящий родитель не в состоянии передать этого умения своему сыну. Даже верный подданный не в состоянии поделиться этим с правителем — только те, в ком присутствует некая способность, могут приблизиться к этому.

Тянь Пянь излагал суть искусства дао перед правителем Ци. Выслушав его, циский ван спросил: «Единственное, чем обладаю я, недостойный, это царство Ци. Поэтому и узнать мне хотелось бы о принципах управления именно моим царством». Тянь Пянь сказал в ответ: «Речи вашего подданного как раз о том, как, не имея правления, можно приобрести истинное правление. Это можно уподобить дереву в роще: древесины в нем как бы нет, из него можно только получить древесину. Я полагаю, что конкретно об управлении царством Ци вы можете узнать и сами». Тянь Пянь, понятно, не желал тратить красноречие всего лишь на одно царство Ци, много или мало слов нужно было на это потратить.

Когда изменения и трансформации уже завершены и всякая вещь-существо уже обрела свой внешний образ, вместе со своей природой она уже как бы обрела и свое предназначение. После этого ни одна из них своего предназначения уже не утратит. Так и Пэн Цзу сохранял долголетие как цель жизни и процветал, живя при трех поколениях династии подряд. Этим-то и просияли в потомках пять предков-царей, и этим же приобрел свою великую славу сам Шэнь-нун!

У Ци в разговоре с Шан Вэнем сказал: «Правда ли, что служба нашему правителю вознаграждается только в результате благоприятной судьбы-мин?» Шан Вэнь спросил: «Что Вы имеете в виду?» У Ци сказал: «Установить порядок среди четырех границ, усовершенствовать обучение и воспитание, изменить дурные взгляды и обычаи, заставить правителей и подданных блюсти долг, отца и сына — соблюдать порядок старшинства — кто сделает все это лучше, Вы или я?» Шан Вэнь сказал: «В этом мне не сравниться с Вами». Тот вновь спросил: «Положим, некто, отбросив свою истинную природу, поступит на службу к правителю, и тут же воцарится мир; а на следующий день после того, как тот сдаст свою печать и оставит должность, там начнется смута. Кто больше может преуспеть в этом — Вы или я?» Шан Вэнь ответил: «И тут мне не сравниться с Вами». Тот продолжал: «Когда войско, пехота и конница уже выстроены в ряд, люди — впереди боевых порядков конницы, и при подаче команды барабанным боем все офицеры готовы принять смерть так, как если бы это была жизнь, кто может подготовить это лучше: Вы или я?» Шан Вэнь и на это отвечал: «Нет, и в этом мне не сравниться с Вами». У Ци тогда сказал: «Итак, во всех этих трех случаях, как Вы сами утверждаете, Вам не сравниться со мною, и однако при всем этом по положению Вы выше меня — так разве не от случая зависит успех на службе нашему правителю?» Шан Вэнь сказал: «Прекрасно! Вы спрашивали меня, теперь я также спрошу Вас. Когда происходит передача трона, правитель молод, подданные относятся друг к другу с подозрением, простой народ волнуется — кому можно доверить государство, Вам или мне?» У Ци помолчал, ничего не отвечая. Через некоторое время он произнес: «Лучше Вам». Шан Вэнь сказал: «Вот именно по этой причине я и нахожусь на более высоком посту».

У Ци видел то, в чем он силен, но не видел того, в чем он слаб, знал, в чем его добродетель, но не знал, в чем его порок. Поэтому он одержал победу при Сихэ, но проиграл сражение Ван Цо. И попал в такие обстоятельства, что ему не пришлось даже умереть своей смертью. По этой же причине уский царь сумел одержать победу над царством Ци, но не сумел победить Юэ, а Ци сумело победить Сун, но не смогло одержать верх над Янь. Ибо те, кто способен сохранить в целости царство и свою жизнь до конца своих дней, должны знать, в чем их достоинства и недостатки, преимущество и проигрыш в меняющейся обстановке.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Распознавание откликов / Шэнь ин

Властитель должен уметь распознавать человека не только по речам, но даже по лицу. Главное в получении знаний о человеке не в том, чтобы слушать то, что он говорит. Как говорится, пусть поет — мы подхватим, пусть бежит — мы догоним. Пусть то, что он обещает, он же и выполнит, пусть принимает славу по своей речи, а вот справится ли он с ней — будем судить по результатам. Тогда из речистых никто не станет обещать впустую, и властитель всегда сможет узнать то, что ему нужно.

Когда Кун Сы пришел попрощаться с луским правителем, тот ему сказал: «Властитель Поднебесной таков же, как я, зачем же Вам уезжать [к нему]?» Кун Сы ответил: «Я слышал, что благородный муж как птица: спугнут — улетает». Луский правитель сказал: «Наш властитель не мудр, об этом всем известно, так что Вы покидаете одного немудрого, чтобы попасть к другому немудрому. И после этого Вам кажется, что Вы способны наставить властителя Поднебесной?»

Птица улетает оттуда, где ее спугнут, туда, где ее не спугнут. Однако не всегда возможно узнать, где уйдешь от напасти, где будешь в безопасности. А если, покинув опасное место, окажешься в столь же опасном? Зачем же тогда птице сниматься с места? Именно такого рода ошибку допустил Кун Сы в ответе лускому правителю.

Вэйский Хуэй-ван послал сказать ханьскому Чжао-хоу: «Видимо, Чжэн <было приведено ханьским домом> к гибели. Вам бы позаботиться заранее о том, чтобы оставить надел <их> потомкам. Это то, что мы называем долгом перед лицом возможной гибели и прекращения жертв в храме предков. Если Вы сделаете это, Ваше имя будет прославлено». Тогда Гунцзы Ши Во сказал: «Позвольте мне отправиться туда для ответа». Прибыв в Вэй, он предстал перед вэйским царем и сказал: «Ваша держава повелевает нашему царству оставить надел потомкам чжэнского дома, но мы не можем выполнить повеление. Нам жаль Ваше великое царство из-за того, что в свое время потомок Чу-гуна из дома Шэн стал цзинским гуном и был оставлен заложником в Тунти. Тогда Ваша держава не жалела о нем, а теперь вы вдруг требуете от нас рассу-

дения в духе долга перед лицом возможной гибели и прекращения жертв, и мы не в состоянии этого выполнить».

Вэйскому царю стало стыдно, и он сказал: «Я не это имел в виду, не будем больше об этом».

Так что бывает, что приводят в пример неверность долгу, чтобы самим проявить неверность долгу. Ибо хотя вэйский ван не знал, что ответить, поведение в противоречии с долгом в данном случае было еще более вопиющим. Ибо красноречие [риторика] Гунцзы Ши Во было способно приукрасить неправду и покрыть преступление.

Вэйский Чжао-ван обратился с вопросом к Тянь Цюю: «Когда я был в восточном дворце, до меня дошло, что Вы, преждедорожденный, защищали мысль, что, мол, стать совершенномудрым легко. Так ли это на самом деле?» Тянь Цюй сказал в ответ: «Да, Ваш слуга говорил об этом». Чжао-ван спросил: «Следовательно, Вы, преждедорожденный, мудрец уже?» Тянь Цюй ответил: «Распознать мудреца в том, у кого нет видимых заслуг — свойство Яо, узнавшего Шуня; если же ждать, когда проявятся способности, чтобы по ним узнать Шуня — это уже мудрость рыночного торговца. Ныне у меня, Цюя, заслуг пока нет, и когда Вы, царь, спрашиваете у меня, Цюя, не мудрец ли я уже, я вправе спросить, обладает ли царь свойствами Яо уже?» Чжао-ван не нашел, что ответить.

Однако, если рассмотреть ответ Тянь Цюя, можно заметить, что Чжао-ван не утверждал о себе, что «он способен распознать мудреца», он лишь спрашивал, стал ли преждедорожденный мудрецом уже, и то, что он счел за лучшее отвечать Чжао-вану на другую тему — о распознавании мудрецов вообще — означает лишь, что Чжао-ван имел в виду совсем не то, что он избрал темой, и потому Тянь Цюй по существу отвечал невпопад.

Чжаоский Хуэй-ван, призвав Гунсунь Луна, спросил у него: «Вот уже более десяти лет я, несчастный, стремлюсь к прекращению войн и не преуспел в этом. Может быть, это дело вообще невозможное?» Гунсунь Лун сказал в ответ: «Смысл того, чтобы добиваться прекращения войн — в стремлении охватить своей любовью всю Поднебесную. А любовь ко всей Поднебесной не может выражаться исключительно в словах. И вот: когда Ваши владения Лань и Лиши вошли в состав царства Цинь, Вы, государь, облачились в траурное платье и траурный убор; зато когда на востоке ваши войска захватили город у царства Ци, Вы, государь, устроили пир. Следовательно, когда приобретает земли Цинь, у Вас траур, а когда

теряет земли Ци — у вас праздник. Что-то это не похоже на всеобъемлющую любовь к людям. Поэтому и с разоружением ничего не получается».

Действительно, если предположить, что некто ведет себя развязно, а требует к себе уважения; самонадеян и пристрастен, а хочет получить назначение; все время ищет чего-то нового и в то же время хочет покоя; насильничает, стремясь к приобретениям, а хочет себя чувствовать спокойно — такое, наверное, и Хуан-ди было бы не под силу!

Вэйский Сы-цзюнь, желая увеличить поступления от налогов, повелел собрать урожай проса в одно хранилище. Народ тогда взволновался, и Сы-цзюнь обратился с этим делом к Бо И: «До чего же глуп народ — ведь сбор зерна происходит в его же интересах! Какая им разница, хранится ли зерно в их собственных кладовых или сдано на хранение централизованно?» Бо И сказал: «Это не так. Лучше, чтобы оно хранилось у народа и правитель даже ничего не знал о его количестве, чем если бы оно хранилось у начальства. И наоборот, хуже, когда зерно хранится у начальства, так что народ не знает, сколько его осталось, а не у самого народа».

Когда кого-либо слушаешь, всегда необходимо возвращаться к собственному мнению, рассуждать, прежде чем отдавать приказы — и тогда не будет непокорных. Государство крепко, когда оно долговременно. Когда же оно долговременно, его трудно погубить. Ныне Юй, Ся, Инь, Чжоу — все не существуют более, и именно из-за того, что не размышляли над своей судьбой самостоятельно.

Гунцзы Та был главным советником в Чжоу. При разговоре с ним Шэнь Сян дрожал от страха. «Что вы трясетесь? — недовольно спросил Гунцзы Та. — Вы же не мой подчиненный». «Виноват, виноват, — пробормотал тот. — И все же, позвольте спросить, когда двадцатилетний становится главным советником, а старшие при разговоре с ним дрожат от страха — чья тут вина?» Гунцзы Та не знал, что ответить.

Страх может быть от непривычки, а вот то, что заставляет страшиться — это уже наглость. Если же кто-то сдержан в разговоре, а собеседник все равно дрожит, тогда, конечно, вина не старшего по положению. Так что, хотя человеку и свойственно постоянно забывать о своем поведении, не следует на этом основании пренебрегать правилами приличий. Конечно, простой небрежности недостаточно, чтобы причинить большое неудобство, но грубости — вполне.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Внимание к речам / Чжун янь

Властитель должен быть внимателен в речах. Гао Цзун, сын неба, при вступлении на престол пребывал в трауре и ничего не говорил в течение трех лет. Цины и дафу были все в страхе, страдая от этого. Наконец Гао Цзун сказал им: «Мне, единственному, надлежит держать в праведности [все] четыре фана; как же мне не бояться, что мои речи об этом будут неподобными. Вот поэтому я ничего и не говорю».

В старину сыны неба относились к своим словам вот с таким же тщанием, оттого в их речах и не бывало упущений.

Чэн-ван как-то сидел, отдыхая, с Таншу Юем. Сорвал лист платана и, как будто это был скипетр [владельца князя], вручил его Таншу Юю со словами: «Жалую тебя этим!» Таншу Юй обрадовался и поведал о своем назначении Чжоу-гуну. Чжоу-гун справился о событии у самого: «Верно ли, что Вы пожаловали Юя во владетельные князья?» Чэн-ван сказал: «Да это я, единственный, посмеялся над Юем». Тогда Чжоу-гун сказал: «Ваш слуга слышал, что сын неба ничего не говорит просто так. То, что говорит сын неба, записывает хронограф-ши, воспевают мастер, обсуждают муж-ши». Вследствие этого Таншу Юю [действительно] был пожалован удел в Цзинь.

Чжоу-гун Дань, можно сказать, умел распорядиться речью: одной фразой наставил Чэн-вана, чтобы тот внимательнее относился к собственным словам, показал всем любовь Чэн-вана к младшему брату, да к тому же еще способствовал укреплению [авторитета] царского дома.

Чуский Чжуан-ван царствовал уже три года, никого не слушая и оставаясь предельно скрытным. Чэн-гун Цзя приблизился к нему с увещеваниями. Царь тогда сказал: «Вы же знаете, что я удалил всех увещевателей, к чему же вам это?» Тот сказал: «Ваш слуга не смеет выступать с увещеваньями, он лишь желал бы обсудить кое-что с властителем правителей». Царь сказал: «Почему бы не оставить все это мне, несчастному?» Но тот все же заговорил: «Некая птица остановилась в одном южном граде и вот уже три года никуда не летает, не двигается и не поет — что это за птица?» В ответ на это царь сказал: «Эта птица, которая остановилась

в южном граде, не двигающаяся, в течение трех лет укрепляется в своем намерении. Она не летает, чтобы отрастить маховые перья, и не поет, чтобы понаблюдать за настроением народа. И хотя она сейчас не летает, взлетев, она сразу поднимется до самого неба; и хотя она сейчас не поет, голос ее напугает многих, когда она запоет. Вы, Цзя, ступайте себе. Мне, несчастному, все об этом известно и без вас». На другой день при аудиенции было принято на службу пять новых человек, а десять уволено: подданные все были рады этому перемещению, чины царства Чу приветствовали эти меры. Поэтому в «Песнях» говорится:

Зачем же в поход не собирается рать,
Иль, может быть, помощи надобно ждать?
Так долго зачем не выходит она?
О, верно, тому быть причина должна!

Кажется, это сказано о Чжуан-ване, не так ли? Парабола Чэн-гун Цзя была совершеннее, чем речь Тайцзя Пи. Однако несовершенную речь Тайцзя Пи послушал царь Фучай, что и привело царство У к полному краху, а цветистую речь Чэн-гуна Цзя чуский ван высмеял, и царство его стало ба-гегемоном. Циский Хуань-гун совещался с Гуань Чжуном относительно нападения на город Ин. План еще не был готов, когда о нем уже разнесся слух по стране. Весьма удивленный этим обстоятельством, Хуань-гун сказал: «Мы с Вами, второй отец Чжун, предполагали нападение на Ин, но об этом заговорили в стране, когда даже план еще не готов. В чем дело?» Гуань Чжун на это сказал: «О! В городе, конечно же, появился мудрец!» Хуань-гун сказал: «Отлично! Те, кто состоял ранее на службе, в основном держали нос по ветру и слушали, что говорят высшие, а разве это — то, что нам нужно?» И он повелел провести переаттестацию с последующим перемещением не прошедших проверки. Через некоторое время на конкурс явился Дунго Я. Гуань Чжун сказал: «Вот тот, кто нам нужен!» И он повелел тем, кто ведал гостями-бинькэ, продвинуть его в ранге, а затем установить на должность сообразно полученному рангу. Затем Гуань-цзы спросил у него: «Это вы толковали частным образом о походе на Ин?» Тот ответил: «Да, так». Гуань Чжун тогда осведомился: «Но ведь мы не говорили официально о походе на Ин, каким же образом вам стало об этом известно?» Тот сказал: «Я слышал, что благородный муж силен в замыслах, а подлые людишки — в их разгадывании. Я это подсмотрел

и узнал». Гуань Чжун сказал: «Но я все же не говорил о походе на Ин, как же вы узнали об этом?» Тот сказал: «Я слышал, что у благородного бывает три выражения в осанке: «открытая радость» — это когда вид, как у слушающего колокола и барабаны; «высокое спокойствие» — это когда вид, как у облаченного и подпоясанного по траурному обычаю; и «полная собранность» — это когда вид, как у воина перед схваткой с оружием наготове. Я тут недавно наблюдал за вами, когда вы были на террасе дворца, и вид у вас был «полная собранность», как у воина перед схваткой. И губы у вас были сложены как для произнесения чего-нибудь типа «ин», а отнюдь не чего-нибудь типа «ан». А когда вы подняли руку и указали куда-то вдаль — то направление было в сторону Ин. Тогда ваш слуга стал размышлять, кто из чжухоу непокорен, и, кроме инцев, ничего не мог придумать. Поэтому я и говорил с людьми об этом».

То, благодаря чему ухо слышит, есть звук-голос. В этом случае, даже не слыша голоса, а только по лицу и жесту Дунго Я, можно сказать, уловил смысл, не прибегая к посредству слуха. И хотя и Хуань-гун, и Гуань Чжун умели мастерски скрывать свои планы, они не смогли их от него скрыть. Ибо мудрец слышит не имеющее голоса и видит не имеющее внешности. Таковы были Чжань Кэ, Тяньцзы Фан, Лао Дань.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тончайшая речь / Цзин юй

Когда мудрец хочет выразить некий смысл, ему не нужно прибегать к обычной речи. Существует нечто, что говорит еще до произнесения слов.

Среди живущих на побережье был некий любитель лягушек. Каждый раз, когда он бывал на море, он специально играл с ними, и лягушки окружали его со всех сторон, прямо сотнями, так что ступить было некуда. Он с ними играл целыми днями, и они от него не отходили. Однажды его отец попросил:

«Я слышал, лягушки от тебя не отходят, принес бы мне, я бы с ними тоже поиграл». Однако, когда на следующий день тот человек направился на море, ни одна лягушка к нему не вышла.

Шэн Шу сказал Чжоу-гун Даню: «При дворе много мелкого люда, поэтому, если мы станем говорить тихо, то не будем понимать друг друга, а если громко — боюсь,

услышат посторонние. Как прикажете говорить: тихо или громко?» Чжоу-гун Дань сказал: «Говори тихо». Шэн Шу сказал: «Дело, о котором я хочу вам поведать, таково, что если говорить о нем подробно, будут неясности, если же говорить в общих чертах, боюсь, мне не удастся изложить его целиком. Как прикажете говорить: подробно или кратко?» Чжоу-гун Дань сказал: «Говори кратко».

Ибо Шэн Шу умел выразить мысль, не прибегая к словам, а Чжоу-гун Дань умел понять, о чем речь, без опоры на слова как таковые. Именно такие способности и следует назвать «восприятием помимо слуха». Замысел, не выраженный в словах, исполнение дела, за которым не следует молва,—если такое достигается, тогда иньцы при всех подозрениях к чжоусцам никогда не в состоянии узнать, что именно готовится. Когда уста безмолвствуют и ничего конкретно не произносят, а люди общаются друг с другом только мысленно, тогда, как бы ни был мнителен тиран Чжоу, ему об этом никогда не узнать. Глаза видят то, что не имеет внешней формы, уши слышат то, что не имеет звуковой формы. Значит, сколько бы ни было шпионов у шанского правителя, им не понять, что на уме у чжоусцев. Когда однозначно отношение к добру и злу, когда все охвачены одним и тем же стремлением, будь ты хоть сыном неба, тебе не удастся избежать своей судьбы.

Конфуций навестил Вэнь-бо Сюэ-цзы и вышел, не проронив ни слова. Цыгун сказал: «Учитель так желал встретиться с Вэнь-бо Сюэ-цзы, а сегодня, когда эта возможность представилась, вышел от него, не сказав ни слова: в чем тут дело?» Конфуций сказал: «Настоящему мужу достаточно одного взгляда, чтобы понять, в чем есть дао; этого нельзя выразить в речи. Поэтому, не видя человека, невозможно сказать ничего определенного о его характере; нужно посмотреть на человека, и тогда направленность его воли и мысли окажутся очевидны, как одаренность одного качества. То, что мудрецы опознают друг друга с первого взгляда, делает для них ненужной речь».

Бо-гун спросил у Конфуция: «Может ли речь быть неуловимой для других?» Конфуций ничего не ответил. Бо-гун сказал: «Если она будет подобна камню, брошенному в воду?» Конфуций сказал: «Она станет известна утопленникам». Бо-гун спросил: «А если она будет подобна воде, вылитой в воду?» Конфуций сказал: «И Я был в состоянии отличить на вкус воду из реки Цзы от воды

из реки Шэн, даже когда они были слиты вместе. Бо-гун сказал: «Итак, значит, речь не может быть утончена до полной непонятности посторонним?» Конфуций сказал: «Кто говорит, что невозможно? Можно сделать так, что будет ясно только то, что обозначается речью непосредственно».

Бо-гун не понял, что он имел в виду. Ведь разве не посредством речи узнают то, что говорится! Об этом скажем: сами по себе слова составляют часть сообщения. Кто хочет поймать рыбу — должен замочиться, кто хочет взять зверя — должен трястись верхом, нравится или нет. Посему высшей формой речи мы бы назвали отказ от речи, а высшей формой деятельности — деяние без актов. Поэтому то, чего стремится достичь слабый интеллект — лишь верхушки. Мелкий ум может достичь лишь поверхностного [знания]. По этой-то причине Бо-гун и принял смерть в Фаши.

Циский Хуань-гун собирал при дворе чжухоу, и при этом вэйский правитель опоздал. Тогда Хуань-гун, по совету с Гуань Чжуном, принял решение покарать Вэй. Когда он по окончании совета возвращался к себе, перед ним предстала одна из жен, родом из Вэй. Войдя в зал и дважды поклонившись, она стала умолять его не карать вэйского правителя за его проступок. «У меня нет никаких намерений в отношении Вэй, — сказал ей Хуань-гун. — Непонятно, почему вы решили просить за них?» «Когда вы выходили из зала совета, — пояснила жена, — шаг у вас был широкий, вид решительный, и мне сразу стало ясно, что готовится поход. Когда же, увидев меня, вы изменились в лице, я поняла, что вы собираетесь покарать Вэй». На следующий день, приняв утром прибывших ко двору, правитель пригласил к себе Гуань Чжуна. «Вы, господин, оставили свои намерения в отношении Вэй?» — с порога спросил Гуань Чжун. «Как вы догадались?» — воскликнул Хуань-гун в удивлении. «Сегодня утром, приветствуя прибывших ко двору, вы, господин, были отменно ласковы и учтивы, но при виде меня смутились, и мне стало ясно, в чем дело». «Отлично! — сказал Хуань-гун. — Пока вы, отец Чжун, следите за внешним, а моя жена — за внутренним, мне, несчастному, по крайней мере, не грозит превратиться в посмешище для чжухоу!»

То, что пытался утаить Хуань-гун, не было связано с речью, однако, например, Гуань-цзы по выражению лица и интонации, а жена по походке и жестам верно судили о его намерениях. И хотя Хуань-гун ничего и не

говорил, его поведение было столь же очевидным, как свет свечи во мраке ночи.

Цзиньский Сян-гун отправил человека в Чжоу с посланием: «Наш несчастный и недостойный правитель захворал. Гадание на черепашьем панцире дало ответ: «Саньту¹³² — почет». Поэтому правитель нашего малого царства послал своего слугу просить разрешить проезд через территорию вашего царства для принесения [горам Саньту] умиловляющих жертв». Сын неба разрешил. На следующий день, по завершении официального визита, посланник отбыл. Тогда Чан Хун сказал Люй Кан-гуну: «Ехать с дарами к горам Саньту и получить аудиенцию у сына неба — это ведь радостные события. А вид у нашего гостя воинственный, боюсь, не было бы у него на уме другого. Лучше бы было, если бы вы позаботились о том, чтобы подготовиться ко всяким неожиданностям». Люй Кан-гун тогда поднял войска и вывел боевые колесницы, приведя всех в готовность. Оказалось, что цзиньцы действительно посылали человека, чтобы, воспользовавшись этим, Янцзы во главе 120-тысячного войска мог перейти брод Цзи и, напав на Ляюань, Лян и царство маней, уничтожить их.

Вот ведь насколько, бывает, не совпадают звуковая форма и смысловое содержание! Мудрецу нельзя не задумываться над этим, и, например, Чан Хун понимал это. Поэтому речи самой по себе недостаточно, чтобы по ней судить даже о малом деле: достичь успеха можно, только понимая истинный смысл речей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Отйти от буквальности / Лм вэй

Слова — это то, с помощью чего передается смысл. Если смысл слов не совпадает с их звуковой формой, это прискорбно. Велеречие — в обычае царств, впавших в смуту, слова там так и льются, но никто уже не задумывается над их смыслом. Все там заняты только тем, как бы в речах унизить или возвысить друг друга. Эти унижающие или возвышающие сбиваются в клики, от их воплей темно небу. Добрые и негодные не отличаются, и от этого управляя царством становится не под силу даже хорошему властителю, не говоря о дурном.

Главный вред от этого заблуждения в том, что его не считают заблуждением. Поэтому уже в том, чтобы заблуждение назвать заблуждением, содержится отрезвление,

уже в том, чтобы тьму назвать тьмой, содержится свет. Властители гибнущего царства не считают себя впадшими в заблуждение, поэтому все они таковы же, как Цзе, Чжоу, Юй, Ли. Если дело обстоит так, то царство гибнет, это несомненно.

В царстве Чжэн было много толкователей писаных законов. Цзычань запретил писанные законы, и тогда Дэн Си¹³³ стал их истолковывать не устно, а письменно. Когда Цзычань запретил письменные истолкования, Дэн Си стал их истолковывать стихами. Запреты множились, но множились и ответы со стороны Дэн Си. От этого стало окончательно непонятно, что — можно, что — нельзя по закону. Когда же неизвестно, что — можно, что — нельзя, награды и наказания ведут к тому, что, чем строже наказания, тем больше смута. Это ставит государство в безвыходное положение. Следовательно, спор в пренебрежении правдой — ложен, познания в пренебрежении правдой — фальшивы. Народ, приверженный лжи и фальши, привержен тому, за что карали прежние цари. Ведь именно здравый смысл — критерий правды и неправды.

Река Вэй полноводна. Среди семьи одного богача в царстве Чжэн оказался утопленник. Некто выловил его труп. Когда богач обратился к нему с просьбой о выкупе, тот потребовал с него слишком много денег, поэтому богач обратился к Дэн Си. Дэн Си на это сказал: «Не беспокойся — никому другому он его не продаст». Тот, у кого находился труп, тоже забеспокоился и пошел к Дэн Си. Ему Дэн Си ответил: «Не волнуйся. Кроме как у тебя, ему нигде этого не купить».

Подданные, испытывающие недостаток лояльности, подобны ему. Если у правителя нет заслуг, и потому он неспособен привлечь народ, его обвиняют в том, что у него нет заслуг для приобретения народа. Если же у него есть заслуги, и он приобретает народ, то на него нападают за то, что у него есть заслуги в приобретении народа. Властители, не имеющие собственного верного суждения [меры], в силу этого не в состоянии понять, в чем тут дело. Как это печально! Ведь из-за этого погибли Би Гань и Чан Хун, из-за этого впали в нищету Цзи-цзы и Шан Юн, из-за этого подозревали даже Чжоугуна и Чжао-гуна, из-за этого бежали Фань Ли и Цзысюй. Ведь именно от этого зависят жизнь и смерть, существование и гибель, спокойствие и опасность.

Цзычань управлял Чжэн, когда Дэн Си намеренно воспротивился этому. Столковываясь с теми, кто в народе

имел тяжбы, он стал брать за ведение крупного процесса верхнюю одежду, за ведение малого — куртку и штаны. Народ понес ему одежду, штаны и куртки, чтобы научиться сутяжничеству, от желающих не было отбоя — ложь выдавали за правду, правду за ложь, так что стало невозможно определить, где правда, где ложь, а понятия о дозволенном и недозволенном менялись, что ни день. Стоило Дэн Си пожелать, чтобы кто-то выиграл процесс, и тот его выигрывал, стоило ему захотеть, чтобы кого-то обвинили, и того обвиняли. Все царство Чжэн было охвачено смутой, народ только и знал, что болтать.

Страдая от этого, Цзычань казнил Дэн Си и выставил его останки на всеобщее обозрение. Народ тогда покори́лся сердцем. Правда и ложь получили определенность. Законы и распоряжения стали выполняться беспрепятственно. Между тем среди людей нашего времени много таких, кто желал бы установить в своем государстве порядок, но при этом не карать таких, как Дэн Си. Это значит, что, желая порядка, увеличивают смуту.

В царстве Ци был один служилый муж. Тот, кому он служил, погиб, но он не последовал за ним в смерти. Как-то он встретил на дороге знакомого, и тот удивился: «Ты что, не собираешься умереть?» Тот ответил: «Точно. Ведь служилый служит из выгоды, а в смерти — какая выгода? Раз в смерти нет выгоды, нечего и умирать». Тот знакомый сказал: «Как же ты можешь людям в глаза смотреть?» Тот ответил: «А что, если бы я умер, я смог бы людям в глаза смотреть?»

Кто здесь прав, выясняется подробным рассуждением. Например: «Не последовать в смерти за своим благодетелем — великое преступление против долга». Поэтому таким рассуждениям, как приведенное выше, нельзя внимать, поскольку с их помощью невозможно разрешить дело — совершенно очевидно, что словеса самое дело не решают. Слова — это лишь оболочка смысла. Глупо анализировать оболочку, игнорируя ее содержимое. Поэтому в древности люди после того, как воспринимали содержание, оставляли в стороне его словесное выражение. Ведь слова слушают для того, чтобы извлечь содержащийся в них смысл. Если же слушать речи, в которых невозможно найти смысл, то такие речи ничем не лучше сплетен (яо).

В Ци был некто Чунь Юйкунь, он уговаривал Вэй-вана присоединиться к союзу «цзун». Убеденный [его искусством], Вэй-ван пообещал послать десять колесниц в помощь Чу. Когда воины уже двинулись в путь, некто

убедил Вэй-вана присоединиться к союзу «хэн», и ван отдал приказ войнам вернуться. И вот: забыв о смысле союза «цзун», Вэй-ван проиграл и в деле союза «хэн».

Так что, возможно, иметь слишком большие способности хуже, чем не иметь никаких; а иметь слишком умелых ораторов хуже, чем не иметь их вовсе.

На одном чжоуском треножнике есть изображение Шуя, закусившего себе пальцы: так прежние цари стремились показать, что чрезмерное искусство не должно поощряться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Распутные речи / Инь цы

Если отрицать красноречие вообще — не будет средств общения. Если же слепо следовать красноречию — наступит смута. В речах смутного времени нет недостатка в красотах, однако их смысл должен проверяться сердцем. Когда слова не обманывают сердце — они близки к тому, что нужно. Поскольку то, что говорится, есть выражение того, что на сердце. Когда же слова и то, что в сердце, расходятся, а высшему нечем проверить их, тогда среди низших много говорят такого, чему на деле не следуют. Когда же слова и дела расходятся — это предзнаменование больших бед.

На встрече в Кунсуне Цинь и Чжао заключили союз. В договоре говорилось: «Отныне и впредь всякое намерение со стороны Цинь должно получать поддержку от Чжао; [соответственно], всякое предполагаемое действие Чжао должно находить поддержку у Цинь». Через непродолжительное время Цинь подняло войска в поход на Вэй, Чжао же решило оказать помощь тем. Циньский ван, недовольный этим, послал к чжаоскому вану сообщить: «В договоре сказано: «Всякое предполагаемое действие Цинь должно находить поддержку у Чжао; всякое предполагаемое действие Чжао должно находить поддержку у Цинь». И вот теперь Цинь предполагает напасть на Вэй, а Чжао в связи с этим собирается оказать им помощь. Это противоречит договору». Чжаоский ван сообщил об этом Пинъюань-цзюню, а тот, в свою очередь, Гунсунь Луну. Гунсунь Лун сказал: «Можно и нам послать к циньскому вану сказать следующее: «Чжао стремится на помощь, и только циньский ван — единственный, кто не помогает нам в этом. Это противоречит договору».

Кун Чуань встретился с Гунсунь Луном: им предстоял спор при дворе Пинъюань-цзюня. Они углубились в дискуссию, речь пошла уже о «трех зубах», и Гунсунь Лун, необычайно искушенный в этой теме, спорил так ловко, что Кун Чуаню нечем было отвечать, и он, немного погодя, отклонялся. На другой день Кун Чуань был при дворе, и Пинъюань-цзюнь спросил его об этом: «Вчера Гунсунь Лун был в ударе». Кун Чуань сказал: «Так. Выиграл он диспут о „трех зубах“ — [фигура] чрезвычайно сложная, но в действительности он ложен [как утверждение]. Утверждение «у Цана два зуба» чрезвычайно просто, но истинно как суждение, просто в доказательстве. Вот и не пойму, то ли господину нравится то, что просто, но истинно, или же то, что сложно, но неистинно?» Пинъюань-цзюнь ничего не ответил. На следующий день он призвал к себе Гунсунь Луна и попросил: «Вы уж больше с Кун Чуанем не спорьте».

В царстве Чу некто Чжуго Чжуан-бо велел своему прорицателю: «Погадай о благоприятном дне», — а тот ответил: «Оно на небе!» «Нет, каково оно?» — спросил тот. «Совершенно круглое», — ответил прорицатель. «Да нет, времена каковы?» — настаивал Чжуан-бо. «Прямо сейчас», — сказал прорицатель. [Затем] Чжуан-бо велел гонцу: «Правь!» А тот ответил: «Нет коня». Потом велел старшему еunuху: «Убору!» Тот ответил: «У вас на голове». Конюшему он сказал: «Как у коня с зубами?» Тот отрапортовал: «Двенадцать клыков и тридцать резцов».

Все эти люди были знавшими свое дело подданными, и то, что им не удалось угодить господину, было предопределено вопросами Чжуан-бо, сами они были ни при чем.

Сунец Чэн-цзы потерял как-то свое черное платье и направился на улицу искать его. Там ему встретилась какая-то женщина в черном платье. Схватил ее, никак не отпускает: пусть, мол, вернет его одежду, и все повторяет: «Потерял нынче черное платье». Женщина отбивалась: «Может, вы, господин, и впрямь потеряли черное платье, но это-то я сшила собственными руками». «Тем более давай его сюда», — настаивал Чэн-цзы, — то, что я потерял, было совсем новое, совсем черное, а это уже какое-то линялое. Отдашь мне это линялое вместо моего нового, тебе же еще и выгода».

Обратившись к своему советнику Тан Яну, сунский ван посоветовал: «Сколько народу я казнил, а все как-то нет в моих подданных настоящего трепета. Прямо не знаю, в чем тут дело». «Вы казните только действительных

злодеев,—объяснил Тан Ян.—Когда казнят настоящих злодеев, людям невинным не из-за чего волноваться. Если вы, господин, хотите, чтобы ваши подданные трепетали по-настоящему, вам надо время от времени казнить кого-нибудь просто так, не разбирая, виновен он или нет. Вот тогда все задрожат». Через некоторое время сунский ван казнил самого Тан Яна. Так что правота в ответе Тан Яна, видимо, хуже, чем если бы он в ответе был не прав. Хуэй-цзы создал новые законы для вэйского Хуэй-вана. Когда проект был готов, он был представлен на всенародное рассмотрение, и народ его одобрил. Когда после этого проект был подан Хуэй-вану, тот, также его одобрив, ознакомил с ним Ди Цзяня. Тот также нашел, что проект хорош. «Будем проводить в жизнь?»—осведомился Хуэй-ван. «Ни в коем случае»,—отвечал Ди Цзянь. «Вы же сами говорите, что проект хорош,—удивился ван.—Почему же не ввести его в действие?» «Вы, господин, видели когда-нибудь, как тащат огромное бревно?—спросил Ди Цзянь.—Передние гаркнут «ух-ху», а задние в ответ подналягут. Так вот, для перетаскивания бревен такое «ух-ху» лучше песен царств Чжэн и Вэй. А государство—это то же бревно!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не поддаваться / Бу цюй

Что касается мужей искусных, то самыми искусными из них следует считать достигших дао. Даже и после этого, правда, их красноречие едва ли можно считать исчерпывающим суть вещей. Но если даже считать их красноречие исчерпывающим в слове суть вещей и событий, еще неизвестно, на благо или во вред совершенство их речей. Если искусство обращается на достижение знания законов вещей и изображение в речах должного—это благо; если же оно обращено на то, чтобы прикрывать неправду и морочить глупцов,—это зло. В древности те, кто был искусен в управлении колесницей, пользовались этим искусством для изгнания насильников и прекращения крамолы.

Вэйский Хуэй-ван обратился к Хуэй-цзы: «В прежние времена имевшие царства были неизменно добродетельны. Ныне же я, несчастный, конечно же не обладаю мудростью преждежденного, желал бы передать бразды вам». Хуэй-цзы отказался. Тогда ван стал настаивать: «У меня, несчастного, нет наследника, которому я мог бы

передать царство, и если я передам его мудрому, в народе прекратятся алчба и распри. Желал бы, чтобы прежде рожденный, принимая это во внимание, послушался бы меня, несчастного». Хуэй-цзы ответил: «Не могу послушаться ваших речей, хоть это и речь царя. Ведь вы, государь, властитель десяти тысяч колесниц, вы можете даже отдать кому хотите царство. Возьмем меня, Ши. Я простой человек, и если я стану обладателем царства в десять тысяч колесниц и потом захочу передать его кому-нибудь другому, то я тем самым не только не прекращу в народе алчбу и распри, но еще более их разожгу». Хуэй-ван сказал Хуэй-цзы: «В древности владение царством было от добродетели. Те, кто принимал царство и сохранял добродетель,— это такие, как Шунь». Вот и здесь видно желание сделать Шуня из Хуэй-цзы. Были и кто отказывался от царства из добродетели, такие, как Сюй Ю, и вот Хуэй-цзы хотел стать таким, как Сюй Ю. Но были и такие, кто стал добродетельным благодаря передаче царства— Яо, и вот Хуэй-ван хотел стать таким, как Яо. Но то, что делали Яо, Шунь, Сюй Ю, было не просто «передачей трона Шуню», «отказом Ю» — к этому их вынуждали действия других претендентов. И если, к примеру, этих других претендентов нет, а желание стать Яо, Шунем, Сюй Ю остается, тогда Хуэй-ван должен был бы в простом платье и шапке отправиться в Гуань, циский Вэй-ван как бы отказаться от его царства, а Хуэй-цзы, сменив одежду и убор, уехать на колеснице, не покидая, впрочем, границ царства Вэй. Самонадеянность не к счастью, и всякий поступок должен быть искренним.

Куан Чжан спросил Вэй-вана о Хуэй-цзы: «Почему мужики убивают саранчу, как только ее поймают? Оттого, что она вредит посевам. А этот господин, когда выезжает,— в лучшем случае несколько сот колесниц, пеших слуг тоже несколько сот; в худшем случае несколько десятков того и другого. Это называется: не пахать, а есть, и разве от этого вред посевам не еще больше?» Хуэй-ван сказал: «Хуэй-цзы по имени Ши,— о нем трудно ответить господину в изысканных тонах. Все же попробуем разобраться в его намерениях. Хуэй-цзы говорит: «Вот строят городскую стену: эти тащат огромные бревна и громоздят их сверху на стену; те вздымают трамбовки и уплотняют землю под стеной; а еще некоторые — заглаживают поверхность стены, чтобы она выглядела лучше. Такие, как Ши,— это как раз те, кто наводит на стену глянец. Если искусную вышивальщицу заставить

сучить шелк, она не справится с нитью. Если искусного резчика послать валить деревья, он не свалит ни одного; если мудреца заставить жить как простолюдина, он не сможет управлять другими мужиками. Так вот, Ши — из тех, кто управляет мужиками. К чему же вам, господин, уподоблять его саранче?»

При управлении царством Вэй Хуэй-цзы руководствовался своим учением, и правление его было беспорядочным. Ко времени Хуэй-вана царство из пятидесяти сражений потерпело поражение в двадцати, убитых было несчетно. Среди полководцев, сыновей правителя, некоторые были захвачены в плен. Глупость «великого учения» Хуэй Ши вызывала смех по всей Поднебесной: достаточно было любого примера, чтобы убедиться в его неразумности. И все же Вэй-ван просил чжоуского правителя поручить тайши изменить его имя на титул «второго отца».

При Хуэй-цзы Ханьдань держали в осаде три года и не могли взять, мужи и народ обнищали и были истощены до крайности, страна пришла в запустение, со всех сторон Поднебесной наступали вражеские войска, толпы черни сеяли крамолу, чжухоу не оказывали должного уважения, хорошо еще, что благодаря Ди Цзяню дальнейших планов Хуэй Ши не приняли, а то пропало бы государство. Сокровищами казны откупались направо и налево, земли со всех сторон отрезали себе соседи — с этого времени и начался упадок царства Вэй. Звание «второго отца» — высокое звание; передача власти в государстве — великое событие. Хуэй-цзы рекомендовал использовать «невнушаемость» и «недоверчивость». Однако слушать его и поступать соответствующим образом — никак не назовешь это искусством. Без искусности же браться за управление — тягчайшее преступление. Хорошо еще, что учению его последовали только в Вэй. Плодом этого было злодейство над Поднебесной, которое называли порядком, так что Куан Чжан, нападая на Хуэй Ши, был, по-видимому, прав.

Бо Гуй впервые встретился с Хуэй-цзы. Тот заговорил с обычным искусством, но Бо Гуй ему не отвечал. Хуэй-цзы ушел. Бо Гуй, обратившись к стоявшим там людям, сказал: «Один человек женился, а когда новобрачная прибывает на новое место, она, как известно, ведет себя скромно, ступает маленькими шажками, глаз не поднимает. А тут, когда слуга зажег пучок полыни, чтобы отогнать злых духов, молодая заявила: «Пучок слишком большой — дымит». Когда она проходила

в ворота, заметила выбоину и сказала: «Засыпьте, а то еще кто-нибудь ногу сломает». Эти ее слова нельзя сказать, чтобы не пошли на пользу семье, в которую она вступала, но тем не менее было в них нечто такое, что показывало, что она как бы слишком много на себя берет. Вот и Хуэй-цзы сегодня увидел меня, можно сказать, первый раз в жизни, а сколько сил положил на то, чтобы убедить меня в своей правоте. Что-то он уж слишком суетится».

Услышав про это, Хуэй-цзы сказал: «Это не так. В „Песнях“ говорится: „Высокий муж — отец и мать народу“. Большой — это крупный, высокий — это старший. Здесь речь идет о внутренней силе княжича — она больше, чем у других, почему он и может быть отцом и матерью народу. Когда же отец и мать поучают дитя, разве должны они для этого специально готовить почву?»

К чему же это уподобление меня молодой жене? Разве в „Песнях“ сказано: „Большая-высокая молодая жена?“ Кто критикует излишество, сам излишествует; тому, кто критикует недостаточность, самому недостает. Тут дело в том, что тот, кто критикует, уподобляется тому, кого критикует».

Когда Бо Гуй сказал: «Хуэй-цзы еще не знает меня, а уже проявляет обо мне непомерную заботу», сам Хуэй-цзы, критически воспринявший его слова из-за того, что в них содержался намек на то, что он считает себя матерью-отцом, в действительности доказал тем самым, что его отрицание намерения выказать свое превосходство над Бо Гием в действительности содержало свидетельство наличия у него высокомерного взгляда на Бо Гую сверху вниз. Так что стремясь доказать, что у него нет такого намерения, он лишь доказал, что оно у него есть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Речи в ответ / Ин янь

Бо Гуй обратился к Вэй-вану: «Если варить курицу в треножнике Шицю, то станешь кипятить слишком долго — она станет пресной и невкусной, а если слишком мало — грубой и непроваренной. Если с этой точки зрения взирать на красоту треножника — она бесполезна. То же самое можно сказать и о красноречии Хуэй-цзы». Услышав про это, Хуэй-цзы сказал: «Да нет. Если представить, что войско, проголодавшись, остановится рядом

с этим треножником, ему он покажется самым подходящим из всех мыслимых сосудов, когда станет нужно сварить похлебку!» В свою очередь, прослышав об этом, Бо Гуй сказал: «Когда мы говорили о бесполезном, мы как раз и имели в виду, что, кроме риса, в таком треножнике ничего не сварить». Речь Бо Гуя, скромная с виду, оказала на Вэй-вана большое воздействие. Он [сумел показать], что речи Хуэй-цзы, хотя они действительно изящны и прекрасны, ни на что не годны, показав Вэй-вану, что тот, сделав «вторым отцом» человека бесполезных речей, продемонстрировал тем самым, что прекрасным он считает бесполезное.

Гунсунь Лун убеждал яньского Чжао-вана, чтобы тот принял идею разоружения. Чжао-ван сказал на это: «Отлично! Мне, несчастному, хотелось бы разработать с вами такой план». Гунсунь Лун тогда сказал: «Мне только кажется, простите, что вы, великий государь, этого не сделаете». «Отчего же?» — спросил Чжао-ван. Гунсунь Лун сказал: «В свое время, когда великий ван вознамерился сокрушить Ци, он собрал мужей по всей Поднебесной. Тогда достаточно было желания сокрушить Ци, чтобы получить место у великого вана; достаточно было знания географии-рельефа царства Ци, его важнейших укреплений и обстановки внутри правящего слоя, чтобы великий ван принял на службу. Но если даже при наличии таких знаний отсутствовало желание разгромить Ци, вы, великий ван, были как будто не склонны таких кормить. Из этого можно сделать вывод, что определяющим критерием оценки для вас было стремление сокрушить Ци — это в ваших глазах было высшей заслугой. И вот ныне вы, великий ван, говорите: «Искренне стремлюсь к разоружению». А среди мужей из чжухоу, которые состоят при собственном дворе великого вана и пользуются наибольшим расположением, сплошь brave вояки. Исходя из этих фактов, я и полагаю, что вы, великий ван, на это не пойдете». Ван ничего не ответил.

Сыма Си поставил перед Чжуншань-ваном в затруднительное положение одного моиста, рассуждая на тему о ненаступательности в таких словах: «Искусство, которым занимается преждедуженный, это [искусство] ненаступательности?» Моистский мастер сказал: «Это так». «А если, к примеру, наш [чжуншаньский] ван поднимет войска и пойдет в наступательный поход на Янь, вы, преждедуженный, тогда осудите нашего вана?» Моист-воин ответил: «Если такое случится, вы, сянг-министр, будете считать это правильным?»

«Да!» — ответил Сыма Си. Тогда моист-полководец сказал: «А если, к примеру, Чжао поднимет войска и пойдут в наступление на Чжуншань? И это вы, министр, сочтете правильным?» Сыма Си нечего было сказать.

Лу Юэ обратился к Чжоу-бо со словами: «Вы, господин, не должны любить Чжао, тогда Поднебесная сумеет объединиться в союз „цзун“». Чжоу-бо сказал: «Я очень хочу, чтобы в Поднебесной утвердился союз „цзун“, но если это случится, от этого выиграет царство Цинь». В ответ на это Лу Юэ спросил: «Значит ли это, что вы, господин, желаете выгоды для Цинь?» Чжоу-бо сказал: «Да, желаю этого». Лу Юэ сказал: «Если вы, господин, этого хотите, то отчего же не вступаете с этой целью в союз по вертикали (цзун)?»

Правитель Вэй повелел Мэн Анью передать циньскому вану в дар земли Цзян, Фэн и Аньи. Тот, обрадованный, велел Ци Цзя просить у вэйского правителя для Мэн Аня места сыту — наблюдателя за землями. Вэй-ван был этим недоволен и ответил Ци Цзя в следующих выражениях: «Ань — подданный у меня, несчастного. И чем его, я бы лучше назначил какого-нибудь простого мужика на эту должность. Надеюсь, что великий ван передумает и рекомендует для этого кого-нибудь другого». Когда Ци Цзя вышел, ему повстречался при дворе Мэн Ань, который его спросил: «Как ваше дело, господин?» Ци Цзя ответил: «Как же вы презираемы вашим властителем! Ваш властитель [мне] заявил, «что лучше он назначит на пост сыту какого-нибудь простого мужика, нежели вас». Когда Мэн Ань увиделся затем с правителем, он спросил: «О чем говорил циньский гость?» Ван сказал: «Он требовал, чтобы я вас назначил на должность сыту». «И что же вы сказали в ответ?» — спросил Мэн Ань. Ван сказал: «Лучше уж какого-нибудь простого мужика из пленных, чем Аня». Мэн Ань сказал с глубоким вздохом: «Ван с такой лояльностью служит Цинь. Отчего же у вана возникли сомнения, когда циньцы отнеслись с уважением к вашему подданному? Если бы грамоты о передаче Цзян, Фэн и Аньи были отправлены в Цинь с буйволом, то они, вероятно, наградили бы и буйвола. Хотя я, Ань, и ничтожен в добродетели, но не хуже же я в самом деле буйвола! А вы, государь, к тому же, когдаставляли в грамоте ваших трех губернаторов, говорили обо мне в указе, чтобы они «смотрели на Аня как на вас самого». Из этого было ясно, что я для вас важное лицо. Когда уже при следующем указе оказывается, что я вовсе не важное лицо в ваших глазах, не вышло бы, что при

следующем вашем поручении я не смогу с ним справиться, будь я и семи пядей во лбу?» Поразмыслив над этим три дня, Вэй-ван послушал Ци Цзя.

Когда властитель награждает своего крупного чиновника, это ему прибавляет вес. Нынче вот, даже если отрезать взамен часть царства, чтобы приобрести взамен большого чиновника, — кому его отдашь, этот надел?

Мудрый чиновник — это то, на что надеются люди. Мэн Ань позволил циньцам обрести то, что они желали, вот и циньцы решили помочь ему обрести то, что ему хотелось. Если упрекать за награду, то, кажется, уже больше и не найдется, за что не упрекать! Вэй, мощное государство, и то не могло позволить себе обвинять невинных, а уж слабое царство тем более! Вэй-ван поступил расчетливо, когда, назначая Мэн Аня на должность сыту, снимал с него мнимую вину за то, что тот, подобно буйволу, выполнял его волю.

Когда циньский ван объявил себя ди-императором в Ияне, Сюй Гуань от его имени приказал Вэй-вану прибыть в Цинь. Когда Вэй-ван уже собирался ехать в Цинь, Вэй Цзин сказал ему: «Что важнее — земли Хэнэй или город Лян?» Ван сказал: «Лян важнее». Тот опять спросил: «Что важнее — Лян или ваша собственная персона?» Ван сказал: «Моя собственная персона». Он тогда сказал: «Если, к примеру, Цинь потребовало бы Хэнэй, вы бы отдали?» Ван сказал: «Не отдал бы его». Вэй Цзин спросил: «Хэнэй — это наименее ценное из всех обсуждавшихся вещей, а ваша персона — наиболее ценная. И вот, когда Цинь требует наименее ценную из трех вещей, вы, ван, не идете у них на поводу, а когда они требуют наиболее ценную — вы соглашаетесь. Вашему подданному это непонятно». Ван сказал: «Вы совершенно правы», — и отменил поездку.

Хотя циньцы одержали крупную победу при Чанпине, им понадобилось еще три года для того, чтобы добиться решающей победы в войне, так как народ там устал, а продовольствие было на исходе. В то же время оба чжоуских дома были все еще в целости, существуя на равных. Вэй тогда еще способно было нападать на такие, как Тао, и уничтожать такие, как Вэй; вэйцы все еще занимали территорию в шестьсот ли, у них еще была реальная сила. Таково было действительное соотношение сил. Чтобы при этом не ехать в мятежное царство Цинь, не нужно было дожидаться советов со стороны Вэй Цина. И вместо того чтобы ехать, когда еще можно было не ехать, лучше было бы подумать о том, что будешь делать, когда уже нужно будет ехать, да уже не пригласят

приезжать! Так что своевременность поездки или отказа от поездки — вопрос, требующий весьма и весьма зрелого рассуждения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Все в готовности / Цзюй бэй

Предположим, что перед нами Охотник (И) и Пэн Мэн с луком Фаньжо, только без тетивы: ясно, что они не смогут поразить цель. Последнее зависит не только от тетивы, однако наличие тетивы — главное условие существования лука как такового.

Во всяких заслугах и славе тоже есть нечто подобное главной детали, и без этого условия, даже превосходя умом Тана и У, лишь напрасно потратишь силы. Разве Тан не был в затруднении в Вэй и Бо? Разве У-ван не страдал от поражения в Би и Чэн? Разве И Инь не состоял при кухне, а Тай-гун не занимался ужением рыбы? А между тем их ум-добродетель вовсе не были в упадке, а рассудок не был ослаблен. Просто ни у одного из них не было подходящих условий. Поэтому всякие победы и заслуги при любой мудрости нуждаются также в надлежащих условиях для своей реализации.

Бицзы Цзянь управлял Даньфу. Опасаясь, что луский правитель послушается наветов клеветников и поставит его в такие условия, когда он не сумеет исполнить свой план, он попросил об отставке и отправил прошение с двумя людьми из ближайшего окружения луского правителя, которые прибыли с ним вместе в Даньфу. Когда чины явились в приказ, Бицзы Цзянь приказал им записывать. Когда те приготовились записывать, Бицзы Цзянь стал их время от времени толкать под локоть. То, что они написали, было поэтому некрасиво, и Бицзы Цзянь в гневе обрушился на них. Страшно недовольные этим, чины откланялись и пустились с его разрешения в обратный путь. Бицзы Цзянь на это сказал: «Поскольку пишете вы отвратительно, можете назад не возвращаться». Вернувшись, чины доложили лускому правителю: «Письменного доклада нет». «Это отчего же?» — поинтересовался правитель. Чины отвечали: «Бицзы заставил нас писать, но все время толкал под руку, поэтому написалось вкривь и вкось. От этого он разгневался. Все мужи потешались над нами, и тогда мы откланялись и отбыли». Луский правитель глубоко вздохнул и сказал: «Таким способом Бицзы обличил мое, несчастного, нера-

зумие. То, что я, несчастный, будучи сам в замешательстве, не позволял и ему, Бицзы, воспользоваться своим искусством,— такое случилось не раз! Поэтому он умышленно унизил вас двоих, чтобы я, несчастный, понял свою ошибку». Затем он послал ближайшего к нему человека в Даньфу, чтобы тот передал Бицзы: «Отныне и впредь область Даньфу не входит в мои владения, но всецело в вашем распоряжении. Все, что вы считаете полезным для Даньфу, решительно осуществляйте. Раз в пять лет докладывайте о важнейших событиях». Бицзы почтительно согласился и применил свое искусство управления в Даньфу. Через три года Ума Ци в короткой одежде и с обритой бородой отправился в Даньфу, чтобы посмотреть, какие там преобразования. Там он встретил рыбака, который, ночью поймав рыбину, тут же выбросил ее обратно в воду. Он поинтересовался: «Рыбу ведь ловят для прибытка, отчего же вы, господин, выбрасываете обратно свой улов?» Тот отвечал: «Бицзы не велит нам брать маленькую рыбешку, я как раз такую и выбросил». По возвращении Ума Ци доложил Конфуцию: «Сила Бицзы достигла предела: у него народ и ночью, когда никто не видит, ведет себя так, как будто рядом выставлены орудия пытки. Позвольте узнать, с помощью чего удастся Бицзы этого добиваться?» Конфуций сказал: «Я ведь давно уже твержу об этом: «Верный себе добьется верности и от других, как если бы им грозила казнь». Именно этим искусством и воспользовался Бицзы в Даньфу».

Таким, как Бицзы, нужно давать возможность проявить свои способности, но луский правитель поздно это понял. Однако то, что хоть и поздно, но луский правитель это все же понял, зависело и от того, что Бицзы заранее позаботился о том, чтобы создать соответствующие условия. Если подготовка проведена заблаговременно, можно не торопиться при исполнении. Такова была мудрость луского правителя. Младенец трех месяцев от роду, если перед ним поставить пышную колесницу или тиару правителя, не поймет, что перед ним нечто всем желанное; точно так же как, если позади будут топор и пика, не поймет, что сзади нечто опасное. Однако на ласковое слово любящей матери он откликается всем существом. Это происходит оттого, что искреннее чувство вызывает в ответ искреннее чувство; равные по тонкости мысли соединяются, проникая друг друга как бы на небе — в пространстве безбрежном, а когда они соединены самым небом, тогда с ними можно изменить даже

непоколебимую природу воды, дерева или камня, не говоря уже о тех, в ком ток живой крови.

Посему в мастерстве уговоров, убеждения и управления нет ничего важнее искренности! Чем слушать скорбные речи, лучше увидеть настоящую слезу; чем слушать гневные вопли, лучше увидеть настоящий взмах оружием. Когда убеждение и управление не основаны на внутренней честности, они лишь внешне касаются людских сердец!

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Удалиться от пошлого / Ли су

Чего не хватает в мире, так это здравого смысла и добросовестности; чего в нем с избытком, так это самомнения и безответственности. Народ уж так устроен, что ценит то, чего мало, и пренебрегает тем, чего в избытке. Поэтому когда в личном поведении подданные в холщовых одеждах чисты, непорочны, праведны, то чем они беднее, тем шире их слава. Даже если их настигнет смерть, вся Поднебесная прославляет их еще больше: вот каково [действие закона] нехватки. Но если с этих позиций [как уровнем и отвесом] выравнивать с помощью благомыслия и добросовестности, то даже у Шэнь-нуна и Хуан-ди наверняка обнаружится такое, что можно отвергнуть, не говоря уже о Шуне и Тане. Фэйту и Яоняо¹³⁴, но даже в их стати были недостатки. Так что если искать с меловым шнуром абсолютно ровное дерево в лесу, дворец никогда не будет построен.

Шунь отказывался от [царства] в пользу своего друга Шихучжи Нуна. Шихучжи Нун сказал: «Трудная должность у властителя людей: ему ведь приходится охранять себя силой?» Этим он хотел сказать, что и у Шуня внутренняя сила несовершенна. Затем он с чадами и домочадцами отправился в море и до конца своей жизни больше не возвращался. Шунь также хотел уступить власть своему другу Бэйжэню Уцзэ. Бэйжэнь Уцзэ сказал: «Странная должность на земле у властителя людей: пребывает он в самом центре земли, а в мысленных странствиях все стремится к воротам Яо [как ученик]. Не лучше ли [нам] оставаться на своих местах? Для чего же стремиться собственной нечистотой замарать еще и меня? Мне стыдно за тебя!» И он бросился в пучину Цанлин.

Когда Тан собрался походом на Цзе, он пригласил Бянь Суя и обратился к нему за советом. Бянь Суй отказался в следующих словах: «Это не моя специальность». Тан спросил: «Кто бы мог?» Бянь Суй сказал: «Не знаю». Тогда Тан обратился за советом к У Гуану. У Гуан сказал: «Не моя специальность». Тан спросил: «Кто бы мог?» У Гуан сказал: «Не знаю». Тан спросил: «Как насчет И Иня?» У Гуан сказал: «Силен и способен снести многое, об остальном не знаю». Тан тогда задумал вместе с И Инем поход на Ся против Цзе и после победы над ним хотел уступить власть Бянь Сую. Бянь Суй отказался и сказал при этом: «Когда властитель собирался покарать Цзе, он обращался ко мне за советом,— следовательно, он считал меня способным на злодейство. Теперь, после победы над Цзе, он уступает мне [власть], тем самым показывая, что считает меня [еще и] алчным. Довелось мне родиться в смутное время, а тут еще люди, лишённые морального чувства, обращаются ко мне, тем самым унижая меня. Я больше не в силах выслушивать эти предложения!» И он бросился в реку Иншуй и погиб.

Еще Тан уступал власть У Гуану, говоря при этом: «Тот, кто наделен разумом — замышляет, тот, кто вооружен — исполняет, тот, кто человечен — пользуется плодами [победы]; таков древний моральный порядок-дао. Почему же вы, мой господин, не желаете последовать этому и занять подобающее место? Прошу вас стать во главе [государства]!» У Гуан ответил отказом в таких выражениях: «Уничтожение высших [властителей] — это отрицание добропорядочности; убийство народа — это отрицание человеколюбия. Если некто попадет в беду, а я воспользуюсь этим, чтобы взять его достояние, — это нескромность. Я слышал вот о чем: «Уничтожай неверность долга, но не завладевай [чужим] достоянием; покидай мир, в котором отсутствует дао, но не попирай его территории!» Как же теперь я верну самоуважение? Нет, я не в силах больше взирать на этот мир!» И, с камнем в объятьях, он опустил в воды реки Мушуй.

Такие, как Шихучжи Нун, Бэйжэнь Уцзэ, Суй Бянь, У Гуан, смотрят на Поднебесную как бы из-за шести полюсов-люхэ. Для обычных людей непостижимо: [как это] на богатство и знатность такие могут взирать, как если бы они их уже заполучили, но бороться за них не станут, как будто они им совсем ни к чему! Высокие, сдержанные, невозмутимые, они радуются только лишь своим думам, и потому никакие события не могут нанести им ущерба; они не пачкаются выгодой, не тянутся за

особыми привилегиями и вообще стыдятся пребывать в [этом] грязном мире. Такова самодисциплина этих четырех мужей! На их фоне [может] показаться, что [даже] Шунь и Тан приукрашивали свои устремления и напускали на себя несвойственный им вид [благодетелей человечества] — как если бы они действовали не из корыстных побуждений.

В действительности же такие, как Шунь и Тан, действуют вовсе не из корыстных побуждений, хотя им и приходится маскировать свои планы и надевать различные маски: они сообразуются с моментом, имея в виду прежде всего любовь к выгоде, а долгом — [захват] тысяч людей. На этом фоне как бы получается, что Шунь, Тан скрытничали и лицемерили, желая ударить исподтишка, когда никто не ждет; воспользоваться удачным моментом и сделать свое дело, причем двигали ими при этом любовь к наживе и стремление к власти над людьми. Этому можно уподобить искусство удильщика, который в зависимости от размера рыбы подбирает подходящую наживку или мушку-насадку.

Царства Ци и Цзинь воевали. Некий солдат родом из Пиньэ, что в Ци, утратил на поле брани свою секиру, но захватил неприятельское копье. Возвращаясь в подавленном настроении, он обратился к встречному с вопросом: «Как думаешь, можно мне на побывку: я потерял секиру, но захватил копье?» «То — оружие, и это — оружие, — сказал прохожий. — Так что ты приобрел то же, что и потерял. Можешь двигаться домой». Воин побрел дальше, но на душе у него было по-прежнему скверно, и когда ему встретился дафу из Гаотана по имени Шу Усунь, он преградил дорогу его коню и спросил: «Сегодня в бою я потерял секиру, но захватил копье — можно мне в отпуск?» «Копье — не секира, а секира — не копье, — сказал ему Шу Усунь. — Как же ты смел подумать, что, потеряв одно, а добыв совсем другое, ты выполнил свой долг?» Солдат из Пиньэ глубоко вздохнул и вернулся в бой. Он храбро сражался, но отличиться больше не удалось, и он погиб. Узнав об этом, Шу Усунь сказал: «Как я слышал, благородный муж должен разделить участь того, кто пострадал по его вине». Стегнув коня, он ринулся в бой и также был убит.

Тот, кто отдает приказ многим, сам тоже не должен показывать [врагу] спину; кто приказывает стоять [до конца] рядом с правителем, также должен выполнять свой долг до смерти. И если, к примеру, он подумает, что умрет, не совершив ничего великого, то он узко мыслит.

Тот, кто мыслит узко, никогда не совершит [ничего] великого. Откуда, например, сейчас нам известно, что были такие, как этот неизвестный пешка из Пинъэ и Шу Усунь? Так что властителю, который хотел бы заполнить скромных исполнителей, нужно специально заниматься их поисками.

Во времена циского Чжуан-гуна жил некто по прозвищу Бинь Бэйцзюй. Как-то раз во сне ему привиделся статный муж в шапке из белого шелка с красными завязками, зеленом платье, новых белых туфлях и с мечом в черных ножнах на боку. Подойдя, незнакомец грубо обругал его и плюнул в лицо. Тут он очнулся и понял, что это был всего лишь сон. Однако не мог уже уснуть и был весьма опечален. На следующее утро он отправился к своему другу, все ему рассказал и пожаловался: «Смолodu ценил я мужество и, дожив до шестидесяти лет, ни разу ни от кого не потерпел оскорбления. Прошлой же ночью меня опозорили. Буду искать обидчика: найду — хорошо, не найду — останется только умереть». С того дня он стал каждое утро выходить в сопровождении своего друга на перекресток и весь день стоял там в ожидании обидчика. Прошло три дня, но того человека он так и не встретил и, вернувшись домой, покончил счеты с жизнью. Можем ли мы назвать его поведение правильным? Видимо, нет. Тем не менее сердце его не терпело позора, и это нужно бы поставить ему в заслугу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Возвышение должного / Гао и

Взгляд княжича на собственное поведение таков: побудительной причиной к действию [может быть только] долг; а способ его исполнения должен содержать искренность в верности необходимости; и даже если люди несведущие назовут это поражением, это действие все же успешно; если же в действии нет искренности, а мотивом к нему не являются необходимость [долг], то хотя бы несведущие и сочли это действие успешным, оно — поражение. Так что в представлении княжича поражение или победа — не то, что под этим подразумевают люди несведущие.

За должным деянием закономерно следует должная награда, за должным преступлением — должная расплата. Если же награда не по заслуге, хотя бы ее и предлагали, следует отказаться; и если расплата за дело, то,

хотя бы и предлагали помилование, не следует делать для себя исключение [из закона]. Если с такой мерой подходить к делам государственным, будет выгода; если ее распространить на властителя, он будет удачлив в делах. Во внутреннем — нужно обращаться к собственному сердцу, и только если оно не противится — действовать.

Конфуций увиделся с циским Цзин-гуном, и тот предложил ему в кормление Линьцю, но Конфуций отказался и не принял [пожалования], а ученикам своим сказал об этом: «Как меня учили, цзюньцзы получает награду за должные заслуги. Я же ныне докладывал Цзин-гуну, но Цзин-гун не стал действовать сообразно моим советам, зато в благодарность за них предложил мне Линьцю. Разумеется, он совсем не понимает меня, Цю!» Он велел ученикам запрягать повозку, откланялся и отбыл. Конфуций — муж в холщовой одежде, служил в Лу в управе прокурором, а между тем и властителю десяти тысяч колесниц было с ним трудно сравниться в поведении, а советникам трех династий — в ясности мышления: поистине он не ошибался в вопросе о том, что принимать и что оставлять!

Мо-цзы отправил своего ученика Гуншан Го в Юэ. Гуншан Го изложил там учение [о должном] Мо-цзы, юэскому вану оно понравилось, и он ему сказал: «Ваш учитель может приезжать к нам в Юэ. Передайте ему, что готов почтить его по этому случаю землями У, по берегу реки Инь, и приписать ему 300 шэ¹³⁵ в качестве пожалования». Когда Гуншан Го вернулся обратно к Мо-цзы, тот его спросил: «Как на твой взгляд, способен ли юэский ван понять мои слова и принять мои принципы?» Гуншан Го ответил: «Боюсь, что нет». Мо-цзы сказал: «Видимо, не только юэский ван не в состоянии понять меня, но и ты, хоть мне и учеником считаешься, тоже ничего у меня не понял. Если бы юэский ван послушал мои речи и принял мои принципы, то я, Ди, принял бы от него платье по росту и стол по аппетиту, как рядовой гость-бинькэ, отнюдь не претендуя на должность советника-ши. Однако коль скоро юэский ван не понимает моих слов и не принимает моих принципов, то пообещай он мне даже все царство Юэ, я бы его не принял. Потому что принять царство от царя, который не понимает моих слов и не принимает моих принципов, означало бы тем самым продажу самого себя, а если уж продавать себя, то к чему за этим ехать в Юэ, когда это можно сделать и в срединных царствах».

Во всем, что касается человека, необходимо зрело рассуждать. Среди простых мужиков в Цинь часто из-за мелочной выгоды судятся даже старшие братья с младшими, обвиняют друг друга ближайшие родственники. А в этом примере — мог бы получить целое царство, но из-за боязни нанести ущерб собственным принципам отказывается от него — вот уж поистине люди следят за своим поведением! Как далеки они от циньских мужиков!

Чусцы воевали с усцами, войско чусцев было малочисленно, усцев было много. Цзы Нан, чуский полководец, тогда сказал: «Если сразимся с усцами — непременно потерпим поражение. Привести к поражению войско вана, к позору — имя вана, к сокращению — земли — это то, что верный подданный не может стерпеть». Он не сообщил об изменении своего решения вану, а прямо направился обратно в столицу и уже из предместья послал сообщить вану об изменении своего решения: «Прошу разрешения умереть!» Ван сказал на это: «То, что вы, командующий, вернулись, следует считать для нас удачей. А если вы искренни и приносите удачу, к чему же вам, командующий, умирать?» Цзы Нан ответил: «Если считать отступившего без приказа невиновным, то в будущем командующие вана будут под предлогом невозможности выиграть сражение и ссылаясь на мой пример самовольно отступать. В этом случае вышло бы так, что Чу в конечном счете стало бы мишенью для битвы всей Поднебесной!» С этими словами он лег на меч и закололся. Ван сказал: «Таков образ действий зрелого мужа и командующего!» И он приказал похоронить его в гробу из тунга трех цуней толщиной, приложив плаху и секиру.

Вся беда властителя в том, что, когда он сохраняется, он не знает, отчего он сохраняется, а когда гибнет, не знает, отчего гибнет: по этой причине он то и дело оказывается между существованием и гибелью. А между тем эти гибель и существование можно предусмотреть! Распространение власти из таких малых столиц, как Вэй или Ци, подчинение им множества царств зависит как раз от этого. Все дело в правильном расчете! Чего только не было на протяжении сорока двух поколений правителей царства Чу — и мятежи Гань Си и Бо Гуна, и предательства полководцев Чжэн Сяна и Чжоу-хоу [из Цзинь], а между тем и по сей день Чу — великая держава — это что же, оттого, что все время там были такие, как Цзы Нан? Нет, конечно, просто эпизод с ним был известен не одному поколению [чуских] подданных.

Во времена чуского Чжао-вана жил некий муж по имени Ши Ду. Как человек — прямой и бескорыстный. По повелению царя он исправлял должность прокурора при дворе. Некто убил человека, и при расследовании убийства Ши Ду задержал убийцу. Оказалось — это его собственный отец. Тогда он повернул свою колесницу и вернулся в управу, где доложил: «Убийца — отец Вашего раба. Для меня невыносимо применить закон по отношению к собственному отцу; поощрять же убийство как вид преступления — значит попортить закон в государстве, что также невозможно. Мой долг как подданного ответить перед законом за то, что я нарушил закон!» И он положил голову на плаху, прося у вана разрешения умереть. Ван сказал: «Вы гнались за ним, но не догнали, за что же тут отвечать перед законом? Займитесь другими делами». Ши Ду отказался в следующих словах: «Того, кто не делает всего возможного для своих, нельзя считать почтительным сыном; того, кто на службе правителю пренебрегает законом, нельзя назвать верным подданным. То, что Вы, государь, велели меня помиловать, — Ваше милосердие как высшего над людьми; то, что я не смею нарушить закон, — это мой поступок как подданного». Он не покинул эшафота и сложил голову при дворе вана. Считающий, что тот, кто призван охранять закон, должен смертью отвечать за его нарушение, что невозможно наказывать отца, даже нарушившего закон, и что даже помилование от вана за такое преступление нельзя принимать — таковы были представления Ши Ду о [настоящем] подданном, которые можно охарактеризовать как верность и почтительность одновременно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Высшая доблесть / Шан дэ

Что в Поднебесной, что в отдельном царстве, самое главное — это действие внутренней силой-дэ, а также следование внутреннему чувству [должной] необходимости. Тогда народ не надо будет убеждать с помощью наград, не нужно будет укрощать крамолу-безобразие — они сами прекратятся. Таков и был способ управления Шэнь-вуна и Хуан-ди. Если применять силу духа и нравственный закон, то даже такие преграды, как четыре моря и великие реки Цзян и Хэ, не будут непреодолимыми, и даже кручи Тайхуа и Гуйцзи не смогут служить препятствием. Даже [военная] наука, воспринятая от самого Хэ

Люя, и военная теория Суня и У не смогут [этим силам] противостоять. Поэтому власти древних времен обладали силой духа, занимавшей собой все пространство между небом и землею, переполнявшей все четыре моря-океана, все четыре стороны света, достигавшей любого места, куда только падал свет солнца и луны, над которым только [сияло] небо, под которым только [твердела] земля. Они не делали секрета из того, что им любо, что — ненавистно, были скромны и безыскусны, но простой люд все как один бросались [в бой] на их врагов, сами не понимая почему. Вот это и называется следованием небу-природе: народ обучали, и он менял внешний вид и оставлял прежние обычаи. И никто из них даже не понимал, что это пришло к ним извне! Вот это и именуется следованием человеческой природе. Поэтому люди древности сами были сокрыты, и видны были лишь их деяния; свое тело-форму они не утруждали, но слава их была у всех на устах. Речи их слова были слышны повсюду, и сообразно им и изменение нравов было мгновенным! Их благое воздействие распространялось по всей Поднебесной, но народ даже не знал, откуда это. Зачем же им могли бы понадобиться суровые наказания и щедрые награды? Эти суровые кары и щедрые награды — признаки политики времен упадка.

Когда три племени мяо не покорились, Юй предложил пойти на них военным походом. Шунь тогда сказал: «Можно достичь того же самого, применяя силу внутреннюю». Три года действовал он силой духа, и три мяо покорились. Услышав об этом, Конфуций сказал: «Тому, кто приобрел такое расположение духа, не страшны ни Минмэн, ни даже [проход] Тайхан. Об этом и сказано: «Скорость распространения силы духа выше скорости, с которой гонцы способны передать повеления [правителя]». Но лишь тому, кто [сам] пришел в такое расположение внутренней силы, ясно, что есть сила духа». Поэтому в чжоуском Минтане [все] металлическое помещали в заднем ряду, и это делалось специально, чтобы продемонстрировать [принцип] «сначала внутренняя сила духа, и лишь потом сила оружия». А вот Шунь разве был таковым? Но вот его деяние — когда он спрятал все оружие — передалось всему дому Чжоу!

Цзиньский Сянь-гун из-за своей [второй] жены Ли-ци удалил от себя наследников. Наследник Шэнь Шэн поселился в Цюйво, княжич-гунцзы Чжун Эр — в Пу, гунцзы И У — в Цюй. Ли-ци обратилась к наследнику: «Прошлой ночью наш правитель видел во сне [твою

мать] Цзян [ши]». Тогда наследник принес жертву духу матери и отправил жертвенное мясо гуну, но Ли-цзи [подменила его] отравой. Когда гун собирался вкушать от жертвенного, Цзи сказала ему: «Оно долго было в пути, пусть кто-нибудь попробует первым». Тот, кто попробовал, умер, а когда мясо дали собаке, она сдохла. Гун тогда обвинил наследника. Наследник не посмел оправдываться, сказав: «Если правителя лишить Ли-цзи, то он ни спать спокойно, ни есть с аппетитом не сможет». И он закололся мечом. Тогда гунцзы И У бежал из Цюй в Лян, а гунцзы Чжун Эр — к варварам-ди. Когда он по пути к ди проезжал через Вэй, вэйский Вэнь-гун был с ним непочтителен. Когда, миновав Лу, он достиг Ци, циский Хуань-гун как раз умер. Тогда он покинул Ци и отправился в Цао. Цаоский Гун-гун, увидев, [что он в лохмотьях], велел ему спуститься в пруд и наловить своей одеждой рыбы. После Цао он проезжал Сун, и сунский Сян-гун принял его со всеми подобающими церемониями. Когда он достиг царства Чжэн, чжэнский Вэнь-гун никакого уважения не оказал, и тогда [советник] Бэй Чжань стал его увещевать: «Как слышал ваш слуга, мудрый властитель не унижает попавшего в беду. Посмотрите, те, кто последовал за цзиньским княжичем, — сплошь мудрецы. Если вы, правитель, не уважаете его, то лучше убейте!» Чжэнский правитель его не послушал. Тот покинул Чжэн и отправился в Чу, чуский Чэн-ван обошелся с ним небрежно. Когда же, покинув Чу, он отправился в Цинь, циньский Му-гун отправил его обратно домой. Однако Цзинь к этому времени пришло в нормальное состояние; там подняли войска в поход на Чжэн и потребовали выдачи Бэй Чжана. Бэй Чжань тогда обратился к чжэнскому правителю: «Лучше вам выдать меня, вашего слугу». Чжэнский правитель сказал: «Это было моей ошибкой». Бэй Чжань сказал: «Если моя смерть может спасти государство, я охотно пойду на это!» Бэй Чжань отправился в стан цзиньцев, и Вэнь-гун собрался изжарить его в масле. Бэй Чжань, схватившись за край котла, вскричал: «Воины всей армии, слушайте меня, Чжана! Отныне и впредь да не будет так, чтобы вы были верны своему правителю, так как верные своему правителю будут изжарены в масле, [как я]». Вэнь-гун тогда простил его, прекратил войну, а его самого вернул в Чжэн. Итак, Бэй Чжань остался верен своему правителю, выполнил свой долг по отношению к Чжэн и при этом был помилован Вэнь-гуном. Следовательно, польза от следования нравственному закону весьма велика.

Глава моистов Мэн Шэн был в хороших отношениях с чуским Янчэн-цзюнем. Янчэн-цзюнь поручил ему охрану своего города и в знак полномочий разломил яшмовое кольцо и половину передал ему вместе с указанием: «Послушаешь того, кто передаст вторую половину». Когда чуский ван умер, подданные ополчились на У Ци, войска собрались к месту погребения. Янчэнский правитель также принял участие в этом, и чусцы обвинили его в [этом] преступлении. Янчэнский правитель бежал, и усцы захватили его область.

Мэн Шэн тогда сказал: «В моих руках порученное мне другим царство; чтобы передать его другому, мне нужен знак. Но сейчас знак мне не предъявлен, а сил сопротивляться врагу нет. Не умереть в такой ситуации невозможно». Ученик его Сюй Жо стал его убеждать: «Если бы ваша смерть могла принести какую-то пользу янчэнскому правителю, правильно было бы умереть. Но, зная, что выгод от этого нет, подвергать [из-за этого] опасности распространение в мире учения моистов невозможно!» Мэн Шэн сказал: «Это не так. Кто я по отношению к янчэнскому правителю? Если не полководец, то младший друг; если и не друг, то подданный. Если я не умру, то отныне и впредь в поисках суровых наставников никогда не станут обращаться к моистам, так же как и не станут искать среди них ни добродетельных друзей, ни верных подданных. Если же своей смертью я продемонстрирую, как относятся к своему внутреннему закону моисты, дело моистов, напротив, будет тем самым утверждено среди будущих поколений! А должность главы моистов я передам Тянь Сян-цзы в царстве Сун. Тянь Сян-цзы добродетелен, так что нечего беспокоиться о том, чтобы учение Мо-цзы прервалось в мире». Сюй Жо сказал: «По вашим же словам я, Жо, прошу о праве умереть первым, чтобы проложить вам путь». Он отступил на шаг и снес себе голову прямо перед Мэн Шэном. А Мэн Шэн послал двоих, чтобы они передали права на должность главы моистов Тянь Сян-цзы. Когда Мэн Шэн ушел из жизни, за ним последовали 180 учеников. Три человека были посланы, чтобы передать его повеление Тянь Сян-цзы, они после этого собирались вернуться обратно в Чу и там умереть вместе с Мэн Шэном, причем, удерживая их, Тянь Сян-цзы говорил: «Права главы школы уже переданы Мэн Шэном мне, и вы обязаны меня слушаться». Но они все равно вернулись и покончили с собой. Моисты [всегда] считали, что неповиновение главе школы — нарушение закона, и, конечно, к такому положению

дел не могли бы привести одни щедрые награды и суровые наказания. А ныне, когда в мире заходит речь о порядке, по большей части имеют в виду [именно такие] награды и наказания. Этого не поняли бы люди прежних поколений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Употребление народа / Юн минь

В употреблении народа выше всего — [привитие ему] чувства долга, затем — награды и наказания. Без воспитанного чувства долга нечего и думать, что кто-то пойдет на смерть; без воспитанного понимания — что есть награды и наказания, никого никуда не пошлешь и никому ничего не поручишь. Без этих вещей способных управлять народом не было бы ни в древности, ни в наше время.

[Но] нет универсального способа использования народа, так же как и нет универсальных причин, по которым народ невозможно было бы использовать: возможным это [использование] делает лишь овладение принципом-дао функционирования [государства].

Хэ Люй использовал войско, никогда не превышавшее [по численности] тридцати тысяч, а Ци использовал войско, которое никогда не превышало пятьдесят тысяч. И эти тридцать или пятьдесят тысяч считались даже избытком. А теперь во внешней сфере не могут остановить врага, а во внутренней не в состоянии защитить [свой] город — и это происходит не потому, что народ непригоден к службе, а потому, что не знают, как заставить его служить. Когда нечем заставить его служить, то даже большое царство, даже благоприятный рельеф, даже многочисленность солдат не принесут никакого проку. В древности часто бывало, что обладавшие Поднебесной утрачивали ее, и это было потому, что не умели заставить народ служить себе. Поэтому необходимо глубоко понимать теорию использования народа на службе. Меч сам не рубит, колесница сама не движется — их обязательно кто-то направляет. Посадишь пшеницу — соберешь пшеницу, посадишь просо — соберешь просо, — никто этому и не удивляется! В использовании народа на службе тоже есть свои виды злаков, и тому, кто не разбирается в этих сортах, нечего молить о богатом урожае в деле использования народа на службе — ничего не может быть глупее!

Во времена Юя в Поднебесной было десять тысяч царств, а ко времени Тана [их осталось всего] три тысячи. Те, кого сейчас уже не существует, все не умели использовать народ на службе. Неумение использовать народ на службе коренится в несовершенстве системы наград и наказаний. Тан и У сумели приспособить к делу народы, [подвластные соответственно] Ся и Шан, постольку, поскольку нашли средства, с помощью которых их можно было поставить на службу. Гуань Чжун и Шан Ян также сумели приспособить себе на службу народы Ци и Цинь, поскольку нашли средства, с помощью которых ставят на службу. Служение [или неслужение] народа имеет свои причины, и для того, кто познал эти причины, нет ничего невозможного в обращении с народом. В использовании народа есть подбора и есть главный строп сети: потянешь за подбору, и все ячейки поднимутся, потянешь за строп — они раскроются! Что же служит стропом и подборой для народа [как сети]? Желание и отвращение. Что за стремление и отвращение? Стремление к славе и выгоде, отвращение от позора и ущерба. Поэтому позор и ущерб — это то, что придает действенность наказаниям, а слава и выгода — то, что составляет привлекательность наград. А когда награды и наказания действительны и существенны, нет ничего, чего бы народ ради них не сделал.

[Когда] Хэ Люй обучал своих людей у озера Уху, мечами били друг друга по плечам [по-настоящему], так что кровь заливала землю, но никто не смел остановиться [без команды]. Гоу-цзянь обучал своих людей при Циньгуне, и народ наперебой бросался в огонь и воду, убитых набиралось больше тысячи, но [атаку] прекращали только по сигналу гонга. Такова была действенность наград и наказаний. Меч Мосе тот же самый для храбреца и для труса, и то, что храбрец пускает его в дело с большим искусством, а трусишка и с ним путается — целиком зависит от умения или неумения владеть мечом.

Люди из Суша напали на собственного правителя, а потом все ушли к Шэнь-нуну. Люди из Миху схватили собственного властителя и передали его в руки Вэнь-вана. Тан и У не просто умели заставить своих людей служить, они могли даже не своих людей заставить служить себе. А тому, кто умеет заставить себе служить даже не своих людей, тому даже при маленьком государстве и небольшом войске возможно совершить подвиг и приобрести славу. В стародавние [и старые] времена многие объединители мира были из людей в холщовой одежде; значит, все они умели поставить себе на службу то, чем они не

обладали [по рождению]. Мысль использовать то, чем не обладаешь — поистине глубока! Искусство-дао [царей] трех династий заключалось не в чем ином, как в упоре на использование доверия народа к самому себе!

Один сунец отправился в путь. Когда его конь не [мог] идти дальше, он забил его и бросил в реку Цзишуй. Затем он вновь пустился в путь, а когда [другой] конь не смог идти дальше, также забил его и бросил в Цзишуй. Так поступал он трижды. Тут уж даже такой, как Цзао Фу с его искусством управления конями, наверное, прекратил бы попытки [ехать с такой скоростью]! Тому же [сунцу], который усвоил лишь внешнее [принуждение] в искусстве Цзао Фу по управлению конями, эта суровость тем более не могла принести успеха в управлении повозкой.

Неразумные среди властителей очень напоминают этого незадачливого путешественника. Не усвоив искусства, владея лишь внешними приемами [правления], они напрасно прилагают в избытке силу. Получается так, что чем сильнее их воздействие, тем менее управляем народ. Властители погибших царств по большей части и управляли своими народами, излишне пользуясь внешними средствами давления. Понятно, что без применения внешней силы обойтись нельзя, но на нее одну полагаться целиком тоже неверно. Уподобим это солёности: соль ведь употребляют в пищу в меру, смотря по величине блюда; если же ее не в меру, то нарушается эта пропорция, и блюдо становится невкусным. Внешняя сила подобна этому: обязательно в ней должна быть пропорциональность, только в этом случае ее можно применить.

Но какова же эта мера-пропорция? Она зависит от силы любви к выгоде. Когда любовь к выгоде велика, можно употребить и угрозу наказания. Однако если угроза наказаний слишком велика, то стремление к получению выгоды начинает угасать. Когда же стремление к выгоде прекращается вовсе, а остается лишь усиливающееся давление угрозы наказания извне, сам угрожающий в конце концов истощит свои силы и погибнет. Именно из-за этого прекратили свое существование дома Инь и Ся.

Править по-настоящему — это значит извлекать выгоду из положения дел и правильно расставлять по местам чинов. Поэтому правитель не может не интересоваться теми средствами, с помощью которых можно навести порядок в иерархии чинов и удержать надолго благоприятную обстановку [в правлении]. И всем тем, кто склонен запрещать то, что не следует, надлежит разобраться в этом поглубже.

Прежние ваны правили своими людьми, как правят добрым конем: они легко натягивали поводья, легко меняли ритм бега, но не давали разбегаться, когда они рвались, и так проходили тысячу ли [в день]. Умелое использование своих людей заключается в том же самом. Когда народ денно и ночью мечтает о том, чтобы его использовали, и не может этого получить, а потом вдруг получает возможность послужить высшему, народ устремляется туда, как водный поток, прорвавший плотину высотой в тысячу жэней: кто тогда сможет его удержать?

В «Чжоу шу» говорится: «Где народу нравится, там он и останавливается [на жительство]; когда же ему что-то не по праву, он ожесточается». Если такое ожесточение охватывает многих, то кажется — лучше бы [этого народа] не было вообще.

Ли-ван был сыном неба, однако когда враждебность к нему охватила многих, он бежал в Чжи, а несчастье, приключившееся с ним, потом распространилось на сыновей и внуков, и если бы не Шао-гун Ху, его род прекратился бы вовсе. Властители нынешнего века по большей части желают многочисленности [подданных], но, не имея понятия о добре, лишь умножают число ожесточенных против них самих. Не будешь возбуждать добрые чувства к себе, не будешь и обладать ими. Обладание — это то, что непременно предусматривает любовь в сердце того, кем обладаешь, поскольку обладание только телом нельзя назвать обладанием в полном смысле слова.

Шунь был человеком в холщовой одежде, а обладал Поднебесной. Цзе был сыном неба, но не знал покоя. Причина этим двум [разным] положениям именно в этом. Поэтому теория обладания и необладания стоит того, чтобы с ней познакомиться как следует. Вот Тан и У постигли это учение и потому сумели утвердиться в деяниях и славе.

Те, кто в старину правил людьми, устанавливали порядок с помощью человечности и нравственности; пользовались любовью народа к высшим и материальным поощрением для установления в его среде спокойствия; пользовались его верностью высшим и своей способностью внушать веру для того, чтобы ввести его в русло морали. Они старались исключить то, что было для него

бедствием, заботились о том, чтобы сделать его счастливым. Поэтому их люди в отношении к высшим были подобны глине, на которой делают оттиск печатью вана: приложишь квадратную — отпечаток будет квадратный, приложишь круглую — отпечаток будет круглый. Отношение их было таким же, как отношение пяти видов злаков к земле, — они должны соответствовать своему роду — лэй, тогда урожай будет стократным. Поэтому пять предков и три царя не имели в мире противников. Даже когда сами они умерли, их потомки изменяли людей, как по волшебству божеств-предков — так глубоко разбирались они в людях и их делах.

Вэйский У-хоу, будучи в Чжуншани, спросил у Ли Кэ: «В чем причина гибели царства У?» Ли Кэ ответил: «Постоянные войны и постоянные победы». У-хоу сказал: «Постоянные победы в постоянных войнах — счастье для государства. Так почему же они все-таки погибли?» Тот ответил: «Когда войны ведутся постоянно, народ устает; когда победы следуют одна за другой, властитель зазнается. Когда зазнавшийся правитель стоит над ропшущим народом, редко бывает в Поднебесной, чтобы такое государство не погибло. Ведь гордость [правителя] приводит к легкомыслию, а легкомыслие — к погоне за вещами. Усталость [народа] ведет к озлоблению, а озлобление приводит к тайным замыслам. Если оценивать по этим крайностям, в которые впадают высшие и низшие, можно считать, что гибель У еще задержалась — ведь именно такое положение дел привело к самоубийству Фучая в Ганьсуе».

Дунье Цзи показывал Чжуан-гуну свое искусство управления колесницей: при движении вперед-назад правил, как по [отбивному] шнуру, при поворотах влево-вправо — как по циркулю. Чжуан-гун сказал: «Отлично!» — и высказал предположение, что и сам Цзао Фу не превзошел бы мастера. Поэтому он послал его проехать сто ли и вернуться обратно [без спешки]. Между тем Янь Хэ тоже пришел посмотреть. Чжуан-гун спросил: «Вы не встретили Дунье Цзи?» Тот ответил: «Да. Ваш слуга встретил его. Его конь скоро падет». Чжуан-гун спросил: «Отчего бы ему пасть?» Через некоторое время конь Дунье действительно пал. Тогда Чжуан-гун, призвав Янь Хэ, спросил: «Как ты узнал, что конь его падет?» Янь Хэ ответил: «Езда по прямой как по шнуру, повороты как по циркулю — это приемы управления упряжкой Цзао Фу, но он никогда не превышал в этом меры. Когда же я давеча встретил Дун де Цзи, мне показалось, что он

требует от своего коня слишком многого, вот ваш слуга и решил, что конь скоро падет».

Вот и в царстве, находящемся в состоянии смуты, народом помыкают, не принимая во внимание его телесных свойств, не обращая внимания на его душевное состояние. Науку там делают трудной, а обвиняют в упущениях тех, кто не овладел ею; множат указы, а преследуют тех, кто их по неведению не выполняет; пытаются произвести впечатление с помощью огромных сооружений, а обвиняют в преступлении тех, кто не в состоянии выполнить задание. Народ делает шаг вперед и тут же ждет награды, отступает на шаг назад и уже трепещет от страха наказания. Потому что он знает, что его внутренних и внешних, [душевных и телесных], сил недостаточно, и начинает заниматься приписками. Когда то, что он занимается приписками, становится известно, высшие начинают преследовать и обвинять его в преступлениях. А это значит, что преступление влечет за собой еще преступление, и высшие и низшие начинают друг друга ненавидеть.

Так что когда обряды слишком обременительны, теряется торжественность; когда обременительно дело житейское, теряется эффективность; когда указы назойливы, их не слушают; когда запретов слишком много, они не действенны. Запретительных актов, изданных при Цзе и Чжоу, было не счесть, из-за них-то народ и обратился против них самих, отчего они и погибли. И наступила эта крайность оттого, что они не в состоянии были правильно воспользоваться внешним принуждением. Или вот: крайняя строгость Цзы Яна такая, что когда некто по неосторожности сломал его лук, то от страха смертной казни выпустил [на волю] бешеного пса, из-за которого в конце концов и погиб Цзы Ян! [Не случайно] на [одном из] чжоуских треножников изображен зверь Це: он длинный и извивающийся, верхняя и нижняя части [тела у него как бы] закручены в обратную сторону для того, чтобы этим показать, что все чрезмерное губительно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О желаниях / Вэй юй

Если народ лишит его стремлений, то высшие, хотя бы они были разумны, все равно не смогли бы использовать его на службе. Те, у кого нет воли к жизни, смотрят на то, чтобы стать сыном неба, так же, как если бы им

надлежало стать обычным мелким чином; смотрят на обладание всей Поднебесной, как на обладание клочком земли, в который шила не вонзится; смотрят на Пэн Цзу, как на младенца, погибшего в раннем детстве.

Сан сына неба — самый почетный; нет большего богатства, чем владение всей Поднебесной; по долголетию нет равного Пэн Цзу. Однако когда человек приходит в такое состояние, когда ему поистине не к чему стремиться, то и этих трех оказывается недостаточно, чтобы подвинуть его к действию.

Мелкий чин — самое низкое из возможных положений; поле меньше острия шила — самое бедное; смерть в младенческом возрасте — самое великое несчастье. Однако и этих трех недостаточно, чтобы воспрепятствовать деяниям того, кто впал в полное безразличие.

Вместе с тем если некто охвачен одним-единственным стремлением, то на севере он может дойти до Дася, на юге — до Бэйху, на западе — до Саньвэй, на востоке — до Фуму, но не посмеет поднять смуту; пойдет на обнаженные клинки, пренебрежет дождем стрел, пересечет огонь и воду, но не посмеет [самовольно] отступить; будет вставать раньше всех и тяжело трудиться, управляясь с плугом и бороной, но не посмеет просить об отдыхе. Следовательно, чем больше у человека стремлений, тем в большей степени он может быть использован; наоборот, чем меньше у него желаний, тем меньше и возможностей его применения на службе; те же, у кого нет вовсе стремлений, вообще не могут быть использованы на службе. Но даже если у людей будет множество желаний, а высшие не будут, пользуясь этим, указывать, что именно делать, — такие люди, хотя и получают желаемое, останутся непригодными для службы. Следовательно, нельзя не изучать искусство предоставления людям того, что им желанно.

То, что делает умелым повелителем, — это неистощимая изобретательность в устройении людям обретения желаемого; одновременно это есть неистощимая изобретательность в получении от людей разнообразных услуг. В странах маней, и, фаньшэ, чжусу, иси — одежда, головные уборы, пояса, дворцы и частные дома, жилища и постройки, лодки и повозки, утварь и механизмы, звуки и цвета [песен и плясок], вкусы в напитках и еде — все это иное, однако все эти вещи могут быть стимулами действий, и в этом они те же самые, [что и у нас]. Даже три вана не в состоянии были их изменить [стимулы], поскольку нельзя изменить [природу], но тем не менее

в деяниях [они всегда] добивались успеха благодаря следованию [этой самой] врожденной природе людей. Цзе и Чжоу тоже не пренебрегали этими стимулами, но царства их погибли, потому что они действовали против естественной природы [людей]. Кто идет против [ситуации] и не знает, что против, тот погряз в пошлости. Кто долго пребывает в пошлости и не в состоянии от нее избавиться, для того она становится второй натурой.

Необходимо глубоко разобраться в вопросе о том, что есть натура первая и что есть натура вторая. Но тем, кто даже не слышал о дао-искусстве, как избавиться от вторичной натуры? Если не отбросить второй натуры, то желания никогда не станут подлинными. Когда же желания не подлинны, то управление собственным телом приводит к ранней смерти, а управление государством — к его гибели. Поэтому ваны-мудрецы древности следили за тем, чтобы следовать своей природе и тем самым использовать ее естественный потенциал. Поэтому не было ничего, что они не могли бы повелеть своему народу; не было такого деяния, какого они не могли бы совершить. Про это и говорят: «Мудрые цари древности придерживались одного, а варвары притекали к ним на службу со всех четырех сторон света». Держаться единого — высшее благородство. Кто держится единого, тот не имеет соперников. Мудрые ваны опирались на неимение противников, и поэтому им было по пути с народом.

Когда множество собак расположится в кружок [на земле], они будут спокойно лежать и не задевать друг друга; но стоит только швырнуть между ними жареную курицу, и тотчас поднимется междоусобная свара — одна будет хватать кости, а другая рвать сухожилия, но драться будут все одинаково. То есть когда есть стимул, возникает и драка; когда же присутствует умение не подавать повода для драки, ее и нет. Только вот царств, которые владели бы искусством вызывать схватку, но самим в ней не участвовать, едва ли найдешь одно на десять тысяч!

В нормальном царстве приказывать своему народу сражаться считается согласным с нравственностью; в царстве, охваченном смутой, приказать своему народу сражаться — безнравственно. Когда сильное царство созывает народ на войну, от желающих послужить отечеству нет отбоя; когда слабое царство собирает народ на войну, все так и норовят уклониться от службы. Когда сражение предполагается в соответствии с нравственным законом, все рады послужить; когда же война входит

в противоречие с моралью — все стремятся избежать боя. Это такие счастье и несчастье соответственно, что небу не под силу их покрыть, а земля не в состоянии их на себе удержать.

Цзиньский Вэнь-гун осаждал город Юань. Перед этим он поклялся перед своими воинами, что дело будет сделано за семь дней. Однако прошло семь дней, а Юань так и не пал. Тогда он отдал приказ снять осаду. Некто из военного совета возразил: «Юань должен скоро пасть. Мы, воинские начальники, просим еще повременить». Вэнь-гун отвечал: «Вера в слова главы государства — великое сокровище. Взять какой-то Юань ценой траты такого сокровища — это не по мне». И он отвел войска. На следующий год Юань был вновь осажден, и Вэнь-гун обещал своим воинам, что вернется, только когда город будет взят. Однако когда юаньцы узнали о его клятве, они сдались сами. Когда вэйцы узнали об этом, они сочли, что вера в слова Вэнь-гуна достигла предела, и сами пошли под покровительство Вэнь-гуна. Поэтому есть пословица: «Воевал Юань — получил Вэй». Тут имеют в виду именно этот случай. Дело ведь не в том, что Вэнь-гуну в первый раз не хотелось взять Юань. Просто взять Юань ценой нарушения слова было для него хуже, чем не брать его вовсе. Так что к тому, кто умеет внушить веру в вождя, которая берет города, вернутся не только жители Вэй. О Вэнь-гуне можно сказать, что он знал, как пользоваться устремлениями людей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ценить доверие / Гуй синь

Властитель должен внушать доверие. Доверие и еще раз доверие — кто из людей тогда не станет относиться к нему, как к родному? Поэтому в «Чжоу шу» сказано: «Искренность, о, искренность!» В этих словах выражен смысл: без доверия добиться успеха в делах невозможно. Поэтому завоевание доверия — великий успех. Когда доверие достигнуто, даже пустых болтунов можно заставить отвечать за свои слова; когда же и пустые болтуны должны отвечать за свои слова, тогда можно считать, что внутри шести пределов вселенной все, как в твоём собственном подворье.

Куда бы ни достигло доверие, там все становится полностью управляемым. То, что поставлено под контроль, но не используется на службе, принадлежит другим;

то, что поставлено под контроль и используется на службе, принадлежит тебе самому. Когда то, что тебе нужно, используется [на пользу тебе] самому, все, что происходит на небе и на земле, в конце концов становится доступным. Если властитель понял это учение — ему скоро быть ваном; если подданный проник в существо этого учения, он может становиться советником вана хоть завтра. Если нет доверия к действию неба — год неурожайный. Если нет уверенности в поведении земли — деревья и травы не вырастают большими.

Сила весны — ветер, но когда этот ветер не внушает доверия, цветение не бывает пышным, и поэтому плоды не завязываются. Сила лета в жаре, и если жара ненадежна, земля не наливается плодоносящей силой; а если земля не набухает — созревание происходит слишком долго, и зерно выпевает не лучшее. Сила осени в дожде, но если дождь ненадежен, злаки не становятся крепкими; а когда они не становятся крепкими, тогда все пять видов семян не вызревают. Сила зимы — холод, но если холода ненадежны, земля не становится крепкой; а когда земля не становится крепкой — не начинается зимнее затворение. Небо и земля огромны, изменения четырех сезонов бесконечны, однако, по-видимому, и эти огромность и бесконечность не в состоянии обойтись без надежности-доверия: им как бы не хватает сил, чтобы без этого сформировать все вещи. Что же говорить тогда о человеке со всеми его делами!

Когда между правителем и подданным отсутствует взаимное доверие, народ начинает слушать речи клеветников, а алтари земли и посева — в опасности. Когда нет уверенности в тех, кто исполняет общественные или государственные должности, тогда младшие не уважают старших, а благородные и подлые начинают презирать друг друга. Когда нет уверенности в том, что награды и наказания — по заслугам, народ легко идет на нарушение законов, и его невозможно наставить и направить указами. Когда нет доверия между друзьями, расстаются и разбегаются, спорят и затаивают обиду друг на друга. Когда ремесленники не верят, что их труд оценят по заслугам — утварь и механизмы дурного качества и из плохих материалов, краски и лаки, цвета тканей и изделий ненатуральны.

Так что доверие — это то, чем можно начинать и чем можно заканчивать; это то, от чего зависит, быть ли уважаемым или презираемым. Доверие и еще раз доверие — когда его тебе оказывают, в конце концов

можешь постигнуть самое природу-небо! И когда с этим станешь править людьми—сезонные дожди и сладкие росы выпадут ко времени, а холод и жара, все четыре сезона, всегда станут сменять друг друга в срок.

Циский Хуань-гун осадил царство Лу. Лусцы отнеслись к войне весьма серьезно, решили оборонять область вокруг столицы на расстоянии в 5 ли и укрепились в этом районе. Затем лусцы попросили цисцев разрешить им самим обратиться к хоу внутри застав, с тем чтобы убедить их добровольно подчиниться цисцам. Хуань-гун на это согласился. Цао Хуэй сказал [тогда] лускому Чжуан-гуну: «Что бы вы предпочли, господин, дважды подряд умереть или дважды подряд остаться в живых?» Чжуан-гун спросил: «Что ты имеешь в виду?» Цао Хуэй ответил: «Если вы послушаетесь моих советов, то страна будет расширяться и увеличиваться, а сами вы будете покойны и счастливы—это и есть дважды остаться в живых. Если же вы не слушаете совета вашего подданного, то наше царство будет разбито и прекратит существование, а сами вы будете в опасности и позоре—это и есть дважды умереть». Чжуан-гун сказал: «Предлагай, я сделаю по-твоему». Когда на следующий день должен был заключаться договор, Чжуан-гун и Цао Хуэй прибыли к месту церемонии, скрыв за пазухой мечи. Чжуан-гун, схватив левой рукой за одежду Хуань-гуна, правой выхватил меч и занес его над своей грудью со словами: «Луская столица отстояла от границ на несколько сот ли, а теперь от нее до границы всего лишь пятьдесят ли, и все же ей не дают жить. Тогда уж лучше смерть перед лицом владыки: перед вами, господин!» Гуань Чжун и Баошу кинулись вперед, но Цао Хуэй с мечом в руке стал между двойными ступенями и сказал: «До тех пор, пока два правителя не выработают нового соглашения, никто сюда не поднимется». Чжуан-гун тогда сказал: «Земля должна защищать своего правителя с оружием в руках, а не правитель—свою землю; правитель согласен на ваши условия». И тогда было решено провести границу по реке Вэнь, по южному берегу определены владения, и все это было скреплено договором о союзе. По возвращении же циский правитель решил ничего не отдавать. Но Гуань Чжун сказал: «Невозможно. Они подстроили нападение на вас, господин, чтобы не заключать союз на ваших условиях, а вы об этом не догадывались—и это нельзя назвать сообразительностью. Когда дела приняли крутой оборот, вы не смогли им не подчиниться—и это нельзя назвать смелостью. Вы согласились с ними, и если

теперь не отдадите [обещанное]—это нельзя будет назвать верностью своему слову. Несообразительность, робость, ненадежность — при таких трех недостатках невозможно преуспеть и прославиться. Лучше отдадим: пусть потеряем при этом территорию, зато приобретем доверие к себе. За какие-то четыреста ли приобрести доверие в глазах всей Поднебесной—это вы, господин, можете считать прибыльным для себя».

Чжуан-гун был врагом, а Цао Хуэй — предателем, но если можно было показать, что тебе могут доверять даже враги и предатели, то не тем более ли должны были проникнуться доверием те, кто ни врагом, ни предателем не являются?

Все девять соединений, когда они согласуются, звучат в унисон, и всем это слышно, а происходит это именно по причине [их согласованности]. Девять раз Хуань-гуну удавалось объединить хоу, и потому однажды он спас дом Чжоу, и все его послушались. Вот откуда родилась эта его способность — из внушения к себе доверия. Что касается Гуань Чжуна, то о нем можно сказать, что он понимал, как сообразовываться с обстоятельствами. Он умел обратить позор в славу, несчастье — в успех, и хотя терял спереди, можно сказать, приобретал [то же самое] сзади. Он понимал, что вещи таковы, что не могут обладать совершенством-полнотой!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Братся за трудное / Цзюй нань

Трудно найти человека, о котором можно было бы сказать, что он целостен, ибо такова общая природа вещей. Люди даже о Яо сплетничают, что он, мол, не был чадолюбив, обвиняют Шуня в непочтительности к родителю. Юя считают честолюбцем, стремившимся занять первое место, Тана и У обвиняют в том, что они слишком свободно распоряжались чужими жизнями, а о пяти бо болтают, что они занимались нападениями и захватами.

Если смотреть с этой точки зрения, разве может быть в существах цельность? Следовательно, когда правитель требует от людей, он исходит из реальных человеческих возможностей; когда же он требует от себя, он исходит из нравственного закона. Если от человека требовать только человеческого, ему легко будет выполнить требуемое; если ему будет легко выполнять, приобретешь его на свою сторону. Если требовать от себя, исходя

из нравственного закона, трудно допустить неправду; когда же трудно допустить неправду, действия правильны, и поэтому такой не гневит небо и землю и имеет от них избыток.

Не таков неразумный: он, требуя от других, исходит из нравственного закона, от себя же требует лишь человеческого. Если же требовать от других по меркам нравственного закона, им это будет трудно вынести; когда трудно выносить, люди утрачивают понятие о родственных чувствах, питаемых по отношению к ним другими. Когда же к себе обращаются с меркой человеческого, легко пускаются во всевозможные предприятия, а когда с легкостью пускаются в авантюры, действия по необходимости становятся изощренными. Поэтому и Поднебесная при всем своем величии не может вместить таких, и сами они подвергаются опасностям, и царства их гибнут — таков был образ действий Цзе, Чжоу, Юя и Ли.

В веточке дерева длиной всего в один чи непременно найдется сучок; в кусочке яшмы длиной в один цунь непременно обнаружится пятнышко. Прежние ваны знали, что в вещах невозможна целостность, и потому они перебирали вещи-события и больше всего ценили выбор единственной вещи из многих.

Когда Цзисунь Ши узурпировал власть гуна, Конфуций желал было обличить его со свойственным ему искусством [аллегорически], но в этом случае он был бы изгнан, поэтому он принял от него жалованье и выступал соответственно. За это в Лу над ним стали смеяться. Конфуций тогда сказал: «Дракон питается в чистых водах и плавает в чистых водах. Однако безрогий дракон питается в чистой воде, а плавает в мутной, и только рыба питается в мутной и плавает в мутной. Я, Цю, не скажу, чтобы достиг уровня дракона наверху, и не скажу, чтобы опустился ниже рыб внизу; Цю как раз как безрогий дракон!»

Когда желают преуспеть, разве можно при этом оставаться в поведении совершенно прямым? Кто спасает утопающего, замочится; кто ловит убегающего, запыхается.

Вэйский Вэнь-хоу имел младшего брата по имени Цзи Чэн и друга по имени Дичжай Цзайхуан. Вэнь-хоу хотел одного из них назначить первым министром, но не знал которого и обратился за советом к Ли Кэ. Ли Кэ сказал в ответ: «Вы, государь, хотите поставить кого-то министром, тогда необходимо испытать, кто разумнее — Лэ Тэн или Вансунь Гоудуань?» Вэнь-хоу ска-

зал: «Отлично! Если неразумным окажется Вансунь Гоудуань, Ди Хуан займет пост министра. Если же Лэ Тэн окажется разумнее, то Цзи Чэн займет пост». В результате пост был занят Цзи Чэном.

Тому, к кому обращается за советом властитель, нельзя не быть осмотнительным в оценке людей. Ли Чэн был младшим братом, а Ди Хуан другом, и если в отношении их ничего невозможно было знать, то как можно было знать о Лэ Тэне и Вансунь Гоудуане? Притворно естественно знать о дальних и чужих больше, чем о близких и своих. Естественно, судить о том, кому быть министром, было ошибкой. Такой ошибкой и был ответ Ли Кэ Вэнь-хоу. И хотя тут все были не правы, все же если сравнить дерево и металл, любой металл все равно тверже дерева!

Мэнчанский правитель спросил у Бо Гуй: «Слава вэйского Вэнь-гуна превосходит славу Хуань-гуна, тогда как успехи его несравнимы даже с успехами пяти бо. В чем причина этому?» Бо Гуй ответил: «Вэнь-хоу учился у Цзыся и дружил с Тянь Цзыфаном, он почтил Дуань Ганьму, поэтому славой он превзошел Хуань-гуна». Когда гадали о том, кого назначить первым министром, вопрос был составлен так: «Кого назначить, Чэна или Хуана?» — поэтому успехи его несравнимы с успехами пяти бо. Ведь министр — это глава всех чинов. Тому, кто выбирает его себе, необходимо стремиться к тому, чтобы это был мудрейший из мудрых. А тут при выборе всего два кандидата — как это далеко от того, чтобы использовать на службе даже личного врага. При этом быть наставником и другом — это общественные и деловые связи; родственники же и любимчики — это личные пристрастия. Когда частное берет верх над общим — это политика царства, переживающего упадок; если притом имя и слава все же сияют и гремят, то это только благодаря помощи тех трех мужей, дружба с которыми пересилила собственные неразумные намерения с назначением первого министра.

Нин Ци желал встретиться с циским Хуань-гуном, но, несмотря на все усилия, не мог к нему подступиться; тогда он нанялся к одному купцу, который ехал в Ци возничим, чтобы хоть так попасть в Ци. На закате они заночевали у городских ворот, снаружи. Когда Хуань-гун выехал в предместье навстречу гостям, ночью ворота открыли, возниц разогнали. Кругом пылали факелы, свита была огромной. Нин Ци сам кормил быка, спал под телегой. Увидев Хуань-гуна, он закручинился и, в такт

дуя в рог буйвола, громко запел. Услышав его пение, Хуань-гун схватил за руку своего слугу и сказал: «Удивительное дело! Тот певец, наверное, человек непростой!» И он велел тому ехать следом за последней повозкой. Когда Хуань-гун возвращался, сопровождающие пригласили [Нин Ци] с собой. Хуань-гун послал в подарок одежду и шапку, а затем велел предстать. Когда Нин Ци явился, он изложил свой план: как Хуань-гуну навести порядок внутри границ. На другой день он вновь предстал перед гуном и изложил план приобретения Хуань-гуном Поднебесной. Хуань-гун был чрезвычайно обрадован и взял его на службу. Но подданные воспротивились этому, говоря: «Этот гость — взйец, а Вэй недалеко от Ци. Не лучше ли вам, господин, послать туда порасспросить о нем, чтобы убедиться в том, что он человек стоящий. А на службу его взять никогда не поздно». Хуань-гун ответил: «Не надо этого. Если мы начнем наводить о нем справки, может оказаться, что у него были в прошлом мелкие недостатки, однако если из-за мелких недостатков забывать о больших достоинствах человека, то мы пойдем по пути тех, из-за кого власти-тели теряли Поднебесную».

Слушают не без причины, и если уж [Хуань-гун] послушал и больше ни о чем не спрашивал, значит, в речах [Нин Ци] было нечто созвучное его собственным планам. Вообще же говоря, среди людей найти совершенство конечно же трудно, так что нужно решиться дать власть и использовать сильные стороны подданного. Все дело в правильном выборе — Хуань-гун это постиг.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Заслуги правителя / Ши цзюнь

Природа людей такова, что их когти и зубы не могут быть достаточными для самозащиты и самообороны, а кожа и мышцы недостаточны для того, чтобы защититься от жары и стужи. Сухожилия и скелет устроены у них так, что с их помощью трудно добиться выгоды и избежать ущерба; смелость и решительность у человека не таковы, чтобы с их помощью вести себя по-настоящему дерзко и решительно.

Все это так, но при этом человек распоряжается всем существующим, правит птицами и зверями, одевается в кожи и шкуры, и ни холод, ни жара, ни влага, ни сушь не в состоянии ему повредить — он не только заранее готов ко всему этому, но и способен выступить против напастей вместе с другими.

То, что существует множество способов организовать, происходит оттого, что люди могут обмениваться услугами. Возможность выгод происходит от множественности — для того, чтобы можно было извлекать во множестве эти выгоды, и учреждается путь правителя. Поэтому после установления пути правителя становится возможным рациональное использование ресурсов, получаемых от многих, и люди становятся вооруженными против любых неожиданностей.

В глубокой древности было время, когда еще не было правителей, люди жили вместе и действовали группами; знали, что есть мать, но не знали, что есть отец; не было различий между родственниками по отцовской и материнской линиям, старшими и младшими братьями, супругами, мужчинами и женщинами [в обращении]; не было еще нравственного закона старших и младших; не было ритуальных жестов — как ступить вперед, как отступить назад, как пройти вперед или дать дорогу; не было верхней и нижней одежды, по которым судили о человеке, особых сапог и поясов, а также различных богатых украшений. И вообще не было стремления сделать все это удобным-красивым, как не было утвари и механизмов, лодок и повозок, городских стен и посадок, рвов и валов в таком изобилии. Таково было несчастье от неимения правителя.

Следовательно, нравственный закон, разделяющий правителей и подданных, не может не быть проясненным до конца. Со времени самых первых поколений людей в Поднебесной было множество погибших царств, однако сам по себе принцип власти — цзюнь — никогда не отменялся благодаря тому, что он — благо для Поднебесной. Именно поэтому отказались от такого положения, когда не было правителя, и установили такое положение, когда стал соблюдаться путь-дао правителя. Какова же была функция правителя? Она заключалась в том, чтобы служить к выгоде и классифицировать сообразно и отчетливо определять, что для каждой вещи — благо.

К востоку от Фэйбиня обитающие там народности — и и суй, и те, что живут в Дацзе, Линъюе, Ци, Луе,

Яошани, Яндао, Дажэнь — по большей части не имеют правителей. К югу от рек Ян и Хань, в области байюэ, в Бикае, Фуфэне, Юйми, в государствах Болоу, Яньюй, Хуаньдоу тоже в основном нет правителей. Ди, цяны, хутаны, лишуй — к западу от них, а также люди из Пу и Е, живущие в дельте потоков Пянь и Цзо, в области Чжоужэнь, Сунлун, Тужэнь — также в большинстве живут без правителей. На север от заставы Яньмэн, в странах Инчжунь, Сочжи, Сюйкуй, Таоте, Цюнцзи, в месте обитания Шуни и в области Даньэр тоже по большей части нет правителей; это и есть то, что называется [варварским] состоянием четырех фанов. Об этом и говорится: «У четырех фанов нет правителя». Народ в этих странах — все равно что яки-олени, птицы-звери; там младшие помыкают старшими, высокорослые пользуются авторитетом; сильные физически считаются добродетельными, наглые насильники пользуются уважением. День и ночь там не различаются, а война идет непрерывно, пока не уничтожат до конца всех себе подобных.

Мудрецам, взиравшим на это очевидное зло, глубоко была ясна пагубность такого положения дел, и, по долгом размышлении о благе для Поднебесной, они пришли к выводу, что для нее нет ничего лучше учреждения сана сына неба. По долгом размышлении о благе для царства, они решили, что нет ничего лучше учреждения должности правителя. Притом они установили должность сына неба не для того, чтобы почтить его самого, а чтобы тем самым почтить [всех] старших-начальствующих.

Моральный закон в то время уже пришел в упадок, мир целое поколение был охвачен смутой, поэтому сын неба призван был ради блага Поднебесной, правители царств призваны были ради блага царств, а старшие чины — на благо младшим чинам. Благодаря этому государства стали расцветать и приходили в упадок закономерно, а смуты и кризисы стали возникать через определенные промежутки времени. Поэтому верные подданные и честные мужи во внутренней политике всегда готовы указывать на упущения правителя, во внешней — принять за него смерть!

Задумав убить чжаоского Сян-цзы, Юй Ян сбрил бороду и брови и изуродовал себя до неузнаваемости. Под видом нищего он отправился за поданием к собственной жене, и жена его сказала: «Лицом и сложением ничем не похож на моего супруга, отчего же голос точь-в-точь?» Тогда он проглотил горячий уголек, чтобы изменить

голос. Его друг стал его увещавать, говоря: «Моральный долг, который вы на себя возлагаете, чрезвычайно высок, а успеха может и не быть. Воли и решимости вам не занимать, а вот рассудительности явно не хватает. С вашими способностями вам лучше было бы поступить на службу к Сян-цзы, и Сян-цзы непременно приблизил бы вас к себе. Тогда уже вы и совершили бы задуманное. Это было бы намного легче, и успех был бы гарантирован». Юй Ян засмеялся и ответил: «Сделать так означало бы, что замысел был бы опровергнут последующим исполнением. Ведь для того, чтобы послужить старому [отмщавшему] правителю, мне пришлось бы совершить предательство по отношению к новому, а между тем из-за таких вещей как раз и происходит нарушение понимания нравственного долга между правителем и подданным. И следовательно, тем самым утрачивается самая цель моего предприятия, поскольку я делаю все это именно для того, чтобы прояснить нравственные нормы, регулирующие взаимоотношения между правителем и подданным. И я вовсе не стремлюсь добиться своего наиболее легким путем».

Чжули Шу служил Гунъяо-гуну. Считая, что его не понимают, он удалился на берег моря и там в летнее время питался водяными орехами, а в зимнее — желудями. Когда Гунъяо-гун попал в трудное положение, Чжули Шу простился со своим другом и собрался в путь, чтобы умереть вместе со своим господином. Его друг сказал: «Ты ведь ушел от него потому, что полагал, что тебя там не поняли, а сейчас собираешься пойти за него на смерть. Что же, значит, понимание или непонимание со стороны высшего ничего уже для тебя не значат? Чжули Шу ответил: «Это не так. Я ушел, когда посчитал, что он несправедлив ко мне. Теперь же он погибает, и если я не пойду умереть за него, окажется тем самым, что он меня некогда раскусил. Поэтому я выбираю смерть, чтобы своей смертью предостеречь властителей будущих веков от того, чтобы они подозревали в предательстве своих подданных: тем самым я обличу незаконные действия всех правителей и как бы поощрю властителей сдерживать себя в отношениях с подданными. А это большая удача, когда верному подданному удается показать всему миру, как важны для правителя контроль над своим поведением и сдержанность в отношениях с подданными. Показ этого верноподданного — залог укрепления морали властвующих!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Долгосрочные выгоды / Чан ли

Настоящий муж в Поднебесной есть тот, кто думает о будущем благе для Поднебесной и всегда непременно утверждает этот принцип собственным поведением, а именно: хотя бы выгода была вдвое больше в настоящий момент, но не соответствовала выгодам в будущем — не совершать такого; хотя бы покой и был достижим на длительное время, и к тому же выгода распространялась на собственных сыновей и внуков — не делать этого!

Если взглянуть на вещи под этим углом зрения, то обличие Чэнь Уюя должно быть сутубым, поскольку, хотя по внешним признакам он вел себя так же, как Бочэн Цзыгао, Чжоу-гун Дань и Жун И, разве не отличался он от них отсутствием шепетильности в выборе средств?

Когда Яо привел Поднебесную к порядку, Бочэн Цзыгао состоял в ранге чжухоу. Яо передал [дела] Шуню, Шунь передал Юю, и тогда Бочэн Цзыгао подал в отставку с должности чжухоу и отправился пахать поля. Юй отправился его там проводить, а он как раз работал сохой на поле. Юй подошел к нему с подветренной стороны и спросил: «Яо управлял Поднебесной [и навел в ней порядок], и при нем вы, господин мой, были в ранге чжухоу. А нынче, когда дела перешли в мои руки, вы подали в отставку, отчего бы это?» Бочэн Цзыгао ответил: «Во времена Яо еще не знали наград, а народ был послушным, еще не знали наказаний, а народ знал страх. Народ грустил, сам не зная отчего, и радовался, сам не зная почему. Он был прост-весел, как новорожденный. Ныне же награды и наказания бесчисленны, а народ борется из-за выгоды и к тому же непокорен. От этого начинается упадок внутренней силы, выгода приобретает все большее значение для народа, и смута будущих поколений будет корениться именно в этом. Не лучше ли вам уйти и оставить меня с моими земледельческими занятиями?» Он отвернулся и повел борозду дальше, больше не оглядываясь.

Для настоящего чжухоу немислимо носить одно лишь пышное и гордое звание, радуясь этому и в то же время зная, что потомство будет страдать от этого внешнего великолепия. Чжухоу — это в плане славы известность и почет; в плане имущества — праздность и веселье. Однако последующие поколения могут унаследовать от это-

го излишества привычку к роскоши, и это было известно Бочэн Цзыгао без всяких рассуждений на эту тему, так что его стремление отказать от титула чжухоу было продиктовано этим пониманием и стремлением уберечь от этой скверны будущие поколения.

Синь Куань предстал перед луским Му-гуном и сказал: «Вашему слуге отныне стало ясно навсегда, что наш прежний властитель Чжоу-гун уступает Тайгун Вану в понимании природы наделения подданных земель. В свое время Тайгун Ван получил во владение Инцю, а это ведь сплошь морские лиманы, горные пики да пропасти, и именно по этой причине его земельное владение все время расширялось, и его сыновья и внуки становились все более благополучны. Наш же властитель Чжоу-гун получил надел в Лу, а здесь ни горных лесов, ни грозных ущелий, так что чжухоу могут нападать со всех четырех сторон, и по этой причине наши земли все больше сокращались, и сыновья и внуки постоянно беднели». Когда Синь Куань вышел, вошел с докладом Наньгун Ко. Гун ему сказал: «Похоже, правду говорят, что «ныне времена куаней, а не чжоу-гунов»». Наньгун Ко на это сказал: «Куань еще молод, в этом ничего не смыслит. Ну неужели вы не слышали, что произнес Чэн-ван, когда основывал город Чэнчжоу? Его слова были таковы: «Я единственный ныне поселяюсь в Чэнчжоу, так чтобы, если я, единственный, буду благ, это легко было увидеть своими глазами, а если плох, то легко было бы меня за это осудить. Поэтому и говорится: «Что умелый приобретет, то неумелый теряет — таков моральный закон с самой древности». Неужели порядочный человек станет желать, чтобы его дети и внуки, отгородившись от мира стеной лесов и гор, могли спокойно чинить беззаконие? Мелкий человек этот Куань! Попробуйте посадить ласточку на место лебедя или феникса — ничего не получится. Все что ей нужно — так это какая-нибудь трещина в черепице или обвалившийся угол крыши, чтобы свить гнездо. Что она может понимать в устремлениях того, кто, взлетев, разом покрывает тысячу ли; как понять все это тому, кто не обладает внутренней силой и слаб в исполнении внутреннего закона — ему ведь не добраться и до околицы. Глупый и мелкий люд всегда таков в рассуждениях о порядочных людях. Поэтому и клеветет, и злословит. Разве не жалость, что это так?!»

Жун И, покинув Ци, направился в Лу. Время было холодное, а городские ворота, когда они с учеником достигли их, были уже заперты. Пришлось ночевать под

воротами. Ночью Жун И совсем озяб и сказал своему ученику: «Если отдашь мне свою одежду, может быть, я останусь в живых; если отдам тебе я — то останешься в живых ты. Я — муж государственный, моя жизнь нужна стране, так что мне умирать негоже. А ты сошка мелкая, и смерть твоя — дело невеликое. Так что лучше бы ты отдал мне свою одежду». Ученик сказал: «С какой стати нечестный человек станет отдавать свою одежду государственному мужу?» Тяжело вздохнув, Жун И произнес: «Увы! Правда в мире не будет утверждена из-за моей смерти». Он снял одежду и отдал ее своему ученику, а сам в полночь умер. Ученик же его остался в живых. Что касается Жун И, то сумел бы он утвердить единство в людях своего поколения или нет — об этом знать ничего нельзя, однако его стремление принести пользу людям не может быть поставлено под сомнение. Он постиг в своем рассудке разницу между жэнь и ай, любовью общечеловеческой и частной, и поэтому смог продемонстрировать свою моральную правду перед лицом неминуемой гибели. Он знал, что именно разделяет жизнь и смерть и что есть искренняя сердечная любовь и подлинное человеколюбие.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Знание различий / Чжи фэнь

То, что мы называем пониманием для мужа государственного, есть понимание того, где грань между жизнью и смертью. Постигание того, где грань между жизнью и смертью, дает то, что после этого уже невозможно смешение блага и вреда, существования и гибели. Поэтому Янь-цзы, хотя и был принужден к союзу с Цуй Шу, не изменил своему внутреннему долгу. Цзи-цзы из Яньлина усцы хотели сделать своим царем, но он отказался. Сунь-шу Ао трижды приходилось становиться главным советником, но его это не радовало; ему также трижды приходилось покидать этот пост, но он ни разу не опечалился — у всех них было это понимание. А когда оно достигнуто, вещи-события уже не в состоянии привести такого в заблуждение.

В Чу жил некто по имени Цы Фэй, он раздобыл драгоценный меч в Ганьсу, а на обратном пути ему пришлось переплываться через реку Цзян, и когда он достиг середины, появились два дракона, которые зажали его лодку с двух сторон. Цы Фэй спросил тогда у лодоч-

ника: «Видел ли ты когда-нибудь, чтобы после встречи с двумя драконами, окружившими своими телами лодку, могло быть так, чтобы обе стороны — и дракон, и люди в лодке — остались в живых?» Лодочник сказал: «Никогда такого не было». Тогда Цы Фэй поднял руку, освобождая себе [плечо] от одежды, выхватил драгоценный меч и сказал: «Даже если в реке останутся [мои] мясо и кости [подобно] сгнившей падали, бросить [мой драгоценный меч], чтобы сохранить себя в целости — неужели же моя жизнь столь мне дорога?» С этими словами он бросился в реку и заколол драконов, после чего вновь поднялся в лодку, так что все без исключения плившие в ней остались в живых. Узнав об этом, чуский ван пожаловал ему пост и титул чжигуя. Конфуций, узнав об этом, сказал: «Замечательно! Как там сказал этот Цы Фэй: не бросать меча ради своей брэнной плоти?»

Во время своей поездки на юг Юй переправлялся через реку Цзян, когда лодку подхватил на спину желтый дракон. Люди, находившиеся в лодке, были ни живы, ни мертвы. Тогда Юй поднял взор к небу и со вздохом произнес: «Мое предназначение, данное небом, в том, чтобы я все свои силы отдал на дело пропитания народа. Жизнь от природы, смерть — от судьбы. Что же мне обижаться на дракона?» Прижав уши, опустив хвост, дракон удалился.

Следовательно, Юй постиг грань между жизнью и смертью и порядок, регулирующий выгоду и утраты. Ведь что есть вещь-человек — лишь измененное состояние инь и ян. А что есть инь и ян — это то, что образуется от неба и должно достичь пика функции. Природа-небо устроена так, что в ней бывают упадок и одряхление, а бывают и расцвет и наполнение. С людьми то же самое: бывают трудности-беды и обнищание, подчиненность и приниженность, а бывают и наполнение, богатство, постижение и успех — все это формы существования неба-природы, порядок проявления вещей-событий, которые не могут реализоваться иным способом! Поэтому в древности мудрецы из-за чувств, связанных с собственной жизнью, не ранили себе душу, не наносили ущерба своему нуминозному — высшему знанию предков (шэнь мин).

Янь-цзы был вынужден заключить союз с Цуй Ши. Цуй Ши потребовал, чтобы он произнес слова: «Да будет проклят тот, кто не с Цуй Ши, а с Гунсунь Ши!» Янь-цзы, склонившись, омочил губы в жертвенной крови, а затем поднял голову и возопил к небу: «Да будет проклят тот, кто не пойдет с родом Гунсунь, а пойдет с родом Цуй!»

Цуй был этим взбешен, поэтому острие своей алебарды он наставил Янь-цзы в грудь, в то время как ее загнутый конец приставил к его шее сзади, при этом он сказал Янь-цзы: «Если ты откажешься от своих слов, мы разделим царство Ци между собой; если же нет, этот миг — твой последний». Янь-цзы сказал: «Цуй! Для чего же тогда нам даны «Песни»? В «Песнях» есть слова: «Вот плети выются вдоль опор, простираются по стволу; молодой молодец цзюньцзы ищет счастья, никогда не уклоняясь от правды». Что же мне, Ину, позволено искать счастья, уклоняясь от правды? Неужели вы так плохо обо мне думаете?» Цуй Шу тогда сказал: «Это человек честный, убивать его нельзя». Он убрал оружие и отошел. Янь-цзы взялся за шнур и поднялся на колесницу. Слуга его хотел было хлестнуть коней и бежать. Янь-цзы тогда сдержал руку своего слуги со словами: «Придержи [коней]. Не следует терять самообладания. Кто торопится, не обязательно остается в живых, кто медлит, не обязательно погибает. Олень рождается в горах, а судьба его висит на кухне. Ныне моя, Ина, судьба, тоже висит где-то в другом месте!»

Янь-цзы понимал, что такое жизнь и смерть. То, что называется судьбой — это то, чего ни воля, ни ум, ни искусство изменить не в состоянии. Так что судьба — это то, что невозможно заполучить, как бы ни гнаться, и невозможно отвергнуть, как бы ни избегать. Государственный муж понимает, что дела обстоят именно так, и потому поступает всегда в соответствии с внутренним законом и спокойно принимает все последствия.

Бо Гуй спросил у цзоуского гунцзы Ся-хоу Ци: «Выдержка, как по шнуру, воля к победе, как у четырех царств [от Цзинь] — это примеры героизма, известные на всю Поднебесную. Лично мне приходилось побывать в Цзинь, и поэтому я имею представление о том, что принято называть страхами трех Цзинь; но я никогда не слышал о том, что называют «самообладанием, как по шнуру», и «волей, как у четырех царств». Ся-хоу Ци сказал: «Я человек ничтожный, что меня об этом спрашивать». Бо Гуй сказал: «Просил бы вас, господин, не отказать в любезности». Ся-хоу Ци тогда сказал: «Считая, что можно выполнить, тут же выполнять, причем выполнять с такой устремленностью, чтобы ничто в Поднебесной не в состоянии было помешать. Считая, что делать чего-то нельзя, немедленно по этой причине отказываться от этого деяния, так чтобы ничто в Поднебесной не могло заставить это сделать». Бо Гуй сказал: «Что, даже

и выгода не должна подвигнуть? Что, даже и угроза не должна удержать?» Ся-хоу Ци сказал: «Если жизнь не достаточная награда, чтобы подвигнуть, что говорить о прибыли? Если смерть не достаточная угроза, чтобы удержать, то какие же страхи смогут удержать?» Бо Гую нечего было ответить. Ся-хоу Ци поклонился и вышел.

Так что способы воздействия на честных и подлых разнятся: подлых следует стимулировать наградами и наказаниями, а честных — воздействием на моральное сознание. По этой причине честный и умный правитель в обращении с подданными должен считать обязательным моральный долг, не упуская из виду и награды-наказания; только так можно добиться полной отдачи [на службе] со стороны как честных, так и подлых.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Распределение по классам / Чжао лэй

То, что функционально близко — стремится к сближению; если у вещей общая ци — они сливаются воедино; если у них сравнимые голоса — они откликаются друг другу. По этой причине — когда берешь ноту гун, и отзывается гун; когда берешь ноту цзюэ, и отвечает цзюэ. С помощью дракона вызывают дождь, с помощью тела — тень. Откуда появляются несчастье и счастье? Люди заурядные считают это судьбой и поэтому не стремятся познать причин, от которых они происходят. А между тем, если в стране смута, она просто смутой не останется, но непременно повлечет мародерство-разбой и нападения извне. И если одной смуты, может быть, и недостаточно, чтобы наступила погибель, то когда она сопровождается еще и разбойными нападениями, дальнейшее существование государства становится невозможным.

Использование оружия зависит от такого фактора, как выгода, и такого фактора, как мораль! Когда ведут наступление против царства, охваченного смутой, оно легко покоряется, а если и не покоряется, нападающий все же получает выгоду. Когда нападают на царство, охваченное смутой — это как бы восстановление справедливости, так что такое нападение еще и сопровождается славой для напавшего. Когда же ждут слава и выгода, даже средних способностей властитель готов рискнуть, не тем более ли правитель разумный? Поэтому ни территориальные уступки, ни богатые дары, ни отказ от борьбы, ни униженные мольбы, ни выражения покорности не

могут предотвратить нападение извне. Обеспечить это может только твердый порядок внутри. Когда в царстве порядок, тогда на него незачем нападать ни искателям выгоды, ни искателям славы: ведь нападают и покоряют или рады выгоды, или ради славы; если же ни то, ни другое заполучить невозможно, даже и сильное царство не станет нападать.

Войско появилось очень давно. Яо сражался на берегах Даньшуй, чтобы покорить южных маней; Шунь разбил племена мяо и затем изменил и улучшил их нравы; Юй захватил Цаовэй и владения рода Ю И из Цюйао, чтобы осуществить свое учение. Так что еще при трех царях определенно использовались войска. Когда возникала смута, войска использовали, когда же восстанавливался порядок, войска отправляли на отдых.

Если в царстве порядок, то нет большего несчастья, чем нападение на такое царство; если царство охвачено смутой, не покарать его значит длить муки народа этого царства. Таковы переходы одного в другое порядка и смуты, определяющие соответственно использование военных или мирных средств. Когда пользуются мирными средствами—это доказательство любви-симпатии; когда действуют оружием—это выражение ненависти. Если эти любовь и ненависть в соответствии с моральным законом, то использование мирных и военных средств носит правомерный легитимный характер—и это основа основ для мудреца. Это можно сравнить с последовательной сменой друг другом жары и холода: настает определенный момент, и начинается их действие. Мудрец не в состоянии заменить собой время, но он может образовывать свои дела со временем. Если дела сообразованы со временем, их эффективность многократно возрастает.

Когда Ши Иньчи был посланником от царства Чу в царство Сун, он был принят там начальником земельных работ Цзы Ханем. Во время приема он обратил внимание, что у соседа начальника с южной стороны стена дома покосилась, а от соседа с западной стороны вода натекает прямо во двор к начальнику. Он осведомился о причинах такого положения. Министр сказал: «Мой сосед с южной стороны ремесленник, шьет сапоги. Я хотел было переселить его подальше, но его отец пришел ко мне и сказал: «Мы занимаемся сапожным ремеслом на протяжении жизни трех поколений. Если вы теперь переселите нас, сунцы не будут знать, куда им идти за сапогами, и нам нечего будет есть. Просим

начальника не отнимать у нас заработок». Поэтому я не стал его наказывать. Что касается западного соседа, то его дом стоит выше моего, и после ливней вода стекает ко мне—тут уж ничего не поделаешь!» Ши Иньчи вернулся в Чу как раз когда там поднимали войска, чтобы идти походом на Сун. «Нельзя на них нападать,—предостерег Ши Иньчи чуского вана.—Правитель там честен, министр милостив. А народ любит честных и покорен милостивым. Если мы на них нападём, выгоды не будет никакой, а опозоримся перед целым светом». Чусцы тогда оставили Сун в покое и напали на царство Чжэн. Услышав об этом, Конфуций сказал: «То, что совершается в тиши храма предков, способно остановить нападение, готовящееся за тысячи ли. Именно это видно на примере начальника работ Сычэн Цзыхяня. Сун было расположено среди трех иных царств с тысячами колесниц. Во времена Цзыхяня на него никто не нападал, а границы были расширены со всех четырех сторон: разве не он же служил при Пин-гуне, Юань-гуне, Цзин-гуне до конца своей жизни, и все только с помощью человеколюбия и самодисциплины? Из этого следует, что человеколюбие и скромность обладают огромной эффективностью. По этой причине Минтан покрывали соломой, его крыша подпиралась [простыми] бамбуковыми стволами, а ступени в него вели земляные, и их было всего три—так делали, чтобы сделать очевидными скромность и простоту [власти].

Чжаоский Цзянь-цзы собирался напасть на царство Вэй и отправил Ши Мо, чтобы тот посмотрел, как там обстоят дела, дав ему сроку месяц, но тот вернулся только через шесть месяцев. Чжао Цзянь-цзы спросил: «Почему так долго?» Ши Мо ответил: «Рассчитывать на выгоду, а понести ущерб—едва ли это прозорливо. Сейчас там у них Цзюйбо Юй первым советником, а вторым—Ши Ю; Конфуций приглашен в качестве эксперта, а Цзыгун представляет все дела правителю, и тот его во всем слушает. В «Переходах» сказано: «Мудра его свита—к началу счастья». «Мудра» значит, что это честные люди; «свита» значит, что их много; «начало» означает начало счастливого периода. Вся фраза «мудра его свита—к началу счастья» означает, что советники его по большей части—люди честные». Чжаоский Цзянь-цзы тогда остановил мобилизацию и ничего не стал предпринимать.

Прежде чем начать осуществлять замысел, нужно подумать. Сомнение должно быть матерью всякого

намерения. Колеблешься, значит, необходимо рассмотреть предстоящее дело с точки зрения морального долга, так как только если судить о предстоящем деле с позиций морального долга, замысел не приведет к провалу; если же замысел не приведет к провалу, значит, за его осуществлением последуют слава и выгода. Когда разумный правитель предпринимает что-либо, ему не нужно дожидаться спуска флагов или смерти на поле боя полководца, чтобы только после этого определять, победил он или потерпел поражение. Он изучает закономерности военного дела и тем самым определяет заранее — будет приобретение или утрата, слава или позор. Поэтому ничто так не ценили правители трех династий, как мудрость!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Достижение идеала / Да юй

У человека в теле 360 сочленений, девять отверстий, пять внутренних органов, шесть полостей. Мышцы и сухожилия хотят, чтобы им было упражнение; кровь и лимфа желают проникать всюду; суставы и кости хотят крепости; ум и воля желают оставаться в гармонии; и тонкая и плотная ци стремятся осуществлять свои функции. Если все это осуществляется, тогда болезни негде поселиться и недугу неоткуда произойти. Поселение недуга и рождение болезни есть застой плотной и тонкой ци. Известно из опыта, что стоит воде застояться, как она начинает портиться; что стоит оставить неподвижным дерево, как его начинает точить короед; стоит сено оставить без ворошения, и оно сгорит.

В государстве тоже бывает застой. Когда внутренняя сила правителя не проходит до низов, а стремления народа не находят удовлетворения — вот это и есть застой и в государстве. Если государство пребывает в застое достаточно долго, все беды встают разом, и все несчастья идут скопом. Ожесточение друг против друга верхов и низов происходит именно отсюда. В силу изложенного мудрые ваны ценили смелых мужей и верных подданных за то, что они, смело и прямо высказываясь, прорывали этот зазор.

Чжоуский Ли-ван мучил народ, и люд в стране роптал все как один. Чжао-гун подал доклад, в котором говорилось: «Народ не в состоянии так жить дальше». Тогда ван послал вэйского колдуна выслеживать недовольных. Ко-

го тот указывал — казнили. В стране никто не смел открыть рот, на дорогах только смотрели друг на друга [не заговаривая]. Ван обрадовался и сообщил об этом Чжао-гуну: «Мне удалось пресечь крамолу!» Чжао-гун сказал: «Это ведь только сдержать, а не прекратить. Закрывать народу рот хуже, чем запруживать горный поток — если прорвет запруду, пострадавших будет множество. С народом то же самое. И из-за этого те, кто прудит потоки, обязательно делают сток, чтобы можно было спускать воду, а те, кто правит народом, делают так, чтобы он имел возможность высказаться. Именно для этого сын неба выслушивает предложения и позволяет гунам, цинам и именитым мужам выступать с прямыми речами-увещаниями, поощряет науки и слушает собранные по стране стихи и речитатив странствующих исполнителей, уделяет внимание преданиям и пословицам простых людей, чтобы ближние подданные могли исчерпать свои возможности в подготовке предначертаний, а родственники по всем линиям — исправить упущения и вразумиться на будущее. И только после всего этого ван размышляет и принимает решения. В этом случае ничто доброе среди низших не остается без внимания, а в среде высших не бывает ошибочных действий. А сейчас вы, ван, заткнули рот низам и попускаете высшим совершать ошибки — как бы не оказались под угрозой алтари земли и зерна». Ван не стал его слушать, а через три года народ изгнал вана в Чжи.

Такова пагубность застоя. Застой — это бессилие силы ян. На чжоуском треножнике изображали крысу, растаптываемую конем, поскольку она была не-янной [тварью]. Эта не-янность в обычае гибнущего царства.

Гуань Чжун посетил Хуань-гуна. Солнце уже село, но Хуань-гун обрадовался его приходу и велел зажечь факелы. Гуань Чжун сказал на это: «Ваш слуга рассчитывал закончить с этим днем, не думая, что дело затянется до ночи. Может быть, вы прикажете унести светильники?» Гуну это не понравилось, и он сказал: «Вы, отец Чжун, уже стары. Кто знает, сколько еще мне стало с вами встречаться? Давайте проведем эту ночь в весельи!» Гуань Чжун сказал: «Вы впадаете в заблуждение. Увлечение погоней за удовольствиями приводит к истощению моральных сил, и кто увлекается поисками наслаждений, в конце бывает опечален. Муж в зрелых летах, предающийся расслаблению, теряет время. Муж в преклонных летах, допускающий распущенность, не оставляет после себя доброго имени. Ваш слуга сегодня трудился для

вашего блага, за что же вы хотите утопить его в вине. Я ведь еще пригожусь».

Гуань Чжун, можно сказать, умел себя поставить. Поведение должно быть сдержанным по отношению к музыке-забавам, потому что постоянное пребывание в радости увеличивает ущерб [характеру]. Поведение должно быть направлено против роскоши, поэтому, несмотря на то, что властитель в данном случае желал доставить ему удовольствие, он этого не допустил. Своим поведением он показал, что не поддается соблазнам, а усиливает строгость к себе и что он не обольщается хорошим к себе отношением: ведь правитель хотел его оставить при себе [на пиру], но он не пошел на это. Концентрация воли и строгая самодисциплина — этого не могут поколебать такие соблазны, как радость и почет. Именно руководствуясь этими принципами, служил он своему господину, и именно благодаря этому Хуань-гун стал гегемоном-ба.

Лецин Цзыгао имел большое влияние на циского Минь-вана. Наряжаться он любил в фиолетовое платье в сочетании с белыми шелковыми шляпами и остроносыми сапогами. Однажды он прибыл ко двору в дождливую погоду и, поспешая к залу аудиенции, обратился к прислужнику: «Как я выгляжу?» Прислужник ответил: «Достоинно и красиво». Однако Лецин Цзыгао все же подошел к колодцу и погляделся: вид был как у всклоченного мужлана. Тогда он вздохнул и сказал: «Прислужник из-за того, что я пользуюсь покровительством Минь-вана, так мне льстит! Как же должны льстить тому, кто пользуется влиянием правителя великой державы, а ведь зеркала у него нет! Видно, близка его гибель».

Кто мог бы тут послужить зеркалом, если не настоящий государственный муж! Но люди таковы, что радуются лишь бронзовому зеркалу, в котором видят свое отражение, и терпеть не могут государственных мужей, которые ясно им показывают их самих. А между тем эффект от собственного изображения в обычном зеркале незначителен, тогда как польза от получения верного изображения себя самого в глазах государственного мужа весьма велика. Когда хватаются за то, что дает малый эффект, но пренебрегают тем, что дает эффект огромный — налицо непонимание функциональной эквивалентности того и другого.

Чжаоский Цзянь-цзы сказал: «Цзюэ меня любит, До же меня не любит. Когда Цзюэ убеждает меня, он всегда это делает там, где никого нет; а До всегда меня увещава-

ет, как бы специально стараясь поймать момент, когда я нахожусь в окружении других — конечно же, он тем самым хочет меня выставить в смешном свете!» Инь До ответил: «Цзюэ боится, как бы не поставить вас, господин, в неловкое положение, но не заботится о том, чтобы вы, господин, не совершали тех же ошибок в будущем. А я-то печалюсь только о ваших, господин, упущениях и не думаю о том, как бы вас не поставить в неудобное положение. Ваш слуга некогда слышал от мастера, у которого он обучался физиогномике, что стыд легко переносят люди с толстой кожей и серым цветом лица — им насмешки нипочем. Поэтому я боюсь, что, если я не стану вас поправлять перед другими, вы, господин, никогда не изменитесь».

Мудрость Цзянь-цзы все же остается под вопросом. Поскольку, когда властитель разумен, тогда речи его подданных прямы. А Цзянь-цзы не был благоразумен, и поэтому До в конце концов не прижился в Чжао. Что же говорить о тех, кто еще менее разумен, чем Цзянь-цзы?!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Слова и дела / Син лунь

Поведение властителя не таково, как действия человека в холщовой одежде. Когда соотношение сил неблагоприятно, время неудачно выбрано, дела идут плохо — он все равно должен стараться спасти положение: ведь в его руках судьба народа, а держать в руках судьбу народа — тяжкое бремя, и здесь нельзя полагаться исключительно на свое хотение. Поэтому тех, кто действует в таких случаях как наемник, отвергает страна и отталкивают даже земляки.

Когда Яо уступил Поднебесную Шуню, Гунь был одним из чжухоу. Он разгневался на Яо и сказал: «Дипредком становится тот, кто обрел небесный путь-дао; гуном становится тот, кто постиг дао-закон неба и земли. Но ты не сделал меня саньгуном!» Тем самым он хотел сказать, что Яо не прав. Он так жаждал заполучить титул саньгуна, что в ярости готов был обратиться даже к диким зверям как союзникам, желая поднять мятеж ради достижения цели. Он выровнял рога зверей так, что они как бы образовали городскую стену; он заставил их поднимать хвосты так, чтобы их могли принять за знамена. Когда его звали, он не шел, а носился по полям,

огорчая этим ди-правителя. Поэтому позже Шунь загнал его на гору Юйшань и там рассек острым усским клинком. [Его сын] Юй не посмел мстить, но подчинился и стал служить Шуню; он был назначен сыкоу с заданием отвести с равнины бурные потоки. Когда он этим занимался, лицо его загорело до черноты лака, ходить нормальным шагом он разучился, а ци не проходило через отверстия [тела]. И все это для того, чтобы заслужить расположение ди-предка!

Некогда Чжоу утратил моральные принципы: убил Мэй Бо и сварил; убил Гуй-хоу, зажарил, и с этим блюдом устроил прием чжухоу при дворе. Вэнь-ван заплакал и отказался принимать в этом участие. Чжоу тогда испугался, что он его предаст, и хотел убить Вэнь-вана и уничтожить Чжоу. Вэнь-ван тогда сказал: «Хотя бы отец и утратил моральный долг, может ли сын посметь не служить отцу? Хотя бы правитель был и немилостив, может ли подданный посметь не служить правителю? Как же можно восставать против самого вана?» Чжоу тогда отпустил его. Когда в Поднебесной узнали об этом случае, всем стало ясно, что Вэнь-ван выступает за авторитет власти и заботу о подданных, и стали уважать старших и жалеть младших. В «Песнях» об этом сказано: «Один лишь Вэнь-ван прозорлив — он показал, как надо служить высшему предку Шанди, и тем самым уготовал себе множество благ!»

Цисцы осадили Сун, Янь-ван послал Чжан Куя, чтобы он во главе яньского войска оказал им помощь, и циский ван его казнил. Узнав об этом, яньский ван залился слезами, потом собрал соответствующих чинов и объявил им: «Я хотел помочь им, а цисцы убили моего посланника! Прошу вас отдать приказ поднять войска и вести их в поход на Ци». Приказ уже был принят к исполнению, когда вперед выступил Фань Юй, предстал перед правителем и возразил: «У нас был благоразумный правитель, и я рад был служить ему. Но теперь вы, ван, перестали быть благоразумным правителем, и мне хотелось бы попросить вас об отставке, так как я не хочу больше быть вашим подданным». Чжао-ван спросил: «Отчего так?» Тот ответил: «Во время мятежа в Сун-ся наш прежний правитель и ваш отец попал в руки цисцев, сам и погиб, и потерял много народу. Вы, ван, тяжело переживали это, но служили цисцам, поскольку сил у вас было недостаточно. А теперь из-за гибели Куя вы, ван, устраиваете поход на Ци. Это выглядит так, как если бы вам Куй был дороже нашего усопшего прави-

теля». Ван сказал: «Согласен». «Тогда прошу вас оставить войска». Ван сказал: «Пусть будет так, но что делать дальше?» Фань Юй сказал: «Прошу вас облачиться в траурное одеяние и временно переселиться в предместье, послав в Ци человека, который должен будет там извиниться от вашего имени в следующих выражениях: «Все это исключительно по моей, несчастного, вине. Вы, великий ван,— мудрый властитель. Неужели же, будучи мудрым властителем, вы решили полностью истребить всех, кого посылают к вам чжухоу? Такого не может быть, поэтому то, что вы убили только нашего яньского посланника, означает, что наше презренное царство не сумело выбрать достойного человека. Хотелось бы, чтобы вы переменили гнев на милость и простили наше преступление». Когда посланник прибыл с этим в Ци, циский ван пировал, отмечая победу. Вокруг него находилось множество приближенных и слуг, поэтому он из тщеславия велел посланнику выйти со своим покаянным сообщением перед всеми гостями. Посланный сообщил в тех же словах, что Янь-ван чрезвычайно напуган и просит его пощадить. Когда он кончил, его заставили повторить, чтобы похвастаться перед присутствующими чинами. После этого он послал мелкого чина с разрешением Янь-вану вернуться в свой дворец. Но именно поэтому позже Ци потерпело поражение на реке Цзи и было опустошено. Оно потеряло семьдесят городов и, если бы не Тянь Дань, могло бы вообще погибнуть. Минь-ван так гордился своим великим царством Ци, а вот ведь потерпел поражение; Тянь Дань имел только ополченцев города Цзимо, а сумел совершить большое дело. В «Песнях» не об этом ли поется: «Если хочешь кого-то уничтожить, сперва накопи силы вдвое больше; если хочешь разбить, сначала поднимись повыше!» Копить силы, но не нести от того ущерба; расти ввысь, но не ломаться под собственным весом способно только то, что следует закону-дао!

Чуский Чжуан-ван отправил Вэнь Увэя посланником в Ци. Когда тот проезжал через Сун, он не осведомился предварительно о праве на проезд через территорию царства. Когда он возвращался, Хуа Юань обратился к сунскому Чжао-вану: «Когда он ехал туда, он не спрашивал разрешения и теперь, на обратном пути, опять не спрашивает. Значит, они смотрят на нас как на захолустье! К тому же, когда вы ездили охотиться вместе с чусцами, именно он ударил плетью вашего слугу в Мэн-чжу. Прошу его покарать!» И Вэнь Увэй убили на дамбе реки Янлян. Чжуан-ван, и так уже теребивший рукава [по

поводу сунцев], услышав об этом деле, сказал: «Так, значит!» — и, закинув рукава [выше локтей], стремительно встал. С боевой обувью его нагнали только во дворе, с мечом — у ворот, а с боевой колесницей — у рынка Пушу. Переселившись в предместье, он поднял войско и обложил сунскую столицу осадой на девять месяцев. Сунцы менялись детьми и ели их, а потом разбивали кости и варили из них бульон. Наконец, когда сунскому гуну пришлось приносить жертвы в храме предков костями жертвенных животных, он смирился и сообщил о своей болезни-слабости в таких словах: «Каковы бы ни были планы в отношении нас со стороны вашего великого царства, сделаем, как прикажете». Чжуан-ван тогда сказал: «Вот теперь Сун-гун заговорил как надо!» Затем он отвел войска на сорок ли и расположился лагерем у ворот Лумэна, чтобы заключить там соглашение, после чего смог вернуться домой.

Так что корень всех дел — в правителе, и страдает он тогда, когда на первом месте у него дела, а на втором — люди. А оттого что люди на втором месте, поруха и в самих делах. Как в нашем примере: погибает подданный, и правитель, считая это беззаконием, лично ведет свои войска и народ, чтобы покарать обидчика, — вот это как раз и называется не жалеть людей. Сун-гун покорился под предлогом болезни и вернул войска на место — можно считать, что это еще не полный провал. То, что ему еще довелось потом собрать чжухоу в Ханьяне и угостить тех, кто прибыл отметить его победу, разве не потому, что он действовал как при наступлении, так и при отступлении в [том эпизоде], руководствуясь моральным законом? Одной силы недостаточно для успеха предприятия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Гордый вид / Цзяо цзы

Властитель царства, идущего к гибели, непременно заносчив, непременно считает себя разумным и непременно пренебрегает другими. Поскольку он самонадеян и ни во что не ставит мужей, поскольку он считает себя самым умным, все решения им принимаются единолично. Поскольку же он пренебрегает другими, он ни к чему другому не готов. Неготовность изменить свое субъективное мнение навлекает беды; решение всех вопросов единолично подвергает опасности собственное положение; пренебрежение мужами создает между ними стену. Кто не жела-

ет остаться в изоляции, должен непременно уважительно относиться к мужам; желающий сохранить свое положение должен уметь привлечь на свою сторону массы; желающий жить, не навлекая на себя беду, должен готовиться к любым неожиданностям. Эти три положения и составляют канон поведения властителя.

Цзиньский Ли-гун был склонен к расточительству и распущенности: он любил слушать льстецов-краснобаев и собирался удалить всех больших советников и поставить на их место своих подручных. Тогда Сюй Тун обратился к нему с речью: «Прежде всего необходимо уничтожить троих из рода Си: когда род-цзу слишком усиливается, от него так и жди неприятностей. Напротив, устранение крупных родов избавляет от массы забот». Гун сказал: «Согласен». Тогда послали Чаньюй Цзяо убить Си Чжоу, Си И и Си Чжи и на базарной площади выставить их останки. После этого Ли-гун направился с визитом в дом Цзянли Ши, но Луань Шу и Чжунхан Янь перехватили его и пленили. Никто из чжухоу не поспешил к нему на помощь, никто в народе не выразил по этому поводу сожаления. Через три месяца его убили.

Беда властителей в том, что они понимают, что вправе напосить вред людям, но не понимают, что когда такие кары налагаются неправомочно, они оборачиваются против них самих. Отчего это происходит? Оттого, что их рассудок короток-мелок. Когда же рассудок мелок, он не в состоянии охватить всех последствий, а кто не в состоянии предвидеть последствий, тот подвергает себя опасности.

Вэйский У-хоу держал военный совет, и его предложение было принято. Тогда, довольный, он откинул рукава и громко произнес: «Ваши мысли, дафу, оказались похуже предложенного мной, несчастным». Он встал, выждал некоторое время, а затем повторил то же самое еще трижды. Тогда Ли Ли, почтительно приблизившись, сказал: «В свое время чуский Чжуан-ван задумал одно предпрятие, и весьма удачно. Успех был велик, однако когда он покидал совет, вид у него был опечаленный. Тогда справа и слева заговорили: «У вана такой успех, а он покидает совет с озабоченным видом! Позвольте узнать, отчего это так?» Ван ответил: «У Чжун Хуэя есть высказывание, которое мне по душе, там так сказано: «Сила чжухоу возрастает, когда он находит себе учителя, старшего друга—такой станет ваном, такой сохранит свой удел. Если же из тех, кого он себе подбирает, ни один не достигает его уровня—он идет к гибели». И вот взяты

меня, столь неразумного. Ведь среди планов, поданных всеми советниками, и впрямь нет ни одного, который мог бы сравниться с предложенным мною. Что же, мне грозит гибель?» «Это,— продолжал Ли Ли,— то, о чем печаловался способный стать гегемоном, а вы, господин, сами любуетесь своими единоличными решениями. Куда это годится?» У-хоу сказал: «Отлично!»

Забота властителя должна состоять не в том, чтобы не подумать о себе слишком плохо, а в том, чтобы не подумать о себе слишком хорошо. Когда понимают о себе слишком много, отказываются принимать советы; когда отказываются принимать советы, их и перестают давать. Ли Ли действительно умел увещевать своего правителя. Одним-единственным примером он заставил хоу лучше понять, что есть моральный долг правителя. Циский Сюань-ван задумал построить огромный дворец площадью в сто му, чтобы главный зал мог вмещать сразу триста семей-домов. Со всего царства были собраны лучшие мастера, строительство продолжалось уже три года, но конца не было видно. Никто из подданных не решался выступить перед правителем с увещеванием. Тогда перед Сюань-ваном предстал Чунь Цзюй и сказал: «Чуский правитель решил отказаться от ритуала и музыки древних, полагая, что музыка — нечто неважное. Осмелюсь спросить, можно ли после этого считать, что в Чу есть правитель?» Сюань-ван сказал: «Нет там правителя». Чунь Цзюй спросил: «В Чу несколько тысяч подданных, но никто не смеет выступить перед правителем с увещеванием — можно ли считать, что в Чу есть подданные?» «Нет там преданных подданных», — сказал правитель. «Ныне вы, господин, строите огромный дворец,— продолжал Чунь Цзюй,— на сто му, чтобы сразу собирать по триста семей-домов на приемы. Собрали лучших мастеров по всему Ци, прошло вот уже три года, а дворец все еще не готов. Из подданных же никто не решается выступить перед вами с увещеванием. Позвольте узнать, есть ли у вас верные подданные?» Сюань-ван сказал: «Нет у меня верных подданных». «Разрешите удалиться», — сказал Чунь и направился к выходу. «Мастер Чунь, мастер Чунь, вернитесь! — кричал ему вслед Сюань-ван. — Что же вы так поздно обратились ко мне? Я, недостойный, тут же распоряжусь о прекращении строительства». Затем, обращаясь к записывавшим, сказал: «Запишите. Я, недостойный, утратил добродетель и пристрастился было к гигантским сооружениям, но мастер Чунь поправил меня, недостойного».

В критике и увещаниях нужно быть умелым. То, что другие не решались выступить с увещанием, происходило не оттого, что они этого не желали. То, чего желал Чунь Цзюй, было тем же самым, чего желали и другие,—разница состояла в том, [что он знал], как это подать. Если бы не Чунь Цзюй, Сюань-ван стал бы посмешищем для всей Поднебесной. В свете сказанного властители, теряющие царства, по большей части походят на Сюань-вана, а если так, то беда их в том, что у них нет такого вот Чунь Цзюя. По этой причине, когда речь идет о увещании со стороны честного подданного, нужно уметь найти подход к правителю—этому необходимо уделить особое внимание. Именно в этом—корень успеха или неудачи.

Утопив своего подданного Луань Цзяо в Желтой реке, чжаоский Цзянь-цзы провозгласил по этому случаю: «Я любил красивых женщин, и Луань Цзяо поставлял мне их; мне нравились дворцы, залы, террасы и павильоны, и Луань Цзяо заботился о том, чтобы все это у меня было. У меня был вкус к хорошим скакунам и красивым колесницам, и Луань Цзяо мне их всегда добывал. Но помимо всего этого мне нравились также настоящие государственные мужи, а вот их-то мне за шесть лет Луань Цзяо не представил ни одного. От этого мои слабые стороны умножились, а силы уменьшились».

Умение таких, как Цзянь-цзы,—в том, чтобы, по зрелом размышлении, по заслугам возлагать ответственность на своих подданных. Умение возложить ответственность на разумных основаниях означает для властителя достижение такого положения, когда ему помогают в добром, но отказываются содействовать в несправедливом; когда ему могут помочь в том, чтобы стать прямым, но не поощряют в самодурстве. Именно на этом расцвела культура-учение трех династий.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Судить по наружности / Гуань бяо

В суждениях о человеческом сердце, в рассмотрении повествований о делах минувших нужно стремиться быть умелым и глубоким. Небо высоко, и поэтому солнце и луна, звезды и планеты, облака и пар, дожди и росы никогда не останавливаются на отдых. Земля обширна, и вот реки и ключи, травы и деревья, покрытые шерстью и пернатые, голые и чешуйчатые никогда не останавливаются в своем движении. Все, что помещается

в промежутке между небом и землей, внутри шести пределов, стремится к пользе-упокоению друг друга, равно как и наносит друг другу ущерб и подвергает опасности без счета.

Деяния людей таковы же. Действует человек по сердцу, а сердце следует желанию-похоти. Если в страстях нет меры, не знает границ и разум; не знает границ разум — неизвестно, что он вознамерится сделать. Человеческое сердце сокрыто и замкнуто, трудно его видеть, поскольку, если пучина глубока — дна не увидишь. Вследствие этого мудрец, прежде чем действовать, анализирует свои [волевые] порывы-устремления.

Единственное, чем мудрый превосходит обычного человека, — это предвидение. Для того чтобы научиться предвидеть, непременно нужно разбираться в признаках и обликах; когда нет никаких знаков и обликов, в этом случае Яо и Шунь оказываются в таком же положении, что и первый встречный.

Хотя знаки увидеть легко, а представить весь процесс с его последствиями — трудно; хотя внешние признаки обнаружить легко, а во внутренних намерениях разобратся гораздо сложнее — от мудреца невозможно скрыть ни того, ни другого. У человека же заурядного, не обладающего таким дао-искусством, нет средства достижения предвидения. Поскольку же у толпы нет умения, с помощью которого достигается предвидение, она смотрит на мудрецов как на нечто чудесно-нуминозное и полагает их способности чем-то сверхъестественным. Но эти способности вовсе не обусловлены связью с миром нуминозного — просто мудрецы рассчитывают то, что иначе происходить и не может, поскольку таковы законы неба-природы. К этому уровню приблизились, например, Гоучэн-цзы и У Ци.

Гоучэн-цзы отправился послом от Лу в Цзинь. Когда он проезжал через Вэй, его принял у себя тамошний министр Юцзай Гучэнь и устроил в его честь прием. Он выставил целый хор музыкантов, но велел им хранить молчание. Когда позже они согрелись вином, он передал Чжун-цзы драгоценную яшму. Когда же Гоучэн-цзы возвращался по завершении своей миссии через Вэй, вторичного приглашения от Юцзая не последовало, и его возница обратился к нему с вопросом: «В прошлый раз нас принимал Юцзай, и все было хорошо. Непонятно, почему это на обратном пути мы не получили от него нового приглашения?» Гоучэн-цзы сказал: «Тем, что он нас задержал и угостил, он выразил свое расположение

к нам; а тем, что он выставил музыкантов, но не велел им играть, он хотел показать, что у него на душе забота. И то, что он за вином подарил мне драгоценную яшму, ясно означало, что он отдает ее на сохранение! Из всего этого следует, что Вэй стоит на пороге смуты». Не успели они удалиться от границ Вэй на тридцать ли, как узнали о том, что Нин Си поднял мятеж, в котором Юцзай Гучэнь погиб за своего правителя. Тогда [Гоучэн-цзы] развернул свою колесницу в сторону Вэй и, трижды подняв руки, оплакал друга, после чего вернулся к себе. По прибытии он послал человека за женой и сыном [погибшего] и отвел им под жилье часть своего дома, позаботившись о том, чтобы они не нуждались. Когда сын погибшего вырос, он вернул ему драгоценную яшму. Узнав об этом, Конфуций сказал: «О том, что сделал Гоучэн-цзы, говорится: «Рассудком такое, что способен по тончайшим признакам уловить намерение, а человеколюбием такое, что ему можно вверить все свое достояние»».

Гоучэн-цзы в своих наблюдениях над поведением Юцзай Гучэня показал, что его наблюдательность глубока и тонка, потому что он смотрел не на то, что тот делает, а на то, что он намеревался этим выразить; это можно назвать искусством распознавать людей.

У Ци управлял землями Сихэ, когда Ван Цо оклеветал его перед вэйским У-хоу, и хоу послал людей, чтобы его схватили. У Ци бежал в Аньмэн; там он остановил повозку, чтобы отдохнуть, посмотрел назад на Сихэ и заплакал так, что слезы потекли ручьями. Его слуга обратился к нему с вопросом: «Насколько я знаю вас характер, для вас отказаться от власти над Поднебесной все равно что выбросить пару старых сандалий. Почему же вы рыдаете, потеряв всего лишь Сихэ?» У Ци вытер слезы и ответил: «Ты не понял меня. Если бы правитель понял меня и позволил мне по-настоящему развернуться, тогда могло бы случиться так, что циньцы потерпели бы поражение, и Сихэ получило бы мудрое правление. Но наш правитель предпочел слушать речи низкого клеветника и не понял меня, так что скоро Сихэ попадет в руки циньцев, а это будет для Вэй началом конца». В конце концов У Ци покинул Вэй и переехал в Чу, а земли Сихэ в итоге вошли в состав Цинь, отчего Вэй стало хиреть день ото дня. Именно это и предвидел У Ци, поэтому-то он и плакал.

В древности были знатоки коней: из них Ханьфэн Ши определял их по зубам, Ма Чао — по крупу, Цзы

Нюйли — по глазам, Вэй Цзи — по гривам, Сюй Би — по хвостам, Доу Фагэ — по груди и бокам, Гуань Цин — по губам, Чэнь Бэй — по ногам, Цинь Я — по груди, Цзань Цзюнь — по крупу. Все эти десять человек были мастерами, прославленными в Поднебесной, и хотя признаки, по которым они определяли качества коней, были различными, каждый из них по одному-единственному признаку способен был определить, каковы пропорции тела, легок ли бег, крепко ли сложение, каковы достоинства и недостатки.

Так обстоят дела не только с конями, у людей тоже есть стати-признаки, как есть такие же внешние признаки у дел и государств — так со всем. Поэтому мудрец может знать о том, что было тысячу лет назад и что будет через тысячу лет, и это не потому, что он гадает о вещах, а потому, что они сами ему о себе сообщают. А книги предсказаний, такие, как «Люй ту» и «Пань бо», как раз на этих наблюдениях и основываются.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало весны / Кай чунь

Когда гремит весенний гром, твари, пребывающие в зимней спячке, начинают двигаться. Когда начинают выпадать сезонные дожди, деревья и травы пускаются в рост. Когда питье, еда и место в согласии — все девять отверстий, сто сочленений и тысяча жил функционируют нормально. Когда властитель внимателен к своей дэ, собирает в себе всякое благо — к нему стекаются фениксы и мудрецы.

Бо по имени Хэ из Гун исправлял свое поведение, с любовью относился к разумным и доброжелательным, и среди морей все приходили под его руку. Когда во времена чжоуского Ли дела пошли плохо и сына неба уже фактически не было, все же вся Поднебесная обращалась к нему и звала его этим титулом.

Отсюда видно, что между вещами существует взаимный отклик. Поэтому и говорится: «Когда есть истинное поведение, есть и истинные свершения». То же и с умелым советником. Когда в его речах изложен истинный закон, тогда устанавливается различие между приобретением и потерей, выгодой и несчастьем. Это, конечно, уже не субъективные речи одного человека!

Когда вэйский Хуэй-ван умер, был установлен определенный день для погребения, но небо послало великий дождь и снег, так что буйволам он доходил до глаз. Тогда подданные предстали перед наследником, говоря: «Снег настолько глубок, что погребение в таких условиях вызовет жертвы со стороны народа и перерасход выделенных средств. Поэтому мы просили бы перенести день похорон». Наследник отвечал: «Если сын, из-за трудностей народа или государственных расходов, не совершит погребения предшествующего царя, это будет с его стороны нарушением долга. Я прошу вас больше об этом не заговаривать». Подданные больше не решились просить у него аудиенции и отправились к первому министру. Первый министр ответил: «Что я могу тут сказать? Здесь может помочь один лишь Хуэй Ши». И он попросил их изложить суть дела Хуэй Ши. Тот согласился и, пустившись в путь, предстал перед наследником престола. Хуэй Ши ему сказал: «Ведь день похорон установлен?» Наследник ответил: «Так». Тогда Хуэй Ши заговорил: «В старину царь Цзи Ли был похоронен у самого края горы Во, и его могилу размыли воды реки Луань, так что показались углы гроба». Вэнь-ван тогда сказал: «О! Это ведь наш владыка желает еще раз увидеть подданных и народ. Посему небо и велело реке Луань показать их ему». И он изъял гроб из могилы и перевез его во дворец, так чтобы народ мог видеть это. Через три же дня он был погребен вновь. Так понимал свой долг Вэнь-ван. А ныне назначен день погребения, а снег идет такой, что буйволов завалило по самые глаза, так что это дело трудно будет выполнить. Уверены ли вы, наследник, что, стремясь соблюсти день погребения, вы не излишне поспешны? Хотелось бы, чтобы вы, наследник, изменили день. Усопший правитель, без сомнения, немного медлит, чтобы проститься с алтарями земли и зерна и успокоить народ черноголовых; от этого дождь и снег. Если вы перенесете день похорон, это будет выполнением долга в понимании Вэнь-вана. Если же все оставите по-прежнему, это будет означать, что вы стыдитесь брать пример с Вэнь-вана». Тогда наследник сказал: «Отлично. Я согласен продлить срок и избрать для погребения другой день».

Хуэй Ши не только вел искусные речи, но и сумел заставить вэйского наследника отложить похороны умершего правителя. Его речи о долге в понимании Вэнь-вана были уместны. Речи о долге Вэнь-вана с целью научить мир — разве это малая заслуга?

Дом Хань возводил новый столичный город, и срок был установлен в пятнадцать дней. Начальником работ был Дуань Цяо. Один из участников опоздал с работами на два дня. Дуань Цяо задержал зрителя этого участка и держал его в узилище. Сын заключенного отправился к начальнику удела Цзы Гао, чтобы сообщить об этом, и сказал: «Только вы, преждежденный, можете спасти от смерти моего отца. Я просил бы вас сделать это». Начальник удела Цзы Гао согласился и отправился к Дуань Цяо. Поддерживая его под руку, тот поднялся вместе с ним на городскую стену. Цзы Гао осмотрелся и сказал: «О, какая прекрасная стена! Великий труд. Вам должна быть пожалована большая награда. Ведь с древности и по нынешний день никому еще не удавалось выполнить такой огромный труд и не покарать кого-нибудь при этом». Цзы Гао уехал, а Дуань Цяо в ту же ночь послал человека, чтобы тот снял узы с посаженного чина и отпустил его.

Поэтому и говорится: «Начальник удела Цзы Гао говорил так, чтобы совершить задуманное, без того, чтобы кто-нибудь знал, что он задумал; Дуань Цяо послушал его и совершил что надо, даже не зная, что он совершает». Вот так словом побуждать к делу есть высшее умение. Начальник удела Цзы Гао, можно сказать, умел говорить!

Младший брат Шу Сяна, Яншэ Ху, был в добрых отношениях с Луань Ином. Луань Ин провинился перед домом Цзинь. Тогда цзиньские правители покарали вместе с ним Яншэ Ху, а Шу Сян был обращен в рабство и искалечен. Ци Си сказал на это: «Я слышал, что когда ничтожество попадает на царство, не противиться этому недостойно, а когда благородный человек попадает в беду, недостойно не оказывать ему помощь». Он отправился к Фань Сюань-цзы и подал ему совет в таких словах: «Говорят, что тот, кто умел в управлении страной, не награждает слишком щедро, но и не карает без удержу. Ибо если награждать всех без разбора, то не минуешь и порочных, а если карать всех подряд, то кары не избежит и благородный. Если же по несчастью невозможно избежать злоупотреблений, то лучше уж наградить порочного, нежели покарать благородного. Поэтому Яо, когда речь шла о карах, позволял Шуню карать Гуня, но брал на службу [его сына] Юя. И когда речь шла о карах в доме Чжоу, то карали Гуань Шу и Дай Шу, но делали министром Чжоу-гуна. Вот это и было сдержанностью в карах». Тогда Фань Сюань-цзы велел чинам отпустить Шу Сяна.

Те, кто печется о спасении человека, часто идут на встречу опасностям и страданиям, им подчас не избежать унижений и забот; и все же они не всегда могут спасти человека. А вот Ци Си своими разговорами о дэ прежних царей добился освобождения для Шу Сяна! Поистине, ничто не может заменить учености! И во многих случаях это так!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Исследование мудрости / Ча сян

Допустим, есть хороший врач. Он лечит десятерых и девятерых ставит на ноги. Тогда искать его помощи явятся все десять тысяч. Так вот, заслуги и слава разумного человека делают его подобным хорошему врачу, и если правители не ищут у него доброго совета, это можно понять лишь как заблуждение.

Также и в состязании не помогут ни мужество и сила, ни правильно выбранный день, ни разного рода гадания, ни молитвы всех видов: все равно победит самый умелый. Заслуги и слава тоже в этом роде: суть в том, чтобы пополнить разумных людей.

Вэйский Вэнь-хоу считал своим учителем Бу Цзыся, своим другом — Тяньцзы Фана и оказывал уважение Дуань Ганьму. Страна его была управляема, сам он предавался отдыху. Ибо зачем же утруждать свое тело, занимать свой ум мудрому властителю? Он должен уметь схватить главное, вот и все. Когда снег и иней, дождь и роса выпадают ко времени, все сущее растет. Когда нравы людей исправлены, болезни, чудовища и язвы сами собой пропадают. Потому и говорится: «Видом своим напоминает подставку для платья», — этим хотят сказать, что он мало чем занимался.

Фу Цзыцзянь управлял Даньфу. Он играл на цине и сам даже не спускался в зал, но в Даньфу был порядок. Ума Ци уходил в присутствие, когда звезды еще горели на небе, и возвращался домой, когда звезды уже вновь зажигались. Он не знал покоя ни днем, ни ночью, делал все самолично, а Даньфу все так же пребывал в порядке. Когда Ума Ци спросил об этом у Фу Цзыцзяня, тот сказал: «Обо мне можно сказать, что я полагаюсь на людей, а о вас — что вы полагаетесь лишь на собственные силы. Поскольку полагаетесь на собственные силы, постольку все трудитесь; поскольку полагаюсь на людей, постольку отдыхаю».

Фу Цзыцзянь был правителем в полном смысле слова. Все его члены пребывали в покое, глаза и уши были полны здоровья, сердечная ци — в равновесии, а все его чины правили в согласии с долгом. Он знал точное число всему, вот и все. Не таков был Ума Ци. Тот обременял свою жизнь, утруждал свою цзин, не давал покоя ногам и рукам, занимался поучениями и увещаниями. Хотя при нем и был порядок, но такой порядок несовершенен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Надеяться на разум / Ци сянь

Если кто хочет ловить цикад на свет, должен подумать о том, чтобы его огонь горел ярко, а потом уже трясти дерево. Если же огонь у него не ярък, что толку трясти дерево? Яркость же огня зависит не только от самого огня, но и от окружающего его мрака.

В нынешний век мир погружен в глубочайший мрак. Если среди властителей людей найдется такой, кто сумеет сделать ясной свою дэ, мужи со всей Поднебесной станут слетаться к нему, как цикады на яркий огонь. Государства не пребывают сами по себе в покое, слава не бывает сама по себе громкой: для этого необходимы разумные мужи.

Чжаоский Цзянь-цзы как-то днем был дома. Он глубоко вздохнул и произнес: «Как странно! Вот уже десять лет стремлюсь я пойти на царство Вэй походом, но Вэй так и не завоевано!» Один из слуг сказал: «С такой мощью, как у Чжао, идти походом на такое слабое царство, как Вэй... Я еще понял бы, если бы вы этого не желали, но если вы этого действительно желаете, то просто прикажите завоевать его!» Цзянь-цзы сказал: «Вы говорите не то. У меня здесь есть десять мужей из Вэй, и, если я соберусь на это царство походом, все десять скажут, что это противоречит долгу. И если я захвачу это царство, я окажусь нарушившим долг». Так во времена Цзянь-цзы Вэй десятью мужами умело сдержать войска Чжао до самой его смерти. В Вэй, можно сказать, умели выбирать людей для службы. Десять мужей отправились в путь, а страна обрела мир. О Цзянь-цзы же можно сказать, что он умел следовать добрым советам. Он слушал тех мужей и не нападал на малых, не грабил слабых и не заслужил недоброй славы.

Когда вэйский Вэнь-хоу проезжал мимо ворот дома Дуань Ганьму, он склонился в своей колеснице. Слуга

у него спросил: «Отчего вы поклонились?» Тот отвечал: «Разве это не дом Дуань Ганьму? Дуань Ганьму, несомненно, разумный муж. Как же я могу не склоняться перед ним? К тому же я слышал, что Дуань Ганьму не желал бы поменяться со мною местами, как же я посмею смотреть на него свысока? Дуань Ганьму славен своей дэ, а я славен лишь своими землями; он богат своим чувством долга, а я богат всего лишь своим именем». Тогда слуга спросил: «Отчего бы тогда вам не поставить его первым министром?» И действительно, тот попросил Дуань Ганьму стать первым министром, но Дуань Ганьму отказался принять назначение. Тогда правитель назначил ему жалование в миллион даней и стал его время от времени навещать. Народ был этому рад и в похвалу этому сложил такой куплет:

Любит наш правитель правду,
И Дуань Ганьму в почете;
Любит наш правитель верных,
И Дуань наш наверху.

Через некоторое время в Цинь стали собирать войска, чтобы напасть на Вэй. Тогда Сыма Тан предстал перед циньским правителем и сказал: «Дуань Ганьму — муж разумный, правитель Вэй оказывает ему почести, и все об этом знают. Лучше бы не идти войной!» Циньский правитель счел это разумным, остановил войска и отказался от похода.

Вэйский Вэнь-хоу, можно сказать, умел воевать. Ибо стоит лишь людям узнать, что благородный муж собрался на войну, и даже еще до выхода его войска победа ему обеспечена. Когда же на войну собирается заурядный человек, грохот барабанов подобен грому, от криков дрожит земля; пыль летит до небес; падает дождь стрел, убитых и раненых вывозят телегами, ступают по кишкам, забрызганным кровью невинного народа, убитых — целые озера. Неизвестно, останется ли царство, будет ли жив правитель. Как это далеко от долга и милосердия!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Понимание деяний / Шэнь вэй

Я есть субъект деяния, Поднебесная есть объект деяния. Понимающий, что он делает, знает, что важно, что не важно. Если некто, допустим, отрубит себе голову, чтобы сменить шапку, или убьет свое тело,

чтобы переменить одежду, все этому поразятся. А почему? Да потому, что шапка для того, чтобы прикрывать голову, одежда для того, чтобы прикрывать тело. Когда же жертвуют тем, что покрывают, ради того, чем покрывают, конечно, не ведают, что творят.

В наше время, правда, погоня за наживой приводит как раз к тому, что подвергают опасностям тело, наносят ущерб своей жизни, подставляют горло, готовы расстаться с головой ради наживы. Это, конечно, все потому же: не понимают, что творят.

Великий царь Дань Фу жил в Бинь. На его владения напали варвары ди. Он хотел откупиться от них мехами и шелком, но они не приняли даров; хотел откупиться жемчугом и яшмой, но и этого не взяли, потому что им нужна была земля. Тогда великий царь Дань Фу сказал: «Оставаться со старшими братьями, отправив на смерть младших, оставаться с отцами, отправив на смерть сыновей,— для меня это невыносимо. Если все дело в месте, пусть уж мои подданные станут подданными варваров ди, какая им разница. К тому же я слышал, что ради того, что вскармливает, нельзя жертвовать теми, кого вскармливают». И он хлестнул коня и уехал. Народ же собрался и последовал за ним; потом они основали новое царство у подножия горы Ци.

Великий царь Дань Фу, можно сказать, умел почитать жизнь. Тот же, кто умеет почитать жизнь, не станет вредить ей вскармливанием во времена знатности и богатства и не станет рисковать своим телом ради наживы во времена бедности и унижения. Когда кто-либо получает по наследству от предшественника высокие ранги и большое жалованье, он всегда будет с трудом с этим расставаться. Истоки жизни вдали, а теряют ее легко. Разве это не заблуждение?

Государства Хань и Вэй спорили друг с другом из-за земель. Цзы Хуа-цзы встретился тогда с Чжаоли-хоу. Вид у того был опечаленный. Цзы Хуа-цзы сказал: «Положим, перед вами был бы документ, в котором было бы записано: возьмете левой рукой, потеряете правую, возьмете правой, потеряете левую; если же все же решитесь на это — обретете Поднебесную. Вы бы взяли или нет?» Чжаоли-хоу ответил: «Я, несчастный, не взял бы». Тогда Цзы Хуа-цзы сказал ему: «Прекрасно! Если смотреть с этой точки зрения, то две руки важнее Поднебесной. Но тело ведь важнее двух рук. Хань же, конечно, не важнее Поднебесной. А то, из-за чего сейчас распря, конечно же не важнее целой Хань. Вы же ныне утружда-

ете себя, вредите собственной жизни, печалась о том, что не достигли малости?» Чжаоли-хоу сказал: «Да, много было у меня умелых советников, но никогда не доводилось мне слышать такие речи!»

О Цзы Хуа-цзы можно сказать, что он понимал разницу между важным и неважным. А когда человек знает разницу между важным и неважным, он не ошибается в своих суждениях.

Сын гуна из Чжуншани по имени Моу сказал Чжань-цзы: «Когда человек телом на реках и у морей, а помыслами все же во дворце, что с этим можно поделаться?» Чжань-цзы сказал: «Нужно ценить жизнь. Когда ценят жизнь, презируют выгоду». Моу сказал: «А если, даже зная это, невозможно справиться с собой, что тогда?» Чжань-цзы сказал: «Если нет сил справиться с собой, лучше последовать своему желанию — тогда духу меньше вреда. Когда же человек не может справиться с собой и все же заставляет себя не следовать своим желаниям, это называется усугублением вреда. Кто же усугубляет вред, не живет долго».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Любовь к сродному / Ай лэй

Доброжелательный по отношению к другим существам, но недоброжелательный по отношению к человеку не может считаться истинно доброжелательным. Недоброжелательный по отношению к другим существам, доброжелательный исключительно к человеку все же должен считаться доброжелательным. Ибо то, что есть доброжелательность, есть доброжелательность в отношении сродных. Посему доброжелательный к человеку будет доброжелателен и к народу; он ничего не пожалеет, чтобы послужить к народной пользе.

В поучении Шэнь-нуна сказано: «Когда муж в расцвете сил не пашет, кто-то в мире из-за него голодает. Когда женщина в расцвете лет не ткет, кто-то в мире из-за нее терпит холод». Поэтому сам он пахал, а жена его ткала, чтобы этим показать, как народу достичь благополучия.

Разумный человек не считает далеким путь от моря до моря и всегда спешит ко двору царя или гуна. Делает он это не ради выгоды, а для того, чтобы послужить к выгоде народа. Кто же среди правителей способен сделать народ целью служения, к тому обращаются все в Поднебесной.

Царствующий не непременно должен быть озабочен укреплением лат, муштровкой войска, поисками храбрых солдат и умелых офицеров; ему не обязательно брать чужие города и предавать смерти чужих подданных. В прежние времена было много царствовавших, но в деяниях своих они отличались друг от друга; в чем они были сходны, так это в том, как в свое время они стремились обеспечить народное благо и устранить народное горе.

Гуншу Бань создал высокие облачные лестницы для захвата царства Сун. Прослышав об этом, Мо-цзы отправился туда в путь из Шу. Одежда на нем истрепалась, ноги он сбил; шел день и ночь без устали и через десять дней и десять ночей достиг столицы Чу — города Ина. Там он предстал перед чуским царем и сказал: «Я, ничтожный человек с севера, слышал, что вы, великий государь, намерены захватить Сун. Верить ли этому?» Царь сказал: «Так». Мо-цзы сказал: «Вы будете нападать на Сун, только если будете уверены, что захватите его, или же будете нападать и в том случае, если узнаете, что вам не захватить Сун и что помимо этого вы прослышите несправедливым?» Царь сказал: «Если я буду уверен, что не захвачу Сун и прослышу несправедливым, зачем же мне будет нападать на него?» Мо-цзы сказал: «Прекрасно! Так я полагаю, что Сун вам не взять». Царь сказал: «Гуншу Бань — искусный мастер в Поднебесной, и он уже создал машины, с которыми мы нападём на Сун». Мо-цзы тогда сказал: «Прикажите Гуншу Баню нападать, а я попробую защищаться». Гуншу Бань тогда выставил свои машины, а Мо-цзы построил оборону Сун. Гуншу Бань провел девять атак и девять раз был отбит Мо-цзы, так и не сумев ворваться. Поэтому Чу отказалось от похода на Сун.

Мо-цзы своим умением сумел сдержать Чу и избавить Сун от бедствий — вот что можно сказать по этому поводу.

Мудрые цари и умелые государственные мужи всегда считают главным народное благо. В глубокую старину, до того еще, как были открыты ворота Лунмэн и раздвинуты скалы Люйлян, река Хэ вырвалась через Мэн-мэньские горы и своими стремнинами и водоворотами затопила все, так что на поверхности не осталось ни холма, ни поля, ни равнины, ни возвышенности. Это и называли Великим Потопом. Тогда Юй расчистил русло реки Хэ и провел русло реки Цзян, а также воздвиг озеро Пэнли и осушил восточные земли, чем вызвал к жизни

тысячу восемьсот государств. Таковы были свершения Юя. Никто так не потруился для народа, как он!

Куан Чжан спросил у Хуэй-цзы: «В вашем учении отвергается высокое положение. А ныне вы помогаете цискому наследнику стать царем. Как это понять?» Хуэй-цзы ответил: «Допустим, некто желает во что бы то ни стало ударить по голове своего любимого сына. Лучше уж ему ударить по камню». Куан Чжан сказал: «Вы бы ударили по камню, а он, допустим, нет». Хуэй-цзы сказал: «Тогда я бы подставил ему камень. Важна ведь голова сына, а камень не важен. Разве не лучше будет ударить по неважному, чтобы не бить по важному?» Куан Чжан сказал: «Но циский царь ведет без конца войны. Отчего же это он в походах бьет людей без удержу?» Хуэй-цзы сказал: «Великие становятся царями, уступающие им — ба. Если я помогу цискому царю стать царем всей Поднебесной и тем продлю жизнь народу черноголовых и избавлю его от смерти, то тем самым я заменю камнем голову любимого сына. Как же мне так не поступать?»

Когда народ страдает от холода, он ищет огня; когда страдает от жара, ищет льда; в засуху ищет влаги, в сырость ищет сухого. Холод и жар, сухость и влага противоположны друг другу, но они едины в том, что приносят благо народу. Разве существует один лишь путь, которым можно достичь народного блага? Надо все делать ко времени, вот и все.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ценить быстроту / Гуй цу

В силе самое ценное — удар; в мысли самое ценное — быстрота. Когда достижение одинаково, выше ценят того, кто достиг быстрее. Когда победа одинакова, меньше ценят того, кто добивался ее дольше. Что ценно в добром скакуне, так это то, что он за день способен покрыть тысячу ли. Если бы ему на это нужно было десять дней, он не отличался бы от клячи. Что ценно в стрелах с маленьким наконечником, так это то, что они летят со скоростью звука спущенной тетивы. Если бы им на это потребовался целый день, это было бы все равно что не стрелять.

У Ци сказал чускому царю: «Чего в Чу с избытком, так это земли; чего не хватает, так это людей. Ныне же

вы, государь, хотите с помощью того, чего и так не хватает, пополнить то, чего и так с избытком. Я не в состоянии этого сделать!» Тогда царь повелел знатным людям отправиться заселять пустые земли, чем те были весьма опечалены. Когда чуский царь умер, съехались все эти знатные мужи. В зале, где лежало тело царя, разом выстрелили они в У Ци. Ци тогда вскричал: «Я вам покажу, как надо обращаться с оружием!» И, вырвав из тела стрелу, он бросился к телу царя, воткнул в него стрелу и громко возопил: «Подданные считают царя мятежником! Я, У Ци, должен умереть!» А по чуским законам тому, кто с оружием входил в царскую усыпальницу, грозило жестокое наказание в трех коленях. Поистине рассудок У Ци был быстр!

Когда циский Сян-гун взошел на престол, он из ненависти к Гунсунь У Чжи лишил его жалованья. У Чжи это не понравилось, и он убил Сян-гуна. Сыновья Сян-гуна бежали: Цзю—в царство Лу, Сяо Бо—в Цзюй. Тогда горожане убили У Чжи и остались без правителя. Цзю и Сяо Бо тут же вернулись и подроспели в одно время к воротам дворца, стремясь войти первыми. Тогда Гуань Чжун поднял лук и пустил стрелу в Сяо Бо, но попал в пряжку пояса. Баошу, [правивший колесницей Сяо Бо], велел Сяо Бо быстро лечь. Гуань Чжун решил, что Сяо Бо мертв и, обратившись к Цзю, сказал: «Можно быть спокойным: Сяо Бо умер!» А Баошу удалось попасть во дворец первым. Так Сяо Бо и стал правителем.

Рассудок Баошу был быстр, как стрела с маленьким наконечником, когда он приказал Сяо Бо лечь сразу же после выстрела.

Правитель У из Западного Чжоу послал человека, чтобы тот заколол Лин Хуэя из Восточного Чжоу. Лин Хуэй притворился мертвым, а сыну велел причитать над ним: «Кто же это заколол моего отца?» Подосланный убийца услышал это и решил, что тот уже мертв. Однако его донесение чжоуский У счел ненадежным и строго его наказал.

Род Чжао напал на Чжуншань. В Чжуншани жил богатырь по прозванию У Цююн. Он надел железные латы, взял в руки железную палицу и ринулся в бой. Все, по чему он бил, разлеталось на куски; все, на что кидался, пробивал насквозь. Он хватал одну колесницу и крушил ее другую; хватал человека и лупил им другого. Так пробился он к своему командующему, а потом умер.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Осторожность в действиях / Шэнь син

Любое действие должно быть глубоко продуманным; действовать необдуманно все равно что бросаться в глубокую пропасть: хоть и возникнут сожаления, да будет поздно. Правитель планирует свои действия с мыслью о моральном долге; простой человек планирует все свои действия в надежде на выгоду, поэтому он выгоды и не получает. Только с тем, кто понимает выгоду отказа от погони за выгодой, можно уже говорить о ли — законе вещей.

У чуского Пин-вана был подданный по имени Фэй Уцзи, который ненавидел [наследника] Тай-цзы Цзяня и хотел его устранить. Когда ван нашел своему сыну невесту в Цинь, очень хорошенькую собой, Уцзи стал его убеждать, чтобы он взял ее себе. Ван действительно взял ее себе и поэтому отдалил от себя наследника. Далее Уцзи стал уговаривать вана: «Цзинь обладает гегемонией над Поднебесной потому, что оно расположено в центре территории Чжуся, а Чу расположено на окраине, поэтому мы не в состоянии с ними соперничать. Не лучше ли было бы укрепить город Чэнфу и посадить туда правителем наследника, чтобы заполучить таким образом север. А затем вы, ван, возьмете юг, и таким образом мы приобретем всю Поднебесную». Ван обрадовался и отправил наследника на жительство в Чэнфу. После его пребывания там в течение года [Уцзи] очернил его в следующих словах: «Цзянь сговорился с Лянь Инем, чтобы поднять мятеж с опорой на Фанчэн!» Ван сказал: «Но это мой собственный сын! Чего же ему еще искать, [когда он и так наследник?!]» Тот ответил: «Это он из-за жены затаил злобу. К тому же он подумывает бежать в Сун, и, если Ци и Цзинь поддержат его, он сможет сильно навредить Чу. Таков его план!» Ван поверил этому и послал схватить Лянь Иня. Наследник Цзянь бежал тогда из страны в Чжэн. Советник слева Си Вань и горожане радовались, что царевичу удалось бежать. Тогда Уцзи еще больше захотелось его убить, и он сказал старшему советнику Линьинь-цзы Чану: «Си Вань желает угостить вас вином». А Си Ваню он в свою очередь сказал: «Старший советник желает пить в твоём доме вино». Си Вань ответил: «Я человек низкого звания, но мне не

хотелось бы опозориться перед старшим советником. Если он все же придет, к моему смущению, я даже не знаю, как его принять». Уцзи сказал ему: «Старший советник любит доспехи и оружие, ты их вынеси и поставь у самых дверей. Когда старший советник прибудет, он непременно захочет их осмотреть, тогда ты воспользуешься этим и подаришь их ему». Когда пришел назначенный день, оружие уже было заранее выставлено с обеих сторон ворот. Воспользовавшись этим, Уцзи сообщил об этом старшему советнику: «Хочу уберечь старшего советника от беды. Си Вань вас убьет, он уже оружие выставил у дверей». Старший советник послал человека взглянуть, и оказалось, что все верно. Тогда он напал на [дом] Си Ваня и убил его. Горожане были огорчены, из цензоров от сына неба не было ни одного, кто бы не осудил старшего советника. Тогда Шэнь Инью обратился к старшему советнику: «Этот У Цзи первый клеветник в Чу, из-за него бежал наследник Цзянь, он виновен в смерти Лянь Иня; он закрыл, [как ширмой], глаза и уши вану, а теперь и вы, старший советник, попались на его удочку и убили ни в чем не повинных. Из-за вас поднялась крамола; [как бы] вам самому от всего этого не пострадать». Старший советник Цзы Чан тогда сказал: «Это моя вина — я стал пособником негодных намерений!» После этого он казнил Фэй Уцзи и полностью уничтожил весь его род, чем очень обрадовал горожан.

Действовать, не сообразуясь с моральным смыслом действия, уметь нанести людям вред, но не думать о том, что могут повредить и тебе самому, так что и род погибнет, — таков был этот Фэй Уцзи.

Цуй Шу и Цин Фэн задумали убить циского Чжуангуна и, когда он погиб, посадили на его место Цзингуна, у которого Цуй Шу стал первым советником. Тогда Цин Фэн решил убить Цуй Шу и занять его место первого советника, поэтому он стал подговаривать сына Цуй Шу, чтобы тот вступил в борьбу за наследование трона. Сын Цуй Шу, поддавшись, вступил в заговор с личными целями и в конце концов перессорился со своим отцом. Цуй Шу тогда приехал к Цин Фэну и донес на него. Цин Фэн сказал ему: «Оставляйтесь пока здесь. Я пошлю войска, чтобы покарать его». Затем он приказал Лу Маньбе во главе войска осуществить кару, причем были полностью истреблены жены и дети Цуй Шу, а дом и поместье — сожжены. После этого [Цин Фэн] сообщил Цуй Шу: «Я его покарал». Цуй Шу вернулся, чтобы обнаружить, что ему некуда возвращаться, поэтому он повесился. Цин

Фэн стал первым советником Цзин-гуна, но Цзин-гун страдал от этого, и когда Цин Фэн отправился на охоту, Цзин-гун вместе с Чэнь Уюем, Гунсунь Цзао и Гунсунь Чаем решил покарать его. Цин Фэн вместе со своими присными пытался оказать сопротивление, но не осилил и бежал в Лу. Но цисцы стали попрекать лусцев, и тогда он покинул Лу и отправился в У. Тамшний ван дал ему надел в Чжуфане. Узнав об этом, чуский Лин-ван во главе войск чжухоу напал на У, окружил Чжуфан и разгромил его; Цин Фэна он пленил. Ему на спину взвалили топор и плаху и провели в таком виде перед войсками чжухоу, заставив при этом кричать: «Никто из вас да не будет поступать так, как я, циский Цин Фэн, который убил своего господина, надругался над его сыном-сиротой и погубил его подданного дафу!» После этого его убили.

Хуан-ди был благороден, но умер. Яо и Шунь были благоразумны и умерли, Мэн Бэнь был отважен и умер: все умирают. Но такие, как Цин Фэн, умирают дважды: он и сам погиб и не оставил никого из близких — так велика была его вина. Путь всех мятежников: сначала они помогают друг другу, а потом ополчаются друг на друга. Не так с теми, кто действует, руководствуясь моральным долгом: они сначала помогают друг другу, со временем проникаются друг к другу доверием, а после смерти жалеют друг друга. Последующие поколения делают их жизнь примером для подражания.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отсутствие чувства долга / У и

Прежние ваны относились к теории-лунь с полным вниманием и достигли в ней совершенства; ведь моральный долг — начало всякого дела, основа всех приобретений — это то, чего не постичь среднему уму. Не постичь, значит, и не иметь об этом представления, а не имея об этом представления, остается одно — стремиться к выгоде. Однако стремление к выгоде еще не означает, что выгода будет обретена, что показывают случаи Гунсунь Яна, Чжэн Пина, Сюй Цина и Гунсунь Цзе. Когда же действуют, руководствуясь моральным долгом, не бывает непреодолимых трудностей. Когда раб договаривается с рабом о преступлении, всегда кто-нибудь да присоединится. Не тем более ли когда властитель договаривается с подданным на основании внутреннего закона восстановить справедливость — кто же откажется

им помогать? [Конечно же не только] его собственные подданные — тут вся Поднебесная ему поможет.

Гунсунь Ян в Цинь не имел старших родственников-покровителей, на службу он попал благодаря способностям, и для того, чтобы оправдать доверие, ему необходимо было во что бы то ни стало показать себя в деле. Поэтому он взял на себя командование циньским войском и напал на Вэй. Вэйцы послали наследника Гунцзы Ана во главе войска задержать его. Когда Гунсунь Ян жил в Вэй, он был в дружбе с Гунцзы Аном, поэтому он послал передать ему следующее: «То, что я отправился в чужие края и стал искать славы — лишь для того, чтобы сравняться с вами. И вот циньцы велели [вашему] Яну встать во главе войска, а вэйцы велели вам, Гунцзы, нас задержать. Да неужели же наши сердца выдержат это сражение друг против друга? Пусть Гунцзы сообщит об этом своему правителю, а я, Ян, с вашего позволения также сообщу об этом своему властителю, и мы прекратим тем самым состояние войны». Перед отъездом он послал передать Гунцзы: «Возвращаюсь и не знаю, когда теперь свидимся; хотелось бы на прощание побыть вместе и проститься». Гунцзы сказал: «Согласен». Тогда вэйские военные стали возражать, говоря: «Нельзя!» Но Гунцзы не послушался, поехал на встречу и сел там с ним. Гунсунь Ян между тем приказал спрятать солдат, колесницы и конницу, чтобы с их помощью захватить Гунцзы Ана. Когда циньский Сяо-гун умер, наследовавший ему Хуэй-ван из-за этого случая стал сомневаться в Гунсунь Яне и хотел обвинить его. Гунсунь Ян со своими домочадцами и матерью вернулся в Вэй. Сян Пи не принял его, сказав: «После того случая с Гунцзы Аном я не могу с тобой больше знаться».

Отсюда видно, насколько внимателен к своему поведению должен быть государственный муж.

Чжэн Пин служил в советниках циньского вана и состоял в советниках у Ин-хоу. Он обманул своего друга и предал своего властителя из-за стремления к выгоде. Когда он был командующим у циньцев, не было такой почести в Поднебесной, которая бы не была ему оказана, и это потому, что он был человек дела. Но если серьезность — это то, с помощью чего он все это приобрел, то тегкомыслие было тем, благодаря чему он все это утратил. Когда он отказался от поста циньского командующего и отправился в Чжао и Вэй, не было такого унижения в Поднебесной, которого ему не довелось бы пережить; не было такого позора, который не обрушился

бы на него. [Ведь] если поведение таково, что заслуживает только осуждения и позора, и при этом нет той серьезности, которая подобала бы циньскому полководцу,—чего тут ждать, кроме несчастья!

Чжаосцы ловили Ли Хая, и Ли предложил Сюй Цзину бежать вместе с ним в Вэй; когда достигли мест Гунсунь Юя, Гунсунь Юй принял их и оставил у себя. Воспользовавшись этим, Сюй Цзин донес вэйским представителям, чтобы они послали схватить [Хая]. За это чжаосцы дали Сюй Цзину титул дафу пятого ранга, но никто не желал находиться одновременно с ним при дворе, и даже его детям и внукам невозможно было найти себе друзей.

Гунсунь Цзе был в заговоре с правителем Инем, но предал его и донес на всех первому советнику Чу Ли, за что и получил титул пятого дафу в Цинь. Впоследствии заслуги его были значительны, и тем не менее ему не разрешали [появляться] в трех столичных городах [Чжао, Хань и Лян-Вэй]. Можно представить, что было бы, если бы некто, не имея его заслуг, совершил бы то же самое, что и он!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Как бы сомневаясь / И сы

Что вводит в наибольшее заблуждение, так это похожесть вещей друг на друга. Тому, кто разбирается в людях, тяжело сознать, что обыкновенный камень очень похож на чистую яшму; знаток мечей страдает от сходства обычного железного меча с мечом Угань. Благоразумный правитель страдает оттого, что эрудиция и красноречие внешне очень похожи на мудрость. Властители погибающих царств внешне похожи на умных; подданные гибнущих царств похожи на верных слуг.

Эта внешняя похожесть вещей служит поводом к большим заблуждениям для глупых и к более глубокому размышлению для мудрецов. Поэтому Мо-цзы плакал, увидев, что на дороге есть развилки.

У чжоусцев была резиденция в Фэнхао, на границе с владениями жунов, и они заключили соглашение с чжухоу о том, что по сторонам дороги, по которой ездит ван, будут воздвигнуты высокие башни с барабанами наверху, чтобы передавать сигналы на большие расстояния; если жуны нападут, барабанный бой известит об этом от башни к башне, и войска чжухоу вместе придут

на выручку к сыну неба. Когда однажды действительно появились разбойники-жуны, ван велел бить в барабаны, и все чжухоу прислали свои войска, Бао Сы очень обрадовалась — так ей этот барабанный бой понравился. Поэтому, когда Ю-вану хотелось, чтобы Бао Сы смеялась, он приказывал бить в барабаны, и войскам чжухоу приходилось каждый раз спешить на помощь, но никаких разбойников не находить. Когда же через некоторое время жуны действительно напали и Ю-ван приказал бить в барабаны, чжухоу войск не прислали. А сам Ю-ван умер у подножия горы Лишань на забаву всей Поднебесной.

Так что из-за ложных разбойников тут были упущены истинные. Подобно этому и благоразумный человек из-за маленького зла навлекает большое. Вот в случае Бао Сы ее упущение в том, что она доставляла Ю-вану маленькие радости, приведшие к тяжелому концу из-за пустякового удовольствия. А в результате сам он погиб позорной смертью, три гуна и девять цингов должны были бежать, сама Бао Сы приняла смерть, Пин-ван был вынужден перенести столицу на восток, а циньский Сян и цзиньский Вэнь из-за этого должны были трудами перед ваном заслуживать в пожалование земли.

На север от Лян лежит область Лицю, там есть странные духи, которые любят принимать облик чьих-нибудь сыновей, или племянников, или младших братьев. Однажды один тамошний житель предместья отправился на рынок и домой возвращался пьяный, а дух из Лицю принял облик его сына, как будто он его поддерживал и всю дорогу домой ругал его. Этот житель вернулся, проспался и заругался на своего сына: «Я ведь тебе отец, это же непочтительность к отцу родному! Да, я был пьян, но ты всю дорогу домой прямо издевался надо мною, что же это такое?» Его сын заплакал и, ударяясь головой о землю, запричитал: «Пощадите меня, ведь не было такого! Вчера вечером я отправился в восточную деревню получать долг — люди там могут это подтвердить!» Отец поверил ему и сказал: «Ах, да ведь это, наверное, тот самый дух, ведь он это уже слышал!» И он решил на следующий день опять напиться пьяным на рынке, чтобы встретить того духа и заколоть его. На следующий день он отправился на рынок и напился там пьяным, но его настоящий сын, боясь, что он не сумеет сам найти дорогу к дому, поспешил следом, чтобы его встретить. Тот житель, увидев своего настоящего сына, выхватил меч и заколот его.

Ум этого человека был обманут видимым сходством духа с его сыном, но убил-то он настоящего сына! Когда обманутые чисто внешней похожестью кого-нибудь на мужа государственного из-за этого не узнают подлинно государственного мужа, это — случай ума того же типа, что был у того жителя Лицю. Поэтому признаки, из-за которых можно впасть в сомнение, должны тщательно изучаться. Если даже Шунь возницей, Яо левым, а Юй правым на колеснице, то и в этом случае, если они приближаются к болоту, они спрашивают дорогу у пастушка, а когда приближаются к воде — осведомляются у рыбака. Почему так? Потому, что у них есть понимание полезности специальных знаний. Если взять, к примеру, двух близнецов, их мать всегда их отличит, потому что у нее есть это особое понимание различий.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Единство действий / И син

К чему прежние ваны относились с наибольшей неприязнью, так это к ненадежности. Ибо из-за недоверия-ненадежности рушатся отношения между господином и слугой, отцом и сыном, старшим и младшим другом, мужем и женой. Когда же эти десять отношений одновременно приходят в упадок — не бывает большей смуты. Всякое человеческое общество приводится к порядку установлением этих десяти, и, если отказаться от этих десяти, люди ничем не будут отличаться от оленей, тигров и волков. Устанавливать порядок тогда будут самые наглые и сильные. Ибо там, где не понимают, что такое мораль, правитель не имеет покоя, родственники не знают семейных радостей, старшие братья не гордятся младшими, друзья не любят друг друга, супруги относятся друг к другу без внимания.

Тот, у кого земли сильны и велики, тот не обязательно всегда будет царствовать; но у того, кто способен царствовать, земли всегда будут сильны и велики. Каким образом приходит к успеху властитель? Он должен опираться на свои силы и выгоды ландшафта. При отсутствии у него сил, его авторитет не устрашает, а выгоды не используются. Когда его авторитет не устрашает, он не в состоянии сдерживать преступления, когда его преимущества не дают выгоды, ему нечем стимулировать других. Поэтому мудрый властитель обязательно ставит свой авторитет выше всего в мире — и тогда, когда он что-то

запрещает, этого не делают, а когда к чему-то побуждает, к этому непременно стремятся. И даже если чьи-либо авторитет и богатство не так уж велики, но он заботится о народных нуждах и о сохранении моральных устоев, он будет оставаться ваном. Если же авторитет и богатство будут всеподавляющими, но при этом станут пренебрегать моралью — погибнут.

Когда малые и слабые не желают знать норм морали, большие и сильные им не доверяют. И так уж устроен человек, что он не в состоянии полюбить то, что вызывает его подозрения, а когда некто мал и слаб и не возбуждает к себе любви со стороны больших, ему не выжить. Поэтому когда по пути отрицания моральных норм следуют ваны, они теряют власть; сильные — попадают в опасность, слабые — погибают.

Когда путник видит большое дерево, он снимает верхнюю одежду, вешает на ветку шляпу, прислоняет к стволу меч и засыпает под ним. Большое дерево — у него нет человеческих чувств родства и дружбы, но оно покоит человека, потому что он доверяет ему, дереву. Когда большое дерево стоит на холме, люди назначают под ним встречи, потому что его легко заметить. Тем более это относится к государственному мужу. Если его верность внутреннему закону известна, к нему обязательно потянутся, как к тому дереву. Тем более когда речь идет о великом и сильном государстве. Если искренность в приверженности общечеловеческой морали великого государства становится известна всем, его ван не будет знать трудностей. Так что то, что делает благородным мужем, это способность следовать внутреннему закону и неспособность к грубому и эгоистическому поведению.

Конфуций при гадании получил знак «Би» — «Приближение» и сказал: «К несчастью». Цыгун спросил: «Ведь «Приближение» — хороший знак! Почему же вы говорите: «К несчастью»?» Конфуций ответил: «Белое — это белое, черное — это черное, что же хорошего может быть в приблизительности?» Так что если что мудрому и ненавистно в вещах, так это их неопределенность.

Итак, что ненавистно людям в Поднебесной, так это неопределенность в знании того, что нужно знать крепко, — в знании морали. Ибо когда неизвестно, хороши или плохи такой-то, даже разбойник не станет с ним связываться, даже изменник не станет с ним конспирировать. Разбойники и изменники — большие злодеи, и все же даже они находят сообщников; не тем более ли должны находить их те, кто хочет совершить великие дела?

Кому желательно совершить великие дела, те должны всех в Поднебесной убедить им помочь, а для этого нужны мужи, на которых можно положиться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Искать людей / Цю жэнь

Установление твердой основы собственной личности, спокойствия в государстве, порядка в Поднебесной,— для всего этого непременно нужен благоразумный человек. В древности были такие, кто обладал Поднебесной,— всего семьдесят один мудрец. Согласно хронике «Чунь-цю», от луского Инь-гуна до Ай-гуна сменилось двенадцать поколений, и на протяжении всего этого времени способ, с помощью которого приобреталась или утрачивалась Поднебесная, был всегда один и тот же: если находился мудрец, царства были в спокойствии, а мудрецы — в почете; исчезал мудрец, и все царства впадали в опасности, а мудрецы подвергались хуле. Первые ваны только поэтому и искали разумных людей, и ни крайние незнатность и худородность, ни крайняя удаленность родины, ни крайняя нищета их не отталкивали.

Если бы эти слова слушали Юй, когда брал на службу Гунцзы Ци, или У, когда брал У Цзысюя, их царства могли бы существовать и до сей поры, следовательно, государства могут быть долговечными. Если бы были способы продлить человеческую жизнь до ста лет, не нашлось бы никого, кто не пожелал бы этого. И если бы было искусство-дао, с помощью которого можно было бы продлить существование царства, а люди, обладающие властью, не захотели бы этим искусством воспользоваться, это было бы большим упущением.

Яо, передавая Поднебесную Шуню, почтил его титулом чжухоу и дал ему в жены двух дочерей, в слуги определил собственных десять сыновей, а сам при посещении его при дворе поворачивался лицом на север, а ведь тот был худого рода. И Инь был слугой на кухне, Фу Юэ был осужденным на работы иньцем, и оба они поднялись из самого подлого состояния до первых советников при сыне неба. Когда-то Юй на востоке достиг земель Фуму, Жичу, Цзюцзинь, степей Цинцян, дерева Цзинцзян и горы, достигающей неба,— Хуньтянь, областей Няогу и Цинцю, страны чернозубых Хэйчи; на юге — Цзяоцзи, Суньпу, Сюймань, гор Даньми, Цишу, Фушуй, Пяопяо, Цзюян, области обитания юйжэней, ломиней

и бусы; на западе — страны Саньвэй, подножия гор Ушань, мест обитания народов иньлу, сици, гор Цицзинь, областей, населенных племенами гунхун, иби, саньмянь; на севере достиг стольного града Жэньчжэн, конца моря Сяхай, вершины гор Хэншань, страны цюаньжунов, поля Куафу, мест обитания юйцзян, гор Цишуй, Циши — и все это не давая себе ни отдыха, ни сна. Так заботился он о черноголовых, что лицо его стало черным, как лак, отверстия тела стали непроходимыми, ноги не ступали нормальным образом — так искал он благоразумных людей, так желал он исчерпать все возможные богатства земли. Это был образец — предел трудолюбия. И он сумел заполучить на службу Тао, Хуа И, Чжэнь Куя, Хэн Гэ, Чжи Цзяо — эти пятеро помогали советами Юю, поэтому записи о его деяниях запечатлены на бронзе и камне, о них говорят надписи на сосудах для жертвенных пищи и вина пань и юй.

Некогда Яо встретил Сюй Ю посреди поймы Пэйцзэ и сказал ему: «Вышли [на небо] десять солнц и зажгли огонь, который не гаснет. Когда на небе светит десять солнц, а народ не тушит свои светильники — разве это не расточительство? Стоит вам стать сыном неба, и Поднебесная тут же успокоится; прошу вас, господин, принять Поднебесную». Сюй Ю отказался и сказал: «А что, разве в Поднебесной нет порядка? А мне кажется, что порядок уже есть, так что мне не нужно кем-то еще становиться. Птичка чжоуцзяо гнездится в огромном лесу, но ей не нужно ничего, кроме одной-единственной веточки; крот пьет из реки Хуанхэ, но ему нужно лишь наполнить желудочек, и все. Возвращайтесь восвояси, господин. Что делать мне с вашей огромной Поднебесной?» И он отправился к подножию горы Цишань, на южный берег реки Иншуй, и там стал пахать и тем питаться, до конца жизни не предпринимая ни малейшей попытки управлять Поднебесной. Поэтому когда разумные властители ведут себя с разумными мужами так, чтобы ни в чем им не отказывать, относятся к ним по-родственному, не позволяя своим родственникам и друзьям причинять им зло, к ним собираются знающие. А там, где соберутся знающие, небо и земля не наказывают, а духи умерших не вредят людям, а в делах человеческих не бывает предательских замыслов. В этом и заключена основная польза от пяти постоянных отношений в обществе.

Гаоцзы Чжун сомневался по поводу передачи власти в стране от Яо к Сюй Ю, и он призвал Наньгун Сяня и Кунбо Чаня, после чего все низкие речи прекратились.

Цзиньцы стремились напасть на Чжэн и отправили Шу Сяна на разведку — посмотреть, как обстоят там дела: есть ли там люди достойные. Цзычань спел ему по этому поводу песенку: «Если ты хорошо обо мне думаешь, я в лучшем платье пойду через реку Вэй; но если ты обо мне не помнишь, почему бы тебе не поискать другого мужа-советника?» Возвратившись домой, Шу Сян доложил: «В царстве Чжэн есть люди! Там Цзычань у дел, на них нельзя нападать. Цинь и Чу — наши соседи, но поют не по-нашему, поэтому на них тоже нельзя нападать!» Цзиньцы тогда приостановили захват Чжэн. Конфуций об этом сказал: «В «Песнях» говорится: «Не бывает сильной власти без достойных людей». Цзычань произнес всего одну строку из песни, а тем самым уберег Чжэн от нападения!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Исследовать биографию / Ча чжуань

Слушая людские речи, непременно нужно их внимательно изучать. Ведь бывает, при многократной передаче белое становится черным, а черное — белым. Собака похожа на павиана, павиан на мартышку, мартышка на человека, а между тем человек все же сильно отличается от собаки! По этой причине люди неразумные впадают в серьезные заблуждения.

Изучение того, что слышишь, может принести большую пользу. Когда же сообщение оставляют без проверки, лучше бы такого сообщения вовсе не было. Циский Хуань-гун услышал про Гуань Чжуна от Баошу, чуский Чжуан-ван узнал о Суньшу Ао от Шэнь Иньши. Однако, узнав про этих людей, они взялись их изучать, и в конце концов это привело к тому, что они стали ба-гегемонами. Уский ван Фучай слышал о юэском вane Гоу-цзяне от своего канцлера Пи, Чжи Бо слышал о Чжао Сян-цзы от Чжан У; но они не сумели оценить эти сведения, и потому и царства их и сами они погибли¹³⁶.

Так что, слушая людские речи о ком-либо, необходимо тщательно их изучать, проверяя их соответствие известным фактам. Как-то луский Ай-гун спросил у Конфуция: «Говорят, этот капельмейстер у Шуна, Куй, был об одной ноге. Этому можно верить?» Конфуций сказал: «В старину Шунь, желая с помощью музыки просветить Поднебесную, повелел Чуну и Ли найти Куя среди народа и представить его ко двору, после чего Шунь сделал его

юэчжэном-капельмейстером. После этого Куй исправил шесть тональностей-люй, привел в гармонию пять тонов-шэн, настроив тем самым и звучание восьми ветров-фэн, так что вся Поднебесная была умиротворена. И когда Чун и Ли собрались вновь отправиться на поиски еще кого-нибудь вроде Куя, Шунь сказал: «Музыка — это тончайшая ци, возникающая между небом и землей, она есть ключ ко всякому правлению, всем приобретениям и утратам, и лишь совершенному мудрецу под силу придать ей гармоничность. А гармония — корень музыки! Куй вполне оказался способен сделать ее гармоничной, чтобы потом с ее помощью привести в равновесие всю Поднебесную, и такого, как Куй, довольно и одного!» Поэтому и говорится: «Такого, как Куй, достаточно и одного», а вовсе не в смысле: «Куй был одноног»¹³⁷.

В царстве Сун жила семья Дин. У них не было во дворе колодца, и за водой ходили далеко, так что кто-нибудь всегда был вне дома-хозяйства. Наконец всей семьей выкопали колодец и сообщили соседям: «После того как вырыли колодец, у нас стало на одного человека в хозяйстве больше!» Кто-то услышал этот разговор, и стали передавать: «В семье Дин, когда рыли колодец, выкопали человека!» Горожане это разнесли по дорогам, дошло до сунского правителя, и сунский правитель послал спросить об этом случае у семьи Дин. Те ответили: «Приобрели лишнего человека для работы, а не выкопали человека из колодца». Так что чем бездумно передавать чужие слова, лучше уж вообще ничего не слушать.

Когда Цзы Ся отправился в Цзинь, он проходил через Вэй. Там некто читал исторические записки, и притом вслух: «Цзиньские войска перешли реку Хуанхэ как три кабана». Цзы Ся сказал: «Тут, наверное, ошибка, скорее всего имеется в виду — «в день цзи-хай». Ведь иероглиф «цзи» близок по форме к знаку «три» — «сань», а «ши», «кабан», по значению близок к «хай» — «свинья»». Когда он добрался до Цзинь и осведомился, ему сообщили, что цзиньские войска действительно переходили реку Хуанхэ в день цзи-хай.

Со словами часто бывает так, что они кажутся бессмысленными, а на самом деле имеют смысл; но бывает и наоборот: вроде бы смысл в словах есть, тогда как на самом деле его нет. Грань между смыслом и бессмыслицей необходимо четко различать, даже мудрецы должны быть здесь предельно осмотрительны. Но как можно соблюсти здесь осторожность? Видимо, нужно всегда помнить о естественном порядке вещей и событий, про-

веряя получаемые сообщения при помощи сравнения с известным из опыта. Только так и можно составить обо всем правильное представление.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ценить прямоту / Гуй чжи

Мудрый властитель ничто так не ценит, как настоящих мужей. И ценит он настоящих мужей за их прямые речи. Когда речи прямые, на их фоне становятся видны все извращения. Горе властителю, если он желает слушать речи, извращающие правду, а прямые речи слушать не хочет — это все равно что завалить камнями источник и потом идти к нему за водой: откуда же она возьмется? Это все равно что отгаликивать все желанное и привечать все ненавистное — откуда же возьмется желанное?

Нэн И был принят циским Сюань-ваном. Сюань-ван сказал: «Я, недостойный, слышал, что вы, господин, склонны к прямоте, это верно?» Тот ответил: «Мне, И, разве удастся быть прямым? Как я, И, слышал, муж, любящий прямоту, не селится с семьей в царстве, охваченном смутой, и не ищет приема у запятнавшего себя правителя! А я вот стою перед вами, и семья моя — в Ци, так что разве можно мне говорить, что мне удалось остаться прямым?» Сюань-ван тогда в гневе вскричал: «Неотесанный мужлан!» — и хотел покарать его. Но Нэн И сказал: «Ваш слуга с малолетства полюбил службу, а возмужав, этим занялся. И почему бы вам, ван, не общаться с неотесанными мужами? Вы таким образом могли бы дать всем понять, что именно вам нравится?» Ван тогда отпустил его.

Нэн И, конечно, понимал, что нужно быть осторожным, когда говоришь в присутствии властителя, и все равно это не могло заставить его властителю льстить. А разве это малое приобретение, когда находится искомое отсутствие лести властителю? Этого как раз и ищут добропорядочные властители, в то время как недобропорядочные этого не любят.

Ху Юань обратился к цискому Минь-вану: «Иньские тренажники были выставлены в чжоуском дворцовом зале, их алтарь земли шэ был убран чжоусцами под крышу, а их музыка, сопровождавшая ритуальные танцы со щитом и секирой [гань-ци], стала употребляться

людьми для развлечения. Между тем музыка погибшего царства не должна исполняться в храме предков, алтарь шэ погибшего царства не должен быть показываем небу, а ритуальные сосуды погибшего царства должны быть выставлены в зале дворца как предостережение победителю. Вам, ван, необходимо этого избегать. Поэтому должно быть отдано повеление, чтобы большой лью-подбор колоколов царства Ци не выставлялся в зале дворца, чтобы никогда алтарь земли Тай-гуна не покрывался крышей, чтобы никогда циская музыка не исполнялась для развлечения народа!» Но циский ван не послушался его, и тогда тот вышел и три дня оплакивал судьбу царства, причитая так:

Кто успеет уехать первым, унесут лишь то, что на них надето;
Кто задержится — заполнит собою тюрьмы и клетки.
Я вижу — волнами морскими бежит народ к востоку
И не знает, где найдет приют.

Циский ван спросил тогда у чинов знающих: «Что у нас полагается по закону тому, кто заранее оплакивает гибель царства?» Судьи сказали: «Отсечение ноги». Ван сказал: «Применить закон!» Тогда судебные чины выставили топор и плаху у ворот Дунлюй, поскольку они не хотели его казнить, а хотели, чтобы он бежал. Однако Ху Юань, прослышав об этом, пришел, хромя, и предстал перед судебными чинами. Те сказали ему: «За оплакивание царства положено отсечение ноги. Вы, преждедородный, ведь стары, ведь вы такого по старости и не знали?» Ху Юань сказал: «Что значит не понимать по старости?» А затем как бы отвечал сам себе: «Люди с юга, которые приплыли сюда щурятами, выросли в барракуд. Таким чужой двор что трава, в которой они прячутся, а чужая страна что морская расселина, в которой они таятся. В Инь был Би Гань, в У был Цзысуй, а в Ци есть Ху Юань. Речей его не слушают, так что нужно отсечь ему ногу у ворот Дунлюй. Тот, кто велел отсечь, тем самым поставит меня третьим в ряд к тем двум мухам!»

Конечно, Ху Юань не желал, чтобы ему отсекали ногу, но страна уже была охвачена смутой, высшие уже впали в неразумие, поэтому, заботясь об алтарях земли и посева, а также о людях простых и знатных, он и выступил с такими речами. Он говорил так не ради того, чтобы кого-то просто обличить; этими речами он хотел предотвратить гибель царства, поэтому пошел на риск для себя

лично. Вследствие его действий Чжу Цзы покинул страну, а Да Цзы [как командующий] погиб.

Чжаоский Цзянь-цзы напал на некоторые второстепенные города царства Вэй и при этом сам повел войска как командующий. Когда началось сражение, он тем не менее следил издали, стоя рядом с боевой колесницей, покрытой носорожьими шкурами. Но когда барабан забил к наступлению, мужи не пошли вперед. Тогда Цзянь-цзы отбросил барабанную колотушку и запричитал: «Увы мне! Как это мои мужи могли так быстро все до одного утратить мужество?» Тогда Ханжэнь Чжугу снял шлем и, взяв свою пику наперевес, выступил вперед и сказал: «Если правитель оказывает неспособность быть мужественным, как могут мужи за него отдавать жизнь?» Цзянь-цзы от гнева изменился в лице и сказал: «Меня, недостойного, никто не посылал, а я сам как командующий встал во главе этого сброда; как же смеешь ты обвинять меня в неспособности? Если у тебя есть основание для таких утверждений, прошу; если же нет — казню». Тот сказал: «В свое время наш прежний правитель Сянь-гун за пять лет правления присоединил девятнадцать городов вот с этим же войском; однако Хуэй-гун, пребывая у власти всего два года, так погряз в увлечении красивыми женщинами, что циньцы, напав на нас, не дошли до нашей столицы Цзян всего семьдесят ли. И это при том же войске. Когда к власти пришел Вэнь-гун, то он всего за два года, взявшись за дело и вложив все свое мужество, добился того, что через три года все мужи были героями, готовыми на все: в битве при Чэнпу они пять раз обращали в бегство чусцев, они осадили Вэй и сровняли с землей Шишэ; они утвердили положение сына неба и прославились на всю Поднебесную. И это опять все то же войско! Так значит, если правитель не был способен на подвиг, когда это за него умирали мужи?» Тогда Цзянь-цзы покинул свое место у колесницы, покрытой носорожьими шкурами, и стал там, куда долетали камни и стрелы. При первом же ударе барабана воины были уже на колесницах. Цзянь-цзы тогда сказал: «Чем иметь еще тысячу защищенных от стрел колесниц, лучше мне было бы раньше послушать одну речь Ханжэнь Чжугу!»

Ханжэнь Чжугу действительно умел убеждать своего правителя. Когда сражение уже началось, одним только умелым использованием колотушки и барабана, без умножения наград и без усиления наказаний, он сумел одной речью сделать так, что все мужи готовы были отдать жизнь за выших.

Когда речи предельно резки, они вызывают гнев; когда слушающий разгневан, говорящий — в опасности, а кто же, кроме добродетельного, рискнет подвергнуть себя опасности? Ведь тот, кто не честен, действует из выгоды, а тому, кто ищет выгоды, к чему подвергать свою персону риску? Поэтому у неразумного правителя не бывает мудрых слуг. Когда же нет мудрых, не слышат слишком резких речей, а кто не слышит резких речей, тот окружает себя со всех сторон льстецами, погрязает во всех пороках, так что ему уже нет спасения. Существование всякого царства и спокойствие любого правителя должны на чем-то основываться. Если это нечто неизвестно, даже существующее обречено погибнуть, даже действующий познает беды-тревоги. Так что это нечто нельзя не исследовать.

Циский Хуань-гун, Гуань Чжун, Баошу Я и Нин Ци встретились за вином и пировали. Хуань-гун обратился к Баошу: «Почему бы вам не провозгласить тост за здоровье-долголетие присутствующих?» Баошу поднял кубок, вышел вперед и сказал: «Пусть гун не забывает тех времен, когда ему пришлось бежать, Гуань Чжун хранит в памяти, как он был схвачен и пребывал в узах в Лу, а Нин Ци помнит, как он кормил буйвола и жил под повозкой». Тогда Хуань-гун встал, дважды поклонился ему и сказал: «И я, недостойный, и наши дафу всегда будут помнить вашу, господин, речь — и алтари земли и посева в нашем Ци будут в целости и сохранности».

В то время Хуань-гун умел ладить с теми, кто произносил резкие речи. И потому, что умел принимать резкие речи по своему адресу, он и смог стать ба-гегемоном.

Чуский Вэнь-ван получил в дар желтых гончих псов из Ю и охотничий кинжал из Вань. Отправившись с ними на охоту в Юньмэн, он не возвращался в течение трех лун. А когда он нашел красавицу из Дань, он предался утехам настолько, что целый год не занимался государственными делами. Воспитатель его [в пору, когда он был еще наследником], Бао Шэнь, тогда обратился к нему с увещеванием: «Прежний ван по гаданию избрал меня, вашего слугу, в воспитатели наследника, [так как гадание было благоприятно]. Теперь же вы, государь, получили этих желтых псов из Ю, охотничий кинжал из Вань и три луны после этого пропадали на охоте безвозвратно; когда же вам доставили девицу из Дань, вы предались

развлечениям и целый год не занимались при дворе делами. За такие проступки полагаются розги». Ван сказал: «Я уже вырос из пеленок и числюсь в ранге чжухоу, может быть, мне изменят наказание с розог на что-нибудь другое?» Бао Шэнь сказал: «Ваш слуга слушается приказов прежнего вана и не смеет ими пренебрегать. Если вы, ван, не захотите принимать розги, это будет означать неуважение к приказам прежнего вана. Лучше я совершу преступление против вас, чем провинюсь перед прежним ваном». Ван сказал: «Согласен, повинуюсь». Принесли циновку, и ван лег на нее ничком. Бао Шэнь связал из тонких прутьев числом пятьдесят розги, преклонил колени и поместил пучок ему на спину. Так он проделал дважды, а затем сказал: «Вставайте, ваше величество». Ван сказал: «Как ни крути, все равно это называется порка розгами»,—и продолжал лежать. Тогда Шэнь сказал: «Ваш слуга слышал, что благородный муж стыдится такого, а маленький человек боится из-за боли. Если с помощью стыда невозможно исправить, то не поможет и боль». Затем Бао Шэнь быстро вышел, подошел к глубокому пруду и попросил разрешения умереть. Вэнь-ван сказал: «Это было моей ошибкой. Вы, Бао Шэнь, ни в чем не провинились». После этого случая ван очень переменился, приблизил к себе Бао Шэня, перебил желтых собак из Ю, поломал кинжал из Вань, отпустил домой девицу из Дань, после чего чусцы присоединили тридцать девять городов.

То, что Чу смогло так подняться и расшириться, произошло благодаря тому, что Бао Шэнь поистине владел таким средством, как резкая речь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Знание изменений / Чжи хуа

Тот, кто служит своей храбростью, должен быть готов умереть. Если на смерть не идут, а только говорят о смерти, это незнание сути дела. Такой, если даже понимает, как это важно, все равно как если бы не понимал. Рассудок ценят прежде всего за то, что с его помощью можно предвидеть изменения-переходы. Это не то, с помощью чего можно ввести властителя в заблуждение. Когда изменение еще не началось, он не знает о нем, а когда изменение уже началось, то, хотя бы он и знал об этом, это все равно что не знать. В любой службе есть упущения, которые простительны,

упущения, которые непростительны. А разве то, что ведет к гибели человека или царства, может быть прощательно? Это то, к чему мудрые властители относятся серьезно и чем пребывающие в заблуждении пренебрегают. Если этим пренебрегают, как может страна избежать опасности? Как может тело избежать мучений? Путь опасностей и мучений, когда тело погибает, царство уничтожается, содержится заранее в незнании того, как будут происходить изменения. Таков был узкий царь Фучай. А вот Цзысуй как раз не был из тех, кто не понимает заранее, куда пойдет процесс изменений; он убеждал царя, но его не слушали, поэтому и остались от У одни развалины, а беда дошла и до храма предков Хэ Люя.

Узкий царь Фучай собирался походом на Ци. Цзысуй ему сказал: «Нельзя. Цисцы и усцы отличаются воспитанием и нравом; речь и строй языка у них различны, и если мы захватим их земли, мы получим в подданные население, которым невозможно будет управлять. А вот сравнить У с Юэ—ландшафт однотипен, границы общие; почвы сходны, сообщение есть; воспитание и обычаи те же самые у них и у нас; речь и строй языка близки. Если завоюем их земли, можно будет на них расселиться; если захватим их народ, можно будет им управлять. И с точки зрения Юэ мы выглядим точно так же. Поэтому У и Юэ как державы не могут существовать одновременно. Юэ для У, как болезнь сердца или желудка: снаружи не видно, зато внутри постоянно болит. Что же касается Ци, то оно для усцев все равно что чесотка или прыщ—не трогай, так он и не болит. Если мы оставим Юэ в покое и нападём на Ци—это будет все равно как от страха перед тигром заколоть поросенка; даже если и победим, от будущих бед не избавимся». Но тайцзай Пи сказал: «Нельзя так рассуждать. Единственные из крупных царств, которые не подчиняются повелениям нашего вана,—это Ци и Цзинь. Если наш правитель покарает Ци и низложит его, то после этого ему достаточно будет приблизиться со своими войсками к пределам Цзинь, чтобы они покорились своей судьбе. Таким образом, одним походом наш правитель покорит себе сразу два царства, и тогда приказы нашего вана будут законом для всех крупных царств». Фучай с ним согласился и не стал слушать речей Цзысуя, а принял совет тайцзая Пи. Цзысуй тогда сказал: «Если небо захочет погубить У, то оно дарует нашему правителю победу в этой кампании; если же небо не захочет гибели нашего правителя, то оно не

допустит его победы в этой безумной войне». Фучай его опять не послушал. Тогда Цзысуй поднял обеими руками полы и, высоко поднимая ноги, покинул зал совета, говоря при этом: «О горе! На этом месте уже растут тернии!» Фучай же поднял войско и пошел на Ци карательным походом, разгромив в битве при Айлине циское войско; после возвращения он приговорил Цзысую к смерти. Перед смертью Цзысуй сказал: «Ох! Хоть бы одним глазом взглянуть на то, как юэсцы будут входить в ускую столицу!» После чего он покончил с собой. Тогда Фучай бросил его тело в реку Цзян, а глаза вырвал и прибил их на воротах Дунмэн со словами: «Где ты видишь юэсцев, входящих в наш город?»

Через несколько лет юэсцы отомстили усцам, разрушив их город, уничтожив династию, сровняв с землей алтари земли и посева, сровняли с землей и храм предков. Сам Фучай был захвачен в плен. Перед казнью он сказал: «Если после смерти остается сознание, с каким же лицом предстану я перед Цзысуюем под землею?» Он взял платок, закрыл им лицо и так умер.

Когда горе еще не пришло, оно о себе не объявляет; когда оно уже разразилось, если его и узнаешь, не успеешь уберечься от него. Оттого что Фучай понял наконец, что ему нужно стыдиться перед Цзысуюем, все равно уже толку быть не могло.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сверх природного закона / Гю ли

Властители погибших царств теряют их одним и тем же образом, хотя и в разных условиях — они в своих забавах не соблюдали принципа уместности. Поскольку они радовались не тому, чему надо, они и не смогли сохранить себя. Холмы из теста, винные пруды, рощи из мяса и казнь на медной штанге; резной столб, на котором, как на коромысле колодца-журавля, топил он чжухоу, — таковы были забавы [Чжоу-синя]. Отрубить руку дочери Гуй-хоу, чтобы взять ее браслет; отсечь ноги по бедра шедшим через воду, чтобы посмотреть, каков у них костный мозг; умертвить бо Мэя и отправить Вэнь-вану его изрубленное мясо — все это противно [морали]. Вэнь-ван как бы покорился, но тем самым он предостерег чжухоу.

Сделать комнату из драгоценных камней, построить огромный дворец Цингун, разрезать живот беременной

женщине, чтобы посмотреть на ее плод, убить Би Ганя, чтобы посмотреть, что у него за сердце,— все это несообразно природе человека. Когда Конфуций узнал об этом, он сказал: «Если бы хоть одно отверстие в сердце Чжоусиня было открыто, Би Гань не погиб бы. Вот отчего погибли Ся и Шан».

Цзиньский Лин-гун утратил путь — стрелял сверху из самострела в людей, чтобы посмотреть, как они прыгают под пулями; когда он велел своему повару приготовить медвежью лапу и когда ему показалось, что тот ее не дожарил, он его убил, а затем велел его жене тащить его труп через дворец, чтобы нагнать на людей страху. И это было неподобие. Чжаоский Дунь поспешил туда, чтобы убедить его отказаться от этих дел, но не был услышан — гун разгневался на него и послал за Цзу Ни, чтобы тот его убил. Но когда Цзу Ни его увидел, он не решился брать на себя это преступление и сказал: «Не могу забыть об уважении к властителю народа. Убивать властителя — неверность; не выполнить приказ правителя — не оправдать доверия. Чем совершить что-нибудь одно из этих двух, лучше умереть». И он разбил себе голову о колонну из софоры в центре зала и умер.

Циский Минь-ван потерял свои земли и поселился в Вэй. Он спросил у Гунван Даня: «Каков я был как правитель?» Дань сказал в ответ: «Ван был разумным властителем. Ваш слуга слышал, что в старину некоторые люди отказывались от Поднебесной, не выражая при этом внешне ни малейшего сожаления. Так вот, раньше ваш слуга только слышал рассказы об этом, а после того, как я встретил вас, я смог убедиться в том, что это реально, своими собственными глазами. Ваш титул был дунди — божество-дух востока. Этому на практике соответствовало ваше господство над Поднебесной. Но теперь ваше государство больше не существует — живете вы в Вэй, однако вид у вас довольный, выражение лица бодрое. Это означает, что вы относитесь к стране как к чему-то неважному». Ван сказал: «Отлично! Вы, Дань, поняли меня. С тех пор как я утратил царство и поселился здесь, в Вэй, мне трижды уже приходилось удлинять мой пояс».

Сунский ван [Кан] построил высокую башню, наполнил кровью до краев кожаный мешок и подвесил его наверху, а сам в каске и панцире стрелял снизу, так что кровь лилась сверху на землю. Окружение поздравляло его: «Разумом вы, Кан-ван, превзошли уже Тана и У. Тан и У одерживали победы над людьми, а вы, ван, одержали

и победу над самим небом! Что может быть выше этой мудрости!» Когда Сун-ван бывал доволен и пил вино, в зале кто-нибудь выкрикивал «ваньсуй» — и все до одного отзывались; а когда наверху в зале все отзывались, отзывались и все, кто стоял внизу; а когда за воротами и во дворе слышали это, уже никто не смел не отозваться. Таково было это неподобие.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Препятствовать и сдерживать / Юн сэ

Властители гибнущих царств таковы, что к ним невозможно обращаться с прямыми речами. Поскольку они не допускают обращения к себе с прямыми речами, постольку у них нет дао-искусства, которое позволило бы им узнать о их собственных упущениях, и потому благу неоткуда к ним прийти. А раз благу к ним неоткуда притечь, они остаются глухи к нему.

Во времена циньского Му-гуна жуны были сильны и многочисленны, и Му-гун послал им две капеллы певиц по восемь каждая и искусного повара. Предводитель жунов очень обрадовался и по этому поводу стал постоянно предаваться выпивке и обжорству и готов был слушать певиц день и ночь. Когда же кто-то из его советников сказал, что циньцы могут напасть врасплох, он натянул лук и застрелил его. А когда циньцы действительно напали, жунский предводитель был пьян и лежал рядом с винным сосудом, так что его в конце концов связали и увели в плен. До того как он был пленен, ему и в голову не пришло, что это может случиться, и даже после того как его пленили, он так и не мог понять, что произошло. Тут и самый красноречивый советник ничего не смог бы поделать.

Цисцы напали на Сун. Сунский ван послал человека разведать местность, куда дошли цисские нападавшие. Вернувшись, лазутчик доложил: «Цисские разбойники близко, народ перепуган». Тогда окружение вана стало его уговаривать: «Это называется — мясо гибнет от собственных же червей! Где это видано, чтобы такое могло быть, когда Сун так мощно, а Ци так слабо!» Тогда Сун-ван разгневался и казнил безвинно лазутчика. Затем послали другого на разведку к цисским разбойникам, и посланный донес то же самое, что и предыдущий. Сунский ван опять разгневался и вновь казнил его несправедливо. Так было трижды. Затем вновь отправили соглядатая: все то

же — цисцы наступают, в народе паника. Тут посланный встретил своего брата, и тот его спросил: «Страна в опасности, куда же это ты собрался?» Младший брат посланника сказал: «Меня отравили наблюдать за цискими разбойниками, а я даже не думал, что они так близко, а народ до такой степени напуган. А тут еще мне персонально грозит то же, что прежним посланным наблюдать за передвижением циских войск: все они сообщали, что циские войска приближаются, и все были казнены. А теперь то же будет и со мной: если доложу, как обстоят дела на самом деле, казнят, если не доложу — тоже как бы не казнили. Что делать, ума не приложу». Старший брат посоветовал ему: «Если доложишь, как обстоят дела на самом деле, то напрасно присоединишься к тем, что раньше из-за этого погибли». Так что в конце концов он доложил вану: «Мне ничего не известно о местоположении циских разбойников. Народ совершенно спокоен». Ван очень обрадовался. Его советники заговорили: «Тех казнили за дело». Ван щедро наградил его золотом. А когда разбойники пришли, сам ван вскочил на колесницу, погнал и скрылся. А тот человек разбогател и поселился в другом царстве.

Поднимешься на высокую гору, и буйвол покажется ростом с барана, а баран — ростом с поросенка. Буйвол по форме не похож на барана, баран по форме не похож на поросенка — ошибка вызвана положением наблюдателя, и если он по этой причине станет вдруг гневаться на буйвола или барана, что они слишком малы, это будет крайним проявлением безумия. Но из-за безумного распоряжения наградами и наказаниями и прекратился род Дай!

Циский ван хотел, чтобы Шунь Юйцунь учил наследника престола. Юйцунь, отказываясь, сказал: «Я не умен, мне не по силам это важное дело. Не лучше ли вану выбрать кого-либо из старейшин нашего города [столицы] и поручить это ему?» Циский ван сказал: «Не отказывайтесь. Разве я прошу вас, чтобы вы наставляли наследника так, чтобы он вырос таким же, как я, недостойный? Я, недостойный, обладал всем этим от рождения. Может быть, вы сможете все же воспитать из моего наследника Яо? Или хотя бы Шуня?»

Порядок всякого рассуждения таков: тот, у кого нет ума, слушает того, у кого есть ум. Низший интеллект подчиняется высшему; тот, кто не прав, приходит через учение к правде. Искусство тут в том, чтобы не-ум слушал ум, а метод в том, чтобы тот, кто далек от правды,

получал ее от того, кто ею обладает. Если же, как в данном случае, считать себя умнее Яо и Шуня, то как с таким прикажете обращаться, чтобы чему-нибудь научить? Учению тут неоткуда входить. Правда, не было случая, чтобы такой жил долго.

Циский Сюань-ван хорошо стрелял, и ему было приятно, когда другие хвалили его умение обращаться с тугими луками. Лук, которым он обыкновенно пользовался, был всего лишь мощностью в три даня. Как-то раз он его показывал своим приближенным. Те один за другим пробовали его натянуть, но могли согнуть только наполовину и бросали. Все при этом говорили: «Этот лук не менее девяти даней, кто же кроме вана может его натянуть?»

На самом деле сложение Сюань-вана было таково, что он не смог бы натянуть лук мощнее трех даней, но до конца жизни он полагал, что его лук — в девять даней. Прискорбно все это. Кроме прямого мужа, кто еще может не льстить своему властителю? Однако по закону природы прямых мужей в одном поколении всегда мало, и в массе они незаметны. Поэтому властителей гибнущих царств можно пожалеть: их беда в том, что все они пользуются луками в три даня, будучи уверены, что там все девять.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Истоки смуты / Юань луань

У смуты есть определенные степени. В Ци было пять больших смут, три малых смуты и три смуты, которые пришлось решать с помощью оружия. Поэтому в «Песнях» сказано: «Не подходи к воротам, из которых исходит смута», чтобы с помощью этого предостережения можно было держаться подальше от смут. Если чаять счастья, оно не обязательно придет, но если думать о возможном приходе беды, можно ее отдалить. У-ван завоевал мир с помощью оружия, но он удержал его с помощью письмен-культуры, поэтому он велел перевернуть копыя остриями вниз и снять тетиву со всех луков, чтобы показать Поднебесной, что он не собирается использовать оружие; тем самым он сохранил его для себя.

Цзиньский Сянь-гун назвал свою вторую жену Ли своей главной супругой, а их сына Си Ци — наследником; тогда Ли Кэ повел за собой горожан, чтобы убить Си Ци после смерти Сянь-гуна. Сюнь Си тогда поставил

младшего брата убитого, Гунцзы Чэ Чжо, но когда Си Ци был погребен, Ли Кэ вновь повел граждан столицы против Чжо, и того тоже умертвили. После этого Цзинь осталось без правителя. Гунцзы И У через обещание циньцам передачи земель Цзинь добился их помощи в том, чтобы взойти на престол, и циньский Му-гун послал свои войска, чтобы отдать ему трон. Тогда циньцы сами посадили его своим правителем, и это был Хуэй-гун. Когда Хуэй-гун утвердился на троне в Цзинь, он забыл о своем обещании циньцам и не отдал им земли. Тогда циньский Му-гун повел свои войска на Цзинь, а Хуэй-гун выступил против них, что и привело к битве при Ханьюане. Циньское войско было наголову разбито, а циньцы захватили Хуэй-гуна и увезли его к себе, где и заключили его в башню Линтай. Через десять месяцев с циньцами был заключен мир, и Хуэй-гун был возвращен на родину, но вынужден был оставить в заложниках наследника Юя. Наследник Юй бежал и вернулся в Цзинь. Когда Хуэй-гун умер, Юй стал правителем — это был Хуай-гун. Циньский Му-гун, разгневанный его бегством, послал во главе войска Гунцзы Чжун Эра напасть на Хуай-гуна. Он убил Хуай-гуна при Гаоляне и посадил на трон Чжун Эра — это и был Вэнь-гун. Вэнь-гун предпринял все, что мог, потратил свое состояние на то, чтобы вывести страну из кризиса, ограничить трудности, испытываемые страной, оказать помощь пострадавшим от бедствий, прекратить разврат и роскошь, снизить налоги и поборы, положить конец преступлениям и злоупотреблениям, упорядочить использование людей на общественных работах со своим инвентарем. Народ он стал привлекать к работам только в подходящее время года и, наконец, нанес поражение чусцам при Чэнпу и помог чжоускому Сян-вану укрепить свою власть в Поднебесной. Он освободил Сун и изгнал гарнизон, который чусцы держали в Гу. Вовне и внутри все ему покорилось, и затем смута в Цзинь прекратилась.

Итак, вследствие того что Сянь-гун послушался своей второстепенной жены Ли, приблизил к себе Лян У и Ю Ши, убил наследника Шэнь Шэна и тем самым вызвал в стране те самые пять больших неурядиц-смут — три правителя погибли, один был пленен, убитые среди высоких чинов и военных сановников исчислялись сотнями, а время беспорядков растянулось на двадцать лет. С древних времен и по сей день смута не обязательно всегда приходит одним и тем же путем, но зло, какое наносит людям смута, всегда одно и то же. Дело в том,

что действия и размышления не одно и то же для того или другого человека—эта разница в действиях и отношениях к действиям разных индивидуальных сознаний происходит оттого, что сердца у людей устроены по-разному. От этого тот, кто начинает смуту, редко и сам спасается от беды.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не только / Бу гоу

Образ действия умного таков, что он, хотя бы и пользовался почетом, не станет это использовать в личных целях; хотя бы его и слушали, он не допустит, чтобы его речи вводили в заблуждение. Он всегда действует лишь после того, как определит, что его действия соответствуют человеческому закону-ли. Он всегда предпринимает что-либо, лишь убедившись, что предприятие соответствует внутреннему закону справедливости. Таков образ действий верного подданного. Умный властитель радуется такому его поведению, а неумный властитель, хотя и не рад самому его поведению, не прочь воспользоваться его известностью, которую тот приобретает благодаря своему поведению. Хотя бы властитель и не был мудр—в том, что он радуется известности верных подданных, он тождествен умному правителю; а вот в том, чтобы осуществлять заложенный в этих прославленных деяниях смысл,—тут он отличается от умного властителя. Раз он отличается в этом, значит, и его представления о заслугах-успехе, славе-имени, несчастье и счастье также иные. Иные, и по этой причине Цзысюй получил поддержку Хэ Люя, но его возненавидел Фучай; а Би Гань, пока был жив, был ненавидим в Шан, а когда умер—стал радостью для Чжоу.

У-ван прибыл в предместья иньской столицы, у него развязалась подвязка, и чулок сполз. С ним рядом держало оборону пятеро, но ни один из них не поспешил ему помочь; все говорили: «Я на службе у правителя не затем, чтобы подвязки поправлять!» Тогда У-ван выпустил из левой руки белый бунчук из перьев, а из правой—желтую секиру, нагнулся и сам завязал себе подвязку, положив слева от себя бунчук, справа—топор. Когда об этом узнал Конфуций, он сказал: «Эти пятеро призваны были служить той опорой, благодаря которой делаются ваном,

а между тем они могли бы вызвать неудовольствие у неразумного правителя!»

Даже для сына неба должно быть такое, к чему он не должен принуждать последнего мужика; даже у властителя Поднебесной должно быть такое, к чему он не может принудить царство с тысячей колесниц.

Циньский Му-гун принял Ю Юя от жунов. Тот ему понравился, и он хотел оставить его у себя, но Ю Юй не соглашался. Му-гун рассказал об этом Цянь Шу. Цянь Шу сказал: «Господин, сообщите об этом смотрителю дворца нэйши Ляо». Нэйши Ляо сказал в ответ: «Эти жуны ничего не смыслят в пятитоновой музыке, равно как и в пятикусовой кухне. Вам, правитель, лучше отправить его восвояси». Тогда Му-гун отправил вместе с ним две женские капеллы по восемь певиц и искусного повара. Жунский ван очень обрадовался, впал в очарование и большую смуту, пил вино беспрерывно. Ю Юй хотел увещевать, но его не послушали; он тогда рассердился на вана и вернулся к Му-гуну.

Цянь Шу не то чтобы был неспособен сделать то же самое, что сделал нэйши Ляо — просто его моральное сознание не позволяло ему этого делать. Му-гун умел сделать так, чтобы его подданные всегда делали только то, что они считали правильным. Поэтому он и сумел смыть позор поражения при Сяо и продвинуться на запад до Хэюна.

Циньский Му-гун назначил первым советником Байли Си, и тогда цзиньцы послали Шу Ху, а цисцы послали Дунго Цзяня в Цинь. Гунсунь Чжи попросил их принять. Гун сказал: «Разве прием гостей — это твое дело?» Тот ответил: «Нет». «Тебя послал первый советник?» Тот ответил: «Не посылал». Гун сказал: «Тогда вы занимаетесь не своим делом. Наше царство Цинь удаленное и непросвещенное, как жуны и и, и только если дела будут соответственно распределены и люди будут заниматься только своим делом, можно будет избежать насмешек со стороны других чжухоу. А вот вы, господин, как раз занялись тем, что в вашу компетенцию не входит. Ступайте же, я посоветуюсь, как наказать вас». Когда Гунсунь Чжи вышел, он направился к Байли Си и рассказал ему о деле. Тогда Байли Си стал за него просить перед Му-гуном. Му-гун сказал: «И до вас уже дошло? Разве первому советнику пристало заниматься такими пустяками? Если Чжи невиновен, зачем за него просить; если же он виновен, как вы можете за него просить?» По возвращении Байли Си отказал Гунсунь Чжи в его про-

сьбе. Гунсунь Чжи ушел и подал свое прошение в обычном порядке. Рассмотрев его, Байли Си велел судебному мелкому чину дать его делу ход.

Установление четкого разделения обязанностей чинов — вот в чем древние служат образцом! Му-гун в нашем примере как раз это усвоил, поэтому ничего удивительного нет в том, что он стал баваном западных жунов.

Цзиньский Вэнь-гун собирался походом на царство Юй, Чжао Цуй выступил с речью о том, как нанести поражение этому царству. Вэнь-гун воспользовался его советом — итогом была победа. Когда по возвращении раздавали награды победителям, Цуй спросил: «Правитель собирается наградить тех, кто был у корня, или тех, кто был у верхушки? Если тех, кто был верхушкой, то здесь находятся всадники и возничие; если же награждать корень, то замысел этот я услышал от Сицзы Ху». Вэнь-гун призвал Сицзы Ху и спросил у него: «Цуй посоветовал, как нам победить Юй, и мы действительно одержали верх. Когда же я хотел его наградить, он сказал: «Этот план мне сообщил Сицзы Ху, прошу наградить его»». Ху сказал: «Говорить легко, выполнять трудно. Ваш слуга из тех, кто говорит». Гун сказал: «Прошу вас не отказываться от награды». Сицзы Ху не посмел настаивать на своем отказе и принял награду.

Список награжденных по возможности должен быть полным, когда список награжденных полный, тогда многие стараются помочь делу. В нашем примере Ху говорил о себе не сам, а тем не менее был награжден — именно поэтому напрягают все душевные и умственные силы даже дальние. Цзиньский Вэнь-гун долго отсутствовал, а когда вернулся, в государстве не было недостатка в неурядицах. И то, что даже в этих условиях он смог стать баваном, — не от этой ли его способности?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хвалить способных / Цзань нэн

Умный ценит людей за их человеческие качества; средний человек — за их умения; глупый — за подарки. Но приобрести десять добрых скакунов — это все же не то что приобрести одного Бо Лэ; приобрести десять отличных мечей — не то что приобрести одного Оу Е; получить земли в тысячу ли — не то что приобрести одного мудреца.

Шунь нашел Гао Яо и тем самым получил то, что нужно, чтобы владеть миром. Тан нашел И Иня и приобрел вместе с ним народ Ся. Вэнь-ван нашел Лю Вана и с его помощью покорил себе Инь-Шан. Так что выгода от обретения мудреца не может быть измерена в квадратных ли.

Когда Гуань-цзы находился в узах в царстве Лу, Хуань-гун хотел сделать первым советником Баошу. Баошу сказал: «Если мой господин желает стать баваном, то на этот случай есть Гуань Иу, с которым ваш слуга не может сравниться». Хуань-гун сказал: «Иу, он же враг мне, недостойному! Он стрелял в меня, этот преступник. Нельзя!» Баошу сказал: «Он стрелял на службу у своего правителя. Если вы возьмете его на службу и сделаете своим подданным, он будет стрелять ради вас в других». Хуань-гун его не послушал и всячески настаивал на том, чтобы Баошу стал первым советником. Но тот никак не хотел уступать и становиться первым советником, так что в конце концов Хуань-гун его послушал. После этого он послал объявить лусцам: «Гуань Иу — мой личный враг, желаю заполучить его, чтобы лично с ним расправиться!» Луский правитель согласился выполнить его просьбу и велел судебным чинам связать ему руки ремнем и заклеить веки клеем, после чего его засунули в кожаный мешок и погрузили на повозку. Когда он достиг таким образом границы с Ци, Хуань-гун послал людей встретить его с дворцовой колесницей, очистить жертвенным огнем, обмазать кровью жертвенных животных и живым доставить в столичный град. Затем он велел соответствующим чинам убрать в храме предков и приготовить жертвенный столик, чтобы он мог представить новичка предкам. При этом было сказано: «Пусть с тех пор, как я, сирота, стану слушать советы Иу, мое зрение станет более острым, слух более чутким, и я, сирота, больше не буду осмеливаться решать все дела единолично, о чем почтительно докладываю». Затем он обернулся и сказал Гуань-цзы: «Иу, будешь моим советником». Гуань Чжун отступил назад и дважды поклонился до земли, получил назначение и вышел. После этого Гуань-цзы управлял царством Ци, и во всех делах ему сопутствовал успех. И всякий раз Хуань-гун награждал Баошу, говоря: «То, что царство Ци получило Гуань-цзы, — заслуга Баошу!»

Хуань-гун, можно сказать, умел правильно распорядиться наградами, потому что желательно, чтобы награды распространялись на инициаторов. Ибо когда на-

граждают инициаторов, упущениям просто неоткуда взяться.

Суньшу Ао и Шэнь Иньсин были друзьями. Суньшу Ао уже прожил в Ин целых три года, но никто там понятия не имел ни о его красноречии, ни о его воспитанности. Шэнь Иньсин тогда сказал Суньшу Ао следующее: «Советовать поступать в согласии с моралью так, чтобы слушались; составить план с таким искусством, чтобы в него поверили и стали действовать в соответствии с ним; быть способным на то, чтобы сделать из властителя по максимуму вана, а по минимуму — бавана,— в этом мне не сравниться с вами. А вот в том, чтобы опуститься до уровня своего времени, принять обычаи простых людей и, толкуя о моральном сознании, так его подать и упростить, чтобы оно пришлось по нраву властителям,— в этом вам не сравниться со мною. Не лучше ли вам вернуться к себе домой и заняться землепашеством, а я тем временем отправлюсь вместо вас в Ин». Шэнь Иньсин отправился в Ин, и уже через пять лет чуский ван предложил ему стать первым советником. Шэнь Иньсин, отказываясь, сказал: «Среди мужиков в Цисы есть некто Суньшу Ао, он мудрец. Вану непременно надо взять его на службу — мне до него далеко». Чуский ван тогда послал туда людей с собственной колесницей, чтобы встретить Ао уже как линь-иня, а через двенадцать лет Чжуан-ван стал баваном; и все это благодаря усилиям Шэнь Иньсина. Так что нет большей заслуги, чем представление правителю умного советника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Знание самого себя / Цзы чжи

Тому, кто хочет получить ровное-горизонтальное и прямое-вертикальное, необходимо пользоваться уровнем и отвесом; тому, кто хочет получить идеально прямоугольное или круглое, необходимо пользоваться угольником и циркулем. Властителю, желающему узнать себя самого, необходимы честные мужи. Поэтому сын неба учреждает должности помощников и наставников, посты учителей и хранителей, с тем чтобы они ему указывали на его ошибки. Человек сам себя не знает, властитель тоже. Причины существования и гибели, покоя и опасности не надо искать вовне — их нужно усмотреть в себе.

У Яо был барабан, который умел его увещевать; у Шуня было обличающее дерево; у Тана был муж, который специально следил за его упущениями; у У-вана был барабанчик, который напоминал ему о необходимости сдержанности и осторожности. Даже они боялись, что недостаточно знают себя. У нынешних правителей ум не такой, как у Яо, Шуня, Тана и У, но зато у них есть умение, с помощью которого они это могут скрыть. Откуда уж тут взяться знанию самих себя!

Чэн из Чу, Чжуан из Ци не обладали знанием самих себя и были убиты. Уский ван, Чжи Бо не обладали знанием самих себя и погибли. Сунский Кан и правитель царства Чжуншань не знали себя и исчезли с лица земли. Цзиньский Хуэй-гун, чжаоский Ко не знали себя и были пленены. Командующие Цзань Туй и Пан Цзюань, наследник Шэнь не знали себя и расстались с жизнью. Так что нет большего несчастья, чем незнание самих себя.

Когда Фань Ши собрался бежать, его люди хотели взять с собой колокол, но он был слишком велик, чтобы унести его на спине. Тогда они хотели разбить его молотом на части, но колокол зазвенел так громко, что они, боясь, как бы их не услышали и не отняли его у них, заткнули собственные уши. То, что они боялись, как бы их не услышали, еще можно понять, но то, что они сами боялись его звука, это уже глупость. Но когда властитель боится услышать о собственных упущениях, разве он не поступает точно так же? Хотя можно понять, что ему не хочется, чтобы о его ошибках знали другие.

На одном пиру вэйский Вэнь-хоу велел, чтобы каждый из присутствующих дафу о нем высказался. Первые выступающие заговорили было об уме правителя, но когда очередь дошла до Жэнь Цзо, тот сказал: «Правитель у нас неразумный. Когда взяли Чжуншань, он отдал его в надел сыну, а не своему младшему брату. Из этого видно, что правитель у нас неразумный». Вэнь-хоу это не понравилось, и это было видно по его лицу. Жэнь Цзо поспешно удалился. Когда очередь дошла до Ди Хуана, тот сказал: «Наш правитель — достойный правитель. Как слышал ваш слуга: там, где правитель достойный, там речи подданных прямые. Как мы видели, речь Жэнь Цзо была прямой, и из этого мы можем заключить, что правитель у нас достойный». Вэнь-хоу это понравилось, и он весело сказал: «Не вернуть ли его назад?» Ди Хуан сказал на то: «Что же тут невозможного? Как я слышал, верный подданный остается верным до конца, он даже от

смерти не станет бежать. Цзо, наверное, ждет там у ворот». Затем Ди Хуан отправился посмотреть, и Цзо действительно ждал у ворот, так что он пригласил его вернуться от имени правителя. Когда Жэнь Цзо вошел, Вэнь-хоу встретил его на нижней ступени. До конца жизни сидел он на почетном месте и в конце концов стал главным среди гостей. Однако же, если бы не Ди Хуан, Вэнь-хоу мог бы потерять верного подданного! Так что овладеть высоким искусством сказать так, чтобы властителю пришлось по сердцу, и притом было похвалой его мудрости,—не один ли только Ди Хуан оказался на это способен?!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Стремиться к должному / Дан шан

У народа нет пути-искусства, с помощью которого он мог бы понимать небо-природу непосредственно. Поэтому народ следит за ходом четырех сезонов, сменой жары и холода, солнца и луны, планет и звезд, чтобы таким образом познать веления природы. Если четыре сезона, холод, жар, солнце и луна, планеты и звезды следуют нормальным путем, тогда все, что по рождению обладает кровяной ци, обретает свое место в мире и спокойно плодится-действует. У подданных также нет способа-дао узнать волю властителя, поэтому подданные познают волю властителя по тому, как и кому он назначает награды и наказания, кому жалует ранги и жалованья. Когда награды и наказания, ранги и жалованья назначаются властителем как должно, тогда и ближние, и дальние, и удаленные, и приближенные исчерпывают свои физические силы и прилагают все силы на службе.

Когда цзиньский Вэнь-гун вернулся в свой столичный град, он наградил тех, кто последовал за ним в бегстве, но ничем не одарил Тао Ху. Приближенные стали спрашивать: «Вы, правитель, вернулись в свою страну и уже трижды раздавали награды и посты, но Тао Ху никак не наградили. Просим разъяснений». Вэнь-гун сказал: «Кто помогает мне в воспитании морального сознания, наставляет меня в ритуале, того я считаю себя обязанным почтить высшей наградой. Кто просит меня быть благим-добрым, усиливает мои достоинства, того я награждаю вслед за первыми. Кто противится моим необузданным желаниям, кто указывает на мои неоднократные заблуждения, тот получит награду в числе третьих. Эти

три категории получают награды по своим заслугам как достойные подданные. Но если бы я награждал мужиков, трудящихся физически на полях [нашей страны] Танго, тогда, конечно, первым из них я наградил бы Тао Ху». Когда об этом узнал чжоуский нэйши Син, он сказал: «Быть цзиньскому гуну баваном! В старину мудрые ваны на первое место ставили внутренние силы, а на последующие — силы телесные. Цзиньский гун это усвоил и правильно применил!»

Мать [-супруга] молодого правителя Цинь [стала править с помощью евнуха по имени Яньбянь]. Недовольные этим достойные подданные укрылись у себя, народ затаил злобу и порицал высших. Гунцзы Лянь, бежавший [ранее] в Вэй, услышал об этом и решил вмешаться. В сопровождении верных подданных и народа он подошел к заставе Чжэнсочжи. Охрану заставы нес Ючжу Жань, который его не пропустил, сказав следующее: «Ваш слуга обладает моральным сознанием и не служит двум властителям. Уходите отсюда в другое место». Гунцзы Лянь ушел отсюда, вошел в земли племен ди и решил пройти через заставу Яньши. Цзюнь Гай его пропустил. Когда мать молодого правителя узнала об этом, она перепугалась и велела судебным чинам поднимать войска; ее приказ гласил: «Разбойники у наших границ!» Солдаты под командой офицеров выступили было в поход, при выступлении повторяя: «Идем разгромить мятежников!» Но на середине пути они переменили свое отношение и стали говорить: «Идем не громить разбойников, а встречать нашего правителя!» Таким образом Гунцзы Лянь прибыл вместе с этими [посланными] войсками, подошел к Юн, окружил эту [супругу], и супруга покончила с собой. Гунцзы Лянь взошел на трон, это был Сянь-гун. Он был обижен на Ючжу Жаня и хотел его сурово покарать. Напротив, он оценил добродетель Цзюнь Гая и хотел его щедро наградить. Но Цзянь Ту ему возразил: «Нельзя [этого делать]. Циньских гунцзы-наследников, находящихся в иных землях, очень много, если вы это сделаете, то подданные станут наперебой впускать в страну сбежавших гунцзы. Это не соответствует вашим интересам властителя». Сянь-гун понял, что он прав, и поэтому пересмотрел его дело, а Цзюнь Гая пожаловал всего лишь рангом дафу, а всем служащим на заставах выдал в награду по 20 даней зерна на человека. Так что о Сянь-гуне можно сказать, что он умел пользоваться наградами и наказаниями. Награждают не того, кто люб, наказывают не того, кто неприятен,— нужно

всегда думать о конечном результате. Если последствия могут быть благоприятны, надо награждать даже тех, кого не любишь; если последствия могут оказаться неблагоприятны, надо наказывать даже тех, кто тебе приятен. Таким образом прежние ваны и превращали смуту в порядок, опасность — в спокойствие.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сильная воля / Бо чжи

Прежние ваны, когда предпринимали большие дела, заботились о том, чтобы устранить возможный вред, так чтобы желаемое было точно достигнуто, а нежелательное — точно предотвращено. Поэтому они преуспели и прославились. Не таков заурядный правитель — он предпринимает большие дела, будучи неспособен устранить проистекающие от этого неблагоприятные последствия. Поэтому ему и не удастся преуспеть. Поэтому деятельность достойного отличается от деятельности недостойного именно тем, что первый способен устранить вредные последствия, а второй не способен их устранить. Если косуля помчится быстро, то на коне ее не догнать, и если ее все же настигают верховые охотники, так это потому, что она все время оглядывается. Скакуи может пробежать в день тысячу ли, если колесница легка. Если ее тяжело нагрузить, он не пройдет и нескольких ли, так как его бремя будет слишком тяжелым. Когда за дело берется достойный, не бывает, чтобы он не добился успеха. Если же все же настоящая слава ему не выпадет, а благо от его дел не достигнет его современников, то это оттого, что на нем грузом висят [чужие] глупость и недостойность.

Зима и лето не могут настать одновременно; сорняки и культурные растения не растут вместе; когда поспевает новое зерно, старое пропадает; у кого рога, у того нет верхних зубов; когда плоды обильны, ветви клонятся долу; чей ум отвлекается на постороннее, тот не преуспеет в главном деле. Таковы постоянные числа небеприроды. Поэтому сын неба не занимается всем, не занимается крайностями, не занимается стяжательством. Потому что тот, кто стремится все охватить, непременно что-нибудь упускает. Претендующее на полноту всегда ущербно; претендующее на предельность готово обратиться в противоположность; претендующее на зрелость клонится к упадку. Прежние ваны знали, что вещи не

могут одновременно быть великими в двух отношениях. Поэтому они занимались важнейшим, старались в этом соответствовать и на том успокаивались.

Кун, Мо, Нин Юэ—все они были мужами в холщовых одеждах. Они беспокоились о Поднебесной и полагали, что нет для нее ничего лучше, чем искусство прежних ванов. Поэтому они днем и ночью эти способы изучали. И все, что соответствовало этому способу обращения, они без колебаний применяли; то же, что не соотносилось с этим способом обращения, они никогда не применяли. Как передают, Кун Цю и Мо Ди целыми днями распевали вслух свои песни и записи и упражнялись в своих умениях, а по ночам видели во сне Вэнь-вана или Чжоу-гун Даня и обращались к ним за советом. При такой концентрации воли до ее предела-цзинь чего только не добьешься, в чем только не преуспеешь! Поэтому и говорится: с тем, кто точен и аккуратен, говорят божества-предки. Но на самом деле это не сообщения от духов-предков, а просто высокая степень усердия и прилежания. К примеру, у нас есть драгоценный меч и редкий скакун, и мы готовы забавляться одним без усталости, любоваться другим без конца. Однако что касается драгоценных слов и честных поступков, то им хорошо если один раз уделят внимание. Стоит ли тогда уповать на безопасность для своего тела-персоны и ждать особой славы?

Нин Юэ был простым человеком из Чжунмоу, он занимался трудными делами пахаря и как-то спросил у своего старшего друга-наставника: «Как бы мне избавиться от этой муки?» Его друг сказал: «Лучше всего пойти учиться. Проучишься тридцать лет и все постигнешь». Нин Юэ сказал: «А за пятнадцать лет можно? Когда другие будут отдыхать, я не буду отдыхать, когда другие будут спать, я не буду спать». Через пятнадцать лет чжоуский Вэй-гун сделал его своим учителем.

Стрела летит быстро, но не пролетит и двух ли, как упадет на землю. Человек идет медленно, однако не остановится и через сто дневных переходов. И если человек с такими способностями, как у Нин Юэ, не останавливался так долго, что же удивительного, что он стал наставником у чжухоу?

Ян Юцзи, Инь Жу оба были мастерами в своих искусствах. В чуском дворце время от времени появлялась чудесная белая обезьяна, и никто из лучших чуских стрелков не мог в нее попасть. Чуский ван пригласил тогда Ян Юцзи, чтобы тот ее застрелил. Ян Юцзи натя-

нул лук, наложил стрелу: еще не стреляя, он знал, что попадет, и, когда выстрелил, обезьяна упала на землю одновременно с попаданием стрелы в цель; следовательно, Ян Юцзи был из тех, кто попадает еще до того, как перед глазами появляется цель!

Инь Жу учился управлять колесницей уже три года и ничему не научился. Тяжко страдая от этого, он ночью получил во сне от своего учителя секрет управления галопом. На следующий день он отправился к своему учителю, и тот, посмотрев на него, сказал: «Не хотел я задерживаться с учением, просто боялся, что ты еще не готов воспринять его от меня. Но сегодня я научу тебя галопу цю-цзя». Инь Жу отступил на шаг, обернувшись лицом на север, поклонился дважды и сказал: «Вчера вечером ваш слуга уже получил это от вас во сне». Он рассказал своему учителю, что он видел во сне, и оказалось, что он действительно видел во сне галоп цю-цзя.

Об этих двух мужах можно сказать, что они умели учиться, не давая себя отвлекать ничему постороннему. Поэтому они и могли служить примером в этом последующим поколениям.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ценить должное / Гуй дан

Чтобы имя было прославлено — нельзя добиться усилием, это приходит само собой. Обладание вещами зависит не от вещей, а от людей; управление людьми зависит не от действий, а от личности правителя. Управление правителями не в компетенции самих правителей — оно в руках сына неба. То, что владеет сыном неба, — не сам сын неба, а его желания; то, что вызывает желания, — не сами желания, а природа. Эта природная форма есть основа всего существующего — тут нельзя ничего ни удлинить, ни укоротить, поскольку природа неизменно такова, какова она есть, это постоянные числа неба-земли.

Где лежит сырое мясо, там собираются вороны; если выпустить в комнату кота, мыши разбегаются. Когда выставляют траурные одеяния, народ знает, что нужно печаловаться, когда выставляют свирели и гусли, народ понимает, что будет радостное событие. Тан и У следили за своими поступками, и весь мир следовал за ними. Цзе и Чжоу пренебрегали своим поведением, и весь мир

отворачивался от них. Разве тут нужны были еще какие-то слова? Наука цзюньцзы — в нем самом, вот и все.

В царстве Чу жил некто, хорошо читающий в лицах — он никогда не ошибался в своих оценках ни на йоту. Слух о нем пошел по всей стране, его пригласил к себе Чжуан-ван, чтобы расспросить о его способностях. Тот ответил: «Я, ваш слуга, ничего не понимаю в человеческих лицах, я разбираюсь только в друзьях моих пациентов. Если речь идет о простом человеке в холщовой одежде, то если его друзья почтительны к родителям и уважительны к братьям, серьезны и предусмотрительны, трудолюбивы, законопослушны, то его семья будет богатеть с каждым днем, а сам он будет становиться все более уважаемым членом общества. Таков в моей классификации «счастливый человек» — цзижэнь. Если же это служилый, то когда его друзья искренни и надежны, способны на поступки, любят все доброе, то такой на службе у правителя день ото дня станет продвигаться, чины его день ото дня будут расти — это в моих словах «счастливый служилый» — цзичэнь. Если речь идет о властителе, то когда в числе его придворных люди в большинстве достойные, его окружение состоит в основном из верных подданных и когда у него случаются упущения, то все вокруг наперебой начинают увещевать — то у такого в стране что ни день будет покойнее, сам он будет пользоваться все большим уважением, а Поднебесная что ни день будет все больше ему покоряться. Такого я называю «счастливый властитель» — цзичжу. Так что я ничего не смыслю в физиономиях, а разбираюсь только в друзьях». Чжуан-вану это понравилось, и он собрал вокруг себя способных мужей, не знал отдыха ни днем, ни ночью и стал впоследствии баваном в Поднебесной.

Поэтому достойный правитель день и ночь отыскивает людей искусных и способных не с мыслью о том, чтобы только украсить свой двор диковинами, а для того, чтобы преуспеть в больших делах. В делах нет большого и малого, все здесь переплетено и зависит друг от друга. Охота и скачки, стрельба привязной стрелой и собачьи гонки — этими занятиями достойный не пренебрегает, но занимается он этим так, чтобы ежедневно нечто для себя в них черпать, а недостойный правитель занимается этим, день ото дня впадая во все большее ослепление. Как сказано в старых «Записях»: «От дел, которые воспитывают спесь и упоенность, чего ждать, кроме гибели?»

Среди мужей в Ци был один страстный охотник, который проводил на охоте целые дни, но зверя добыть

не умел. Ему каждый раз было стыдно перед домашними, когда возвращался, а когда выходил — стыдно перед друзьями и соседями. Размышляя над причинами, почему он без добычи, он решил, что его собаки плохи. Ему захотелось приобрести хорошую собаку, но семья была бедная, и денег на это не было. Тогда он вернулся домой, и все силы вложил в землепашество. Поскольку он занимался этим усердно, семья его разбогатела, и он теперь мог позволить себе купить лучших собак. Поскольку его собаки были теперь хороши, он стал часто добывать зверя, и добыча у него даже стала больше, чем у других охотников. Так обстоят дела не только с охотой — то же и в любом другом деле. Например, среди баванов таких, кто, прежде чем стать баваном, не пахал бы землю, не было ни в древности, ни в наше время. Этим как раз и отличаются достойные от недостойных. Потому что в том, что касается чувственной природы, достойные и недостойные ничем не отличаются от остальных людей. В этом Яо, Цзе, Ю и Ли одинаковы; отличает их то, что они предпринимали для исполнения своих желаний. Поэтому достойный правитель исследует этот вопрос и, если средства неприемлемы, не делает этого; если же приемлемы, делает это с применением всего своего искусства-дао, так что никакая вещь не может ему помешать, а эффективность его действий умножается тысячекратно.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как бы следуя / Сы шунь

Многие дела таковы, что как будто не идут, а в действительности идут своим чередом; а многие как будто идут нормальным образом, а на самом деле — все к худшему. Если бы некто познал, как может быть так, что идущее по видимости нормальным путем на самом деле может вести к деградации и как по видимости попятное движение может быть на самом деле нормальным, — с ним можно было бы поговорить и об изменениях-переходах. Ибо слишком длинное переходит в короткое, а слишком короткое — в длинное; таков уж путь-искусство неба-природы.

Чуский Чжуан-ван вознамерился покарать Чэнь и послал человека на разведку. Посланный доложил: «На Чэнь нападать нельзя». Чжуан-ван спросил: «Отчего

так?» Тот ответил: «Стольный град и местные укрепления с высокими валами, рвы глубокие, запасов много». Нин Го тогда сказал: «С Чэнь можно воевать. Это Чэнь — небольшое государство, а запасов там много — значит, налоги там тяжелы, и народ настроен против высших. А то, что у них высокие стены и глубокие рвы, — так это значит, что народ истощил силы на их строительстве. Поднимайте войско и смело нападайте — Чэнь можно взять!» Чжуан-ван его послушал, и Чэнь было завоевано.

Тянь Чэн-цзы приобрел и до сих пор сохраняет свое царство благодаря тому, что у него был старший брат по имени Вань-цзы, который был человеколюбив и храбр. Когда юэсцы подняли войско, чтобы покарать Тянь Чэн-цзы, они говорили: «На каком основании был убит правитель и захвачена страна?» Тянь Чэн-цзы страдал от этого. Тогда Вань-цзы попросил разрешения выступить во главе мужей и дафу навстречу юэскому войску, непременно с ними сразиться, в сражении непременно потерпеть поражение, а после поражения принять смерть. Тянь Чэн-цзы сказал: «То, что вы непременно хотите сразиться с юэцами, можно понять. Но почему необходимо проиграть сражение, а после поражения принять смерть, мне, несчастному, непонятно». Вань-цзы сказал: «Вы, правитель, обладаете царством, в котором народ ненавидит высших, а достойные и добрые готовы идти на смерть ради долга; мне, вашему слуге, стыдно на это смотреть. На мой, ван, взгляд, страна уже и так под угрозой. И если юэсцы начали против нас войну, то это, может, и к лучшему. Сразившись с ними и потерпев в битве поражение, все достойные и добрые люди погибнут, а кто не погибнет, не захочет возвращаться в наше государство. Так что вы, правитель, останетесь в вашем царстве с одними сиротами, и, на взгляд вашего слуги, государство тогда будет в безопасности». Вань-цзы отправился в поход, Тянь Чэн-цзы провожал его весь в слезах.

Смерть и поражение — людям это ненавистно, но вот ведь оказалось, что они могут послужить средством обеспечения безопасности, так что разве может быть единственным путь — искусство-дао? Поэтому то, чему внимает властитель, и то, чему учится муж, не может не быть многообразным.

Инь До из Цзишьяна, собираясь вернуться в столицу Цзян, спросил у Чжао Цзянь-цзы, что ему делать. Чжао Цзянь-цзы сказал: «Когда вернешься, сровняй с землей городские стены. Я тоже скоро туда поеду, а для меня видеть их все равно что видеть Чжунхан Иня и Фань

Цзишэ, которым я проиграл сражение. Однако Инь До, возвратившись, стены надстроил. Когда Цзянь-цзы приехал в Цзиньян, он, еще издали завидев эти стены, впал в гнев и сказал: «Ха! Так До решил обмануть меня?!» Он поселился в предместье, не входя в крепость, и послал было людей казнить До. Но вмешался Сунь Мин и сказал: «По моему личному мнению, До должен получить награду. Ведь До этим хотел сказать, конечно же, следующее: «Видеть радостное напоминание о радостном событии значит расслабляться и распускаться. Напротив, встреча с напоминанием о горьком мобилизует и заставляет собраться: так уж устроен человек! Вот вы, правитель, увидели стены и опечалились — не тем более ли почувствуют то же подданные и народ? Стало быть, полезное для страны и выгодное властителю дело До совершил, не страшась даже быть обвиненным в преступлении. Слушаться указаний, чтобы вызвать одобрение правителя,—на это способен любой из толпы. А вот До оказался способен на нечто большее, не так ли? Прошу вас, правитель, рассмотреть дело еще раз». Цзянь-цзы тогда сказал: «Если бы не ваши слова, я, несчастный, мог бы совершить большую ошибку». Затем он повелел наградить Инь До как спасителя отечества.

Для властителя самое главное качество — уметь радоваться и гневаться в строгом согласии с рассудком. Менее ценно, если он, даже сам будучи не в ладу с рассудком, все же может изменить свое мнение в соответствии с его требованиями. Хотя такой и не достигает высшего достоинства, все же в состоянии справиться с низменным миром, его окружающим. Цзянь-цзы соответствовал именно этому типу правителя. От чего страдает властитель нашего века? Стыдится признаться, что не обладает знаниями, и стремится все решать единолично, поэтому и ошибается без конца, но увещаний не слушает, так что в конце концов оказывается в опасности! А ведь нет большего позора, чем самого себя ввергнуть в погибель.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Различение разрядов / Бе лэй

Самое высшее — знать, что не знаешь. Горе всех заблуждающихся в том, что они не знают, но думают, что знают. Многие вещи-события таковы, что они только кажутся таковыми, на самом деле таковыми не являясь. По этой-то причине и не переводятся погибшие царства

и исчезнувшие народы. Есть такие травы — синь и лэй. По отдельности они смертельно ядовиты, но если принимать вместе, то действуют как лекарство для достижения долголетия. Крапива и трава цзинь ядовиты, но из них составляют противоядие. Лак и вода по отдельности текучи, но вместе отвердевают. Если же лак смочить, он растрескается. Золото и цинк мягки, но если их соединить в сплаве, они станут твердыми, [как сталь]. Если потом сплав нагреть, металл вновь станет текучим. Если одно вещество, когда его смачивают, трескается, а другое, когда его нагревают, становится текучим, — значит, ряды вещей твердо не определены, и по одному состоянию судить о них нельзя.

Маленький квадрат обладает теми же свойствами, что и большой; маленький конь обладает всеми свойствами большого. Но маленький ум не то же, что большой.

Среди лусцев был некто по имени Гунсунь Чо, заявлявший: «Я могу поднять мертвого!» Когда его спросили, как это возможно, он ответил: «Я умею лечить односторонний паралич, поэтому, если я удвою количество лекарства, употребляемого для лечения одностороннего паралича, я смогу оживить мертвого человека!» Так что среди вещей есть такие, с помощью которых можно добиться малого эффекта, но невозможно добиться большого; можно достичь половинного успеха, но нельзя достичь полного.

Один знаток мечей сказал: «Белый металл придает [мечу] твердость, желтый металл придает [мечу] гибкость, так что если смешать желтый и белый металлы, меч будет твердым и гибким, что и нужно для хорошего меча». Однако некто, желая поставить его в затруднение, сказал: «Белый металл — это то, что делает [меч] негибким; желтый — это то, что делает [меч] нетвердым. Следовательно, смешение желтого и белого сделают [меч] нетвердым и негибким. К тому же мягкое гнется, а твердое ломается; если же меч будет гнуться и ломаться, разве можно его считать хорошим мечом?»

Меч по своему составу тот же, но один счел его хорошим, а другой — плохим, в зависимости от способа рассуждения. Поэтому, если при рассмотрении вещей применять слух и зрение, праздные болтуны прекратят свои речи. Если же не пользоваться слухом и зрением, то Яо станет невозможно отличить от Цзе. Вот этим-то и озабочены верные слуги и подданные, этот способ рассуждения и отвергают достойные.

Моральное сознание таково, что когда им руководствуются в малых делах, приобретают мало счастья; когда

же им руководствуются во всем, и эффект бывает великий. С несчастьем не так — здесь даже малое хуже, чем ничего. Когда стреляют в цель, чем меньше мишень, тем интереснее; на охоте же — чем крупнее зверь, тем лучше. Одни и те же вещи бывают разными в зависимости от условий, как же можно все выводить путем рассуждений?

Гаоян Ин собирался построить себе дом, но плотник ему сказал: «Надо подождать, а то не получится: дерево еще сырое, если положить на него штукатурку, его поведет. Если строить из сырого материала, то сначала, может, и будет красиво, но потом все равно все развалится». Гаоян Ин сказал: «Если судить по твоим же словам, то дом не может развалиться. Чем дерево суше, тем оно крепче; а чем известь суше, тем она легче. Если на то, что постепенно становится прочнее, наложить то, что постепенно становится легче — конечно же, он не развалится!» Плотник не знал, что ответить, подчинился приказу и сделал, как тот сказал. Дом после окончания работ выглядел прекрасно, но впоследствии действительно развалился. Этот Гаоян Ин любил малую мудрость, но понимание больших закономерностей ему было недоступно.

Скакуны Цзиао и Люэр, если повернутся спиной к солнцу и помчатся на запад, к закату все равно обнаружат солнце перед собой. Есть нечто, что глаз не может увидеть, а ум не в состоянии познать, — то, что не поддается никаким расчетам! Поэтому, встречаясь с тем, что невозможно познать, мудрец проявляет сдержанность и не утруждает чрезмерно свой ум.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Имея меру / Ю ду

Достойный правитель имеет меру, которую прилагает к тому, что ему говорят, поэтому он не ошибается. Когда имеют меру, которую прилагают к тому, что говорится, становится невозможным ввести слушающего в заблуждение, сбить с толку, запугать или прельстить. Ум заурядного человека устроен так, что его влечет не то, что уже известно, а то, что еще неизвестно, поэтому другим легко его ввести в заблуждение, сбить с толку, запугать или прельстить. Это значит, что его рассудок не утвержден на прочном основании.

Некто из пришлых гостей спросил у Цзи-цзы: «Откуда могло быть известно заранее, что Шунь окажется

способным правителем?» Цзи-цзы ответил: «Яо безуслов-
но уже знал, как установить порядок в Поднебесной,
и когда Шунь заговорил о наведении в мире порядка, это
совпало с его собственным представлением, как совпадают
две половинки верительной бирки. Поэтому-то он
и узнал, что тот обладает способностями». «Пусть он
узнал это, но как можно было быть уверенным, что он не
употребит эти способности своекорыстно?» Цзи-цзы
сказал: «Тот, кто способен управлять миром, конечно,
должен обладать и полным пониманием того, как на
самом деле устроены жизнь и судьба. Если летом не
носят шуб, так это не потому, что не любят шубы,
а потому, что в них слишком жарко; и если зимой не
обмахиваются веером, то не от нелюбви к веерам вооб-
ще — просто и так достаточно прохладно. Так и мудрец
не служит своим частным интересам не потому, что
у него нет частных нужд, а потому, что он не желает
тратить себя на пустяки. Тут сдержанность в отношении
себя настолько разумна, что даже те, у кого алчный ум,
знают, когда нужно остановиться; не тем более ли
мудрец?»

Сюй Ю не был так уж силен физически, но было
нечто, что было ему доступно. А для того, кому это нечто
доступно, не существует стремления к выгоде, приобрета-
емой алчностью и похотью.

Ученики Куна и Мо и их последователи ныне запол-
нили весь мир. Все они учат человеколюбию, морально-
му сознанию и этим своим искусством наставляют весь
мир, однако нигде не преуспели в этом. Неудивительно:
если учителя не сумели применить свое искусство, то уж
тем более ученики неспособны на такое. Отчего так?
Потому что учение о человеколюбии и моральном созна-
нии — искусство внешнее. А с помощью внешнего стре-
миться победить внутреннее — не получится даже с про-
стыми мужиками, не говоря уж о властителях! Зато если
есть понимание того, как на самом деле устроены жизнь
и судьба, учение о человеколюбии и моральном долге
усваивается как бы само собой.

Прежние ваны не могли знать всего, поэтому придер-
живались одного, а все существующее приводилось в по-
рядок как бы само собой. Если человеку не удастся
держаться единого, причиной тому — смущение вещами-
событиями. Поэтому и говорится: «Нужно отказаться от
сумятицы порывов-побуждений, избавиться от смуще-
ний-борений в сердце, сбросить путы, сковывающие силу
характера, убрать преграды для дао-пути познания». Зна-

тность, богатство, известность, почет, слава, выгода — эти шесть вызывают сумятицу в помыслах. Внешность, поведение, красота, принципы-законы, настроение, размышления — эти шесть возмущают сердце. Ненависть, желание-похоть, радость, гнев, скорбь, удовольствие-наслаждение — эти шесть налагают бремя на силу характера. Знания, способности, приобретение и отказ от приобретения, дача и отдача — эти шесть загромаждают правильный путь. Когда эти четыре группы по шесть не клокочут в груди, человек устроен правильно. Правилен — значит, спокоен, спокоен — значит, чист и ясен умом, чист и ясен умом — значит, свободен от похотей, свободен от похотей — значит, не деятелен, но все совершает.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Распределение должностей / Фэнь чжи

Прежние ваны пользовались тем, что им не принадлежало, так как, если бы это было их имущество, это и было проникновение в суть пути-искусства властвовать. Чтобы властвовать, нужно быть скромным, сохранять простоту и не иметь ума — тогда можно использовать все умы земли. Ум должен заключаться в том, чтобы не быть способным к чему-то одному — тогда все способные в чем-то одном будут у него на службе. Нужно быть способным к недеянию, тогда все дела будут сделаны. Неимение ума, неспособность к чему-то конкретному, недеяние — вот чего должен держаться правитель! То же, что, напротив, вводит властителя в смущение, этому противоположно. Если предельно напрягать ум, совершенствовать частные умения и самому всем заниматься, окажешься в положении подданного. Тот же, кто, оказавшись в роли подданного, желает избежать препятствий и трудностей, не понимает, что тут бы и Шунь ничего не смог поделать.

У-ван имел пятерых помощников, и он ничего не умел делать из того, чем занимались эти пятеро. Между тем все говорят: «Мир завоеван У-ваном». Так что У-ван пользовался тем, что не имел, как если бы он этим обладал, — это и есть понимание искусства-дао правителя. Владея искусством правления, можно заставить умных думать, смелых — воевать, красноречивых — произносить прекрасные речи. Возьмем, к примеру, коней: Бо Лэ в них разбирается, Цзао Фу их объезжает, а мудрый

властитель едет в запряженном экипаже, проделывая за день тысячу ли, не трудясь над отбором и дрессировкой, но пользуясь их результатами, поскольку знает, как получить славный выезд.

Или, к примеру, прием гостей: пьют вино, внимают музыке и любят танцорами, слушают игру на цитрах и флейтах, но на другой день благодарят не тех, кто доставлял им удовольствие непосредственно, а хозяина, который все это устроил. То, как прежние ваны добивались эффекта и приобретали славу, подобно этому. Ведь они использовали способности и достоинства многих, слава об их делах гремела по всему миру, современники славили их, а не их помощников, потому что управляли всем они. Это можно сравнить с архитектурой: нанимают ведь умелых мастеров, а почему? Как говорится, «если плотник неумел, то и дворец некрасив».

Государство — важная вещь, и если оно плохо выглядит, то это хуже, чем с одним-единственным дворцом. Когда умелый плотник строит дом, ему не сделать окружности без циркуля, прямого угла без наугольника, точно вертикального и горизонтального без отвеса и уровня. Но когда работа готова, никто уже не думает о циркуле, наугольнике и отбивном шнуре — награждают мастера за умение. Когда же дворец готов, никто уже не помнит об умелом плотнике, все говорят: «Великолепно! Это дворец такого-то правителя или такого-то вана». Этого нельзя не понимать.

Властитель же, не постигший искусства властвовать, не таков. Себя он считает более способным, чем другие, поэтому, когда у него служит достойный, он его не любит и обсуждает его с недостойными. От этого его делам и имени один ущерб, а стране — опасности.

Жужубы, собственно, принадлежит этому растению, а мех, из которого делают шубы, — лисам. Однако же мы едим жужубы и одеваемся в лисий мех. Точно так же прежние ваны пользовались тем, что им не принадлежало, и тем самым это делали своим. Тан, У в один день присвоили народ Ся и Шан, присвоили земли Ся и Шан, присвоили достояние Ся и Шан, а народ при этом обрел покой, и никто в мире не смел им угрожать. Они раздали эти земли в наделы, и никто в мире не посмел не принять! Они раздали эти богатства в награду, и все в мире наперебой их брали. Когда же они не стали отказываться от Вэй и Цичжоу, весь мир счел это великим человеколюбием и верностью моральному долгу! Вот что значит уметь использовать не принадлежащее тебе самому!

Бо-гун Шэн встал во главе царства Чу, но не сумел разделить содержимое своих сокровищниц с другими. Уже на седьмой день Ши Ци ему сказал: «Быть беде! Если вы не можете разделить с другими то, что в кладовых, лучше сожгите, пока другие не использовали это против вас». Бо-гун все же не сумел справиться с собой. Через девять дней Е-гун вошел в столицу; он раздал то, что было в хранилищах, народу, а оружием, которое хранилось в Гаоку, вооружил людей, чтобы они могли выступить против Бо-гуна. Через девятнадцать дней Бо-гун был мертв. Страна ему даже не принадлежала, а он желал все присвоить сам—это можно назвать величайшей алчностью. Не будучи в состоянии присвоить богатства, он не желал и раздать их другим—это можно назвать величайшей глупостью. Поистине скупость Бо-гуна подобна любви совы к своим чадам!

Вэйский Лин-гун задумал выкопать пруд в плохую погоду, когда трещал мороз. Вань Чунь стал его утешать: «Начинать эти работы в такую холодную погоду! Боюсь, не повредило бы это народу!» Гун спросил: «А что, холодно разве?» Вань Чунь сказал: «Вы, господин, сидите в лисьей шубе на медвежьей подстилке, а в каждом углу у вас по жаровне, вот вам и не холодно. А народ одет в лохмотья, которые и залатать нечем, и обут в рваные сандалии, которые нечем подвязать. Так что то, что вам не холодно, народу очень даже холодно!» Гун сказал: «Хорошо!»—и велел прекратить работы. Тогда окружающие стали его уговаривать: «Когда вы, правитель, велели копать пруд, вы не знали, что погода стоит холодная, а этот Чунь знал. Если вы из-за него прекратите сейчас работы, то свое счастье народ припишет Чуню, а свои несчастья—вам, правитель». На это гун сказал: «Нет, это не так. Кто такой Чунь? Луский мужик, которого я взял на службу, и народ его еще и не видел в деле! А вот теперь этим делом я и дам народу случай увидеть, каков он есть. Кроме того, добрые дела Вань Чуня как бы все равно что мои собственные, так что его доброта—это моя доброта!» О Лин-гуне можно сказать, что он постиг искусство властвовать.

Правитель не должен нести ответственность ни за что в отдельности. Назначая на должности, он передает назначенным и всю ответственность. Искусность или неловкость исполнителей зависит от них самих; получают ли они награду или будут наказаны—зависит от законов. Зачем же правителю всем этим заниматься лично? Награда тогда не будет поводом для раздумий о собственной

доблести, а наказание — для помыслов о мести. Каждый будет думать, что сам виноват, вот и все. Вот высший порядок

ГЛАВА ПЯТАЯ

Устроение прямоугольного / Чу фан

Наведению порядка должно предшествовать распределение функций. Правитель и подданный, отец и сын, супруг и супруга — когда эти шесть позиций заняты как должно, низшие не смеют переступить границы, а высшие — не смеют относиться к своим обязанностям легкомысленно. Младшие тогда не проявляют строптивости, а старшие — пренебрежительности.

У металла и у дерева разные задачи; у воды и огня специфические функции. Инь и ян не тождественны в своих делах, но польза, приносимая ими народу, едина. Следовательно, различное может быть подобным в том, что покой, а подобное может нести угрозу различными способами. Различение подобного и различного, разница между благородством и низостью, моральное сознание, свойственное старшим и младшим, — ко всему этому прежние ваны относились с осторожностью, ибо здесь пролегает граница между порядком и смутой.

Стрелок видит кончик осенней паутины, но не замечает стены, на которой висит мишень. Художник замечает каждый волосок, но ему безразличен общий вид изображаемого. Это называется — «внимание к главному». Если не сконцентрироваться на главном — даже будучи Яо или Шунем, порядка не установить. Потому что всякая смута начинается вблизи, а простирается далеко; начинается у корня, а достигает верхушки. То же и порядок. Потому и случилось так, что Байли Си находился в Юй, и Юй погибло; когда же он находился в Цинь, это царство стало ба-гегемоном. Когда Сян Цзи обитал в Шан, Шан погибло, но когда он оказался в Чжоу, это царство стало властвовать над миром. Когда Байли Си был в Юй, рассудок его не был слаб; когда Сян Цзи находился в Шан, его советы не были плохи. Просто не было там самого главного. Когда один переселился в Цинь, его ум не стал сильнее, и когда другой переселился в Чжоу, его постановления не стали совершеннее, просто у них появился корень. Этот корень и есть то, что называется ясным разграничением функций.

Циский правитель повелел Чжан-цзы вместе с Хань и Вэй напасть на Чу. Чусцы послали Тан Ме во главе войска преградить им путь. Армии противостояли друг другу в течение шести месяцев без решающего сражения, и тогда циский правитель послал Чжоу Цзюя, чтобы он подвинул Чжан-цзы на бой. Его послание было очень резким. Отвечая ему, Чжан-цзы сказал Чжоу Цзюю: «Убить меня, лишитъ должности, уничтожить мою семью—это наш царь может. Но заставить меня начать сражение, когда нельзя его начинать, или не начинать, когда начать сражение необходимо,—этого царь не может добиться от меня, подданного». Тем временем чусцы продвинулись к реке Бишуй и стали там лагерем, а Чжан-цзы послал узнать, можно ли в этом месте отвести воды реки, но чусцы стреляли в него, и он не сумел приблизиться к реке. Но там же на берегу некто косил сено, и он объяснил циским дозорным: «Глубину реки легко установить: те места, которые чусцы тщательно охраняют, мелкие; те же, где охрана небрежна,—глубокие». Дозорные взяли этого косца в колесницу и доставили его к Чжан-цзы. Тот был очень доволен и стал готовить своих солдат к ночному штурму в месте, которое чусцы охраняли особенно тщательно. В итоге Тан Ме был убит. О Чжан-цзы можно сказать, что он понимал суть ремесла полководца.

Ханьский Чжаоли-хоу отправился стрелять птицу привязной стрелой. Один повод у его колесницы оказался неровен и слаб. По этому случаю Чжаоли-хоу обратился к слуге: «Разве этот повод не слаб и не неровен?» Слуга ответил: «Точно». Когда прибыли на место, Чжаоли-хоу принялся стрелять птиц, а правый ездовой пока вытянул и подровнял поводья. После охоты Чжаоли-хоу собрался в обратный путь и взошел на колесницу. Через некоторое время он спросил: «Почему этот повод, который был короток и слаб, теперь ровный?» Правый ездовой сзади сказал: «Я, ваш слуга, сегодня его выровнял». Чжаоли-хоу вернулся и выбрал колесничего, а затем заменил обоих. Ибо достойный правитель не держит на службе ни тех, кто пренебрегает своими обязанностями, ни тех, кто занимается не своим делом.

Если, положим, некто способен и без высочайшего повеления спасти страну своими действиями, если кто-то может определить вес точнее весов, если кто-то чертит круги и квадраты, как по циркулю и угольнику,—все равно это всего лишь частное умение или расчет, из этого невозможно сделать правило для всех. Подражать следует только тому, на чем все сходятся, к чему можно

побудить всех — и достойных, и недостойных. Планы столь мудреные, что их невозможно выполнить, предприятия столь далеко идущие, что в них никто не в силах участвовать, — от этих вещей прежние ваны отказывались.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Внимание к малому / Шэнь сяо

Высшие уважаемы, низшие презираемы. То, что презираемо, не может взирать на высшее иначе как с ограниченных позиций, поэтому у него нет способа это высшее узнать. Уважаемое же чревато заносчивостью, а заносчивость побуждает легкомысленно относиться к малым делам. Когда же с небрежностью относятся к малым делам, высшие тогда не имеют средства узнать низших. Когда же высшие и низшие не понимают друг друга, тогда высшие клеветают на низших, а низшие ропщут на высших. Поскольку же подданные устроены так, что не могут служить тому, что ненавистно, а властители не в силах любить то, что презирают, — и высшие, и низшие оказываются полностью лишенными своих особых умений. Поэтому достойный властитель внимателен ко всем мелочам, чтобы даже в них отличать хорошее от плохого.

Когда в огромной плотине заводятся муравьи, проравшаяся вода смывает целые города и уносит жизни множества людей. Когда из очага вылетает одна искра, сгорает дом, и в огне пропадает все имущество. Когда полководец ошибается в одном-единственном приказе, армия терпит поражение, и сам он погибает. Когда правитель ошибается в одном слове, царство его гибнет, имя покрывается позором, а последующим поколениям он служит посмешищем.

Вэйский Сянь-гун пригласил к обеду Сунь Линьфу и Нин Чжи. В парк его в это время прилетели дикие гуси, и слуга ему сообщил об этом. Тогда гун отправился в парк стрелять гусей, а те двое остались его дожидаться. Был уже вечер, а гун все не возвращался; когда же он наконец пришел, он даже не снял меховую шапку, перед тем как предстать перед двумя мужами. Это мужам не понравилось, и они в скором времени свергли Сянь-гуна и посадили на его место Гунцзы Цяня. Вэйский Чжуан-гун встал у власти и хотел прогнать Ши Пу. Как-то он поднялся на башню, чтобы полюбоваться оттуда видом, увидел землю жунов — Жунчжоу — и спросил о ней: «Что

это там такое?» Слуга ответил: «Жунчжоу». Чжуан-гун спросил: «Как жуны смеют селиться в моем царстве, когда я принадлежу к царской фамилии Цзи?» И он велел захватить их поселения и уничтожить их область. А в это время цзинцы уже подошли с войском, чтобы напасть на Вэй. Воспользовавшись этим, жуны из Жунчжоу сговорились с Ши Пу, убили Чжуан-гуна и поставили у власти Гунцзы Ци. Вот что значит пренебречь мелочью. Человек уж так устроен, что спотыкается не о гору, а о муравьиную кучу.

Когда циский Хуань-гун взошел на трон, он за три года сказал только три слова, но весь мир считал его достойным, подданные были ему рады. А ведь он всего-то разрешил охотиться на хищных зверей, ловить птиц, склевывающих зерно, и расставлять силки на зайцев.

У Ци правил в Сихэ [к западу от Хуанхэ], он хотел как-нибудь показать, что народ может ему верить. Поэтому он велел как-то поутру установить у южных ворот столб и объявить в городе: «Кто к завтрашнему утру уберет столб, стоящий у южных ворот, будет пожалован титулом старшего дафу». На следующее утро, когда встало солнце, столб был на месте, а в народе говорили: «Кто же может в такое поверить?» Но один человек сказал: «Попробую его убрать! Ну не получу награды, и все. Чем мне это грозит?» И он убрал столб, а потом пошел доложить об этом У Ци. У Ци сам вышел ему навстречу и пожаловал его чином старшего дафу. На следующее утро столб снова был выставлен, и опять было объявлено по городу то же самое. Тогда горожане ринулись к воротам и стали наперебой тащить столб, но столб на этот раз был вкопан глубже, и награду получить никому не удалось. С тех пор народ поверил в обещания наград и наказаний, исходящие от У Ци. А когда народ уверен в наградах и наказаниях, с ним можно не только воевать — ему все под силу.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Внешность мужа / Жун ши

Муж не односторонен и не партиен. Он гибок и в то же время тверд; скромн, но внушителен. Внешний же вид у него бодро-веселый и бесхитростный; он сосредоточен

на внутреннем. Он не опускается до мелких вещей и всей душой принадлежит великому. Вид у него не воинственный, но никто не может его запугать; он прочно стоит на своем, отважен и смел и не дает себя оскорблять и порочить. Он смело встречает несчастье и идет туда, где опасно, соблюдая верность моральному сознанию и ни в чем от него не отступая. Даже когда он встает лицом к югу и называет себя «несчастливым», он не становится из-за этого высокомерным и не считает себя великим. С первого дня, когда он начинает править народом, он начинает стремиться к тому, чтобы покорились все в мире за пределами четырех морей; он берется только за большие дела, ценит только лучшее и не гонится за мелкими выгодами. Его уши и глаза бегут пошлости, с ним можно говорить об укреплении государства. Он не ищет богатства и славы и не страшится бедности и неизвестности. Действует согласно внутренней силе, проявляет силу характера и с уважением относится к разуму — поэтому стыдится использовать хитрость, чтобы себя оградить. У него щедрое сердце, и он снисходителен к проступкам других. В сердце он очень строг к себе, он не поддается влиянию внешних вещей-событий и никогда не станет делать ничего недостойного. Таким должен быть государственный муж.

В Ци был один знаток собак, его сосед обратился к нему с просьбой купить ему собаку, которая ловила бы мышей. Целый год прошел, пока тот такую нашел, и сказал соседу: «Вот хороший пес». Сосед держал этого пса несколько лет, но ни одной мыши тот не поймал, и он сообщил об этом знатоку. Знаток сказал: «Это хороший пес, ему бы ловить кабанов и косуль, а не мышей. Если хочешь, чтобы он ловил мышей, зажми ему задние лапы в колодки». Сосед надел ему колодки на задние лапы, и тот действительно стал ловить мышей.

Нрав горячего скакуна, порыв дикого гуся — с помощью этих образов можно описать изначальный порыв человеческого сердца. Так уж устроен человек, что если он будет искренен, то душа его будет услышана другим человеком. Зачем же еще нужны речи, чтобы что-то выразить? Это и есть то, что называется общение без речей.

Некий пришлый гость предстал перед Тянь Пянем из Ци. Одет пришелец был пристойно, вел себя строго в соответствии с правилами, манеры его были свободны и изящны, речи обнаруживали, что он сведущ и умен. Тянь Пянь выслушал его и отпустил. Но даже когда гость

выходил, Тянь Пянь все еще провожал его взглядом. Тогда к нему с вопросом обратился ученик: «Этот пришлый чем не муж?» Тянь Пянь ответил: «Боюсь, что не муж. То, что этот пришелец скрывал в речах и от чего воздерживался в действиях,— как раз то, что настоящий муж прямо высказывает и открыто делает; то же, о чем настоящий муж предпочитает умалчивать и от чего воздерживается, этот тип как раз выставлял напоказ. Так что боюсь, что это не настоящий муж».

Когда зажженный светильник освещает один угол, большая часть комнаты остается в тени; когда кости и сочленения рано заканчивают формироваться, отверстия, по которым поступают питательные вещества, становятся плохо проходимыми, и тело больше не вырастет. Когда кто-то рано научается все делать как надо, новые знания не поступают, и такой остается мелким человечком. У заурядного человека нет внимания к соответствию внутреннего внешнему—он думает только о том, как он выглядит в глазах других людей, поэтому у него много талантов, но нет души. Такой не станет заботиться о других и не способен на большие дела; он любит получать, но не отдавать, поэтому такой даже в большом царстве не будет царем надолго. Беды и несчастья будут там что ни день. Так что внешность благородного мужа чистотой может сравниться с яшмой из гор Чжуншань—он виден издалика, как дерево, стоящее на вершине холма, он предусмотрителен, старателен и с опаской относится к переменам, не смея быть довольным собою. Он старателен; успех у него или неуспех, он не показывает вида, оставаясь в сердце простым и безыскусным.

Тан Шан в свой срок стал скрибом-ши. Его старый знакомый, полагая, что Тан Шан рад этому назначению, обратился к нему с поздравлением. Тан Шан на это сказал: «Не то чтобы я не мог быть скрибом-ши, просто я стыжусь этой роли и поэтому не хочу им быть». Его приятель ему не поверил. Когда войско Вэй-Лян окружило Ханьдань, Тан Шан убедил лянского Хуэй-вана снять осаду и получил в награду от чжаосцев округ Боян. Тогда его приятель поверил, что тому стыдно было оставаться всего лишь простым скрибом-ши. Через некоторое время этот приятель обратился к Тан Шану с просьбой о назначении для своего старшего брата. Тан Шан сказал: «Когда умрет вэйский правитель, его место займет твой старший брат». Приятель очень обрадовался и дважды поклонился, вполне ему поверив.

Здесь тот случай, когда не верят, когда можно верить, и верят тому, во что поверить нельзя,— таково несчастье, приносимое глупостью. Понимать, как устроен человек, но быть неспособным распространить это понимание на самого себя—такому вручи хоть всю Поднебесную, все равно потеряет. Ибо нет большего несчастья, чем глупость. Беда от глупости в том, что она вполне на себя полагается. Если такое творится в стране, лучше вообще не иметь государства. Обычай передачи власти достойному в древности именно от этого и произошел. Дело было не в том, что не любили своих сыновей и внуков, и не в том, что были спесивы и стремились прославить свои имена,—просто сама действительность толкала на это.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Служить большому / У да

Если мы заглянем в записи прежних ванов, то увидим, что там говорится: из советников трех ванов не было имени, которое не было бы прославлено, и не было достояния, которое не пребывало бы в безопасности. Это потому, что их заслуги были поистине велики. Когда же речь идет о помощниках заурядных властителей, то стремление к славе и богатству у них было точно такое же, что и у советников тех ванов, однако имена их всегда оказывались покрыты позором, а их достояние всегда оказывалось под угрозой. Это потому, что их успехи были невелики. Волновались они всегда из-за того, что их собственные персоны были недостаточно почитаемы в царствах, где они служили, но их не беспокоило то, что их властители не пользуются достаточным уважением в Поднебесной. Вот и получалось, что, желая славы, они впадали в еще больший позор, желая безопасности, все больше оказывались под угрозой.

Конфуций об этом говорил: «Ласточки отбивают себе в борьбе друг с другом удобное место под стрехой, мать и дети кормят друг друга из клювиков, весело щебечут вместе, радуясь, поскольку полагают себя в полной безопасности. А между тем дымовая труба очага уже лопнула, и огонь лижет стропила, но у ласточек по-прежнему довольный вид. Почему так? Они не понимают, что беда скоро коснется и их самих. Среди подданных мало кто умом отличается от таких вот ласточек. Такие, становясь подданными, продвигаются в чинах и званиях. Отцы

и дети, старшие и младшие братья, поддерживая друг друга, собираются в одном каком-нибудь царстве и весело щебечут там, довольные друг другом. Тем самым они создают угрозу алтарям земли и посева, но то, что и там приближается огонь из лопнувшей трубы очага, им невдомек, потому что их ум ничем не отличается от ума ласточек. Поэтому и говорится: «Когда смута в Поднебесной, ни одно царство не может остаться в безопасности; когда смутой охвачено царство, ни один дом не может наслаждаться спокойствием; когда смутой охвачен дом, ни один человек не может остаться в стороне». Здесь имеется в виду, что безопасность малого всегда зависит от большого, а безопасность большого всегда зависит от малого. Малое и большое, подлое и благородное опираются друг на друга во взаимозависимости — только тогда могут все спокойно радоваться».

Бо И изложил вэйскому наследнику Сы-цзюню свое учение об искусстве царствовать. В ответ на это наследник сказал: «У меня есть тысяча колесниц, и я желал бы принять ваше учение. Бо И на это сказал: «У Хо способен поднять тысячу цзюней — не тем более ли один цзюнь?»

Ду Хэ объяснял чжоускому Чжао Вэнь-цзюню, каким образом можно обеспечить безопасность в Поднебесной. Чжао Вэнь-цзюнь сказал Ду Хэ: «Я хотел бы научиться, как сохранить безопасность в одном только Чжоу». Ду Хэ ему ответил: «Если то, о чем я говорю, невыполнимо, Чжоу не может остаться в безопасности ни при каких обстоятельствах. Если же то, о чем я говорю, возможно, то безопасность для Чжоу наступит сама собой». Это и имеется в виду, когда говорится о достижении безопасности без специального стремления к ней.

Правитель Чжэн спросил у Бэй Чжаня: «Я слышал о вас, преждедрожженный, что вы считаете своим моральным долгом не отдавать жизнь за правителя и не уходить в изгнание из-за его гибели. Можно ли этому верить?» Бэй Чжань ответил ему: «Это есть. Если моих речей не слушают, мое искусство-дао не применяют на практике, то такому правителю я служить не стану. Если же мои речи слушают, а методы применяют, то о какой смерти или изгнании может идти речь?» Таким образом, нежелание умирать и уходить в изгнание Бэй Чжаня выглядят достойнее, чем если бы он готовился умирать и уходить в изгнание.

В древности Шунь хотел, чтобы ему покорился весь мир, но сумел он стать только лишь ди-правителем; Юй хотел стать ди, но сумел стать лишь ваном

в Поднебесной; Тан и У хотели наследовать Юю, но не преуспели и стали лишь мудрыми и хорошими ванами в своих царствах; пять ба-гегемонов хотели продолжить дела Тана и У, но не сумели и потому смогли стать лишь предводителями чжухоу. Кун и Мо хотели утвердить великий путь-дао в современном им мире, но не преуспели и сумели лишь прославиться в будущих поколениях. Так что неуспех в претворении великого морального закона-справедливости тоже в своем роде успех, и причина этому в том, что стремятся к по-настоящему великому.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Важность земледелия / Шан нун

То, в чем прежние ваны наставляли свой народ,— важность земледелия. Когда народ занят земледелием, это не только приносит пользу земле, но также драгоценно для нравов самого народа. Когда народ занят земледелием, он становится простым; когда он становится простым, его легко использовать на службе; когда его легко использовать на службе, безопасность границ обеспечена, а властитель в почете. Когда народ занят земледелием, он становится серьезным, а когда он серьезен, у него не бывает сомнений относительно долга. Когда же у него нет собственных представлений о том, что есть внутренний закон, тогда законы, гарантирующие общее благо-гун, стоят прочно, а все силы народа собираются воедино. Когда народ занят земледелием, богатство страны удваивается; когда это богатство увеличивается, он думает, прежде чем уходить на другое место. Когда серьезно думают, прежде чем переселяться, умирают там, где живут, и не ищут ничего лучшего. Если отбросить корень и заняться верхушкой, невозможно будет повелевать; если невозможно будет повелевать, нельзя будет защищаться. Когда народ отбрасывает корень и хватается за верхушку, его имущество становится компактным, а когда его имущество компактно, он легко идет на переселение или убегает. Когда народ легко переселяется с места на место, в стране и семьях начинаются проблемы—все начинают гоняться за дальним, ни на чем не успокаиваясь мыслью. Когда народ бросает корень и хватается за верхушки, он начинает ценить ум, а когда в цене ум, много обмана. Когда многие обманывают, тогда начинают умело толковать законы и указы, выдавая правду за ложь, а ложь—за правду.

Хоу Цзи говорил: «Землепашество и ткачество необходимо ценить выше всего за то, что с их помощью насаждается культура». По этой причине сын неба лично во главе чжухоу вспахивает поле предка-ди, дафу и мужи всегда при этом имеют свои задания и дела.

По этой причине, когда наступает время для полевых работ, крестьяне не должны появляться в городе — этот закон нужен для того, чтобы привить народу уважение к земле.

Первая дама-хоу ведет девять компаньенок в предместье собирать тутовые листья на общем поле — это делается для того, чтобы показать, что круглый год — весной, осенью, зимой и летом — найдется работа с коноплей и шелком, чтобы тем самым укрепить личным примером усердие женщин. Вследствие этого мужчины не ткут, но одеваются, а женщины не пашут, но кормятся — так мужчины и женщины обмениваются продуктами своего труда, удлиняя жизнь друг другу. Такой порядок установлен мудрецами. Поэтому уважают всякое время года и любят каждый день; не состарившись, не оставляют трудов; не уходят с работы, если только не болеют; не отказываются от работы, если еще не мертвы. Крестьянин, работающий на поле высшего качества, способен прокормить девятерых; работающий на поле худшего качества — пятерых. Может быть больше, но меньше быть не может. Один человек занимается делом, а десять от этого кормятся, включая шесть видов домашних животных. Таково высшее искусство использования земли. Поэтому во время полевых работ не начинают военные сборы, не ведут крепостных работ, не начинают обучения в школах. Мужчинам запрещается устраивать сборища для посвящения в совершеннолетние, жениться, выдавать замуж дочерей, устраивать праздники с жертвоприношениями, приглашать гостей, устраивать многочисленные пиры с вином. Без приказа вышестоящих крестьянин не смеет заниматься другими делами, так как это может повредить сезонным работам. Затем устанавливается запрещение на обработку пустующих земель, присоединение полей через брак лиц одной фамилии. Крестьянам запрещается также покидать пределы деревни для гулянок, девушкам запрещено искать женихов на стороне — все это для того, чтобы обезопасить земледелие.

В уставе по использованию пустующих полей пять пунктов: «Пока поле не перепахано под следующий год, запрещается заниматься обработкой конопли и вывозить навоз из ям. Если возраст не достаточно велик,

запрещается заниматься садоводством и огородничеством. Если сил на все не хватает, следует заниматься не ирригацией, а пахотой; земледелец не должен заниматься торговлей или иным делом, так как это приносит вред сезонным работам. Весной запрещается рубить лес в горах и вывозить его оттуда; запрещается выжигать лес у водоемов или уничтожать там траву. Запрещается выносить за ворота силки и сети; запрещается опускать в водоемы рыболовные сети; если на озерах нет смотрителей лодок, нельзя, пользуясь этим, плавать: все это вредит сезонным работам».

Если кто из народа не трудится на земле, на его домашний скот ставят клеймо правителя. Управлять государством трудно, когда три сомнения достигают предела. Это значит — когда поворачиваются спиной к основному и нарушают законы ведения дел, тем самым разрушая свое государство. Всякий человек, становящийся взрослым, подчиняется одному из трех управителей: земледельцы имеют дело с зерном, ремесленники — с утварью, торговцы — с товарами. Если сезонные работы не выполняются, это становится большим несчастьем.

Если насильно отвлечь земледельцев и занять их земляными работами, это называется цзи — «задержка», тогда возникают беспрестанные заботы и приходится сокращаться по поводу пустых колосьев. Если насильно отвлечь земледельцев на водные работы — это называется юэ — «нарушение», и это все равно что траур сопровождать музыкой — никто из соседей не придет. Если отвлечь земледельца на военные дела — это можно назвать «ли» — жестокость. А если бедствие войны будет продолжаться несколько лет, то некого будет поднять на жатву. Если же много раз будут отвлекать народ в сезон, то наступит большой голод. И тогда на полях будут валяться сохи, а люди кто будет болеть, кто петь песни, и так от зари до сумерек, и гибель хлебов будет очень велика. Все это бывает от знания второстепенного и непонимания истинного значения основного занятия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Использование земли / Жэнь ди

Хоу Цзи говорит: «В состоянии ли ты сделать из низины холм? В состоянии ли ты исправить недостатки земельного участка и сделать его плодородным? Способен ли ты промыть землю от соли и сделать ее вновь

рождающей? Можешь ли ты ускорить рост и надолго дать земле покой? Можешь ли ты сделать так, чтобы не росли сорняки? Способен ли ты выровнять поле так, чтобы оно орошалось равномерно? Способен ли ты сделать свое поле защищенным от выветривания? Способен ли ты вырастить просо так, чтобы оно было ровным и чтобы колос стоял прочно? Можешь ли ты сделать так, чтобы колосья были большими, крепкими и одинаковыми? Сможешь ли ты сделать зерно круглым и только полбу — тонкой? Можешь ли ты сделать его сытным и питательным? Если нет, что толку во всем остальном?»

В пахоте основная цель состоит в том, чтобы твердую землю сделать мягкой, а мягкую — плотной; отдохнувшие земли нуждаются в том, чтобы их вновь использовали, а постоянно используемые — требуют отдыха. Тощие нуждаются в удобрении, а жирные — в истощении; те, которые дают быстрый рост, нуждаются в замедлителях, те, на которых все растет медленно, требуют ускорителей. Влажные нуждаются в осушении, сухие — в увлажнении. На высоко расположенном поле сажать надо в низинах, на расположенном низко — на возвышениях. Пять раз нужно пахать, пять раз боронить, тщательно готовить почву к севу. Глубина посадки зависит от насыщенности влагой — тогда не будет высокой травы, а в ней — вредителей-кузнечиков.

Если в этом году хороший рис, на следующий год будут хорошие хлеба. Но для этого нужен плуг в шесть чи, чтобы вспахать поле, и лемех должен быть в восемь цуней, чтобы обеспечить приток влаги. Мотыгу по размеру следует подбирать так: если она шести цуней, ею можно работать в междурядье. Землю можно унавоживать, можно и, наоборот, истощить. Если унавоживать во влажную погоду, она становится жирнее: всходы тогда будут крепкие, а земля — рассыпчатая. Если ее мотыжить в сухую погоду, она становится мелкокомковатой.

Трава поспевает в первый осенний месяц. На седьмой день пятой декады после зимнего солнцестояния начинают расти камыши; камыш поспевает первым из всех трав, в это время начинают пахоту. В конце первого месяца три растения теряют листья, а ячмень пора убирать. После летнего солнцестояния засыхают кудай и цзыли; сажают коноплю и бобы. Тогда народу объявляют, что сокровища земли полностью исчерпаны.

Все травы созревают до дня весеннего равноденствия, когда последней созревает трава сиюу, а пшеница теряет лист, — тогда следует приступать к уборке урожая. Тут

объявляют народу, что — пора. В каждый из пяти сезонов что должно расти, то и сажай, что завершает рост, то и убирай.

Небо ниспосылает погоду, а земля приносит богатства, не совещаясь ни о чем с человеком. Если есть урожай, приносят жертвы земле, если нет урожая, — все равно приносят жертвы земле. Нельзя давать народу упускать время, нельзя посылать его заниматься чем-либо менее важным. Народ должен понимать что бедность или богатство — искусство лица — зависит от того, успеваешь ли вовремя: упустил время — никакое искусство не поможет. По этой причине и старые, и слабые должны напрячь все силы, поскольку тут день год кормит. Те, кто в этом ничего не смыслит, когда время еще не пришло, действуют против природы, а когда время уже упущено, гонятся за вчерашним днем.

Упускать время, когда наступил подходящий момент, — все равно что толкать свой народ назад, мешая ему работать. Если народ толкать назад, лучшее время будет, конечно, упущено, а в этом деле ничего хуже быть не может. Когда земледелие становится столь хлопотным делом и когда в нем не могут отличить главного от второстепенного, тогда народ начинает разбегаться. Кто сажает раннюю пшеницу поздно, а позднюю рано, получит мало зерна, и труды его пропадут даром.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Споры о почве / Бянь ту

Искусство земледелия в следующем: прежде всего необходимо хороший чернозем, который держит достаточно влаги и нескоро высыхает. Лунки под посадку нужно делать глубокими: тогда влага будет проникать к корням. Слабые всходы надо подкармливать, сильные — пропалывать, тогда влага будет стоять в лунках и постепенно доходить до корней.

Полям первого разряда необходимо вдвойне уделять внимание; но и на полях второго разряда нужно сделать все, чтобы использовать их возможности. Нельзя отдавать землю на разор трем разбойникам: три раза снимать урожай с поля, обработанного четырьмя; устраивать большие промывающие и малые отводящие каналы; разводить на полях рыбу. Нельзя также охотиться, когда на полях всходят посевы, — все это ограбление земли. Когда сажают не рядами, когда пашут, но не

удобряют — тогда растения крадут друг у друга. Когда не пропалывают — тогда поля зарастают; когда пропалывают все подряд — тогда трава ворует у растений. Нужно устранить эти три вида воровства, и зерна будет много.

Важна также точная по времени обработка поля, иначе много трудов, но мало толку. Если спешат — делают все слишком рано; если тянут — слишком поздно. Следовательно, холод и жар действуют неравномерно, и растения тогда либо пустые, либо слишком отягощенные.

Что касается полей орошаемых, то если они на склоне — им не хватает влаги; если они на крутизне — земля обваливается; если на ветру — почву сносит; если слишком высоко — обнажаются; если открыты холодам — растрескиваются; если открыты жаре — высыхают. Когда в один сезон нападают эти шесть напастей, ясно, что урожай получить невозможно.

Если высаживают культуры не одновременно, а поспевают они одновременно — урожайные культуры созревают первыми, и тогда все «грабители» разом начинают воровать. На вид вроде бы много, а соберешь — пусто. Ведь крестьянин понимает только, как сделать свое поле красивым, но не понимает, что его посадки могут быть при этом слишком редки и сделаны не вовремя. Он любит выравнивать межи, но не думает о том, что почва, на которой он сажает, тощая и, если не полоть — зарастет, а если полоть — оголится. В этом большой ущерб делу. Так что канавы минь нужно делать широкими, с ровным дном, а канавы сюнь — узкими и глубокими. Тогда внизу будет собираться инь, а наверху — ян, и все будет правильно расти.

Для рассады плохо, когда высаживают ее в пыль, а когда она принимается, то упирается в твердую землю. Осторожность при посадках требует, чтобы рассады не было слишком много или слишком мало для этой площади. Что касается культивации, то нельзя, чтобы ее было недостаточно, но также нельзя, чтобы ее не хватало.

Когда первый урожай поспел, можно переходить ко второму севу. Почву после уборки первого урожая следует выровнять, тогда рассада лучше примется. Если ряды будут широкими и ровными, корни при культивации не будут повреждаться. Стебель должен быть на одну пятую под землей. Когда стебли поднимаются ровными рядами, легче культивировать; если они достаточно редки, то не мешают друг другу и быстрее растут.

Поперечные ряды должны быть реже, а продольные — чаще. Если ряды ровные, их лучше продувает ветерком. Когда ростки еще слабые, им необходимо свободное пространство; когда они поднимаются, они как бы начинают тянуться друг к другу, а когда они созревают, то стоят плотной стеной. Поэтому, когда сажают кустиками по три, зерна бывает больше.

С рисом беда в том, что он всходит не всегда одновременно, зато часто одновременно осыпается. По этой причине лучший рис — тот, что раньше всходит; тот же, что всходит позже, — хуже. Поэтому, когда проводят пропашку риса, помогают росткам «старшим братьям» и устраняют «младших братьев»; когда же вносят удобрения, стараются сделать так, чтобы где-нибудь рис взошел раньше и образовал целый куст. Если вносят много удобрений, но слишком широко разбрасывают — бывает много половы; если делают наоборот, много растений погибает раньше срока.

Непонимание принципов земледелия ведет к тому, что при культивировании убирают «старших братьев» и оставляют «младших» и получают вместо лучшего зерна мелкое. Если ни в начале, ни в конце не думают о безопасности — многие растения погибают. Если почва слишком плотна, не проходят питательные вещества; если же она слишком слаба — растение ложится и не может подняться. Если почва слишком темная и плотная, ее необходимо размягчить перед севом. Если не избегать повторной вспашки и уничтожать сорняки и вредителей, то сельское хозяйство можно вести успешно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рассуждение о времени / Шэнь ши

Дао всякого земледелия: главное — в неукоснительном попечении. Срубишь дерево не вовремя — оно скоро сгниет. Когда зерно спелое, а ты его не убрал — жди небесной кары. Для всякого злака так: посажен он человеком, дает ему рост земля, а вскармливает его небо. Поэтому, когда сажаешь рассаду, надо оставлять между кустами место шириной в ступню; когда пропалываешь мотыгой — место шириной в мотыгу; когда убираешь урожай — место шириной с руку. Это называется: искусство пахоты.

Когда злак убран вовремя, у него длинный стебель и длинный колос, большой корень и мало ответвлений,

между колосцами большой промежуток, а колос велик; семена тогда круглы, а мякины мало; зерно тогда полное и питательное. Такое зерно не осыплется от ветра.

То, что собрано раньше срока, будет нести на ветвях и листьях костру, будет коротким и ломаным. Колос будет крупным и пышным, а вкус — как у лучшего зерна, но без того аромата.

То, что собрано позже срока, будет нести на стеблях и листьях костру, торчащую вбок. Колос будет тощий и зеленоватый, осыпающийся. В нем будет много пустых зерен, он не будет налитым.

Когда просо снято вовремя, ость и стебель гнутся долу; на колосе ость длинная. При обмолоте остается мало мякины, обмолачивается колос легко; не сушит рот, на вкус ароматен. Такое просо не испортишь даже плохой готовкой.

У проса, снятого до срока, крупный корень и мощный колос, а стебель слабый и короткий; лист у него длинный, а стебель короткий.

У проса, снятого позже срока, стебель слабый и спутан с другими; колос короткий, в нем много мякины. Зерно мелкое, слабое и без аромата.

У риса, снятого в срок, крупный корень и мощный стебель. Стебель у него длинный, с редкими сочленениями, а колос — что конский хвост, зерна крупные и без ости; потрешь в руках, останется мало мякины. Легко обмолачивается, на вкус ароматен. Такой рис не впитывает воду.

У риса, снятого до срока, крупный корень, а лист такой же длины, что и стебель. У него короткий стебель и короткий колос, много пустых зерен и мякины. Зерно мелкое, много ости.

У риса, снятого позже срока, стебель слабый и сухой, много мякины, много пустых зерен. Зерна мелкие и непригодны. Тот, кто дожидается такой переспелости, может возводить глаза к небу и умирать.

У конопли, снятой в срок, длинная ость, редкие сочленения, цвет светло-зеленый, маленький корень и крепкий стебель; у нее толстые волокна одинаковой длины. Поздно созревшая, она роскошна. В момент равноденствия она достигает двойной длины. Такой не страшна даже саранча.

У бобов, снятых в срок, длинный стебель и короткий корень. За четырнадцать дней они вызревают, так что у них становится много ответвлений и много сочленений; листья пышны и сочны. Крупные бобы круглы, мелкие,

если их растереть между ладонями — ароматны. Они тяжелы на вес; на вкус — сладки и ароматны. Таким бобам не страшны гусеницы. Посаженные до срока, они растут слишком буйно, листья их становятся слишком крупными, сочленения — слишком редкими. Они мелки и не успевают созреть. Посаженные слишком поздно, они дают короткие стебли с редкими сочленениями; корни у них слабые и не держат стебель.

Пшеница, поспевшая в срок, такова: у нее длинный стебель и черная шейка, за четырнадцать дней она созревает и наливается тяжестью. У нее тонкая кожица, красноватая на вид. На вес она тяжелая, на вкус — ароматная и сладкая. От нее мышцы становятся гибкими и сильными. Такой не страшны личинки.

Посаженная слишком рано, до летних ливней, она высыхает внутри и становится добычей личинок, а также других напастей. Та, что похуже, покрывается узлами. Посаженная слишком поздно дает слабый стебель и зеленоватый колос. Цвета она бледного, у нее сильная ость.

Посему колос, поспевший в срок, обилен; колос, поспевший не в срок, убог. Даже равные по высоте колосья будут тяжелее там, где они высажены вовремя. Если зерна на вид одинаково много, при обмолоте все же окажется больше у посаженной в срок. Посаженное в срок зерно, будучи обмолоченным и съеденным в равном количестве с посаженным не в срок, дольше утоляет голод.

Ибо у колоса, высаженного в срок, ароматный запах, сладкий вкус, в нем много эфира-ци. И когда его едят в течение 100 дней, уши и глаза становятся чуткими и ясными, мысли — глубокими, все члены — сильными. Болезнетворная же ци не может проникнуть внутрь, и тело человека не сокрушается.

Хуан-ди говорил: «Человек не может исправить четыре времени года, он может лишь сообразно им исправить пять злаков».

ПРИМЕЧАНИЯ

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПРИМЕЧАНИЯ *

¹ Начальные двенадцать глав (пянь) первых двенадцати книг (цзюань), образующих раздел «Записей» (цзи), в совокупности представляют собой текст, известный как «Полунные указы». Аналогичный текст присутствует как «Юэ лин» (гл. 6) в «Ли цзи» и как «Ши цзэ сюнь» (цз. 5) в «Хуайнань-цзы». Три последовательных главы этого типа символизируют один из «четырёх сезонов» (сы ши) года, поэтому их заглавия содержат знаки мэн, чжун и цзи, обозначающие соответственно первую, вторую и третью луну (юэ) текущего сезона. «Мэнчунь-цзи», таким образом, означает: «Запись, соответствующая первой весенней [луне]». По календарю, которым предположительно руководствовались авторы «Люйши чуньцю», так называемому сяскому, мэнчунь была первой луной (чжэн юэ) года.— 71.

² *Иньши* — одно из «28 зодиакальных созвездий»; расположено в северной части небосвода, соотносимой с областью царства Вэй и конфигурацией (сян) «Сюань». По современным представлениям, «Ши» объединяет альфу и бету созвездия Пегас. Начальные фразы составляющих «Полунные указы» глав указывают на «прохождение» солнца через область (фэнь е) небосвода, занимаемую одним из «28 созвездий» (в данном случае — через область созвездия «Ши»), и тем самым — на способ определения календарного времени для проведения необходимых ритуальных (символических) и административных (реальных) действий носителем высшей власти — «сыном неба» (тянь цзы).— 71.

³ *Шэнь* — одно из 28 созвездий, в современном созвездии Орион.— 71.

⁴ *Вэй* — одно из 28 созвездий, в современном созвездии Скорпион.— 71.

⁵ Циклические знаки *цзя* и *и* корреспондируют со стихией дерева и, следовательно, с весной.— 71.

⁶ *Тайхао* — мифический император Фуси, чье правление находилось под покровительством стихии дерева, отчего жертвы ему приносились на востоке.— 71.

* К сожалению, Г. А. Ткаченко успел только приступить к работе по комментированию своего перевода, так и не осуществив ее до конца. Вряд ли это может сегодня сделать кто-нибудь другой. Данное положение вещей, на наш взгляд, делает совершенно необходимой публикацию в настоящем издании имеющихся — пусть немногих — комментариев автора. По количеству и содержанию примечаний, сделанных им к самому началу первой главы первой книги, читатель может составить представление о том, какие задачи по комментированию памятника ставил перед собой исследователь. Мы надеемся, однако, что недостаточная подробность примечаний к остальному тексту в некоторой степени компенсируется исследовательской вступительной статьей, где тщательно анализируется текст памятника, а также словарем основных понятий. Часть примечаний дается по опубликованным ранее фрагментам с собственными комментариями Г. А. Ткаченко. Составители упорядочили авторские комментарии, «привязав» их к конкретным местам текста и присвоив им сплошную нумерацию.

- ⁷ *Гоуман* — природный дух (шэнь) деревьев. — 71.
- ⁸ Весне соответствовали твари, покрытые чешуей, в частности рыбы и драконы. — 71.
- ⁹ По комментарию, нота *цзюэ* корреспондирует с деревом. — 71.
- ¹⁰ Одна из двенадцати, по числу лун, тональностей. — 71.
- ¹¹ Дерево занимает третью позицию в системе пяти стихий, откуда следует его число (5 + 3). — 71.
- ¹² Вкус дерева — кислый. — 71.
- ¹³ Считалось, что таков запах дерева. — 71.
- ¹⁴ Весной «пробуждающиеся твари открывают дверки своих нор», поэтому жертвы приносятся *дверям*. — 71.
- ¹⁵ По одной из версий, *селезенка* ассоциируется с деревом. — 71.
- ¹⁶ *Выдра* раскладывает на берегу пойманную рыбу, что и считалось «жертвоприношением». — 71.
- ¹⁷ Дворец сына неба (императора) назывался Минтан и имел сложную структуру. В частности, *Цинъян* представлял собой восточную часть дворца, состоявшую из трех помещений, по числу весенних лун: собственно Цинъяна и левых (северных) и правых покоев (гэ). Каждую луну сын неба переселялся в помещение Минтана, корреспондировавшее с данной лунной по схеме пяти стихий. — 71.
- ¹⁸ Первоначально «луань» — обозначение зеленого феникса; в данном случае имеется в виду колесница с «фениксовыми» колокольчиками. — 71.
- ¹⁹ Крупные кони, по комментарию — ростом выше 8 чи. — 71.
- ²⁰ Зеленый (цин) цвет убранства корреспондирует с цветом стихии дерева. — 71.
- ²¹ *Пшеница* корреспондирует со стихией дерева, *баранина* — со стихией огня. Последнюю избирают в качестве ритуальной пищи, чтобы с ее помощью изгнать холод. — 71.
- ²² Возможно, узор на ритуальных сосудах ассоциируется с «прветриванием» (шу и да), соответствующим весеннему состоянию гармонического эфира (ци). — 71.
- ²³ *Тайши* — придворный историограф, в обязанности которого входило наблюдение за ходом светил и составление календаря. — 71.
- ²⁴ *Жизнетворная сила* (шэндэ) весны проявляется в порождении и росте всего живого. — 71.
- ²⁵ *Три гуна и девять чинов* — высшие чины государства, *чжухоу* и *дафу* — аристократия. — 71.
- ²⁶ Ритуал *встречи весны* совершался в восточном предместье за стенами города на расстоянии восьми ли, так как восемь — число весны. Возможно, ритуал был посвящен Тайхао и Гоуману. — 71.
- ²⁷ *Сяны* — три гуна (см. примеч. 25). — 71.
- ²⁸ *Шанди (Ди)* — верховный предок (владыка) или предки (ди), также — небо; впоследствии приобрел антропоморфные черты. — 71.
- ²⁹ *Тайцин* — храм предков. — 72.
- ³⁰ *Юэчжэн* — чин, ведающий музыкой, капельмейстер. — 72.
- ³¹ *Цзиньский Пин-гун* (Цзинь Пин-гун) царствовал в Цзинь с 558 по 532 г. до н. э. *Ци Хуанъян* был его министром. — 78.
- ³² *Циньский царь Хуэй* правил с 399 по 384 г. до н. э. *Фу Тунь*, последователь школы Мо-цзы, был министром Хуэя и современником конфуцианца Мэн-цзы. — 78.
- ³³ В комментаторской литературе предлагается несколько чтений и соответственно идентификаций имени «Соу». Как считала Л. Д. Позднеева, в данном случае «случайная описка в именах... могла повести к расхождению в датировке на многие века» (Позднеева Л. Д. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. М., 1967. С. 332), поэтому мы не будем заниматься разысканиями, а предлагаем читателю восп-

принимать царевича Соу просто как литературного героя. Этот случай, как и последующие эпизоды с Хуа-цзы и Янь Хэ, приводятся также в гл. 28 книги «Чжуан-цзы», но в ином порядке и с некоторыми разночтениями.— 80.

³⁴ *Красные пещеры* (букв. «Киноварные пещеры» — «Даньсюэ»).— Согласно свидетельствам древних, находились в 500 ли к югу от Шаньдуна, где-то на окраине царства Юэ, а быть может, даже за его пределами. Свое название получили от ярко-красного, «киноварного» цвета.— 80.

³⁵ *чтобы сохранить себя*— У «Чжуан-цзы» — «совершенствовать себя», что более логично для данного текста.— 81.

³⁶ Эта изумительная по красоте *жемчужина* славилась в Древнем Китае. Согласно легенде, Священный Змей извлек ее со дна обильной жемчугом реки Бу, протекавшей через царство Суй, и преподнес одному из суйских царей в благодарности за собственное спасение.— 81.

³⁷ *Хуа-цзы* (Цзы Хуа-цзы) — житель царства Сун, последователь древнего философа Ян Чжу. В даосских книгах «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы» имеются рассказы о Хуа-цзы, созвучные данному фрагменту. В «Ле-цзы» повествуется о том, что Хуа-цзы потерял память, но, когда по просьбе домашних его наконец вылечили, он в гневе «выгнал жену, наказал сыновей и с копьем погнался» за врачом. «Прежде, утратив память,— объяснял он свое поведение,— я был базгранично свободен, не ощущая даже, существуют ли Небо и Земля. А ныне внезапно [все] осознал, и в тысячах спутанных нитей [мне] вспомнились жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть за прошедшие десятки лет... Сумею ли снова хоть на миг обрести забвение!» (Позднеева Л. Д. Указ. соч., с. 73). В «Чжуан-цзы» мы находим другую притчу, связанную с именем Хуа-цзы. Используя известную сказочную коллизию выбора («направо пойдешь...», «налево пойдешь...»), Хуа-цзы доказывает царю Чжао Си, опечаленному земельными спорами с соседним царством, что спорные земли не стоят печали, которая «ранит тело и губит жизнь». — 81.

³⁸ Имеется в виду ли, порядок, которому подвластно все в мире, прежде всего природа. Конфуцианцы истолковывали свои нормы поведения как частное проявление этого закона.— 99.

³⁹ *Цзэн-цзы* — ученик Конфуция.— 101.

⁴⁰ *Сяский хоу Кун Цзя* — согласно комментарию, потомок Юя, основателя династии Ся, правившей в III—II тыс. до н. э.— 120.

⁴¹ *Привратниками* в древнем Китае становились люди физически неполноценные.— 120.

⁴² По другим сведениям, Юй связал себя брачными узами, по всей видимости, с упомянутой *девой*: «Я в дни синь, жэнь, куй и цзя женился в Тушани, [когда] у меня родился Ци, я не растил его как сына, вот почему сумел успешно обуздать воды и устроить земли» (Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. М., 1972. С. 161, 275). — 121.

⁴³ По версии Сыма Цяня, царь Чжао утонул в реке Цзян, а телохранитель вытащил лишь его труп (там же, с. 192, 322). — 121.

⁴⁴ Замечательна последующая музыкальная деятельность *Чжангуна*. — 121.

⁴⁵ *Ю Сун-ши* — согласно Сыма Цяню, «Цзе был разбит у поселения рода Ю-сун и бежал в Минтяо, а войска Ся были разгромлены» (Сыма Цянь. Указ. соч., с. 169). — 121.

⁴⁶ См. примеч. 28.— 121.

⁴⁷ *Дэ* — термин с очень широким кругом значений, здесь — единство благих намерений и потенций к их осуществлению.— 121.

⁴⁸ *Чжэнь* и *Вэй* — «царства, девушки в которых считались самыми красивыми, а песни — самыми нежными, — были осуждены конфуцианцами

как «развратные», поэтому упоминание о них признавалось ересью». Позднеева Л. Д. Указ. соч., с. 341).— 121.

⁴⁹ Основной мировой принцип, следование которому сопровождается обретением дэ (см. примеч. 47).— 122.

⁵⁰ Чэн Тан — легендарный основатель династии Шан, согласно традиции, нанес поражение дому Ся (см. примеч. 40) в 1766 г. до н. э.— 122.

⁵¹ Вэнь-ван — основатель династии Чжоу (ок. 1066—221 гг. до н. э.).— 122.

⁵² Чжухоу — «все хоу», властители отдельных областей древнего Китая, номинально признававшие верховную власть «Сына неба».— 123.

⁵³ Инхо соответствует Марсу, по представлениям древних, — средоточие огненной стихии. Созвездие Синь находилось в восточной четверти небосвода.— 123.

⁵⁴ Согласно комментарию, главный астролог-тайши при Цзин-гу-не.— 123.

⁵⁵ По комментарию, текст исправлен по «Хуайнаньцзы», гл. «Дао ни».— 124.

⁵⁶ Мудрые правители древности, средоточие мудрости и добродетели. Под тремя ванами имеются в виду цари древности, а именно: основатели династий Ся, Шан и Чжоу, то есть Великий Юй, Чэн Тан и Вэнь-ван (см. примеч. 66, 74, 126).— 124.

⁵⁷ В данном случае словом «сила» передается функция эфир-ци, превращения которого составляют материальную основу жизни. Превращения ци обусловлены, в свою очередь, противоборством двух потенций — инь и ян (см. примеч. 58).— 124.

⁵⁸ Л. Д. Позднеева пишет об инь и ян: «...если обратиться к поэтической образности древнего фольклора, то можно вскрыть синкретическое значение данных терминов — ян = солнце + жар + зарождение + свет; инь = луна + холод + смерть + темнота. К сужению понятий до последних значений при толковании памятников могло привести лишь забвение простого практического опыта земледельца — его представлений о смене холода и жара, зарождении и умирании, которые известны по сохранившимся пережиткам обычной для каждого народа зимней и весенне-летней обрядности» (Позднеева Л. Д. Указ. соч., с. 9).— 124.

⁵⁹ Под пятью злаками подразумеваются просо, рис, конопля, бобы и пшеница.— 124.

⁶⁰ Легендарный герой, воевавший против владыки Хуан-ди, правившего, согласно преданию, с 2697 г. до н. э.— 125.

⁶¹ Относительно Инхо см. примеч. 53. Прочие небесные знамения представляют собой, по всей видимости, различные виды комет, метеоров и т. п. Переведа названия этих комет, мы стремились донести до читателя их образность, руководствуясь при этом указанием Л. Д. Позднеевой на известное обеднение оригинала в русском переводе, если этот перевод содержит исключительно транскрипции китайских прозвищ, названий и т. п. (см.: Позднеева Л. Д. Указ. соч., с. 331).— 125.

⁶² См. примеч. 57.— 125.

⁶³ Согласно древним натурфилософским представлениям, в каждое время года господствует одна из стихий, которой присущ определенный цвет. Здесь эти цвета перепутаны: весне приписан желтый вместо положенного ей лазоревого и т. д. Подробнее о роли цветов в «Люйши чунь цю» см.: Ткаченко Г. А. О композиции «Двенадцати замет» в «Люйши чунь цю» («Веснах и осенях Люй Буэя»).— В кн.: Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1976. С. 50.— 125.

⁶⁴ См. примеч. 28.— 126.

⁶⁵ См. примеч. 37.— 126.

⁶⁶ Тан — император Чэн Тан (1711—1698 гг. до н. э.), основатель династии Инь, У — император У-ди (1066—1063 гг. до н. э.), основатель следующей за ней династии Чжоу. Оба они в китайской традиции предстают идеалом добродетельного правителя Поднебесной, благодаря заслугам которого существует созданная им династия, пока запас ее духовной потенции *дэ* не израсходован. Цзе и Чжоу — это Цзе-ван и Чжоу Синь, запятнавшие себя распутием и многочисленными злодеяниями. Они были не только духовными антагонистами Тана и У, но также их противниками на поле боя и пали от их руки. Цзе и Чжоу, от которых, согласно преданию, «отвернулось небо», традиционно олицетворяют зло и неправду. — 131.

⁶⁷ Циньский Му-гун правил в 659—637 гг. до н. э. — 143.

⁶⁸ Лян Юмин — один из богатейших цзиньского царя Хуэя. — 143.

⁶⁹ Чжао Цзянь-цзы — глава знатного цзиньского рода; впоследствии основал небольшое самостоятельное царство Чжэн. — 143.

⁷⁰ Текст не совсем ясен, равно как и далее, где говорится о *чиновнике, служившем при городских воротах*. Возможно, речь идет просто о названиях населенных пунктов («Янчэн» — «Город под солнцем»; «Гуанмэнь» — «[Город] широких ворот»). Другой вариант, которому следует в своем переводе Б. Вильгельм, предполагает, что иероглифы «Янчэн» составляют часть имени Сюй Цюя, а слово «Гуанмэнь» — название должности привратника при каких-то «широких» (дворцовых?) вратах: (см.: Wilhelm B. Frühling und Herbst des Lu Bu Wei. Jena, 1918. S. 102—103). — 143.

⁷¹ Имеется в виду император Чэн Тан, одержавший победу над последним императором династии Ся — Цзе-ваном. — 146.

⁷² Санлинь (букв. «Тувовый лес») — священная роща на горе, где иньцы приносили жертвы Небу. Источники сообщают, что, когда засуха продолжалась уже семь лет и никакие моления не помогали, было решено совершить в Санлине человеческие жертвоприношения Небу. Думается, однако, что самопожертвование Чэн Тана явилось в данном случае не вполне добровольным. Дело в том, что он как вождь племени был одновременно и верховным жрецом, т. е. нес моральную ответственность за неудачные попытки избавить своих сорочичей от стихийного бедствия. Ведь и впоследствии случалось, что шамана или шаманку, которым не удавалось вызвать дождь, страдающие от засухи крестьяне либо возводили на костер, либо просто выставляли под палящее солнце в надежде, что для спасения собственной жизни те постараются как следует, и дождь наконец хлынет. Видимо, нечто подобное имело место и с Чэн Таном (см. примеч. 73). — 146.

⁷³ Чэн Тан срезал волосы и ногти, а затем сжег их, желая ограничиться символическим жертвоприношением. Поскольку это успеха не возымело, он сам, совершив обряд очищения, покаявшись в грехах, взойшел на костер, но тотчас же загремел гром, полил сильный дождь и огонь погас. — 146.

⁷⁴ У горы Ци (Ципань) располагалась главная ставка вождя чжоуских племен — Царя Просвещенного (его посмертный титул — *Вэнь-ван*). Он был отцом будущего императора У-вана и данником последнего иньского императора Чжоу Синя. Тиран Чжоу Синь с большим недоверием относился к Вэнь-вану, постоянно усиливавшему свое влияние, и долгое время держал его в подземной темнице (где тот, по одной версии, создал 64 гексаграммы «Книги Перемен»). Только когда узник покорно съел суп из собственного сына (скорее всего вариант известного в мировой литературе сюжета «Пир Атрея»), тиран решил, что этот ничтожный человек ему не опасен, и сменил гнев на милость. Он пожаловал Вэнь-вану титул Сибо — «Владыки запада», вернув ему все владения.

При жизни Вэнь-ван так и не дождался случая отомстить своему сюзерену. Однако когда его наследник У-ван повел свою армию в поход против Чжоу Синя, набальзамированное тело отца везли в первых рядах, дабы тот мог насладиться желанной мстостью.— 146.

⁷⁵ *Казнь поджариванием*— хождение по раскаленным медным брускам. Вариант перевода термина «Паоло»: человека привязывали к раскаленному медному столбу, внутри которого были уголья, и он как бы поджаривался на медленном огне, погибая в страшных мучениях.— 146.

⁷⁶ *Царь Юэ*—Гоу Цзянь, правивший в Юэ с 497 по 464 г. до н. э. Его противником был Фу Чай (или Фу Ча), правивший в другом южнокитайском царстве—У (с 495 по 473 г. до н. э.). В 494 г. до н. э. царство У разбило войска царства Юэ, и юэский царь Гоу-цзянь с остатками войск засел в горах *Куайцзи*, был окружен и просил У как о милости не лишать его царства. Уский царь Фуча отвел войска, а юэцы поклялись отомстить У. Через двадцать лет юэцы нанесли поражение У, Фуча был вынужден покончить с собой, и царство У перестало существовать.— 147.

⁷⁷ *Уху*—город и уезд под таким названием находится на территории современной провинции Аньхой.— 147.

⁷⁸ Т. е. стал «гегемоном». В так называемый период «Весен и осеней» (VII—V вв. до н. э.), а также в последующий период «Сражающихся царств» власть сына Неба становилась все более номинальной. На фоне ослабления законной центральной власти разгоралась борьба за гегемонию над всем Китаем между бывшими удельными правителями, фактически превратившимися в независимых государей. В разное время такими «гегемонами» были правители нескольких крупнейших царств, упомянутые здесь и далее Фу Ча, Гоуцзянь, ранее—циский царь Хуань-гун, чуский царь Чжуан Ай (Чжуан-ван).— 147.

⁷⁹ *Циский Чжуан-цзы*—далее *Тянь Хэ* и, <ниже,> *Сяоцзы*—государственные деятели царства Ци.— 147.

⁸⁰ *Цзе* и *Чжоу*—по преданию, последние правители соответственно династий Ся и Шань-Инь (III—II тыс. до н. э.), олицетворение зла и порока (см. примеч. 66).— 161.

⁸¹ См. примеч. 65.— 161.

⁸² *Разбойник Чжи* жил во времена Конфуция; *Ци Цзу*—согласно комментарию Гао Ю, Чжуан Цяо, полководец IV в. до н. э., отличавшийся разбойным нравом.— 162.

⁸³ *Чуский царь Чжуан Ай* в истории известен под именем Чжуан-вана, правил в Чу с 613 по 591 г. до н. э.— 164.

⁸⁴ *Юньмэнь* («Туманные» и «Сонные») — огромные заболоченные озерные угодья по обоим берегам р. Янцзы, на территории современной провинции Хубэй, шириной около 350 км, изобиловавшие тогда разнообразной крупной дичью и птицей и служившие излюбленным местом охоты чуских царей. Впоследствии от них осталось лишь несколько небольших озер.— 164.

⁸⁵ Такое количество *колесниц* символизировало крупное царство, могущее претендовать на власть во всей Поднебесной.— 166.

⁸⁶ *Царевич Цин Цзи*—полководец царства Вэй, воевавший с царством У.— 166.

⁸⁷ Река *Цзян*—Янцзы.— 166.

⁸⁸ *Вэйский И-гун* правил в царстве Вэй с 668 по 661 г. до н. э. Вошел в историю как правитель, пренебрегавший своим долгом перед народом и потому заслуживший кару Неба. Все свое время он посвящал не государственным делам, а журавлям, которых очень любил. На их содержание он тратил огромные средства, в то время как народ голодал. Наиболее ранняя версия рассказа о гибели И содержится в летописи «Цзочжуань» под вторым годом правления Минь-гуна.— 167.

⁸⁹ *Хуань-гун* — правитель царства Ци, был в то время «гегемоном», т. е. фактическим владыкой Китая. После разгрома вэйской армии кочевниками и гибели И он послал войска, дабы уберечь жителей вэйского царства от полного уничтожения. — 168.

⁹⁰ *Чуцю* (букв. «Терновые холмы») — древний город, находившийся на территории современной провинции Хэнань. — 168.

⁹¹ Т. е. рассматривает этот мир всего лишь как временное пристанище, которое очень скоро придется покинуть и возвратиться в вечное небытие, рождающее все сущее. Лозунг «не бояться трудностей, не бояться смерти, смотреть на смерть как на возвращение» широко пропагандировался в Китае в период так называемой культурной революции. — 173.

⁹² *Янь-цзы* (Янь Ин, ?—500 до н. э.) — сановник (да фу), впоследствии первый министр в царстве Ци. Его авторству приписывался трактат «Янь-цзы чуньцю», но современные исследователи считают, что текст, возможно, был создан в V—IV вв. до н. э. и дошел до нас в редакции Лю Сяна. Янь Ину, в частности, приписывается разработка теории гармонических взаимоотношений между правителем и советником. Эпизод с упомянутым выше *Бэйго Сао* описан в памятнике «Янь-цзы чуньцю». — 173.

⁹³ *Чжи Бо* (властитель Чжи) — глава одного из «сильных родов» в царстве Цзинь. — 178.

⁹⁴ *Мэнчан-цзюнь* (мэнчанский правитель) — известный политический деятель из царства Ци, впоследствии был оклеветан врагами и погиб. Подробное его «Жизнеописание» помещено Сыма Цянем в «Исторических записках» (глава 75). — 178.

⁹⁵ Т. е. *мужами* простого происхождения, незнатными, но добившимися положения в обществе благодаря личным качествам. Таковым был и сам Люй Бувэй. — 178.

⁹⁶ Имеется в виду род *Чжи Бо*, убитого в 453 г. до н. э., покровительствовавший Юй Яну. — 178.

⁹⁷ *Союз цзун* («поперечный союз») состоял из царств, протянувшихся с севера на юг Китая. Был организован для отпора набирающему силу царству Цинь, которое впоследствии все же подчинило себе весь Китай. — 178.

⁹⁸ *Гуань Чжун* или *Гуань-цзы* — крупный государственный деятель и философ (VIII—VII вв. до н. э.). Бывший раб, он стал впоследствии вдохновителем политики циского царя Хуань-гуна (685—643 гг. до н. э.), первого «гегемона» Китая. Гуань Чжуну приписывается авторство высказываний, вошедших в философский трактат «Гуаньцзы». — 179.

⁹⁹ *Шан Ян* (Гунсунь Ян, 390—388 гг. до н. э.) — крупный государственный деятель и реформатор царства Цинь, автор трактата «Шанцзюньшу» («Книга правителя области Шан»), посвященного вопросам государственного управления и социальной философии. Основоположник школы «законников», или «легистов» («фацзя»). — 179.

¹⁰⁰ *Чжао-нан* правил в Цинь с 306 по 250 г. до н. э. — 179.

¹⁰¹ *Шан Го* или *Шан До* — легендарный красавец древности. — 186.

¹⁰² *Гунсунь Луи* — знаменитый философ из царства Чжао, живший около 325—250 гг. до н. э. Пользовался покровительством Пинъюань-цзюня, младшего брата чжаоского царя Хуэй Вэнь-вана, правившего с 298 г. до н. э. — 188.

¹⁰³ ...*Юэчжэн Цычунь*... — фамилия этого персонажа может быть истолкована и как звание — главный придворный музыкант. — 196.

¹⁰⁴ История девушки из рода *Юшэнь* и *Ииня*, сподвижника первого иньского царя Чэн Тана, изложена также у Сыма Цяня в «Исторических записках» (т. 1, с. 166), где читатель может с ней ознакомиться. — 197.

¹⁰⁵ *Цзы Ян* из царства *Чжэн*—первый советник Сы Цзы Янь. Описываемые события относятся к 398 г. до н. э.—202.

¹⁰⁶ *Черноголовыми* называли свободных общинников. Различные истолкования этого термина учитывали отрицательную окраску слов типа «чернь», «темный».—202.

¹⁰⁷ *Цзиньский Вэнь-гун* правил с 636 г. до н. э. Битва под Чэнпу имела место в 632 г. до н. э.—204.

¹⁰⁸ В данной главе имеется в виду, что *мужжи, владеющие дао* (ю дао чжи ши), и, <ниже,> *мудрые*, или мудрецы (шэнжэнь),—представители служилого люда, среди которого правители должны находить себе достойных советников. Поэтому далее в переводе эти люди называются также «мужами государственными». В эпоху Чжаньго, которая описывается в «Люйши чуньцю», таких служилых мужей называли также «гостями» (бинькэ), и авторы текста, если следовать Сыма Цяню, сами относились к этому сословию.—224.

¹⁰⁹ *Пять предков* (или «пять государей»)....—В «Люй-ши чуньцю» к ним относятся Тай-хао, Янь-ди, Хуан-ди, Шао-хао и Чжуань-суй, что не совпадает с принятым традиционной китайской историографией перечислением: Хуан-ди, Чжуань-суй, Ди Ку, Яо и Шунь.—225.

¹¹⁰ Под *ба-гегемонами* (см. примеч. 78) понимаются правители царств и сами царства, которые в эпоху Чуньцю в разное время «доминировали» (ба) над другими царствами при помощи военной силы, а именно: царства Ци, Цзинь, Цинь, Сун и Чу. Классическая традиция и осуждала этот вид диктата, но авторы «Люйши чуньцю» в данном случае имеют в виду, что основателей династий и ба-гегемонов могло бы быть и больше, если бы правители привлекали на службу способных людей.—243.

¹¹¹ Точное число *царств*, подчиненных Чжоу, как и зависимых от него чжухоу, неизвестно, но обычно считается, что их было раз в десять меньше. Здесь текст следует понимать в том смысле, что гибель царств к концу эпохи Чуньцю носила лавинообразный характер, что соответствует действительности.—244.

¹¹² *Чжоу-гун Дань*, сын Вэнь-вана и брат У-вана, основателей чжоуской династии, в классической традиции служил образцом благородного мужа, главным образом благодаря тому, что утвердил на троне Чэн-вана, малолетнего сына своего брата, став его опекуном. В этом смысле Чжоу-гун послужил прототипом для всех «государственных мужей», предпочитавших впоследствии роль «советника» положение правителя.—244.

¹¹³ В данной главе авторы последовательно противопоставляют «разумных» (сянь) правителей «неразумным» (бу сяо), имея в виду, что первые прислушиваются к советам «мужей государственных», а вторые — нет. В ряде случаев в переводе по чисто стилистическим причинам нами употребляется вместо слова «разумный» слово «добродетельный», что не противоречит смыслу исходного текста. Под «ритуалом» (ли), с помощью которого правители привлекают на службу советников, в данном случае имеется в виду вежливость и необходимость оказывать этим мужам всяческое уважение, относясь к ним не как к слугам, а как к людям, имеющим собственное достоинство.—244.

¹¹⁴ *Тай-гун*, согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, в которых автором использованы и устные предания, искал встречи с *Вэнь-ваном*, чтобы помочь ему в свержении порочного иньского правителя Чжоу-синя и утверждении чжоуской династии. В свою очередь Вэнь-ван получил предсказание, что во время охоты его ждет встреча с настоящим мудрецом, который станет его советником (Ши цзи, гл. 32). Эта встреча состоялась на берегу реки Вэй, где престарелый Тай-гун жил в уединении и ловил рыбу, так как, по одной из версий, не хотел

служить тирану Чжоу-синю. Комментаторы полагают, что *Цзыцзоань* — это рукав Вэй.— 244.

¹¹⁵ В древности меховую одежду обычно носили мехом наружу, поэтому комментаторы считают, что ее владелец специально вывернул ее, чтобы мех не стирался, когда он таскал сено, предназначенное на корм скотине. Такая бережливость и то, что он отдыхал не в доме, а прямо у дороги, указывали на его крайне стесненные обстоятельства, что не помешало Янь-цзы опознать в нем благородного мужа и мудреца.— 245.

¹¹⁶ В тексте сказано, что Янь-цзы сделал Юэ Шифу «гостем» (кэ), т. е. официально принял его на службу как «бинькэ». «Гостями» (бинькэ или мэнкэ) назывались преимущественно незнатные служилые мужи, часто образованные люди, собиравшиеся при дворах влиятельных аристократов или сановников, например у того же Люй Бувэя. Комментаторы полагают, что Юэ Шифу стал «старшим советником» (шан бинь) среди таких мужей, живших при Янь Ине.— 245.

¹¹⁷ *Ле-цзы* (Цзы Ле-цзы, Ле Юйкоу)—мудрец, возможно живший в IV в. до н. э., авторству которого приписывался одноименный трактат в восьми главах (пянь). Данный эпизод известен также по главам 28 «Чжуан-цзы» и 8 «Ле-цзы».— 245.

¹¹⁸ По мнению некоторых комментаторов, Цзы Ян был министром (сян) в царстве Чжэн, по мнению других— тамошним царем. Погиб Цзы Ян при невыясненных обстоятельствах: согласно «Историческим запискам» (Ши цзи, гл. 40), в 398 г. до н. э. «в Чжэн убили Цзы Яна»; в другом месте (Ши цзи, гл. 42) говорится, что в 411 г. «чжэнский правитель убил своего первого советника Цзы Яна». В различных источниках, в том числе в «Люйши чуньцю» (кн. 14, гл. 3) и «Хуайнань-цзы» (гл. 13) о гибели Цзы Яна, как человека жестокого, говорится без сожаления, однако правителем он, вероятно, все же не был (см. также перевод и комментарий к этому фрагменту Л. Д. Позднеевой в кн.: Мудрецы Китая. Ян Чжу. Лецзы. Чжуанцзы. М., 1994. С. 105, 320, 383).— 245.

¹¹⁹ *Бин*— древняя мера объема, равная 16 ху, или 160 (позже 80) доу. Один доу считается примерно равным десяти литрам, однако установить точный эквивалент для описываемой эпохи сложно. Современные комментаторы считают, что Ле-цзы прислал «несколько сот даней» зерна («дань» — 100 литров). В любом случае авторы текста вели речь об очень щедром даре.— 246.

¹²⁰ Т. е. второй отец.— 247.

¹²¹ *Симэнь Бао*— чиновник из царства Вэй (IV в. до н. э.); прославился гидротехническими работами, а также борьбой с человеческими жертвоприношениями.— 254.

¹²² *Инь Вэнь* (или Инь Вэнь-цзы)— знаменитый философ из царства Ци.— 261.

¹²³ Следование *природному порядку вещей*, или естественному ходу дел, выражается как «подчинение» (фу) тому, что называется «природой и предназначением» (син мин) вещей. Правитель, «понимающий» (чжи) эти «природу и предназначение», не стремится внести в природный, или «небесный» (тянь), порядок никаких изменений, но искусно ему следует и тем самым овладевает высшим из всех искусств — искусством правления (дао), совпадающим с природным дао-законом.— 276.

¹²⁴ *Хуа-цзы* (Цзы Хуа-цзы)— мудрец, возможно живший в IV в. до н. э., которого считают последователем Ян Чжу (ок. 440—334 до н. э.).— 276.

¹²⁵ *Шэнь-нун* (Священный Земледелец)— персонаж мифоистории, входит в число так называемых трех властителей (сань хуан), обычно наряду с Фу-си и Нюй-ва. *Яо* и *Шунь*— идеальные ваны древнос-

ти в классической традиции, входящие в число так называемых пяти первопредков (у ди), обычно наряду с Хуан-ди, Чжуань-сюем и Ку.— 276.

¹²⁶ Юй—Великий Юй (Да Юй), персонаж мифоистории—легендарный основатель династии Ся, боровшийся с потоком по поручению Шуня. Согласно комментаторам, под *Цинбзем* имеется в виду некая страна на востоке, известная также как Цинцю; там же находилось и государство Цигунго. *Цзюянишань*—название гор на юге.— 277.

¹²⁷ Чжао Сян-цзы (У-сюй)—полководец, пришедший к власти в царстве Чжао в 457 г. до н. э., после чего стал именоваться Сян-цзы. Жэнь Дэнь—сановник при Чжао Сян-цзы.— 277.

¹²⁸ Чжунмоу—город на территории современной провинции Хэнань; Чжань Сюйцзи в другой версии этого фрагмента заменен двумя персонажами, что не меняет смысла этой истории.— 277.

¹²⁹ Перечисленные персонажи призваны служить иллюстрацией к тезису о нахождении мудрецов в простонародной среде: И Инь, советник Тана, основателя династии Шан-Инь, был поваром, Люй Шан, т. е. Тай-гун, ловил рыбу, Гуань Иу, т. е. Гуань Чжун, советник циского Хуань-гуна, который стал благодаря этому одним из ба-гегемонов, до того чуть его не ранил стрелой и потому был поначалу как бы его «врагом», Байли Си, советник циньского Му-гуна, тоже ба-гегемона, одно время был слугой.— 278.

¹³⁰ Перечисленные персонажи были приближенными правителей, снискавших дурную славу.— 278.

¹³¹ Чжань-цзы (Чжань Хэ)—философ VII в. до н. э. В «Ле-цзы» приводится его диалог с чужским царем Чжуан-ваном, правившим с 613 г. до н. э.— 284.

¹³² Саньту—горные хребты Тайханшань в провинции Шаньси.— 294.

¹³³ Дэнь Си—философ из царства Чжэн, живший в 545—501 гг. до н. э. Известен как создатель законов. Конфуцианская традиция приписывает его казнь не Цзычаню, высшему сановнику в Чжэн, а другому лицу.— 295.

¹³⁴ Фэйту и Яоняо—знаменитые скакуны древности.— 308.

¹³⁵ 300 шэ—т. е. 7500 семей.— 312.

¹³⁶ Канцлер Пи (Тайцзай Пи) служил при уском ване Фучае и, по преданию, за мзду действовал в пользу враждовавших с царством У юэсцев, что в конце концов привело к уничтожению царства У юэским ваном Гоу-цзянем. Чжан У был слугой Чжи Бо, сановника в царстве Цзинь; его советы, направленные против Чжао Сян-цзы, в конце концов привели к гибели самого Чжи Бо.— 377.

¹³⁷ Данная история построена на игре слов, поскольку в китайском языке знаком «цзу» записываются и существительное «нога», и глагол «быть достаточным, хватать». Куй был знаменитым музыкантом при Шуне, славившимся своим тонким слухом. На подобной игре слов или на сходстве иероглифических знаков построены и другие фрагменты в этой главе.— 378.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ «ЛЮЙШИ ЧУНЬЦЮ» *

ань-нин — безопасность и спокойствие, признаки достижения социальным нормальным — оптимальным состоянием, при котором возможно полноценное воспроизведение жизни всем существующим (*вань-ю*)

бинькэ — «гости», странствующие мастера (*цзы*), члены сословия «образованных» (*ши*)

буи — «люди в холщовой одежде», самоназвание незнатных интеллигентов

бу сы — «беспристрастие-бескорыстие», отсутствие частного интереса; равно благожелательное отношение неба-природы (*тянь*) ко всем разрядам вещей (*лэй*)

бу сяо — «неразумие», ослабленность интеллекта (*чжи*), управляющего эмоциональной сферой (особенно о правителе)

бу чжи — «невежество», отсутствие «правильных» представлений о мироустройстве, связанное с недостатком образования (*сюе*)

бянь-хуа — «изменения и превращения» вещей (*у*); см. *чан*

вай — «внешнее», вещественное, в противоположность *нэй* — «внутреннему», духовному; явное

ван — «гибель», уничтожение царства (*го*) как суверенного образования; см. *цунь-ван*

ван — титул властителя, главы царства (*го*)

вань-ю — «все существующее», совокупность наблюдаемых вещей и явлений

вэнь — «узор»; культура; созданное человеком — орнаментальный текст, наложенный на изначальную, создаваемую небом-природой «натуру» (*чжи*); *вэнь хуа* — «окультуривание», цивилизация; ср. *бянь-хуа*

вэнь-и — высокая степень искусности в определенной сфере, например в стрельбе из лука или управлении колесницей; совр. «литература и искусство»

гань-шэ — стимул и реакция; явление «космического резонанса» — способность человека реагировать на изменение состояния окружающей среды

гао — козленок; ягненок, приносимый сыном неба в жертву во второй весенней луне

го — «царство», букв. «город, обнесенный стеной»; государство

го — упущение, выход за пределы нормы, «средних значений», антропомерного, допустимого, безопасного, здорового и красивого; излишество, ошибка, преступление, выражающиеся в нарушении принципа *гунности-срединности* (*гун*)

гуань — органы чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса); чины, чиновники, аппарат; относительно автономны, подвластны желаниям-страстям (*юй*), у мудреца — под контролем *ума-сердца* (*синь*)

* Словарь был составлен Г. А. Ткаченко для монографии «Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцю»». М., 1990. С. 265—274.

гуй — «возвращение» вещи (у) из явленного (ю) в неявленное (у) после исчерпания (*цзинь*) ею своего срока, жизненной силы

гуй-ду — «правильность (расположения в системе) и приемлемость (по высоте-частоте)» музыкального тона; см. ду-лян

гуйшэнь — родовое наименование божеств-предков, обитателей сферы нуминозного (*шэнь*)

гун — ремесленник, мастеровой

гун — «общее благо» в отличие от «частного интереса» (*сы*); стремление к общему благу-справедливости, олицетворяемое в социуме фигурой правителя-гуна; титул трех высших сановников, стоящих в имперской иерархии выше *цинов* и *дафу*

гун — первая ступень лада (тоника); тон в пятиступенном звукоряде; неявленный («центральный») тон натурфилософской теории музыки, управляющий остальными, явленными тонами, «философский камень» музыки

да сян — «великий образец-прообраз»; сверхобраз-схема целого, вселенной, космоса; доступное лишь мудрецу видение целостной картины мира, близкое к гипнагогическому; см. и-«прообраз»

дан — «должное», правильное расположение музыкального тона в гармоническом ряду; соответствие занимаемому месту-позиции; независимый от воли человека гармонический закон, располагающий звуки в музыкальной системе

дан — колебание охваченного чувством сердца, у мудреца — «правильное», согласующееся с космическим ритмом

дао — демиург, источник колебаний «гармонического эфира»-*цзин-ци*; «делатель вещей», «ответственный» за их переход из неявленного в явленное и обратно; медиатор, пребывающий между явленным и неявленным и обеспечивающий их единство (*тай и*); принцип-метод, «искусство», овладение которым делает мудреца равным демиургу

дафу — титул низших в имперской иерархии чинов

ди — божества-предки, включенные в официальную генеалогию правящего дома

ду — «мера», степень; высота звука, определяемая частотой колебаний его источника; см. ду-лян

ду-лян — высота-интенсивность, параметры музыкального звука, определяемые частотой колебаний его источника и объемом резонатора

дун — движение; динамика; см. *цзин* — «покой»

дэ — «доблесть» — качество, присущее в равной мере природным явлениям и человеку-мудрецу; проявление изначальной жизненной силы (*жэньдэ*) дао-демиурга в вещах и явлениях; в мудреце — внутренняя сила, мастерство в дао-искусстве

дэ дао чжэ — «овладевший дао-искусством», эпитет мудреца; ср. *ти дао*

жан Тянься — «уступать Поднебесную», т. е. государственную власть, более достойному, обычно отказывающемуся от предложенной чести ради сохранения в целостности (*цзоань*) жизни и здоровья

жэнь — «человечность», свойство *цзюньцзы*, высшее проявление его сущности; качество, отличающее человека от животного; действительное знание подлинного блага-*шань*

и — «единое», важнейшее дело жизни — овладение дао-искусством, на котором сосредоточены усилия мудреца; ср. *тай и*

и — «прообраз» из пары инь-ян; см. *лян и*

и — «осанка», образец, достойный имитации; стереотип поведения «благородного мужа» — *цзюньцзы*, отличающийся уравновешенностью и непреклонностью; также — этноним

и — «уместное-своевременное» поведение мудреца, соответствующее наличной космоэнергетической ситуации

и — «прообраз», добытийный (эйдетический) или доисторический (времен «золотого века») образец, в соответствии с которым строит свое поведение и исправляет (*сю*) себя мудрец: «программа» дао-демиурга, реализуемая во всех уровнях бытия: на уровне космоса — в качестве «порядка вещей» (*ли*), на уровне социума — в качестве этоса, выраженного ритуальной нормой (*ли*), на уровне индивида — в качестве внутреннего закона «должной справедливости»; общая схема (*да и*) мироздания, Системы; ср. *да сян*

и — изменение космоэнергетической ситуации, «переход» Системы в следующее состояние

и — «мысль-намерение», интенция, реализация которой требует волевого усилия (*чжи*)

инь — осмысленный элемент музыкального текста, музыкальная фраза; мелос; мелодия

инь ши — следование актуальному моменту, коррекция поведения индивида и социума в соответствии с наличной или назревающей космоэнергетической и исторической ситуацией

инь-ян — «женский» и «мужской» энергетические принципы, фундаментальная оппозиция в понятийной системе натурфилософов; соотношение *иньной* и *яньной* энергий в каждый момент определяет состояние и движение *ци*-среды, что проявляется во всех феноменах видимого мира, начиная с сезонов (*сы ши*) и кончая музыкой, теория которой противопоставляет ряды «мужских» и «женских» тонов в системе *люй*; пара *инь-ян* маркирует и такие признаки, как влажное-сухое, податливое-твердое, неподвижное-активное и т. д.

куй — ущербное, неполноценное, болезненное в противоположность целостному-здоровому — *цюань*

ли — «ритуал», обряд; порядок манифестации (в действе, музыке и жесте, в меньшей степени — в слове) эйдетического прообраза «должной справедливости» — *и*; в широком смысле — этос, господствующие нравы; в узком — благопристойность

ли — мера длины, ок. 0,5 км

ли — «порядок вещей», естественно-оптимальное, рациональное, соответствующее эйдетической схеме (*и*); первоначально, вероятно, узор прожилка в ящике, расположение по «мировым линиям» типа фигур Хладни различных элементов видимого мира под действием гармонического эфира в согласии с неким высшим эстетическим принципом дао-демиурга

ли — «польза-выгода»; мотивационная база поведения «мелких людшек» (*сяожэнь*) в противовес основывающемуся на принципе «должной справедливости» (*и*) поведению *цзюньцзы*

лишу — специальные книги типа календарей, содержащие перечень правил, в соответствии с которыми определялись «благоприятные» дни для свадеб, похорон и т. д.

луань — «смута», состояние социума, обратное «порядку» (*чжи*); хаос, наступлению которого обычно предшествует распад семейных уз и общественных связей

лэ — «радость-счастье», эстетическое наслаждение, в первую очередь связанное с ритуалом и музыкой, воспринимаемыми как выражение гармонии с универсумом (*хэ*); «радость жизни», сопряженная с пониманием благодати-красоты (*шань-мэй*) управляемого дао-демиургом мира, нормальное — здоровое эмоциональное состояние мудреца

лэй — класс вещей, образуемый по критерию их функционального предназначения (морфологии); в широком смысле — занимаемые такими классами экологические ниши

люй — звуковысотная система, как считалось — темперированный звукоряд, образуемый тонами, порождаемыми в соответствии с определенной процедурой, в основе которой лежат числовые соотношения, связанные с «космическими константами»; см. *шу*

лян — мера, объем; интенсивность музыкального звука, определяемая объемом резонатора, например полости трубки-камертона; см. *ду-лян*

лян и — «двоица прообразов», возникающая из первонераздельности; небо-земля; *инь-ян* в предбытийном слое, где складываются прообразы всех бинарно оппозиционных феноменов; см. *и* — «прообраз»

мин — имя, наименование; высшая реальность (*дао* натурфилософов) не имеет имени и называется метафорически «великим единым» — *тай и*; слава, репутация члена сообщества интеллектуалов — *ши*

мин — ясность ума, просветленность — свойство, приобретаемое умом (*чжи*) благодаря сознательной концентрации в себе мудрецом «гармонического эфира» — *цзинци*, свойство самого эфира, способное передаваться другим объектам; видимое проявление доблести — *мин дэ*

мин — предназначение, «судьба»; в сочетании с *тянь* — «небесный мандат» (*тяньмин*), получаемое «доблестными» от неба-природы право на «владение Поднебесной» (выполнение доминантной функции в социуме)

миньсинь — «сердце народное», сознание масс, на которое правитель-*гун* воздействует, проявляя (*мин*) свою доблесть-*дэ*, т. е. делая привлекательным собственный имидж (в противном случае неизбежна утрата «народного сердца»)

му — мера площади, ок. 0,06 га

мэй — красота; прекрасное; любование внешней красотой, например, женщины; восхищение прекрасным, например, доблестью-*дэ* героя-правителя; в сочетании с *шань* — внешняя (пластическая) и внутренняя (нравственная) красота музыки-ритуала — *ли*

мяньцзы — «лицо», внешнее выражение социальной функции индивида; имидж, «общественное лицо»; в узком смысле — престиж

мяо — тайно-женственное; незримый процесс, приготавливающий; рождение (*шэи*) живых вещей; превращение ненаблюдаемо-нуминозного в явленную миру жизнь

ни — «противление» установленному небом-природой «порядку вещей», ведущее к болезни и смерти

нэй — внутреннее, духовное, в противоположность внешнему, вещественному; тайное

нин — ровная горизонтальная поверхность, например, воды; равновесие-сбалансированность и приведение в такое состояние — «умиротворение»

саньгун — титул; возможно, связан с представлением о трех главных советниках императора — *гунах*

се — боковой, отвечающий от главного ствола традиции путь-принцип; побочный, вредный, например «болезнетворная *ци*» — *сеци*

си — дивинаторы-мужчины

син — последовательность действий и событий; поведение; фаза процесса, см. у *син*; проявление вещью своей природы-предназначения *син-мин*, выраженной в ее теле-форме (*син*)

син — тело-форма, в которой функционирует сообразно своей природе-предназначению (*син-мин*) индивидуальная вещь-явление

син — «природа» вещи, ее врожденные свойства, включая видовые признаки; природа человека, или «человеческая природа» (*жэнь син*) — постоянный предмет дискуссий

син-мин — «природа-предназначение» вещи, выраженная в ее видовых признаках (морфология вида); см. *лэй*

син-мин чжи цин — «понимание собственной природы-предназначения» человеком-вещью; на «правильность» такого понимания-ощущения претендовала натурфилософия

синь — «сердце-ум-душа», полное (*сюй*) у мудреца вместилище нуминозной души-*шэнь*, через которое осуществляется коммуникация с нуминозным-*шэнь* планом бытия; резонатор исходящих от *дао*-демиурга гармонических колебаний *ци*-среды; контролирующий «центр» тела, главный орган (гуань), управляющий всей психосоматикой организма

синь — «надежность» неба-природы или человека-мудреца, заставляющая вещи (*у*) «верить» им и полагаться на них

су-пу — «искрашенный шелк и необработанное дерево», изначальная простота; свойство природного материала, выявленное, но не затемненное обработкой

сунь-и — «убывание и возрастание», например доблести-дэ, присущей всем природным феноменам, в зависимости от фазы мирового процесса (сезона); см. *инь-ян*

сы — «частный интерес», противопоставленный «общему благу» (*гун*); см. *бу сы*

сыкоу — чин, занимающийся обеспечением правопорядка

сы ши — «четыре сезона», времена года; четыре главных космоэнергетических состояния Системы, обусловленных взаимодействием *инь-ян*

сэ — «женская красота», увлечение женскими чарами; в сочетании с *шэн*-голосом — «представление с музыкой и танцами» и склонность к такого рода рекреациям — *шэн-сэ*

сэ — цитра *сэ*, музыкальный инструмент

сю — исправление своей «персоны» (*шэнь*) благородным мужем (*цзюньцзы*) по образцу-прообразу (*и*) с целью максимального приближения к «правильному» поведению, умонстроению, внешнему виду; настройка музыкальных инструментов и редакция музыкальных текстов в соответствии с требованиями «правильной» системы *люй*

сюэ — обучение, главным образом грамоте по каноническим текстам; образование, получаемое в результате такого обучения, обычно — у авторитетного наставника

сюй — «пустота», в основном полное внутреннее пространство, например сосуда, сердца мудреца и т. д.; метафора первоначальной бескачественности пространства, отсутствия параметров; у мудреца — отсутствие честолюбивых замыслов, «скромность»; в оппозиции *сюй-ши* — «отсутствие — присутствие», например «боевого духа» (*ци*) в народе (ср. *сунь-и*), качеств подлинного (*ши*) правителя у формального главы социума и т. д.

сян — зримый образ; явление, событие, в отличие от *дао*, непосредственно наблюдаемое, доступное параметризации; ср. *да сян*

сянь — мудрец, удалившийся от мира, «отшельник»

сянь — разумность, наличие здравого смысла, в основном — у правителя; ср. *бу сяо*

сяньчжи — «предзнание», предведение, предвидение; отличительное качество мудреца, позволяющее ему компетентно судить о будущих событиях на основании присущего ему знания принципа функционирования мира, Системы

сяоцзэнь — «мелкие людишки», поглощенные стремлением к пользе-выгоде (*ли*), в отличие от занятого самовоспитанием *цзюньцзы тай и* — «великое единое», символ единства мира, Системы, неявленного и явленного слоев бытия, обеспечиваемого единством силы

дао-демиурга; метафора дао, особенно — в роли медиатора, пребывающего в предбытийном слое, где формируются вещи-явления, ср. мяо

тайши — придворный астролог; см. ши-«скриб»

ти — тело, индивидуальный организм, функционирующий в соответствии с общим дао-принципом неба-природы

ти дао — пластическое выражение дао-принципа в теле отдельного мудреца, достигаемое полным уподоблением (тун) небу-природе

тун — проникновение в суть вещей с помощью тонкой ци ума (цзинци), способность к чему позволяет мудрецу «подключаться» к космоэнергетическим процессам на всех уровнях вплоть до всеуправляющего уровня дао-демиурга и становиться их участником, например демиургом на уровне социума; достигается имитацией (фа) дао-принципа, «искусства» демиурга, проявляющегося как закон неба-природы, «порядок вещей»

тун — «полное уподобление» небу-природе; слияние с абсолютным дао в самоуподоблении ему — апофеоз, достигаемый в самоотдаче действию исходящего от демиурга «гармонического эфира»; тождественность образующего тела и души близких родственников субстрата ци, благодаря чему возможна телекоммуникация между ними («сердце сердцу весть подает»)

тянь — небо-природа

тяньвэнь — «небесный узор», картина звездного неба, в которой видели наглядное проявление «искусства» дао — демиурга, а равно и чертеж-схему миропорядка; из наблюдений за светилами (чэнь) натурфилософы пытались извлечь «постоянные числа» (шу) — лежащие в основании мировой гармонии «космические константы»; совр. «астрономия»

тяньгань — «небесные пни», знаки десятиричного цикла, двойственными комбинациями которых маркировалось время, в частности пять основных космоэнергетических ситуаций (у син); в корреляционной схеме натурфилософов цзя-и — «дереву», весна, Юпитер; бин-дин — «огонь», лето, Марс; у-ци — «земля», «центр года — конец лета», Сатурн; гэн-синь — «металл», осень, Венера; жэнь-гуи — «вода», зима, Меркурий

тянь-ди чжи шу — «Постоянные Числа», «космические константы»; см. шу-«расчет»

тяньмин — «мандат неба», получаемое индивидом от неба-природы право на власть — «владение Поднебесной»

тяньфу — «знак полноты свойств», отмеченность выдающегося человека, проявляющаяся даже во внешности

Тянься — «Поднебесная», социум

тяньцзы — «сын неба», император

у — дивinatoры-женщины

у — неявленное, небытие

у — «вещь-явление», пребывающая в промежутке-цзянь между небом и землей; первоначально, вероятно, «распознавание-распознаваемое», связанное с отбором по масти-цвету, например жертвенных животных, и по конфигурации, например почвы, для определения их пригодности и т. д.; вещи раздельнослитны, так как внутри разрядов-классов (лэй) они мыслятся как единство, противостоящее другим лэй; ср. вань у

увэй — «недеяние», состояние социума, при котором «все идет своим чередом», без вмешательства правительства; идеально-оптимальный образ правления мудреца, характеризующийся отсутствием с его стороны действий, статикой гун-центра социума

у *син* — «пятифазовый цикл» стихий, или космоэнергетических ситуаций, основная классификационная схема натурфилософии, утверждающая принцип корреляции между пространственными и временными параметрами событий, ср. *тяньгань, инь-ян*

уцун — «беспредельное», ничем не ограниченное; метафора человеческой фантазии

фа — «имитация», подражание принципу функционирования неба-природы, подразумевающее предварительное овладение «искусством» *дао*-демиурга; проявление фундаментального принципа функционирования на всех уровнях бытия — как природного закона (*дао*), общественного «здорового смысла» (*ли*) и индивидуальной дисциплины (*цзи*) — обеспечивается «подражанием» (*фа*) правителя небу-земле (*инь-ян*) и распространением через него силы «гармонического эфира» на социум; в частном смысле — «гражданский закон» как средство воздействия на подданных, преимущественно на низшие слои общества; ср. *ли*

фан — «правильно-прямоугольное», свойственное порожденным человеком геометрически-правильным структурам; ассоциируемое с «великим квадратом» — землей, ориентированное по сторонам света (отсюда наименование племен, населяющих периферийные земли); в широком смысле — свойственный человеку способ действия; ср. *чжэн*

фэн — «ветер»; ориентированные по сторонам и полусторонам света космоэнергетические потоки *ци*, направление движения и интенсивность которых определяется общекосмической ситуацией (см. *инь-ян*); «нравы», этос, качество которого связано, по всей видимости, с названным феноменом; соответствующего типа музыка, «мелодии-напевы», в которых выражается этос населяющей определенную территорию общности (царства-*го*)

фэн — «пожалование», территория, отданная в кормление за заслуги перед государством, — мероприятие, призванное оттеснить от власти наследственную аристократию

хайсинь — «вспугнутое сердце» — метафора, указывающая на невозможность аналитической деятельности ума-души (*синь*) в состоянии стресса

хо — «ослепление-помутнение» рассудка, вызванное захваченностью внешними вещами, выводящее из равновесия (*пин*) управляющий психосоматикой центр (*синь*), не позволяющее индивиду «правильно» пользоваться своими чувствами (*цин*)

хуоци — процедура, с помощью которой пытались выявить «узловые» моменты времени — перехода из одной космоэнергетической ситуации в другую; для этой цели применялись врытые в землю трубки-камертоны, наблюдение за которыми, как считалось, позволяло уловить изменение в частоте колебаний «гармонического эфира»-*цзинци*

хуньдунь — «хаос», первоначальная нерасчлененность-целостность, к которой неприменимы никакие пространственно-временные параметры; как персонаж — Хуньдунь-Паньгу-Хуанди, демиург-космогонист и культурный герой, положивший начало параметризации пространственно-временного континуума

хэ — «гармония», состояние нормально функционирующего здорового тела-организма космоса, социума или индивида как выражение его соразмерности (*ици*) с исходящими от *дао*-демиурга колебаниями «гармонического эфира»-*цзинци*; субъективно переживается как «радость-счастье» (*лэ*); первоначальное значение — «вторить голосу запевалы»

чай — «талант», индивидуальная психосоматическая комплекция, позволяющая успешно действовать в заданных условиях

цзао хуа чжэ — «делатель вещей», метафорическое обозначение дао-демиурга

цзао у чжэ — см. *цзао хуа чжэ*

цзе — «регламент», «регламентация»; структурирование индивидуальной жизни в интересах ее продления; внесение размеренности, позволяющей «правильно» распределять ресурсы во времени; первоначальное значение — «разделять, как коленцами разделяется ствол бамбука»

цзи — механические устройства

цзи — «предел-крайность», критический уровень процесса, после достижения которого его характер существенным образом меняется, например происходит передача доминантной функции от *инь* к *ян* или наоборот; опасно-одностороннее развитие, крайность

цзи — человеческие правила; дисциплина, регламентирующая сезонную деятельность и частную жизнь

цзи — механический навык, низшая ступень искусности; ср. *шу*

цзи — жертвенник, на котором приносились жертвы посеву; см.

шэ-цзи

цзиммо — «безвидное безмолвие»; «молчание космоса»; ощущение «тайны бытия»; интуитивно постигаемое присутствие *шэнь*-нуминозной реальности, лежащей за пределами доступного органам чувств (*гуань*)

цзи-сюн — благоприятные и неблагоприятные знамения; знаки одобрения или осуждения небом-природой действий или намерений людей, в основном правителей

цзин — «тонкая ци», наиболее тонкие фракции «гармонического эфира»-*цзинци*; субстанция человеческого ума-*чжи*; колебания *цзин* несут информацию (мысль), адекватное восприятие которой обусловлено качеством («тонкостью»-*цзин*) *цзин*-субстанции воспринимающего ума; см. *цзишци*, *ци*

цзин — покой; статика; см. *дун*

цзинци — «гармонический эфир»; передаточная среда исходящих от дао-демиурга гармонических колебаний; воздействуя на воспринимающие вещи, «гармонический эфир» делает их подвижными, красивыми, разумными; см. *цзин*, *ци*

цзинь шу — исчерпание вещью полного срока жизни

цзун — род, возглавляемый патриархом; община; предок (натурфилософы числили среди своих предков-*цзунов* «шесть природных основ» — небо, землю и времена года)

цзуцзун — родоначальник, патриарх, глава *цзуна*

цзюнь-чэнь — «правитель — подданный»; основная оппозиционная пара, воспроизводящая на уровне социума тип отношений «ведущий — ведомый», прообразом чего может считаться оппозиция *дао* — *ваньу*; тот же принцип действует при образовании пар отец — сын, муж — жена, старший — младший брат или друг

цзюньцзы — «благородный муж», «княжич»; индивид, работающий над исправлением собственной персоны-*шэнь*, приверженный «должной справедливости» (*и*), стремящийся к общему благу (*гун*) в противоположность живущим частными интересами «мелким людишкам» (*сянжэнь*), обладающий человечностью (*жэнь*), проявляющий свою доблесть-*дэ* (*мин дэ*)

цзыжань — «сественность»; следование самому себе, самопроизвольность как свойство *дао*

цзянь — «промежуток между набом и землей», созданный Хуньдунем/Паньгу; обитаемый мир, «ойкумена» натурфилософии; интервал частот «гармонического эфира», в котором возможно существование и воспроизводство жизни видимых вещей *ваньу*; «космос» натурфилософии; ср. *юйчжоу*

ци — «плотная *ци*»; более грубые фракции «гармонического эфира»-*цзинци*; универсальный субстрат видимых объектов и феноменов; более или менее инъяннированная (*иньци*, *янци*) динамическая субстанция, специализированная по функции: существуют «облачная», «земная», «кровяная», «душевная» «болезнетворная» *ци* и т. д.; см. *цзин*, *цзинци*

ци — «сосуд»; инструмент, орудие; объект приложения искусства, в том числе «искусства» *дао*-демиурга

цин — титул девяти высших сановников в имперской иерархии, между *гунами* и *чжухоу*

цин — «чувственная природа»; сенсорная система вещи, ее «чувствилище», обеспечивающее ее ориентацию в соответствии с ее природой и функциональным предназначением; см. *син-мин*

цин-чжо — «чистые и мутные» звуки; «высокие и низкие», «женские и мужские» звуки в традиционной звуковысотной системе *люй*

цунь — мера длины, ок. 3,3 см

цунь-ван — «существование и гибель»; сохранение вещи (особенно царства) как самостоятельного образования и ее гибель (например, утрата суверенитета в результате завоевания)

цэ — «общий план»; замысел организации жизни социума (царства-го); политика

цюань — «целостность»; здоровье-благосостояние, в первую очередь индивида, в противоположность *куй* — «болезненному ущербу»

цяо — «ловкость»; навык в чем-либо, как правило второстепенном или малодостойном; изворотливость; ср. *ци*, *шу*

чан — «неизменное»; относящееся к «схеме» вещей-явлений, неподверженное изменениям и превращениям (*бянь-хуа*)

чань-нин — «лестцы и краснобаи»; наушники; лишенные чувства «должной справедливости» (*и*) прагматики, обычно пытающиеся манипулировать правителем-*гуном* в своекорыстных интересах; ср. *сяожэнь*

чжан — «элемент структуры» орнамента или текста, в том числе музыкального; единица структурированного времени-пространства; см. *вэнь*

чжан — мера длины, ок. 3,3 м

чжи — «знание»; способность к пониманию «порядка вещей»; владение ситуацией, проницаемость в отношении действий *дао*-демиурга; ср. *сянь-чжи*

чжи — «прямое-вертикальное» в противоположность «горизонтальному» (*пин*); «прямота» как свойство «государственного мужа» (*ши*)

чжи — «воля-намерение» — качество характера, позволяющее держать должного (*и*) вопреки отвлекающему воздействию страстей (*юй*); память о должном, сохраняющаяся у *цзюньцзы* при всех обстоятельствах

чжи — «порядок», состояние общества (*Тянься*), находящегося под должным управлением; достигается преодолением «смуты» (*луань*), что соответствует переходу на уровне социума из состояния «хаос» в состояние «космос»

чжи — «натура»; изначальные, «природные» характеристики индивида, еще не затронутого «культурой» (*вэнь*); ср. *су-пу*

чжи — «интеллект»; разумность, связанная с индивидуальными способностями (*цай*); ум-сознание, инструмент когнитивных действий

чжи ду — «знание меры», «космических» параметров вещей и явлений, отличительное свойство мудреца (*шэньжэнь*); см. *ду-лян*

чжухоу — титул в имперской иерархии, после *цинов*; главы владетельных домов, относительно автономных царств (*го*)

чжэн — «правильное», соответствующее космическому архетипу (*и*), схеме, согласно которой организован и функционирует мир как целостный организм, Система

чжэн мин — «исправление имен», процедура, должествующая обеспечить взаимную однозначность слов-имен и смыслов-значений

чжэньжэнь — «настоящий человек»; индивид, действующий в полном согласии с небом-природой благодаря «подключенности» (*тун*) субстанцией ума (*чзин*) к общему биокосмическому циклу, что обеспечивает оптимальный жизненный процесс (обмен всцеств); ср. *шэньжэнь*

чи — мера длины, ок. 0,3 м

чэн — «доведение до завершенности» всех вещей — та часть работы, которая в системе согласованных действий неба-природы и человека отводится на долю человека; «готовое» в противоположность «сырому» (*шэн*)

чэн — «искренность» — качество характера *чжуньчзы*, указывающее на «завершенность» (*чэн*) его самовоспитания; способность без насилия над собой остаться верным «должной справедливости» (*и*), «человечности» (*жэнь*) и т. д.

чэнь — «светила»; источники света (солнце, луна и созвездия), движение которых маркирует ход времени

шань — «благо»; «прекрасное»; благоприличие, особенно при исполнении ритуала (*ли*); выражение одобрения типа «отлично!»; внутренняя красота; ср. *мэй*

ши — «наличие-присутствие»; подлинное-действительное в отличие от пустого-формального (*суй*), например, соответствие занимаемой должности; ср. *чжэн мин*

ши — «скрибы»; первоначально — специалисты дивинации, наносившие на кости жертвенных животных результаты гадания, позднее — астрологи-историки; см. *си*, *у*, *ши* — «мужи»

ши — «мужи»; члены сословия «образованных», «мастера и ученые», горожане-интеллектуалы; ср. *бинькэ*

ши — «поколение»; современность и современники

ши — «соразмерность-согласованность», например, соответствие собственной частоты резонатора-сердца (*синь*) мудреца частоте исходящего от *дао*-демиурга сигнала, создающее возможность слияния (*хэ*) души мудреца с «гармоническим эфиром»; соответствие высоты-интенсивности музыкальных звуков способности к восприятию органов слуха, субъективно оцениваемое как «гармония» (*хэ*)

шоу — «долголетие»; нормально долгая жизнь как результат стратегии сознательного следования (*шунь*) «порядку вещей» в противоположность «ранней кончине» (*яо*), вызываемой конфликтом со средой (*ни*)

шу — «расчет»; искусство вывода параметров, характеризующих наличную и будущую космоэнергетическую ситуацию, основывающееся на знании «космических констант»-*тянь-ди чжи шу*; числа, параметры

шу — «умения»; средняя степень искусности, мастерство в каком-либо частном виде деятельности, например в управлении войском или финансах: такими умениями-искусствами отличались «умелые»-специалисты (см. *бинькэ*, *ши* — «мужи») в отличие от правителя-*гуна*, владевшего высшим *дао*-искусством

шунь — «следование порядку вещей»; стратегия поведения индивида, ведущая к устраниению конфликта со средой и, как следствие, к долголетию (*шоу*)

шэн — «порождение» вещей небом-природой, заключающееся в выводе их *дао*-демиургом из неявленного в явленное; жизнь как выпсып

ценность; «сырое» в противоположность «готовому» (*чэн*); см. *гуй-«возвращение»*

шэн — «голос» вещи; звуки, порождаемые живыми вещами, складываясь в осмысленную последовательность, образуют «мелодию»-*инь*

шэпдэ — «жизненная сила», энтелехия; см. *дэ*

шэн-ли — «мудрость-рациональность»: характеристика структурированного гармонизированного времени-пространства, в котором протекает жизнь поколения (*ши*) «золотого века» (*да шэн чжи ли*)

шэнжэнь — «мудрец», «совершенномудрый»; центральная фигура натурфилософии — тот, кому доступно «знание предков» (*шэньмин*); см. *дэ дао чжэ, ти дао, чжэньжэнь*

шэнь — «тело-персона»; «я» «благородного мужа»-*цзюньцзы*, объект усилий в процедуре «самоисправления» (*сю*)

шэнь — «нуминозное»; сфера активности божеств-предков *гуйшэнь*; «природные духи»-*шэнь*, сфера действия которых, по-видимому, ограничена определенным временем-пространством (например, Гоуман ассоциируется с весной-востоком); внутренняя сторона вещей (*у*), их невидимая душа-жизнь

шэньмин — «знание предков»; ум демиурга, свойство «гармонического эфира»-*цзинци*; знание, которое натурфилософы стремились приобрести методом параметризации времени-пространства и вывода «космических констант»-*тянь-ди чжи шу*; «знание предков» олицетворялось «духом неба-земли» *Шэньци*, жертвы которому приносились в последнюю зимнюю луну, одновременно с обрядом Великого Изгнания/Да Но

шэ-цзи — «алтари Земли и Праса» — жертвенники земли и посева, символ общественных устоев, государства

э — «безобразное»; злое, уродливое в противоположность благому (*шань*) и красивому (*мэй*)

э-чоу — «злое-безобразное» в противоположность «благому-прекрасному» (*шань-мэй*)

ю-у — «явленное и неявленное»; бытие и небытие, наличие и отсутствие — два основных модуса бытия, переходы в которые вещей и явлений (*у*) обеспечиваются и контролируются пребывающим на границе между явленным и неявленным медиатором — *дао*-демиургом

юань — «первоначальное»; «сингулярное состояние», в котором пребывает *ци* до образования им вещей *у*, характеризующееся отсутствием пространственно-временных параметров; метафора неба-природы как порождающего вещи и явления начала

юань — «круглое»; свойственное небу-природе, действия которой организуются *дао*-демиургом в замкнутые жизненные циклы; ассоциируемое с «великим кругом» — небом, со структурированным («сезоны»-*сы ши*, луны и т. д.) временем; имитация (*фа*) способа действия неба-природы — задача мудреца, призванного совместить «круглое» с «прямоугольным», небесное с земным (см. *фан*), временные параметры с пространственными

юе — музыка; записывается тем же знаком, что и *лэ*

юечжэн — глава музыкального приказа, придворная должность

юй — «страсти-желания»; похоть; способность «желать», присущая полуавтономным «органам чувств» (*гуань*)

юйчжоу — «космос»; в широком смысле — обозримое пространство (*юй*) и документированное время (*чжоу*), уопостижаемый пространственно-временной континуум; в приложении к феноменам явленного мира — «область распространения и время звучания» вещей и явлений (зрительных и звуковых образов) от «рождения» (*шэн*) до «возвращения» (*гуй*)

ян — см. инь-ян

ян — «вскармливание»; необходимое, особенно на ранних стадиях развития, воспитание живого, одна из важнейших функций мудреца, помогающего «сырому» (*шэн*) стать «готовым» (*чэн*); воспитание чувств

ян *шэн* — «вскармливание жизни-организма», профилактика дисфункций и терапия, ведущая к сохранению или восстановлению норм здоровья организма; см. ян

яо — «ранняя смерть», вызванная болезнью или внешним насилием, связанным с излишествами (*го*) или конфликтом со средой (*ни*) в противоположность правильно организованной нормально-долгой жизни (*шоу*)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Ай см. Ай-гун (луский)
Ай-гун (луский) 93, 252, 375, 377

Байли Си 101, 209, 210, 278, 392,
393, 412

Бао Шэнь 382, 383

Баошу 85, 233, 234, 328, 366,
377, 394

Баошу Я 77, 382

Би Гань (царевич) 87, 189, 214, 219,
295, 380, 386, 391

Бицзы Цзянь 306, 307

Бо Гуй 188, 242, 301—303, 331,
340, 341

Бо И 176, 177, 419

Бо И (из Вэй) 192, 194, 288

Бо Лэ 152, 393, 409

Бо Я 198

Бо Ян 84, 198

Бо-гун (Бо-гун Шэн) 292, 293, 411

Бу Цзыся см. Цзыся

Бэй Чжань 192, 316, 419

Бэйго Сао 173, 174

Бэйжэнь Учэ 308, 309

Ван Цо 171, 285, 355

Вансунь Гоудуань 330, 331

Вань-цзы 404

Вэй Цзин 305

Вэй-ван (циский) 148, 296, 300

Вэй-ван см. Хуэй-ван (вэйский)

Вэй-гун (чжоуский) 241, 242, 400

Вэнь см. Вэнь-ван (чжоуский),
Вэнь-гун (цзиньский), Мэнчан-
цзюнь

Вэнь Чжи 85, 102

Вэнь-ван (чжоуский), Си-бо, Чан
101, 116, 122, 123, 143, 161,
162, 176, 183, 190, 200, 213,
225, 227, 228, 234, 244, 319,
348, 357, 385, 394

Вэнь-ван (чуский), Цзы 170, 382,
383, 396

Вэнь-гун (вэйский) 140, 316, 331

Вэнь-гун (цзиньский), Чжун Эр 85,
101, 139, 174, 175, 204, 211, 234,

251, 315, 316, 326, 372, 381, 390,
393, 397

Вэнь-хоу (вэйский) 191, 226, 227,
253, 330, 331

Гань Синь 85, 217, 278

Гао Яо 116, 268, 394

Гоу-цзянь (Юэ-ван) 85, 102, 253,
319, 377

Гоучэн-цзы 354

Го-цзюнь см. Цзин Го-цзюнь

Гуан (царевич) см. Хэ Люй (уский
ван)

Гуань Инь 152, 282

Гуань Иу см. Гуань Чжун

Гуань Чжун (Гуань Иу, Гуань-цзы,
Иу) 76, 77, 85, 101, 179, 232—
234, 247—249, 262, 271, 273,
274, 278, 290, 291, 293, 319, 328,
329, 345, 346, 366, 377, 382, 394

Гуань Шу 255, 358

Гуань-цзы см. Гуань Чжун

Гуй-хоу 385

Гун Юйдань см. Гунван Дань

Гунван Дань (Гун Юйдань) 150,
151, 261, 386

Гунсунь Лун 188, 287, 297, 298, 303

Гунсунь Хун 178, 179

Гунсунь Цзе 369

Гунсунь Чжи 101, 209, 210, 392, 393

Гунсунь Ян 171, 369, 370

Гунцзы Ан 370

Гунцзы Ши Во 286, 287

Гуншу Бань 221, 364

Гунь 347, 358

Да Яо 101, 272

Дань см. Чжоу-гун

Дань Фу 362

Ди Хуан 331, 396, 397

Ди Цзянь 188, 299, 301

Ди-ку 101, 115

Ду Хэ 194, 419

Дуань Ганьму 86, 102, 226, 331,
359, 360, 361

Дуаньму Цы см. Цыгун
Дунго Я 274, 290, 291
Дэн Си 295, 296

Жун И 336, 337, 358

И Инь 84, 91, 116, 197, 198, 218,
278, 306, 309, 375, 394

И У (гунцзы) 315, 316, 390

И Я 235, 247, 248, 292

Ин см. Янь-цзы

Инь Вэнь 261, 262

Инь До 347, 404, 405

Инь Жу 400, 401

Иу см. Гуань Чжун

Кан (Кан-ван (сунский)) 85, 132,
230, 231, 282, 386, 387, 396

Кан-ван (сунский) см. Кан

Конфуций (Кун, Цю, Куи Цю,
Чжунни) 76, 78, 86, 93, 101—
103, 159, 162, 169, 178, 193,
196, 204, 205, 210, 211, 213,
216, 220, 221, 224, 231, 237,
252, 253, 256, 271, 272, 282,
292, 293, 307, 312, 315, 330,
339, 343, 355, 374, 377, 386,
391, 392, 400, 408, 418—420

Куан Чжан 194, 300, 301, 365

Кун см. Конфуций

Кун Цю см. Конфуций

Кун Чуань 188, 298

Лао Дань см. Лао-цзы

Лао-цзы (Лао Дань) 76, 86, 187,
282, 291

Ле-цзы (Цзы Ле-цзы, Ле Юйкоу)
150, 245, 246, 282

Ле Юйкоу см. Ле-цзы

Ли Кэ 322, 330, 331, 389, 390

Ли Ли 351, 352

Ли-ван (чжоуский) 85, 295, 321,
330, 344, 403

Лин-гун (цзиньский) 221, 228, 386

Лун Пан 214, 217

Лу-цзюнь (правитель Лу) 286, 306,
307

Лэ Тэн 330, 331

Люй Ван см. Люй Тай-гун Ван

Люй Тай-гун Ван (Люй Ван, Тай-
гун Ван, Тай-гун) 84, 101, 170,
190, 200, 235, 244, 262, 306, 337

Минь-ван (циский) 150, 151, 260—
262, 346, 349, 379, 386

Мо Ди см. Мо-цзы

Мо-цзы (Цзы Мо-цзы, Мо Ди) 78,
84, 86, 102, 178, 187, 193, 221,
224, 231, 237, 282, 312, 364, 371,
400, 408, 420

Му-гун (цинский) 101, 121, 143,
209, 210, 249, 251, 316, 387,
390, 392, 393

Мэн Бэнь 107, 215, 369

Мэнчан-цзюнь (мэнчанский пра-
витель, Вэнь) 148, 178, 179, 227,
229, 331

Нин Ця 331, 332, 382

Нин Юэ 233, 234, 400

Пин (царь Пин, Пин-ван (чуский))
201, 256, 367, 372

Пин-ван (чуский) см. Пин

Пин-гун (цзиньский) 78, 170

Пинъюань-цзюнь 297, 298

Пэн Мэн 188, 306

Пэн Цзу 83, 284, 324

Си Пэн 77, 273

Суньшу Ао 84, 85, 101, 159, 338,
377, 395

Сычэн Цзыхань см. Цзы Хань

Сюань Мэн 227, 228

Сюань-ван (циский) 148, 352, 353,
379, 389

Сюй Цзин 369, 371

Сюй Ю 84, 101, 211, 300, 376, 408

Сюнь Си 222, 389

Сян (цинский, Сян-гун) 366, 372

Сян Цзи 241, 412

Сян-ван (вэйский) 254, 255

Сян-гун (цзиньский) 251, 257, 294

Сян-цзы (чжаоский) 138, 180, 205,
207, 208, 220, 277, 334, 335, 377

Сянь-гун (цзиньский) 222, 315, 316,
381

Сяо Бай см. Хуань-гун (циский)

Сяо-гун (цинский) 171, 366, 370

Сяочэнь Цзи см. Цзи

Тай-гун Ван см. Люй Тай-гун Ван

Тай-гун см. Люй Тай-гун Ван

Тайцзай Пи 85, 290, 377, 384

Тан Ян 85, 278, 298, 299

Тан (Чэн Тан) 84, 91, 97, 101, 116,
122, 131, 139, 146, 161, 168, 178,
183, 193, 197, 198, 201, 205, 209,
218, 219, 235, 237, 240, 253, 264,
280, 306, 308, 309, 310, 319, 321,
329, 386, 394, 396, 401, 410, 420

Ту Шу 241, 242

Тянь Пянь 107, 284, 416, 417

Тянь Цзыфан 86, 191, 291, 331, 359
Тянь Чэн-цзы 170, 404

У см. У-ван (чжоуский)

У Хо 75, 84, 107, 419

У Цзысуй (Цзы Сюй, У Юнь) 85,
101, 160, 201, 206, 295, 375, 380,
384, 385, 391

У Ци 86, 171, 203, 285, 317, 415

У Юнь см. У Цзысуй

У-ван (чжоуский) 78, 97, 101, 116,
131, 139, 140, 147, 161, 168, 176,
178, 193, 200, 201, 205, 209, 219,
220, 225, 234, 235, 236, 237, 241,
253, 280, 306, 315, 319, 321, 329,
375, 386, 389, 391, 396, 401, 409,
410, 420

Ума Ци 307, 359

У-хоу (вэйский) 171, 322, 351, 355

Фань Ли 85, 102, 206, 295

Фу Тунь 78

Фучай (уский ван) 85, 132, 147, 207,
290, 322, 377, 384, 385, 391

Хоу Ци 202, 268, 421, 422, 423

Хуа Юань 257, 349

Хуан-ди 77, 83, 96, 101, 115, 128,
180, 183, 184, 198, 212, 215, 219,
288, 308, 314, 369, 428

Хуань см. Хуань-гун (циский)

Хуань-гун (циский, Сяо Бай) 76,
77, 85, 101, 139, 140, 168, 190,
210, 226, 232—234, 247—249,
262, 271, 273, 274, 290, 291, 293,
316, 328, 329, 331, 332, 345, 346,
377, 382, 394, 415

Хуа-цзы (Цзы Хуа-цзы) 81, 93,
104, 126, 276, 362, 363

Хун Инь 167, 168

Хуэй Ан 230, 231

Хуэй Ши см. Хуэй-цзы

Хуэй-ван (вэйский) 286, 287, 299—
305

Хуэй-ван (цинский), царь Хуэй
78, 171, 201, 229, 258, 259, 370

Хуэй-гун (циньский) 143, 381,
390, 396

Хуэй-цзы (Хуэй Ши) 188, 194,
299—301, 302, 357, 365

Хэ Люй (уский ван, Гуан (царе-
вич), Цзы Гуан) 85, 102, 139, 140,
201, 256, 285, 315, 318, 319, 391

Цзай Юй (Цзы Во) 210, 282

Цзао Фу 188, 320, 322, 409

Цзе 83, 85, 87, 106, 111, 116, 131,
132, 138, 139, 141, 161, 178, 184,

201, 205, 209, 214, 217, 218, 240,
260, 264, 278, 295, 309, 321, 323,
325, 330, 401, 403, 406

Цзи Ли 200, 357

Цзи (Сяочэнь Цзи) 190, 226

Цзин Го-цзюнь (Го-цзюнь) 148, 149

Цзин Чжуан-ван см. Чжуан-ван

Цзин-гун (сунский) 123, 124

Цзин-гун (циский) 312, 369

Цзи-цзы 214, 219, 241, 249, 295,
338, 407, 408

Цзы Во см. Цзай Юй

Цзы Гуан см. Хэ Люй

Цзы Ле-цзы см. Ле-цзы

Цзы Мо-цзы см. Мо-цзы

Цзы Сюй см. У Цзысуй

Цзы Хань (Сычэн Цзыхань) 160,
342, 343

Цзы Юй см. Цзэн-цзы

Цзы Ян 202, 245, 246, 323

Цзыгун (Дуаньму Цы, Цы) 86, 93,
103, 210, 211, 216, 256, 292, 343

Цзылу (Ю, Чжун Ю) 150, 210,
211, 256

Цзыся (Бу Цзыся) 86, 102, 331,
359, 378

Цзы Сюй см. У Цзысуй

Цзы Хуа-цзы см. Хуа-цзы

Цзычань 226, 252, 253, 295, 296, 377

Цзычжоу Чжифу 80, 101

Цзэн Шэнь см. Цзэн-цзы

Цзэн-цзы (Цзэн Шэнь, Цзы Юй)
86, 101, 195, 196, 214

Цзю (царевич) 233, 366

Цзю Фань 85, 204, 234

Цзянь Шу 249—251, 338

Цзянь-цзы (чжаоский) 143, 185,
207, 343, 346, 347, 353, 360, 381,
404, 405

Цзяо Гэ 176, 236

Ци-ван (циский царь) 223, 224, 227,
229, 242, 243, 278, 284, 318

Ци Фан (вэйский принц) 247, 248

Цин Цзи (царевич) 139, 166, 167

Цинь Гули 86, 102

Цуй Шу 338—340, 368

Цы см. Цзыгун

Цы Фэй 338, 339

Цю см. Конфуций

Чан Хун 214, 294, 295

Чжан И 216, 228, 229

Чжань-цзы 284, 363

Чжао Вэнь (чжоуский правитель)
121, 227—229

Чжао Вэнь-цзюнь (чжоуский) 194,
419

Чжао-ван (вэйский) 287
Чжао-ван (цинский) 179, 297
Чжао-ван (яньский) 188, 303
Чжаоли-хоу (ханьский) 270, 286,
362, 363, 413
Чжао Цзянь-цзы см. Цзянь-цзы
(чжаоский)
Чжи (разбойник) 162, 168
Чжи Бо см. Чжи Бояо
Чжи Бояо (Чжи Бо) 132, 178, 205,
377, 396
Чжоу см. Чжоу-синь
Чжоу-гун Дань см. Чжоу-гун
Чжоу-гун (Дань, Чжоу-гун Дань)
76, 84, 101, 116, 117, 121, 170,
176, 183, 190, 219, 225, 236, 244,
259, 289, 291, 292, 295, 336, 337,
358, 400
Чжоу-синь (Чжоу, Шоу Дэ) 83, 85,
87, 106, 111, 131, 132, 140, 141,
146, 161, 169, 177, 178, 201, 205,
209, 214, 216, 220, 234, 236, 241,
244, 264, 278, 295, 323, 325, 330,
385, 386, 401
Чжуан Ай см. Чжуан-ван
Чжуан-ван (Цзин Чжуан-ван,
Чжуан Ай, Чу Чжуан-ван) 84,
85, 101, 164, 282, 289, 290, 349—
351, 377, 395, 402—404
Чжуан-гун (вэйский) 322, 414
Чжуан-гун (шиский) 158, 311, 368
Чжуанстой 101, 115, 180
Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу) 147,
186, 214, 215
Чжуан Чжоу см. Чжуан-цзы
Чжун 85, 102
Чжун Цзыши 152, 198
Чжун Ю см. Цзылу
Чжунни см. Конфуций
Чжунхан Инь 85, 178, 404
Чжэн Пин 369, 370
Чу Чжуан-ван см. Чжуан-ван
Чу-ван (чуский царь) 231, 232, 237,
284, 290, 313, 317
Чэн Тан см. Тан
Чэн-ван (чжоуский) 117, 225, 289
Чэн-ван (чуский) 316, 396
Чэн-гун Цзя 289, 290

Шан Ян 179, 319
Ши Мо 185, 343

Ши Ци 254, 255, 411
Шихучжи Нун 308, 309
Шоу Дэ см. Чжоу-синь
Шу Дао 77, 234, 235, 247, 248
Шу Сян 358, 377
Шу Ци 176, 177
Шуй (мастер) 74, 115
Шунь 77, 84, 97, 101, 107, 116,
158, 168, 189, 192, 198, 209, 219,
235, 264, 276—278, 280, 287,
300, 308, 310, 315, 321, 329, 342,
347, 348, 358, 369, 373, 375, 377,
378, 388, 394, 396, 407—409,
412, 419
Шэн Шу 190, 291, 292
Шэнь Шэн 315, 390, 396
Шэнь-гунцзы Пэй 164, 165
Шэнь-нун (Янь-ди) 83, 101, 118,
128, 177, 215, 276, 279, 284, 308,
314, 319, 348, 363

Э Лай 85, 214, 278

Ю см. Цзылу
Ю-ван (чжоуский) 85, 372, 403
Юй 77, 97, 101, 116, 120, 121,
151, 158, 168, 183, 189, 192,
193, 209, 235, 237, 252, 264,
277, 278, 295, 315, 319, 329,
330, 336, 339, 342, 348, 364,
365, 373, 375, 376, 419, 420
Юй Ян 138, 178, 180, 253, 334, 335
Юцзай Гучэнь 354, 355
Юэ-ван см. Гоу-цзянь

Ян Гу 221, 222
Ян Юцзи 152, 400, 401
Янь Юань см. Янь Хуэй
Янь Хуэй (Янь Юань) 101, 210,
272
Янь Хэ 81, 322
Янь-ди см. Шэнь-нун
Янь-цзы (Ин) 173, 174, 245, 338—
340
Яо 77, 80, 85, 97, 101, 107, 115, 158,
168, 184, 189, 198, 209, 219, 225,
235, 260, 264, 276, 277, 280, 281,
287, 300, 308, 329, 336, 342, 347,
358, 369, 373, 375, 376, 388, 396,
403, 406, 408, 412

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛАО-ЦЗЫ

ДАО ДЭ ЦЗИН / ТРАКТАТ О ПУТИ И ДОБЛЕСТИ *

§ 1

Пути, которыми ходят,—не постоянны; имена, которыми называют,—не неизменны. Начало неба и земли безымянно. Именуемо лишь начало всего существующего. При постоянном отсутствии желаний можно созерцать внутреннее вещей. При постоянном наличии желаний можно созерцать лишь внешнее вещей. Эти два вида знания появляются вместе, но слава им разная. Вместе их можно назвать таинственным постижением. Таинственное постижение этого — также таинственно, но это — единственные врата ко всему внутреннему.

§ 2

Когда все в Поднебесной узнают, что красота — это красота, появляется и уродство. Когда все узнают, что благо — это благо, появляется и отрицание блага. Ибо явленное и неявленное порождаются друг другом; трудное и легкое взаимно определяются; короткое и длинное формируют друг друга; гармония первого и второго голоса ощущается при их сопоставлении; что раньше, что потом, видно из последовательности. Поэтому мудрец привержен недеянию, осуществляет поучение без слов, и все существующее безотказно исполняет предназначенное. Мудрец порождает, но не обладает; действует, но не ожидает вознаграждения; свершает, но не гордится. И поскольку не гордится сделанным, удерживает при себе все.

§ 3

Если не превозносить мудрость, споры среди людей прекратятся. Если не дорожить редкими вещами, среди людей прекратится воровство. Если не выставять напоказ привлекательные вещи, сердца не будут смущаться. Поэтому правление мудреца заключается в том, чтобы делать сердца свободными от желаний, утробы — наполненными, души —

* Поскольку в «Ляюши чуньцю» вопросы, связанные с даосизмом, занимают заметное место и поскольку автор перевода специально занимался даосской проблематикой, мы сочли не только возможным, но и необходимым поместить в данном томе авторский перевод «Дао дэ цзина» и ряд статей Г. А. Ткаченко, где в наиболее концентрированном виде излагаются его оригинальные взгляды по данному вопросу.

слабыми, а тела — сильными. Если у народа неизменно отсутствуют знания, отсутствуют желания, можно принудить знающих воздерживаться от деяний. При воздержании от деяний все само собой приходит к порядку.

§ 4

Дао разлито в мире и всем служит. В достатке, но не в избытке. Подобно океану. Оно — будто предок всего существующего. Затупляет все острое, развязывает все спутанное, умеряет все сверкающее, уподобляет все праху. Подобно пучине. Оно существовало всегда. Я не знаю, чье оно дитя. Оно было раньше божеств-предков.

§ 5

Небу и земле несвойственно быть человеческими, для них все существующее подобно соломенному чучелу пса. Мудрецу также не присуща человечность, для него люди подобны соломенному чучелу пса. Пространство между небом и землей подобно кузнечным мехам — пустые, они сами по себе не складываются, но если их сжать, — порождают ветер. Не следует предаваться велеречивости и мудрствованию — лучше сосредоточиться на своем внутреннем.

§ 6

Ключ в горной лошине не иссякает. Это можно назвать таинственной самочностью. Есть врата таинственной самочности. Это можно назвать корнем неба и земли. Все это придется как нить, никогда не рвется. Сколько ею ни пользуются, она не кончается.

§ 7

Небо существует долго, у земли почтенный возраст. Небо и земля могут существовать долго и достигать почтенного возраста благодаря тому, что они не сами себя порождают. Поэтому и долговечны. Подобно этому, мудрец ставит себя позади всего, но оказывается первым, отказывается от своего «Я», но сохраняет свою индивидуальность. Он может стать тем, что он есть, потому что не хвалится своим бескорыстием.

§ 8

Высшее благо подобно воде. Вода способна служить всему существующему, ни с кем не вступая в спор. Она пребывает в тех местах, которые людям ненавистны, в этом приближаясь к дао. При выборе места для жилища самое важное — разбираться в рельефе; при раздумьях самое главное — безбрежность; при дарении — человечность; при речах — убедительность; при наведении порядка — умение править; при поступлении на службу — способности; в предприятиях — выбор момента. Тот, кто не вступает в спор, никогда не потерпит ущерба.

§ 9

Чем заняться чем-либо и без конца в этом совершенствоваться, лучше оставаться самим собой. Если каким-либо инструментом постоянно работать и постоянно же его точить, его надолго не хватит. Когда золотом и яшмой наполнен внутренний зал, никто не в состоянии будет его охранить. Богатство и знатность в сочетании с гордостью сами по себе навлекают неприятности. Чем больше умножаются заслуги, тем скорее утрачивается собственная индивидуальность. Таково небесное дао.

§ 10

Если займешься созерцанием и душой обнимешь единое, сможешь ли ни на что не отвлекаться? Если сконцентрируешь дыхание и достигнешь предельной гибкости, сможешь ли уподобиться младенцу? Если научишься отрешаться от внешнего и займешься созерцанием таинственного, сможешь ли остаться в здравом рассудке? Если полюбишь народ и наведешь порядок в стране, сможешь ли перенести собственную неизвестность? Наблюдая, как то открываются, то закрываются небесные врата, сможешь ли стать таким же самочным? Обретя ясное понимание и полную компетентность, сможешь ли этим не прославиться? Порождай и вскармливай; порождай, но не обладай; делай, но не жди благодарности, возрастай, но не самовластвуй: это и есть таинственная дэ.

§ 11

Тридцать спиц собираются в одной втулке, но использование повозки зависит от пустоты между ними. Форму и глину применяют при изготовлении сосуда, но использование сосуда зависит от пустоты внутри. Делают дверные проемы и створки дверей, чтобы построить помещение, но использование помещения зависит от внутреннего пространства. Получается, что оплачивают то, что есть, пользуются же тем, чего нет.

§ 12

От пяти цветов рябит в глазах, от пяти тонов шумит в ушах, от пяти вкусов вяжет во рту. Это как верховая охота, от которой люди чуть не сходят с ума, или редкие вещи, ради которых они готовы на все. Поэтому мудрец старается потратить своему желудку, отнюдь не глазам. Он отвергает недоступное и занимается доступным.

§ 13

Великий почет и великий позор равно приводят в трепет. Знатность и величие опасны для собственного «Я». Что я имею в виду, когда говорю, что великий почет и великий позор равно приводят в трепет? Позор — это самое худшее; трепещут и когда подвергаются этому, и когда избавляются от этого. Поэтому и говорится: великий почет и великий позор равно приводят

в трепет. Что я имею в виду, когда говорю, что знатность и величие опасны для собственного «Я»? Обладая этим «Я», я обладаю тем, что может подвергнуться большой опасности. Если бы у меня не было «Я», как бы я мог пострадать? Поэтому драгоценно, когда от своего «Я» отказываются, чтобы заняться Поднебесной; на такого Поднебесная может положиться. Но если кто на самого себя смотрит как на Поднебесную,—такой заслуживает, чтобы ему Поднебесную вручили.

§ 14

Смотришь на него, но ничего не видно,—это можно назвать тончайшим. Слушаешь его, но ничего не слышно,—это можно назвать тишайшим. Берешь его, но в руке ничего нет,—это можно назвать субtilityей. Эти три невозможно назвать одним словом, поэтому вместе я называю их единением. Сверху оно не освещено, снизу не затемнено. Никакие усилия не помогают найти этому имя. Оно снова там, где еще нет отдельных вещей. Это можно назвать формой без форм, образом предмирного. Это называется темным-неясным. Ни спереди, ни сзади не видно ни его начала, ни его конца. Если держаться этого древнего дао, с тем чтобы с его помощью править тем, что ныне,—можно познать начало древности. Это можно назвать правильным применением дао.

§ 15

В древности те, кто был искусен в обращении с дао, становились тонкими и женственными и проникали в таинственное. Глубина их была такова, что никто не мог ее постичь. А поскольку не могли постичь, силились найти ей образное определение типа: «Робко, словно зимой переходишь поток. Осторожно, словно опасаясь всех соседей. Строго, словно боишься расплескать. Опасливо, как на тающем льду. Просто, как необработанное дерево. Просторно, как горное ущелье. Смутно, как взбаламученная вода». Но кто умел очищать эту замутненность, успокаивался и достигал прозрачности. И кто умел оставаться в покое достаточно долго, затем мог начинать потихоньку действовать и порождать. Кто держался этого пути, уже не желал переполненности. Когда не желают переполняться, способны в силу этого оставаться в тени и не стремиться выглядеть как только что преуспевшие.

§ 16

Когда становишься предельно свободным от желаний и совершенно неподвижным в спокойствии, все вещи исполняют предназначенное, и можно созерцать их возвращение. Вещи ведь пышно распускаются, но каждая неизменно возвращается к собственному корню. Возвращение к корню называется успокоенностью. Это то, что зовется исполнением судьбы. Исполнение судьбы называется долголетием. Знание неизменного называет-

ся ясностью ума. Незнание неизменного — помрачение. От помрачения все преступления. Знание неизменного — постижение. От постижения — понимание того, что есть общее благо. От понимания общего блага — способность быть царем. От способности быть царем — способность быть как небо. Как небо, значит, как дао. Как дао, значит, долговечно: отказавшись от себя, не зная смерти.

§ 17

Самое лучшее — пребывая внизу, знать, что оно есть. Хуже, фамильярничая, восхвалять его. Еще хуже его бояться. И самое плохое — им пренебрегать. Если доверия недостаточно, как не явиться недоверию? Как это все печально! Ведь эти слова надо бы ценить. Но когда есть свершения и награды, успех в делах, люди говорят: «Мы сами по себе».

§ 18

Когда великое дао отбросили, появились человеколюбие и верность должному. Когда явились ум и рассудок, начался великий обман. Когда родственники шести степеней перестали быть в ладу, появились «сыновняя почтительность» и «отеческая любовь». Когда в царствах пошли нестроения и смуты, появились и «честные подданные».

§ 19

Нужно отказаться от мудрости и отринуть рассудочность: народу это принесет многие выгоды. Нужно отказаться от человечности и отринуть верность должному: народ тогда вернется к подлинным сыновней почтительности и отеческой любви. Нужно отказаться от чрезмерной искусности и отринуть погоню за выгодой: тогда исчезнут грабежи и воровство. Эти три условия нужно выполнить — тогда можно будет заняться вэнь. Если же этого будет недостаточно, можно будет добавить второстепенное: подобную некрашеному шелку внешнюю простоту, приверженность подобной необработанному дереву безыскусности, умаление собственных интересов, сокращение своих желаний.

§ 20

Прекрати учение — не станет забот! Одобрение или осуждение — не все ли равно? Прекрасное или безобразное — какая между ними разница? То, чего опасается один, не может быть не страшно для другого. Я же остаюсь неясным, как будто еще не определившимся. Все ликуют, как будто присутствуют при великой жертве тай-лао, как будто весной поднимаются по ступеням храма. Один я остаюсь безучастным и никак себя не проявляющим — как младенец, еще не научившийся улыбаться. Остаюсь на месте, как будто мне некуда идти. Все стараются побольше приобрести, один я все оставляю — у меня ум глупца. Неясный-смутный. Все сияют, один я темен. Все

любезнательны, один я безразличен. Пресный, ум мой подобен морю: туманный, как бы не могущий ни на чем остановиться. У всех есть чем заняться, один я смотрю на все это со стороны. Один я не похож на других — ценю лишь кормящую меня мать.

§ 21

Великая дэ такова, что только и слышно о морали да послушании. Когда же дао занимается вещами, оно остается туманным и неясным. Но хотя оно неясно и туманно, в нем заключены образы вещей! И хотя оно туманно и неясно, в нем содержатся вещи! И хотя оно непроницаемо и темно, в нем заключено семя вещей! Это семя обладает высшей подлинностью и внушает к себе полное доверие. С самой древности и по сей день имя его остается неизменным. Когда смотришь на него, оно напоминает огромную сеть. Откуда мне известно, что оно подобно огромной сети? Известно.

§ 22

Продавишь — выровняется, согнешь — выпрямится, ковырнешь — заплывет, засушишь — вырастет в новом месте. Уменьшишь — добавится, дополнишь — убавится. Поэтому мудрец привержен единому: служить Поднебесной образцом. Он не показывает себя и поэтому всем ясен; не настаивает на своей правоте и потому ею сияет; не грозит никому и потому приобретает заслуги; не возвеличивает себя и потому первенствует. Это означает: ни с кем не вступай в спор и не найдешь соперника в Поднебесной. Это именно то, что в древности называлось «оставаться в целости благодаря ущербности». Разве это пустые слова? К тому, кто искренен и целен, все устремляются без призывов, как бы сами собой.

§ 23

Сильный ветер не продержится все утро. Ливня не хватит на целый день. Отчего так? Это ведь природа! Но если даже небо с землей не способны долго пребывать в одном состоянии, что же говорить о людях! Поэтому кто посвятил себя работе с дао, отождествляет себя с дао. Кто занят работой с дэ — отождествляет себя с дэ. Кто желает затеряться — отождествляет себя с потерянностью для мира. Но вот некто, отождествляя себя с дао, желает через дао приблизиться и к дэ. А кто отождествляет себя с дэ, тот стремится через дэ к приобретению большей дэ. А кто отождествляет себя с потерянностью для мира, что-то приобретает через эту «потерянность». Так что недостаток искренности неизбежно ведет к разным подозрениям.

§ 24

Кто поднимается на цыпочки, долго не простоит. Кто расставит ноги, быстро не побежит. Того, кто сам себя выставляет напоказ, не сочтут действительно умным. И того, кто сам считает себя во всем правым, искренне хвалить не будут. Кто

сам нападает, у того не будет подвигов. И кто сам себя возвеличивает, первенствовать по праву не сможет. Так устроен путь. Недаром говорится: «Явное обжорство и излишне свободные манеры — кому они могут быть по нраву?» Поэтому владеющие дао всего этого избегают.

§ 25

Существует вещь туманная, но в себевершенная, рожденная прежде неба и земли. Безмолвная и безвидная, она стоит особняком и не изменяется. Совершает обращение и не прекращается. Ее можно считать прародительницей Поднебесной. Я не знаю ее имени. Если назвать ее словом, придется сказать: «путь». Если постараться дать ей определение, придется сказать: «величайшая». «Величайшая», значит, «уходящая». «Уходящая», значит, «удаляющаяся». «Удаляющаяся», значит, «возвращающаяся». «Величайшие» только путь, небо, земля и правитель. В нашей юдоли лишь эти четверо по-настоящему велики, и правитель среди них — первый. Люди зависят от земли, земля — от неба, небо — от дао, и лишь дао — от самого себя.

§ 26

Тяжелое всегда служит основанием легкому. Спокойствие всегда преобладает над суетливостью. Вследствие этого благородный муж во все дни только и делает, что старается быть спокойным-основательным. Даже если предоставляется возможность прославиться, он остается в высшей степени осмотрительным. Тем более это приличествует повелителю десяти тысяч колесниц: для него собственная персона куда важнее Поднебесной. Легкость в основании ведет к падению; суетливость в делах — к утрате власти.

§ 27

Умелый возникший не нуждается в проложенной колее. Умелый оратор не нуждается в риторических фигурах. Умелому счетчику не нужны счетные палочки. Умелый привратник запрет ворота и без засовов так, что никому не открыть. Умеющий связывать сделает это и без веревки так, что никому не развязать. Поэтому мудрец неизменно искусен в спасении людей, и для него нет пропащих; неизменно искусен в спасении вещей, и потому для него нет ничего ненужного. Это называется — просвещенный ум. Ибо умелые в обращении с людьми ценят в людях воспитание; неумелые в обращении с людьми ценят хотя бы их способности. Если же не ценят из-за воспитания, не любят из-за способностей, то и при наличии знаний впадают в крайнее заблуждение. Это уже называется излишней самоуверенностью.

§ 28

Кто, сознавая свою мужественность, хранит свою женственность, становится руслом для Поднебесной. Становясь руслом

для Поднебесной, остается неизменным в дэ, ни в чем от нее не отступая. Оставаясь неизменным в дэ, ни в чем от нее не отступая, вновь возвращается к младенчеству. Кто, сознавая свою светлость, сохраняет свою темноту, становится образцом для Поднебесной. Становясь образцом для Поднебесной, остается неизменным в дэ, ни в чем против нее не погрешая. Оставаясь неизменным в дэ, ни в чем против нее не погрешая, вновь возвращается к беспредельному. Кто, сознавая свою способность прославиться, хранит свою ничтожность, становится ложем для Поднебесной. Становясь ложем для Поднебесной, остается неизменным в дэ, ею преисполняясь. Оставаясь неизменным в дэ и ею преисполняясь, вновь возвращается к подобной необработанному дереву простоте. Если же эту простоту утрачивает, из него делают что-нибудь вроде доски; случись такое с мудрецом — станет каким-нибудь «начальством». Потому что цельное изделие невозможно получить посредством резьбы.

§ 29

Когда некто собирается захватить Поднебесную и берется за это, мне совершенно ясно, что у него ничего не выйдет. Поднебесная — нуминозная вещь, с ней ничего нельзя сделать по собственному почину. Кто попытается — потерпит поражение; насильно удерживающий всегда ее теряет. Вещи таковы, что одни движутся сами по себе, другие за ними следуют; одни всхлипывают, другие присвистывают; одни пыжаты, другие уступают; одни проигрывают, другие преуспевают. Поэтому мудрец избегает излишних напористости, расточительности, великодушия.

§ 30

Если властителю людей помогают владеющие дао, они не станут рекомендовать покорение Поднебесной с помощью войска: от этих дел лучше держаться подальше. Там, куда приходит армия, вырастают чертополох и бурьян. После большой войны всегда следуют неурожайные годы. Благо поэтому заключено в том, чтобы довольствоваться имеющимся, вот и все. Не следует стремиться к большему могуществу. Довольствуйся имеющимся и не гордись; довольствуйся имеющимся и не вознось; довольствуйся имеющимся и не нападай; довольствуйся имеющимся и не зарься на чужое. Это называется: «довольствоваться имеющимся и не прибегать к силе». Когда вещь входит в силу, это означает, что она на пороге дряхлости. Это называется: «отойти от пути». И означает скорый конец.

§ 31

Войско — не самое лучшее средство; оно всем ненавистно. Поэтому владеющие дао стараются к нему не прибегать. Когда правитель в силе, в почете гражданские дела и лица; когда же

доходит до войны, в почете военные. Так что военные действия — не средство для благородного мужа; худшим же средством можно пользоваться лишь тогда, когда не остается ничего другого. Лучше всего оставаться спокойным и бесстрастным. Одерживать победы, но не любоваться этим: это было бы все равно что радоваться смертоубийству. Когда радуются смертоубийству, не находят сочувствия в Поднебесной. Поэтому когда все благоприятно, на первом месте дела и лица гражданские; когда нависает смертельная угроза, выдвигаются дела и лица военные. Кто старается избежать использования войска и военных, благоволит гражданским; кто, наоборот, склонен к использованию силы, благоволит военным. Как говорится, если бесстрастно относиться к погребальному обряду, многие расстанутся с жизнью; если же скорбеть и печаловаться по каждому, победа в войне будет скорой. Так что все определяется отношением к погребальному обряду.

§ 32

Дао неизменно и безымянно. Простотой сродни необработанному дереву, и, хотя мало, никто в Поднебесной не посмеет счесть его своим подданным. Если бы цари и правители сумели держаться того же, к ним сами собой обратились бы все вещи. Небо и земля соединяются в гармонии, и тогда выпадают сладкие росы. Народ не может этим управлять, он к этому приспосабливается. Начинается создание чего-либо с присвоения ему имени; то, что названо по имени, уже как бы существует. Но нужно также знать, что на этом нужно остановиться; знать, когда остановиться, означает избежать беды. Об этом говорят так: дао заполняет Поднебесную подобно тому, как реки и моря заполняют русла и межгорья.

§ 33

Знающий других — умен; знающий себя — мудр. Побеждающий других силен, побеждающий себя — могуществен. Кто знает, когда остановиться, богат. Кто достаточно силен, чтобы осуществить задуманное, — обладает волей. Кто не покидает своего места — долголетен. Кто не исчезает после смерти — долговечен.

§ 34

Великий путь подобен паводку: может находить русло слева или справа. Все вещи полагаются на него, благодаря ему рождаются каждая в свой срок. Вырастают, свершают, преуспевают каждая в своем, но ни на одну из них путь не претендует. Он одевает и вскармливает все вещи, но ни одной не владеет. Потому при неизменном отсутствии желаний можно именоваться малейшим, и все равно все вещи к тебе обратятся, потому что ты не будешь претендовать на то, чтобы ими владеть. Можно именоваться и величайшим, но что делает

мудреца по-настоящему великим, так это то, что он ни к какому величию не стремится. Поэтому и способен стать поистине великим.

§ 35

К тому, кто являет собой великий образ, устремляется вся Поднебесная. Устремляясь и не подвергаясь никакому ущербу, пребывает в безопасности и спокойствии. Так, радуясь запаху яств, останавливаются на постой заезжие купцы. О проявлениях же дао говорят: «Сколь пресно и безвкусно! Смотришь на него, и ничего не видишь; вслушиваешься, и ничего не слышишь». Польза же от него — неисчерпаема.

§ 36

Кто желает вдохнуть, непременно должен сначала выдохнуть. Кто желает ослабить, непременно должен сначала укрепить. Кто желает избавиться от чего-либо, непременно должен сначала это возвысить. Кто желает что-либо захватить, непременно должен сначала от этого отказаться. Это и называется тончайшим знанием: гибкое берет верх над жестким; слабое — над сильным. Рыба должна держаться на глубине. Так и в государстве: его самое острое оружие должно быть скрыто от людских взоров.

§ 37

Дао неизменно в недеянии, но нет ничего, что бы им не совершалось. Если бы хоу и ваны держались бы того же принципа, вещи сами по себе изменялись бы к лучшему. Изменяясь к лучшему, они стремились бы к совершенному должному. Тогда мы утвердились бы в неизреченной простоте, подобной необработанному дереву. Утвердившись в подобной необработанному дереву неизреченной простоте, мы не знали бы ничего неподобающего. Незнание неподобающего привело бы к спокойствию, в котором Поднебесная исправилась бы сама собой.

§ 38

Высшая дэ не похожа на дэ; благодаря этому она и есть дэ. Низшая дэ опасается — как бы себя не уронить; поэтому она и не есть дэ. Высшая дэ ничем не занята специально, но нет ничего, что бы ею не совершалось. Низшая дэ занимается всем, но у нее всегда что-нибудь недоделано. У высшей человечности много дел, но ни одно не остается без исполнения; у высшего долга тоже много дел, но вечно что-нибудь не исполнено. Высший же ритуал, которому вроде бы тоже до всего есть дело, вообще никем не принимается всерьез: при первом же удобном случае его отбрасывают без всяких сомнений. Так что утрата дао влечет появление дэ, утрата дэ — появление человечности, утрата человечности — появление долга, утрата долга — появление ритуала. Ритуал же знаменует окончательную утрату взаимного доверия и начало всякой смуты. Кто ясно видит

заранее эту последовательность, тот становится украшением пути; это начало отказа от банального ума. Ясно, что так называемые великие мужи замечают лишь очевидное, но не видят ничего тонкого; их интересуют вещи, а не мысли. Поэтому они хватаются за близкое и упускают дальнее.

§ 39

В древности было то, что называется «обретением единого». Небо, обретая единое, стало чистым-прозрачным; земля, обретая единое, стала твердой-покойной. Божества-предки, обретая единое, становились чудесными-явленными; обитаемые ими горные долины исполненными чудесного. Все вещи, обретая единое, становились способными к порождению себе подобных; хоу и ваны, обретая единое, могли наводить порядок в Поднебесной. Причиной всему этому было единое. Потому что, не будь оно чистым-прозрачным, небо раскололось бы; не будь она твердой-покойной, земля развалилась бы. Божества-предки, не будь они чудесными-явленными, оказались бы забыты; горные долины, не будь они исполненными чудесного, опустели бы; и все вещи, не порождай они себе подобных, прекратили бы существование. Да и хоу и ваны, лишись они благородства и возвышенности, утратили бы свое положение. Так уж всегда: основой знатного служит незнатное, как основой высокого — низкое. Потому-то хоу и ваны и зовут себя «несчастливыми» да «сиротами». Что же они, и в самом деле самые незнатные? Нет, конечно. «Ведет множество колесниц не такая же колесница». Просто надо «не жалованье по рангу ценить, как драгоценную яшму, а на редкое сокровище смотреть, как на обычный камень».

§ 40

Дао действует так, что все время возвращает к началу; кто желает использовать его, должен уподобиться слабому. Вещи Поднебесной рождаются в явленном, но само явленное рождается в неявленном.

§ 41

Когда высокий муж слышит о пути, он без колебаний следует ему. Когда средних достоинств муж слышит о пути, он не знает, жить ему или умереть. Когда о пути слышит муж заурядный, он громко хохочет. Но если бы над дао не потешались, это уже не был бы путь! Поэтому-то о нем часто и говорят в таких выражениях: «ясность пути подобна туману»; «продвижение по пути подобно отходу назад»; «необычайное дао выглядит банальным»; «высшая дэ как горное ущелье»; «великая чистота подобна бесчестию»; «в широчайшей дэ будто чего-то не хватает»; «утверждение дэ подобно проигрышу»; «в естественности и прямоте есть что-то от лукавства»; «у величайшего квадрата углы не прямые»; «большой сосуд долго делается»;

«великий звук трудно услышать ухом»; «у великого образа нет определенной формы». Сам по себе путь скрытен и безымянен; но только то, что следует ему, может благополучно начинаться и завершаться.

§ 42

Дао рождает единое; единое рождает двух; двое рождают третьего. Эти трое порождают все существующее. Все существующее несет на себе инь и обнимает ян. Разливая в мире ци, все приводит к гармонии. В Поднебесной всем ненавистны вещи, называемые «сиротство», «вдовство», «бесталанность», но ваны и гуны только так себя и именуют. С вещами всегда так: кто умалется, приобретает; кто стремится приобрести, утрачивает. Так учат люди; тому же учу и я: «сильный и отважный не умирает своей смертью». Вот это-то и есть главное в моем учении.

§ 43

Самое податливое в Поднебесной всегда подчиняет себе самое жесткое. Это как явленное и неявленное: вступая в не имеющее промежутка, я тем самым постигаю, в чем преимущество недеяния. Это и есть поучение без речей: опытное постижение преимуществ недеяния. Только мало кто в Поднебесной способен это постичь.

§ 44

Подумаем, что дороже — слава или здоровье? Что важнее — душевное здоровье или вещи? Что хуже — обрести жизнь или погибнуть? Поэтому-то и говорится: «Если что-то слишком любишь, трудно с этим расстаться; если много скопил, много и пропадет!» Не узнает же позора тот, кто умеет довольствоваться малым; и кто знает, когда остановиться, раньше времени не умрет. Только так и можно достичь долголетия.

§ 45

Великая завершенность подобна некой ущербности, но в использовании ни в чем не обнаруживает недостатка. Великая наполненность подобна некой разлитости, но в применении оказывается неисчерпаемой. В великой прямоте как бы некая кривизна, великое мастерство кажется неумением, великое красноречие — косноязычием. Тот, кто движется, одолевает холод; кто остается неподвижным, одолевает жару. Чисто-прохладный, неподвижно-спокойный, такой может послужить образцом для всей Поднебесной!

§ 46

Когда в Поднебесной есть дао, боевых коней отпускают удобрять поля; когда в Поднебесной нет дао, кобылы варваров жеребятся в столичных предместьях. Нет большего преступления, чем давать волю своим страстям, и нет большей беды, чем не знать ни в чем меры. Нет такой напасти, которая не прихо-

дила бы через страсть к приобретению. И только знание достаточности достаточного ведет к постоянному достатку.

§ 47

Поднебесную можно познать не выходя со двора, не выглядывая в окно. Нужно просто увидеть небесный путь. Его исток бесконечно далек, но знание о нем бесконечно просто. Так что мудрец познает, ничем не занимаясь; видит, ни на что не глядя; совершает, ничего не делая.

§ 48

Кто занят учением, что ни день приобретает; кто займется дао, будет что ни день терять. Так, от потери к потере, достигается полное недеяние. При полном недеянии ничто не остается невыполненным. Если кто задумает овладеть Поднебесной, ему нужно навсегда отказаться от всяких дел. Потому что, занявшись делами, он никогда не найдет времени для приобретения Поднебесной.

§ 49

У мудреца нет собственных идей, он использует в качестве таковых мысли простонародья. Я благорасположен к тому, что заслуживает благорасположения, но также благорасположен и к тому, что такого благорасположения не заслуживает, ибо ценно само благорасположение. Я верю тому, чему следует верить, а также и тому, чему верить не стоит, ибо ценно само доверие. Мудрец ведь в Поднебесной будто чокнутый, ради Поднебесной подвинувшийся умом. Люди идут к нему за советом, а он встречает всех младенческой улыбкой.

§ 50

Выходя в жизнь, мы тем самым вступаем в смерть. Тринадцать органов являются причинами жизни, и те же тринадцать — причинами смерти. Жизнь человека устроена так, что любое использование им этих тринадцати неизбежно ведет к смерти. Почему так происходит? Потому что в жизни изживается сама жизнь. Правда, я слышал, что тот, кто искусен в жизни, путешествуя по земле, не встречает ни носорога, ни тигра, а оказываясь посреди войска, не становится мишенью латников. Потому что носорогу некуда вонзить в него свой рог, тигру некуда наложить свои когти, латнику некуда поразить его острием. Это оттого, что он вне пространства смерти.

§ 51

Дао рождает их, дэ их вскармливает, природное предназначение придает им форму, природные условия приводят их в заверченный вид. По этой причине и нет среди всех этих вещей такой, что не почитала бы дао, не возвеличивала бы дэ. Ведь только они не подвержены никаким повелениям, но неизменно остаются подобными самим себе. Так что сказано: «дао рождает, дэ вскармливает, выращивает, воспитывает,

сохраняет, излечивает, питает, оберегает». И при этом рождает, но не обладает, наделяет, но не ждет благодарности, возвращает, но не употребляет себе на пользу. Это-то и называется таинственной дэ.

§ 52

У Поднебесной есть начало. Его можно назвать матерью Поднебесной. Тот, кто постиг мать, тем более узнает ее чад. Кто узнает ее чад, тем более будет склонен хранить их мать. Откажется от своего «Я» и тем избежит гибели. Прекратит связи с внешним, затворит свои врата и до конца останется безучастным. Ибо тот, кто поддерживает связь с внешним, вечно суетится и до конца не обретает покоя. Видение малого — привилегия только ясного ума; умение оставаться гибким доступно лишь подлинной силе. Тот, кто умеет просветиться изнутри, непременно придет и к подлинной ясности ума. Он уже не будет зависеть от своего несчастного «Я». Такой и зовется: «овладевший неизменным».

§ 53

Если, положим, у меня было бы подлинное знание: пустился бы по великому пути, всеми деяниями своими внушал бы трепет... Но великий путь очень незаметен, поэтому народ и предпочитает проторенные дороги. Чем пышнее дворец, тем запущеннее поля и пустее амбары. Когда носят разукрашенные одежды, на поясах — острые мечи, когда брезгают обычными едой и питьем, а деньгами считают лишь огромные суммы, — это уже грабеж и бесстыдство. А никакой не путь.

§ 54

То, что хорошо установлено, не свалят; то, что хорошо внушено, не забудут: и сыновья и внуки будут возносить жертвы и молитвы беспрестанно. Кто исправил себя, у того, значит, есть воля; кто исправил семью, у того, значит, хватает воли на семью; кто навел порядок в волости, у того — силы как раз на волость; кто управился с царством — у того сил еще больше. Кто навел порядок в Поднебесной — обладает силой уникальной. Так и идет: у кого сил лишь на себя, занимается собой; у кого есть силы еще и на семью — семьей; у кого на волость — волостью; у кого на царство — царством; у кого — на Поднебесную — правит Поднебесной. А то как бы мы узнали, что в Поднебесной все как надо? Вот из этих вот рассуждений.

§ 55

Того, в ком высшая дэ, я уподобил бы новорожденному: осы и ядовитые змеи его не жалят, дикие звери — не кусают, хищные птицы — не когтят. Кости у него мягкие, члены гибкие, но хватка крепкая. Не зная союза полов, он готов к нему: в нем огромная энергия. Кричит целый день и не охрипнет. Он предельно гармоничен. Понимание необходимости единения неиз-

менно; понимание неизменности этого говорит о ясности ума. Продолжение жизни всегда благой знак. Ум, управляющий энергией, дает могущество. Вещи, достигая расцвета сил, клонятся к старости. Все это следует назвать отходом от пути. Отход от пути ведет к ранней кончине.

§ 56

Постигший не рассуждает; рассуждающий — не постиг. Кто не дает воли своей печали, отгораживается от мира, умеряет свой блеск, уподобляется простой пыли, затуляет свою остроту, выпутывается из своих дум — о том правильно говорится: «достиг таинственного единения». Такого невозможно по произволу приблизить, но нельзя по произволу и отдалить; нельзя одарить, но нельзя и обездолить; невозможно возвысить, но нельзя и унижить. Поэтому такой — драгоценность для Поднебесной.

§ 57

Страной управляют с помощью праведности, пользуясь войском лишь в крайнем случае, поскольку Поднебесную приобретают, не занимаясь другими делами. Откуда мне это известно? Когда в Поднебесной много запретов и ограничений, народ становится все беднее и все больше тянется к оружию. В стране тогда наступает неразбериха, люди становятся все более изощренными. Их изобретательности нет предела, поэтому законы все множатся, а злодеев не становится меньше. Поэтому мудрецы и говорят: «Пребывай в недеянии, и народ сам собой исправится; оставайся в спокойствии, и народ сам придет к верному; не вникай в частности, и народ сам начнет богатеть; не давай воли страстям, и народ сам вернется к безыскусности».

§ 58

У того, чье правление как бы небрежно, народ благоденствует. У того, чье правление строго, народ в сплошных недоимках. От этого зависят счастье и несчастье. То, чем определяется счастье и несчастье, — знание предела. Там, где отсутствует праведность, ее проявление воспринимается как диковина. Доброта там хуже убийства. Таково заблуждение людей! Если такое длится, это уже становится привычкой. Посему мудрец прям и неподатлив; скромн и серьезен; справедлив и беспристрастен; ясен, но не блестящ.

§ 59

В управлении людьми, как и в служении естеству, нет ничего полезнее умеренности. Понимание важности умеренности ведет к тому, что называют «ранней ответственностью». Под «ранней ответственностью» подразумевается серьезное отношение к собиранию внутренней силы дэ. Накопившему дэ нет преград. Когда нет преград, неизвестно, до какого предела мощи можно продвинуться. Когда сам не знаешь, до какого предела мощи

можно продвинуться, самое время овладевать страной. Овладев же корнем всякой власти, можно тем самым рассчитывать на долговечность. Это называют «углублением корня и укреплени-ем основания». Это и есть путь к долгой и прекрасной жизни.

§ 60

Править большим царством так же хлопотно, как готовить мелкую рыбешку. Если же править Поднебесной с оглядкой на дао, тогда божества-предки не будут иметь повода проявлять свою чудесную силу. Тут дело не в том, что они вообще ее не проявляют, просто ее проявления не затрагивают людей. И даже не только не затрагивают простых людей,—они и мудрецам не доставляют хлопот. Когда же эти две стороны не доставляют хлопот друг другу, их силы дэ сообщаются и действуют заодно.

§ 61

Что делает государство великим, так это готовность подчиниться течению дел. Нужно ладить с Поднебесной, как женщина ладит с мужчиной. Самка неизменно избирает пассивность, чтобы одержать верх над самцом именно этой своей покорностью. Поэтому лучше всего идти за ходом событий. Так, великое царство, ставящее себя ниже малого, неизменно приобретает власть над ним, и наоборот: малое царство, принижающее себя перед великим, в конце может и возобладать. В одном случае принижают себя нарочито, в другом—по необходимости, но результат один. Ведь и великому царству нужны способные слуги, и малое царство нуждается в достойных покровителях: каждый, следовательно, обретает желаемое. Так что величие обретается покорностью обстоятельствам.

§ 62

Для всего существующего путь—самое непонятное. Люди, склонные ко благу, ценят его как сокровище; люди, склонные ко злу, стараются от него укрыться. Красивыми рассуждениями можно попытаться что-то скрыть от людей, равно как и показной респектабельностью, но если уж в человеке нет добра, такими уловками его не приобретешь. Так что можно стать хоть сыном неба и, в окружении трех гунов, со всеми яшмовыми регалиями, несомыми впереди, следовать за запряженным четверкой экипажем, но лучше уж оставаться на своем месте. Тех, кто был способен на это, особенно ценили в старые времена,—считали, что это и есть приближение к пути. Тогда люди не стремились к приобретению, а стремились впасть в беззаконие. Такие и были драгоценны для Поднебесной.

§ 63

Если чем и заниматься, так недеянием; если что и делать, так бездельничать; если чем и лакомиться, так чем-нибудь безвкусным. Будешь великим или малым, состоятельным или

нищим—все зависит от того, как проявится внутренняя сила. Даже к самому простому нужно подходить так, как будто это—самое сложное; даже в самом великом деле нужно вникать во все мелочи. В Поднебесной все трудности от того, что кажется легким; и все большие проблемы от невнимания к мелочам. Поэтому мудрец старается не заниматься великими делами, в чем и состоит для него возможность достичь подлинного величия. Тому, кто легко обещает, и веры большой не будет. Такой толкует о том, как все просто, а потом одни проблемы. Мудрец, напротив, только и думает о трудностях, потому ему все легко и удается.

§ 64

Вообще-то он спокоен и легко ко всему относится. Внешне не проявляется, но полон замыслов. Хрупок и легко поддается. Слаб и как бы рассеян. За него никак не взяться. Его не привести в порядок, потому что он не беспорядочен. Дерево в обхват начинается с тонкой былинки. Башня в девять ярусов возводится из горстки земли. Путь в тысячу ли начинается с первого шага. Только вот никак не получается найти это самое начало: кажется, схватил, а в руках—ничего. Поэтому мудрец ни за что и не берется, чтобы не понести ущерба; ни за чем не гонится, чтобы не остаться с пустыми руками. В народе ведь постоянно что-нибудь затевают, но обычно перед самым завершением все рушится. Потому что окончание требует не меньшего внимания, чем начало,—тогда и дело сладится. Так что мудрец больше всего желает ничего не желать и не ценит того, что достается с трудом. Он учится ничему не учиться, обращает внимание на то, мимо чего другие проходят, и держится пути, которым идут вещи сами по себе. И ни во что не вмешивается.

§ 65

В старину те, кто был искусен в дао, не просвещали народ, а оставляли его в счастливом неведении. Народом трудно править, когда у него много знаний. Поэтому когда страной правят с помощью знаний, это беда для страны. Когда же страной правят без участия острых умов, это для нее благоприятно. Кто понимает эти вещи, склоняется к более разумной альтернативе, и если он постоянно ее придерживается, он, можно сказать, овладевает таинственной силой. Эта таинственная сила—дз, глубочайшая, удаленнейшая. Но вещи тянутся к ней и, когда достигают—во всем ей покорны.

§ 66

Реки и моря способны заполнить любое ущелье потому, что они охотно текут вниз. Так и мудрец: желая возвыситься над людьми, он должен в речах ставить себя ниже всех; желая быть впереди народа, он должен ставить себя позади других. Тогда

народ, видя его наверху, особо не возражает; обнаруживая его впереди, особо не огорчается. Напротив, все в Поднебесной радуются его успехам и вполне им довольны. Это потому, что он ни с кем не соперничает,—и в Поднебесной, таким образом, ему нет соперников.

§ 67

Даже если вся Поднебесная назовет меня великим, я таковым себя не сочту. Именно потому, что сам себя таким не считаю, могу достичь величия. Если же представить, что я приму это величание,—много ли времени пройдет, прежде чем от этой славы ничего не останется? У меня только три сокровища, которыми я дорожу и никогда с ними не расстанусь: первое—отеческая любовь; второе—умеренность; третье—нежелание первенства в Поднебесной. Любовь придает храбрость, умеренность дает возможность быть щедрым, отказ от первенства—власть над вещами. Так что даже при утрате любви остается храбрость, при утрате умеренности—широта, при потере скромности—первенство. И даже если грозит смерть, присутствие любви всякое сражение завершит победой, а всякую привязанность оставит прочной. Этому помогает само небо, поскольку и ему присуща отеческая любовь.

§ 68

Кто умеет служить—не воинствен; кто умеет сражаться—не гневен; кто умеет побеждать—не самоуверен; кто умеет привлечь людей—никогда не выказывает своего превосходства. Все это называется умением добиваться своего без борьбы, или еще—умелостью в обращении с людьми. Это также можно назвать партнерством с самим небом. Этим владели в совершенстве только в древности.

§ 69

По поводу воинского дела говорится так: надо чувствовать себя не хозяином, а гостем; лучше отступить на шаг, чем первым ступить вперед на полшага. Это называют: действовать как бы бездействием. Нужно захватывать, не прикасаясь к телу противника, атаковать, как если бы в руках не было никакого оружия, занимать позицию так, как будто противника вовсе не существует. Нет ничего страшнее недооценки противника! Недооценка противника равноценна утрате всех своих преимуществ. Нужно как можно дольше избегать прямого вооруженного столкновения, потому что побеждает тот, у кого больше выдержки.

§ 70

То что я говорю, легко понять, еще легче—выполнить. Но в Поднебесной никто этого не понимает и не делает. У всякой речи есть резон, как у любого дела—побуждение. Невежество

сохраняется не оттого, что я толкую о чем-то непонятном,— просто мало желающих слушать. Тем не менее знание мое все равно драгоценно! Таков удел мудреца: в простом одеянии, но с великим сокровищем за пазухой.

§ 71

Знание собственного незнания—это прекрасно. Ужасно же «знание» невежды. Потому что знающий, что он болен,—на пути к выздоровлению. Таков мудрец—выздоровливает потому, что сознает что болен. Только поэтому.

§ 72

Когда народ перестает бояться власти, приходится браться за него по-настоящему. Но тогда у него пропадает привязанность к обжитым местам и забота о собственном потомстве. С ним никто не считается, и он ни о ком не заботится. Поэтому мудрец дает о себе знать, но себя не оказывает; старается возбудить к себе любовь, но не превозносится. Он занят не далеко идущими планами, а тем, что под рукой.

§ 73

Когда допускают свободу действий, это обязательно кончается разбоем; когда ее решительно пресекают,—устанавливается довольно скучный порядок. И в том, и в другом состоянии общества есть преимущества и недостатки. Никогда неизвестно заранее, что именно ненавистно небу. Поэтому мудрец считает эту дилемму трудноразрешимой. Вообще говоря, путь неба—побеждать без борьбы, получать отклик на невысказанные пожелания, принимать приходящих без приглашения и осуществлять планы, никем не задуманные. Но небо—это небо: сеть огромная и хотя и редкая, но охватывающая всех без исключения.

§ 74

Если народ привык к казням, смерть как средство устрашения становится совершенно бесполезной. Однако если постоянно угрожать народу смертью, а на самом деле казнить редко, то все будут трепетать в момент вынесения мною приговора. Если не давать палачам сидеть без дела или действовать вместо них—это будет все равно что плотничать вместо плотников. А кто возьмется плотничать вместо настоящего плотника, скорее всего поранится.

§ 75

Голод случается тогда, когда слишком много налогов на продовольствие. Из-за такого голода народ выходит из повиновения. Привести его к порядку в этом случае невозможно из-за излишней активности властей. Народ тогда презирует смерть, и как раз из-за того, что его желание выжить непреодолимо. Ибо мудр не тот, кто ценит нечто больше жизни, а тот, кто больше всего ценит жизнь.

§ 76

При жизни человек гибок и податлив; после смерти становится твердым и жестким. Все вещи, деревья и травы пока живут — мягки и гибки; после смерти они становятся сухими и ломкими. Потому и говорится: крепость и жесткость — спутники смерти; мягкость и гибкость — спутники жизни. Слишком жестким оружием победы не одержишь; и крепкое дерево свалят первым. Сильное и большое в конце концов терпит поражение; гибкое и податливое одерживает верх.

§ 77

Путь неба подобен натягиванию лука: когда верхний конец опускается, нижний — поднимается. Там, где избыток, быть потерям; где нехватка — жди пополнения. Таков путь неба: отнимать от избытков и восполнять нехватки. Не таков путь человека: здесь отбирают у бедности, чтобы увеличивать богатства. А от своего избытка одарить Поднебесную способны лишь приверженные пути. Так что мудрец действует, но не ждет благодарности; свершает деяния, но ими не хвалится, — не желает обнаруживать свой ум.

§ 78

В Поднебесной нет ничего мягче и податливее воды, но она преодолевает все самое твердое и жесткое, и никто не может ей противостоять. Поэтому нет и таких, кто бы ею пренебрегал. «Вода побеждает скалу, а слабость — силу» — это известно любому в Поднебесной, только вот никто не в состоянии этому следовать. Поэтому мудрецы и говорят: «Кто принимает на себя всю грязь Поднебесной, становится хозяином алтарей Земли и Посева; кто принимает на себя все несчастья Поднебесной, становится в ней ваном». Верные суждения всегда как будто неверны.

§ 79

Гармония наступает после великих скорбей, иначе не бывает. Но можно ли счесть эти скорби благом? Поэтому мудрец держится простых правил и не обременяет людей обязательствами. Он ведет себя так, будто у него есть право вести только текущие дела, и не устанавливает правил на завтра. Таков путь неба: у него не бывает любимчиков, но он всегда с теми, кто добр.

§ 80

Пусть царства будут маленькими, их население малочисленным. Даже если будет много всяких орудий, лучше ими не пользоваться. Пусть народ помнит о смерти и не пускается в дальние предприятия. И хотя лодки и повозки, конечно, останутся, лучше бы им не находилось применения. То же и с вооружением — лучше бы оно нигде не понадобилось. И лучше всего было бы, если бы народ вернулся к узелковому письму.

Еда казалась бы вкусной, одежда — красивой, обычаи — приятными, жилье — удобным. Соседствующие в таких царствах видели бы друг друга, а петухи и собаки — слышали бы. Народ бы жил там до глубокой старости и во всю жизнь никуда не стремился.

§ 81

Правдивая речь неискусна, искусная — не правдива. Понимающий не блещет умом, блестящий едва ли много смыслит. Кто по-настоящему творит добро, делает это в меру; слишком уж щедрый вряд ли так уж добр. У мудреца нет ничего своего — он живет умом других, и чем больше от них получает, тем больше им же и отдает. Но при этом и приобретает. Путь неба: приносить всем пользу, никому не вредя. Путь мудреца: делай, но ни с кем ни о чем не спорь!

Г. А. ТКАЧЕНКО
СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФИИ
И ИСТОРИИ ДАОСИЗМА *

Даосская философия

Даосская философия соотносится с известной под именем даосизма традиционной (нативной) религией Китая весьма сложным образом. Обыкновенно различаются даосизм как определенный стиль философской критики (дао цзя) и даосизм как совокупность духовных практик (дао цзяо), но это деление достаточно условно. Под дао цзя подразумевают преимущественно доциньский даосизм, связываемый традицией в основном с фигурами Лао-цзы и Чжуан-цзы или, точнее, с текстами, авторство которых приписывается персонажам, фигурирующим в традиции под этими именами. Особый ореол окружает при этом Лао-цзы. Этот всеми признанный патриарх философствующих в даосском стиле представляет собой фигуру загадочную во многих отношениях, поскольку под этим именем в традиции выступают по крайней мере три совершенно различных лица. Во-первых, это некто Ли Эр (Лао Дань, Ли Боян, Лао Лай-цзы) — уроженец царства Чу (трад. дата 604 до н. э.), архивист в чжоуском книгохранилище и старший современник Конфуция, которому он давал отеческие наставления. Во-вторых, это Лао-цзы, известный под именем Лао-цзюнь как высшее божество даосского пантеона и воплощение самого дао, или же как один из «трех чистых» (сань цин) — в триаде высших божеств так называемой народной религии, наряду с «Нефритовым Предком-императором» (Юй хуан шан ди) и «Великим Изначальным» (Тай ши, которого иногда отождествляют с изначальным «хаосом»). В-третьих, этим именем должен быть назван и реальный автор (или авторы) философских афоризмов, собранных в книгу, которая по праву считается одним из высших достижений китайской мысли, — «Дао дэ цзин». Именно в этом тексте в предельно лаконичном, практически формульном виде представлены основные установки даосской философии, которые в других памятниках разработаны в деталях, так что уже на основании знакомства с этим приписываемым самому Лао-цзы и, следовательно, наиболее авторитетным для самих последователей даосизма текстом, можно утверждать, что в целом для

* Данные статьи готовились Г. А. Ткаченко к энциклопедическим изданиям. Публикуются по рукописи.

даосского философствования характерны: 1) констатация условности любой дихотомии (ведущей к образованию бинарных оппозиций) и рекомендация преодоления ограниченности альтернатив (ши-фэй, что обычно переводится словосочетанием «истина и ложь», хотя более удачным было бы «правда и кривда») с помощью сознательного отказа от их рассмотрения (Дао дэ цзин, 19), который в свою очередь должен вести к сверхсознательному слиянию с «путем» природы (дао), ни от чего не зависящим, стоящим особняком (ду ли) и «подобным самому себе» (цзы жань), т. е. самодостаточным (Дао дэ цзин, 25); 2) полный отказ в связи с этим от любого конвенционального «знания» (сюэ) и абсолютное предпочтение знания «откровенного», т. е. стремление к постижению реальности внерациональными средствами (что понимается как овладение «искусством-дао» через его «инкорпорацию» в собственное тело — ти дао), в частности через психосоматические (медитативные, дыхательные и т. д.) практики (Дао дэ цзин, 14; 48); 3) жизненно значимые стратегии достижения победы над сильным и агрессивным оппонентом (или окружением) через демонстрируемую максимальную податливость и слабость, вводящую противника в заблуждение относительно реальной силы даосского «стратега» (Дао дэ цзин, 43); 4) полное доверие ко всему «естественному» (природному) и, напротив, неприязнь ко всему «искусственному» (антропогенному), и особенно к «конфуцианской» письменной (вэнь) культуре; 5) как в этике, так и в эстетике (в данной традиции вполне гармонирующих) — заявляемое как программа «подлинного существования» художнически свободное стремление эмансипирующегося от всех условностей индивида (просветленного мистика) к «простоте некрашеного шелка и необработанного дерева» (су пу) и утверждение в связи с этим всеобщего принципа «недеяния» (у вэй) как основы успеха всякой деятельности, осуществляемой в согласии с дао (Дао дэ цзин, 37). Таким образом, основной пафос философствования в даосском стиле — в обличении извращений человеческой натуры (чжи), вызванных навязываемой индивиду репрессивной культурой (вэнь), под которой подразумеваются прежде всего «конфуцианские» моральные нормы (ли), и в призывах возвратиться к неким простым и естественным отношениям в декорациях условной деревенской идиллии: «Пусть государства будут маленькими, а население — редким. Если в государстве имеются различные орудия, не нужно их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко от своих мест. Если в государстве имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеется войско, не нужно его выставлять. Пусть народ вновь начинает плести узелки и употреблять их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одевание

красивым, жилище удобным, а жизнь радостной (лэ). Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга» (Дао дэ цзин, 80). Даосская утопия оказала огромное влияние на художественную практику последующих веков и часто служила источником критических аргументов идеологам разного рода миллениаристских движений. В качестве ранних опорных текстов даосизма часто называют кроме «Дао дэ цзина» и «Чжуан-цзы» главы «Искусство сердца» (Синь шу) из «Гуань-цзы», характерные для даосизма натурфилософского толка, а также главу «Внутренняя работа» (Нэй гун) из того же «Гуань-цзы», в которых видят прототип обширного класса инструктивных текстов для занятий медитацией и другими даосскими практиками, сейчас чаще всего объединяемыми под общим наименованием — «цигун». В этой эзотерической литературе речь идет по большей части о «восхождении» адепта по ступеням овладения даосской «наукой вскармливания жизни» (ян шэн сюэ). К этому жанру относятся такие известные трактаты, как «Сань тун ци» Вэй Бояна, «Баопу-цзы» Гэ Хуна, «Канон Желтого двора» (Хуан тин цзин; 3—4 вв.), «Главы о постижении подлинного» (У чжэнь пянь; 10—11 вв.) и многочисленные им подражания, которых насчитывается не одна тысяча. Хотя точная датировка и атрибуция всех этих произведений представляет отдельную (в последние годы успешно решаемую) научную проблему, связанную с относительно поздним (с 5 в.) и противоречивым процессом формирования корпуса даосских текстов, известного под именем «Хранилища дао» (Дао цзан), в который в конце концов вошла большая часть даосской литературы, все эти тексты содержат уникальный материал и должны считаться аутентичным выражением даосской традиции философствования вне зависимости от реального времени составления, редакторской обработки, очевидных интерполяций и тому подобных чисто филологических проблем. Можно считать и что тексты «Дао цзана» достаточно обоснованно ассоциируются в комментаторской традиции с авторством тех или иных исторических лиц, разве что за исключением тех многочисленных случаев, когда в качестве авторов стандартно называются Лао-цзы или «Желтый Предок» — Хуан-ди. Поэтому для изучения даосской философии одинаково ценны и такие непревзойденные шедевры, как «Чжуан-цзы» (с комментарием Го Сяна) или «Хуайнань-цзы», и гораздо более скромные произведения более поздних (или более ранних) эпох, в том числе и сложносоставные памятники, подобные «Люйши чуньцю» или «Ле-цзы», чаще всего относимые традицией к жанру «цза цзя» (что можно перевести как «философская эклектика») или даже к разряду «неаутентичных

книг» (вэй шу). Между тем безотносительно к титульному или действительному авторству, времени создания и сохранности изначального текста во всех этих произведениях достаточно последовательно разрабатывались основные темы даосской (позже — натурфилософской, или синкретической) традиции философствования (в основном перечисленные выше в связи с основным философским содержанием «Дао дэ цзина»), хотя, как правило, в литературных жанрах, более близких к художественной прозе, чем к философскому эссе или тем более к логическому трактату. Так, едва ли не важнейшая для даосизма идея относительной (а возможно, и негативной) ценности человека как специфического (автономного) существа (вещи) для природы в целом, а равно и его неоправданно высокого самомнения обычно облекается в том же «Чжуан-цзы» в форму остроумной притчи, несомненные литературные достоинства которой весьма облегчают восприятие заложенной в ней мысли даже совершенно неискушенной аудиторией: «Есть Нежный Красавец (Нуаньшучжэ), есть Предающийся Неге (Жусюйчжэ)... Этот самый Нежный Красавец учит наизусть речи одного преждедороденного (намек на Конфуция. — Г. Т.), — нежно, красиво — и втайне сам собой любит, что этого достаточно, и не ведая, что еще и не начал что-либо познавать. Вот такой называется Нежным Красавцем. Предающийся Неге подобен вше на шкуре свиньи. Выбирая, где щетина пореже, вошь чувствует себя в обширном дворце, огромном парке. Покойными и удобными местечками она считает щели в копытах, складки кожи, промежутки между сосцами, бедрами. Не ведает, что однажды утром мясник взмахнет руками, подстелет травы, разведет огонь и спалит ее вместе со свиньей. Вот такой, кто толчется в одном мирке, то входя в него, то выходя, и называется Предающимся Неге» (Чжуан-цзы, 24; пер. Л. Д. Позднеевой). Другая, связанная с первой, важнейшая тема даосского философствования — тема «молчания природы», невыразимости истины (дао) в слове и «невмешательства» (у вэй, часто переводится как «недеяние») мудреца в естественный ход вещей также присутствует у Лао-цзы (Дао дэ цзин, 1; 32; 41; 56), однако именно в «Чжуан-цзы» приобретает характер своеобразного философского манифеста даосизма: «Небо и земля обладают великой красотой (мэй), но молчат; четыре времени года обладают ясным порядком (фа), но его не обосуждают; вся тьма вещей (вань у) следует совершенным естественным законам (ли), но о них не говорит. Постигнув красоту неба и земли, мудрец постигает законы тьмы вещей. Поэтому настоящий человек (чжи жэнь; другой аналогичный термин — чжэнь жэнь) предается недеянию, великий мудрец ничего не создает, лишь наблюдает за небом и землей. Потому как в них, небе и земле, заключен священный ум (шэнь мин, что

может быть переведено как «совершенное знание божеств-предков») и предельная нуминозность (чжи цзин, что может быть передано также как «тончайший семенной дух»). Следуя им, вещи проходят через бесчисленные трансформации (бай хуа), то умирая, то рождаясь, становясь квадратными или круглыми, и невозможно познать корень всего этого» (Чжуан-цзы, 22). Преклонение перед величием космоса, «неба и земли» (тянь ди, что соответствует «среде обитания»), определяет неизменный интерес даосских философов к «природе», которая здесь обозначается термином «небо» (тянь), и к отношению этой природы к «человеку» (жэнь). С ханьской эпохи, когда возникает развитая натурфилософия, во многом опирающаяся на даосское наследие, почти общим местом у философов становится утверждение о системной взаимосвязанности, взаимодействии и некоем «единстве неба и человека» (тянь жэнь хэ и), что в конечном счете ведет к созданию фундаментальной модели мира, известной как триада — «небо, земля, человек» (сань цай, буквально «три действующих начала», «три фактора»). Хотя истоки этих представлений принято возводить к считающемуся ортодоксальным конфуцианцем Мэн-цзы (ок. 372—289 гг. до н. э.), а их окончательную формулировку в виде так называемой «теории космического резонанса» (тянь жэнь гань ин) по праву связывают с именем не менее «ортодоксального» Дун Чжуншу (197—104 до н. э.), все же нельзя не видеть в самом ракурсе постановки проблемы влияния раннедаосского творчества. В этом контексте становится понятно, почему в фокусе внимания философов классического направления и в гораздо более поздние эпохи постоянно оказывается идея изоморфности макрокосма (юй чжоу, буквально «пространство и время», что соответствует нашему концепту «Вселенной», «универсума») и микрокосма (син ти, буквально «форма», «тело человека», что в целом соответствует нашему концепту «организма»): дело в том, что некогда составлявший специфику именно даосского философствования интерес к космологической проблематике постепенно оказывается в центре вообще всех позднейших натурфилософских теоретических построений, даже если их авторы не только сами не связывают себя с даосизмом, но и склонны (или вынуждены) от него всячески отмежевываться. В некотором смысле само обращение к проблеме происхождения мира и способа его функционирования (т. е. того же дао) заставляет читателей и слушателей подозревать у того или иного, даже внешне самого «ортодоксального» философа наличие каких-то неклассических, «даосских» интересов, поскольку ранняя классика, на которой воспитывались поколения «ортодоксов», сознательно сторонилась этой проблематики именно из-за ее мнимой иррациональности, по-даосски избыточной художественности

и фантастичности описаний космоса в соответствующей философской литературе. Действительно, картина космогенеза в даосских памятниках поражает воображение своим размахом и реалистической детализированностью, сочетающейся с ярчайшей художественностью: «Дао покрывает небо, поддерживает землю, простирает четыре стороны света, раскрывает восемь пределов. Оно высоко-беспредельно, глубоко-безмерно, обнимает собою небо и землю (Вселенную), сообщается с бесформенным. Бежит источником, бьет ключом. Пустое — постепенно наполняется, клокочет и бурлит. Мутное — постепенно очищается. Встанет между небом и землей и наполнит все пространство; ляжет между четырьмя морями и заполнит всю ширь. Раздает и не иссякает, и нет для него ни утра, ни вечера. Растянутое — покрывает шесть сторон, свернутое — не заполнит и ладони... Горы благодаря ему высоки, пучины благодаря ему глубоки, звери благодаря ему бегают, птицы благодаря ему летают, солнце и луна благодаря ему светят, звездный хоровод благодаря ему движется, линь-единорог благодаря ему бродит, феникс благодаря ему парит... (Хуайнань-цзы, 1; пер. Л. Е. Померанцевой). Интерес к фундаментальным космическим (жизнепорождающим) процессам, чрезвычайно характерный для даосизма, отличающий его от всех других форм китайского умозрения, и культ естественности и спонтанности в сочетании с критическим отношением к любой канонической норме делали его в китайской истории источником и творческого вдохновения, и отрицания ценности всякого человеческого творчества; от него исходила и последовательная проповедь невмешательства в ход событий, и идейная поддержка активного социального протеста. Поэты и художники, равно как и бунтари и преступники, легко могли отождествить себя с принципом «следования» (шунь) стихийным силам природы, равно как и с принципом «противления» (ни) этой стихийности, ведущей к смерти, в сверхусилии (которому и обучает даосская психотехника), возможно выводящем индивида в «запредельные» (у цюн) сферы — сверхжизни или сверхсознания, — где он, несколько в буддийском стиле, освобождается от всякой обусловленности, становясь даосским — «бессмертным небожителем» (сянь). Возможность такого «прорыва» подтверждалась биографиями тех даосских сяней, которые, согласно преданию, превратились в таковых из самых обычных, если не сказать заурядных людей, правда, зачастую не без помощи высших сил. Показательны в этом отношении некоторые из знаменитых «восьми бессмертных» (ба сянь), которым посвящено бесчисленное количество сюжетов в литературе и живописи. Например, Люй Дунбинь, родившийся в 755 г. в Дэхуа (провинция Цзянси) и получивший эликсир бессмертия от Чжунли Цюаня, старшего из

«восьми сяней», явившегося ему в горах, считается лицом вполне историческим, не говоря уже о Хань Сянци — племяннике знаменитого поэта и ученого Хань Юя (768—824), или Цао Гоцзю — сыне Цао Биня (930—999), первого министра при сунском императоре Тай-цзю. Выраженная в образах этих бессмертных-сяней уверенность в возможности изменения собственными силами земной «судьбы», как принцип, с редкой последовательностью утверждавшийся даосизмом, в остальном чуждым всякого фанатизма, подразумевал, в частности, и правомерность (т. е. моральность) стремления к «выживанию» вообще всякой вещи, причем всеми доступными ей способами. В этом отношении даосская мораль подразумевала по возможности — выживание для всех, но по необходимости — для каждого в отдельности. Такая аксиология, предполагающая выстраивание приоритетов жизненных стратегий не в отношении абсолютных принципов, утверждаемых традицией (и санкционируемых культурой), а в отношении целесообразности этих стратегий с точки зрения конечного результата — продления срока индивидуальной жизни, естественно, не могла получить одобрение со стороны классического конфуцианства, последовательно утверждавшего идеал «самоотверженности до смерти ради утверждения общечеловеческих ценностей» (ша шэнь чэн жэнь), или, что то же, «преодоления себя во имя общезначимого ритуала» (кэ цзи фу ли). Поэтому классическая традиция с ее альтруистической этикой вообще отказывалась признавать за даосизмом статус моральной философии, а порой и прямо указывала на его принципиальный «аморализм». В частности, упомянутый выше дядя одного из «восьми сяней», Хань Юй, сетовал, что даосизм и буддизм вообще дожили до его времени, объясняя это печальное обстоятельство тем, что эти учения еще не были известны во времена настоящих мудрецов древности: «Как повезло всем этим «доктринам», что они появились только после времени правления трех династий (сань дай; здесь имеются в виду династии Ся, Шан-Инь и Чжоу.— Г. Т.) и тем самым избежали надлежавшей кары от рук Юя, Тана, а также Вэнь-вана, У-вана, Чжоу-гуна и Конфуция. И как не повезло нам, что они не появились раньше эпохи трех династий и потому не были должным образом призваны к порядку (чжэн) теми же Юем, Таном, Вэнь-ваном и У-ваном, Чжоу-гуном и Конфуцием!» (Хань Юй, Юань дао, 12). В любом случае как сторонники, так и противники даосской морали признавали ее принципиально анархический характер, а следовательно — полную непригодность в качестве средства воспитания социально ценных качеств у всех членов общества (в системе образования), невозможность на ее основе организации общества с четко выраженной иерархией и, стало быть, обреченность на мар-

гинальное положение по сравнению с более разработанным в части теории морали, внешне более рациональным и доказавшим на практике свою высокую эффективность в качестве общепринятой идеологии этико-политическим учением конфуцианцев. Даосизм, таким образом, общественно признавался лишь в качестве некоей антифилософии, приличествующей разве безумцам или необычайно одаренным, уникальным личностям (тем же сямям, которых не бывает слишком много). Действительно, с одной стороны, склонность к философствованию в «экзистенциальном» ключе вела адептов даосизма к своеобразному аскетизму в форме горного отшельничества и соответствующего этому образу жизни «учения о достижении бессмертия» (сянь сюэ), предполагавшего полную сосредоточенность только на собственной судьбе и разрабатывавшего сотериологию, прежде всего требовавшую полного разрыва с мирскими интересами. В этом смысле даосская макробиотика, известная как «наука вскармливания жизни» (ян шэн сюэ), была целиком ориентирована на индивида и носила скорее маргинальный характер с явной тенденцией к герметизму и мистике. С другой стороны, постоянная нацеленность даосской мысли (особенно в ее строго «алхимическом» варианте) на достижение максимального телесного здоровья и долголетия, делала даосизм весьма привлекательным не только для маргиналов и диссидентов различного толка, но и для самой власти. Об этом свидетельствует как теоретический, так и прагматический интерес к даосизму, неизменно проявляемый элитой начиная с эпохи Хань, когда это течение мысли начинает выступать в обличье «учения Хуан-ди и Лао-цзы» (Хуан-Лао сюэ пай), в основном ориентированного на поиски практических путей к бессмертию. Именно благодаря интересу ханьских императоров к учению, недвусмысленно предлагавшему индивиду защиту и даже избавление от старости и смерти, даосизм превратился при них в полуофициальную, хотя и не вполне респектабельную эзотерическую науку (гнозис), занимающуюся разработкой теоретических оснований и практических приложений в необъятной сфере знания, охватываемой условным названием «китайская медицина» (чжун и). Неудивительно, что история даосизма изобилует взлетами и падениями и с известной точки зрения представляет собой своеобразную, связанную с то возрастающими, то угасающими надеждами правящего слоя на преодоление ограниченности земного существования, хронику успехов и поражений этой нетеистической философской религии, где периоды почти безраздельного господства на интеллектуальном олимпе довольно регулярно сменяются более или менее суровыми гонениями со стороны разочарованных властей и возмущенных даосским «шарлатанством» ученых консервативного

склада. Вкратце эта хроника выглядит следующим образом. Если верить свидетельству «Мэн-цзы», явно даосские идеи философа Ян Чжу пользовались необыкновенной популярностью среди образованных слоев общества уже в 4—3 вв. до н. э. (Мэн-цзы, 3В.9). То, что при раскопках в Мавандуе в 1973 г. в могиле ханьского аристократа, датируемой 168 г. до н. э., был обнаружен текст «Дао дэ цзина», свидетельствует не только об авторитетности этого текста в ту эпоху, но и о надеждах устроителей погребения на возможное его содействие в устроении загробной судьбы покойного. В 3 в. н. э. Ван Би (226—249) создает один из первых комментариев к труду Лао-цзы, в свою очередь ставший источником важнейших идей философского даосизма и, как полагают, заложивший основание для последующего развития так называемого «учения о сокровенном» (сюань сюэ; возможный вариант перевода — «учение о глубочайшем»). В эпоху массового увлечения даосскими идеями в образованных кругах общества (эпоха династий Вэй-Цзинь, 3—5 вв.) «учение о глубочайшем» на время становится необычайно модным, но довольно быстро уступает место столь же сильной моде на буддизм, особенно после появления таких его популярных институтов, как основанная Фасянем около 300 г. секта «чистой земли» (цзин ту). С этого времени буддизм постоянно конкурирует с даосизмом, причем временами весьма успешно. Так, император танской династии Сюань-цзун (правл. 713—756), прямо возводивший свой род к Лао-цзы, по-видимому, находился под сильным влиянием Сыма Чэнчжэня, видного деятеля даосской школы «Высшей чистоты» (Шан цин), вероятно основанной в 4 в. и известной также как «маошаньская», по названию горы Маошань в окрестностях Нанкина (приверженцем этой ветви даосизма считают и великого поэта Ли Бо, жившего в 701—762 гг.). Однако потомки Сюань-цзуна постепенно вновь обращаются к буддизму, который, особенно после небывало бурного роста в 8 в. влияния основанной, как считается, в 6 в. индийским монахом Бодхидхармой секты чань (дзэн), вновь на время становится символом истинного «просвещения». В то же время в качестве своеобразной реакции на эти успехи чань-буддизма, которые многие исследователи связывают с его внешней близостью к даосским практикам, явилось возрождение в образованных кругах уже в 10—11 вв. интереса к собственным (даосским) медитативным техникам, в которых начинают видеть самостоятельную ценность. Так, сунский император Тай-цзун (правл. 976—997) в 990 г. издает эдикт, в котором повелевает собирать даосские тексты, а при его сыне Чжэнь-цзуне (правл. 998—1022) для этого создается специальная комиссия под председательством одного из самых влиятельных советников, Ван Циньжо (962—1025). Вся эта деятель-

ность увенчивается представлением трону в 1019 г. «Драгоценного канона небесного дворца Великой Сун» (Да Сун Тянь гун бао цзан) в 4565 книгах (цзюань), что фактически означает формирование даосского канона вслед параллельно идущему процессу сложения классического конфуцианского «Тринадцатикнижия» (Шисань цзин) и буддийской трипитаки (Да цзан цзин). В 12—13 вв. дальнейшее развитие получает концепция так называемого «единства трех учений» (сань цзю), под которым подразумевается равенство статусов конфуцианства, буддизма и даосизма по отношению к высшей «имперской» (императорской) религии государства (независимой от земных по происхождению «учений»). Идею «единства» трех религий особенно активно развивают представители даосской школы Цюаньчжэнь, основанной Ван Чуньяном (1112—1170, даосское имя Цюаньчжэнь) при чжурчжэньской династии Цзинь (1115—1234). Характерно, что эта школа, фактически предложившая даосизм в качестве альтернативы конфуцианству, тем не менее включает в число почитаемых лиц наряду с даосскими «бессмертными» будд и бодхисаттв, а в состав своего канона — буддийские и конфуцианские тексты. («Цюань чжэнь дао» остается вплоть до сегодняшнего дня влиятельным даосским институтом в КНР и сохраняет сильные позиции в образованной на I-м конгрессе даосизма в апреле 1957 г. Китайской даосской ассоциации — Чжунго дао цзю сехуэй.) Возможно, под влиянием общей тенденции к «религиозному синкретизму», становящемуся в глазах общества признаком «просвещенности» власти, сунский император Хуэй-цзун (правл. 1101—1125), по-видимому вообще считавший себя воплощением какого-то «звездного» божества, приказывает свозить в столицу всю даосскую литературу, которую только обнаружат в провинциях. Изданный в результате свод содержит уже 5400 книг, причем это был первый из трудов такого объема, который был не переписан, а напечатан с досок ксилографическим способом. При чжурчжэнях работа над этим собранием даосской литературы продолжается, и число томов достигает в 1192 г. уже 6455, однако к 1215 г., т. е. к моменту захвата монголами Пекина, в котором эта работа велась в монастыре Тяньчангуань (впоследствии — Байюньгуань, в настоящее время — резиденция Китайской даосской ассоциации), деревянные доски, с которых печатались экземпляры канона, скорее всего уже не существовали (возможно, сгорели в ходе баталлий), а сами книги — постепенно пропадают в результате разрушений последовавшей двадцатилетней войны. В 1222 г. даосизм одобрен в качестве китайской национальной религии самим Чингисханом, что, впрочем, для традиционного сознания в это время выглядит скорее всего как весьма сомнительный комплимент даосской философии. Да и благосклонность

самых монгольских правителей к даосизму оказывается недолгой — уже в 1281 г. предпочтение, можно сказать по традиции, отдается буддизму, а даосы подвергаются гонениям. Возможно, отчасти поэтому успешно развивающееся при династиях Сун (960—1279) и Мин (1368—1644), никак не симпатизировавших разделившей их хронологически и культурно-исторически эпохе правления монгольской династии Юань (1206—1368), влиятельное философское течение, известное как «неоконфуцианство», особенно не стремится подчеркивать свое генетическое родство или типологическое сходство с даосизмом, несмотря на явно даосско-буддийские ассоциации, вызываемые основными положениями его «учения о принципах [устройства вещей]» (ли сюэ). Последний термин, между прочим, лишь постепенно вытесняет более ранний — дао сюэ, т. е. «учение о дао», приверженцами которого в биографическом разделе составленной при Юань «Сунской истории» (Сун ши) названы такие деятели «неоконфуцианства», как Чжоу Дуньши (1017—1073), братья Чэн И (1033—1107) и Чэн Хао (1032—1085), Чжан Цзай (1020—1078), Чжу Си (1130—1200) и др. Несмотря на отказ в целом ученых минской эпохи признать в «ли сюэ» неоконфуцианцев пекий вариант даосской философии, как на то намекала «Сунская история», интерес к даосской литературе (и особенно — к алхимии) возрождается, и именно при династии Мин «Дао цзан» приобретает современный вид, т. е. становится тем, что называют «Даосской сокровищницей годов чжэн-тун» (Чжэн-тун Дао цзан), по девизу императора Чжэн-туна (правл. 1436—1449 до н. э.), повелевшего предпринять этот труд наставникам другой авторитетной даосской школы — Тянь ши дао. (Школа Тянь ши дао, т. е. школа «Небесных наставников», известная также как школа «Пяти мер риса» (У доу ми дао, название по объему некогда взымавшегося с ее членов налога), или школа «Истинного единства» (Чжэнъи дао), ведет свою историю от Чжан Даолина, якобы получившего титул «небесного наставника» (тянь ши) от самого Лао-цзы в 142 г. С этого момента права главы школы передаются по наследству вплоть до нашего времени, так как потомки 63-го «небесного наставника», эмигрировавшего в 1949 г., живут сейчас на Тайване.) Однако формирование даосского канона тогда не завершилось, и последние дополнения были внесены в этот свод много позже, в 1607 г., когда правление минской династии приближалось к концу и в стране начиналась смута. Парадоксальным образом падение покровительствовавшего даосам минского двора не в последнюю очередь было подготовлено широкомасштабными народными волнениями, среди идеологов которых, как полагают многие историки, преобладали члены даосских сообществ. Плодами своих военных

успехов они, однако, воспользоваться не смогли из-за вторжения маньчжурских завоевателей (династия Цин, 1644—1911), которые в свою очередь преследовали даосизм как чисто китайскую религию. В то же время при Цинах даосизм и его сторонники из числа философствующих в очередной раз обвиняются собственно китайскими ревнителями строгой классики в подрыве традиционных ценностей, результатом чего якобы и явилось завоевание страны «варварами». Эти ученые призывают отбросить даосизм и буддизм как окончательно скомпрометировавшие себя лжеучения и вернуться к собственным философским истокам, что в итоге выливается в целое литературно-общественное течение, получившее наименование «ханьсюэ», т. е. собственно «ханьская наука», под которой в данном случае подразумевалось классическое конфуцианство. Изучение же даосизма начинает рассматриваться чуть ли не как преступление, а даосская литература изгоняется из библиотечных собраний с таким рвением, что к началу 20 в. «Дао цзан» остается едва ли не в единственном экземпляре. Вплоть до Синьхайской революции (1911), да и позже ученые-традиционалисты не устают подвергать даосскую философию суровой критике как чрезмерно «созерцательную», парализующую волю к борьбе, подрывающую общественную нравственность и моральные устои государства. Таким образом, как можно заключить из этого краткого обзора истории даосизма, в китайской истории эпохи относительно терпимого и даже благожелательного отношения власти к даосскому умозрению постоянно сменялись периодами гонений, подчас весьма суровых, как, например, имевшие место в 1288 г., когда были сожжены все даосские книги, кроме «Дао дэ цзина». Вообще преследования или угроза преследований постоянно сопровождала даосов вплоть до новейших времен. Уже в 19 в., во время Тайпинского восстания (1850), даосские монастыри (правда, не они одни) подверглись разорению, которое вожди восстания объяснили необходимостью «борьбы с суевериями». В каком-то смысле эту практику возродили уже в 60-е годы 20 в. деятели «культурной революции». К концу 70-х годов, однако, эксцессы в отношении культурного наследия в основном прекратились, хотя относительная реабилитация даосизма и даосской философии (наряду с конфуцианством и буддизмом) началась только со времени официального провозглашения курса реформ (1978). На Тайване даосизм сохранил свое влияние и традиционные институты до наших дней. В КНР в настоящее время наиболее известным современным центром даосизма в Китае остается монастырь Байюньсы в Пекине. Что касается философствования в даосском стиле, то оно продолжается по традиции

преимущественно в эссеистической литературе и поэзии философского жанра.

Хуньдунь («хаос»)

Один из важных концептов китайского умозрения, особенно в его натурфилософском аспекте. Как правило, «хуньдунь» переводится словом «хаос», и, действительно, в семантике этого слова многое указывает на изначальный («водный») хаос, предшествующий в раннекитайских мифологических нарративах появлению всякой пространственно-временной определенности в виде сторон света, времен года и т. д. Упоминания об изначальном «хаотическом» состоянии мира и ассоциируемых с этим состоянием мифологических персонажах обычны в памятниках даосской ориентации (Чжуан-цзы, 6; 12; 22; Хуайнань-цзы, 3; Ле-цзы, 1). По описаниям различных источников, появление в изначальном неориентированном «хаотическом» континууме «верха и низа» и поэтапное усложнение в ходе космогонического процесса пространственно-временных структур ведет к становлению (развертыванию) полноценного «космоса», который, в свою очередь, обозначается термином «юйчжоу», что означает буквально — «четыре стороны света, зенит и надир» (юй) и «прошлое, настоящее, будущее» (чжоу). Рассмотрение оппозиционной пары «хуньдунь-юйчжоу» в даосском ключе порождает длинные метафорические цепочки, в которых сохраняется как парность оппозиций (мутный-чистый, глухой-звонкий, темный-ясный и т. д.), так и безусловный приоритет членов этих пар, ассоциируемых с «хуньдунем», а не с «юйчжоу». Эти «ведущие» члены, символизирующие все непроявленное, неоформленное и даже неродившееся, служат метафорой дао как вещи, «вечно предшествующей» всякому порядку (Дао дэ цзин, 21; 25). Одновременно «хаотичность» выдвигается и в качестве важного свойства самого ума даосского мудреца, который сам характеризует его как «сердце-ум глупца» (юй жэнь чжи синь), отличающегося от обычных людей именно своей «тупостью» (дунь-дунь) и «темнотой» (хунь), которые спасительно охраняют его от «обработки» и «структурирования» при помощи ненавистного «образования-сюз» (Дао дэ цзин, 20). В натурфилософской интерпретации такого рода «хуньдунность» ассоциируется с «инь» в паре инь-ян и, таким образом, в конечном счете с дао, которое, будучи универсальным порождающим началом, представлено в даосских текстах длинным рядом метафор, однозначно ассоциируемых с «иньной» стихией воды, пустотой (сюй), содержащей в потенции всю «тьму вещей» (вань у) и прямо со всепорождающим материнским лоном (Дао дэ цзин, 8; 66; 78; 4; 5; 11; 6; 52; 61). «Возвраще-

ние к изначальному», то есть к «хаосу», понимается в этой перспективе как выход в «беспредельное», за границы пространства и времени, и одновременно — как достижение состояния «нерожденности», поскольку рождение — первый шаг к смерти. Поэтому даосский мудрец похож на ребенка, только что появившегося на свет (Дао дэ цзин, 55), и даже само имя Лао-цзы может быть интерпретировано как «Старый младенец». При этом «хуньдунь» вообще как бы принципиально амбивалентен, так как, теоретически предшествуя разделению некой первоначальной цельности (космической сферы или космического «яйца», в котором он пребывает) на «небо и землю» (тянь ди, что может быть интерпретировано как «мир», или «ойкумена»), и в этом смысле как призванный ее сохранять, он в то же время является причиной такого разделения, то есть образования источника в общем нежелательной динамики мировых процессов в виде оппозиционной «космоэнергетической» пары инь-ян. Не случайно один из исследователей этого образа увидел в его истории аналогию с судьбой «Шалтай-Болтая» (Хампти-Дампти) и описал утрату «хуньдунем» своей первоначальной цельности в терминах «падения». С другой стороны, одному только «хуньдуню» в нарративе приписывается способность обладать этой же изначальной цельностью (нерасчлененностью), утрата которой ведет к более или менее отдаленной смерти-уничтожению, и только отождествление с ним может обеспечить индивиду сохранение или восстановление (как в случае даосских «макробиотических» искусств «вскармливания жизни») искомой цельности, то есть совершенного здоровья (цюань, «исцеление»), обеспечить долголетие (шоу) и даже телесное бессмертие (в «алхимических» практиках). Это положение даосизма хорошо иллюстрирует знаменитый фрагмент «Чжуан-цзы», в котором «Хуньдунь-Хаос» выступает в качестве персонажа своеобразной притчи о пагубности утраты природной цельности (Чжуан-цзы, гл. 7). Несколько позже, в «Каталоге гор и морей» (Шань хай цзин), мифологический нарратив о «хуньдуне» детализируется, а сам этот персонаж приобретает характерный уже для «народной религии» фантастический вид природного духа-шэнь, обитающего в «Небесных горах» (Тяньшань) под именем «Божества Реки-Предка» (Ди-цзян шэнь, или Ди-хун шэнь), напоминающего обликом некий желтый куль (хуан нан), испускающий киноварный огонь (чи жу дань хо), с шестью ногами и четырьмя крыльями, но без головы и органов восприятия (Шань хай цзин, 2.3). Очень близок также к Хуньдуню по многим характеристикам (в частности, как «властитель центра» и «стихии» земли) и иногда прямо отождествляется с ним и такой важнейший мифологический персонаж, как Хуан-ди, [«Желтый Предок»] — один

из наиболее знаменитых культурных героев и патрон всех даосов-алхимиков, почему в ханьскую эпоху нарождающийся даосский эзотеризм и получил наименование «учения Хуан-ди и Лао-цзы» (Хуан-Лао сюэ пай).

Хунь по («души горные и дольные»)

В традиционной даосской антропологии различались души двух типов: «хунь», ответственные за эмоции и ментальные процессы (в том числе сон и транс, во время которых они могли временно покидать тело и действовать автономно), и «по», ответственные за физиологические процессы и двигательные функции тела. При этом различались не только сферы ответственности «хунь» и «по», но и их посмертная судьба: души «хунь», как более субтильные, могли восходить на небо, трансформируясь в духов-шэнь, тогда как души «по» возвращались в субстанциально близкую им землю, а именно — к так называемым желтым источникам (хуан цюань), месту, напоминающему айд европейской античной традиции. Однако, поскольку концепции посмертного существования в китайских религиях («имперской-натурфилософской», «народной», в буддизме и даосизме и т. д.) отличались известным разнообразием, характеристики душ «хунь» и «по» и их посмертной судьбы в письменных источниках довольно расплывчаты. Так, неясно, обладают ли «хунь» и «по» субстанциальным единством, каково их число (чаще всего в источниках говорится о трех «хунь» и семи «по», но цифры могут быть и другими), и насколько они подконтрольны их обладателю при жизни. Эти неясности приводили носителей традиционного умозрения к выводу о необходимости предельно корректного обращения с «хунь-по», особенно в момент смерти тела, поскольку ошибки в погребальном ритуале могли вести к последующему нежелательному воздействию душ покойного на живых людей, особенно близких родственников. В основном пагубное поведение душ вызывалось отсутствием надлежащих жертв на могиле усопшего, вследствие чего они могли попытаться вернуться на землю, вселившись в чье-либо тело и превратившись таким образом в «демона-мстителя» (гуй, «голодный дух»; в буддизме — прета). Но на землю мог вернуться и дух убитого, чтобы отомстить убийце или напомнить собственной семье о том, что она не сумела добиться справедливого возмездия преступнику. Наиболее ярким свидетельством веры в загробное существование можно считать в древности массовые захоронения рабов вместе с усопшими властителями, которым они должны были служить и по-

сле смерти. В более поздние времена этот обычай трансформировался в практику снабжения души «по» всем необходимым в загробном мире, включая еду, одежду, музыкальные инструменты, украшения, терракотовые модели домов, статуи воинов, музыкантов и танцовщиц (в наши дни с этой же целью принято сжигать на могилах в дни поминовения усопших бумажные деньги, изображения автомашин и бытовой техники и т. д.). Наряду с этими традициями народная вера и даосская алхимическая теория допускали обретение телесного бессмертия на земле и населяли «небожителями» (сянь) такие места, как остров Пэнлай в Восточном море или гору Куньлунь — резиденцию «Хозяйки Запада» (Сиванму, в некоторых переводах — «Мать Западных Царей»). В некоторых мифологических нарративах говорилось о получении земными героями от этой последней снадобья (или персика), дарующего вечную жизнь, хотя бывали и случаи неуспеха. Представление о каком-либо загробном воздаянии и детализированные описания рая и ада пришли в Китай с буддизмом и в основном следовали индийским образцам.

Сюань сюэ («учение о сокровенном»)

Течение в китайском умозрении, возникшее под влиянием знакомства с буддизмом и приобретшее влияние в эпоху Вэй-Цзинь (3—5 вв.). В это время буддизм все еще рассматривали в «даосском» контексте, в основном под углом зрения учения Ван Би (226—249 н. э.) и его последователей, особенно Го Сяна (252—312), которое и называли иногда «учением о сокровенном» (сюань сюэ, другой возможный перевод — «учение о глубочайшем»). В западной литературе для обозначения «сюань сюэ» принят также термин «неодаосизм», поскольку ученые, развивавшие это направление мысли, охотно обращались к наследию Лао-цзы и Чжуан-цзы. Считается, что «неодаосизм» с его акцентом на осознании индивидом своей судьбы, своего «удела» (фэнь), в какой-то мере подготовил китайское общество и к восприятию идей буддизма, связанных с «заданностью» миропорядка, которую надлежит преодолевать в индивидуальных актах «освобождения». Однако в еще большей степени «неодаосы» могли опираться на развитую в собственной традиции натурфилософию, тоже изображавшую мир как систему, функционирующую законосообразно, но оставляющую множество частных возможностей для гностика, овладевшего универсальными законами неба-природы (тянь дао), принципами земных процессов (ди ли) и правилами человеческого общежития (жэнь цзи).

Один из аспектов даосской теории и практики «вскармливания жизни» (ян шэн сюэ), которая в европейской литературе иногда именуется макробиотикой и в целом ассоциируется с «даосской алхимией» (дань). Эти тесно связанные, как в теории, так и на практике, с традиционной медициной даосские искусства предполагали в качестве конечного результата достижение телесного бессмертия. Адепты, достигшие искомого состояния, и назывались «бессмертными» (сянь, или шэньсянь). Некоторые из таких сяней получили необычайную популярность в фольклорной традиции и стали темой бесчисленных произведений словесного и изобразительного искусства: таковы, например, знаменитые «восемь даосских бессмертных» (ба сянь), большинство из которых преданием возводятся к реальным историческим прототипам. Предполагалось, что сяни живут в уединении, чаще всего в глубине гор, лишь время от времени вступая в контакт с людьми, особенно в том случае, когда им надо передать кому-нибудь достойному свое тайное знание, которое иногда обозначается термином сянь сюэ, что может быть истолковано и как «наука достижения бессмертия» и как «наука бессмертных мудрецов». В более узком смысле под сянь сюэ иногда подразумевают совокупность алхимических практик, которые в традиции подразделялись на «внешние» (вай дань), связанные с приготовлением «эликсира бессмертия», и «внутренние» (нэй дань), имеющие целью замещение с помощью специальных упражнений смертного тела адепта на бессмертное: последнее постепенно «выращивается» из некоего «зародыша», создаваемого внутри первого при помощи специальной психотехники. Считается, что сянь сюэ как последовательное вероучение сформировалось в общих чертах в эпоху 3—4 вв. до н. э. на территории древних царств Янь и Ци в среде магов (фанши) и даосов (даожэнь), в основном занимавшихся целительством. Некоторые фрагменты «Чжуан-цзы» и чуской поэзии («Чуские строфы», Чу цы) свидетельствуют о том, что в царстве Чу существовал свой вариант «шаманизма», лишь отчасти сходный с практикой других эзотериков. Поисками путей к бессмертию активно интересовались правители ранних империй, в частности Цинь Шихуан и ханьский У-ди, о магах-советниках которых сохранились довольно подробные сведения в «Исторических записках» Сыма Цяня (Ши цзи, гл. 6; гл. 12). В танскую эпоху увлечение некоторыми императоров даосизмом привело к дальнейшему развитию культа шэньсяней и их искусств, что, в частности, выразилось в их своеобразной специализации. Так, стали различаться «земные сяни» (ди сянь), в основном обитающие на горе Куньлунь в обществе «Хозяйки

Запада» (Сиванму), «небесные сяни» (тянь сянь), живущие на небесах и превосходящие всех других своими способностями, «человеческие сяни» (жэнь сянь), занимающиеся созерцанием и свободные от земных соблазнов, но еще не достигшие бессмертия, собственно «божественные сяни» (шэнь сянь), пребывающие на островах Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу в Восточном море (с ними искал встречи Цинь Шихуан) и, наконец, «демонические сяни» (гуй сянь), неприкаянные души казненных преступников, утопленников и лиц, не оставивших потомства, ведущие призрачное существование и порой представляющих опасность для людей. Бессмертным-сяням посвящена обширная литература, в том числе один из наиболее известных сборников, «Жизнеописания шэньсяней» (Шэньсянь чжуань) Гэ Хуна, в котором приведены биографии более 80 персонажей. В этих популярных историях сяням приписываются самые разнообразные чудесные способности: они владеют искусством превращения (этим особенно славится один из «восьми» сяней — Чжунли Цюань), умеют летать по воздуху, используют драконов в качестве ездовых животных, опускаются на морское дно, питаются «изначальным эфиром — ци» (юань ци, часто переводится как «пневма» или «прана»). Часто они обладают необычной внешностью, но иногда любят затеряться среди простого люда. Вымысел и реальность тесно переплетаются в историях знаменитых сяней, что придает им удивительную жизненность, редкую в агиографической литературе. В частности, второй из «восьми бессмертных», Люй Дунбинь, почитаемый в «народной религии» как «патриарх Люй» (Люй-цзу), по общему признанию, родился в 755 г. в местечке Дэхуа в провинции Цзянси. Искусству алхимии он обучился от явившегося ему в окрестных горах Чжунли Цюаня (жившего в эпоху Чжоу, то есть до н. э.) и, получив эликсир бессмертия и преодолев десять искушений, которым его подвергали высшие силы, обрел волшебный меч, с помощью которого на протяжении 400 лет уничтожал в стране драконов и других чудовищ, освободив ее в конце концов от всей нечисти. Кроме того, он был ученым, написавшим комментарий к «Дао дэ цзину». По крайней мере с 12 в. Люй Дунбинь почитался народом как божество в многочисленных храмах, сооруженных в его честь по всей стране. Однако высшего звания «патриарха всех сяней» (сянь цзу) он достиг благодаря своему искусству цирюльника: по преданию, никто не мог обрить голову одному из императоров династии Мин (1368—1644), не причинив ему боли, пока к тому не явился сам Люй Дунбинь и не выполнил эту работу наилучшим образом. На радостях император пожаловал ему вождеденный титул, и впоследствии Люй Дунбинь стал считаться патроном не только цирюльников, но и фокусников и чародеев, а посвященный ему храм

в Пекине почитался как место, где больные могли получить нужный для исцеления репепт. Однако помимо легендарной части история шэньсяней, безусловно, имела и аспекты, достойные внимания историков науки.

«Дао дэ цзин»

Памятник древнекитайской мысли, авторство которого традицией приписывается патриарху философствующих в даосском стиле — Лао-цзы. Согласно преданию, Лао-цзы, разочаровавшись в современной ему действительности чжоуской протоимперии, отправился на запад, но на границе был остановлен неким «стражем заставы» Инь Си (Гуань Инь-цзы), по требованию которого оставил потомкам текст в пять тысяч слов, известный как «Дао дэ цзин» («Канон о дао и дэ»). По легенде, он затем продолжил путь в Индию, где его пребывание привело к возникновению буддизма. Безотносительно к авторству, «Дао дэ цзин», несомненно, самое известное произведение традиционной китайской культуры, значение которого выходит далеко за рамки своей эпохи и непосредственного культурного контекста. Эта книга стала самым известным в мире произведением китайской мысли, необычайно привлекательным и актуальным для части европейской культурной элиты, в первую очередь потому, что в ней увидели призыв к полному интеллектуальному и нравственному «освобождению» индивида от гнета всех «условностей». Поэтому необычайно актуальным для западного сознания, особенно в шестидесятые годы XX в., оказался «Дао дэ цзин», прочитанный как универсальный манифест «антисистемных» (анархических) настроений, призывающий к решительному разрыву с навязываемой индивиду «репрессивной» культурой. Не оставляет впечатление, что для многих тогдашних властителей дум «Дао дэ цзин» был едва ли не настольной книгой. При этом то, что под «культурой» (вэнь) авторы «Дао дэ цзина» подразумевали прежде всего конкретную конфуцианскую мораль и ее адекватное символическое представление — нормативный ритуал (ли), оказалось не столь важным. Антиконфуцианский пафос даосов легко экстраполировался на вообще все общественные условности, а в призывах возвратиться к неким простым и естественным отношениям в условной деревенской идиллии (Дао дэ цзин, 80) достаточно легко опознавался китайский вариант руссоизма и вытекающих из него романтических устремлений, реализующихся в движении хиппи, масовом «паломничестве» в страны Востока, увлечении психоделиками и т. д. Надо сказать, что некая «утопическая» тема действительно присуща «Дао дэ цзину», что, вероятно, делало его и в самом Китае на протяжении веков исключительно привлекательным как для различного рода социальных рефор-

маторов и мятежников, так и для склонных к индивидуалистическому затворничеству и интроспекции поэтов, художников и философов. В нем также находили глубокое содержание натурфилософы и алхимики, а фигура его «титulyного» автора, Лао-цзы, приобрела необычайную популярность в так называемой народной религии Китая в качестве едва ли не основного объекта поклонения. Пожалуй, остается лишь удивляться «универсальности» этого текста, легко обслуживающего самые разнообразные духовные запросы носителей весьма непохожих культур, живущих в совершенно разных обществах в разделенные веками эпохи и занятых в самых различных сферах деятельности. При этом необходимо заметить, что помимо прочих многочисленных достоинств «Дао дэ цзин» является одним из немногих бесспорно аутентичных памятников древнекитайской мысли, что подтверждено археологическими находками в районе Мавандуй, пригороде г. Чанша (провинция Хунань). В настоящее время считается, что обнаруженные здесь в декабре 1973 г. во время раскопок захоронения № 3 две версии текста «Дао дэ цзина» на шелку (бо шу), получившие в литературе название версий А и В, датируются соответственно рубежом 3—2 вв. до н. э. и 194—180 гг. до н. э. До этих находок считалось, что современный текст «Дао дэ цзина» восходит к комментированным версиям Хэшангуна (который якобы передал текст ханьскому императору Вэнь-ди, правившему в 179—158 гг. до н. э., и историчность которого исследователями оспаривается), и Ван Би (226—249). Другой известной ранней версией памятника считался текст на каменной стеле 708 г., в течение долгого времени служивший издателем и исследователям эталоном при корреляции разночтений в многочисленных изданиях «Дао дэ цзина». Основные отличия мавандуйской версии от ранее известных заключаются в отсутствии разбивки на главы (чжан), которых в современном тексте насчитывается 81, а также в ином порядке следования двух частей текста, известных, как «Дао цзин» и «Дэ цзин» (в мавандуйской версии порядок следования чжанов, по современной нумерации, — 38—81, затем 1—37, — т. е. «Дэ цзин» предшествует «Дао цзину»). Следует отметить, что «Дао дэ цзин» и сейчас остается наиболее привлекательным для европейских исследователей и интеллектуалов памятником китайской мысли, и в настоящее время число переводов текста на европейские языки (в том числе мавандуйской версии) и их переизданий продолжает расти.

«Чжуан-цзы»

Важнейший наряду с «Дао дэ цзином» текст даосской традиции философствования. Авторство приписывается Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы), однако исследователями доказано, что

современный текст «Чжуан-цзы» весьма сложен по составу и, возможно, включает: 1) тексты собственно Чжуан-цзы (ок. 320 до н. э.); 2) тексты «школы Чжуан-цзы»; 3) фрагменты неизвестного автора, условно называемого «примитивистом», созданные между 209 и 202 до н. э.; 4) относящиеся к тому же периоду главы автора, бывшего сторонником идей философа Ян Чжу; 5) «синкретистские» фрагменты 2 в. до н. э. Лингвистический анализ текста также позволяет предположить, что в его создании участвовали по крайней мере пять групп авторов, работавших в разное время. Традиционное деление памятника, восходящее к его основному комментатору Го Сяну, подтверждает предположение о гетерогенности его частей: согласно этому делению, текст состоит из 1) «внутренних глав» (гл. 1—7); 2) «внешних глав» (гл. 8—22) и 3) «смешанных глав» (гл. 23—33). Наиболее характерные темы Чжуан-цзы: «уравнение вещей» (ци у) и «неразличение альтернатив», или «этого» и «того» (бу цань ши-фэй). По общей релятивистской установке и критическому отношению ко всякой дихотомии (бинарным оппозициям) «Чжуан-цзы» чрезвычайно, порой цитатно, близок к «Дао дэ цзину» и традицией обычно рассматривается как его развитие и продолжение. Не исключено тем не менее, что оба текста черпали из общего источника (устной традиции) и что более отточенный стиль «Дао дэ цзина» указывает на его более позднюю, по сравнению с «Чжуан-цзы», фиксацию в виде письменного текста. По богатству материала и яркости образов книга «Чжуан-цзы» остается непревзойденным шедевром философской прозы и неиссякаемым источником вдохновения для поэтов и художников на протяжении всей истории китайской культуры.

«Гуйгу-цзы»

Один из так называемых «неаутентичных» (вэй) даосских текстов, время составления и авторство которого неизвестны. Традиционно «Гуйгу-цзы» датируется 4 в. до н. э., но впервые упоминается в суйской истории, в разделе трактатов (Суй шу. Цзин цзи чжи), где он отнесен к произведениям так называемой школы «союзов по вертикали и горизонтали» (цзун-хэн цзя), то есть к литературе, трактующей преимущественно военно-дипломатические проблемы. Существует предположение, что под псевдонимом Гуйгу-цзы (который может быть переведен как «Учитель из ущелья духов предков») скрывается Су Цинь, один из основателей школы цзун-хэн цзя. По другой версии, Су Цинь, предлагавший союз «по вертикали», то есть расположенных с севера на юг царств Янь, Чжао, Хань, Вэй, Ци и Чу против царства Цинь, и его соперник Чжан И, выступавший за союз

царств «по горизонтали», то есть с востока на запад, возглавляемый царством Цинь,—оба ученики Гуйгу-цзы. Современный текст в трех книгах (цзюань) сопровождается комментарием Тао Хунцзина (456—536) и, по-видимому, вследствие этого датируется эпохой Южных и Северных Династий (Наньбэйчао, 420—589). Основное содержание «Гуйгу-цзы» может быть истолковано и как описание традиционных даосских техник продления жизни (ян шэн), связанных с медитативной практикой (чуай мо), через которую достигается познание собственной «истинной природы» (син), определяемой актуальной конфигурацией в мире и в теле индивида (макрокосме и микрокосме) энергий инь-ян, действие которых здесь описывается в натурфилософских терминах «открывания-закрывания» (бай-хэ) всепорождающего лона неба-природы. Все эти натурфилософские концепты, по мысли авторов «Гуйгу-цзы», могут быть успешно применены и в сфере политического планирования.

«Инь фу цзин»

Входящее в даосский канон во многих комментированных версиях (не менее 20) произведение, которое обычно считают учебным пособием по даосской технике «питания жизни» (ян шэн). Полное название «Канон тайного амулета Хуан-ди» (Хуан-ди инь фу цзин; другая интерпретация заглавия — «Книга о единении сокрытого, [написанная] Хуан-ди»). Этот небольшой (около 400 знаков) текст в одной книге (цзюань) в трех главах (пянь) впервые упоминается в «Синь Тан шу. И взнь чжи» (ок. 1044—1060), но ни время составления, ни авторство неизвестны; полагают, что он был записан в период Северных Династий (386—534). Некоторые исследователи называют в качестве автора одного из танских комментаторов текста, Ли Цюаня (8 в.). Основное содержание — наставления по технике корреляции всех устремлений ума-сердца с небесно-природным законом-паттерном дао, что в конечном счете и ведет к искомому долголетию: «Созерцать небесный путь-дао, соблюдать [порядок] действия неба-природы — вот и все» (Инь фу цзин, 1.1). Наиболее оригинальным в учении «Инь фу цзина» представляется интерпретация взаимоотношений трех агентов мироздания, известных традиции как «сань цай» — неба, земли и человека. Как утверждают авторы, «небо-земля грабительно пользуются всеми вещами-явлениями (дао цюй вань у), вещи-явления — грабительно пользуются человеком, и человек так же грабительно пользуется всеми вещами» (Инь фу цзин, 2.2). По логике авторов, из этого следует, что ради достижения успеха необходимо учитывать реальные

природные (космические) процессы, выражающиеся в действии «пяти стихий» (у син), с тем чтобы неизменно и ловко обращаться их себе на пользу. Хотя «Инь фу цзин» считается наряду с «Дао дэ цзином» и «Чжуан-цзы» важнейшим текстом традиции философствования в даосском стиле, этот же текст, по общему признанию, оказал серьезное влияние на учение о «ли-принципах» (ли сюэ) сунских философов-неоконфуцианцев Чжоу Дуньи (1017—1073), Чэн И (1033—1107) и Чжу Си (1130—1200), за что и был подвергнут уничижительной критике другим известным неоконфуцианцем, Хуан Чжэнем (1213—1280). «Инь фу цзин» многократно комментировался, в том числе и в качестве пособия по алхимии.

«Тай пин цзин»

Один из ранних текстов даосского канона. Время составления и авторство неизвестны. Считается, что существовало по крайней мере три версии «Тай пин цзина» (наиболее распространенное сокращенное заглавие текста, обычно переводится как «Канон великого равновесия»), самая ранняя из которых — «Тянь гуань ли бао юань тай пин цзин», в 12 книгах (цзюань), датировалась временем правления императора Чэн-ди династии Западная Хань и приписывалась Гань Чжункэ. Две другие известные в традиции версии — «Тай пин цин лин шу» Юй Цзи, жившего в конце династии Восточная Хань, в 170 книгах, и «Тай пин дун цзи цзин» Чжан Лина (34—156), в 144 книгах. Все эти версии текста были утрачены, и современный текст, входящий в «Дао цзан», в 57 книгах, представляет собой контаминацию «Тай пин цзин чао» танского Цзе Лу, в 10 книгах, и текста, известного как «Тай пин цзин шэнь цзюнь ми яо». Таким образом, современный «Тай пин цзин» не является произведением одного автора или одной эпохи и содержит как общетеоретические (натурфилософские) идеи, разрабатывающие концепцию циклического действия «пяти стихий» (у син), так и частные материалы, относящиеся к практике даосских отшельников (шэнь сянь фан шу), а также к традиционной медицине, культуре знамений, проблемам государственного управления и т. д. Считается, что содержащиеся в трактате «Тай пин цзин» идеи оказали определенное влияние на учение Чжан Цзяо (?—184) о «пути великого равенства» (тай пин дао) и идеологию Чжан Даолина (2 в.) как основателя школы «Небесных наставников» (Тянь ши дао; другие названия — У доу ми дао, или школа «Пяти мер риса», а также Чжэньи дао — школа «Истинного единства»).

По наиболее распространенной версии, Лао-цзы (Лао Дань, Ли Боян, Лао Лайцзы) — уроженец деревни Цюйжэнь волости Ли уезда Ку царства Чу, появился на свет в 604 г. до н. э. Согласно этому преданию, восходящему к главе «Жизнеописание Лао-цзы и Хань Фэй-цзы» в «Исторических записках» (Ши цзи) Сыма Цяня (ок. 145—86 до н. э.), Лао-цзы служил архивистом в чжоуском книгохранилище. Он был на 55 лет старше Конфуция и встречался с ним, причем эта встреча произвела на молодого Конфуция неизгладимое впечатление. Лао-цзы ему сказал: «Я слышал, что умный купец прячет свои запасы так глубоко, что снаружи кажется пусто, и что благородный человек, отличаясь совершенной добродетелью, имеет вид простоватый. Оставь свою надменность и всякого рода мечтания, свою внешнюю важность и свои неумеренные планы; все это для тебя совершенно бесполезно...» Конфуций, вернувшись к себе, сказал своим ученикам: «О птицах я знаю, что они летают, о рыбах — что они плавают, о четвероногих — что они бегают. Бегающих можно поймать в силки, плавающих можно поддеть на удочку, летающих можно подстрелить. Что же касается дракона, то я не в силах понять, как он, путешествуя на ветре и облаках, поднимается к небу. Сегодня я видел Лао-цзы, и он подобен дракону!» Согласно Сыма Цяню, у Лао-цзы были многочисленные потомки, некоторые из которых преуспели на службе. Однако сам мудрец к концу своей карьеры разочаровался в современной ему действительности и отправился на запад с целью навсегда покинуть Китай. Благодаря этой истории в Китае приобрело распространение одно из канонических его изображений — глубокий старец с длинными бровями, верхом на темно-синем буйволе. В той же легенде объясняется и происхождение главного текста даосизма — книги «Дао дэ цзин». В пограничной области Ханьгу (территория современной провинции Хэнань) он был остановлен неким «стражем заставы» Инь Си (Гуань Инь-цзы) и по его просьбе написал, или надиктовал, пять тысяч слов, которые и стали «Дао дэ цзином» — «Книгой о дао и дэ». Затем он продолжил путь в Индию, где его проповедь привела к возникновению буддизма. Эта часть предания явно связана с попытками обнаружить родство даосизма с буддийским учением и доказать приоритет первого. По этой причине Лао-цзы представляли чуть ли не отцом самого основателя буддизма — Сиддхартхи Гаутамы. Вместе с тем Лао-цзы под именем Лао-цзюнь известен как высшее божество даосского пантеона и воплощение дао. По учению религиозного даосизма, уже в древнейшие времена Лао-цзы много раз появлялся на земле под разными обличьями. В одном из позднейших сказаний о нем

говорится, что он родился в 1358 г. до н. э. от божественной «Нефритовой Девы» (Юйнюй), которая как-то стояла в своем саду, прислонившись к сливовому дереву (фамильный знак Лао-цзы «ли» означает буквально «слива»). Неожиданно с неба спустился светящийся шарик, состоявший из солнечного вещества, который Юйнюй проглотила. Спустя 81 год (символическое число, означающее совершенную полноту свойств по аналогии с китайской «таблицей умножения», в основе которой лежит девятка — $9 \times 9 = 81$) на свет появился Лао-цзы. Интересно отметить, что со временем текст «Дао дэ цзина» был разбит на восемьдесят один «параграф» (чжан), в соответствии с той же числовой символикой, принятой также в китайской алхимии. Уже младенцем Лао-цзы имел черты существа необыкновенного: у него было золотое лицо и удивительно длинные мочки ушей, что в Китае считается признаком мудрости. Кроме того, у него были совершенно белые, как бы седые, волосы, что послужило причиной его прозвища (Старый младенец). После рождения Лао-цзы сел, поджав ноги, под сливовым деревом и, указывая на него, сказал: «Вот мой род!» Как только Лао-цзы подрос, он поступил в обучение к отшельнику, который передал ему тайное знание, так что в конце концов он приобрел способность продлевать свою жизнь. Поэтому даосы-практики (алхимики) возводили свое искусство «вскармливания жизни» (ян шэн), которым они всегда славились, к самому патриарху и приписывали его авторству множество эзотерических трактатов, впоследствии вошедших в даосский канон («Дао цзан»). Согласно этой версии легендарной «биографии», до своего отъезда в Индию, который последовал в 1040 г. до н. э., Лао-цзы прожил на земле несколько сот лет. В эпоху Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) религиозно-политический даосизм и связанные с ним поиски практического пути к телесному бессмертию получили значительное распространение под общим названием «учения Хуан-ди («Желтого Предка») и Лао-цзы» (Хуан-Лао союз пай), а в честь Лао-цзы был установлен официальный культ. Возможно, первые жертвы ему были принесены по приказу императора на его родине уже в 156 г. до н. э. Позднее в так называемой народной (синкретической) религии Лао-цзы (Лао-цзюнь) стал одним из трех высших божеств в пантеоне, составив наряду с «Нефритовым Императором» (Юйхуан шанди) и «Великим Первоначальным» (Тай ши) популярную конфигурацию так называемых «Трех Чистых» (Сань цин), которым часто поклонялись как одному божеству. Наконец, именем Лао-цзы должен быть назван и реальный автор (или авторы) философских афоризмов, собранных в книгу, которая по праву считается одним из высших достижений китайской мысли. В «Дао дэ цзине» в концентрированном виде представлены основные установки

даосского умозрения: последовательное подчеркивание условности (относительности) любых противоположностей (высокого и низкого, прекрасного и безобразного, предшествующего и последующего и т. д.) и призыв к отказу от их рационального рассмотрения. Для разнообразных даосских практик, подводящих к сверхсознательному слиянию с «путем» природы (дао), который не имеет пары и «подобен самому себе» (цзы жань), характерен отказ от конвенционального «учения» (сюэ) в пользу отрешенности и созерцательности. Кроме того, в школах так называемых восточных единоборств (ушу) обычны ссылки на Лао-цзы как теоретика, разработавшего принципы стратегии достижения победы над сильным и агрессивным противником через максимальное проявление податливости и гибкости (Дао дэ цзин, 43). Пафос философствования в стиле Лао-цзы — в обличении извращений человеческой природы, вызванных навязываемой индивиду репрессивной культурой, под которой подразумевается прежде всего конфуцианская мораль, и в призывах возвратиться к неким простым и естественным отношениям в условной деревенской идиллии. Даосская утопия оказала огромное влияние на художественную практику последующих веков и постоянно служила источником критических аргументов идеологам народных движений под уравнительными лозунгами.

Чжуан-цзы

Прозвище философа Чжуан Чжоу, возможно жившего около 369—268 до н. э., в основном в царстве Чу. О жизни его практически ничего не известно: согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, он некоторое время служил на незначительной должности в области Мэн (совр. провинция Хэнань), а затем отказался от поста первого министра в царстве Чу ради сохранения независимости и в дальнейшем вел частную жизнь (Ши цзи, гл. 63). Чжуан Чжоу приписывается авторство текста, известного как «Чжуан-цзы» и вошедшего в даосский канон под заглавием «Нань хуа цзин». Биографические детали и даже черты характера философа реконструируются на основании его изображения в этом памятнике, где он фигурирует в качестве одного из персонажей.

Вэй Боян

Один из основателей китайской алхимии. Годами жизни условно считают 100—170 гг., поскольку главное произведение Вэй Бояна (Вэй Ао, Юнья-цзы) было написано скорее всего

между 126 и 167 гг. Сведения об ученом и его книге содержатся в основном в «Жизнеописаниях отшельников» (Шэньсянь чжуань) Гэ Хуна (ок. 284—363), в комментарии к «Сань тун цзи», написанном Пэн Сяо (10 в.), которого некоторые исследователи считают автором окончательного варианта текста, а также в составленном около 980 г. сунском своде «Пространные записи [годов] Тай-пин» (Тай-пин гуан цзи). Согласно этим источникам, родившийся в Шанюй (совр. провинция Чжэцзян) в аристократической семье Вэй Боян отказался от чиновничьей карьеры и пожелал приобщиться к даосским искусствам. В поисках учителей он много путешествовал, пока наконец не нашел наставника в лице некоего «настоящего человека» (чжэнь жэнь) в Дунбэ, от которого воспринял тайное знание и соответствующие навыки (ми цзюэ). По возвращении домой он жил в уединении, совершенствуясь в своем дао-искусстве, и достиг в этом больших успехов. Вэй Боян был образованным человеком, хорошо знавшим философскую литературу своего времени, как классического, так и эзотерического направления, и, как полагают, воспринял учение древних алхимиков, ассоциируемое с известным даосским центром Лунхушань (в современной провинции Цзянси). Главным произведением Вэй Бояна считается комментарий в трех книгах (цзюань) к китайской классической «Книге Перемен» (И цзин), известный как «Совмещение трех [техник на основе] чжоуских перемен» (Чжоу и сань тун цзи). В этом тексте описывается способ (фа) приобретения статуса «бессмертного» (сянь), основанный на соединении трех «оснований» — собственно даосской алхимической техники (лу хо), связанной с производством «эликсира бессмертия» (дань), схематики «И цзина», отражающей «великие перемены» (да и), т. е. общекосмический процесс, моделью которого является система триграмм (гуа) «И цзина» (в ее нумерологической интерпретации, известной как «учение о символах и числах», сянь шу чжи сюэ), и «учения Хуан[-ди]—Лао[-цзы]» (Хуан-Лао сюэ пай), т. е. собственно ханьского (натурфилософского) даосизма. Существует традиционное толкование заглавия книги Вэй Бояна, согласно которому каждый иероглиф в нем имеет определенные коннотации в рамках специфического даосско-алхимического и «макробиотического» (ян шэн сюэ) дискурса. Так, «чжоу» в этом контексте указывает на учение о последовательной трансляции тайного знания о «переменах» (и) тремя династиями, первая из которых (Ся) владела неким «ключом» к интерпретации триграмм (гуа), который носил название «лянь шань», вторая (Шан-Инь) — ключом под названием «гуй цзан», а третья (Чжоу) — собственно «чжоуским», откуда и происходит название «Книги перемен» для той эпохи — «Чжоуские перемены» (Чжоу и). Однако при этом сами «перемены» в народной

этимологии толковались как вообще способность к изменению (трансформации), например, у некоторых животных (линька у змей и ящериц, изменение цвета у хамелеонов, вообще мимикрия и т. д.). По поверью, некоторые «перемены» такого рода были скоординированы с временными циклами, поэтому ящерицу, например, в просторечии называли «двенадцатичасовой тварью» (шиэр ши чун), имея в виду, что цвет ее головы якобы регулярно изменяется в течение суток (то есть двенадцати китайских «часов» — ши). Следовательно, в специфическом контексте даосской алхимической практики, связанной с попытками регуляции временных циклов (биоритмов), словосочетание «чжоу и» могло также означать «циклические изменения», поскольку «чжоу» имеет такие значения, как «круг», «цикл», «неделя» и т. д. Другие слова в заглавии книги Вэй Бояна означают соответственно «три» (сань, или цань), «объединение» (тун) и «документальная запись» (ци). Таким образом, более полное толкование названия этого трактата может быть передано по-русски как «инструкция по совмещению трех практик («перемен», «Хуан-Лао» и «лу хо») по [чжоускому] методу циклических трансформаций». Такая интерпретация, на наш взгляд, позволяет лучше почувствовать как алхимическую природу текста, так и его практическую направленность. Впоследствии «Сань тун ци» Вэй Бояна неизменно рассматривался адептами даосизма в качестве опорного текста для различных духовных практик (в особенности для так называемого цигуна), наряду с такими текстами, как «Дао дэ цзин» (в версии Хэшангуна), «Канон Желтого двора» (Хуан тин цзин), «Главы о постижении [истинной] реальности» (У чжэнь пянь) и т. д.

Го Сян

Го Сян (Го Цзысюань) известен в традиции прежде всего как первый и наиболее глубокий комментатор «Чжуан-цзы», придавший этому тексту его современный вид, а также как один из создателей «учения о сокровенном» (сюань сюэ), которое иногда называют «неодаосизмом». Годы жизни неизвестны, условные даты — 252—312. Уроженец провинции Хэнань, Го Сян с детства отличался выдающимися способностями и был известен среди ученых современников, увлекавшихся философствованием в стиле так называемых чистых бесед (цин тань) как выдающийся полемист. К государственной службе он поначалу не стремился, предпочитая ей домашнее затворничество и литературные занятия, однако впоследствии принимал различные высокие посты и подвергался из-за этого критике со стороны других участников «чистых бесед». В различных источниках сохраняются упоминания о ряде произведений, принадлежащих

кисти Го Сяна, но почти все они утрачены, поэтому основным источником сведений о его философских взглядах продолжает оставаться «Чжуан-цзы» с комментарием» (Чжуан-цзы чжу). Считается, что именно интерпретация Го Сяна придает тексту «Чжуан-цзы» философскую глубину, позволяющую увидеть в памятнике своего рода манифест философского даосизма, систематическое изложение учения о дао как о некоем мировом энергетическом потоке, единение с которым открывает адепту доступ к мистической реальности, ускользающей от обыденного сознания. Дао предстает в этом случае в виде потока жизни, от которого человек оказался отчужденным из-за присущего ему сознания (интеллекта), выделяющего его в природном мире, так что возвращение к подлинному существованию возможно для него только через вторичное «уравнивание со всеми вещами». Иными словами, индивид должен осознать, что все, что ни происходит в мире, есть результат надлежащих изменений и трансформаций, свойственных дао и, следовательно, находящихся вне каких-либо оценочных суждений человеческого ума. С другой стороны, поскольку объективно человек, как и любая другая вещь, находится в потоке дао, проблема сводится единственно к осознанию этого фундаментального факта и соответствующей смене «ложного» мировидения на «правильное». В ходе подобной трансформации сознания, описываемой традицией «сюань сюэ» как последовательное «забывание» ложных идей, воспринятых вместе с культурой-вэнь (преимущественно письменной, то есть «конфуцианской»), таких, как иерархия вещей, знаний и норм, вообще традиционных ценностей, морали и т. д., индивид восстанавливает утраченное единство с дао как на ментальном, так и на телесном уровне. В итоге он приобретает специфические свойства так называемого настоящего человека (чжэньжэнь), для которого утрачивают актуальность все различия (альтернативы), в том числе — между жизнью и смертью, поскольку такой индивид становится «бессмертным небожителем» (сянь) либо в философски-метафорическом, либо прямо в духовно-практическом смысле. Считается, что именно Го Сян, развивая характерные для «сюань сюэ» идеи, содержащиеся в работах его предшественников Хэ Яня (ок. 192—249) и Ван Би (226—249), придал этим идеям систематический характер, разработав и разлив концепцию «изначальной природы» (син), «судьбы» (мин) и «удела» (фэнь) каждой вещи, включая человека, в общекосмическом процессе. Согласно этой концепции, всякая вещь имеет предрасположенность, содержащуюся в ее врожденном характере как совокупности качеств (син), которая реализуется тем успешнее, чем в большей степени поведение индивида совпадает с его предусмотренным природой «устройством и предназначением» (мор-

фологией), реализуемым в соответствии с оптимальным «принципом» (ли) данной вещи и в итоге образующим ее итоговую «судьбу» (мин). Успешное следование своему «принципу» образует благоприятную судьбу вещи, разного рода отклонения ведут к несчастьям, тем большим, чем больше отклонение. В конечном счете эти несчастья обусловлены неспособностью вещи «видеть» и реализовывать свою «судьбу» в рамках «удела» (фэнь), отведенного для данного типа (класса) вещей самим дао как всеобщим законом-принципом. Го Сян особо подчеркивает пагубность для индивида сознательного или бессознательного конфликта между «изначальной природой» и «судьбой». С другой стороны, искусство их гармонизации ведет к обретению индивидом мистического опыта счастливых «странствий в беспредельном» (сяо яо), то есть безмятежности, следующей за освобождением от всякой пространственно-временной ограниченности, что, по мысли Го Сяна, и должно полагаться конечной целью всякого человеческого опыта.

Гэ Хун

Гэ Хун (283—343/363) известен как один из первых китайских «алхимиков» — систематизаторов духовных практик, целью которых было достижение адептом индивидуального телесного бессмертия. Гэ Хун родился в уезде Цзюйжун (совр. провинция Цзянсу) в семье, многие представители которой занимали важные государственные посты в царстве У, которое в это время оказалось в подчинении династии Западная Цзинь. Вследствие этих событий карьера отца ученого, усюго аристократа Гэ Ти, начала двигаться по нисходящей: он был удален от нового двора, видимо, из-за достаточно критического отношения к власти правящего клана Сыма и в конце концов зажил почти частной жизнью. В молодости Гэ Хун успешно участвовал в боевых действиях против мятежников, но затем служил неохотно и стремился оставить военную карьеру. Прослышав, что на юге, в Цзяочжи добывают киноварь (даньша), необходимую для алхимических занятий, он настоял на своем назначении туда главой уезда (сяньлин) Гоулоу и до конца жизни со своими родственниками и последователями оставался на юге, в Гуанчжоу. Излюбленным местом их опытов стали тамошние горы Лофушань. При жизни Гэ Хуна даосизм переживал подлинное возрождение, превращаясь из тайного учения отшельников-аскетов в модный стиль жизни аристократов с определенными духовными запросами. Основным произведением Гэ Хуна считается «Баопу-цзы», трактат, заглавие которого происходит от прозвища автора, которое может быть переведено как «Объяввший простоту мудрец».

Содержание этого важнейшего алхимического текста сводится к описанию способов регулирования индивидуальных циклов жизненной энергии ци («пневмы») с целью их «включения» в общекосмический цикл, определяемый взаимодействием «пяти стихий» (у син), с помощью различных снадобий, известных под именем «элексира бессмертия» (дань) — своего рода «философского камня» китайских алхимиков. Трактат Гэ Хуна свидетельствует о незаурядной эрудиции автора и его глубоких познаниях в самых различных науках. Уже в шестнадцать лет он освоил классические «Сяо цзин», «Лунь юй», «И цзин» и «Ши цзин», однако его привлекала и философская литература, книги «всех мудрецов» (бай цзя), которые он считал важным дополнением к «канонам» (цзин). Судя по всему, его обращение к даосизму происходило постепенно и в значительной мере под влиянием общей обстановки — непрекращающаяся в стране смута побуждала его искать уединения и вести жизнь отшельника. Поэтому и в своих писаниях он выступил в качестве проповедника поиска «пути-дао» и его «тайны» (сюань), что заложило основу для дальнейших исканий адептов «учения о сокровенном» (сюань сюэ). «Баопу-цзы», послуживший источником идей и рецептов для многих поколений алхимиков, традиционно подразделяется на так называемые внешние (вай пян) и внутренние (нэй пян) главы, первые из которых считаются более ранними, поскольку в них упоминается о вторых. Именно во «внутренних» главах излагаются основные «даосские» идеи Гэ Хуна: здесь провозглашается приоритет даосизма по отношению к конфуцианству (дао бэнь жу мо, буквально «даосская наука — корень, конфуцианская — кончики веток»), важность веры в «астрологическую» судьбу (су мин) и необходимость любви к «сокровенному» (сюань). Это последнее трактуется как высшая реальность, исследование и познание которой возможно при помощи специфических духовных практик, в частности — «хранения единого» (шоу и). Аналогичные способы упоминаются уже у Лао-цзы (Дао дэ цзин, 39), Чжуан-цзы (Чжуан-цзы, 12) и Лю Аня (Хуайвань-цзы, 14), однако Гэ Хун идет по пути дальнейшего развития этой теории, различая «хранение сокровенного единого» (шоу сюань и) и «хранение подлинного единого» (шоу чжэнь и). Совершенствование в «хранении единого и сохранении подлинного» (шоу и цунь чжэнь) в конечном счете приводит адепта к своего рода «подключению» (тун) к миру «нуминозного» (шэнь), то есть приобщает его к знанию божеств-предков, после чего он становится «настоящим человеком», недоступным ни для свирепых зверей на суше, ни для зловредных драконов в воде. Его сторонятся неприкаянные духи, ему не страшно даже направленное на него оружие (Баопу-цзы, 18). Достижению этого состояния также

способствует прием «великого снадобья из золота и киновари» (цзинь-дань да яо), которое, орошая «киноварные поля» (дань тянь) в теле адепта, приближает его к телесному бессмертию. Кроме того, принятие снадобья позволяет адепту созерцать не только свои собственные души «хунь» и «по», но видеть и населяющих мир незримых духов, которыми он может научиться в конечном счете управлять в своих интересах. Наконец, Гэ Хун в главах 4 (Цзинь дань) и 16 (Хуан бай) «Баопу-цзы» приводит рецептуру изготовления алхимического золота (сернистой ртути) из реальгара, описывает процесс получения свинцовых белил (цян бай) и других химических элементов, что, несомненно, представляет собой реальный вклад в развитие научных знаний. Со своей стороны специалисты по китайской медицине считают, что Гэ Хун внес существенный вклад в методы распознавания и лечения инфекционных заболеваний. Наследие Гэ Хуна внимательно изучается историками традиционной науки Китая.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Григорий Александрович Ткаченко родился в Москве 21 октября 1947 г. В 1965 г. он поступил в Институт восточных языков (в настоящее время Институт стран Азии и Африки) при Московском государственном университете, где учился на кафедре китайской филологии. Уже в студенческие годы он начал работу над делом своей жизни — переводом первостепенно важного памятника китайской мысли III в. до н. э. «Люйши чуньцю» («Весны и осени господина Люя»), который ему «передала» проф. Л. Д. Позднеева, одна из основательниц Института, воспитавшая целое поколение отечественных синологов. Чувство самой глубокой признательности к ней Григорий Александрович сохранил навсегда¹. В 1970 г. Григорий Александрович закончил институт, защитив диплом по «Люйши чуньцю». В 1970—1972 гг. он проходил воинскую службу, в 1972—1974 гг. работал в главной редакции Дальнего Востока АПН, в 1974—1976 гг. — в Институте востоковедения АН СССР. В 1976—1984 гг. он преподавал китайский язык в одной из войсковых частей и работал под руководством другого крупного сиолога, Л. Е. Померанцевой, над диссертацией «Весны и осени Люй Бувэя» как литературный памятник», которую в 1982 г. и защитил в МГУ. В 1984 г. Григорий Александрович вернулся в Институт востоковедения, в котором проработал до 1991 г. С 1991 г. он был сотрудником Института философии РАН (сектор восточных философий), а с 1995 г. заведовал кафедрой восточных языков в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). В 1996—1999 гг. Григорий Александрович, не оставляя должности заведующего кафедрой, исполнял в РГГУ также обязанности директора-организатора Института исторической и культурной антропологии. 23 августа 2000 г. Григорий Александрович скоропостижно скончался в расцвете своих творческих и учительских дарований.

¹ Подробнее о ней и ее научной, преподавательской и организаторской деятельности см. обстоятельную публикацию: *Померанцева Л. А. Любовь Дмитриевна Позднеева (1908—1974).* — Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. 1999. № 3. С. 3—32.

Пытаясь обозначить неопределимое — основной вектор духовного облика Григория Александровича, можно выделить прежде всего его особый духовный аристократизм. Этот аристократизм проявлялся в совершенном бескорыстии (не только материальном, но и духовном), презрении к обычным «престижным» благам этого мира и подлинном смирении, при том что Григорий Александрович был человеком не только исключительных дарований, но и глубочайшей эрудиции, отнюдь не ограничивавшейся китайской культурой; в знании же последней его вряд ли, видимо, из здравствующих ныне отечественных синологов кто-либо превзошел.

Хотя Григорий Александрович считал себя преимущественно филологом и текстологом и о философии высказывался нечасто и достаточно «аскетично», ему, однако, принадлежит весьма весомый вклад в изучение истории китайской мысли. Прежде всего — благодаря осуществленному им (впервые на русском языке) переводу «Люйши чуньцзо», над которым он работал почти три десятилетия и который постоянно «совершенствовал», чтобы сделать доступным для русскоязычного читателя восприятие стиля китайского мышления. «Весны и осени Люй Бувэя» традиционно относятся к жанру философской «эклектики» (цза цзя), но на деле речь идет скорее о компендиуме основных мировоззренческих систем, которые циньский сановник стремился согласовать для выработки основы имперской идеологии (считается, что составителями текста, работавшими под началом Люй Бувэя, были представители самих «синтезируемых» школ). Поэтому то, что для местной традиции было «эклектикой», для историка философии есть энциклопедия китайской мысли. Одновременно в этой энциклопедии, как показал сам же Г. А. Ткаченко, предпринята весьма масштабная попытка создания целостной натурфилософской модели мира как системы-космоса в виде единства, подчиняющегося всеобщему закону мировой гармонии («эмпирическая» музыка здесь мыслится лишь как одно, хотя и важнейшее из ее проявлений). Данное, гармонически устроенное единство обозначается как «великое единое» (тай и), которое переводчик рассматривал в качестве метафоры дао как универсального алгоритма мироздания, мыслимого в виде живого организма. Это преимущественное внимание к общекосмическим законам и процессам универсума позволяет каждому, заинтересованному в истории китайской мысли, видеть в «Люйши чуньцзо» первостепенный источник по даосскому мировоззрению, различные направления которого и получили в нем отражение.

Г. А. Ткаченко предстает в настоящем издании и как переводчик «Дао дэ цзина» — памятника, который для каждого, хотя бы что-то слышавшего о духовной культуре Китая, не

нуждается уже ни в какой рекомендации. Хотя переводов этого текста на разные европейские языки (включая русский) более чем достаточно, каждая новая серьезная попытка его перевода-интерпретации (а перевод текста такого рода не может быть иным) может считаться определенной вехой в историко-филологической синологии.

Разработка Григорием Александровичем ключевых терминов китайской мысли представлена в его хорошо известной синологам монографии (ставшей в настоящее время уже библиографической редкостью), посвященной мировоззренческим моделям китайской культуры, отраженным в «Веснах и осенях Люй Буэя», — «Космос, музыка, ритуал. Миф и эстетика в «Люйши Чуньцю» (М.: Восточная литература, 1990). Новаторские прочтения системообразующих, каркасных понятий китайского мировоззрения (достаточно обратить внимание хотя бы на трактовку дао как «искусства») и стремление представить «великое единое» в китайской культуре в виде «синергии» космологии, эстетических представлений и социальной дидактики не могут остаться без внимания любого заинтересованного в изучении китайской мысли читателя. Будучи убежденным противником модернизации китайской мысли и отрицая поэтому наличие в древнем Китае эстетической теории в новоевропейском смысле, Григорий Александрович рассматривал китайское эстетическое в контексте представлений о прекрасном и гармонии в символическом поведении и ритуале. Именно в этом ключе им были исследованы такие основополагающие категории китайской мысли, как ли (ритуал), шань (благо), мэй (красота) и само понятие «вэнь» (культура). Реальным вкладом в изучение китайской мысли следует считать и те энциклопедические статьи, которые были включены в его книгу «Китайская культура. Словарь-справочник» (М.: Муравей и др., 1999), за границы жанра «словаря-справочника» по своей идентичности вполне выходящую, среди коих по своей значимости выделяется статья «Натурфилософия», а также помимо статей, посвященных основным персоналиям и мировоззренческим текстам, эту «Даосская философия».

Из-под пера Григория Александровича вышли и малоизвестные читателю, но весьма содержательные историко-философские миниатюры. Одна из них посвящена исследованию происхождения ярко вспыхнувшей, но рано задутой ветром истории школы древнекитайских апоретиков, или китайской софистики мин цзя («школа имен»), которая большинством синологов рассматривалась в рамках конфуцианства. Григорий Александрович убедительно доказал, основываясь на текстологических критериях (сведения о китайских «номиналистах» в «Чжуанцзы» и «Люйши чуньцю»), а также на схождениях в самом парадок-

салистском стиле мышления, что древнекитайские апоретики вышли из даосской традиции. Он указал также на то, что в соответствующих текстах «им приписана вполне определенная функция — служить постоянными оппонентами даосов в спорах, оттачивающих полемическое мастерство сторон»¹.

Сказанное означает, что, как и в Греции или Индии (следовательно, во всех трех автохтонных традициях философии), в Китае начальные этапы теоретизации мировоззренческих проблем были связаны с появлением на авансцене интеллектуальной жизни профессиональных диалектиков, которые, «раздражив» дискурсивную мысль своими доказательствами любого тезиса и контртезиса (лучший пример — «Двойкие речи», учебник эристики, принадлежавший скорее всего знаменитому софисту Горгию Леонтинскому), закладывали возможности для авторефлексии соответствующей культуры.

Современная гуманитарная культура нуждается именно в такой, чрезвычайно тщательной, неспешной на обобщения, филологически выверенной работе над источниками по истории мысли, которая демонстрируется в немногочисленных, но превосходно выполненных исследованиях Г. А. Ткаченко, безупречный стиль которых наглядно контрастирует с весьма распространенным в настоящее время «научообразием», призванным, как правило, компенсировать отсутствие точности в знании и ясности в мысли.

* * *

Одной из главных тем для Григория Александровича в 90-е годы была тема своеобразия культуры, а основной исследовательский вопрос, занимавший его, можно, наверное, сформулировать так: как «схватить» это своеобразие, как увидеть то *основное*, что является стержнем и нервом культуры, то, благодаря чему она выстраивается как некое особое образование, в котором отдельные составляющие согласованы между собой и не могут быть случайными. Именно в этом смысле Шпенглер говорил о неслучайности и согласованности различных и генетически не связанных между собой элементов культуры — например, форм денежного оборота и форм искусства — которые обычное научное мышление, обремененное привычкой к «оправданному», «рациональному» и «научно-обоснованному» классификациям, не стало бы сопоставлять.

¹ Ткаченко Г. А. Даосизм и школа имен в традиции древнекитайской мысли. — Методологические и мировоззренческие проблемы истории философии стран Востока. Ч. I. М., 1996. С. 12.

Григорий Александрович был одним из тех, кому свойственно заражать своими идеями других. Вокруг него собралась целая группа востоковедов, представлявших самые разные «научные специальности»: здесь были филологи, литературоведы, религиоведы, искусствоведы, историки философии и философы культуры. Не менее разнообразен был и спектр востоковедческих направлений: японистика, синология, индология, иранистика, арабистика, африканистика. С этой группой востоковедов Григорий Александрович создал семинар, который объединял его участников на постоянной основе и действовал сначала в Институте востоковедения РАН, а затем при Институте восточных культур РГГУ и который Григорий Александрович предложил назвать «Построение языка описания культуры». Предложение это было всеми принято¹. Профессиональная разнородность коллектива во многом способствовала поиску ответа на вопрос: каким образом возможно *адекватное* постижение иной культурной традиции, выражающей себя в вербальной или невербальной форме (в форме искусства, например)? «Адекватность», разумеется, не понималась при этом как «абсолютная точность» описания и отражения феноменов изучаемой культуры в научных трудах. Адекватное восприятие чужой, «не родной» для исследователя культуры означало для Григория Александровича выявление в ней того, что для нее крайне существенно и неотъемлемо от любых ее проявлений, хотя, может быть, и плохо «заметно» с точки зрения иной культуры, и неучет чего порождает устойчивые — и даже закономерные — ошибки в описании этой культуры. В связи с этим он ставил вопрос о выработке такой исследовательской стратегии, которая помогла бы если не «схватить» фундаментальное и важное основание культуры, то хотя бы приблизиться к пониманию того, *где* оно располагается и *как* можно подойти к разговору о нем. Для участников семинара убеждение в том, что такое основание присутствует в любой из так называемых «восточных» культур, отнюдь не было априорным, но вытекало из опыта их многолетней профессиональной деятельности, которая в первую очередь состояла в переводе и комментировании памятников классической «восточной» мысли и была нацелена на то, чтобы сделать понятным русскоязычному читателю воплощенное в тексте мышление, для которого подчас логично и естественно то, что нам таковым не представляется.

Григорий Александрович любил в разговорах добавлять к названию семинара формулу, столь знакомую всем, кто по-

¹ В дальнейшем семинар, также с общего согласия, стал называться «Культура как способ смыслополагания», что отразило определенный этап наших размышлений; так он именуется и по сей день.

мнит швейные ателье советских времен: «...из материала заказчика». Так в шутливой манере Григорий Александрович выражал едва ли не суть своей концепции: он был убежденным антиуниверсалистом. Культура может быть адекватно описана (в том понимании адекватности, которое разъяснено чуть выше) только на языке, который выстроен из «материала», предоставляемого ею самой,— лишь подобный язык способен учесть фундаментальные черты изучаемой культуры, которые определяют то «особенное» в ней, что не схватывается прямо и непосредственно привычными нам способами рационализации изучаемого материала.

Разумеется, этот антиуниверсализм вовсе не принимал форму простого отрицания языка «западной» культуры, науки и философии,—языка, которым сформировано и в пределах которого выстраивается *наше* научное мышление. Конечно же Григорий Александрович не хуже своих критиков понимал, что мы «обречены» говорить именно на этом языке,—и, кстати сказать, великолепно этим языком владел. Но там, где другие видели завершение и конец рассуждения, результат, он усматривал только *начало*, там, как он считал, и заключена подлинная проблема. Проблема в философском смысле этого слова: затруднение, производящее впечатление парадокса, но непременно и настоятельно требующее своего решения. Решение это не могло быть простым, более того, оно не могло быть найдено там, куда вели *уже проторенные* в науке и философии пути. Эта проблема конечно же находилась и находится на «переднем крае» научного мышления, в области, обещающей напряженные поиски и, вероятно, удачные находки. В том, что такая проблема была поставлена,—безусловная заслуга Григория Александровича.

Как научиться говорить о культуре на *ее* языке—при том что, если мы хотим быть понятыми в своей культуре, а также в силу нашего научного воспитания, мы не можем говорить ни на каком другом языке, кроме *нашего* («западного»)?—так кратко выражается суть парадокса. Антиуниверсализм Григория Александровича заключался прежде всего в том, что он принимал его всерьез как *проблему*. Пожалуй, магистральным направлением ее разрешения было для него то, которое сам он называл «созданием *тезауруса культуры*». Согласно этому подходу, культура представляет собой системное целое; адекватное описание этого целого достижимо благодаря максимально возможному использованию собственного «материала культуры». «Тезаурус культуры» в понимании Григория Александровича—это самообъясняющий и самодостаточный список ее основных категорий: внутренние перекрестные смысловые связи между этими категориями и образуют объяснение каждой из них.

Конечно же шагом к осуществлению этой цели была последняя крупная прижизненная публикация Григория Александровича — «Китайская культура: Словарь-справочник». С скромный подзаголовок не должен вводить в заблуждение: речь идет о попытке решить серьезную научную задачу. Построение тезауруса культуры, как его понимал Григорий Александрович, должно дать возможность увидеть ту *внутреннюю логику*, по которой культура выстраивает и воспроизводит саму себя, с удивительным постоянством повторяя существенные моменты этого процесса. Эта внутренняя логика изучаемой культуры не обязательно совпадает с той, что привычна нам и впитана «из воздуха» собственной культуры: одним из образных выражений, схватывающих такие различия, служило для Григория Александровича словосочетание «слепое пятно культуры». Культура может с завидной настойчивостью как будто «отворачиваться» от каких-то сфер деятельности, «не видеть» того, что как будто очевидно и тривиально — во всяком случае очевидно и тривиально для другой (например, для «нашей») культуры. Что такие различия не являются случайностью, что они вызваны не отсутствием успешных попыток развить соответствующие области, а проистекают из действия системных причин и объясняются только всей совокупностью внутренних связей изучаемой культуры, — этот тезис также должен находить свое подтверждение в таком «тезаурусе культуры».

В этом направлении Григорий Александрович работал последнее десятилетие XX в., ставшее и последним десятилетием его жизни. Его идеи вдохновляли и его коллег, не всегда соглашавшихся с ним или оппонировавших ему, но во всяком случае признававших важность его научного поиска. Влияние Григория Александровича было очень существенным и очень плодотворным. Не могу сказать, что мы, работавшие с ним коллеги, *решили* поставленные вместе с ним проблемы: конечно же до этого еще далеко. Но что мы *продвинулись* на пути, ведущем, как мы считаем, к их решению, можно, наверное, утверждать с достаточным основанием.

Григорий Александрович часто говорил: мы не в силах целенаправленно изменить культуру, потому что культура — это не материал, принимающий в руках ремесленника придаваемую ему форму. Культура «воспринимает» то, что мы хотим дать ей, «отбирает» из этого то, что «способна усвоить», и «перерабатывает» в приемлемую для себя форму в соответствии с собственными «установками», со своей «диспозицией». Мы еще слишком мало знаем о культуре, о том, как она устроена и как функционирует, для того, чтобы метафоры, употребленные в последней фразе, заменить рационально выверенными понятиями. Поэтому все, что мы можем сделать, — это «вбро-

силь» в культуру то, что считаем правильным, необходимым и полезным, и ждать, надеясь, что это будет усвоено. Научное и интеллектуальное наследие Григория Александровича Ткаченко — не что иное, как подобный «вброс» в нашу культуру. Будем надеяться, что мы окажемся способны это наследие усвоить.

В. К. Шохин, А. В. Смирнов

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

По замыслу составителей настоящего издания, оно должно быть интересно читателю не только потому, что в нем дается первый перевод на русский язык одного из наиболее значительных памятников древнекитайской мысли, но и потому, что оно знакомит с творчеством автора перевода, Григория Александровича Ткаченко — ученого, бесспорно существенно обогатившего отечественную историко-философскую синологию. Этот замысел и определил состав данного тома «Философского наследия»: принадлежащий Григорию Александровичу перевод «Люйши чуньцзо» предваряет вступительная статья, в основу которой лег текст его кандидатской диссертации, за переводом памятника следуют составленные им же примечания и словарь терминов и, наконец, — Приложение, которое включает в себя перевод Г. А. Ткаченко трактата Лао-цзы «Дао дэ цзин» и его статьи, посвященные даосизму — философии, вдохновлявшей авторов «Люйши чуньцзо». Перевод «Люйши чуньцзо» публикуется по рукописи. К сожалению, Григорий Александрович не успел лично подготовить его к изданию, однако составители не сочли себя вправе вмешиваться в текст и сохранили его в том виде, в каком его оставил автор.

Составители выражают признательность сотрудникам Института философии и всем, кто помог выходу в свет данного издания.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. А. ТКАЧЕНКО. «ВЕСНЫ И ОСЕНИ ЛЮЙ БУВЭЯ» КАК ПАМЯТНИК ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ	5
I. «ЛЮЙШИ ЧУНЬЦЮ» И ЕГО АВТОРЫ	5
II. СТРУКТУРА ПАМЯТНИКА	10
III. СИСТЕМА МИРА	18
IV. СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ	31
Единое и двойственное	31
Мудрость и невежество	36
Порядок и смута	42
Прекрасное и безобразное	53
ЛЮЙШИ ЧУНЬЦЮ / ВЕСНЫ И ОСЕНИ ГОСПОДИНА ЛЮЯ. Пер. Г. А. Ткаченко	69
КНИГА ПЕРВАЯ	71
Глава первая. Первая луна весны / Мэичунь-цзи	71
Глава вторая. О жизни / Бэнь шэн	72
Глава третья. О человеке / Чжун цзи	74
Глава четвертая. О справедливости / Гуй гуи	76
Глава пятая. О пристрастиях / Цюй сы	77
КНИГА ВТОРАЯ	79
Глава первая. Вторая луна весны / Чжунчунь-цзи	79
Глава вторая. О жизнелюбии / Гуи шэн	80
Глава третья. О стремлениях и желаниях / Цин юй	82
Глава четвертая. О верных влияниях / Дан жань	84
Глава пятая. О свершениях и славе / Гун мин	86
КНИГА ТРЕТЬЯ	88
Глава первая. Третья луна весны / Цзичунь-цзи	88
Глава вторая. О полном долголетии / Цзинь шу	89
Глава третья. Прежде сам / Сянь цзи	91
Глава четвертая. О людях / Лунь жэнь	93
Глава пятая. О круглом дао / Юань дао	95
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	98
Глава первая. Первая луна лета / Мэися-цзи	98

Глава вторая. Об ученье / Цюань сюэ	99
Глава третья. О почтении / Цзунь ши	101
Глава четвертая. Укоры ученикам / У ту	104
Глава пятая. О множестве / Юн чжун	106
КНИГА ПЯТАЯ	107
Глава первая. Вторая луна лета / Чжунся-цзи	107
Глава вторая. Великая музыка / Да юэ	109
Глава третья. О пьянящей музыке / Чи юэ	110
Глава четвертая. Об упорядоченных звуках / Ши нинь	112
Глава пятая. Музыка древних / Гу юэ	114
КНИГА ШЕСТАЯ	117
Глава первая. Третья луна лета / Цзися-цзи	117
Глава вторая. О звукоряде / Инь люй	119
Глава третья. О началах музыки / Инь чу	120
Глава четвертая. Основа музыки / Чжи юэ	122
Глава пятая. О миропорядке / Мин ли	124
КНИГА СЕДЬМАЯ	126
Глава первая. Первая луна осени / Мэньцю-цзи	126
Глава вторая. О войске / Дав бинь	128
Глава третья. О мятеже / Чжэнь луань	130
Глава четвертая. О прекращении бед / Цзинь сэ	131
Глава пятая. О милосердии / Хуай чунь	133
КНИГА ВОСЬМАЯ	135
Глава первая. Вторая луна осени / Чжунцю-цзи	135
Глава вторая. О боязни / Луань вэй	137
Глава третья. О выборе / Цзянь сюань	139
Глава четвертая. О победе / Цзюэ шэнь	141
Глава пятая. О служивых / Ай ши	142
КНИГА ДЕВЯТАЯ	144
Глава первая. Третья луна осени / Цзинцю-цзи	144
Глава вторая. О народе / Шунь минь	146
Глава третья. Знать служивых / Чжи ши	148
Глава четвертая. Познай себя / Шэнь цзи	149
Глава пятая. О понимании / Цзин тун	151
КНИГА ДЕСЯТАЯ	153
Глава первая. Первая луна зимы / Мэйдун-цзи	153
Глава вторая. Скромное погребение / Цзе сань	155
Глава третья. Упокоение усопших / Ань сы	157
Глава четвертая. Сокровище / И бао	159
Глава пятая. О разном употреблении / И юн	161
КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ	162
Глава первая. Вторая луна зимы / Чжундун-цзи	162

Глава вторая. О высшей верности / Чжи чжун	164
Глава третья. О неподкупности / Чжун ляннь	166
Глава четвертая. О должном / Дав у	168
Глава пятая. О прозорливости / Чан цзянь.....	169
КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ	171
Глава первая. Третья луна зимы / Цзидун-цзи	171
Глава вторая. О долге / Ши цзе	173
Глава третья. О решимости / Цзе ли	174
Глава четвертая. О честности / Чэн ляннь	176
Глава пятая. О самостоятельности / Бу цинь	177
Послесловие.....	179
КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ	181
Глава первая. Начало / Юши-лянь	181
Глава вторая. Что сродни / Ии тун	183
Глава третья. Отринуть сомнения / Цюй ю	185
Глава четвертая. Слушать речи / Тин янь	187
Глава пятая. Слушать внимательно / Цзинь тин	189
Глава шестая. Внимание корню / У бэнь	191
Глава седьмая. Речь о великом / Юй да.....	192
КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	194
Глава первая. Сыновняя почитательность / Сюо син	194
Глава вторая. Самое вкусное / Бэнь вэй	197
Глава третья. О времени / Шоу пи	200
Глава четвертая. Красота необходимого / И шан	203
Глава пятая. Дальний поход / Чан гун	205
Глава шестая. Остерегаться людей / Шэнь жэнь	208
Глава седьмая. Встречи / Юй хэ	211
Глава восьмая. Обязательно самому / Би цзи.....	214
КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ	217
Глава первая. Опасение большого / Шэнь да	217
Глава вторая. Власть и заслуги / Цюань сюнь	221
Глава третья. Отстранение добродетельных / Ся сянь	224
Глава четвертая. Вознаграждение / Бао гун	227
Глава пятая. Слушание речей / Шунь шо	230
Глава шестая. Не стоит распространяться / Бу гуан	232
Глава седьмая. Ценить момент / Гуй янь	235
Глава восьмая. Изучая современность / Ча цзинь.....	237
КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ	240
Глава первая. Предвидение / Синь ши-лянь	240
Глава вторая. Наблюдения над современностью / Гуань ши	243
Глава третья. Понимать в искусстве восприятия / Чжи цзе	246
Глава четвертая. Сожалелся об ошибках / Хуй го	249
Глава пятая. Радуюсь успеху / Лэ чэн	252
Глава шестая. Изучение тончайшего / Ча вэй	255
Глава седьмая. Отринуть ослепление / Цю ю	258
Глава восьмая. Исправление имел / Чжэнь мян.....	260

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ	262
Глава первая. Распознавать удел / Шэнь фэнь	262
Глава вторая. Чему уделять внимание / Цзюнь шоу	266
Глава третья. Использование многих / Жэнь шу	269
Глава четвертая. Не кланяться / У цзю	272
Глава пятая. Знание меры / Чжи ду	275
Глава шестая. Внимание к существованию / Шэнь ши	278
Глава седьмая. Против двойственности / Бу эр	282
Глава восьмая. Держаться единого / Чжи и	283
КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	286
Глава первая. Распознавание откликов / Шэнь ин	286
Глава вторая. Внимание к речам / Чжун янь	289
Глава третья. Тончайшая речь / Цзин юй	291
Глава четвертая. Отойти от буквальности / Ли вэй	294
Глава пятая. Распутные речи / Инь цы	297
Глава шестая. Не поддаваться / Бу цюй	299
Глава седьмая. Речи в ответ / Ин янь	302
Глава восьмая. Все в готовности / Цзюй бэй	306
КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	308
Глава первая. Удалиться от пошлого / Ли су	308
Глава вторая. Возвышение должного / Гао и	311
Глава третья. Высшая доблесть / Шан дэ	314
Глава четвертая. Употребление народа / Юн минь	318
Глава пятая. Соответствие положению / Ши вэй	321
Глава шестая. О желаниях / Вэй юй	323
Глава седьмая. Ценить доверие / Гуй синь	326
Глава восьмая. Браться за трудное / Цзюй нань	329
КНИГА ДВАДЦАТАЯ	332
Глава первая. Заслуги правителя / Ши цзюнь	332
Глава вторая. Долгосрочные выгоды / Чан ли	336
Глава третья. Знание различий / Чжи фэнь	338
Глава четвертая. Распределение по классам / Чжао лэй	341
Глава пятая. Достижение идеала / Да юй	344
Глава шестая. Слова и дела / Син лунь	347
Глава седьмая. Гордый вид / Цзяо цзы	350
Глава восьмая. Судить по наружности / Гуань бяо	353
КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	356
Глава первая. Начало весны / Кай чунь	356
Глава вторая. Исследование мудрости / Ча сянь	359
Глава третья. Надеяться на разум / Ци сянь	360
Глава четвертая. Понимание деяний / Шэнь вэй	361
Глава пятая. Любовь к сродному / Ай лэй	363
Глава шестая. Ценить быстроту / Гуй цу	365

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	367
Глава первая. Осторожность в действиях / Шэнь син	367
Глава вторая. Отсутствие чувства долга / У и	369
Глава третья. Как бы сомневаясь / И сы	371
Глава четвертая. Единство действий / И син	373
Глава пятая. Искать людей / Цю жэнь	375
Глава шестая. Исследовать биографию / Ча чжуань	377
КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	379
Глава первая. Ценить прямоту / Гуй чжи	379
Глава вторая. Честное увещевание / Чжи цзянь	382
Глава третья. Знание изменений / Чжи хуа	383
Глава четвертая. Сверх природного закона / Го ли	385
Глава пятая. Препятствовать и сдерживать / Юн сэ	387
Глава шестая. Истоки смуты / Юань луань	389
КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	391
Глава первая. Не только / Бу гоу	391
Глава вторая. Хвалить способных / Цзянь нэн	393
Глава третья. Знание самого себя / Цзы чжи	395
Глава четвертая. Стремиться к должному / Дан шан	397
Глава пятая. Сильная воля / Бо чжи	399
Глава шестая. Ценить должное / Гуй дан	401
КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	403
Глава первая. Как бы следуя / Сы шунь	403
Глава вторая. Различение разрядов / Бе лэй	405
Глава третья. Имея меру / Ю ду	407
Глава четвертая. Распределение должностей / Фэнь чжи	409
Глава пятая. Устройство прямоугольного / Чу фан	412
Глава шестая. Внимание к малому / Шэнь сяо	414
КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	415
Глава первая. Внешность мужа / Жун ши	415
Глава вторая. Служить большому / У да	418
Глава третья. Важность земледелия / Шан нун	420
Глава четвертая. Использование земли / Жэнь ди	422
Глава пятая. Споры о почве / Бянь ту	424
Глава шестая. Рассуждение о времени / Шэнь ши	426
ПРИМЕЧАНИЯ. СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	429
Примечания	431
Словарь основных понятий древнекитайской философии, встречающихся в тексте «Ляоши чуныцю»	441
Указатель имен	453

ПРИЛОЖЕНИЕ	457
ЛАО-ЦЗЫ. Дао дэ цзин /Трактат о Пути и Доблести. Пер.	
Г. А. Ткаченко	459
Г. А. ТКАЧЕНКО. Статьи по философии и истории даосизма	480
Послесловие. В. К. Шохин, А. В. Смирнов	512
От составителей	520

интернет-магазин
OZON.ru

24684416